

АРКАДИЙ
ГЕНДЕР

ДОТЯНУТЬСЯ
ДО МОРЯ

ДЕТЕКТИВ О ЛЮБВИ

Главной в жизни целью Арсения всегда было обретение полной материальной независимости. И вот теперь, когда он, наконец, близок к ней, как никогда, на него сыплются неожиданные и очень крупные неприятности. Чтобы выволить соратника и сохранить хоть что-то, нужно отдать главное — таковы условия тех, кто в нашем сегодняшнем мире диктует условия. Но как защититься от обвинения в убийстве мужа своей давней любовницы, своего когда-то друга и партнера, а потом — главного недоброжелателя? Единственный выход — бежать. И на чужбине единственным, кто окажется рядом, становится некто совершенно неожиданный. Но ход событий стремителен и непредсказуем, и главной целью жизни становится спасение этого человека.

Глава 1. Дочки-матери

Если кто не знает: на именуемых айфонами маленьких умных творениях Стива Джоббса, покойного кудесника из Купертино, штат Калифорния, переключение звонка на вибрацию происходит очень легко — вверху слева есть маленький движок. В одну сторону — и аппаратик, чтобы гарантированно быть услышанным, надрывается во всю дурь; в другую — негромко жужжит, чтобы истошный вопль звонка не подбрасывал спящего среди ночи или на важном совещании. По привычке перед тем, как вчера (то есть, собственно, уже сегодня) отойти ко сну, я совершенно автоматически перевел телефон в бесшумный режим, да еще положил не рядом с ухом на прикроватную тумбочку, а засунул в тапок, откуда его вибрацию и в бодрствующем состоянии не услышать. В общем, сделал все, чтобы оградить себя от весьма вероятных в рабочий день ранних звонков и выспаться. И только по межшторному солнечному лучу, горячо упершемся в веко, заторможенный, как после наркоза, мозг определил, что время — давно за полночь и послал мне неспешную депешу, что тропический рай — в прошлом, а в настоящем — утро понедельника с, как правило, присущим этому дню вороху самых разнообразных проблем. Ну, да, выспался я славно, но проспал, что называется, конкретно. Я срочно привел себя в вертикальное положение и потянулся за телефоном, точно зная, что такого, чтобы я никому не понадобился с утра, быть не может в принципе. Но двенадцать непринятых вызовов! Звонки были в основном с офисных номеров, но последние два — от Марины, у которой, если только ничего не случилось, поводов звонить мне, вроде, не было. Да и такое настойчивое названивание из конторы было совершенно ненормальным, если только повод не был экстраординарным. Надпочечники мигом выдали в кровь порцию адреналина, и остатки сна выдуло, как табак из плохо набитой папиросы.

Я секунду раздумывал, но сначала набрал все-таки Марине. Она ответила на первом же гудке.

— Тебя с работы обыскались, — шепотом объяснила мне жена. — Я с клиентом, не могу говорить. Ты куда пропал? Спишь, что ли?

— Ну, да, — с некоторым облегчением от того, что ажиотаж вызван не проблемами с кем-то из домашних, ответил я. — Больше ничего? С Кирюхой все рядке?

— Да, да, все нормально! — явно прикрывая трубку рукой, ответила Марина. — Давай, разбирайся с делами! Позвони потом. Все, целую!

— Целую, — машинально ответил я, уже набирая номер офиса.

До конторы иногда было непросто дозвониться, что было предметом моих раздраженных замечаний любящей «повисеть на трубке» секретарше Лене (которую все звали Леночкой, а я про себя — по сочетанию уменьшительно-ласкательного имени и фамилии Фенькова — Фенечкой). Но сейчас она, как и Марина, сорвала трубку на первом гудке.

— Арсений Андрейч, ну куда же вы запропастились? — почему-то тоже шепотом зачастила в трубку Фенечка. — Тут у нас такое творится, такое происходит!

В ее интонациях настолько явственно звучало мироновское «Шеф, все пропало, гипс снимают, клиент уезжает!», что будь мне сейчас не настолько не до смеха, я рассмеялся бы.

— Лен, Лен, Лен, стойте! — перебил ее я. — Что случилось? Что происходит? Давайте по порядку!

Я старался говорить спокойно и рассудительно, но на самом деле меня поколачивало. В офисе явно происходило что-то нерядовое.

— Да, да, по порядку, — в попытке собраться с мыслями выдохнула в трубку Фенечка и снова зачастила: — Сначала позвонил с Министерства Дима Крайнов — ну, наш водитель, который Борис Самойлыча возит. Он сказал, что только что видел, как его, то есть, Питкеса, в наручниках двое вывели из Министерства, посадили в черную Волгу с «ментовскими» номерами и увезли. Арестовали, короче, нашего Самойлыча!

У меня упало сердце. Как арестовали?! Кто арестовал? За что?! Почему на Министерстве? Какого черта Питкес там делал? Ну, да, в одиннадцать-тридцать там торги, то есть, оглашения результатов конкурса, но на это мероприятие должен был ехать офис-менеджер Павел Морозов, Самойлычу там делать было совершенно нечего. Так, нужно звонить Морозову, но сначала — закончить с Фенечкой.

— Крайнов больше ничего не говорил? — мрачно спросил я секретаршу.

— Вроде, не-ет, — заблеяла Фенечка. — Вроде, больше ничего. Сказал только, что посидит еще, посмотрит, может, еще чего интересное увидит.

В ее голосе послышались слезы. Черт, бабы...

— Ладно, ладно, Лена, давайте без этого! — твердо, но в тоже время ободряюще заговорил я. — Борис Самойловича арестовали, с этим непонятно, но ясно. Это все? Вы говорили, что «у нас здесь такое...» Что-то еще?

— Еще? — переспросила Фенечка. — Конечно, еще! Не прошло и полчаса, как позвонили в дверь, сказали: «Заказное письмо директору». Ну, я и впустила их, ду-у-ра...

Синхронно приступу самокритики Фенечка зарыдала в голос. Отвернувшись от динамика, я смачно выругался.

— Лена, Лена, не время плакать! — попытался загипнотизировать ее я, но в трубке были сплошные сопли, и тогда я заорал: — Ле-е-на!!!

Еще с армии мне точно известно — чем громче команда, тем быстрее она доходит до подчиненного — сработало и на этот раз.

— Да, да, да, Арсений Андрейч, — захлюпала Фенечка. — Я здесь, здесь, я в порядке.

— Вы закончили на том, что вы дура, — вернул девушку в колею я, испытав неожиданное удовлетворение, что наконец-то, хоть и при столь специфических обстоятельствах, высказал секретарше то, что давно хотел. — Потому, что вы кого-то впустили. Кого?

Мало-помалу мне все-таки удалось добиться от всхлипывающей и то и дело сбивающейся Фенечки, что в офис вошли трое в штатском и один в форме и с автоматом. Автоматчик встал у входа, а штатский (который постарше, сразу видно, что начальник) ткнул в нос онемевшей Фенечке какое-то удостоверение и сказал, что в офисе будут проводиться следственные действия, и поэтому помещение никому покидать нельзя. Потом попросил Леночку открыть мой кабинет, походил, посмотрел, вышел. Заглянул в кабинет Питкеса, но даже не зажег свет. Спросил: «Когда будет ваш генеральный?» Фенечка ответила, что не знает, тогда он сказали, что лучше бы ей побыстрее узнать, потому что иначе у нас будут большие проблемы.

— У кого — у нас? — перебил Фенечку я.

— У-в-во-от тоже самое я их спросила, представляете! — обрадовалась она, видимо, первый раз за время работы почувствовав себя ничуть не глупее руководства.

— И что они ответили? — раздраженно поторопил я на глазах растущую над собой

секретаршу.

— Они сказали: «У вас у всех!» — снова перешла на шепот давно вещающая в нормальном тоне Фенечка.

— Понятно, — резюмировал я. — Можно было догадаться.

— Еще не все, не все! — загалдела в трубке Фенечка. — Еще старший спросил, что ж так, что на месте нет никого из руководства, мол, если генерального нет, то главный инженер как минимум должен быть. Вот где, мол, ваш главный инженер, мы бы с ним пока поговорили в отсутствие начальника. Тут я им говорю так, с намеком: мол, вам должно быть лучше известно, где наш главный инженер. А он дурака ломать — с какой, мол, стати, мне знать, где он. Тут я его по носу: ну, как же, разве ж не вы его сегодня арестовали, а теперь и к нам заявились?

Я закрыл глаза. Боже, какая дура! Черт тебе петельку на языке приделал, чтоб крючком тянуть! Образуется все — уволю, к чертям собачьим, и того, кто ее порекомендовал, тоже.

— А он что? — спросил я, с трудом сдерживаясь.

— А он говорит, что это не он, мол, Борис Самойлыча арестовывал, а другие товарищи, — радостно отрапортовала Фенечка. — Ну, как, ценную я информацию собрала?

— Оч-чень, — процедил сквозь зубы я.

Фенечке вообще была свойственна манера несколько избыточного изложения, а тут, видимо, на отходняке, слова из нее полились обильной Ниагарой.

— Я вам звонила, не дозвонилась, Самойлыча арестовали, ему что толку звонить? Кулаков наш (это мой зам по общим, в том числе разным щекотливым вопросам) в отпуске, в Тайланде. Тогда позвонила вашей жене, ведь вы разрешили звонить вашей жене, если что? А сейчас они пьют чай, сожрали все печенье, — что их там, не кормят, что ли? И каждые десять минут спрашивают, не дозвонилась ли я до вас. Что мне им сказать? Что я дозвонилась? Или не надо? Они меня не слышат, я с трубкой в туалет ушла. А автоматчика, между прочим, пить чай они не берут, — странно, правда?

Я оборвал ее излишние, сказав, что штатские, вероятно, все офицеры, а автоматчик — младший состав, и чай вместе им не положено по уставу, предложил Фенечке напоить автоматчика чаем отдельно, выяснил, кто из сотрудников компании оказался заблокирован в офисе, велел про разговор со мной оккупантам пока ничего не говорить, пообещал скоро перезвонить и «повесил трубку».

После разговора в голове гудело, как после попойки. Информация была непонятной, и поэтому вызывала инстинктивный страх. Вернее, то что происходило в офисе, хоть и нельзя было назвать делом совсем уж повседневным, но, скорее всего, было обыкновенным «маскишоу» — налетом правоохранительных органов, к которым российскому (тем более, московскому) бизнесмену не привыкать. В девяностые налетали бандюки, по результатам налета становившиеся «крышей»; потом наведывались другие бандюки, узнавали, что «крыша» уже есть и отваливали; потом приходили совсем третьи, видевшие себя заменой старой «крыше», и тогда были «разборки» и «стрелки», иногда со стрельбой. На рубеже двухтысячных стали приходиться менты, с разной степенью вежливости объясняли бандюкам, кто теперь «в хате батька», вежливо намекали бизнесменам, что «их кровельные материалы» надежнее и дешевле, и становились новой крышей. Но наивно было думать, что эта «крыша» защищала от любых сюрпризов погоды. Если, не дай Бог, вы или ваш бизнес становился предметом интереса какой-нибудь более высокой инстанции, чем та, которая вас «крышевала», то «ваши», взяв по под козырек, немедля отваливали, а вы (если, конечно,

оставались на свободе и при делах) переходили под сень структуры, которая совсем недавно вас «разрабатывала». И так — с рук на руки, как шляха на «субботнике». В начала нового века, с воцарением в Кремле бывшего функционера КГБ и с последовавшим резким усилением позиций «Конторы», стала особо цениться «крыша» фээсбэшная. Она была хороша тем, что клала «с прибором» на всех ментов вне зависимости от их калибра, и в теории могла прикрыть от любых наездов. Нам с моим компаньоном Сашей Качугиным такого «зонтика» не досталось, но с конца девяностых нас (а после нашего с Сашей «развода» — меня одного) взялся прикрывать «от непогоды» один в высшей степени небезынтересный мент (то есть, сотрудник органов) с мужественной и звучной фамилии Бранк. Звали его Витей, хотя, конечно, так я его звал только с глазу на глаз, потому что, будучи во времена нашего знакомства капитаном, за пятнадцать лет Виктор Николаевич Бранк дорос до полковника и уже несколько лет обретался в небезызвестном здании МВД на Житной. Должность свою он не рекламировал, характеризуя ее не без иронии «не настолько высоко сижу, насколько далеко видно». Однако должность эта позволяла Бранку большинство специфичных задач, время от времени подбрасываемых перипетиями моего бизнеса, решать быстро и эффективно. За много лет у меня с ним сложились даже не приятельские, а скорее, дружеские отношения; мне он был в высшей степени симпатичен, как, думаю, и я ему. Кстати, поэтому или нет, но Витя за все эти годы ни разу не попросил об увеличении весьма скромной по меркам оказываемых им время от времени услуг, что только углубляло мою к нему приязнь.

Так что насчет «маски-шоу» в офисе, хотя это было неприятно и ничего хорошего не предвещало, я не очень-то беспокоился, будучи уверен, что масштаб угрозы мне (вернее, Вите Бранку) вполне по зубам. Например, в позапрошлом, богатом на подобные театрализованные представления году, «маски-шоу» появлялись у нас в офисе трижды, причем все три раза — из разных служб МВД и безо всякой связи друг с другом! Два наезда из трех были, по выражению Бранка, «игрушечными» — на «ликвидацию последствий» каждого из них Вите понадобилось по одному телефонному звонку. Третье шоу было срежессировано гораздо лучше: в процессе обыска в офисе «нашли» подброшенные самими производившими обыск печати десятка фирм, проходивших по уголовным делам по «отмыванию» денег. В тот раз представление «бродячих артистов» застало меня в офисе, я вместе со всеми три часа ждал, пока идет обыск, потом меня пригласили в кабинет бухгалтерши и с торжествующим видом показали печати, якобы найденные в одном из ящиков ее стола. На вопрос «Это ваши?» бухгалтерша Виктория Михайловна — субтильное и пугливое существо врожденно-анорексичной наружности — не то, что ничего сказать не смогла, а чуть в обморок не упала, но все же из последних сил отрицательно покачала головой. Если уж она в таких запредельно стрессовых для нее обстоятельствах говорила «нет», значит, это точно было правдой. Я сразу успокоился, потому что до того стопроцентной уверенности в том, что печати подкинуты, у меня не было: человеческое раздолбайство безгранично (могли забыть какие-то стародавние печати где-нибудь в дальнем углу), еще более безгранична человеческая глупость (вполне могли поназаказывать печати каких-нибудь «умерших» организаций, чтобы закрыть застарелые дырки в отчетности, да так и бросить валяться где-нибудь в ящике, не уничтожив сразу же после того, как в бутафории минула надобность). После первого действия «Шмон» постановка перетекла в действие второе — «Развод», заключавшееся в том, что их старший, для пущей солидности посадив чуть сзади «шестерку», минут сорок убеждал меня «рассказать все», что

им «все известно» и что все, «о ком я даже не догадываюсь», уже дали показания. Я, стараясь выглядеть совершенно спокойно и невозмутимо (хотя, конечно, везде, где только можно, екало и сжималось), выслушал увещевания, согласно кивая головой, а потом написал в объяснении, что ни лично я, ни любой из сотрудников компании не имеют к печатям никакого отношения и предположил, что печати могли попасть в ящик стола бухгалтерши Тузлуковой Вэ. Эм., случайно выпав из кармана одного из обыскантов, где, очевидно, до того времени и находились. И что подтверждением моих слов может стать дактилоскопическая экспертиза, которой, я уверен, не удастся обнаружить на печатях отпечатков пальцев моих сотрудников. Прочитав мой опус, старший крякнул, многозначительным взглядом отправил «шестерку» из кабинета и устался на меня взглядом доброй бабушки. Началось третье действие — «Уламывание». Совершенно откровенно дядечка поведал мне, что раз уж вышла «такая байда», то «задний ход» они уже дать не могут, в протоколе про печати все равно напишут. А печати — такая вещь, всенепременнейший атрибут деяний по статье 159 точка четыре, пункт четвертый, мошенничество в сфере предпринимательства, до пяти лет. Это как начальство посмотрит, может и уголовное дело нарисоваться и, глядишь, до суда недалеко. А уж та-а-ам — черт его знает, с какой ноги судья утром встанет? Ну, посадка, предположим, с такой хилой доказательной базой и при хорошем адвокате, это — вряд ли, но условно запросто можно схлопотать. А это — судимость, и весь срок, как по ниточке, не дай Бог, ДЭТЭПэ, там, бытовуха или еще чего. Оно вам надо? И всего-то сороковник (сорок тысяч долларов) какой-то несчастный, чтобы ничего этого не было. Согласитесь, Арсений Андреич, по-божески ведь, при ваших-то доходах, а? А то ведь за ниточку и дальше можно потянуть, и прочие нарушения могут вскрыться, потому что строительный бизнес — штука сложная, строить, не нарушая законы, практически невозможно, нам с вами это хорошо известно. Так, может, по-хорошему? Уж коли пересеклись случайно, если можно так выразиться, на встречных курсах, давайте разойдемся мирно, тэсээть, как в море корабли, не стучась друг об друга бортами?

Я сидел, тихо ненавидел эту добрую, довольную собой и жизнью харю, думал, что не такой представлял себе будущее своей страны из какого-нибудь 91-го, и разрывался между желанием поступить, как надо (скорее, уверенностью в Вите), и стремлением побыстрее закончить это гнусное и тревожное шоу — то есть, дать денег (благо, такая сумма на тот момент была) — нате, подавитесь. К счастью, слабина верх не взяла, проситель был вежливо, но твердо послан и удалился, уводя с собой свою банду, внятно при этом матерясь. Личностью он оказался злобной и мстительной, замутил все даже гуще, чем обещал, завел уголовное дело, и даже после последовавшего от его начальства указания оставить меня в покое (результат Витинового вмешательства), как злобный пес, несогласный с командой «К ноге!», еще долго скалил клыки, слал повестки на допросы и какие-то очные ставки, пока, наконец, не отстал. Бранк снова выручил. Кстати, он же выяснил, откуда росли ноги наезда, — ведь не по алфавиту же, в самом деле, «маски-шоу» выбирают объект для своего перформанса! Оказалось, что за пару недель до даты представления у нас тот же творческий коллектив по каким-то делам побывал в компании «Арми-Сан», у моего бывшего компаньона Саши и его жены Риты, и в процессе шмона на самом деле нашли «левые» печати. Рита «развелась» на раз и безропотно «отслюнила» тридцатку зелени. Во время изучения уставных документов «Арми-Сан», где до сих пор в составе учредителей с символическим одним процентом числилась моя жена Марина, они просто спросили — мол, кто такая. Но доброхотка Рита слила всю подноготную и про меня, и про «Арми-

Строй», и про то, что дела у меня сейчас идут неплохо, чуть ли не намекнув, что, мол, «мы их не рыжее». Вот блюстители и решили закинуть удочку ко мне, — клюнуло один раз, почему не попробовать еще? Узнав это, я долго качал головой, размышляя над особенностями человеческой природы: ну, ладно, Рита — злопамятная сука, но Саша? Неужели нельзя было просто предупредить по старой памяти? К новому году я послал им поздравительную открытку, в которой желал им добра и счастья, но ответа не получил.

В общем, скорее всего, имеет место очередная задачка для Вити Бранка, которую он, как обычно, решит на «раз», в крайнем случае, на «раз-два». Надо, как это ни неприятно, ехать в офис, встречаться с «людьми», выяснять, «чьих будете?», из какого угла обширного московского княжества бескрайнего эмвэдэшного королевства прибыли, что написано в верительных грамотах, то бишь, в ордере, потом звонить Вите, — все, как обычно. Но вот с Питкесом совершенно непонятно. И вообще: несмотря на то, что по Феничкиному рассказу получалось, что визитеры об аресте Самойлыча первый раз услышали от нее (просто среагировали быстро и правильно, профессионалы), но — вдруг нет? Вдруг тут связь, и происходит нечто гораздо большее, чем рядовое «маски-шоу»? Возможно, и меня — «под руки белые примут»? Тогда на кой хрен соваться в офис, самому да зверю в пасть? Не, надо сначала звонить Вите... Или — нет, сначала надо постараться выяснить хоть что-то про Питкеса.

Я набрал номер Самойлыча — так, на всякий случай, и он ожидаемо не ответил, хотя выключен не был. Потом позвонил Диме Крайнову и выяснил, что привез он Питкеса на Министерство без четверти одиннадцать и встал в переулке в теньке. В переулок этот выходил задний двор Министерства, и Крайнов, когда парковался, заметил, что в ворота заднего двора, как к себе домой, заехала тонированная Волга с «ментовскими» номерами. «С синими, шполь?» — переспросил я. «Не, с обычными», — возразил Крайнов. «Откуда тогда знаешь, что машина ментовская?» — строго переспросил я, зная любовь водилы к привирательству. «АМР 97 — сто процентов ментовская серия, обижаете!» — нахохлился Крайнов, пришлось поверить. Из Волги вышли три человека и вошли в Министерство. А примерно через сорок минут Крайнов увидел, как двое из этих троих вывели из заднего подъезда Питкеса, крепко держа его под локти, и подозрительно сжатые запястья того были прикрыты курткой. Питкеса посадили в машину, она уехала, а Крайнов сразу позвонил в контору. Я Крайнова не любил: он был балабол, да еще из тех, кто, что называется, «не переработает», но пришлось сказать, что он молодец.

Я позвонил Павлу Морозову — отставному офицера в возрасте глубоко за сорок, которого, однако, за глаза (а иногда, забывшись, и в глаза) никто никак, кроме как «Павликом» не звал.

— Э-э, слушаю, Асений Андреич! — почти сразу же раздался в рубке хорошо поставленный плацевый баритон Павлика.

— Павел! — обрадованный тому, что хоть кто-то — сразу ясно по тону — не арестован и не заблокирован в офисе, радостно воскликнул я. — Здравствуйте! У вас все в порядке?

— Э-э, в каком смысле, Асений Андреич? — поинтересовался Павлик, чем окончательно убедил меня, что с интересующей меня точки зрения у Павлика проблем нет.

— Неважно, — отмахнулся от ненужного вопроса я. — Вижу, что все в порядке. Вы где сейчас, если не секрет?

— Нет, не секрет, — совершенно серьезно ответил Павлик. — Я сижу в кафе недалеко от Министерства, пью уже пятую чашку чая и жду, когда Борис Самойлович после

оглашения результатов мне позвонит.

— А то, что результаты уже почти два часа оглашаются, вам странным не показалось? — ехидно поддел я Павлика.

— Никак нет, — безынтонационным голосом киборга ответил он. — Борис Самойлович сказал, что позвонит, когда все закончится, и никаких других инструкций не оставлял. А что, что-то случилось?

Да уж, случилось, прах раздери это Министерство вместе со всеми их торгами, конкурсами и аукционами! Сколько сил и нервов здесь положено, и теперь вот — нате! На самом деле статус министерства это учреждение в ходе одной из многочисленных пертурбаций в структуре правительства уже довольно давно потеряло, став Госкомитетом, но мы по старой памяти продолжали именовать его старым титулом. С Министерством мы начали работать года четыре назад благодаря знакомству с некоей дамой по имени Лидия Терентьевна Нарцыняк, с которой меня свел один мой бывший заказчик по фамилии Князин, с которым со времен совместной работы сохранились прекрасные отношения. Она была вдовой его давнего сослуживца, какими-то путями попала в административное управление Министерства «замшей» руководителя, где ей сразу же поручили провести в весьма обветшалом здании учреждения небольшой ремонт. Она обратилась к Князину с просьбой «подтянуть» надежную во всех отношениях строительную компанию, последовал звонок мне, и — закрутилось. Почти два года мы ремонтировали здание Министерства от фундамента до крыши, и это был едва ли не основной наш заказчик. Но потом ремонтировать стало больше нечего, иссяк и интерес сторон друг к другу. Почти год я о Лидии Терентьевне ничего не слышал, пока месяца полтора назад она неожиданно не позвонила сама. Оказалось, что ей неожиданно поручили провести большой, помпезный и дорогостоящий ремонт в исторической части здания, куда таких как мы общестроителей, как правило, не звали в угоду узкоспециализированным реставрационным компаниям. Но то ли реставраторы, зажавшись, в чем-то облажались, то ли не угодило чем-то министру управление капитального строительства, курирующее реставрацию, — как бы то ни было, этот ремонт поручили Лидии, то есть, по сути, нам. Мы быстренько собрали пакет документов, подали заявку и оставалось только ждать дня оглашения результатов конкурса, то есть, дня сегодняшнего, когда нас должны были объявить победителями. Обеспечение нашей победы было делом Лидии Терентьевны, и она всегда справлялась со своей задачей на отлично. Как всегда, на подобного рода процедуры идти должен был Павлик. Сегодня все должно было быть, как всегда. Так какого же черта туда поперся Питкес?!

— Павел, а что на оглашении делает Борис Самойлович? — вслед за своими мыслями спросил я Павлика вслух. — Почему не вы-то там, а он? Мы же в пятницу все обсудили!

— Так в субботу последовала новая вводная, — с уставной готовностью пояснил Павлик. — От исполняющего обязанности руководителя, так сказать.

Павлик замолчал, очевидно полагая, что теперь мне все ясно. Ну, да, «новая вводная», — чего уж яснее. Мне вспомнилась героиня кого-то из английских писателей 19-го века, домоправительница, по-британски невозмутимая, на вопрос, знает ли она, который теперь час, отвечавшая: «Знаю, сэр». Не иначе, у Павлика в родословной были британские корни.

— Что за вводная, Павел? — четко и отдельно спросил я Павлика, пытаюсь дать ему понять, что я раздражен его лаконичностью. — Поподробнее, я вас прошу.

— А, подробно? — облегченно ответил Павлик тоном человека, которому, наконец,

стало ясно, чего от него хотят. — Значит, так. В субботу, примерно в 21–15 (я был на даче, мы как раз за стол садились), мне позвонил Борис Самойлович. Он сказал, что он разговаривал с... я точно не помню... Людмилой... Люси...

— Лидией Терентьевной? — нетерпеливо перебил его я

— Точно, Лидией Терентьевной, — обрадовался Павлик. — И та ему сказала, что в понедельник перед торгами нужно встретиться с какими-то людьми, которые тоже будут на процедуре, и передать им деньги...

— Деньги?! — не удержавшись, содержательно переспросил я. — Зачем деньги?

— Он не сказал. Борис Самойлович велел мне в понедельник с утра заехать в банк, взять в ячейке один миллион сто тысяч рублей и к одиннадцати привезти их ему в Министерство, потому что в одиннадцать тридцать начинаются торги. Сегодня я все так и сделал, мы встретились у входа, я передал ему пакет, он сказал, что мол, чего уж там, он и на процедуру оглашения сходит, а мне велел сидеть в кафе где-нибудь поблизости и ждать его звонка. Все.

Черт, деньги! Миллион сто тысяч! Я ломал голову, на чем и за что могли взять старого мирного еврея в государственном учреждении, а ларчик-то просто открывался! Он понес кому-то деньги! Девяносто девять из ста, что на деньгах Самойлыча и повязали. Старый дурак, к кому ж он там с ними поперся?! К Лидии? Раньше всегда деньги ей возил я, но это никогда не было внезапно, всегда понятно — за что и сколько, и всегда сопровождалось с обеих сторон всеми необходимыми мерами предосторожности. Почему на этот раз так срочно и так неподготовленно? Блин, профанация какая-то! Понаприимают косых решений, а потом... Кстати!

— Павел, а вы не знаете, почему Борис Самойлович мне не позвонил с этим вопросом? — раздраженно спросил я Павлика.

— Они звонили! — обрадовался Павлик. — Вы были недоступны. Эта женщина и Борис Самойлычу начала звонить, потому что до вас дозвониться не могла. И Питкес, то есть, Борис Самойлыч, тоже пробовал и подтвердил — недоступен. Он и воскресенье пробовал, но вы ж отдыхали.

«Да, уж, мы ж отдыхали», — со злостью на себя подумал я, вспоминая разрядившийся в Турции айфон.

— Еще что-нибудь можете рассказать? — хмуро спросил я Павлика.

— Никак нет, — отрапортовал он и снова поинтересовался: — А что, что-то случилось?

— Случилось, — буркнул я. — Кончайте пить чай, но в офис ехать не нужно. Позвоните Лене, она все расскажет. Переждите где-нибудь, но будьте на связи, ясно?

— Так точно, — уже не таким бодрым голосом ответил Павлик и добавил: — А можно, я не где-нибудь, а здесь посижу, просто чай пить не буду?

Я чуть не взвыл, сделал вид, что вопроса уже не слышал и отключился. Пару минут сидел, уставившись в одну точку и пытаясь что-то сообразить. Получалось плохо, информации не хватало. Единственным ее возможным источником на эту минуту была Лидия. Я позвонил на тот из трех записанных у меня ее номеров, с которого она звонила чаще всего. На втором гудке вызов сбросился. Это мог быть и «косяк» сети, и результат преднамеренного действия абонента, нажавшего на своем аппарате красную клавишу. Я попробовал еще раз, — звонок прервался сразу же. Ясно — Лидия сбрасывала звонки. С большой долей вероятности это значило, что в ситуацию с арестом Питкеса вовлечена и она. У-у, блин! Я вскочил и заметался по комнате, сходя с ума от беспомощности, от незнания, что делать, от неумения в экстренной ситуации четко и быстро сгрести себя в кучу. К

счастью, в эту секунду айфон дважды мелодично пропиликал, сигнализируя, что пришла эсэмэска. Она была от Лидии Терентьевны и гласила: «Сейчас говорить не могу. Позвоню позже». Ну, слава Богу — немного, но хоть что-то! Осталось дожидаться этого «позже». Я убрал с экрана телефона сообщение, но конвертик в левом верхнем углу не исчез. Я снова залез в меню, — оказывается, Лидия одно за другим отправила два сообщения. Второе было еще короче: «Такого я от вас не ожидала!» Натездратьте! Что еще за хрень? Чего такого госпожа Нарцыняк не ожидала?! Ладно, черт по ней, позвонит — выясним. Но пора-таки была потревожить Витю Бранка.

Витя, как назло, оказался не в Москве, а в одной из своих регулярных командировок, но, к счастью, недалеко, и на завтра уже должен был вернуться. Выслушал, сказал: «Угу, понятно», хотя по тону его мне этого не показалось. Но последовавшие инструкции его были четки и ясны.

— Значит, так, — начал Бранк, прокашлявшись, что как я уже дано приметил, свидетельствовало у него о высокой степени мыслительной концентрации, — слушай сюда. Первое: успокойся, ты взвинчен и, значит, можешь сделать глупостей. Все живы, ты на свободе, у тебя есть лавэ и друзья, — зачем так сильно нервничать? Второе: позвони жене этого твоего деда... Питкеса... Вдовец? А близкие родственники? Дочь? Как зовут? Джоя? Шикарно! Они друг с другом нормально? Души не чают? А телефон Джои этой у тебя есть? Найдешь? Ну, и отлично! Скажи дочери, что ее папеньку задержали, но чтобы не волновалась, что все образуется, и что скоро (объясни ей, скоро — это не позднее двенадцати часов после задержания, чтобы она не металась к телефону каждые пять минут) ей должен позвонить «следак», который ее отцом занимается. Пусть будет готова тщательно записать все данные «следака», включая обязательно мобильный телефон, из какой он конторы, адрес, потом пусть уточнит, по этому ли адресу ее отца держат, как и со скольких часов к нему завтра может попасть адвокат. Дальше — по какой статье его задержали. Пусть все запишет и сразу же перезвонит тебе, а ты — мне. Вообще-то, по 96-й статье УПК они имеют право предоставить задержанному самому сделать звонок родственникам, но это вряд ли. Все в красках, за что ее батю взяли, он рассказывать не будет, не положено, ладно бы статью сказал, так что ты дочку успокой, чтобы лишнего не нервничала: задержали, мол, по недоразумению...

— Это как? — перебил Бранка я. — По какому, например, недоразумению? Приняли в метро за смертницу-шахидку?

— Да хоть и типа того! — хохотнул Бранк. — Точно — скажи, что, мол, на объекте каком-нибудь вашем среди рабочих — выходцев с северного Кавказа затесался один, похожий на разыскиваемого террориста, во время задержания которого ее отца, чего-то вякнувшего не по делу, загребли, так сказать, под горячую руку. Угу?

— Угу, — кивнул я в трубку.

— Так, третье, — продолжил Бранк. — В контору, раз уж тебя там на удачу нет, не суйся. Но позвони, попроси секретутку свою, чтобы соединила со старшим, скажи, что приехать сам, к огромному сожалению, не можешь, и в свою очередь спроси, кто такие, откуда, на каком основании вломились. По какому вопросу, я думаю, по телефону скажут вряд ли, но хоть узнаем, кто из наших на это раз на тебя наскочил.

— Если по телефону, ты говоришь, сути дела не скажут, то, может, все же поехать, переговорить? — решил похорохориться я. — А то как-то отсиживаться, когда другие там, под дулом автомата...

— Сеня, не ерунди! — еще более раздраженно осек меня Бранк. — Под каким дулом? Сам говорил, сидят мирно, чай пьют! Ты сам подумай: зачем ты там нужен? Чтобы урегулировать вопрос на месте? То есть, ты хочешь дать им лавэ? Зачем тогда ты мне звонишь? А то, что у них может быть одер не только на шмон, но и на твой арест, ты не подумал?

— Арест? — вырвалось у меня вслед за рухнувшим вниз сердцем. — За что?!

— Сень, ты как тот западэньский хохол из анекдота, — фыркнул Бранк. «Дуже, говорит, Пэтро, москалэй я нэнавьжу. Так нэнавьжу, шо поубывав бы усих!» А Петро ему: «А ты нэ боьшься, Гриць, шо тэ москалы пэршие тэбэ убьют? — Так мэнэ за що?!» Да почему я знаю? Может, с дедом твоим по одному делу, а может, по другому какому. Хочешь выяснить? Валяй, езжай. Только учти — выйти гораздо труднее, чем не сесть.

— Да, — мрачно отозвался я, — понял.

— Ну, а раз так, — подхватил Бранк, — не лезь сам к черту в пасть. Позвони, все выясни, скажи, что явишься по первому официальному зову повесткой по месту жительства, а сегодня — простите, ну, никак. Не хамя, но и не тушуйся, говори спокойно и нагло. Уяснил?

— Уяснил, — вздохнул я.

В динамике раздался приглушенный зуммер второго вызова — кто-то звонил по параллельной линии. Я отнял трубку от уха и взглянул на табло, — номер был незнаком и вообще начинался на +9, то есть был не из России. Из-за границы я никаких известий не ждал и потому вернулся к разговору с Витей Бранком.

— Что дальше? — спросил я его.

— Дальше — в-четвертых и последних: — пока суть да дело, встретиться с этой... как ее... ну, теткой из министерства...

— Нарцыняк Лидией Терентьевной, — подсказал я.

— Да, с Терентьевной этой, узнай, что она знает о деле, так сказать, с их стороны. Ну, вроде все.

— Вить, а что Питкесу может грозить в этой ситуации, — спросил я угрюмо.

— Это, друг мой, зависит от целого ряда обстоятельств, — с готовностью подхватил тему Бранк. — Во-первых, от статьи «у-ка эр-эф», по которой будет квалифицировано содеянное. Вот, например, как мы предполагаем, дед твой не совсем удачно занес сегодня кому-то «котлету», на чем его и повязали. Но поскольку мы не знаем, кому он эту «котлету» нес и при каких обстоятельствах спалился, сие деяние может быть квалифицировано как, например, коммерческий подкуп по статье 204, пусть даже по более тяжелой ее части второй — это у нас всего до шести лет...

— Шесть лет?! — в холодном ужасе повторил я.

— А вот если посмотреть на сей проступок с точки зрения статьи 291, — не обратил на мои слова внимания Бранк, — дача взятки, а у нас больше «ляма», значит, в особо крупных, то это уже до 12-и годков, да-с.

— Боже! — пробормотал я.

— Именно, — с готовностью подхватил Бранк. — Только Аллаху с Иеговой в этой ситуации известно, чем оно Питкесу твоему может вылиться. Будем работать. И — адвокат нужен нормальный. Срочно. Допросить обязаны в течение не более суток после задержания, а до того ему должны предоставить не меньше двух часов на встречу с адвокатом. Во сколько должны были начаться торги?

— В одиннадцать-тридцать, — вспомнил я информацию от Павлика, одновременно устыдившись, что не помню этого сам.

— Отлично. Он же ехал на торги, значит, приняли его никак не позже времени их начала. То есть, допросить его должны до одиннадцати и, значит, адвокат никак не позже девяти утра завтрашнего дня должен бить копытом у дверей СИЗО и требовать встречи со своим подзащитным. Успеешь грамотного «шапиру» до утра подогнать?

— Шапиро? — не понял я. — Это в смысле, чтобы адвокат был обязательно из евреев?

— Да хоть из монголо-татар, лишь бы дело знал! — воскликнул Бранк. — Шапирами на фене вообще адвокатов кличут. Еще — врач, доктор, но чаще — шапира. А вообще смотри, как тонко на самом деле подмечено: что ни известный адвокат, то иудей. Винавер, Слиозберг, Хейфец, Брауде, Резник, Падва, Ключвант, Добровинский... кто еще? — Шмидт Барщевский, — кого ни пни, везде они! А вот судью или прокурора-еврея обыскаться — не сыскать! Почему так, как думаешь?

И, не дожидаясь ответа, Витя Бранк весело рассмеялся. «Есть такая профессия — людей от родины защищать», — вспомнил я фразу времен Сахарова, Буковского и прочих диссидентов. Тогда она казалась мне цинично-ернической, но и сейчас произносить ее вслух при Вите Бранке я почему-то не стал.

— Есть адвокат, хоть и не из «шапир», — вернул тему на рельсы я.

— Ну, и хорошо, — снова посерьезнел Бранк. — Созванивайся, договаривайся. Вроде, все. Меня в курсе держи. Завтра как буду в Москве, позвоню. Давай, Сеня, не дрейфь, держи хвост пистолетом, не таких сусликов выливали!

И отключился. Я грустно улыбнулся намеку на похабный анекдот времен глубокого детства и, наконец, отнял айфон от горящего уха. На табло горела пиктограммка неотвеченного вызова. Кто же это звонил и откуда? Вдруг что-то важное? В другое время можно было бы и проигнорировать, но не сейчас. Надо проверить. Я кликнул на странный номер.

— Алло! — одновременно раздраженно и удивленно ответил на другом конце провода знакомый голос. — Алло, кто это?

Это была Ива. Меньше всего в негадано-нежданно разбушевавшейся вокруг меня свистопляске мне сейчас не хватало общения с Ивой. Какого, собственно, фи́га она в открытую названивает среди бела дня, нарушая все правила давно утвердившейся между нами конспирации? Мозг послал уже было пальцам команду нажать на отбой, но язык оказался быстрее мозга.

— Ой, привет! — по привычке придав голосу приличествующую случаю радость случайной встречи, воскликнул я. — Ты звонила?

— Н-нет, — после странной паузы ответила Ива. — Я не звонила. Хотя сижу с телефоном в руке, смотрю на твой номер. Хотела позвонить, потом подумала, может, дома еще, решила эсэмсэс написать, а тут ты сам звонишь. Да еще на этот номер... Дашка вчера телефон свой утопила, я утром пошла в лавку, купила ей новый, с местной симкой, потому что так выходило дешевле. Фантастика какая-то... А еще говорят, что между людьми нет телепатической связи. Ты как этот номер узнал?

Я хотел объяснить, что мне с этого номера был звонок, но хорошо натренированным шестым чувством вдруг почувствовал в ситуации палево, и «чистосердечно признаваться» решил повременить.

— Ты собиралась мне звонить? — перевел тему я. — Что-то случилось?

Последнюю фразу я произнес даже не в вопросительном, а в утвердительном ключе, потому что сверхнапряженное сознание отсеяло всю лирическую шелуху, четко осознав, что заставить Иву думать о том, чтобы позвонить мне в столь неурочное время могло только что-то весьма неординарное. Особенно учитывая, что расстались мы с ней меньше двенадцати часов назад.

— Случилось, — эхом ответила Ива. — Помнишь, еще вчера говорили об Абике, обсуждали? Я рассказывала, что он в Эльбурган свой собрался ехать? Как мы поругались с ним на этот счет, даже подрались? Помнишь?

Я досадливо поморщился: разумеется, я помнил все, что происходило между мною, моей отдохавшей в Турции любовницей Ивой, к которой я смог-таки, не вызывая особых подозрений у Ирины, вырваться на уикенд, и Ивиной дочерью Дарьей. Хорошо помнил я и наши с Ивой разговоры о ее муже Абике, как мы привычно сокращали его серьезное имя Аббас, и о сложных и печальных нюансах их семейной жизни. Еще я подумал, что поскольку такое не помнить просто невозможно, то Ива, похоже, просто держит паузу перед тем, как выдать что-то не просто важное, а — сенсационное.

— Да, конечно, — раздраженно ответил я. — Ив, не тяни.

— Аббас погиб, — замогильным голосом выдохнула Ива. — Сегодня ночью.

— У меня перехватило дыхание, я с трудом сглотнул. «Пока ты женат, а я замужем...», — вспомнились вчерашние прощальные Ивины слова.

Ива встречала меня в прохладно-мраморном «рисепшене» отеля. Высокая, длинноногая, обернутая полупрозрачным парео от D&G (знаю, сам его покупал), в широкополой шляпе от Louis Vuitton (аналогично), из-под которой на ее уже успевшие загореть плечи ниспадали вьющиеся локоны ее дивных светлых волос, она выглядела не просто потрясающе, а категорически, ультимативно, как атомный взрыв. Клапаны моего сердца засокращались с такой скоростью, как будто в организме вдавили до упора педаль газа. Я бросился ее целовать, она напряглась: «Потом, вдруг Дарья где-то рядом!», и я был вынужден отстать. Меня оформили, и пока мы следовали за портье, пытаясь лавировать между волнами его двухнедельной немытости, Ива рассказывала мне о программе на вечер. Сначала мы идем ужинать в потрясающий ресторан, а потом ко мне в номер. Она что-то наплела Дарье про случайно встреченную старую знакомую, которая только что заехала в отель, и дочь любезно разрешила матери сегодняшней вечер провести с «подругой», взамен получив дозволение подольше потусоваться с Володей на ночной дискотеке. «Кто это — Володя?» — спросил я. «Да тут мальчик хохляцкий один, по Дашке страдает», — ответила Ива. Она принялась длинно и ненужно-подробно рассказывать про этого Володю, а я не мог отделаться от ощущения, что она как-то отстраненна со мной, и ощущение это ложкой дегтя портило медовую бочку радости от встречи с ней в этом тропическом раю. Но в номере, как только ушел портье, унося в липкой пятерне честно заработанный доллар, Ива бросилась мне на шею и страстно прошептала: «Я так соскучилась!». У меня от этих слов весь пессимизм из головы вынесло похотливым сквозняком, и я решил, что предстоящая ночь будет лучшей в Ивиной жизни — со мной, по крайней мере. И чтобы никакие сюрпризы физиологической осени не помешали этим планам, уединившись в ванной, я слопал сразу две таблетки виагры.

Ужин был вкусным, но я так торопился, что утащил Иву из-за стола, не допив вполне приличное вино и не дождавшись десерта. Мы чуть не бегом ворвались в номер, я повесил снаружи на ручку стикер «Dont disturb!» и захлопнул дверь. У Ивы все звонил телефон, и пока она его раздраженно выключала, я достал из чемодана дьютифришный Хенесси, разлил

по стаканам. Мы залпом усугубили алкогольную эйфорию и бросились друг на друга. Когда я первый раз вступил на территорию Ивы, она даже не была еще совсем раздета, — правда, закончился мой визит так же быстро. Чудесное лекарство позволило претворить в жизнь лозунг «Между первой и второй пуля не должна пролететь!», но долгой на принятие окончательных решений Иве даже этого оказалось мало. Чудесный медикамент и обещания великой ночи бушевали во мне, и после короткого смоук-брейка с очередными полстаканами коньяку я пошел на третью попытку, избрав для катализации процесса любимую Ивину позу, политкорректно именуемую «догги-стайл». Что-то в глубине подсознания надоедливой мухой мешало мне полностью отдаться процедуре, мелкое, но важное, вроде невыключенного утюга, но шансов сосредоточиться на причине беспокойства не было.

Из так удачно обнаружившейся в номере аудиосистемы Лед Зеппелин с моей «музыкальной» флэшки прочувственно бацал «Black Dog». Словно подчиняясь льющимся из динамика категорическим советам Роберта Планта «потеть, возбуждаться, наслаждаться и капать медом», Ива извивалась, стонала, я пыхтел, клацала пружинами кровать, — в общем, было довольно шумно. Неудивительно, что мы не услышали, как щелкнул дверной замок. Закрываемая дверь хлопнула громче, и я оторвал глаза от созерцания захватывающего процесса собственного проникновения вовнутрь партнерши, удивительно напоминавшего мне сейчас возвратно-поступательное движение поршня в цилиндре, как оно было наглядно представлено на разрезной модели двигателя внутреннего сгорания времен советской средней школы. Но тут поток ассоциаций окончательно прервался, потому что из темноты прихожей в создаваемый ночником круг неяркого света вошла Ивина дочь Дарья. Я остановился, как резко осажённая лошадь. Иве это не понравилось, и не открывая глаз, она попросила меня продолжать. В постели мы оба находили вполне уместным не особо стесняться в выражениях, но сейчас Ива облекла свою просьбу в совершенно уж печатную форму. — за невозможности привести на этих страницах точную цитату попробую изложить ее в стиле... ну, например, завсегдааев анекдотов поручика Ржевского и Наташи Ростовской: «Мой Бог, поручик, не соизволите ли объяснить, отчего вы остановились в своих движениях? Не хотелось бы уезжать из этих благословенных мест в душную Москву, не испытав той радости, которую единственно кавалер может доставить своей даме в моменты близости не столь духовной, сколь телесной. Не могли бы вы возобновить, по возможности усилив, напор, с которым вы предавались этому занятию последние четверть часа?» Думаю, искусенный в русском устном (несправедливо именуемом отчего матерным) без труда воспроизведет, как эта фраза звучала в оригинале. Дарья, до этой секунды просто широко распахнутыми глазами смотревшая на нас, прыснула в ладошку. Ива открыла глаза и увидела дочь.

Взвизгнув, Ива стремительно сгребла в один ворох покрывало вперемешку с моими трусами и кое-как укрыла наиболее вопиюще обнаженные части своего тела. Повисла немая сцена. Казалось, никто не хочет первым ее нарушить.

— Дарья! — наконец выдавила из себя Ива. — Ты как?.. Ты что тут делаешь?

Дарья хмыкнула, вальяжно привалилась к стене.

— Мама, — с интонациями воспитательницы младшей группы детского сада произнесла она, — а что бы ты ответила, если бы сейчас я спросила тебя, что ты здесь делаешь?

«Чего, чего? Личной жизнью живет мама, не видно, что ли?» — мелькнул у меня в

голове очевидный ответ. Надо отметить, что я все еще стоял на коленях позади Ивы, облапив ее красный от шлепков зад и находясь — по аналогии все с тем же двигателем — в конце такта сжатия, поршень в верхней мертвой точке. Начать, так сказать, такт расширения я стеснялся, потому что мой разгоряченный виагрой «поршень» в недрах Ивиного «цилиндра» успокаиваться не хотел, и в попытке разъединиться я бы неизбежно продемонстрировал бы себя в полной красе. Оценив всю трагикомичность ситуации, я постарался придать лицу идиотически-отсутствующее выражение лица в традициях Савелия Крамарова, словно бы меня здесь и вовсе нету.

— Да-а-а-ша!!! — очень пьяно простонала в ответ дочери Ива, видимо, имея в виду что-то вроде: «Ну как ты можешь такое у родной мамы спрашивать?»

— Ма-а-ма!!! — трясая головой и выпячивая по-пеликаньи зоб так похоже спародировала мать Дарья, что я хрюкнул.

Ива полыхнула через плечо негодующим взглядом, отпихнула меня мощным движением таза и, одним лягушачьим прыжком добравшись до изголовья кровати, уселась там, до горла укутавшись в простыню. Я остался стоять на коленях со всем своим арсеналом наперевес, при этом Дарья отвести взгляд от внезапно открывшихся подробностях моей анатомии уместным не посчитала. Особой склонности к эксгибиционизму я в себе никогда не замечал, и под откровенно-любопытствующим девичьим взглядом не то чтобы застеснялся, но почувствовал себя немного неловко. При этом через марево собственного хмеля мне показалось, что девочка, пожалуй, не слишком трезва.

— Арсений, да укройте же вы, наконец! — взвизгнула со своей стороны постели Ива.

Совершенно сраженный этим неожиданным «вы», я беспрекословно сел, потянул к себе простыню, но большинством ее уже завладела Ива, и мне достался самый краешек размером не больше того самого фигового листка, которым бывают замаскированы чресла у наименее стыдливых античных статуй.

— Можно подумать, я его голым не видела! — фыркнула Дарья, презрительно поджав губы. — Чё пожар тушить, когда все сгорело?

Она пьяненько рассмеялась своей шутке, но неожиданно икнула, у нее подогнулась коленка и она чуть не съехала вдоль стены вниз, подхватив себя уже у самого пола.

«Да она конкретно в хлам», — уточнил для себя я и скосил глаза на Иву. Та в панике переводила взгляд с дочери на меня, ее рот открывался, как будто она хотела что-то сказать, но не знала, что.

— Что ты имеешь в виду? — сформулировала, наконец, вопрос к дочери Ива, глядя при этом почему-то на меня. — Когда это ты видела дядю Арсения... неодетым? Что ты выдумываешь?

Ее голос истерично подвзвизгнул в самом конце.

— И ничего я не выдумываю, — ухмыльнулась в ответ Дарья, издевательски-раздельно добавив: — Ма-ма! И между прочим, я вас обоих тогда спалила. Ты думала, что я сплю, а я не спала и все видела в зеркало. Твои ноги были у дяди Арсения на плечах, а руками ты делала... м-м, как бы это сказать... маммопальпацию, вот! Усиленную такую маммопальпацию. Помнишь, помнишь? Что, скажешь, не было?

— Бо-оже! — простонала Ива, прижимая нервно скомканный край простыни ко лбу, — было видно, что она вспомнила.

Я тоже хорошо помнил этот момент. Это было лет десять назад, тоже в конце лета. В Москве стояла жара, и спасая Иву с восьмилетней дочкой на руках от двух часов чудовищной

духоты в переполненной пятничной электричке, я вез их на машине в Шарাপову Охоту на дачу. Мы еле двигались в глухой пробке на МКАДе, Дарья сморило, она тихо посапывала на заднем сиденье. Стекла были опущены, но редкий ветерок вместо прохлады заносил в салон только жар плавящегося асфальта, раскаленных тел ползущих рядом машин и копоть от сгорающего в их топках бензина. На пассажирском сиденье Ива, спасаясь от жары, лениво обмахивалась свернутой вдвое газетой. Ее тонкий сарафан были расстегнут и сверху, и снизу, и только пара пуговичек на пупке не давала полам распахнуться совсем. Правую ногу Ива задрала на торпедо, и ее полупрозрачные сиреневые трусики то и дело оттягивали мой взгляд от кормы ползущего впереди авто. Мы с Ивой стали любовниками совсем недавно, ее тело для меня еще было полно тайн, и я готов был открывать эти тайны каждую секунду времени, проводимого нами вместе. Вот и сейчас, в очередной раз в зеркале заднего вида убедившись, что Дарья безмятежно спит, я осторожно положил руку Иве на колено. Продолжая с невозмутимым видом щуриться на горящий оранжевым закатный горизонт, Ива взяла мою руку за запястье и переложила существенно выше и правее. Мы оба тихо засмеялись. «Съедем куда-нибудь в лесок?» — предложил я. «Нет, плохая идея, — ответила Ива. — Если Дашка проснется, бечь будет некуда. Смотри, навстречу почти свободно. Разворачивайся, через десять минут будем на Перекопской. У меня есть ключи от Сониной квартиры. Уложимся минут за сорок, а там, глядишь, и на МКАДе посвободней станет». «А там если Дашка проснется, куды бечь? — подначил я, вспоминая маленькую однокомнатную квартирку, где жила мать Аббаса Софья Леонидовна, которую у них в семье за глаза ее все — даже Аббас — называли Софой. — Или в ванной будем?» «В ванной некомильфо, — совершенно серьезно отозвалась Ива. — Я с комфортом трахаться люблю. Мы положим Дашку на раскладушку на кухне. Дверь закрывается на защелку, так что в случае чего успеем замести следы». Я с восхищением посмотрел на невозмутимый Ивин профиль и включил поворотник к съезду на ближайшую развязку.

Этот раз я запомнил надолго. Ива была горяча, как крышка кипящего чайника и ненасытна, как белая акула среди стаи тюленей. Ее ноги были у меня на плечах, руками она с силой дюжего тестомеса тискала себе грудь, чтобы не кричать — кусала губы. За полчаса мы уложились два раза, и только странное чувство, что кто-то на меня смотрит, не давало мне полностью раствориться в происходящем. И сейчас я понял, что имела в виду Дарья: старый платяной шкаф в торце комнаты имел зеркало в средней своей трети. Дивана, на котором мы упражнялись, из-за кухонной двери было никак не увидеть, вот только стекло у двери было прозрачным, и притворяющейся спящей Дарье с кухни все было видно, как в телевизоре.

Я многозначительно посмотрел на Иву. Мы неоднократно, особенно в последнее время, обсуждали с ней вопрос, насколько Дарья может быть в курсе наших отношений, и каждый раз Ива убежденно говорила, что дочь с головой в собственных комплексах и переживаниях, и ни о чем даже не догадывается. И что, если бы это было не так, Дарья обязательно пришла бы с этим к ней, к матери, ведь они лучшие подружки. И вот сейчас выяснялось не только то, что Дарья раскрыла нас еще сто лет назад, но и то, что все это время «лучшая подружка» молчала об этом матери, «как рыба об лед». Все это было в моем взгляде, обращенном на Иву, но та явно была «на другой волне». Что делать, как выворачиваться из ситуации — вот какие вопросы были в ее растерянном взгляде, который я получил в ответ.

— А где Володя? — наконец нашлась Ива, и ее сразу словно прорвало: — А почему ты не с Володей? Я же велела тебе быть с Володей? Где Володя?

— Да пошел он! — по-итальянски экспрессивно взмахнула рукой Дарья, — Он мудак, я его послала. И вообще, чего вы это толкаете девушку в незнамо чьи недоразвитые объятия? Ее, может быть, к старшим тянет. Вот, с вами, например, ей хочется.

И сделала глазками и краешками губ что-то не просто пикантное, а совершенно откровенно-неприличное, — даже я поперхнулся от неожиданности. Ива на вздохе закрыла рот рукой, в ее глазах плескался ужас.

— Даша, что ты несешь? Как ты выражаешься? — простонала она, и тут ее осенило: — Да ты пьяна!

— Не больше твоего, мамочка, — не спустила матери Дарья, красноречиво указывая подбородком на полупустую литруху Хеннесси. — И в выражениях, кстати, тоже беру пример с тебя. Как ты только что выдавала, так я просто воркую, как голубица.

Ива осеклась и с мольбой в глазах воззрилась на меня. Я сделал вид, что меня здесь нет, потихоньку отполз в другой угол кровати и, наконец, полноценно укрылся полотенцем. А Дарья и не думала останавливаться:

— И вообще — где Володя, где Володя? — очень похоже передразнила она мать. — Это я хочу тебя спросить, мама: например — а где папа? Почему ты в постели не с папой, а с чужим дядей?

«Чёй-та с чужим-та? — вступился я за Иву про себя. — Мы ей совсем даже и не чужие!»

— Бо-оже! — простонала Ива, пряча пылающее лицо в ладони, но Дарья не унималась.

— А я тебе скажу, мама, — теперь тоном училки, поучающей нерадивого ученика, продолжила она. — Как говорится, элементарно, Ватсон. Просто кое-у-кого кое-что побольше будет, чем у... некоторых. А я-то еще не понимала, что ты имела в виду, когда говорила про размер!

— Я говорила про размер? — еле слышно, одними губами спросила Ива. — Я не помню...

— Ну, как же, мамочка! — с прокурорски-изобличающей улыбкой воскликнула Дарья. — Я давеча тебе рассказывала про Володю, говорила, что ни благообразностью он, ни размерчиком не вышел, а ты еще так многозначительно сказала: «О, да, размер имеет значение! Ба-альшее значение!» И еще так пальцем вверх сделала, как отец.

— Да я совсем не то имела в виду! — воскликнула Ива. — Я вообще не поняла, что ты об этом!

— Не пудри мне мозги, мама! — пресекла попытку перехватить инициативу Дарья. — Уж я-то знаю, что ты имеешь в виду, когда что-то говоришь!

Перед моим мысленным взором возник неведомый мне тщедушный Володя, ублажающий Иву в ее любимой позе, я представил недоуменное выражение лица оглядывающейся через плечо Ивы, словно вопрошающей: «Is anybody there?»[i], и не сдержал улыбки от этой уморительной картины. Наверное, меня можно назвать бесчувственным, но комизма во этой интермедии было все же больше, чем драмы. По крайней мере, сейчас мне было смешно.

Но Иве — точно нет. Она собрала волю в кулак, набрала в рот воздуха и загремела страшным голосом:

— Даша-а! Я запрещаю тебе разговаривать со мной о таких вещах и в таком тоне!!

Мне показалось, что поток праведного гнева из материнских уст сейчас сметет дочь, как ураган былинку, но Дарья устояла.

— Ма-а-а-ма! — закричала она в ответ еще громче. — Ты вообще не можешь мне

ничего запретить! А если ты не перестанешь на меня орать, я сейчас пойду и утоплюсь в бассейне! И не смей меня никогда больше звать своей дурацкой Дашей! И не дай бог, Дашкой! Я — Дарья! Ты поняла?!!

Последнее слово она почему-то произнесла с ударением на первую гласную. Меня это «поняла» позабавило, но на Иву Дарьяин крик произвел противоположный эффект. Она была похожа на боксера-тяжеловеса, неожиданно получившего сдачи от соперника-мухача и теперь не представляющего, как дальше вести бой. Ива осеклась и только часто-часто закивала головой.

— Вот и хорошо, — победоносно ухмыльнулась Дарья. — Сейчас я пойду в ванную, быстро закончу с вопросами личной гигиены и приду. Get ready!

Он двинулась в сторону коридора, походка ее была сильно нетверда. С порога комнаты она, игриво отклячив ногу, послала нам воздушный поцелуй и скрылась в ванной. Зашумела вода. Я посмотрел на Иву. На ней лица не было, взгляд блуждал, веко левого глаза нервно дергалось.

— Что она сказала? — спросила у меня Ива.

— Сказала, чтобы мы были готовы, — охотно блеснул знанием английского я.

Ива непонимающе уставилась на меня.

— К чему быть готовыми? — шепотом спросила она, и тут ее осенило. — Боже, ты понимаешь, что она имела в виду? Она сказала, что хочет... с нами. Ты представляешь, что сейчас может произойти?

Я с идиотически-сочувствующей улыбкой кивнул и одновременно отрицательно помотал головой. Иву такой ответ явно не устроил, и она бессильно закатила глаза.

— Можно быстро одеться и сделать вид, что ничего не было, — снес я первое овулировавшееся в мозгу. — Что ей все показалось.

Ива посмотрела на меня, как на идиота и уже открыла рот — явно для выволочки за неконструктивный стеб, но тут ее глаза опустились ниже, где полотенце над моим причинным местом все еще стояло шатром. В ее зрачках запылало пламя.

— Если ты к ней полезешь, — зашипела она, — я тебя убью!

До меня даже не сразу дошел смысл ее слов. Она сказала, что если сейчас дочь присоединится к нам в постели, и я, воспользовавшись моментом, засуну в нее свой член, то за этим последует высшая мера наказания. То есть, сам факт моего покусительства на ее дочь Ива воспринимала не просто как нечто возможное, но и весьма вероятное. Ах-х-хренеть! Разгоняя тяжелый хмельной туман, я по типу коня тряхнул головой и уставился на нее.

— С ума сошла? — максимально трезвым и серьезным тоном спросил я. — Понимаешь вообще, что ты сказала? Ты серьезно думаешь, что я могу вот так на твоих глазах полезть к твоей дочери? Ты за кого вообще меня держишь? За кролика-сексопата без представлений о морали?

— Извини, ничего такого я в виду не имела, — сухим тоном, каким можно было бы сказать: «С тебя станется!», ответила Ива.

Секунду подумав, я решил обидеться. Пробормотав: «Ну, ладно, вы тут дальше сами», я встал с кровати и начал взглядом искать трусы. Ива подхватила из-под своих простыней и, стремительно метнувшись ко мне, больно схватила за запястье.

— Арсюш, извини, я глупость сморозила! — с умоляющим взглядом из-под бровей «домиком» простонала она. — Ну, дура я! Не уходи, не оставляй меня одну!

В ее голосе было столько неподдельного трагизма, обращение «Арсюша» было таким трогательным, а уходить из собственного номера настолько не хотелось, что я, поломавшись для виду секунды три, снова опустился на кровать. К тому же трусы в поле моего зрения так и не попались. Ива чуть не плакала, глядя на меня взглядом пнутой собачонки. В знак примирения я улыбнулся и поцеловал ее в холодный нос.

Долгие годы я внимательно наблюдал за жизнью этой семьи. И хотя это было, что называется, со стороны, исключительно по Ивиным рассказам, многое, как потом выходило, мне представлялось совершенно правильно. То, что Ива не просто любит дочь, а любит ее любовью абсолютной, я бы сказал, на молекулярном уровне, я знал и так. Что такая беззаветная материнская любовь часто бывает подчиненной, мне тоже было известно. Но что Дашка (то есть, Дарья) из матери просто веревки вот так может вить, я не догадывался. На месте Ивы я бы через пять секунд после такого бесцеремонного вторжения влепил бы дочери пощечину, еще лучше — пару-тройку полновесных плюхов, чтоб башка отскочила, и выгнал бы топиться в бассейне, вешаться на пальме или еще куда — неважно.

— Ив, — осторожно начал я. — тебе не кажется, что ты несколько увлеклась этим спектаклем? По-моему, ее надо просто выставить. Глубина воды в бассейне метр двадцать, там невозможно утопиться. Там спасатели, в конце концов!

— Ты не понимаешь, — зашипела Ива в ответ. — Она уже наглоталась один раз лекарств, когда я дала ей пощечину. Она пойдет и утопится, она такая! Я не знаю, что делать!! Я боюсь!!!

Из ее глаз хлынули слезы. Я обнял Иву за плечи и глубоко вздохнул. Похоже, дело обстояло еще хуже, чем можно было себе представить.

Шум воды прекратился, и Дарья, ощутимо пошатываясь, вышла из ванной. Вместо одежды на ней было обернутое вокруг торса большое белое банное полотенце, свободным концом которого она неловко пыталась вытереть концы мокрых волос. Но конец был слишком маленький, и Дарья раздраженно с силой дергала за него. Ее усилия увенчались успехом, и ровно в тот момент, когда Дарья остановилась на пороге, полотенце размоталось и оставило ее перед нашими взглядами совершенно голой. Воцарилась классическая, уже вторая за сегодняшний вечер безмолвная сцена.

— Уп-с! — пьяненько прыснула Дарья. — Простите, кажется, у девушки проблемы с гардеробом.

Она попыталась снова завернуться, изогнулась, пытаясь зажать полотенце подмышками, но ткань выскользнула, Дарья еле успела поймать его уже у пола и в результате водрузила себе на бедра, прикрыв грудь прядями волос. Фигурой, как и ростом, она была совершенно не в мать — очень худая, узкие бедра, коротковатые ноги, из-за чего она постоянно старалась ходить слегка на цыпочках. Тонкие черты лица портил тяжеловатый подбородок, явно унаследованный от отца. Да и темноволосой при матери — натуральной блондинке дочь тоже была ясно в кого. «Папаша подосрал», — смеялась Ива, когда мы изредка обсуждали непохожесть дочери на мать. Еще у Дарьи была маленькая даже для ее возраста грудь и плоский живот в мускулистую клеточку. Но при том, что писаной красавицей Дарья явно не была, я не мог не отметить исходящую от нее врожденную сексуальность, и этим она была в мать. И еще — глазами. Когда Ива смотрела на меня своими арийскими цвета сельдереевого сока глазищами, со мной всегда случались позывы к эрекции, и на Дарьин взгляд реакция моего организма оказалась идентичной. Видеть этого Ива не могла, но, видимо, в моем взгляде был такой интерес к внезапной Дарьиной наготы, что мать

пребольно ущипнула меня за ляжку.

— Ай! — вскрикнул я.

— Ага, — отозвалась Дарья. — Я, собственно, готова.

И она решительно шагнула к кровати.

— Дарья!! — в последней попытке возопила Ива. — Остановись!

Ее интонации напоминали крик часового: «Стой, стрелять буду!», но на Дарью это не произвело никакого впечатления. Она уже была на кровати и на четвереньках, похожая на тощую кошку, двигалась к матери. Ива в ужасе пыталась отползти от приближающейся дочери, но сзади была спинка.

— Я хочу тебя, мама! — с гаремным придыханием проурчала Дарья. — Я давно искала гомосексуального опыта, и рада, что это произойдет с нечужим человеком. Ты ведь не будешь против?

Дарья потянула на себя простыню, под которой укрылась мать. Та тихо взвыла.

— Нет, Даша, Дарья, нет, не надо, опомнись! — запричитала она, вцепившись в свой край простыни двумя руками.

Евин голос звучал истерически и одновременно настолько трагично, что несмотря на то, что разборка между матерью и дочерью меня, вроде как, напрямую не касалась, да и Ива, по сути, настоятельно просила не вмешиваться, я решил, что встрять все-таки нужно. «Эй, малявка, все, хорош, представление окончено. Пошутили и хватит. Давай на горшок и спать!» — тирада в этом роде уже готова была слететь с моих губ, но... не слетела.

Не знаю, почему. Или — знаю... Да, знаю. Ровно за тот малый отрезок времени, в течение которого было еще не поздно вмешаться, в моей пьяно-навигагреной голове пролетел целый гигабайт мыслей, наиболее рациональной из которых была: «Она сама сейчас остановится. Девочка перебрала и решила всех поэпатировать. Просто не может быть, чтобы она пошла дальше!». Но самой честной, истинной, всамделишной, шедшей прямо от сути естества моего была мысль о том, что другого такого шанса трахнуть Ивину дочку больше не будет. И что дурак я, что пару минут назад такую правильную речугу закатил, — после такой на попятный уже не пойдешь. И, поразившись вдруг тому, что как белое от черного отличаются высказанные мои слова от невысказанных помыслов, рот я захлопнул. Хотя не уверен, что в тот момент какие-то мои слова уже чему-то могли помешать.

— Мам, да ладно те! — очень развязно сказала Дарья. — Чё ты, расширь свои границы!

С этими словами Дарья резко рванула простыню вверх и поднырнула под нее. Простыня опала вниз белым пузырем и укрыла их обоих, так что с одной стороны из-под ткани торчала Ивина голова, а с другой — Дарьины голые ноги и едва прикрытый полотенцем тощий зад. Под простыней началась возня, но долго сопротивляться такой атаке Ива не могла, уж я-то знаю.

Хорошо известно, что женщине можно доставить удовольствие самыми разнообразными способами и, соответственно, разными частями тела. Наиболее подходящая часть, чтобы ублажить Иву, это, безусловно, язык. Для нее то, что на медицинском языке называют кунилингусом — как валерьянка для кошек. Если представить Иву на месте партизанки военных времен, врагам не нужно было бы долго мучить ее изощренными пытками. Нужно было просто привязать ее к гинекологическому креслу, позвать десяток солдат с крепкими челюстными мышцами, и максимум через четверть часа партизанка сдала бы все известные ей тайны.

Я еще раз бросил взгляд на подпростынную возню, на трагическую маску безнадежного сопротивления на Ивином лице, на вихляющийся Дарьин зад, смачно выругался про себя и, захватив коньяк и сигареты, направился на балкон. Но не суждено было этому томному турецкому вечеру стать инцестуальным. В ту самую секунду, когда я огибал угол кровати и уже потянулся к ручке балконной двери, простыня, укрывавшая Дарьин топ и Ивин боттом, взлетела белым парусом, открыв место схватки мамы и дочери. Ива лежала, закрыв рукой глаза, тяжело и прерывисто дыша. Ее шея, плечи, грудь алели рваными пятнами, как при крапивнице, ноги были сжаты, казалось, с силой челюстей нильского крокодила. Дарья, покачиваясь, стояла на коленях над распростертой перед ней матерью, задрал подбородок к потолку и сильно прижимая ладони к животу. Я протянул руку тронуть ее за плечо, но в этот момент ее вдруг скрутило, щеки ее надулись, и Дарью бурно вырвало прямо под себя, забрызгав Иву до пупка. Та распахнула глаза, взвизгнула, вскочила и бросилась к дочери.

— Даша, Дашечка, что с тобой?! — запричитала она, пытаясь обнять дочь.

Дарью снова вырвало прямо матери на грудь.

— Скорую, звони в скорую! — закричала мне Ива, прижимая ослабевшую Дарью к себе. Я кинулся к телефону, успев подумать: «Какая, блин, скорая? Заграница же!»

— Не надо скорую, — слабо пробулькала Дарья. — Мы просто по... покурили... слишком много... Щас пройдет...

Ее загорелое лицо посерело, у нее зуб на зуб не попадал.

— Бо-о-оже! — шепотом возопила Ива.

Я сочувственно посмотрел на нее. В одночасье подвергнуться попытке лесбийского насилия со стороны дочери, по ходу пьесы узнав, что кровиночка как минимум балуется наркотиками — это испытание не для средней материнской психики. Ивины глаза были полны слез, она гладила Дарью по волосам, совершенно не замечая, что ее руки, обнимающие дочь, были все в следах рвоты, по виду (да, что удивительно, и запахом тоже!) удивительно напоминавших соус «Тысяча островов». «Вам обеим нужно в душ», — тоном метрдотеля ресторана из «Бриллиантовой руки» сказал я. «Да, да, правильно!» — встрепенулась Ива, без видимых усилий, как грудничка, подхватила дочь на руки и бегом бросилась в ванную комнату. «Коня на скаку остановит...», — всплыло в моем мозгу. Я воспользовался перерывом в действии и подошел к двери. Черт, так и есть — предназначенный оберегать от навязчивого сервиса стикер при закрывании двери сквозняком задувало в щель между полотном и коробкой, и он блокировал защелку. Дверь оставалась закрытой, но не запертой. С удовлетворением поставив точку в вопросе о том, как Дарья открыла дверь в номер, я сделал все как надо, и со спокойной душой принялся наводить порядок на заблеванной постели.

После четверти часа отрезвляющей комбинации горячего и холодного душа Дарья порозовела, ожила, ее перестало колотить. Мать насухо вытерла дочь полотенцем, и та уснула еще до того, как мы дотащили ее до постели. Мы уложили ее под одеяло, накинули халаты и ушли на балкон, в ночную влажную парилку, прихватив остатки коньяка. Ива пила и курила одну сигарету за одной, каждые пять минут порываясь проверить Дарью, пока наконец я убедил ее, что вполне достаточно наблюдать за кровиночкой через стекло балконной двери. Скоро Иву начало отпускать, ее зубы перестали стучать о край стакана. После очередной порции я заметил, что она снова захмелела, и это, наверное, было к лучшему. Стиснутая до этого в позе Роденовского мыслителя, она начала потихоньку словно расплываться в кресле, пока, не докурив очередную сигарету, не откинулась полностью на

спинку. Ее глаза медленно закрылись. Я вынул из ее пальцев окурки, укрыл полой халата нервно сжатые колени, и тоже вытянулся в удобном плетеном кресле, пытаюсь думать о произошедшем. Но запахи и звуки тропической ночи быстро убаюкали меня, и я тоже уснул.

Разбудила меня вышедшая на балкон Дарья. Взгляд на циферблат своей Омеги — я проспал часа полтора. Посмотрел на Дарью — она была как новенькая, полностью одета, и даже ее гавайский блузон был застегнут на все пуговицы. Она никак не производила впечатление распутницы-наркоманки, только что вытворявшей такие вещи, что, как говорится, половицы вылетали.

— Мама, вставай! — сердито шептала она, дергая Иву за руку.

Ива проснулась и окинула непонимающе-ошалелым взглядом меня и на дочь.

— Мама, нельзя столько пить! — строго выговорила ей Дарья, взвешивая в руке пустую бутылку из-под Хеннеси.

Ива счастливо закивала и заключила дочь в объятия. «Жива, жива!» — запричитала она, снова глядя Дарью по волосам, теперь чистым и расчесанным.

— Ну, конечно, жива, почему я должна быть не жива? — еще больше нахмурилась Дарья, скользнув по мне настороженным взглядом.

«Ничего не помнит или прикидывается?» — пронеслось в моей голове.

— Ты что, ничего не помнишь? — повторила за мной Ива, отстранив дочь на вытянутые руки и пристально глядя ей в глаза. — Что ты здесь вытворяла?

«Вместе с нами», — добавил про себя я.

— Не понимаю, мама, что я должна помнить? — очень естественно удивилась Дарья и только ее взлетевшие вверх брови дрожали, безошибочно, на мой взгляд, выдавая игру. — Разве что последний коктейль был, пожалуй, лишним...

— Ты, ты... — в смятении начала Ива, понимая, видимо, что не следует воспроизводить всю правду-матку о событиях последних нескольких часов, но не зная, чем эту правду заменить.

— Да, когда ты пришла, ты была немножко нетрезва, — перехватил инициативу я. — Тебя стошнило, мама отмочила тебя в душе и положила спать.

Ива кинула на меня взгляд, полный благодарности.

— Надо же, я совершенно ничего не помню! — воодушевленно подхватила Дарья. — Мам, ну прости меня, пожалуйста!

Все человеческие чувства от удивления до огромного облегчения мгновенно пронеслись в Ивиных глазах, она привлекла Дарью к себе и крепко прижала.

— Конечно, я прощаю тебя! — зашептала она, орошая дочь слезами счастья. — Я так люблю тебя, Даша, Дашечка! Можно, я буду тебя хоть иногда так называть?

— Нельзя! — отрезала в ответ на матернины излияния Дарья, вырываясь из ее объятий. — И хватит телячьих нежностей! Что люди подумают?

Ее взгляд скользнул по «людям». Когда наши глаза встретились на секунду, я уловил в них и озорную радости от маленькой победы в сложной ситуации, и облегчение избалованного подростка, избежавшего наказания за шалость и уже, возможно, нацелившегося на шалость очередную.

Вызвонили Володю. Бледный инфантильного вида юнец появился минут через

пятнадцать, весь вид его говорил о том, что последние несколько часов он тоже где-то отсыпался, а хвоя в волосах наталкивала на мысль о зарослях возле бассейна. Ива показательно распекла его за то, что он бросил Дарью одну, малец пытался объяснить, что та, мол, «сама», но потом вспомнил о джентльменстве и принял остаток экзекуцию молча. Получив строгое указание идти по номерам и ложиться спать, они двинулись к выходу. Ива сопровождала их до двери, видимо, для верности.

— Мам, ты-то скоро? — спросила Дарья уже в дверях, ревниво глядя на меня через матернино плечо.

— Как получится, дочь, — нарочито громко ответила Ива, тоже бросая на меня взгляд. — Нам нужно еще кое-что обсудить с дядей Арсением.

— Я даже предполагаю, сколько раз вы будете это обсуждать, — с ударением на «это» воткнула матери шпильку Дарья. — И, пожалуйста, передай дяде Арсению, чтобы не слишком углублялся в процесс обсуждения!

Мать аж поперхнулась, а Дарья, страшно радуясь недвусмысленной прозрачности своей двусмысленной реплики, с победоносным видом вышла из номера. «Язва, — констатировал я. — Вся в папашу».

За неплотно задернутыми шторами занимался рассвет. Мы лежали и курили. Мягко говоря, было чего обсудить, но Ива молчала.

— Слушай, а как она нашла-то нас? В отеле четыреста с лишним номеров! — не выдержал я.

— Понятия не имею, — дернула плечом Ива. — Я о другом думаю.

— Ну, да, — понимающе подхватил я. — То, что произошло, стоит того, чтобы об этом подумать.

— Я думаю как раз о том, чего, к счастью, не произошло, — хмыкнув, срезала меня Ива. — Хотя ты знаешь, я ведь была в полсекунде от того, чтобы коленки разжать. И что самое интересное, в этот миг думала я не столько о том ужасе, который происходит, и с которым я ничего не могу поделать, а о том, что у меня такая ситуация уже не первый раз в жизни. Что все развивается по спирали, и что все предопределено: сейчас, как и в те разы в прошлом, я сдамся. Рассказать?

— Да, конечно! — поспешил ответить я, чуть не поперхнувшись дымом от неожиданного вопроса. — Очень интересно.

Последние слова вышли какие-то казенные, как на отчетно-перевыборном собрании, но, к счастью, Ива, вся в своих переживаниях, не заметила.

— Первый раз это было, когда я девственности лишалась, — усмехнулась она. — Мне было семнадцать, до того у меня были уже ухажеры, но с ними даже попытки не было. Но они мне и не нравились, а этот наоборот, очень. Высокий, выше меня, чернявый. Женя, помню, его звали. Мы выпили, начали целоваться. Я уже легла на спину, помогла ему снять с меня колготки с трусами, он тоже разделся. У него все было, как по команде «на старт», и мне это очень льстило. Я думала, что это у него именно на меня такая реакция, не знала еще, что в семнадцать лет у мальчиков и на дырку в заборе торчок. Он говорил какие-то слова, глупые, приятные, возбуждающие, и лез рукой, разжимал коленки. А у меня как ступор — не могу, и все. Не страшно, что больно будет или что залететь могу, а просто барьер какой-то

стоит и не падает. И тут вдруг я подумала, что если я ему не дам сейчас, то девки в классе скажут: «Зачем же ты его в кровать-то затащила, если дать намерена не была? Сразу бы сказала ему, что нет, мол, не буду, не проси. Вон, Ленка Кочнева по нём сохнет, может, ей обломилось бы. Как собака на сене, ей богу! До свадьбы себя бережешь? Ну и дура ты, Ива-слива (у меня прозвище такое было), как есть дура!» И от таких мыслей сразу у меня барьер упал, и все случилось, представляешь?

— Ага, — ответил я. — То есть, в этот первый раз стимулом для тебя выступила боязнь общественного мнения. А как было второй раз?

— А второй раз с тобой был, мой мальчик! — засмеялась Ива. — Когда у нас все произошло, помнишь?

Конечно, я помнил. Я, как часто тогда, возил Иву по каким-то ее делам, нам нужно было что-то забрать из их с Аббасом супружеской квартиры на проезде Шокальского. Я пил на кухне сваренный мне Ивой кофе, она, стоя рядом, курила в открытую балконную дверь. До этого дня между нами ничего не было, хотя Ива и рассказывала, что Софа давно уже смотрит подозрительно на частые поездки снохи с Арсением Андреевичем и часто втыкает ей по этому поводу шпильки. «Что делать, если муж вместо того, чтобы заниматься делами семьи, шляется неизвестно где? — отбивалась от свекрови Ива. — Мне как по Москве прикажете передвигаться? Сказали бы лучше спасибо Арсению Андреевичу, что бесплатно возит нас с Дашей на своей машине! Не нравится — дайте денег на такси!» Обиженная Софа уходила на кухню, — мы весело смеялись, над тем, как Ива весьма похоже представляет Абикову мать с ее презрительно выпяченной нижней губой. Я смотрел, как Ива курит и думал о том, как бы я хотел, чтобы под Сониными подозрениями были бы хоть какие-то основания. Между розовой Ивиной блузкой и поясом джинсов образовалась полоска голой кожи, мое лицо было как раз на этом уровне. Я не удержался и поцеловал Иву в этот маленький промежуток. Ее кожа была теплая, немного шершавая и солоноватая на вкус. Ива странно посмотрела на меня сверху вниз, затушила сигарету и, неразборчиво что-то пробормотав, вышла с кухни и скрылась в ванной. Оставшись один, я напряженно думал над ее внезапным уходом, в конце концов решив, что слишком много себе позволил. Напряженно я ждал ее возвращения, чтобы сразу броситься извиняться, но когда дверь снова открылась, я понял, насколько сильно ошибся в предположениях. Потому что сейчас на Иве был чудовищного темно-зеленого цвета махровый халат, и не нужно было быть провидцем, чтобы догадаться, зачем женщина ходит в ванную и переодевается в домашнее, когда на кухне у нее сидит мужчина. Ива бросила на меня — скорее, сквозь меня — какой-то обреченный взгляд, словно сказав: "Ну, вот...", и прошла в комнату. Я вскочил, чуть не уронив табуретку, и когда тоже вошел, Ива уже лежала на разложенном диване, служившем им с Аббасом супружеским ложем. Полы халата ниже завязанного на талии узлом пояса раскинулись, и под ним на ней ничего не было. Ее отделяли сейчас от меня сейчас только плотно сжатые колени. Сердце загрохотало в груди, как проносящийся на расстоянии вытянутой руки поезд.

— Да, я помню, — ответил я. — Так мне не показалось, что когда кроме как нестись вперед ситуация другого развития, вроде бы, уже не предполагала, ты наоборот, как-то задумалась и решила притормозить?

— Да, верно, — кивнула Ива. — Тогда на кухне я думала о том, что когда-нибудь любому мужику надоедает, что им на халаву пользуются. Ну, и вся в раздумьях пошла в ванную. Но от раздеться до ноги раздвинуть у порядочной женщины дистанция километр,

чтоб вы знали, ха-ха! На самом деле решение я принимала уже лежа рядом с тобой, и совсем как в первый раз, миллиард мыслей роился у меня в голове. Да, логически нужно было двигаться вперед, но я понимала, что после этого слишком много в моей жизни уже никогда не будет по-прежнему, и эта мысль была как шлагбаум.

— Но ведь в результате все получилось, — осторожно сказал я. — Что же на этот раз тебе помогло, что подняло шлагбаум? Это же не было накануне вечера встреч выпускников, где совет одноклассниц снова мог бы подвергнуть тебя остракизму?

— Нет, — рассмеялась Ива. — Язва ты. Шлагбаум подняла мысль о том, что твоя Марина была, все-таки, неправа. Причем дважды.

— Марина! — чуть не подпрыгнул я. — Моя Марина? Господи, она то тут каким боком? Я приподнялся на локте и с нетерпением ждал продолжения истории. Ива же, как опытный рассказчик, держала паузу, докуривая сигарету. И только когда окурок умер в пепельнице, она снова открыла рот.

— Как-то, когда еще все были вместе, на новом годе в офисе мы стояли, курили с Мариной и еще с какой-то бабой из магазина, не помню, рыжая такая, с сиськами и с губами. Ну, ржали, матюкались, знаешь, когда бабы в своей компании сильно подопьют. Разговор зашел о мужниных изменах. Я честно сказала, что хотя своего Абики никогда ни на ком не ловила, но особых иллюзий на этот счет не питаю. Баба эта магазинная подхватила, что у нас, у жен, нет шансов на мужнину верность минимум по двум причинам. Первая — это то, что мужики полигамны от природы, что у них даже счетчик такой от рождения встроен, скольких самок они осемят. А вторая — в нас самих. Что, дескать, мужики бы не изменяли, если б бабы не давали. Что через такой хилый плетень, как мы, только ленивый не перелезет. Мол, сами виноваты. Тут Маринка твоя подхватила вся и давай эту с губами чехвостить. Мол, конечно, с такими-то мыслями! А вот она, Марина, к примеру, мужу верная и точно никогда ни с кем на адюльтер не соблазнится. И в подругах своих всех она уверена тоже. Потому что у порядочных, мол, женщин, принято, что муж подруги — не мужчина. И ко мне — мол, Ива, так ведь? Я помню, аж поперхнулась. Нет, не то, чтобы я уже тогда глаз на тебя положила, такого еще не было, но голос твой уже тогда казался мне весьма сексуальным. Ну, я киваю в такт Марине твоей, мол, йа, йа, натюрлих, подругин муж не объект для возжелания имеет место быть. А Маринка не унимается, конкретика, вишь, ей нужна. Спрашивает меня: вот, мол, если бы ее муж Арсений вдруг да и начал бы до меня домагиваться, верно же, что я бы его отшила? Я уже рот открыла, чтобы согласиться, но Маринке снова нейдет. Нет, она, конечно, в муже своем Арсении уверена, и во мне уверена (мы же подружки, Ивушка, верно?), но вот если на секунду такое все-же предположить? Я второй раз открываю рот, чтобы согласиться, но тут к нам подходишь ты с кем-то еще, мы все ржем, что вот как раз сейчас можно и проверить. Ты ничего не понимаешь, и оттого мы ржем еще пуще. Так на Маринин вопрос я тогда и не ответила, и не то, чтобы я с ней была несогласная. Но вот когда я уже лежала, а ты сел рядом, мои сжатые коленки поцеловал и ладони на них положил, тут я и подумала, что Марина дважды ошибалась — и во мне, и в тебе. И тут уже было ничего не поделать...

Я слушал все эти преданья старины глубокой с живейшим интересом, но не смог удержаться, чтобы не запустить в Ивины рассуждения крючок.

— То есть, ты хочешь сказать, что лежала и думала, что коли уж твоя подруга и моя жена Марина ошибалась по нашему с тобой поводу, то было бы нелогично эту ее ошибку не подтвердить практическими действиями, так? — спросил я. — А ты не допускаешь, что если

бы ты в последний момент передумала, то это означало бы, что моя благоверная в своих рассуждениях не была неправа? И если бы в тот момент именно такая мысль пришла тебе в голову, история могла бы иметь совершенно другое продолжение?

— Нет, не означало бы! — передразнила меня Ива. — К сожалению, относительно нас с тобой Марина в любом случае ошибалась. Потому что мы с тобой изменили нашим супругам гораздо раньше того момента, когда это произошло физически. Когда ты, точно не знаю, а я... Даже не когда в ванной после душа раздумывала, надевать ли мне джинсы, а еще раньше, на кухне, когда я не просто подумала, что столько времени водить мужика на веревочке — это стервизм и сучство, но и обрадовалась поводу доказать, что я не стерва и не сука. Но если совсем честно, то в самый, самый последний момент, когда еще можно было все остановить, я подумала, что если уж твоя Марина оказалась неправа в моем отношении, о пусть уж она ошибется и относительно тебя. Только не вздумай сейчас приплести сюда в качестве основного инстинкта стадный!

— Нет, нет, стадность тут ни при чем! — воскликнул я, одновременно испытывая отчетливую досаду от того, что, похоже, напрасно все эти годы я свою победу над Ивой приписывал своему мужскому обаянию. — Не более, чем... как ты это сказала? Стервизм и сучство?

Ива, поджав губы, замахнулась на меня рукой со сжатым кулачком.

— Все, все, все, извини! — потешно сжался, словно ожидая удара я, страшно довольный своей маленькой мстью. — Но какая же мысль была у тебя сегодня? Позволю предположить, что если в те разы все было так непросто, то теперь тебе в голову пришло нечто совершенно трансцендентальное!

— Иди в жопу, Сень! — ласково ответила Ива. — Я ему, можно сказать, как на духу, а у него один стеб на языке!

— Ну, прости, прости! — заизвинялся я, целуя Иву в плечо. — Жадно слушаю.

Ива вытащила из пачки новую сигарету, щелкнула зажигалкой. Пламя фитиля в предутренней темноте показалось очень ярким. Я зажмурил глаза, под веками замелькали разноцветные круги.

— Когда я из последних сил сопротивлялась Дашкиным пальцам, — хриловатым голосом начала она, — гляди, все ляжки мне изодрала, дурища пьяная! — у меня в голове снова была тысяча мыслей. Но та, которая мною управляла, была о том, что ребенок мой так сильно чего-то хочет, чего-то у меня (неважно, чего!) так сильно просит, а я, сука-мать, не даю, сопротивляюсь, как Лёля-пионерка на групповом изнасиловании! Да на, господи, что мне, жалко, что ли?! В щеку целовать можно, в губы можно, а туда нельзя? Я когда ее кормила, бывало, по два раза кончала. До сих пор когда она до меня губами дотрагивается, меня током бьет.

Теперь Ива приподнялась на локте и застыла надо мной большой черной на фоне сереющего окна фигурой, из-за растрепанных волос на голове напоминающей копну сена на ветру. Я не видел ее глаз, но чувствовал, что она не мигая смотрит на меня.

— Я уже готова была раздвинуть ноги, представляешь, — закончила Ива и совсем уже тихо спросила: — Сень, я е...анутая, да?

Вокруг и так было тихо, но сейчас тишина, казалось, стала полной, абсолютной. Насколько ни был странным с виду вопрос, я прекрасно понял его. Четыре года назад Ивина мать, которой на склоне лет поставили диагноз «шизофрения», то ли случайно, то ли намеренно отравилась насмерть газом — ее нашли лежащей у включенной плиты с

распахнутой духовкой. Немного отойдя от этой трагедии, Ива начала не на шутку беспокоиться вопросом наследственной передачи шизофрении по линии того же пола, что и больной. Особенно ее беспокоила неизвестно откуда почерпнутая информация о том, что шизофрения при передаче по наследству в последующих поколениях «молодеет». Ива имела в виду несколько событий в своей жизни, когда ее поведение могло быть расценено как несколько странное. Я знал по крайней мере об одном из них, когда привокзальной цыганке удалось загипнотизировать Иву рассказами о том, что ее дочь смертельно больна, и спасти ее может только она, цыганка. Ива привела цыганку в дом, отдала ей все деньги, лежавшие в заначке, а на сдачу цыганка прихватила еще и все Ивино золотишко. Уходя, цыганка погрузила Иву в глубокий сон, очнувшись после которого та мало что помнила. Про то, что Ива заходила в квартиру с цыганкой, рассказали соседи. Аббас жену тогда чуть не убил, а рассказывая на работе о произошедшем, не стеснялся называть ее «е...анутой». Лично я ничего странного в этом случае не находил, многие цыганки от природы — очень мощные гипнотизеры, и у неподготовленного человека с обычной психикой против них шансов не больше, чем у меня против Федора Емельяненко в уличной драке. Но Ива тот случай очень тогда переживала, а после того, как был поставлен диагноз матери и особенно после ее странной смерти, знаю, переживала вновь. И вот теперь она имела в виду и все это, и что-то еще, чего я не знал, и Дарьино сегодняшнее выступление, конечно.

Я ласково погладил ее по плечу, еще раз попытался серьезно сам себе серьезно ответить на вопрос, может ли мать, считающая, что у нее есть веские причины, чтобы не отказать родной дочери, недавно переступившей порог совершеннолетия, в интимной близости, претендовать на обозначенное высокое звание, и как мог твердо ответил:

— Нет. Конечно, нет.

Ива вздохнула, снова опустилась на подушку. Ее сигарета не была выкурена еще и наполовину, а она уже потянулась за новой.

— Ты слишком много куришь, — мягко заметил я. — Это вредно.

— Знаю, — отозвалась она с виноватой улыбкой. — Просто до сих пор трясунчик, вон, пальцы ходуном ходят.

Она продемонстрировала мне веер своих тонких длинных пальцев и вдруг зарыдала. Слезы полились из ее глаз потоком, как будто прорвалась сдерживающая их до того задвижка. Я бросился вытирать, утешать, помогать, запричитал: «Ну, Ива, Ивушка, что с тобой, не плачь, не надо!» Но она упиралась, не давала обнять, утешить, мотала головой, трясла руками, и соленые брызги срывались с ее пальцев и ресниц. Я отстал, и скоро она успокоилась сама, последний раз вытерла простыней глаза, еще пару раз хлопнула носом.

— Извини, — сказала она с носовым французским прононсом. — Отходняк.

Уже почти рассвело. Я протянул руку, вытер мокрую дорожку, поблескивающую на ее щеке. Ива перехватила мою руку обеими своими руками, поцеловала в ладонь, на секунду прижала к себе.

— Ты понимаешь, Арсений, я люблю ее больше всего на свете, больше, чем кого-то еще, больше, чем любила маму, папу, больше жизни, в конце концов. Я, не задумываясь, отдала бы ей почку, селезенку, руку, ногу, сердце, жизнь. А она? Маленькая была такая милая, говорила: «Мамочка моя, любимая!» А потом начала взрослеть, отдаляться, стала колючая, острая. Слова ей не скажи. А начнешь воспитывать, выговаривать, фыркнет: «Мать, я тебя ненавижу!» и запрется у себя в комнате, а я рыдаю полночи в подушку. Или начнет плакать на плече — и ростом-то она не вышла, и ноги короткие, и сисек у нее нет, и прыщи у нее

эле-эле повывелись — у меня сердце на куски рвется. А в конце скажет обязательно, что это мы с отцом виноваты, что родили такого гадкого утенка. И угораздило же меня, красавицу-блондинку, выйти замуж за отца с его черными и мелкими доминантными генами! Во всех остальных девяносто девяти случаях, кто бы ни стал моим мужем и ее отцом, она уродилась бы в меня, но ей достался этот самый один процент. Папаша подосрал! Вот о чем я думала, когда выходила за отца замуж? Я ей отвечаю, что мы любили друг друга, что ни о чем другом не думали, а она: «Ни о чем, кроме секса вы не думали, безответственные вы люди!» А теперь приличные мальчики на нее не смотрят, одни только ботаны, прыщавые и упырки интересуются, и то только потому, что думают, что она такая же. И в конце — ненавижу вас обоих, вы мне жизнь сломали. Меня обзывает глупой лошадьё, его — «злой Калалуш» — это она еще в детстве придумала ему прозвище такое, не знаю, откуда взяла, кажется, что-то вроде Лепрекона. Отец ненавидит это прозвище, сколько раз запрещал так себя называть. Раз вскочил, замахнулся на нее: «Ах ты, дряннь неблагодарная, мы с матерью тебе жизнь дали, а ты нас в чем упрекаешь?!» А она сорвала со стены кинжал родовой, к горлу себе приставила, представляешь? Отец на колени перед ней упал — отдай, а она ни в какую, так с ножом к себе в комнату и ушла. Она вообще за последний год, такое ощущение, что выросла на несколько лет, повзрослела очень, совсем не как ребенок рассуждает. А теперь вот это. И наркотики! Кто знает, это она сегодня первый раз попробовала, или давно уже? Она словно бежит по дистанции, все ускоряя темп. И хватит ли сил до финиша, неизвестно. Как горит на столе свеча, и гореть ей еще долго, до утра, но тут вдруг начинает трещать, плеваться воском и уже понимаешь, что на самом деле огня в ней на полчаса, не больше. Страшно мне, когда думаю об этом.

Она говорила это, глядя прямо перед собою широко открытыми глазами и — странно — не плакала, но слезы то и дело выкатывались из ее глаз. Я обнял ее, поцеловал в соленую скулу.

— Давай спать? Рассвело уже.

Ива кивнула. Я встал, задернул шторы — комната снова погрузилась во мрак. Только закрылись глаза, как сразу зарябило пестро под веками, все ощущения и звуки покатались в гулкую вдаль. Я поймал себя за самый хвостик сознания, скатывающегося в сон.

— Не спишь еще? — позвал я Иву. — Слушай, а что это за тема такая — я не Даша, я Дарья. Всегда так имена сокращали...

— Это у вас, у русских всегда, — не дала мне договорить Ива. — Дарья, Даша, Дашка. По-моему, больше никто так дебилно имена не сокращает. Как-то по собачьи. А Абики дал ей имя Дарья, безо всяких сокращений. И даже не Дарья, а Дарья́. Это их, иранское имя, в переводе означает «море». Дашка очень гордится им. Ты не знал?

— Нет, Аббас никогда не рассказывал, — ответил я, не став по-собачьи сокращать имя Ивиного мужа до привычного Абика.

Замолчали, сон тотчас снова начал норовить смежить веки. Теперь уже Ивин голос через дрему прозвучал так громко, что я вздрогнул:

— Арсений Андреич, а можно вопрос?

— Да, да, конечно, — ответил я, притворяясь бодреньким.

Ева, до того лежавшая ко мне спиной, снова повернулась ко мне.

— Скажи честно: жалеешь, что Дашку не трахнул, а?

Она глядела на меня с пронизательной улыбкой змеи, готовой к броску. Врать не было никаких сил, не хотелось, да и смысла никакого не было, змея не поверила бы.

— Жалею, — честно ответил я. — Это ужасно?

Вопреки своему сравнительному образу Ива не бросилась на меня, а вполне миролюбиво потянулась рукой за сигаретой, но передумала, вместо этого подперла пальцами щеку, придав своему лицу несколько мечтательное выражение.

— Ты знаешь, если бы это разговор состоялся до событий этой ночи, я бы не знаю, что с тобой сделала только за одно предположение о сексе с моей дочерью, — задумчиво сказала она. — потому что убить за это — мало. Провернуть твои яйца через мясорубку, а потом спалить твой похотливый хрен газовой горелкой — вот достойное наказание за это. Но, ты знаешь — сейчас — это почти как в другой жизни. И скажу, что ничего ужасного в этом сейчас я не нахожу. Наоборот, я бы, наверное, была бы даже не против, — правда, не с целью, чтобы удовольствие получил ты, мой дорогой, а чтобы его получила Дашка. Я помню эти детско-юношеские попытки получения оргазма — я, пока не родила, кончать по-человечески не научилась. Она такими подробностями со мной не делится, но я почему-то уверена, что у нее дела с этим не лучше обстоят. Так что разочек, пожалуй, я б тебе разрешила, как бы это цинично ни звучало.

— Что ж разочек-то? — состроил я огорченную мину. — Одной ягодкой виноград не распробуешь.

— Фигушки! — покрутила у меня перед носом фигурой из трех пальцев Ива. — Виноградику ему захотелось! Извольте назад, в стойло, на привычный корм! Может, конечно, и приелось вам уже, но зато высококалорийно и без ограничений, голодным не останетесь. Подавать?

— Конечно, подавать! — засмеялся я. — Знаешь, как в армейке рапортуют, прежде чем сесть за стол: «К приему пищи готов!»

— Ой ли? — не поверила Ива и сильным рывком стянула с моих чресл простыню. — Не похоже, однако! Пациент, смотрю, скорее мертв, чем жив.

— Он просто испуган, — объяснил я. — Образы газовой горелки повлияли. Так что первую помощь оказать надо и, возможно, пациент оживет... Возродится, так сказать... Как Феникс из пепла...

— Из пепла? — уточнила Ива.

— Из пепла, — вздохнул я.

— Так что, возродить? — спросила Ива.

— Ага, возродить, — мечтательным голосом разрешил я.

Холодная Ивина грудь мягко легла мне на ляжку. Я закрыл глаза и отплыл в заоблачные дали.

[i] Есть там кто-нибудь? (англ.)

Глава 2. Море

Когда я открыл глаза, Ивы рядом уже не было. Осторожно, чтобы не разбудить меня, она ушла еще затемно, движимая, думаю, соображением, что родительнице, даже воочию застуканной в ночи собственным отпрыском за стыдными делами, все равно приличествует вернуться домой до наступления утра. Да, уж, ей не позавидуешь: какие после такого ребенку слова говорить, как в глаза смотреть? По мне, так, как говорится, поздно пить Боржоми, могла бы и остаться, тем более, ее присутствие сейчас очень, очень бы не помешало. Волшебный продукт американских фармацевтов продолжал будоражить организм, и сносить эти мощные позывы определенно не было никаких сил. Первой мыслью было позвонить, призвать, взмолиться, но невозможно было ждать ни минуты, да и получить в ответ что-то вроде: «Ах, бросьте ваших глупостей!» (с нее станется!) совсем не хотелось. Пришлось призывать на помощь воображение, и оно быстро нарисовало Иву, лежащую рядом на боку в позе эмбриона. Она еще спит, и я несильно, осторожно трогаю ее грудь, прижимаюсь к ней, повторяя собой все изгибы ее тела, как теленок, тыкающийся губами в вымя матери, сообщаю ей, что голоден, и где у меня горит этот голод. Ива, не открывая глаз, протягивает руку с безупречным ярко-алым маникюром и открывает дверь, впуская раннего нетерпеливого гостя. Я вхожу без стука и — сразу в дальнюю комнату. «О-о-а-а-х-х-х-х!» — выдыхает Ива, впиваясь ногтями в подушку. Я стартую с места в карьер, но утренние визиты недолги, и марафонским этот забег точно не станет. Очень скоро наслаждение вязкой тягучей карамелью сгущается где-то в копчике, разливается звоном в ушах и взрывается фейерверком цветных искр. У меня аж скулы сводит, я секунд десять на глубоком вдохе мечусь по подушкам, до боли сжимая пальцы. Потом выдыхаю и открываю глаза. Пару мгновений ничего не вижу — так были стиснуты веки. Потом темнота стремительно рассеивается, и в последнее мгновение, за которое абрис женского тела по левую руку от меня растворяется в реальной картинке скомканного вороха белых простыней, мне показалось, он был он не совсем Ивин... Вернее, совсем не Ивин.

Туалет, душ, и через двадцать минут я — как огурец. Даже не как огурец — я представился себе в эту минуту почему-то большим, высоким фужером для бургундского вина ручной работы, после очередного употребления тщательно вымытого и протертого. В глубине чистейшего свинцового стекла вспыхивают искры, осторожный щелчок ногтем рядом с кромкой извлекает из ендовы, из всего тулова бокала кристально звенящую ноту «ля» какой-то заоблачной октавы, на границе ощущений человеческого уха. Сомелье замечает на стекле какую-то микроскопическую соринку, и хотя более вероятно, что она — плод его воображения, осторожно выдыхает: «Ф-хо!», и потом тщательно протирает запотевшее место снежно-белой фланелью. Взгляд на свет — теперь идеально! Фужер аккуратно вешается вниз головой в стойку и, качнувшись пару раз, замирает в ожидании, когда он снова будет востребован, и в него в бесчисленный раз польется неповторимый жидкий концентрат души винограда Пино-Нуар, выращенного на крутых склонах холмов солнечного Cote d'Or[i].

Страшно хотелось есть, потому что время было давно уже обеденное. Я схватил свой айфон, но изголодавшийся по электроэнергии аппаратик давно отдал концы. Отругав себя, что не поставил с вечера телефон на зарядку (ну, ясно, было сильно не до того, но вдруг кто-

то звонил?), но тут же успокоив себя (вечером в субботу, зная, что я на отдыхе за границей — вряд ли), я воткнул в аппарат его аристократически-белый провод, еле дождался, пока он изволит включиться, и набрал Иву. Она откликнулась только на седьмом или восьмом зуммере, словно то, что я, как проснусь, позвоню, не было совершенно очевидно. Неприятненько царапнуло по сердцу — будь я на ее месте, я бы, конечно, держал телефон под рукой, но Ива никогда не обращала внимания на подобные мелочи. «Тогда встречаемся у столовки», — буднично сообщила она, выслушав мой радостный доклад, что «я проснулся и есть хочу». Я быстро натянул шорты с майкой и вприпрыжку вылетел из номера.

Наудачу, раздача пищи в «столовке» (так русские по совковой привычке называют в турецких отелях «ол инклюзив» рестораны шведского стола в отличие от заведений «à la carte», которые более соответствуют нашему представлению о собственно ресторане) шла почти непрерывно. Труда найти «столовку» не составляло — аппетитные запахи жарящегося мяса, рыбы, специй, словно звуки одной непрекращающейся гастрономической симфонии, исполняемой оркестром поваров-виртуозов в гигантском театре под открытым небом, разносились по всему отелю. Южная жара обрушилась не меня банной парилкой, в которой только что обильно поддали. За пять минут я стал похож на плохо отжатую мочалку, в голове и в груди снова застучали вчерашние излишества.

Ива ждала меня у входа. Парео на теперь ней было серо-дымчатое и почти прозрачное, а черный купальник под ним был надет, похоже, не для того, чтобы что-то скрывать, а исключительно с целью, чтобы его хозяйку нельзя было обвинить, что она пришла в общественное место голая. Выглядела она сейчас еще более сногшибательно, чем вчера, хотя вчера мне казалось, что сногшибательнее просто не бывает. Даже шаг как-то сам по себе еще более ускорился. Уж не для того ли, чтобы все увидели меня рядом с такой потрясающей женщиной и, увидев, позавидовали? О, тщеславие, один из тягчайших пороков человеческих! Даже не подойдя, а подбежав к Иве я, вытянув губы дудочкой, потянулся поцелуем к ее губам, но она, как и вчера вечером, подставила щеку. «Что, Дарья увидит?» — с ехидцей спросил я. Ива, видимо, поняв всю абсурдность таких опасений после ночных событий, сжала губы и только неопределенно пожала плечами. Не нужно было быть особо наблюдательным, чтобы сообразить — настроение у Ивы, мягко скажем, не очень. Ну, да, причину было нетрудно понять, и все-же мне стало как-то не по себе. Так бывало всегда, когда Ива вдруг переставала давать себе труда скрывать в моем присутствии свое плохое настроение, и дело тут было не в моей обеспокоенности причинами каждого такого минора. Дело было в том, что в такие минуты Ива не стеснялась всем своим видом показать, что плевала она с высокой колокольни на все вокруг, и на меня в том числе, потому что ее дела гораздо важнее неписанной обязанности порхать в присутствии спонсора-любовника. Меня это не огорчало, не бесило, но как-то выбивало почву из-под ног, вносило неуверенность в аксиому, что эта женщина — моя. Вот и сейчас я завибрировал, засуетился, начал за подтверждением своих догадок заглядывать ей в глаза, но зеркала Ивиной души были непроницаемо скрыты за стеклами солнцезащитных очков (Armani, 450 долларов).

— Как Дарья? — задал я, вроде бы, беспронизышный вопрос, после которого Ива, как правило, раздражалась долгим рассказом о делах дочери, но и это не сработало.

— С ранья шляется где-то, — с явно деланным безразличием только и ответила она. — Я ее не видела. И — давай не будем о ней, ладно? Меня до сих пор трясет, как вспомню.

Я с готовностью покивал, участливо вздыхая и констатируя при этом, что с душевным контактом у нас как-то не очень. Хорошо, что я не стал звонить ей, проснувшись — ее ответ

мог бы стать глубоким нокдауном моему беззаботному отпускному настроению. Я вздохнул, и за недостатком тонких материй повлек Иву удовлетворять более прозаические потребности.

У входа в столовку две молоденьких турчанки в фирменных блузках внимательно следили, чтобы никто, не имеющий оплаченного права, не проник в гастрономический рай за дверь. Мы посверкали у носа юных церберш пластиковыми браслетиками на запястьях, свидетельствующими, что такое право у нас есть и, получив в ответ очаровательную улыбку, вошли вовнутрь. Какое тут было разнообразие съестного! Слюна начала настолько интенсивно скапливаться во рту, что казалось, сглотну я сейчас — и напьюсь, и наемся. Я схватил тарелку размером с приличное блюдо для плова и без разбору начал сгребать с лотков еду — курицу, ростбиф, ветчину, рис, овощи, все подряд. Когда держать блюдо в одной руке стало тяжело, я с сожалением посмотрел на неохваченные мною лотки, вздохнул и, напоследок обильно полив гору вкуснятины на тарелке ароматным соусом, начал искать глазами Иву. Та неспешно двигалась вдоль лотков с малюсенькой тарелочкой в руке, на которой я заметил чуть-чуть чего-то белого и зеленого, должно быть, цветную капусту. Подумав, что плата, назначенная природой за право быть красивой женщиной, все же, пожалуй, чрезмерна, я заказал пробежавшему мимо официанту сразу «two beers» и уселся за ближайший чистый столик. Ива присоединилась ко мне через пару минут, причем еды на ее тарелке особо не прибавилось. Официант принес пиво, получил заказ на «white wine» для дамы и буквально испарился, с привизгом шлифанув подошвами мраморный пол.

— Ну, как говорится, со свиданьем, — поскоморошничал я, поднимая бокал с пивом.

Ева, отправляя в рот бесцветный кусочек цветной капусты, скучно кивнула. «С ее настроением определенно надо что-то делать», — сказал я себе, но ощущения от полившейся в глотку ледяной бражной влаги заслонили все сложные вопросы на свете. Я выглохтил пинту пива в один присест, все до капли, до последней пенной струйки, с сожалением отнял бокал от губ, осторожно опустил на стол. Внутри разливалось блаженство. Посмотрел на Иву, — мой масляный взгляд и расплывшаяся, дурацки-счастливая физиономия просто обязаны были вызвать как минимум улыбку, но Ива не улыбалась.

— Не люблю усатых мужчин, — только и сказала она, тщательно пережевывая второй кусочек капусты.

Я вытер пивные усы, аристократически рыгнул, едва успев прикрыть рот рукой, и поинтересовался:

— Что так? Затяжки на чулках остаются?

Ивасоображала секунды полторы, и поскольку за это время она как раз успела поднести ко рту запотевший бокал с вином, только что доставленный сверхскоростным официантом, то прыснула она, уловив пошленький смысл ответа, прямо в бокал. Раздалось лошадиное «П-ф-р-ррр!», и вино выплеснулось наружу мелкими брызгами, в основном Иве в лицо. «А-а-а-аа!» закричала она, растопырив руки, распахнув на меня глаза и открыв в немом возмущении рот. Вино капало у нее с ресниц и с носа. Пробежавший мимо официант, почти не замедляясь, выхватил у Ивы из пальцев практически пустой бокал и поставил перед нею новый. «Ну, кто же знал?» — изобразил на лице сожаление я и протянул Иве салфетку.

— Убью! — поблагодарила меня Ива, утираясь.

— У тебя с ночи какие-то кровожадные планы относительно меня, — не удержал я на языке колючку. — Причем очень извращенные. Но ты же знаешь, я люблю извращения.

Ива бросила на меня многозначительный взгляд из-под салфетки, которой она как раз

вытирала лоб.

— Я б на твоём месте... — назидательно и гордо начала она, но возжеотпускающее действие алкоголя уже началось, и меня понесло.

— Да уж, оч-чень интересно было бы увидеть тебя на моём месте! — обильно сдабривая интонации максимальной дозой сарказма, парировал я, не дожидаясь развития Ивиной сентенции. — Особенно сегодня ночью. Особенно, учитывая твоё заявление, что против кое-чего ты была бы — пусть разок — но не против. И особенно, если бы Дашку вырвало хотя бы двумя минутами позже.

Ива выстрелила в меня взглядом, который, будь он пулей, прошёл бы насквозь мою голову, десяток сидевших за соседними столами на одной линии со мной, стеклянную стену «столовки», толщу атмосферы и улетел бы в безвоздушное пространство. Черт, она же просила! А я врезал конкретно ниже пояса, морда пьяная... Ива закусил губу. Хотя, может быть, она просто не давала пропасть вину? С непроницаемым видом она скомкала салфетку и снова принялась за капусту. Повисла весьма неловкая пауза. Я мысленно нашлапал себе по губам, но нужно было как-то спасти ситуацию, и я уж было собрался нарушить тишину — чем угодно, любой ценой, но Ива не выдержала первая.

— Ну вот, теперь буду пахнуть не своим парфюмом, а этой винной кислотой, — с серьёзнейшим видом заявила она, с демонстративным отвращением нюхая вино в бокале.

Это была маленькая, но победа. Я мысленно перевёл дух, но успех нужно было развивать.

— Ивушка, ну, что с тобой? — елеиным голосом Джека Николсона из «Иствикских ведьм» начал я. — Ну, нельзя же так, право слово! Ты сама кислее этого вина. Что-то случилось? Мне прямо не по себе от этого, кусок в горло не лезет.

Почти пустое блюдо передо мной недвусмысленно свидетельствовало, что я безбожно вру, но Ива не обратила на это внимания.

— Ты это из-за Дарьи, да? — с видом самой серьёзной своей озабоченности решительно ступил на зыбкую почву я. — Вы что, все-таки обсуждали то, что... что было ночью?

Реакции на нарушение запретной темы можно было ожидать какой угодно, от ещё одной раздражённой отповеди до извержения Кракатау, но взрыва не последовало.

— Да нет, не из-за неё, — нахмурилась Ива, нервно крутя в пальцах бокал. — С Дашкой, вроде, все в порядке. Утром, убегая, чмокнула меня в щеку, шепнула: «Я люблю тебя, мамочка!» Знаешь, игра такая — я сплю и ничего не слышу, но она-то знает, что я все слышу, и я знаю, что она знает. Типа, ещё раз извинилась за ночное шоу, за своё поведение, за все. И знает прекрасно, что после такого у меня сил на разговор, начинающийся со слов: «Знаешь, дочь, нам все-таки есть, что обсудить», у меня не будет. Так что, все хорошо, проехали. Тут папаня её добавляет. Позвонил ни свет, ни заря, и голосом, как будто всю ночь бухал, говорит, — все, пи...ец, мы разводимся.

— С чего это вдруг?! — с энтузиазмом поддержал перевод темы я. — А он что у тебя, бухает?

— У меня! — фыркнула Ива. — Ты прямо как Софа: «А где он у тебя шляется?» — это когда она звонит мне и выговаривает, что не может найти сына по мобильному, а я говорю ей, что дома его тоже нет уже два дня. Так на какой вопрос отвечать: с чего муж со мной разводится, или бухает ли он?

Я люблю Иву, когда она пытается быть ядовитой и саркастичной, это означает, что и

мне не возбраняется быть таким же.

— Начни с развода, — улыбнулся ее шпильке я. — С того, чем, по-твоему, этот отличается от всех предыдущих. Сколько их было — десять? Двадцать? Сто?

Улыбка на лице Ивы была стремительной, как выпад рапириста, но она не укрылась от меня. Разводы у Ивы с ее благоверным были для них занятием вполне привычным. И сейчас я точно знал, по поводу какого развода по лицу Ивы промелькнула улыбка.

Я абсолютно уверен, что среднестатистическую замужнюю женщину, у которой в семейной жизни в целом все в порядке, склонить к адюльтеру практически невозможно. Я имею в виду, конечно, женщин обыкновенных, в сексуальном плане укладывающихся в пределы нормы, а не чокнутых нимфоманок, у которых весь смысл жизни, перекрывая такие категории, как мораль и здравый смысл, сосредоточен на короткой дуге между пупком и копчиком. Но такие экземпляры все-таки редкость, лично мне за всю мою достаточно бурную в этом плане жизнь подобное явление, сохраненное памятью как «Люба, жена прапорщика», встретись всего один раз. За те несколько месяцев безудержного и непрерывного траха, которым единственным словом только и можно охарактеризовать наши отношения, у меня сильно пошатнулась молодецкая тогда еще потенция и вера в женскую супружескую верность. При этом бросить ее, как подсказывал здравый смысл, сил у меня не находилось не только из-за нежелания признать капитуляцию моих возможностей перед ее потребностями, но и потому, что красива и сексуальна она была до чрезвычайности. К счастью, ее не вылезавшего из командировок мужа-прапорщика перевели-таки совсем из Москвы, пришлось двигаться вслед за благоверным и Любе с детьми. В последнюю нашу ночь, когда утра я ждал, как марафонец конца бесконечной дистанции, Люба — видимо, на прощание — «просьпалась», что оба ребенка «получились» у нее не от мужа, и что отъезду из столицы в дальний гарнизон она даже рада, потому что мужиков голодных там — как в тамошней тайге деревьев. После феерического расставания с Любой я месяц в сторону женского пола смотреть не мог, а последнюю информацию о ней получил пару лет спустя от случайно встреченного на рынке хахаля ее лучшей подружки, с которым пару раз случалось бывать в одной компании. Он поведал, что в гарнизоне Люба развила такую бурную деятельность, что сначала ей, объединившись, навалили жены приманенных ею служивых мужиков, а закончилось все совсем трагически. Любин муж, у которого, видимо, глаза на женины безобразия были на открытие не легче Виевых, таки прозрел, избил жену до полусмерти, обезобразив лицо и оставив калекой на всю жизнь, а сам, не дожидаясь «светившего» ему срока, повесился в тюремной камере. Я долго не мог отойти от этого рассказа, — всякий раз при воспоминании о Любе у меня сжималось сердце. А еще я думал, что какое счастье, что не все женщины таковы, как Люба, прапорщикова жена.

И совершенно не факт, что мы с Ивой, даже столь часто общаясь, стали бы любовниками, если бы у них с мужем все было нормально. Но после выхода из СИЗО у Аббаса конкретно «крыша поехала», мужик задурил, сначала вроде бы ударился в религию, но потом, по образному Ивиному выражению, «религия вся в конец вылезла», как в прямом смысле — в возрасте под сорок Аббас «обрезался», — так и в переносном. Бездельничающий, неделями прохлаждающийся на даче Аббас нашел где-то в Серпухове тетку — мусульманку, не то татарку, не то узбечку по имени Зубейда, как утверждала Ива «черную и страшную, как Баба-Яга», да еще и старше его лет на десять. Причем отношений с ней Аббас от жены не скрывал, утверждая, что построены они исключительно на внезапно возникшем у него после тюрьмы тяге к изучению ислама. «Ты ведь не можешь

удовлетворить мои потребности в этой области?» — спрашивал он жену. Ива отвечала, что в любую минуту готова удовлетворить любые потребности мужа хоть в области, хоть в Москве, хоть в любой точке необъятной нашей родины, были бы эти самые потребности. Мы ржали над этими Ивиными «чуть ниже пояса» рассказами, но не заметить, что она очень болезненно ревнует мужа к «Бабе-Яге», было невозможно. Закончилось все тем, что в очередную пятницу приехав на дачу, Ива не смогла лечь с мужем в одну постель, потому что от того «перло чужой потной бабой». Тот особо факт супружеской измены и не отрицал, сказав лишь, что случилось это в порыве религиозного экстаза и добавил, что истинному мусульманину Шариат позволяет иметь четыре жены. Ива в ответ вlepила мужу пощечину. Аббас очень серьезно заявил, что истинный мусульманин не может позволить себе жить с женщиной, которая осмелилась поднять на мужа руку. Он встал и торжественно три раза произнес: «Ты мне не жена!», объяснив, что это «талак» — развод, и что они теперь не супруги. После чего сел в машину и уехал. Ива, забрав Дашку, пешком ушла с дачи. Неся уже немаленькую дочь на руках, она по ночи прошла восемь километров до станции и едва дождалась первой электрички в открытом павильоне на платформе. «Так что, со мной развелись, — грустно усмехаясь, рассказывала Ива. — По всей шариатской форме. Подскажи, мне плакать или смеяться?» Это было месяц, наверное, или чуть больше до закончившихся диванными полежалками наших кухонных посиделок на проезде Шокальского. А много позже, когда во время одного из неизбежных между соитиями разговоров как-то сама собой затронулась тема адюльтера и обоюдной за него ответственности участников, Ива, с хитрой улыбочкой промурлыкала: «Ко мне какие претензии — я тогда вообще разведена была!» Сейчас — я знал — Ива улыбнулась, вспомнив этот их с мужем первый развод и тот наш разговор.

— Да, наверное, десятка полтора было, — ответила Ива, — я со счета давно сбилась. Но сейчас он сказал, что все не как раньше, что это не «талак» какой-нибудь, а гражданский развод, «серьезно и по-настоящему».

— У-у! — протянул я. — Звучит грозно. Сама-то веришь?

— Да давно уже к этому шло, — собрав поднятыми бровями в мелкое гофре загорелую кожу на лбу и сосредоточенно оценивая подушечкой левого безымянного пальца остроту зубьев вилки, ответила она. — Похоже, придется поверить.

— Ну да, двенадцать лет как минимум, — усмехнулся я, снова вспомнив их первый «талак» и то, что за этим последовало. — Если сравнить разводную составляющую ваших с Абиком матримониальных отношений со стадиями болезни, то она давно уже перешла в хроническую. Но вялотекущий хронический процесс, как правило, причиной смерти не бывает. Больной умирает от обострения заболевания, понимаешь? (Ива стремительно зыркнула на меня глазами, — мол, понимаю, не дура). Развод для вас — привычное, хроническое состояние. Если вы уже столько лет «с понтом» разводитесь, если давно к этому идет, как ты говоришь, то почему бы ему не «идти к этому» еще годик? Или три, или пять? Почему сейчас? Что случилось?

Евины губы поджались характерной «подковкой» в выражении, означающем что-то вроде «черт его знает».

— С одной стороны, ничего, вроде, не случилось, все по-прежнему, — через пару секунд перешла на вербальное общение она. — А с другой... После тюряги на чердаке у него конкретно засвистело, ты же знаешь...

— Ну, да, знаю, — встрял я, — не новость. «Сильно» не новость, я бы сказал.

— Да, не новость, — согласилась Ива, только быстрым недовольным движением бровей вниз отреагировав на то, что ее перебили. — Но с годами это все как-то углублялось, потихонечку, незаметно даже для меня самой.

Она замолчала, глядя в одну точку и сжав в узкую полоску губы.

— Ну, а в чем это проявляется? — осторожно потормошил ее я. — Ты имеешь в виду мусульманство это его?

Увлечение Аббаса исламом стало неожиданным не только, например, для меня, но и для всех людей, знавших его гораздо ближе — для Ивы, и даже для его матери. Но Софа (а я знал все это по рассказам Ивы) тому, что сын ударился в «религию предков», рада не была, но восприняла без удивления, прокомментировав это так: «У «них» это, как у волков. Волка (она выговаривала это слово с ударением на последней букве) можно вегетарианцем вырастить, если мяса с молодых зубов ему не давать, и если он от такого рациона не подохнет. Но мяса есть он от этого не разучится — только дай, с рукой оттяпает. Так и «они»: как их не воспитаешь — атеистами, коммунистами или этими, как их — агностиками, все равно в один прекрасный момент начинают Коран свой бубнить. Вон Мераш мой (имелся в виду покойный отец Аббаса) — всю жизнь «членом» был, в парткомах, секретарем парторганизации всего комбината своего мог бы стать, если б не помер. А дома утром и вечером всегда в угол свой на колени на коврик вставал, и лбом об пол стучал, как гвозди забивал. На работе, ясно — ни-ни! На работе вместо Корана — передовица из Правды! Он как начнет гвозди эти свои заколачивать, я его спрашиваю: «Что ж ты только два раза в день молился, еже ли вам Аллах ваш пять раз предписал?» А он смеется: «Членам партии два раза достаточно, Ленин с Мухаммедом договорились!». Но он-то ладно, из глухого абазинского аула, под муэдзина с пеленок просыпался и засыпал, его марксизмом-ленинизмом поверх ислама намазали, вот тот всю жизнь, как тяга к мясу, сквозь все слои и пробивался. А Абик? Москвич, мама русская, сам пионер-комсомолец — а вот тебе, пожалуйста! Папашины гены и всей ихней родни. Их, как волков от мяса, от этого не отучишь!» Ива относилась ко всему этому с гораздо меньшей терпимостью: «Сидим за столом или телевизор смотрим всей семьей. Этот вдруг вскакивает, начинает носиться по квартире, — он, видишь, ли, время намаза пропустил на две минуты, и вопит: «Где мой коврик?», так, что Дашка подпрыгивает. На х. й мне этот коврик его сдался?!» В наших разговорах Ива именвала это мужнино увлечение не иначе, как «это его мусульманство», словно подчеркивая, насколько несерьезно и негативно она к этому относится.

— Не только, — с задержкой, как при рапиде, отозвалась Ива. — Мусульманство было только начало. Он теперь вообще весь поехал на своих корнях, не на материнных, разумеется, а тех, что по отцовской линии, ирано-абазинских. Ты ведь знаешь, откуда его имя и фамилия такие?

Я кивнул, одновременно пожав плечами, получилось что-то вроде «да-нет», что довольно точно отражало мои знания Аббасовой генеалогии. Просто сами «ФИО» Абики — Эскеров Аббас Мерашевич — в сочетании с совершенно славянской внешностью и правильным русским языком без какого-либо акцента поневоле сразу вызывало желание поинтересоваться о происхождении индивида, их носящего, что я в свое время, знакомясь с Абикиком, и сделал. Аббас, видимо, к такому интересу привыкший, охотно выдал выжимку из своего генеалогического древа.

Родители отца Аббаса Мераша Фирузовича (все звали его Михаилом Федоровичем, а в семье — просто Мишей) были из Ирана, и жили на территории, на которую Советский Союз

совместно с Великобританией в августе 1941 года ввел войска для обеспечения безопасности своих южных границ от действий Германии, с которой у тогдашнего Иранского монарха Реза-шаха сложились слишком уж близкие отношения. Когда в 1946-м советские войска под давлением бывших слюзников были вынуждены уйти, с ними ушло и какое-то количество местного населения с временно оккупированной территории, в основном придерживающиеся суннитского направления в исламе. Среди них была и семья отца Мераша. Вместе с группой иммигрантов человек в 70 недалеко от аула Эльбурган в Карачаево-Черкессии, населенном в основном абазинами — представителями маленького кавказского народа из абхазо-адыгейской группы, они обосновали хутор. Отец Мераша женился на местной красавицей-абазинке, и в 1947 году у них родился сын. Мальчик рос очень способным, и как лучший ученик был направлен в десятилетку в Черкесск, которую закончил с серебряной медалью. Это давало право поступления в любой ВУЗ страны без экзаменов. Еще в школьном химическом кружке увлекшийся вопросами нефтепереработки, Мераш выбрал «Керосинку» имени Губкина, и в 1955 году приехал в Москву. Тогда была установка — представителей малых народов «проталкивать», и Мераш Эскеров, у которого в паспорте стояло «абазинец», стремительно понесся по карьерной лестнице. Комсорг группы, курса, факультета, на 5-м курсе — кандидат в члены КПСС, Мераш после защиты диплома получил распределение на Капотнинский НПЗ и проработал там всю жизнь. А незадолго до распределения он познакомился с милой и умной русской девушкой Софьей Колосовой, влюбился в нее по уши, и в 1961-м они поженились. А через 4 года родился жизнерадостный мальчик, по настоянию отца названный Аббасом, которого по этому его слишком уж серьезному имени (в переводе — «суровый», «грозный», к тому же — имя дяди пророка Мухаммеда) никто и никогда не называл, а все звали просто Абиком.

— Ну да, это то, что Абик обычно о своем происхождении рассказывает, — задумчиво протянула Ива. — Выжимка, резюме. Я думала, может, когда вы были в более близких отношениях, он для тебя эти рамки расширил.

— Нет, видимо, не счел нужным, — ответил я.

— Но то, что у него есть брат, родившийся с ним в один день, ты ведь знаешь? — полуутвердительно спросила Ива.

— В один день? — удивленно переспросил я. — Близнец, что ли?

— Да нет, не близнец, — мотнула головой Ива. — Строго говоря, даже не брат, а дядя троюродный.

— Как дядя? — наморщил лоб я. — Тогда почему брат? Ничего не понимаю.

— Ну, это вообще достаточно запутанная история, — всплеснула руками Ива. — У них это что-то вроде семейной тайны, все люди делятся на тех, кто знает, и кто нет. Я была уверена, что ты знаешь.

С самым безразличным видом я отрицательно покрутил головой. На самом деле я был уязвлен, хотя речь шла о временах давно минувших. Это сейчас Абик для меня был просто мужем Ивы, о котором у нас с ней, хочешь-не хочешь, иногда (вот как сейчас) заходил разговор — то есть, в общем-то, никем. Но было время, когда, как сказала Ива, у нас были «более близкие отношения», гораздо более близкие. По сути, Абик был моей «правой рукой» в бизнесе, я даже хотел сделать его партнером, и только отказ моего тогдашнего компаньона Качугина помешал мне сделать это. Вне работы мы семьями бывали друг у друга в гостях, а наши жены с детьми вместе ездили за границу отдыхать. Когда жен не было рядом, мы вместе проигрывали честно заработанные деньги в казино и «шалили» в саунах с девками.

Мы были — соратники? Товарищи? Приятели? Дружки? Все это и, возможно, больше. И в тот период я, думаю, имел полное право рассчитывать на гораздо большее, чем на доверительную откровенность касательно его генеалогии. Но в этом весь этот человек: если ты к нему душой нараспашку, он сделает вид, что тоже, на самом деле оставаясь, как за закрытой дверью, за створками своей раковины, посмеиваясь над твоей неумной открытостью. «Открытое лицо удобно для удара в челюсть». К счастью, Ива движения моей души не уловила.

— А почему тайна? — заставил себя собраться с мыслями я. — Что в этом такого, что у человека есть родившийся с ним в один день дядя? Даже если бы это был брат-близнец! Тоже мне, Железная маска...

Ива расхохоталась так громко, что официант, пролетавший мимо в нескольких рядах от нас, совершив немыслимый оверштаг, бросился к ней, как синий кит на далекий зов самки. «More white wine, — аристократическим движением кисти развернула его обратно Ива. — Ice cold».

— Мне когда рассказали, у меня тоже ассоциации с Дюма возникли, — отсмеявшись, сказала Ива, вытирая кончиком мизинцевого ногтя уголки глаз. — А знаешь, что сказал на это Миша? «Э-э, какая-то такой железный маска? Вратарь?»

Посмеялись, теперь уже вместе.

— На самом деле у них там с этой историей на самом деле все запутано, концов не разберешь, — стала вдруг задумчивой Ива, достала сигарету, закурила. — Когда Софе пришло время рожать, они с Мишей зачем-то поехали на Кавказ, в Эльбурган. Под видом, что на свадьбе в Москве никого из Мишиной родни не было, и все они очень обижаются, а после родов времени вообще не будет. А Софа была уже на девятом месяце, представляешь? Не на седьмом, или восьмом, хотя бы, на девя-ятом! И это она не рожать поехала, потому что рожать там в горах негде, ближайший роддом в Черкесске, сорок верст по буеракам, дорог, говорят, тогда еще практически не было, а если в ливень сель сойдет, то и по две недели выбраться невозможно. Дескать, познакомимся с родней, и назад. Чем они думали, я не знаю, может, в то время комсомольское проще к этому относились? В общем, им уезжать, а Софе рожать приспичило — не отспичишь. И — точно, прошли ливни, вздулась местная речка, снесла мост, где-то вдобавок сошел сель, и до Черкесска стало, как до Луны. Хорошо, что в ауле этом оказалась бабка-повитуха какая-то волшебная, которая уже полвека у всех местных роды принимала, и ни разу не было у нее ни одной осечки. Софа рассказывала, вообще ничего не почувствовала, как уже родила Абика нашего. Все хорошо, малец, крикливый, бодрый его обмыли, матери дали, так он сразу к сиське полез.

— Погоди, — перебил я Иву. — Выходит, Абик черт-те где, на Кавказе родился? Но у него в паспорте место рождения Москва написано, я точно помню.

— Ну не перебивай! — визгнула на меня Ива. — Самое интересное начинается!

А самое интересное было в том, что ровно в тот же момент, когда в ауле в доме матери Мераша рожала Софа, на хуторе принялась рожать двоюродная сестра отца Мераша по имени Амза. Незадолго до этого у нее в горах погиб муж, и видимо, на этом фоне у женщины все началось раньше срока. Но повитуха-то была одна, а до хутора было пять километров, так что когда через несколько часов бабку привезли ко второй роженице, родам уже помогли свершиться местными, так сказать, силами. Только похоже, неопытные вспомогатели чего-то сделали не так, потому что ребенок был синий весь и еле-еле душа в теле. Повитуха посмотрела, сразу определила, что при выходе шея плода оказалась обмотанной пуповиной

— ребенок практически задохнулся при родах, и на свете этом не жилец. А еще повитуха добавила: каб, мол, не приезжая, Фируза сноха, которой в Москве рожать надо было, она бы к Амзе не опоздала, и все было бы в порядке.

Прошла неделя, а дороги все не открывались. Все ждали, что ребенок Амзы преставится, и кое-кто из местных на Мераша и Софу посматривал косо. Но несмотря на прогноз повитухи, младенец помирать не спешил. Сиську у матери не брал, так повитуха его козьим молоком через соску кормить наострилась, но малыш все равно оставался между жизнью и смертью. Мальчика называли Азан — это не имя даже, а призыв к молитве, чтобы даже имя само призывало за него молиться. Мераш же рвался в Москву — на НПЗ вот-вот должен был состояться пуск новой крекинговой колонны, а без него — главного технолога завода, это было немислимо. Но на его предложение жене остаться в Эльбургане на месяц — два та встала на дыбы. Пришлось бы регистрировать ребенка здесь, а Софа категорически не хотела, чтобы в метриках у Абика стояло место рождения «аул Эльбурган Абазинского района Карачаево-Черкесской автономной области РСФСР». Наконец, дороги открылись, и Мераш с женой покинули Эльбурган. Но если встречали их всем хутором, то провожали до Черкесска только ближайшие родственники. Уже в Москве они узнали, что врач, наконец-то осмотрев Азана, сразу поставил ему диагноз ДЦП — детский церебральный паралич и прогноз жизни — от года до трех максимум. И что Амза, узнав об этом, хотела наложить на себя руки (ее чуть ли не вынули из петли), но осознав весь ужас того, что она собиралась сделать, поклялась, что до той поры, пока Аллах не призовет ее, Азан не умрет. И он жил — год, три, пять лет, десять, двадцать, сорок, и за все это время у него не было ни одного пролежня — для лежачего результат феноменальный. Амза помнила свою клятву и блюла ее.

Родители Абика очень переживали случившееся, признавая, что если бы они не поехали столь опрометчиво в Эльбурган накануне Софиных родов, повитуха, как положено, помогла бы Амзе, и подобных последствий, скорее всего, не случилось бы. Во-первых, Мераш сразу же начал посылать Амзе по сто рублей ежемесячно (большие тогда деньги), сговорившись с ближайшей родней, что гордая Амза не будет знать, откуда деньги, а то наверняка отказалась бы. Во-вторых, эта история стала в семье тщательно охраняемой тайной, даже Аббас узнал о существовании родившегося в один с ним день дяди только в день своего совершеннолетия. Проникнувшись драмой, с тех пор он называл Азана братом.

— А мне он об этом рассказал только через год после свадьбы, — допивая вино, сказала Ива. — У них это на самом деле ба-альшой пунктик.

Мне подумалось, что обиды на Абика за то, что он не рассказывал мне о своем брате-дяде, я больше не испытываю.

— Да, история в высшей степени печальная, — сказал я, прерывая повисшее среди окружающего звона вилок и ножей молчание. — И что, этот Азан жив до сих пор?

— Да, жив, представляешь! — ответила Ива, снова закуривая. — А вот Амза умерла в прошлом году.

У меня в ушах звенело. Говорить больше не хотелось, настолько это все было грустно. Но — человек несвободен! — беседу нужно было продолжать.

— И... какое отношение это все имеет к вашему разводу? — хрипло через внезапную сухость в горле спросил я.

— Самое непосредственное, — вздернула вверх брови Ива. — Если раньше он выносил мне мозг только своим мусульманством и этой своей Зубейдой, то теперь к этому

добавилась тема «брата Азана». Мы теперь контактируем с Эльбурганом, — раньше это делал Миша, общался с каким-то Шахрамом, вроде бы племянником Азры, и даже иногда с ней самой. Но они-то по старинке по телефону разговаривали пару раз в месяц, а этот теперь часами просиживает с скайпе с этим Шахрамом и еще там с одним бородатым, пытается заставить общаться с ним Дашку, долбит ей в голову, что это родня, что так нужно. Дашка отцу постоянно отказывать не может, вот и приходится время от времени тоже с ними разговаривать. «Салям, дядя Шахрам, салям, дядя Парвиз!» Они ей выговаривают, что она Коран не читает, намаз не соблюдает, язык предков не учит, хеджаб не носит. Она убегает от экрана, язык высовывает, показывает рукой по горлу, что ее от этого тошнит, а этот сидит и только кивает. Бороду отпустил, ты бы видел! Он оттуда совсем долбанутым вернулся...

— Абик туда, в этот Эльбурган ездил? — удивился я.

— Ну да, на похороны Амзы. Она умерла прошлым летом, он как раз в Киеве на чемпионате Европы по футболу был. У него были билеты на финал за бешеные деньги куплены, ему позвонили, он бросил все, помчался в Эльбурган, жил там две недели. Сделал там в доме Азры интернет спутниковый, установил скайп. Вернулся совершенно чокнутый. Притащил Коран на русском языке, коврик этот молитвенный, четки. Но это ладно, я уже к этому попривыкла как-то. Но он начал проповедовать, что после смерти Амзы он теперь ответственный за брата, это ему мулла сказал и наложил на него такой обет. Год он все ходил на этот счет что-то бубнил, а незадолго до нашего с Дашкой отъезда сказал, что нам нужно серьезно поговорить, потому что у него есть план. Я его спросила, что это за план, и он объяснил, что Дашка — уже взрослая, поэтому ее надо срочно выдать замуж, квартиру продаем, и мы с ним, — заметьте, я тоже! — уезжаем в Эльбурган и живем там. Покупаем там дом, он будет работать, как он сказал, «в горах», а я буду ухаживать за Азаном, потому что дело это не мужское. Конечно, мне придется принять ислам, потому что без этого нельзя. Я его спросила на всякий случай, не шутит ли он, — он ответил, что нет. Тогда я сказала, что он совсем е...анулся и послала его на х...й прямым текстом. Он обиделся, ушел из дому, где-то нажрался, через два часа приперся назад в состоянии положения риз и начал орать, что я ни х...я не жена царя Леонида, а сука и тварь, что он со мной никогда не чувствовал за спиной тыла, что я хочу бросить его в самом важном деле его жизни. Строил из себя Данилу Багрова, кричал: «Он брат мне!» и все такое. Потом сказал, что ставит вопрос ребром, да или нет, после чего я была вынуждена снова его послать. Тогда он ударил меня ногой в пах...

— Боже! — подпрыгнул я, чуть не сметя со стола только что принесенный официантом бокал с пивом. — Не может быть!

— Еще как может! — фыркнула Ива. — Он раньше когда выпьет, часто драться лез, я не рассказывала просто. Но я ж не груша для битья, я ж ответить могу. Один раз палец ему сломала. Я, правда, тоже как-то месяц фингал лечила, зимой в темных очках фикстуляла. И сейчас он знал, козел, что пьяный и рукой не попадет. А тут я упала на колени, он замахнулся, чтобы добить, я выставила вперед кулак — просто так, чтобы закрыться, и попала ему прямехонько в глаз. Он летел на меня, поэтому получилось сильно. Отскочил, попятился, упал, сбил вешалку, на него все посыпалось. Тяжеленная коробка сверху ему прямо по макушке заехала, он без сознания, я ему, оказывается, кольцом веко рассекла, кровища хлещет, картина пи...дец. Вызывала скорую, а он лыка не вяжет. Пришлось усыплять, как собаку. Забрали в больницу, четыре шва наложили, домой привезли под наркозом совсем невменяемого, голова в бинтах, будто он на фронтах раненный, как

Шариков. Наутро рано мы с Дашкой уехали, так что до сегодняшнего звонка мы с ним больше не общались. А сегодня он сказал, что я унизила его не только морально, но и физически, и после этого он жить со мной не может по определению. Нас он не дождется, потому что в понедельник ночью он уезжает в Эльбурган, там его родня, его корни, его история, его религия, туда его тянет, как магнитом. Что я могу считать себя свободной женщиной, а с квартирой мы будем разбираться позже. Х...й ему, а не квартиру!

На этот ее победоносный возглас обернулись три русскоязычные пары, сидящие неподалеку, но Ива этого не заметила. Видимо, снова переживая в памяти недавнее сражение с мужем, она покраснелась, ее глаза сверкали, пальцы, на одном из которых блестело, похоже, то самое смертоносное кольцо (кстати, мой подарок), были сжаты в кулаки. Амазонка, да и только! Красива она в этой реинкарнации древних женщин-воительниц была ослепительно. Но я смотрел на нее, как зачарованный, пораженный отнюдь не ее красотой.

Я думал о том, сколько же всего перенесла эта женщина за последнюю дюжину лет жизни с мужем, у которого всегда-то характер был не сахар, а в последнее время, судя по рассказам, превратившегося просто в монстра, чудовище, морального уродца. И дело не в том, что человек свихнулся на религии или на страданиях больного родственника. Дело в стремлении, чтобы близкий человек, априори бесконечно далекий от этих тем, внезапно проникся ими, наплевал на все остальное в своей собственной жизни, и вместе с ним немедленно встал на колени на коврик и отправился в пожизненную ссылку в неведомый Эльбурган. Сравнение с женами декабристов здесь было, положим, не в пользу Ивы, но и Аббас Искеров был не Трубецкой с Муравьевым-Апостолом. Их жены до того, как в жизни их мужей случились события, перевернувшие и их собственную жизнь, испытали всю глубину счастья жизни с любимыми, заботливыми, блестящими мужьями. Ива же, похоронив за это время родителей, практически одна кормила семью, ставила на ноги сложнохарактерную дочь, умудряясь при этом выглядеть, как звезда с обложки, и сносила все более закручивающиеся завихрения неработающего мужа, время от времени поднимавшего на нее руку. И еще: я примерял эту ситуацию на себя, потому что крыша поехать (а у Абики, я был уверен, это случилось в наипрямейшем смысле этого выражения) в наше время может у каждого. Так вот — я бы не тянул весь мир вслед за своей крышей вниз, в преисподнюю. Потому что я не такой, как Аббас. Я — лучше.

— Нужно было тебе по-настоящему уходить тогда от него и выходить за меня, — тихо, но отчетливо сказал я, делая вид, что внимательно слежу за своим собственным пальцем, которым я гонял по скатерти маленький хлебный шарик.

Ива молчала. Еще с полминуты я манипулировал мякишевым мячиком, потом сильным щелчком отправил его далеко в полет и поднял на нее глаза. Она должна была смотреть на меня и слегка, еще тоньше, чем Джоконда, улыбаться краешками губ. А в уголках ее грустных глаз должны были серебриться слезы. Но Ива, которую я увидел, была совершенно другой. Она улыбалась, но уголки ее губ были агрессивно опущены вниз, а выражение глаз было откровенно насмешливым.

— Дорогой Арсений! — начала она голосом на полтона выше своего обычного, в котором явно позвякивало раздражение. — Я правильно понимаю, что ты только что мне сказал, что я сама виновата в своей теперешней ситуации?

Я чувствовал себя, как чувствует полный возвышенно-праздных чувств прохожий, томным, напитанным ароматами лип майским вечером только что налетевший с размаху на

фонарный столб. Обида, горечь непонимания и боль от удара смешались во мне терпкой настойкой, мгновенно отравившей слюну во рту. Я нахмурился и еще раз внимательно посмотрел Иве в глаза. Они были злыми — Ива не шутила. Вариант, что она неверно выразила свою мысль, также не проходил. Я почувствовал, как третий закон Ньютона поднимает во мне волну ответного раздражения. Какого фига! Ну, да, может быть я, что называется, «старое помянул», но из песни слова не выкинешь! Можно подумать, что этого не было! Что я, совершенно потеряв голову от того, что мы с Ивой теперь любовники, не внушил себе, что она — наконец обретенная мною женщина всей жизни, «половинка» и не выложил все это Марине. Я был пьян и память, к счастью, практически не сохранила тот разговор, помню только, что просил прощения и говорил, что ничего не могу с собой поделать. Что я люблю Иву, а ее, Марину, нет. Потом мне стало плохо, я вырубился, а утром проснулся с ощущением, что произошло что-то непоправимое, но при этом совершенно логическое и правильное. Я галопом понесся к Иве, потому что обещал возить куда-то Дашку и проспал. Ива встретила меня, как айсберг стаю перелетных птиц из тропиков — ледяным молчанием. И не только по поводу моего двухчасового опоздания, из-за которого Дашка куда-то там не попала. Оказывается, ночью после нашего разговора Марина оплакивать над моим бездыханным телом свою горькую соломенную судьбу не стала, а позвонила Иве. Тонем, не терпящем дискуссий (я не слышал, но уверен, что это было так — Марина, если прижимают ее интересы, из интеллигентной девочки-припевочки в стиле «арт-нуво» становится танком с атомным двигателем) она сказала Иве, что уводить мужей у подружек — это «западло», и если Ива не хочет, чтобы ей в темном подъезде (у тебя же дома темный подъезд, Ивушка, не так ли?) пацаны из Шатуры ее длинные ноги попереломали и сиськи пообрезали, она завтра же объяснит мне, что переспала со мной по глупой случайности. Что как мужчина я ее не интересую и — сорри, дальше нам не по пути. Да, Марина всегда интуитивно знает, кому на какую кнопку нажать. Угроза с вероятностью претворения, очевидно равнявшейся нулю, произвела на Иву неизгладимое впечатление. Причем больше всего ее напугала даже не перспектива остаться без сисек, а неведомые, жуткие, не знающие пощады ни к старикам, ни к беременным женщинам «пацаны из Шатуры». Когда Ива мне об этом рассказывала, ее колотило, и сигарета прыгала в ее пальцах. «На х...й мне такая программа передач?! — вопрошала она, мечась по комнате. — А вдруг они что-то с Дашкой сделают?» Эти слова, будучи произнесены, по классическим канонам аутотренинга сразу стали в ее мозгу реальностью и приморозили ее на середине комнаты; в ее глазах уже были видны картины страшной расправы «пацанов» над ней и Дашкой, который нарисовало Иве воображение. «Все, сейчас тебе начнут рассказывать, что «дальше нам не по пути», — понял я и пошел на решительные меры. Я схватил замороженную Иву за плечи, повернул на 180 градусов, толкнул к креслу, не без некоторого усилия загнул «раком», задрал юбку, спустил трусы и беспощадно, насухо засадил — крепко, как только мог. Это сильно разрядило обстановку, но пришлось дать слово сказать Марине, что Ива меня послала, и что у меня с ней «полный ППЦ». Провожая меня у двери, уже мягкая и ластящаяся, как котенок, Ива сказала, теребя какую-то выступающую часть моей одежды: «Пойми, я не готова к таким переменам. Давай все оставим, как есть, по крайней мере, пока. Ведь нам и без этого хорошо, правда?» Долго думать, прежде чем кивнуть, не приходилось, — настаивать на изменении нашего матримониального статуса, как единственно возможной формы продолжения интимных отношений с любимой женщиной, я готов не был. Но я всегда ставил себе в плюс, что пытался тогда поступить честно, по крайней мере по отношению к

Иве и Дашке. Ну, и к своим так называемым чувствам. Поэтому сейчас, вспомнив все это и чувствуя, как мышцы вокруг глаз собирают веки в нехороший злой прищур, я ответил, отхлебывая пиво:

— Ну, собственно говоря, да.

Не надо было, наверное, так обострять. Ива на вдохе открыла рот, как делают ораторы перед началом длинного экспрессивного монолога, который должен закончиться длительными аплодисментами слушателей, но так и застыла молча, бессильно повесив руки вдоль спинки стула.

— Да, ты, наверное, прав, — наконец, начала она, и голос ее звучал глухо. — Принц же явился на белом коне с букетом роз в одной руке и свидетельством о разводе в другой, а принцесса — дура стоеросовая, прогнала его: «Нет, прекрасный принц, конечно же, я люблю тебя, но я останусь со страшным карлой, потому что я навеки ему отдана, и это мой крест». И прекрасный принц на белом коне вместо того, чтобы сказать: «Нет, моя принцесса, я не могу оставить тебя в руках страшного карлы, я буду биться с ним, а потом заберу тебя в свое волшебное королевство! А от наймитов злой королевы, от которой я ушел, и которых она в отместку напустит на тебя, я тебя защитю, не дам им ноги твои ломать, не ссы!», опустил букет, спрятал подальше свидетельство о разводе (с мыслью, что, наверное, гарантийный срок еще не истек, и не поздно вернуть бумажку в ЗАГС), и потрусил обратно к нелюбимой своей королеве, где тепло и сытно. С мыслью, что мероприятие проведено, галочка поставлена, — ну, отказала принцесса, так на нет и суда нет! И биться ни с кем не нужно! А принцесса, когда жизнь со скупым карлой доведет ее совсем до ручки, и так будет согласна на все, в том числе в извращенной форме, лишь бы было на что дожить до зарплаты или тряпку новую купить. Как детишкам такой вариант сказочки? Или — как господам присяжным заседателям такое прочтение обвинительного приговора, с которым только что так убедительно выступил прокурор, он же принц на перекрашенном в белый цвет коне?!

Я смотрел на Иву молча, совершенно не зная, что сказать. С одной стороны, все это было неправдой и... правдой одновременно. Такие обвинения в мой адрес были несправедливы и... очевидны в одно и то же время. Но в любом случае выслушивать такие обвинения было невероятно унижительно и стыдно. Потому что крупица правды в них была, а этого уже достаточно, — если в белом есть хоть малая часть черного, это уже не белое, а серое, а спорить об оттенках серого — так, диалектика, дело пустое. Воистину: факты существуют только в отсутствие людей, в присутствие последних возможны одни интерпретации.

— Нет желания заехать мне по физиономии? — с отвратительно правдоподобным участием в голосе поинтересовалась Ива. — Или предпочел бы опробовать на мне мавашигери, как Абик?

Ощущение обиды обдало, как холодный душ, забило дыхание тугой пробкой. Черт, как же это она может... ляпнуть! Не знает, что ли, что слова могут быть тяжелы, как прямой боксера-тяжеловеса, попавший прямо в голову? Да нет, знает, прекрасно знает. И — как это.... по-Абиковски! Да, с кем поведешься... Наверное, невозможно не обстервиться за двадцать лет рядом со злым карлой. Или она от природы такая, и с карлой они просто «нашли друг друга»? Но это уже неважно, потому что ставни шлюза сдержанности все равно уже открылись, и мутные потоки обиды хлынули в душу, намерзая на языке ледяной яростью. Сказать ясно и холодно: «Да пошла ты!» И — уйти, совсем. В конце концов, ты —

не единственная баба, на которую у меня еще встает. Я с трудом сдержался.

— Удар по яйцам, вернее, в вашем случае, по промежности, в карате называется кингери, — сказал я, вставая из-за стола. — Пойду искупаюсь, мне скоро выезжать.

Ива догнала меня уже на пылающей улице, крепко схватила холодными пальцами за руку.

— Ну, Арсюш, не дуйся, — с приличествующем случаю количеством просительных интонаций в голосе сказала она. — Я после его звонка вся на нервах, а тут такая тема сложная. Не надо было нам ее поднимать, и вообще. Ну, все, без обид?

И, как в детской считалка «Мирись, мирись, мирись, и больше не дерись» она протянула мне для рукопожатия свою длинную ладошку. Губы ее обаятельнейшим образом улыбались, вот только в стеклах очков вместо ее глаз я видел только свою хмурую физиономию. И — то ли по вертикальной складке между прядей волос на ее лбу повыше очков, то ли просто по наитию я понял, что под очками глаза у Ивы сейчас злые-презлые, и она прекрасно осознает это, и намеренно так смотрит на меня из-за непроницаемых светофильтров, как будто держит за спиной два пальца «крестиком». И даже на «Сень, ну извини?» наскребать по сусекам положительных эмоций она не стала, потому что «не дуйся» и «извини» — это «две большие разницы», и она прекрасно знает, что я это знаю. Снова захотелось сказать что-нибудь неисправимое, но в последний момент здравый смысл схватил злость за пятку и с трудом, но удержал. Я улыбнулся своему отражению и сказал:

— Ну, да, все, проехали.

Только пальцы при этих словах у меня за спиной как-то сами собой перекрестились, потому что очков на мне не было.

— Сколько, ты говоришь, у нас времени? — радостно засуетилась Ива.

— У нас? — искренне не понял я. — У меня трансфер, машина через час, у тебя дел по горло, так что давай прощаться, увидимся в Мо...

— И не думай, — перебила Ива, запечатывая мои последние слова поцелуйчиком. — Как говорят — «Запоминается последняя фраза»? Чтобы я отпустила тебя в Москву на такой тухлой ноте? Неудовлетворенного?

— Красно яичко к Христову дню, — не удержался от шпильки я. — Ты нужна была мне утром, но тебя не было. Но пришел на помощь план Б, так что скулить «I can get no satisfaction» мне, вроде бы, не с чего.

Английского Ива не знала, но смысл сказанного поняла.

— Что ты имеешь в виду? — тоном холоднее на пару десятков градусов спросила она. — План Б? Нашел мне замену? Интересно, в чьем лице? Уж не воспользовался ли моим опрометчивым разрешением?

О как! Похоже, все-таки минувшие события, а не мужнин звонок отравляющей существование иголкой сидели теперь в Ивиной душе. И конкретно — тот последний душеизливающий монолог в конце, который случился со всегда сдержанной Ивой под впечатлением случившегося, а еще больше — не случившегося сегодняшней ночью.

— Да нет, — улыбнулся я. — Я бы не посмел, даже если бы мне это принесли на подносе. На афише моего утреннего перформанса должен был бы стоять штемпель «Hand made».

Ива поняла, облегченно захохотала.

— О, да, когда припрет, рукоделие — это единственное спасение! — весело начала развивать тему она. — У самой мозоли на пальцах! Как хорошо, что наше удовлетворение

всегда в наших собственных руках!

Еще смеясь, она приблизилась ко мне вплотную, и внезапно ее рука оказалась у меня в шортах. Еще секунда, и все мое мужское богатство забилося у нее в пальцах, как пойманный воробей в когтях у кошки. Короткое, но сильное сжатие, и разряд сладкой боли пронзил меня всего, заставив подогнуться колени.

— Но сейчас я хочу, чтобы все было в моих руках, — плотоядно прошептала Ива мне на ухо, не разжимая пальцев. — И хочу извиниться, что утром меня не было рядом. Через час у тебя в номере, окей?

Отказаться от такого настойчивого предложения было просто невыносимо. Еще минутой, испытывая сладкую дрожь в коленях, я смотрел вслед удаляющемуся от меня прекрасному кораблю, вздохнул, и поспешил к морю.

Боже, как же я люблю море! Почти идеально ровной зеркальной гладью оно лежало передо мной, манило в себя, подобное теплой мягкой постели для продрогшего с дальней зимней дороги путника, еле слышно шептало крошечным, игрушечным прибоем: «Привет, привет! Наконец-то!» Я зашел в воду по щиколотку, постоял с полминуты, наслаждаясь прохладными покалываниями мелкой гальки по коже стоп, потом глубоко вдохнул, побежал, вздымая брызги, как стартующий лебедь, и нырнул. Вода приняла меня, как своего, как нечто подобное, как часть себя. Я плыл в полуметре под поверхностью, сильно толкаясь руками и ногами, с открытыми глазами, только изредка моргая, когда средиземноморская соль уж слишком щипала. Серо-голубая толща воды была почти прозрачна, легко различались камни на дне, стайки мелких рыбешек разлетались у меня из-под рук. Я плыл, сколько хватило воздуха в легких, и вынырнул почти у самого буйка. Зонтичный берег с невысокой постройкой отеля над ним казался далеким, как Новый год в начале лета. Я ухватился за удобный выступ на боку буйка, закрыл глаза, подставил лицо солнцу и замер. Старое, давно забытое вернулось почти сразу.

Я помню море столько же, сколько себя. Когда года в четыре врачи обнаружили у меня какую-то фигню с легкими, их вывод был однозначен — Крым. Отец, не колеблясь, из головной редакции перевелся в тамошний корпункт, маме дали долгосрочный отпуск по уходу за ребенком, и в далеком шестьдесят седьмом из московских ранних октябрьских заморозков семья очутилась в благоухающей яблоками Евпаторийской жары. Море я полюбил мгновенно. Маленьким постоянно тянул взрослых на пляж, не мог дождаться конца зимних пыльных бурь, уже на майские лез купаться, хотя даже мама не рисковала зайти дальше чем по колено в освежающую воду. Совершенно самостоятельно, барахтаясь рядом с мамиными ногами в мелком прибрежном прибое, вдруг поплыл.

Пойдя в школу, все каникулы с такими же пацанами проводил или на морском пляже, или на удивительных лиманах, где соленая до горечи вода не давала утонуть резиновым шлепанцам — о Мертвом море мы тогда даже не слыхали. Но каникул не хватало, и мы сбегали с уроков на пляж и после начала учебы. До поры такие эскапады сходили с рук, но один раз носок, в котором я «ховал» на время купания ключи от дома, затерялся в пляжном песке. Родители провели расследование, все всплыло. По этому поводу был первый в моей жизни серьезный разговор с отцом, и о море до следующих каникул пришлось забыть.

А потом почти одновременно произошли два события, разрушившие идиллию. Первое — хорошее: полностью прошла моя «фигня», а с ней отпала причина оставаться в Евпатории. Родители было засобирались снова в Москву, но успев прикипеть к новому месту, были полны сомнений по этому поводу. А потом умерла оставшаяся в Москве на

хозяйстве бабушка, и отъезд стал неизбежен. Это было в августе, и в третий класс я должен был пойти уже в столице. Со мной вопрос, разумеется, не обсуждался, и было совершенно ясно, что мое мнение на решение никак не повлияло бы. Поэтому я, чувствуя, что меня отрывают от чего-то очень родного, тихо плакал в подушку, а мама, сочувствуя и немного не понимая, молча гладила меня по голове. Накануне отъезда я один пошел к морю — прощаться, и в заднем кармане моих шорт лежал целый гривенник, чтоб закинуть в море. Чтоб вернуться.

Я заплыл далеко за красно-полосатый бакен, потом вернулся к нему, обнял его круглый, горячий от солнца, шершавый от облупившейся краски бок и заплакал. Слезы залили глаза, желтая полоска далеко-далекого берега растворилась во взгляде, слилась с серовато-ртутной кромкой воды. Тут меня будто потянуло что-то снизу — тихонько, ненастойчиво и совершенно нестрашно. Я разжал руки, и пошел под воду. Я плохо помню, что было потом — то есть, помню, но как-то очень смутно, настолько же хуже, чем другие события, насколько хуже видно через воду, чем через воздух. Помню яркий свет в зените надо мной, помню ощущение, насколько холоднее стала вода. И убаюкивающий, как поглаживание маминой ладони по голове, неслышимый, но осязаемый всей кожей шепот откуда-то снизу: «Спи, спи...» И еще помню какое-то очень упрямое нежелание возвращаться туда, наверх. Наконец мои глаза закрылись, и — все. Потом в воду рядом со мной глухо бухнулось что-то большое и темное, и очнулся я уже на берегу. Меня вытащил парень-спасатель, случайно и безо всякой специальной цели наблюдавший мой заплыв в бинокль. Никакой медицинской помощи мне не понадобилось, минут через пять я просто взял и открыл глаза. Потом от родителей узнал, что парень был очень удивлен тем обстоятельством, что после не менее чем трех минут под водой (он говорил, что засек время) этой самой воды у меня в легких не было, хотя он мог бы поклясться, что когда он меня вытащил, я не дышал. Меня пытались расспрашивать, но я стоял на том, что с определенного момента ничего не помню. В большой степени это было правдой, кроме момента наступления амнезии. Я счел за лучшее не рассказывать про те минуты под водой, про шепот в ушах, и о том, как мне было хорошо и что совершенно не хотелось наверх, а просто сказал, что доплыл до бакена, и больше ничего не помню. На этом все и успокоились, сообщая решив, что у бакена ребенку напекло голову, и он отключился. Сам же факт счастливого спасения после нескольких минут под водой кому-то (маме, например) было удобнее считать чем-то вроде чуда, отец же полагал, что путает спасатель, и под водой я пробыл не дольше, чем время, на которое может задержать дыхание десятилетний ребенок, то есть минутой — полторы от силы. К тому же этот случай в центре внимания долго быть не мог, его заслонили дела более насущные. Гривенник тогда я в море так и не кинул.

Я открыл глаза, посмотрел на ртутью переливающийся в воде циферблат — я грезил почти четверть часа, и наверняка солнце успело подпалить мне загривок. Я пару раз погрузился с головой в воду, и поплыл к берегу. На берегу постоял, глядя, как волны ласковыми котятками трутся о мои лодыжки. На всякий сунул руку в карман шорт, хотя точно знал, что монетки там нет. Экая, черт, досада! Насколько же мне замутило мозги ночное приключение и все, с ним связанное, что я забыл захватить с собой «прощальную» монетку, припасенную еще с Москвы?! Я тоскливо оглядел пляж. Никого подходящего, чтобы вот так просто подойти и стрельнуть монетку, не наблюдалось. Да и не московское метро здесь, чтобы у каждого первого в кармане звенела мелочь, — пластиковую «Визу» или «Америкэн Экспресс» у загорающих вокруг можно обнаружить с куда большей степенью вероятности.

Да и те, как и все ценное, не с собой, а в отельских сейфах. Я аж плюнул с досады. Метнуться за монеткой в номер? По такой-то жаре, тем более учитывая мое и без того полурасплавленное состояние — облом полнейший, да и до назначенного Ивой времени оставалось всего ничего. Позвонить, предупредить — мобильник тоже в номере. Я прикинул на весах своих приоритетов бросок монетки «на возвращение» и перспективу остаться без прощального секса, точно зная, что вне зависимости от того, куда склонятся весы, я выберу последний. Определенно, сделать ничего было нельзя. Я мысленно извинился перед морем за измену, охватил последним взглядом его все — от прибрежной гальки до далекого парохода у горизонта, вздохнул и побрел в номер.

Оставленный мною заряжаться айфон, с тянущимся к нему от розетки белым проводом удивительно напоминавший сейчас мыш-альбиноса, не лежал там, где я его оставил, а почему-то валялся на полу. Видимо, мне звонили, и звонили долго, потому что упал аппарат из-за стащившего его на пол вибросигнала. Я посмотрел список неотвеченных вызовов, — их было три, все от мамы. В груди похолодело. Потому что я четко объяснил маме, что на выходные уезжаю, звонить «из роуминга» будет дорого, и поэтому, если не дай Бог что-то экстренное, чтоб звонила сама. Неужели что-то случилось? Я посмотрел на время звонков — без малого час назад.

Частая последнее время мысль обожгла меня: Господи, а вдруг перезванивать уже поздно? Маме в прошлом году отметили восемьдесят, после чего она сразу резко сдала, как человек, достигший некоего назначенного себе предела и не знающий, что и зачем делать дальше. Разнообразные болячки посыпались на нее словно все и сразу, хотя ничего критического врачи не находили. Мама как будто в одночасье утратила интерес к жизни. В этом году с наступлением тепла она даже не выехала на любимую ею дачу, где в заботах об огороде и полутора десятках плодовых деревьях она раньше проводила все лето. Уже пару месяцев мама вообще не выходила из дома, и не только потому, что ее обеспечение всем необходимым давно взяли на себя мы с Мариной. «Не хочу, — упрямо отвечала она на мои осторожные предложения выйти на улицу прогуляться. — Чего я там забыла?» О том же, чтобы забрать маму из неблизкого Строгино куда-то поближе к нам, вообще не было и речи, потому что она ни на секунду не допускала и мысли о том, чтобы уехать оттуда, где умер отец.

Не попадая дрожащими пальцами, нажимаю «перезвонить», но система приятным женским голосом на чистом турецком говорит мне, что что-то не так, и с мамой она меня соединить она не может. Я в ступоре смотрю на погасшее табло, — я ведь перезваниваю по определенному номеру, ошибки быть не может. Какого же черта?! Сердце начинает выпрыгивать из груди, я лихорадочно ищу в записной книжке айфона мамин мобильный номер (баран, неужели трудно выучить наизусть!), нахожу, набираю, — снова в динамике приветливый турчанкин голос. Чё-о-о-рт!! Что за хрень!!! Набираю мамин домашний (хоть его я помню наизусть!) — то же самое. Но последняя неудача меня, как ни странно, успокоила. Здравомысленно рассудив, из нее я сделал вывод, что сам что-то делаю не так. Я быстро отмел самые простые причины: деньги на счету есть сто процентов; роуминг включен? — включен, об этом я позаботился, да и звонил я Иве уже здесь, чего без работающего роуминга сделать бы не смог. Так что же не так? Еще раз посмотреть на список набранных номеров. Все, как обычно: восемь... Восемь? Ёкарный ты бабай! Какой, на хрен, восемь?! Ты ж за границей, чучело! Вместо восемь надо «плюс семь» набирать! Да, но я же перезванивал, вроде, по входящему вызову... Ну, да, мамин мобильный номер отобразился так, как он

забит в телефонной книге аппарата, то есть начиная с восьмерки, все правильно. Надо ж быть таким уродом, а?! Но — постойте, а как же тогда я Иве сегодня звонил? А-а, все понятно: Иве я тоже перезванивал по ее вчерашнему входящему, она набрала мне, когда я уже приземлился. А поскольку Ивин номер по соображениям беспалевости у меня записан не был, то определился он в международном формате, т. е. с «плюс семь» в начале. Все правильно, а ты — осел! Правда, небезнадежный, с похмелья, перетрашу и недосыпу, а все-таки разобрался. Ладно, три с минусом тебе, иди, сдал. Я набрал правильный мамин номер, и с облегчением услышал, как в динамике пошли гудки. В этот момент дверная ручка повернулась, и в номер вошла Ива.

«Алё, алё, алё, алё!» — привычно зачастила в трубку мама. «Мам, привет! — облегченно выпалил я, не услышав в обертонах ее голоса ничего тревожного, и повернулся к застывшей в дверях Иве. — Ты звонила?» «Мама», — показал я Иве одними губами, одновременно рукой призывая ее заходить. Но Ива уже и без того уже беззвучно прикрывала дверь и, осторожно ступая, направилась ко мне. Скрытую за ее сжатыми в куриную жопку губами хулиганскую улыбку я заметил только когда она подошла ко мне вплотную. «Привет, привет! — ответила мама тоном, не предвещавшим ничего хорошего. — Да, я звонила. А ты вообще где?» «Я?» — в полном замешательстве содержательно переспросил я. Вроде бы, я все маме разъяснил, растабличил... В этот момент, глядя на меня, как удав на кролика, Ива обвила себя правой рукой от плеча до левого бедра, до жути напомнив мне этим жестом красного командира, потянувшегося за шашкой разрубить пополам трясущуюся перед ним от страха белую сволочь. Но, к счастью, вместо эфеса Ивины пальцы ухватили всего лишь край парео, рванули, и тонкая ткань, закрутившись вокруг ее талии сероватым тайфунчиком, улетела куда-то в угол комнаты, оставив Иву передо мной совершенно голой. «Господи, как же она по отелю-то шла?» — мелькнула в голове мысль, потому что без пододетого купальника улетевшее парео скрывало Ивины тайны не лучше, чем полный воды прозрачный полиэтиленовый пакет — плавающую внутри золотую рыбку. Сочетание маминых вопросов и аллегорий про рыбку придали мне такого ошалелого вида, что Ива, думаю, полностью приняв произведенный эффект на счет своих действий, на пару секунд артистично замерла в позе «нечаянное бесстыдство»: какая женщина поторопится уйти со сцены, если зал рукоплещет?

Не раз и не десять виденная, Ивина нагота давно перестал быть для меня откровением, но сейчас я смотрел на нее, как музейный завсегдатай на любимую, но давно и хорошо знакомую картину, в которой взгляд неожиданно открыл нюансы, ранее почему-то не замечаемые — с прежним восхищением и новым любопытством. Уверен, вероятнейшая мысль, должна прийти в первые две секунды созерцания в голову любому, разбирающемуся в искусстве под названием «женская красота», буде таковому посчастливилось бы увидеть Иву обнаженной, была бы: «Боже, как она красива!». И лишь потом мозг его, анализируя все новые и новые образы, посылаемые глазами, начал бы раскладывать эту общую картину на составляющие, каковой процесс только подтвердил бы первое впечатление. Ива была высока, стройна и очень пропорциональна — ни слишком широких бедер, ни слишком узкой талии, все точно в меру. Разве что, пожалуй, ее ноги на всем их протяжении от паха до лодыжек были чуть массивнее эталонных параметров, но мне это даже нравилось (в любом случае, это лучше, чем когда наоборот — утяжеленный верх и тонконогий низ: обладательницы такого типа фигуры часто очень гордятся своими длинными и тонкими ногами, выставляют их напоказ, не понимая, что диспропорции верха и низа делают их похожими на птицу

марабу из африканских саванн). И все эти вполне тонкие и изящные метр семьдесят шесть были покрыты изумительным оливковым загаром, так идущим ее цвета выгоревшей на солнце пшеничной соломы волосам и хризолитового оттенка радужке широко открытых, словно всегда немного удивленных, глаз. На груди загар обрывался в миллиметре от пупырчатых розовых ареол, увенчанных огромными, коническими, как бабушкин наперсток, сосками. Если вообще можно говорить об общепринятых составляющих эталона зрелой женской груди (округлая форма и размер гандбольного мяча), то у Ивы была именно такая. Ее живот там, где ему полагается быть плоским, выше пупка, украшенного лаконичным пирсингом, под острой межреберной аркой, и был таковым, а ниже округлялся ровно настолько, чтобы ни на какие складки не было даже намека. Вообще, хотя ни анорексичной, ни даже просто худой Иву назвать было нельзя, ее подкожные отложения нигде не выпирали, гладко распределяясь там, где им быть уместно и отсутствуя в местах, где их присутствие было нежелательным. Все остальные хоть сколько-либо значащие части ее фигуры — высокая шея, тонкие руки с длинными пальцами, изящной формы ступни только подчеркивали общую картину совершенства ее тела, как изящная и ненавязчивая оправа подыгрывает сиянию солитера, ею обрамленного. Причем такая эталонная пропорциональность не была плодом бесконечных истязаний в тренажерных залах и изнурений диетами, — Ива была такой от природы. Честно говоря, красивее женщины я в своей практике не встречал, да и немногие записные красавицы — кинодивы и модели, от параметров которых одну половину человечества колотит зависть, а другую — эрекция, вряд ли могли бы хоть в чем-то дать ей заметную фору. И еще — пахло от нее всегда настолько обворожительно, что перед глазами вставал огромный флакон какого-то совершенно невероятного, переливающегося всеми цветами спектра суперпарфюма, внутри которого на манер Русалочки из мультфильма каждое утро купается Ива перед тем, как явить себя миру. Я даже глаза закрыл, наслаждаясь застывшим на обратной стороне век изображением, но мама вывела меня из состояния рассеянного созерцания.

«Да, ты, ты! — уточнила в трубку она, явно собираясь глубоко разобраться в вопросе моего местопребывания. Но тут Ива толкнула меня двумя руками в грудь, я ойкнул и полетел спиной во взбитый сливками ворох белья на постели. «Что с тобой? — немедленно отреагировала мама. — Почему ты говоришь «Ой?» Ты где, я тебя спрашиваю?» Тем временем Ива, вскочив вслед за мной на кровать, одним рывком стянула с меня еще влажные шорты, после чего по-ковбойски оседлала меня повыше коленей, двумя пальчиками зажала мой крохотный после купания причиндал и широко раскрытым ртом ринулась на него, как кошка на сцапанного воробья. «Мам, я же говорил, я в командировке!» — прокричал в трубку я, попытавшись выставленной вперед рукой защититься от нападения, но Ива страшно клацнула зубами в непосредственной близости от моих пальцев, и я отдернул руку. Беззащитный птенец исчез у страшной кошки во тру, на ее скулах мощно заходили желваки, а на щеках впали такие ямочки, словно она хотела засосать через трубочку пачку сливочного масла. «Я в командировке, мама, — повторил я, бессильно запрокидывая голову. — Мы же договорились, что ты будешь звонить только в крайнем случае!» Мать в трубке молчала, а Ивина активность начинала давать себя знать. Как я ни сопротивлялся, мои веки, дрожа, закрылись. «Мама?» — позвал я в трубку. «Да, да, да!» — откликнулась мама, словно это не я, а она ждала завершения затянувшейся паузы. Под воздействием такого недвусмысленного внимания к своей персоне предмет этого внимания начал распрямляться в полный рост, как Чужой перед лейтенантом Рипли в исполнении Сигурни Уивер. «Так ты чего звонишь? —

стараясь насколько возможно абстрагироваться от ощущений, осторожно спросил я маму. — Что-то случилось?» «Конечно, случилось! — воскликнула мать, как будто только и ждала этого вопроса, как условного сигнала. — Ты черт-те-где, не звонишь. А где Марина? А Кирилл? Тоже все в командировке? Вы чего старую бабушку одну-то бросили? Надоела я вам, что ли? Так потерпите, недолго осталось!» «Мама! — взмолился я. — Я же тебе в пятницу все объяснил. Я — в командировке, Марина — на даче, у нее там телефон плохо берет, ты знаешь. А Кирилл... Мам, ну, что ты хочешь от молодежи двадцати с небольшим лет отроду? Наверное, оттягивается где-нибудь на природе». «Да уж, подарил Бог внучека! — обиженно проскрипела в трубку мать. — Никогда бабушке первый не позвонит. Не в нашу он породу, не в нашу». У-уф, вроде, девятый вал прошел. Сетования на «ненашу породу» обычно шло в конце вот таких неожиданных и непонятных маминых звонков, в которых ни с того, ни с сего поднимались темы, мои рациональные попытки обсуждать которые обычно приводили к слезам, бросанием трубки и отказом от общения минимум до вечера следующего дня. У меня отлегло. «Ладно уж, хрен с вами, господа родственнички! — в своем иногда очень своеобразном стиле сменила гнев на милость матушка. — Вот вернетесь раз — а бабушка-то того, кулысь! Загрызет совесть-то потом! Хотя откуда у вас совесть? (я прямо увидел, как мама махнула на нас рукой). Ты-то сам когда из командировки своей вернешься?» Рот Ивы, видимо, решившей, что большего из меня в такой обстановке не выжать, перестал сладко терзать мою плоть. Она сделала на коленях «два шага вперед» и профессионально-ловким движением таза ввела меня в себя. «Сегодня вечером», — поспешил успокоить маму я, с трудом сдерживаясь, чтобы не замычать. «Так уже вечер», — непонимающе прокомментировала мама. «Значит, ночью, — нес уже первое, что придет в голову, я. — По вашему ночью. Здесь время вперед... То есть, назад». «Так вперед, или назад?» — зацепилась не терпящая неточностей мама. «Назад, назад! — чуть не закричал в трубку я, уповая, чтобы Ива не восприняла мой вопль как команду. — Мама, я не могу больше разговаривать, опаздываю на переговоры. Позвоню, как только вернусь, ладно?» «Ладно уж, — недовольно согласилась матушка. — Пока. А почему ты разговариваешь в нос? Ты не простудился?» Это было уже слишком. «Нет, мама, я не простудился, просто я лежу на спине с запрокинутой головой, и поэтому говорю «б нос», а на спине я лежу, потому что на мне скачет потрясающая женщина, и поэтому, мама, твой пятидесятилетний сын, с которым ты разговариваешь, как с несмышленьким, не может больше выслушивать твоих глупостей!!!», — хотел сказать маме я, но, разумеется, не сказал. «Нет, мам, все в порядке, тебе показалось», — сказал я вслух, прикрывая микрофон рукой, потому что насколько я знал Иву, ровно через пять секунд должен был раздасться ее первый стон, если, конечно, мама до сих пор еще не услышала, как ухаёт от Ивиного галопирования кровать под нами. «Ладно, Сенчик-птенчик мой, сыночек, не забывай про свою старую маму, — прощально засюсюкал в трубке мамин голос, и я нажал отбой ровно на четвертой секунде.

— Бля-я-я, ну, твоя мама не вовремя! — тут же в голос выдохнула Ива, мотая головой, как корова на случке.

— Мамы всегда не вовремя, — плохо понимая, что говорю, ответил я и закрыл глаза.

Ива еще с полминуты попрыгала на мне, потом поняла, что имеет дело с трупом, и великодушно оставила меня в покое. Когда она была в ванной, позвонил отельский телефон, меня предупредили, что такси будет ждать у ресепшен через двадцать минут, и вернувшаяся в комнату Ива застала меня за сборами.

— Все, уезжаешь? — спросила она, обняв меня сзади за плечи.

Продолжая бросать шмотки в дорожную сумку, я кивнул, взял ее руку, поцеловал в раскрытую ладонь. Она пахло жидким мылом и еще чем-то неуловимым, особенным, только ее, Ивиным. Я обернулся, обнял ее, прижал к себе. Что-то большое и теплое, как белое облако в жаркий июльский день, охватило душу, мягко, но крепко сдавило сердце, подкатило к уголкам глаз. Нестерпимо захотелось срочно и жирно перечеркнуть всю хмурь и мусор, возникший у меня к этой женщине за последние два часа.

— Я люблю тебя, — еле слышно шепнул я Иве на ухо.

Она замерла на мгновение, потом осторожно высвободилась из моих объятий.

— Я знаю, — ответила она, глядя в сторону. — Я это знаю.

Подняла на меня взгляд, как-то непонятно, показалось, чуть виновато, улыбнулась, и снова спрятала глаза. Я вернулся к сумкам-шмоткам.

Не знаю, что это нашло на меня? Зачем нужно было поднимать эту старую, никогда вслух не обсуждавшуюся, но тем не менее запретную тему? Для того, чтобы Ива в очередной раз не ответила, и вместо давешнего тепла в сердце уколола ледяная игла? Болван! Хотел испортить себе настроение? Ты этого добился. Словно подслушивая, Ива снова подошла сзади, снова обняла, прижалась головой к лопатке. Через майку мне показалось, что ее щека отчего-то мокрая. Она положила руку мне на плечо, и я накрыл ее своей ладонью.

— Мне хорошо, когда ты рядом Сень, — сказала она. — Мне очень с тобой хорошо. Ты такой... большой, надежный. С тобой, как с бронированной дверью в квартире. Я не представляю, как бы мы жили с Дашкой и тогда, когда Абики сидел, и особенно последние эти годы. Я никогда не забываю, что и эта Турция, и шмотки, и последний тампон, который я в себя засовываю, все это куплено на твои деньги. Я прекрасно понимаю, что за все за это ты имеешь полное право хотеть от меня того, что тебе... хочется. И я знаю, что тебе нужно — заботы, ласки, тепла, уюта, всего того, что можно назвать одним большим и серьезным словом, которое, ты знаешь, я так не люблю говорить. И не то чтобы у меня всего этого нет для тебя, просто... Я не знаю, как это объяснить, это слишком сложно. Может быть, у меня в душе от природы место есть только для одного мужчины. Раньше оно было занято Абикиком, его давно там нет, но и никого другого душа не пускает. Может быть, потому, что мы все равно живем вместе, общаемся, ругаемся, деремся, воюем с Дашкой, и душа не может его просто так... стереть. Ты знаешь... я точно знаю, что мне не нужно тебе это говорить, но я хочу, чтобы ты понял. Мы с ним уже сто лет даже спим в разных комнатах, но иногда он ночью приходит голый и говорит: «Жена, мне нужен секс». Наверное, я дура, но я не могу его послать, поворачиваюсь на спину и раздвигаю ноги. Он сопит, потом кончает в меня, хотя я сто раз ему говорила, но у них это «азл», прерванный акт, и это грех. Он уходит спать, а я несусь в ванную мыться, чтобы не залететь, меня выворачивает от отвращения, и я не понимаю, как это могло быть мне приятно, когда мы делали Дашку и много раз после. Но... ты просто не представляешь, насколько вы тесно переплетены у меня в голове, в душе, в сердце...

— И в..., - сами собой произнесли мои губы, и хотя я успел в последний момент дать им команду захлопнуться, и скабрзность не успела с них слететь, но то, что я имел в виду, было столь очевидно, что непристойно-смачное обозначение женской вагины повисло в воздухе, словно произнесенное откровенно, громко и внятно.

Ива осеклась, горячо выдохнула мне в спину.

— Порядочная женщина должна была бы сейчас тебя ударить, — глухо сказала она. — Но я не могу этого сделать. Наверное, потому что таковой не являюсь. Но даже последняя

шлюха имеет право выбора. И я прошу тебя — если тебя устраивают наши отношения в том виде, в каком они существуют, давай никогда не будем обсуждать две вещи: того, что было сегодня ночью, и тему любви в этих наших отношениях. По крайней мере, пока ты женат, а я замужем. Или, клянусь дочерью, эта наша встреча станет последней.

Странно, но произнося это, она не отстранилась от меня, а я не снял ладони с ее руки у меня на плече. Безусловно, я оскорбил ее, и был отхлестан по заслугам. Перспектива никогда больше не получить того, от чего у меня все еще дрожали коленки, меня не устраивала, и плату за это Ива сейчас установила мизерную. Да, я люблю эту женщину, а она меня нет. Но, видимо, в этой жизни она любит только одного человека, и ничего поделаться с этим нельзя. Ну, и черт с ней, с любовью: расцвети Ива ко мне самым ярким чувством, это не сделало бы секс с ней лучше ни на йоту, лучше просто некуда. Да и моя ревность к ее мужу глупа: в конце концов, это я трахаю его жену, а не наоборот; ну, попользовался с барского плеча, с меня не убудет, да и, похоже, теперь все это окончательно в прошлом. Ладно, с общением сегодня не задалось, одни занозы и крючки — видимо, день такой. Я отпустил Ивину руку, обернулся, чмокнул ее в висок. Он был соленый, но от слез или от пота, было не разобрать.

— Ты иди, — сказал я. — Мне надо в туалет, туда-сюда. Да и вообще.

— Ага, — послушно согласилась Ива, никак не отреагировав на отсутствие вербальной реакции на ее эскападу, — поняла все без слов? — Я пошла. Увидимся внизу.

Дверь мягко закрылась за ней. Я вздохнул, на автомате закончил сборы. М-да, я ехал сюда беспечно развлекаться, а все вышло как-то совсем наоборот. Я вышел на балкон, поискал взглядом между пальмами полоску моря, которую точно видел вчера, но уже смеркалось, над бассейном, к которому выходил окнами мой номер, зажглась иллюминация, и разглядеть за ее сполохами было решительно ничего нельзя. Опять зазвонил аппарат на тумбочке, — понятно, что это меня звали к ожидающему уже такси. Я снова вздохнул, подхватил сумку и вышел.

«Внизу» Ивы не было. «Я покрутил головой, но никто, кроме нетерпеливого высывавшего голову из открытого окошка белого мерседеса таксиста меня не ожидал. Ну, и правильно», — подумал я. «Эропорт?» — спросил я у таксиста, и он радостно закивал в ответ, выскочил, подхватил сумку, ловко определил в багажник. Я загрузился в кожаное нутро мерседеса, и мы тронулись. Я не удержался от того, чтобы бросить последний взгляд в тонированное окно — никого. Последнее слово сегодня осталось не за мной. Ну, и ладно — даже Рой Джонс-младший проигрывал! Я откинулся на приятно нахоленную спинку сиденья и приготовился дрыхнуть до «эропорта», но тут таксист резко затормозил. Причиной был огромный туристический «неоплан», загородивший выезд. Турок ругнулся, и стал сдавать назад. Когда мы под вой насилуемой задней передачи снова пронеслись мимо входа в отель, мне боковым зрением показалось, что из темной глубины холла ко входу кто-то бежит. Через тонировку автомобильного стекла это было еще более плохо различимо, но все-таки я повернул голову. Как раз в тот момент, когда обзор мне окончательно скрыла массивная псевдо-античная колонна, я увидел, что бегущих двое, и то это Ива с Дарьей. Вернее, Дарья с Ивой, потому что дочь бежала первой, таща мать за собой, как маленький буксир трансатлантический лайнер. «Стоп!» — заорал я таксисту, для убедительности замолотив ему рукой по плечу. Испуганный турок ударил по тормозам, заверещала абээс, машина заскользила по отполированным колесами брусчатке, завиляла задом и, чуть не въехав бампером в мусорную урну, остановилась. «Цурюк!» — скомандовал я турку. «Варум цурюк? — округлил глаза водила. — Эропорт! Du bist spat dran fr das Flugzeug!» Моих

познаний в немецком здесь было явно недостаточно, но и так ясно было, что таксист, видимо, предупреждал меня, что «Михаил Светлов» может сделать «ту-ту» без меня. Но я был твердо намерен требовать «цурюка» до победного конца, но тут увидел, что из окна машины, остановившейся в самом низу кругового съездного пандуса, вход в отель распрекрасным образом виден. При этом толстенные листья-лопухи пальм, гевей и юкк, росших на огромной центральной клумбе, заслоняли машину от взгляда людей у входа, а мне, поскольку были гораздо ближе ко мне, наблюдать совершенно не мешали: так можно подглядывать в щелочку в заборе, оставаясь при этом незамеченным. Хотя, собственно, подглядывать-то я ни за кем не собирался, а просто хотел вернуться и попрощаться с Ивой. Шофер, выполняя мой настойчивый «цурюк», уже переключил передачу, но тут то, что происходило у входа, резко заставило меня расхотеть принимать в этом участие, и я жестом водилу приостановил. А увидел я в щелочку между зарослей вот что. Добежав до того места, где пару минут назад меня ожидало такси, запыхавшаяся парочка посмотрела друг на друга с недвусмысленным выражением «Ну, я тебе говорила!», но этим не ограничилась. Ива и Дарья принялись что-то бурно обсуждать, активно жестикулируя, причем мать с каждой фразой все ниже наклоняла верхнюю часть торса к дочери, пока не стала напоминать эдакий огромный вопросительный знак, загнувшийся над тянущимся к нему снизу маленьким знаком восклицательным. Это могло бы выглядеть забавно, если бы не сжатые в полосу брови и в гузку губы собеседниц, что выдавало запредельное напряжение в разговоре. Наконец Дарья, пару раз энергично взмахнув руками со нервно сжатыми кулачками, и притопнув к тому же ногой, выпалила матери в лицо какую-то длинную тираду, выхватила откуда-то из-за пояса телефон и начала лихорадочно тыкать в него пальцем. То, что произошло в следующую секунду, стало для меня маленьким шоком. Ива выпрямилась и с размаху вlepила дочери мощную затрещину, отчего Дарья, подобно теннисному мячику при рекордной подаче, отлетела вглубь холла, где дальше видеть ее мне мешали развесистые листья банана. А Ива, после экзекуции как-то сразу подуспокоившись, подобрала с пола Дарьин телефон, посмотрела на табло и вдруг с еще большим, чем при давешнем ударе, свингом шарахнула аппаратик об пол. Тот брызнул мелкими детальками, а Ива для верности еще и растерла останки подошвой сандалия. После этого она с явным удовлетворением огляделась, и со вскинутым вверх подбородком покинула поле битвы, напоминая уже не белый круизный лайнер, а скорее хищный крейсер, только что беспощадно отправивший в пучину морей вражеский фрегат вместе со всем экипажем. Смотреть больше было нечего, да и желания не было. «Гоу!» — скомандовал я водиле; тот, несмотря на резкий переход с немецкого на английский, понял и дал по газам.

Совершенно ошарашенный невольным подсмотренным, я размышлял над этим всю дорогу до аэропорта, во время монотонной процедуры регистрации и таможенного контроля, с этими размышлениями поднялся на борт самолета, под них же почти сразу уснул, не разбудил даже тряский, как по кочкам, разбег. Весь полет меня, как бесконечная циклическая анимация, преследовал сон, в котором Ива с размаху лупит дочь по морде. Дарья укатывается в кусты, и все повторяется снова, раз за разом. Только аплодисменты, которыми салон встретил удачную посадку, вернули меня из погружения в этот бесконечный, утомительный мульт. Пару минут я сидел, возвращаясь в реальность и размышляя, почему эта сцена так вцепилась в мое подсознание. И понял: уж слишком разнилось поведение Ивы в этом эпизоде и минувшей ночью у меня в номере, когда она готова была удовлетворить буквально любой дочернин каприз. Наверное, я мог бы еще долго

размышлять над этой «нестыковочкой», но начали вставать с мест, потянулись к багажу на полках, и я, пожав сам себе плечами, последовал общему примеру.

На часах, переведенных на Анталийское время, было одиннадцать с мелочью, значит, в Москве — первый час ночи. Для звонка о благополучном прилете совсем не поздно, и я набрал маме. «Да, — удивительно лаконично ответила матушка на восьмом или девятом зуммере. — Кто это?» «Мам, это я, — несколько удрученный прохладностью ее голоса, пояснил я. — Я прилетел, все в порядке». «А, хорошо! — на пару градусов теплее отреагировала мама. — Ты ж говорил, что не будешь звонить? Я только что, вроде, заснула, теперь опять ворочаться полночи...» Я совершенно ясно помнил, что обещал маме позвонить сразу же по прилету, но вступать в дискуссию не стал, как мог сухо извинился, что разбудил, и дал отбой. После такой встречи на родной земле звонить еще кому-то никакого желания не было, но не доложиться жене было бы свинством, да к тому же как раз пришедшая эсэмэска сообщала, то Марина за последние полчаса уже дважды звонила сама. Я набрал ее номер. «Приве-ет! — услышал в трубке я теплый жонин голос, и на душе отлегло. — Прилетел? Как, удалось маленько отдохнуть? Не сгорел?» Я представил, как через час-полтора, добравшись до дома, буду врать заботливой жене, как не вылезал с пляжа, при этом, дабы не обгореть, даже в воде не снимая майки и широкополой шляпы, и мне стало немного стыдно. «Хорошо, но мало, — облек я ответ в универсальную, подходящую и правде, и вранью форму. — Приеду, расскажу». Но супруга с печалью в голосе посетовала, что дома ее нет, она даче, где за время моего отсутствия случился маленький, но неприятный инцидент. Приехав сегодня в обед на фазенду с целью поснимать с грядок нехитрый урожай, Марина обнаружила, что кто-то, отжав оконную створку и оставив на подоконнике отпечаток грязного башмака, побывал в доме. Пропажа из холодильника нескольких банок с консервами говорил о том, что, скорее всего, это были бомжи, промышляющие по дачам продуктами, выпивкой, да пользующимся спросом электоринструментом. Ничего больше, вроде бы, не пропало, и Марина решила уже было на этом и успокоиться, но отпечаток подошвы и обостренное чувство гражданской ответственности взяли верх. Промучавшись несколько часов, супруга все-же решила, что негоже замалчивать такие вещи, особенно если есть возможность по отпечатку установить личность преступника, и тем самым спасти от аналогичной напасти не один, может быть, дом. Около четырех часов дня Марина позвонила в полицию. Серьезная девушка в телефоне записала вызов и, коротко сказав: «Ждите, приедут», дала отбой. Напомнить о себе Марина решилась в семь вечера. Та же девушка раздраженно бросила: «Знаете, сколько у нас таких? Ждите!» В результате полицейский уазик подъехал к даче в половине одиннадцатого. Еще час измученный жарой и глупыми вызовами немолодой полицейский составлял протокол, еще сорок минут сердобольная Марина поила его чаем с вареньем, выслушивая сетования, что найти проникшего в дом не более вероятно, чем то, что завтра на Красной площади приземлится тарелка с инопланетянами. В общем, полиция уехала полчаса назад, и совершенно опустошенной всеми этими событиями Марины сил по ночи рулить домой просто не было. Она собиралась переночевать на даче, просила по сему поводу не обижался, дома есть что поужинать и позавтракать, на работу все поглажено, что у Кира все в порядке, и что увидимся завтра вечером. «Конечно, конечно, не рвись!» — поддержал супругу я: то, что Марины не будет дома, меня более чем устраивало, — хоть не сразу в постель к жене от другой бабы, а до завтрашней ночи все уже так затрется в голове новыми заботами-событиями, что будет уже не до соображений морали. Расцеловались, распрощались.

Покинули борт, пробежались по длинным аэропортовским коридорам, разобрались по небольшим группкам на паспортном контроле. Через пять минут я уже был первый в очереди, дисциплинированно стараясь не наступить на красную линию на гранитном полу, символизирующую государственную границу. Окошечко в будке у «моего» пограничника освободилось, зажглась лампочка, означающая «следующий», и с облегченным вздохом я на законных основаниях переступил ленточку. Сухая и бесстрастная пограничница в серой форме и в очках внимательно посмотрела в мой паспорт, потом — поверх очков — на меня. Инстинктивно пытаясь задобрить хозяйку будки, я улыбнулся, но моя улыбка не смогла произвести на суровую цербершу никакого впечатления. Напротив, отложив мой паспорт в сторону, пограничница принялась что-то искать в компьютере. Через минуту мне стало как-то беспокойно, еще через минуту я начал нервно переминаться с ноги на ногу, еще через тридцать секунд тихонько покашлял, что должно было означать: «Что-то не так?», но мой вопрос ответом удостоен не был. Я начал уже было нервничать не на шутку, нот тут страж границы снова подняла на меня свой бесцветный взгляд:

— Костренев Арсений Андреевич? — сухо и с каким-то шипением, как из дешевого громкоговорителя, прозвучал ее голос.

Этот простой вопрос почему-то оказался для меня полной неожиданностью, и я невольно вздрогнул. Одновременно еще на одно деление повернулся счетчик неудачных попыток людей, впервые читающих мою фамилию, воспроизвести ее правильно.

— Костренёв, — максимально доброжелательно поправил я блюстительницу девственной неприкосновенности границы. — Звук «Ё» как в слове «катринденёв». Это я. Что-то случилось?

Но на шутку, которая в девяти с половиной случаях из десяти вызывала как минимум улыбку, церберша никак не отреагировала, и только холодный, как фиолетовый лазер, взгляд продолжал молча сверлить мне переносицу.

[i] Cote-d'Or — один из лучших винодельческих регионов Бургундии, Франция.

Глава 3. Арсений

Ну, мне кажется, что мы уже достаточно знакомы для того, чтобы познакомиться поближе. Как уже отмечала пограничная женщина из предыдущей главы, я — Арсений Андреевич Костренёв. По году рождения — Тигр, по знаку зодиака — Рыбы. Поскольку полностью оградиться от модной нынче астрологии невозможно в принципе, то из того, что я читал об этих знаках, выходит, что, будучи «полосатым властелином джунглей», я — авантюрист, боец и бунтарь, а как Рыбы — одиночка, интраверт и фаталист. Похоже? Да черт его знает, со стороны виднее, самому о себе судить — это как слышать собственный голос в записи — ощущение, что это совершенно не ты.

Что люблю в жизни? Сначала — из пищи духовной. Слушать — старый добрый английский рок от Битлз до Pink Floyd, но в первую очередь, конечно, Led Zeppelin с гитарным запилами Пейджа и связочными надрывами Планта. Из нашего — с удовольствием слушаю Кино, Шевчука и еще кое-кого из более молодых, но по-настоящему меня «штырит» от лирики Константина Никольского. Ощущение, что это написано для меня и про меня.

Любимое чтение, то есть книги, оказавшие на меня наибольшее впечатление, в той или иной степени сохранившееся на всю жизнь: конечно, «Мастер и Маргарита» — forever! (тут я сильно не оригинален, но ничего не поделаешь); Ремарковская «Триумфальная арка» (тоже вещь известная и на многих имевшая неизбывное воздействие); «Таинственный незнакомец» Марка Твена (эта недописанная из-за смерти автора незабвенного Тома Сойера вещьца, напротив, малоизвестна, так как в советское время издавалась едва ли не пару раз всего); ну, и, конечно, «Архипелаг Гулаг» Александра Солженицына. Это — главные. Но, думаю, стоит упомянуть в этом ряду еще «Над пропастью во ржи» Сэлинджера, «Доктор Живаго» Пастернака, «Туманность Андромеды» Ивана Ефремова, «Прощай, оружие» Хэмингуэя «Альгиста Данилова» Владимира Орлова, «Сто лет одиночества» Маркеса, «Пикник на обочине» Стругацких. Все? Нет — пожалуй, еще одно — небольшой рассказ «Чудовище» Альфреда Ван-Вогта (прочтите — вам должно понравится!). Для чего я так подробен в перечислении этих литературных произведений, наиболее в разные годы жизни меня поразивших? Пожалуй, для того, чтобы вам было проще представить, кто и какой я есть на самом деле. Потому что я уверен, что книги, которые человек любит — как глаза, тоже своеобразное «зеркало души». Как во взгляде, по мнению графа Толстого, можно прочитать особенности человеческого характера, так человек совершенно неосознанно старается походить на любимых литературных героев, ведь когда-то его так поражали сила и смелость одного, ум и находчивость другого или честность и преданность третьего. Таким образом герои книг (а сейчас — и фильмов) формируют человека — не всех, и не всегда, и не во всем, но многих, часто, и не в мелочах. Конечно, эта сентенция слишком уж обща и поверхностна, но для определенного слоя советских мальчишек из интеллигентных семей, родившихся во времена Оттепели и уже многого (в отличие от их родителей, которым сталинская жуть въелась в поры) не боявшихся, она работает. В моем случае — работает определенно. Не единожды в жизни, отмечая в диалогах с самим собой, что в какой-то непростой жизненной ситуации я вел себя так, что не в чем себя упрекнуть, это в большой (а, может, и в главной) мере было от того, что «нужные книжки я в детстве читал». А если сдрейфил, или сделал что-то косо и несправедно — наоборот. Так что, если кто из читающих эту книжку к тому же знаком и с чем-то из вышеперечисленного, тот может довольно точно

составить представление обо мне, как о личности.

Любимое кино... Тут такая же мешанина, самому смешно. Но попробую. Из наших: «Гамлет» со Смоктуновским; «Хроника пикирующего бомбардировщика» (кстати, снят на пять лет раньше похожей по сюжету картины «В бой идут одни старики», и во многом, на мой взгляд, сильнее, и при этом совершенно непарадна и неполитизирована); «Собачье сердце» (конечно!); «Мой друг Иван Лапшин» (по мрачности сравнится разве что с «Проверкой на дорогах» того же Алексея Германа — старшего, но оторваться совершенно невозможно); «Асса», несомненно; «Игла» — на самом деле далеко не шедевр, но хотя бы и за запечатленного на экране Цоя; «Бумбараш», великолепный и очень грустный «Бег», «Кин-дза-дза» — обязательно, «Служили два товарища», «Холодное лето пятьдесят третьего», ну, и, наконец, оба «Брата» (если оценивать эту дилогию головой, то нравится она, по-моему, не может, но я снова и снова смотрю эти ужасные по сути фильмы снова и снова, воспринимая происходящее на экране сердцем, костяшками кулаков — не знаю, где там у человека расположен центр справедливости). А еще — совсем парадоксально — первый «Бумер»: наверное, за те 14 нот из песни Шнура «Мобила», которыми заканчивается этот тоскливейший фильм про «пацанскую» жизнь. Вот такой винегрет, судите сами. Кстати, в этом списке непременно должно было бы быть «Белое солнце пустыни», и не только потому, что это один лучших фильмов советской эпохи, а и потому, что я тоже считаю его таковым. Но уж больно заездили такой имидж этой картины, что ли... И космонавты его смотрят перед стартом, и все такое. Но не только поэтому. Странно, но мне всегда почему-то было очень жалко Абдуллу. Петруху тоже жалко, безусловно, но на мой взгляд, Абдулла убил его, как убивает, не задумываясь, дикий и сильный зверь, вырываясь из западни, просто потому, что прямой путь на волю лежит через убийство, и значит, задумываться не о чем. Да, достаточно было ему, чтоб уйти, просто придушить Петруху слегка, не насмерть, но Абдулла — дикарь, пустынный лев — лев не задумывается, убить или нет. В общем, у меня с этим прекрасным фильмом сложные и нестандартные отношения на уровне очень тонких ощущений; как бы то ни было, в моем пантеоне его нет.

«Из импорта» (как говаривал персонаж по прозвищу «Фашист» из «Брата-2») первым фильмом (после Фантомаса, ха-ха!), произведшим на меня, еще ребенка лет 13–14, совершенно неизгладимо-взрослое впечатление, было «Старое ружье» с Филиппом Нуаре в главной роли. Мультиоскароносный «Пролетая над гнездом кукушки», каким-то чудом пробившийся на советский экран, был много позже. Самый же мой любимый иностранный фильм (на самом деле думаю, что не только иностранный) — «Форест Гамп», а короткая, на несколько секунд, сцена, когда герой со стаканом молока в руке смотрит на оставленные Дженни после ухода его боевой орден и теннисную ракетку, неизменно заставляет включаться мои слезные железы. А кроме всех этих фильмов о жизни реальной я без счета могу пересматривать вторую и третью части фантастического сериала «Чужой». Серьезный читатель, может быть, снисходительно усмехнется над таким моим пристрастием к подростковому кино. На что я отвечу, что далекое будущее, монстры и космос в этом фильме для меня — на втором плане, а на первом — прекрасно нарисованные человеческие эмоции — страх, ненависть, мужество, любовь — на фоне вечной и непрекращающейся борьбы Человека в лице лейтенанта Хелен Рипли со Злом, которое в фильме олицетворяет Чужой. В общем, из этих же соображений я не переключаю программу, если показывают «Леон» Люка Бессона и «Убить Билла» Квентина Тарантино.

О живописи — совсем коротенько. Потому, что живопись — последний для меня по

счету источник духовой энергии (я отнюдь не завсегда тай салонов и галерей, хотя талантливую вещь от поделки, пусть и модной, отличу без труда). И еще потому, что изобразительное искусство в той относительно небольшой части жизни большинства моих сограждан, которая посвящена прекрасному, традиционно занимает куда меньшее место, чем литература и кино. «Рембрандта читала? В койку!» — очень упрощенно, но это отсюда. Так вот — хороших картин я видел множество (в основном в репродукциях, конечно), но настоящее, пришибающее, я бы сказал, впечатление, на меня произвели три, которые мне к тому же повезло видеть вживую: «Ночь на Днепре» Архипа Куинджи, «Апофеоз войны» Василия Верещагина и «Венера с зеркалом» Диего Веласкеса. Первая — это непередаваема словами магия цвета, света и тени; вторая — вселенская глубина замысла о бренности существования человечества, пожирающего себя самого; а третья — всепобеждающая красота женского тела, лучшее «ню», которое я знаю, при том, что художник, крайне стесненный запретами инквизиции на изображение обнаженной натуры, не мог даже и думать о том, чтобы нарисовать натурщицу голой целиком. Ну, ладно, с пищей для души, будем считать, покончили, переходим к продуктам более осязаемым.

Будучи уверен, что потребности тела — предмет для моего потенциального читателя куда менее интересный, пробежусь по этому предмету, так сказать, *briefly* — коротенько. Хотя самой вкусной вещью на свете, на мой взгляд, является черная икра, но любимая моя еда — домашние пельмени. С алкоголем — то же самое. Ничего в жизни не пил вкуснее «Шато Марго» урожая 2000 года (100 баллов Роберта Паркера — высшая оценка в мире вин, самая минимальная цена, за которую можно купить бутылку в Москве — 1350 евро, что вдвое ниже средней цены, брал по случаю собственного пятидесятилетия, канал не открою даже под пыткой), но любимый напиток — пиво. Из безалкогольного — Пепси-Кола (знаю, что вредно, что ржавчина отходит, но торчу от этого вкуса с детства и ничего с собой поделатать не могу). Любимое сочетание еды и питья — пельмени с водкой и свежая булка с молоком, и что вкуснее, определить затруднюсь. Стиль в одежде — *casual*, верх — кожа, низ — джинса, но за «брендАми» не гоняюсь, главное, чтобы было удобно и практично. Единственное, на что могу потратиться, это на относительно дорогую обувь типа «Lloyd» или «Paraboot», — слабость. Часы — Omega, машина — двухлетний «сарай» Subaru Outback надежный и всепролазный. В общем — вот такой я, пожалуй: Костренёв А.А., русский, москвич среднего роста, возраста и достатка (ну, ясно, средний достаток — штука относительная, кому-то я — «буржуй проклятый на иномарке», а кому-то мой месячный доход за обед в «Золотом» или «Недальнем востоке» оставить — как мне милостыню подать) — *voilà!*

«Москвач» я, кстати, не только урожденный, но даже и коренной, хоть и в первом поколении. То есть, первыми моими предками, родившимися уже в столице, были мои родители. А началась история Костренёвых — москвичей с моих дедов Павла (батиноного отца), Ильи (маминоного) и бабушек — Анны и Марии соответственно. Дед Павел (когда еще не был не только дедом, но и отцом) был... землекопом, вернее, глинокопальщиком. Волости подмосковного Богородского уезда (Богородск в 1930-м в честь видного советского движенца переименовали в Ногинск) славились залежами белой глины, из которой издавна делали редкий и ценный белый кирпич. Но вот только глины этой к 30-м годам осталось мало, вырыли всю, и село Черепково, откуда дед был родом, было к тому времени едва ли не последним местом, где сохранились залежи и производство. Глину добывали (как говорили тогда, «копали») вручную острыми, как нож лопатами, и при обычных тогда для

«копальщика» семи-восемью кубических сажень (тамошняя кубическая сажень равнялась примерно 25 кубометрам!) за сезон (глину копали зимой) дед выдавал вдвое больше. Столько, сколько дед, накопать никто не мог, и не помнили, чтобы кто-то мог в прежние годы, — видно, была у него к лопате особая какая-то, генетическая способа, передавшийся по наследству концентрат мышечного перенапряжения нескольких поколений предков-«копальщиков».

Когда в 1931-м было принято решение о строительстве в Москве метрополитена, быстро стало ясно, что имеющихся на тот момент рабочих не хватает в разы и начали набирать народ со всей страны. В 33-м дед, которому тогда было 23 года, вдохновленный речами приезжего агитатора, оказался в числе «второй тысячи» этого оргнабора, приехавших в Москву и спустившихся под землю. Способным дед оказался не только к землекопанию, но и ко всем прочим подземным делам, быстро пошел вверх, вступил в комсомол, стал бригадиром одной из лучших бригад на всем Метрострое. Его жена, моя бабка Анна, в Москву попала маленькой девочкой, когда мать ее, моя прабабка, где-то в начале 20-х сбежала от пьющего и страшно бьющего мужа из самого глухого села глухоманного даже по меркам Тверской губернии Весьегонского уезда. В Москве прабабке, с детства знавшей льнопрядение, повезло устроиться на Трехгорную мануфактуру, получить какое-никакое жильё при фабрике, поставить дочку на ноги, отдать в школу. В 1934-м восемнадцатилетняя комсомолка Анна Хорошилова по зову сердца и ВЛКСМ (и против воли матери) пошла на строительство метро, попала в бригаду имени Лазаря Кагановича и сразу же влюбилась в бригадира. И хоть совершенно адские по нынешним временам условия и темпы работы мало располагали не только к делам матримониальным, но и к простому общению между полами, Павел Костренёв тоже не смог устоять перед обаянием молоденькой откатчицы (это слово тогда обозначало не участницу незаконных финансовых схем, получающую «откаты», а рабочую на вагонетке, которыми откатывали грунт от проходки тоннелей). В 1935-м, когда стало ясно, что Анна беременна, они, дисциплинированно испросив разрешения руководства, сыграли комсомольскую свадьбу. Им дали комнату в семейном метростроевском общежитии на Филях, где вскоре появился на свет мой батя Андрей Павлович. Дед Павел работал на Метрострое до самой войны, ушел на фронт добровольцем и погиб в 44-м. Бабушка одна поставила моего отца на ноги и умерла через неделю после его школьного выпускного вечера в 1953-м.

У мамы моей «кость» побелее. Ее отец Илья Петрович Рогожский происходил из до бедности небогатых саратовских мещан, и к моменту начала Первой Мировой закончил первый курс историко-филологического факультета местного университета. К тому времени он уже увлекся модным тогда в студенческой среде марксизмом, посещал кружки. Во время одной из сходов Илью вместе с другими «кружкистами» арестовали. Наказывать студентика было особо не за что, но время было военное и церемониться тоже не стали, а «забрили» в солдаты и отправили на фронт. Солдат — ну, чтоб стрелять метко и в атаке «ура» горланить — студент был никакой, но зато образованный, и поэтому попал в штаб 8-й армии генерала Каледина. В составе штаба этого летом 1916-го рядовой Рогожский поучаствовал даже в знаменитом Брусиловском прорыве, где ему довелось-таки и в атаку походить, и даже пострелять. Атакующие действия армии Каледина были в составе операции Юго-Западного фронта наиболее успешными, трепку австриякам задали знатную, и в числе многих отличившихся рядовой Рогожский был награжден солдатским Георгием 4-й степени и повышен в звании до ефрейтора. А когда после февраля 1917-го на фронте

вовсю пошли разброд, шатания и большевистская агитация, бывалого уже фронтовика ефрейтора Рогожского произвели в унтер-офицеры и поставили командовать взводом. А в декабре вместе со всем взводом Илья Рогожский без колебаний перешел на сторону большевиков.

В Гражданскую красному командиру Рогожскому досталось повоевать, — и на юге против Деникина, и на востоке против белочехов, и против Врангеля, и много где еще. От отца знаю (а он слышал это от моей бабки), что дед Илья встречался на фронтах с Фрунзе, Тухачевским, Чапаевым. Гражданскую закончил, командуя батальоном, что в соотношении с воинскими званиями равнялось примерно майору. Как пошла бы жизнь моего деда в мирное время, неизвестно, потому что бабка рассказывала отцу, что тот оставаться в армии не хотел, а думал вернуться в Саратов и закончить образование. Но тут из запроса, пришедшего из Москвы, выяснилось, что молодой рабоче-крестьянской красной армии для увековечивания подвигов и побед требуются новые, свои, проверенные военные историки. Вспомнив, что красный командир Рогожский когда-то учился на вполне подходящем факультете, ему сделали соответствующее предложение. Приказ-не приказ, но Илья Рогожский счел за лучшее не отказываться. Его направили в Москву в распоряжение Главного штаба РККА, который тогда возглавлял Павел Лебедев. При встрече быстро выяснилось, что оба военных — солдат Рогожский и уже тогда генерал Лебедев — вместе воевали на Юго-Западном во время Брусиловского прорыва. Братские чувства однополчан определенно очень сильны, думаю, не обошлось без взаимной симпатии и в этом случае. Как бы то ни было, по специальному ордеру Главштаба РККА Илью без экзаменов зачислили на третий курс исторического факультета МГУ с заданием окончить курс за два года. Дополнительно после основных занятий штудировав в библиотеке университета книги из огромного — более трехсот названий — списка специальной литературы по военной истории, стратегии и тактике войн и сражений, уделяя сну не более пяти часов в сутки, Илья прошел курс за полтора. Основные экзамены он сдал на общих основаниях — все на отлично, а для проверки его знаний в «специальной» области была создана отдельная экзаменационная комиссия из пяти человек во главе с известнейшим тогда военным историком Зайончковским. Своими знаниями Илья поразил всех, а после экзамена Зайончковский не удержался и обнял молодого коллегу. Так в неполные тридцать мой дед стал (по-старому) полковником и получил место преподавателя в Военной академии РККА.

В преподавании молодой поросли советского элитного офицерства истории Пунических и Столетней войн, тонкостей маневров армии Суворова во время Швейцарского похода, канонических ошибок Наполеона на Бородинском поле прошло десять лет, за которые дед написал несколько книг. В 1934-м году в возрасте 40-лет Илья Рогожский получил двухмесячный отпуск «для отдыха и лечения» и поехал на Кавказ. На обратном пути его маршрут проходил через Саратов. Родители Ильи Петровича давно умерли, другой родни не было, так что, хотя на родине он не был двадцать лет, ничто особо его туда не тянуло. Но стремление увидеть после стольких лет родной город перевесило, и Илья Рогожский решил задержаться в Саратове на пару дней.

С замиранием сердца он взошел на крыльцо родительского дома и дернул за колокольчик. Дверь открыла молодая красивая женщина со строгим лицом, но, увидев Рогожского, ее серьезная мина сменилась лучезарной улыбкой. «Здравствуйте, Илюша! То есть, Илья Петрович... Как вас долго не было!» — сказала она. Это оказалась Мария, дочь соседей Рогожских по дому, таких же мещан Кутейниковых. Илья едва помнил ее — в 1914-

м Маше было от силы семь-восемь, но девочка прекрасно помнила соседа-студента, которого «забрали на войну». За чаем-разговором очень быстро выяснилось, что красавица Мария не замужем, причину чего, запылав лицом, объяснила просто: «Так я ж вас ждала». Чашка задрожала в руке у Ильи Петровича и, чтобы не пролить горячий чай, он тихонько опустил ее на блюдце. Через два дня Мария в ранге законной жены Ильи Петровича уехала с ним в Москву. А ровно через девять месяцев в большой светлой квартире Рогожских в старом доме на Самотеке родилась моя мама Наталия Ильинична. Илью Петровича не минула волна репрессий военных в 1937-м, ему припомнили знакомство с Тухачевским и много с кем еще, расстреливать не стали, но дали 15 лет, и в лагере, не дожив неделю до нападения Гитлера, он умер. Его главная книга, «История Красной Армии», к моменту ареста практически полностью законченная, так и не увидела свет. Его жену и дочь судьба ЧСИР (член семьи изменника родины, статья 58, пункт 8 УК РСФСР 1926 года) каким-то чудом миновала, их даже оставили в квартире на Самотеке — то ли помогли неведомые друзья деда, оставшиеся при должностях и регалиях, то ли о семье очередного врага просто, как это бывало, забыли, неизвестно. Бабушка Мария вырастила и воспитала дочь в хороших старых традициях, выдала замуж, дождалась внука и умерла от инфаркта в 1971-м, когда мы из-за моего нездоровья жили в Крыму.

Летом пятьдесят третьего волею судьбы мои мама и папа поступили на факультет журналистики МГУ и были зачислены в одну и ту же группу. Отец всегда говорил, что полюбил маму с первого взгляда, на что мама непременно удивлялась, зачем тогда отец три года скрывал свои чувства. Не Зинкой ли Седовой с параллельного потока на самом деле было занято папино внимание? Папа парировал тем, что просто не мог допустить маминого отказа, и поэтому ждал момента, когда бы его признание попало в цель наверняка, и Зинка Седова тут ни при чем. И не на записного ли красавца Петра Крашенинникова (вылитый актер Дружников) из соседней группы на самом деле заглядывалась мама, хотя и уверяла, что тот самый папин «первый взгляд» стал определяющим и для нее, и она просто терпеливо ждала, когда же наконец ухажер-воздыхатель решится на признание, а на Крашенинникова поглядывала специально, чтобы спровоцировать папу на решительные действия. Как бы то ни было, признание, наконец, состоялось, было встречено благожелательно и стало, по сути, предложением, которое тоже было сразу принято. Правда, бракосочетание отложили до окончания учебы, и последние два года гордо носили звание «жених и невеста». Свадьбу сыграли в июне, сразу после защиты дипломных работ, чтобы распределяться уже расписанными, — чтобы не раскидали. Но поскольку в учебе оба родителя были из первых, на обоих и так заранее пришли запросы от московских изданий, где они практиковались. Маму позвали в «Комсомольскую правду», папе, больше тяготевшему к популяризаторству научно-технических достижений современной науки, «как доктор прописал» работу в журнале «Наука и жизнь». Через четыре года родился я.

Интересна история выбора родителями моего имени. Обоим им (маме — как корреспонденту «Комсомолки», папе — с ней за компанию) повезло быть на премьерном показе «Иванова детства» Андрея Тарковского в апреле 62-го. Мне уже стукнуло полтора месяца, мама была еще в декретном отпуске, но в редакции как раз пустовало место «корра» по культуре, и ее очень попросили сходить на премьерный показ. Оставив меня с бабушкой, родители с удовольствием рванули «в киношку». Как и на многих, фильм произвел на родителей совершенно сногшибательное впечатление, Тарковский сразу стал их кумиром. А я, к слову, тогда еще не был даже зарегистрирован, и только потому, что родители никак

не могли сойтись во мнениях по поводу моего имени. Павлы, Ильи, Владимир — в честь предков — были слишком уж ветхозаветными, а такие актуальные Роберт или Евгений не нравились бабушке. Имя Андрей понравилось обоим, хотя раньше и не рассматривалось. Но «Андрей Андреевич» не годилось, потому что такое сочетание напоминало отцу о предателе генерале Власове, самом ненавидимым им персонаже еще очень памятной войны. И тогда появилась идея назвать меня Арсений, по имени отца режиссера. Вспомнили, что Тарковский-старший — тоже поэт (ну, не Евтушенко с Рождественским, конечно, но все же), и вообще кандидатура очень достойная. Бабушке Марии имя тоже очень нравилось — некоторой своей «старизной». В общем, все сошлось, и я стал Арсением.

Родился я в том же самом старом доме на Самотеке в Самарском переулке, что и мама. Дома нашего давно уже нет, как нет и всего переулка, попавшего под «нож» Олимпийского проспекта, проложенного по живому телу Самотеки к московским Играм 1980-го года. Из-за этого строительства нас за год до Олимпиады выселили в Стргино, в трешку-распашонку с окнами на Спасский затон Москвы-реки; школу я заканчивал уже там. Потом был Институт народного хозяйства имени Карла Маркса, знаменитая «Плешка» (в МГУ — по стопам родителей — из-за блага тогда поступить было уже нереально), которую я закончил в 85-м, в знаменитый год начала Горбачевских реформ и приснопамятного сухого закона. После выпуска пришлось идти в армию. Тогда темой номер один для призывников был Афган, дела у нашей родины шли там хреново, и пушечное мясо пользовалось повышенным спросом, гребли даже немногочисленных в «Плешке» выпускников-пацанов. Большинство, конечно, отмазывались, но у меня и у друга-одногоруппника Славки Лашникова «отмазы» не было. И была одна заявка на солдата с экономическим образованием. Моя фамилия стояла по алфавиту на одну букву раньше Славкиной, и я поехал на Украину в стройбат, а он — в Афган. И не вернулся. С тех пор я с пиететным вниманием отношусь к таким не имеющим, на первый взгляд, практической пользы мелочам, как порядковый номер первой буквы твоей фамилии в алфавите.

Два года в стройбате в Харькове на строительстве корпусов выпускающего новейшие секретные танки Т-80 паровозостроительного завода имени Малышева (в прошлом — имени Коминтерна), к счастью, не стали для меня потерянными временами. В «унээре» (УНР — Управление Начальника Работ, по-военному дебиальная аббревиатура, означавшая стройбатовское «строительное управление»), в соответствии с новыми веяниями в стране, как раз тогда переходившем на новые методы хозяйствования, даже в штате не было должности «экономист». Пред- и запенсионного возраста плановички просто не представляли, как это — покупать материалы, а не получать их по «фондам»; когда в конце месяца деньги на выплату зарплаты предприятия на расчетном счету могут не появиться некоторым образом «сами собой», как это было десятки лет раньше, а что их нужно «заработать», то есть не только создать продукцию, но и реализовать ее, и получить «живые деньги». Мне же, до макушки в Плешке напичканному самыми передовыми на тот момент экономическими веяниями, все это было легко и понятно. Мой «путь вверх» был стремителен, как движение развивающегося скорость до 90 километров в час по пересеченной местности 43-х тонного Т-80. Ровно два дня я был простым бетонщиком в комплексной бригаде (она же — взвод), после чего меня, как «высшего образования», способного «считать кубы», сделали звеньевым. Еще через неделю, когда я подсказал командиру роты, «закрывающему наряды» с прорабом из унээра, пару элементарных вещей, позволивших «просто так» увеличить зарплату роты на десять процентов (командир роты так и не понял,

«как это»), меня поставили заведовать табелями и зарплатой роты — комплексной бригады. Так я стал экономистом, хотя называлось это по старинке «учетчик». Через месяц начальник СМУ — строительно-монтажного участка капитан Качугин, озадачившись вопросом, почему так резко выросла за последнее время зарплата военных строителей, узнал о чудо-учетнике — москвиче с высшим экономическим. Месяц я поднимал показатели СМУ, одновременно обучая Качугина азам планово-рыночной экономики. И, как не прятал меня Качугин, вскоре обо мне узнал полковник Щаденко — командир унээра. Позже я слышал, что Щаденко за меня посулил Качугину снять взыскание, которое было наложено на капитана за недельный запой с соответствующим невыходом на работу. Небезынтересно, что в течение всего запоя на многочисленных совещаниях и планерках за Качугина отдувался и отвирался его «зам» лейтенант Богатенко, а неизбежные в огромных количествах бумаги подписывала нормировщица участка Люба, виртуозно умевшая подделывать замысловатую подпись шефа. За всю неделю Качугин с поличным за прогулы так пойман и не был, но озлившийся «папа» все равно вlepил ему НСС — неполное служебное соответствие, которое мешало капитану быть представленным к очередному воинскому званию. «Продал» меня Качугин в головную усадьбу, или это только слух — доподлинно неизвестно, но через три месяца Качугин бултыхал в стакане с дефицитной тогда по случаю «сухого закона» водкой (по более прозаичным поводам глушили самогон) большие, старшееофицерские звездочки, причем на пьянку в кои-то веки был приглашен рядовой состав в моем лице. Я же к тому времени жил уже не в казарме, а в офицерском общежитии, сидел в одном кабинете с замом Щаденко по экономике (была учреждена новая должность) майором Белофастовым (редкостный был дундук и тупарь, попал в передовой УНР по благу), делая, по сути, за него всю работу. Под моим (то есть, майора Белофастова, конечно) чутким экономическим руководством УНР улучшил показатели настолько, что все сдельщики до последнего солдата зарабатывали денег в полтора раза больше, чем прежде, а «окладники» вдобавок к фиксированным зарплатам регулярно получали очень приличные премии. По официальным показателям УНР стал лучшим чуть не во всей стране, а Щаденко получил «Заслуженного строителя» и засобирался на генеральскую должность в главк. Я же под его покровительством фикстуял в офицерских сапогах, с тремя сержантскими лычками на погонах, с прической длиннее, чем у самого Щаденко, и даже строгий службист подполковник Зубко, командир военно-строительного отряда, в котором я официально проходил службу в должности учетчика, был мне не указ. Когда подошел дембель, «папа» лично долго уговаривал меня или остаться на сверхсрочную (обещал сразу дать «прапора»), а там, глядишь, и до офицерского звания недалеко,) или гражданским, вольнонаемным — как угодно, только оставайся. Сулил квартиру и прочие блага, но с моими тогдашними весьма идеалистическими представлениями о будущем все это как-то не вязалось, и осенью восемьдесят седьмого из гостеприимной Украины сержант запаса Арсений Костренёв вернулся в Москву.

Дома, слава Богу, все было по-прежнему, а вот страна за два года стала другой. В Афгане по моим прикидкам давно должны были победить — за семь лет в стране площадью меньше нашей Чукотки можно было всех врагов даже не одолеть, а просто уничтожить. Но война шла, пацаны гибли, и конца этому видно не было. Вот и Славка Лашников... А ведь мы переписывались, мечтали, как здорово будет после «армейки» снова встретиться, попить пивка в «Сайгоне» у Киевского вокзала, «Тюрьме народов» на Красноказарменной или «Зверинце» на Лесной, а потом ухлестнуть за девчонками в «Парке имени культуры и отдыха» или на Страстном бульваре, снять пару блондинок (или брюнеток, или шатенок,

неважно), поехать с ними на «флэт», и... Двухлетняя голодуха по бабскому полу сквозила в каждом Славкином письме, в последнем он в шутку писал, что когда вернется, трахнет полмосквы, и на его половину столицы убедительно призывал не соваться. Да, Славка... Его вертолет сбили американским Стингером, когда он летел на дембель. Я узнал это уже дома, зимой. Я пил пиво в одиночестве, пил в «Яме», «Сайгоне» и «Тюрьме народов», пил просто и с водкой, пил совершенно допьяна, потом страшно дрался с кем-то в зассанной подворотне, потом, весь в крови, сидел между мусорными баками на ледяном асфальте, пережидая ментовскую облаву и плакал, плакал, плакал.

Еще был Чернобыль, и хотя с момента взрыва прошло уже полтора года, на кухнях это продолжало оставаться новостью номер один, может быть, номер два — после полета Руста. Шушукались, что-де «там» все плохо, что реактор до сих пор горит, и что даже над Москвой выпадают желтые радиоактивные дожди. На ликвидацию последствий аварии уходили добровольцами, как на войну, возвращались «с дозой», хвалились этим и хлестали коньяк, как лекарство. Были «афганцы», теперь добавились «чернобыльцы».

Все становилось хуже, всего — меньше. Жрать в магазинах было нечего, свежий хлеб и разящую чесноком колбасу «Русскую» разметали с полок вмиг, как в блокаду, а водку по талонам можно было взять только на свадьбу и похороны, при этом штурмуя зарешеченные магазины, как Зимний в 17-м. В моем повзрослевшем за два года службы мозгу это никак не укладывалось, не было нормой, четко казалось, что все идет не туда и не так. Как будто раньше ярко-красочный фильм вдруг стал почему-то черно-белым, и ясно, что это неспроста, что скоро пленка оборвется и — конец, финал. Несколько месяцев болтаясь после армии без дела, я снова, как раньше, начал много читать, и среди прочего мне в руки попал репринт еще не изданного тогда в СССР «Архипелага Гулаг». Я прочитал (ну, скорее, пробежал «по-диагонали») огромное произведение за ночь и потом еще сутки не мог спать. То, что я узнал, стало для меня откровением, все мое представление о стране, в которой я жил, разделилось на «до» и «после» книги. Грубо, конечно, но в принципе верно можно сказать, что до «Архипелага» я был вполне сагитированным советским человеком, комсомольцем, в общем себе представляющим, что за исключением сталинского периода, когда не все было хорошо (даже многое было нехорошо, но войну выиграли, и за это Сталину можно многое из этого простить), социалистический строй — он правильный по сути, а капитализм — нет. Именно поэтому Америка грозит нам атомной войной, как плохой мальчик Фигура хорошему мальчику Тимуру, воюет против нас руками моджахедов в Афганистане, втыкает нам шпильки типа бойкота Олимпиады. Что коммунизм — это очень далеко, но это будет, потому что это правильно (здесь большую роль сыграли не по разу перечитанные в детстве книги Ивана Ефремова «Туманность Андромеды» и «Час быка» пресмыкающееся общество далекого четвертого тысячелетия, когда у каждого есть все, а он отдает обществу столько, сколько хочет, причем сознательные члены отдают так много, как могут, а несознательное меньшинство живет «для сэбэ», но никто им в этом не мешает, — по сути, коммунизм на запредельно высокой стадии развития науки и техники). Что в текущем воплощении социалистической идеи далеко не все хорошо, но это в том числе и из-за противодействия Америки и Запада вообще, и что «правда все же победит». «Архипелаг» открыл для меня вещи, которые в эти мои представления никак не укладывались. Что Ленин (до того бывший для меня, ну, конечно, не идеалом и кумиром, но личностью вполне чистой и светлой, организатором революции, идеалистом с мудрым прищуром, к сожалению, рано умершем, потому что если бы он был жив, то не было бы сталинщины, и вообще все было бы

гораздо лучше), оказывается, собственноручно подписывал указы о создании концлагерей и расстрелах священников. Что в лагерях умерло 15 миллионов моих сограждан (вдумайтесь — почти еще одна Отечественная!) — и среди них мой дед Илья Петрович Рогожский. Что все было не так и до Сталина, и при нем, и осталось не так после (например, расстрел в Новочеркасске в 1962 году). В общем, начинал я чтение советским человеком, закончил — антисоветчиком и диссидентом по сути. Конечно, звучит это сильно упрощенно и даже как-то киношно: столь глубокие метаморфозы в сознании и мировосприятии взрослого человека не происходят так быстро. Но «Архипелаг» стал чем-то вроде ключа или шифра, с помощью которого поворачиваются диски с хаотичными на первый взгляд узорами строго на определенный угол, и тогда становится видна вся картина. Катализатором, в сотни раз ускоряющем вялотекущую реакцию. Конечно, все мои тогдашние 25 лет жизни (ну, скорее, сознательные последние лет 10) мозг мой собирал информацию о мире вокруг меня, анализировал и раскладывал по полочкам. Но те части ее, которые не совпадали с некими базовыми представлениями, внушенными с детства, до времени хранились в разрозненном состоянии, множились, накапливали критическую массу. Тут были и редкие мамины воспоминания о том, как ненавидела Сталина бабушка Мария (она называла его почему-то не иначе, как «проклятый Юзеф»), и папины упоминания о каком-то непонятном архипелаге с названием Гулаг, который я — мальчишка, увлекающийся географией, никак не мог отыскать на карте, и много что еще. И тут я прочитал эту книгу, все повернулось, слилось с собственными наблюдениями и собралось в цельную картину. Не может служить добру система, базировавшаяся на лжи и убийствах невинных людей, неизмеренный счет которым положила царская семья. И не может быть правильной схема, при которой плотник Серега Тутьркин (нет — мастер от бога, но в остальном — немый алкоголик с восемью классами, оконченными на нетвердую «тройку», и вокабулярием из максимум ста слов, в основном, матерных вариаций на тему, что во всем виноваты интеллигенты) получает зарплату в два раза больше моего отца — журналиста, умницы с тремя языками. И что страна прокормить себя не может, а в космос летает — это неправильно. Нет, летать в космос — это правильно, но ты сначала людей накорми, а не наоборот! И что система эта — по всему видно — хиреет, ветшает и увядает — это закономерно и правильно. И я не должен быть только пассивным свидетелем происходящего.

Когда затянувшийся послеармейский релакс из пьянок, перемежаемых неумным трахом, как шутил Славка, «всего, что шевелится, и даже не очень» (за себя и за него), порядком надоел не только бедным родителям, но и мне, выбор между многочисленными вариантами государственной службы (в том числе, например, в редакции «Известий» — второй газеты страны, где к тому времени на весьма приличной должности работала мать) и свободным плаванием в море нарождающегося частного предпринимательства передо мной уже не стоял. Еще один мой однокашник Паша Кресовский, в институте за сплюснутую утиную форму носа, придававший ему удивительное сходство с бывшим президентом США Никсоном, получивший соответствующее «погоняло», к тому времени уже пару месяцев «стоял» на Черемушкинском рынке, торгуя медными браслетами «от всех недугов». В «Плешке» мои отношения с золотоватым и мажористым Никсоном были на уровне «привет-привет», и встретились мы с ним сейчас совершенно случайно. Собственно, я по магушкиному заданию покупал на Черемушкинском продукты, когда какой-то придурок с горящей сигаретой в руке, пробиравшийся сквозь плотно набитый по случаю предновогодья мясной ряд, чувствительно двинул меня локтем. Было видно, что сделал он это ненарочно, и

даже буркнул что-то вроде «пardon муа!», но тем не менее я обернулся с твердым намерением сказать чуваку все, что я о нем думаю, и натолкнулся на масляный, сильно нетрезвый взгляд Никсона. «Сеня!!!» — возопил Никсон и, невзирая на давку, полез обниматься, рассыпая сигаретные искры прямо на ондатровую шубу дамы рядом со мной. Мгновенно вспыхнула перепалка, чреватая большим скандалом. Пришлось, таща за собой Никсона, посылающего даме в ондатрах эпитеты типа: «тля обмехуевленная» и «курица недодефлорированная», срочно ретироваться на свежий воздух. Продукты в тот день я так и не купил, потому что Никсон, узнав о гибели Славки, совершенно обалдел, вмиг протрезвел и молча повлек меня в соседнюю подворотню. Там, в маленьком полуподвальчике, оказалось едва ли не первое в Москве частное кафе с такими ценами в меню, что я сразу засобирился уходить. Но Никсон вырвал меню у меня из рук и скомандовал услужливо подскочившему не похожему на официанта дядечке (это оказался хозяин заведения): «Михалыч, нам водки и всего самого лучшего закусить — мы друга поминаем». Михалыч согнулся в поклоне чуть не до пола и исчез. В мгновение ока, в течение которого официант в советском ресторане не успел бы дойти до кухни, у нас на столе уже потела диковинная прозрачная бутылка с серебристой крышкой и синей надписью Absolut прямо по стеклу, нарезка языка, балыка и прочих давно забытых вкусностей, свежие овощи (это в декабре!) и источающие безумный запах пылающие лепешки вытянутой формы с шипящим яичным желтком посреди запеченной корочки. «Аджарские хачапури, — пояснил Никсон, разливая густую водку по непривычного вида цилиндрическим рюмкам с толстым дном. — За Славку, не чокаясь». Такой чистой, вкусной, невоюнчей водки я не пил никогда в жизни, сразу захотелось еще. Выпили, не успели закусить холодным, а Михалыч уже тащил огромные тарелки с такими же огромными кусками жареной вырезки. Мои тревожные мысли насчет счета за все это гастрономическое великолепие и явное пренебрежение Никсона к этому вопросу неизбежно перевели разговор на тему, кто чем занимается. Выяснилось, что почти два года после выпуска Никсон, имевший «белобилетную» отмазу от «армейки», просидел в каком-то сильно головном институте, возглавляемом его папашей, на ста двадцати рублях зарплаты, где ему так остобрыдло, что полгода назад он оттуда ушел, несмотря на страшный скандал с отцом, по этому поводу выгнавшим Никсона из дома с напутствием «Больше не дам ни копейки!» Жить Никсон перебрался к одной из многочисленных бабушек, а вот с деньгами дело было швах. Отказывать себе в чем-то Никсон не привык (папа вдобавок к окладу на работе давал сыночку «на конфеты» минимум еще столько же), и пришлось включать голову. Голова привела Никсона опять же к папаше, недавно купившему на Черемушкинском рынке за сорок рублей (большие деньги!) медный браслет «от давления». Никсон метнулся на рынок, посмотрел на явно довольных жизнью продавцов, быстро в разговоре выяснил, откуда берется медь (заводы, НИИ, мест много, были бы «лавэ»), дома быстренько составил ТЭО (технико-экономическое обоснование) и понял, что это — золотое дно. Одноклассник Никсона работал в ИХФ (Институт Химической Физики), где на производстве отходов медного листа было некуда девать. Всю последнюю зарплату, выходное пособие и остатки «конфетных» Никсон потратил на медь и списанный штамп-пресс. Производство наладил у бабушки на квартире в пустовавшей комнате, благо что страдавшая старческой тугоухостью старушка не возражала. Первую партию браслетов отнес на рынок и сдал на реализацию, предварительно заручившись бесплатной поддержкой крепких бритых пацанов в спортивных костюмах, именовавших себя новым, но таким интуитивно понятным словом «крыша». Вырученных денег хватило на месяц безбедной

жизни и расширение производства, которое Никсон перевел в подвал бабушкиного дома, сунув распоряжающемуся ключом от подвала дворнику четвертной. За последний перед встречей со мной месяц Никсон заработал чистыми четыре тысячи рублей (я уважительно видом поджал губы) и имел четкий расчет, что с привлечением специалиста на производство и своего человека на реализацию заработок мог вырасти в разы. На этой стадии информированности и опьянения я счел уместным поинтересоваться, просто так мне все это Никсон так подробно рассказывает, или нет. «Ты браслеты делать умеешь?» — спросил тот, со смачным «шипом» открывая банку с кока-колой. Я помотал головой. «Так я и знал! — рассмеялся Никсон. — Значит, будешь продавать — продавать умеют все!» На следующий день, утепившись как следует, я уже торговал на «Черёме» Никсоновскими браслетами.

Но наемным продавцом у Никсона я пробыл недолго. Сначала я «подтащил» на производство работавшего в войсковой слесарке армейского товарища, потом еще одного — на продажи. С моей же подачи мы первые в Москве стали делать не плоские, а объемные, «дугые» браслеты, пользовавшиеся ошеломительным спросом. Никсон оказался достаточно практичным, чтобы сообразить, что мой вклад достоин доли, и достаточно честным, чтобы эту долю мне предложить. Мы стали компаньонами, причем любящий бухнуть Никсон по принципу «от греха» назначил казначеем меня. Казну нашу я в тайне от родителей хранил у нас дома в Строгино в большой коробке из-под маминых сапог.

Это было фантастическое время. Денег было столько, что я просто не представлял, куда их тратить. Штаны Guess и «шузы» Dexter (никто, даже продавцы, не знали тогда, что это обувь для боулинга) стоили совершенно бешеных денег, но мой кошелек этих трат просто не замечал. Пиво мы пили только Хайнекен (20 рэ банка, средней зарплаты по стране хватило бы банок на шесть), курили только аристократический JPS — Marlboro было лицензионное, и поэтому не каналом. Машина на рынке в Южном порту с переплатой в три раза против госцены стоила меньше моего месячного дохода. Всегда мечтавший не то что даже иметь машину, а просто ездить за рулем, я купил себе относительно скромную «шестерку» заодно с правами, благо рулить я научился еще в армии, на «растворном» ЗиЛке. Родители, особенно отец, моих занятий и заработков (хотя об истинных их размерах они даже не догадывались) не одобряли, но вышедший к лету 1989-го закон «О кооперации в СССР» на мой счет их успокоил, одновременно сильно встревожив насчет пути, по которому движется страна. Дома у нас проходили жаркие и, как сейчас говорят, неполиткорректные дискуссии по этому вопросу, и победителей в них не было.

Мы оформили наше дело в кооператив, принадлежащий нам с Никсоном напололам. Когда браслеты стали отходить, мы переключились на джинсы Пирамида, открыли цешок по вязанию всяких свитеров и пуловеров, и пару сигаретно-пивных ларьков у метро «Профсоюзная». Вернее, говорить «мы» было бы уже неверно. Никсон оказался патологически нерезистентен к алкоголю и забухал так глубоко, что вытащить его с этой глубины оказалось невозможно. Последний, наверное, короткий период, когда он несколько дней пребывал в более-менее адекватном состоянии, я посвятил тому, что выкупил у Никсона его долю и оформил это юридически. Огромную для конца 88-го сумму почти в пятьсот тысяч рублей (на двоих с Никсоном мы были тогда, пожалуй, что миллионерами, даром, что о нас никто не знал, в отличие от Артема Тарасова, например) я передал отцу Никсона, потому что самому тому уже нельзя было доверить и червонца. Он бухал неделями, все, что не пропивал, спуская у наперсточников на Череме. «Выплыть» Никсон так и не

смог. Я слышал, что он спустил родительскую квартиру, чего его предки пережить не смогли и один за другим ушли в мир иной. Последний раз я встретил Никсона году в 99-м на Каланчевской площади — пока я стоял на светофоре, ожидая стрелку, к моему приоткрытому окну подхромал жутко воняющий бомж со странно знакомым утиным носом, обезображенным глубокой свежей царапиной. Сердце у меня екнуло. «Никсон?» — неуверенно позвал я. На мгновение мутный взгляд бомжа прояснился, но тут же снова потух. «Ну, Никсон, и чё? — прохрипел он. — Дай закурить!» Говорить было не о чем, он меня даже не узнал. Я отдал когда-то однокашнику и компаньону всю пачку, полез за кошельком, но зажглась стрелка, сзади раздраженно засигналили, заморгали фарами, и я не успел. Еще несколько секунд я видел в зеркале Никсона, ковыляющего к стайке таких же бомжей, потом он исчез из вида. Навсегда.

Женщин, конечно, все это время у меня было много и разных, с некоторыми отношения затягивались, грозя перейти в качество предматримониальных, но ни с кем это «пред-» так и не было перейдено. А вот Марину я встретил совершенно случайно и через семнадцать дней сделал ей предложение. По случаю бракосочетания я осуществил свою старую мечту — вернуться из Строгина (там меня никогда не покидало ощущение оторванности от Большой земли, как у папанинцев на льдине) в старую, с детства любимую Москву. Конечно, лучшим вариантом была бы Самотека, но поселиться там одному было бы очень «криво» по отношению к родителям, и я ограничился тем, что купил квартиру в старом доме на Абельмановской заставе в заросшем липами дворике, очень похожем на тот, старый, родной. Быстро сделал ремонт, пригласив на халтуру бригаду потрясающих итальянцев, работавших на реконструкции «Метрополя», и первую брачную ночь мы провели уже на новом месте. А через девять месяцев родился Кирюха, Кирилл Арсеньевич, названный так в честь Маринино деда, умершего незадолго до свадьбы.

До зимы 1991-го все шло, как по маслу. «Шестерку» я отдал «в разгон» и купил себе нереальный Форд-Мустанг с движком в пять литров. У меня был малиновый пиджак, но надевал я его только когда бывал в одном из немногочисленных тогда с Москве казино, чтобы не выбиваться из общего ряда посетителей. К сожалению, в казино я был и 22-го января, когда намеренно без помпы было объявлено о Павловской денежной реформе. Следующие три дня все, кого я только мог привлечь, носились по сберкассам, обменивая пятидесяти и сторублевки на купюры нового образца, но спасти удалось не более десяти процентов. Я клял себя за то, что неделю до реформы не вложил весь налик в валюту, но сделать уже ничего было нельзя. В мгновение ока я из миллионера превратился — ну, не в нищего, конечно, но в человека с финансовыми проблемами — точно. Малиновый пиджак с тех пор пылился в шкафу, а Мустанг пришлось продавать буквально за бесценок.

Потом был августовский путч, развал СССР, воцарение Ельцина, но меня, занятого борьбой за выживание, все это как-то не очень коснулось. Дела шли все хуже. Во-первых, старый бизнес был детищем Никсона, и у меня не получалось «крутиться» в нем, как он; во-вторых, стремительно менялся рынок (браслеты и джинсы давно отошли, пивом и куревом не торговал только ленивый, киоски вырастали на каждом углу), и здесь я тоже как-то не поспевал. Конкуренты конкретно «выжимали на обочину». В начале 92-го некие «авторитетные» люди сделали мне предложение, от которого, я почувствовал, лучше не отказываться. Полученных за бизнес денег только-только хватило, чтобы заплатить по долгам и выдать всем работникам последнюю зарплату. Картина «пустой кошелек», о самой возможности которой я давно забыл, вновь стала реальностью. Марина рвалась работать,

поддерживать семейный бюджет, но за искусствоведами тогда очереди из работодателей не наблюдалось. К тому же, чтобы работать, нужно было пристроить Кирюху, и в результате, чтобы его взяли в сад, Марине пришлось идти в этот сад уборщицей-санитаркой. Она восприняла это со стоическим юмором, рассказывая, что воспитательницы обращаются к ней за помощью в убаюкивании групп — ничто не является для детей таким снотворным, как лекции, например, об европейском изобразительном искусстве 18 века. По ее примеру я тоже перестал киснуть, сел за руль, выехал бомбить и стало ясно, что худо-бедно, а можно не только жить самим, но и помогать родителям: если в «Науке и Жизни» зарплату еще хоть как-то платили, то в маминых «Известиях», из второй газеты страны ставшей независимым и далеко не самом популярным изданием, денег не давали по несколько месяцев.

В общем, с полгода мы барахтались, как могли, подобно той лягушке в кувшине с молоком, и оказалось, что не зря. Как-то, уже набомбив ежедневную норму в пятьдесят долларов (рубль тогда бил рекорды инфляции, все мерили в долларах), я все же взял подвезти в Воронцовские бани (благо, что недалеко от дома) мужчину с веником в портфеле, — старого, видно, банщика. Высадив пассажира у главного подъезда, я принялся разворачиваться, попал задними колесами в кашу и, буксуя, прилично окатил талой грязью из-под колес невесть откуда взявшегося человека. Я выскочил извиняться, а прохожий, отряхивая с брюк и куртки снег и грязь вдруг поднимает на меня глаза и говорит: «Ну, Костренёв, ты меня и тут достать умудрился!» Я осекся, вглядываясь в лицо человека, понимая, что знаю его и никак не в силах вспомнить, откуда. «Что, без фуражки не узнаешь?» — со смехом произнес незнакомец, и я тут же признал в нем своего армейского командира роты капитана Качугина. «Та-аварищ капитан!» — начал по-военному я, искренне радуясь встрече, но Качугин просто протянул ладонь: «Мы, больше не в армии, земляк, так что — Саша. А ты, помнится, Арсений?» «Друзья зовут меня Сеня», — ответил я, крепко пожимая протянутую руку. Я позвонил Марине, извинился, сказал, чтобы рано не ждала, и мы с капитаном направились напрямиком в шашлычную, что ароматно дымила трубой рядышком с банями.

За бутылкой водки под сочный шашлык выяснилось, что год назад Качугин по случаю достижения выслуги лет (ему еще было сильно до сорока, а выслугу принесла ему служба на Новой Земле, — там выслуга лет шла один к трем) ставший военным пенсионером, вернулся на родину, в Тверь. Он имел твердое намерение организовать собственный строительный бизнес, но недостаток объемов работ в результате привел его в Москву. Во дворе Воронцовских бань Качугин снимал что-то вроде базы, где держал склады, несколько машин и ремонтный цех. «Сеня, мне тебя сам Бог послал! — разоткровенничался поплывший после пары рюмок Качугин. — Давай, как тогда, в Харькове: я строю, ты — деньги считаешь, а? Все будет путем, я чувую!» Я даже головой потряс — показалось на мгновение, что это было уже со мной, и что напротив с рюмкой не Качугин совсем, а ухмыляющаяся рожа с утиным носом. Конечно, я согласился. Засиделись за полночь, и я сманил Качугина ночевать у нас. Наутро он внимательно изучил нашу квартиру, даже не столько квартиру, сколько ремонт, — выяснилось, что такой отделки, сантехники, мебели он не видел никогда в жизни. И тут же за завтраком, выдал идею — заниматься такими ремонтами, ведь богатых людей в Москве — как грязи! «Это делали итальянцы, — возразил я, — наши так не смогут. А работать итальянцами — слишком дорого, сильно сужает круг клиентуры». «Один дорогой итальянец, остальные — дешевые молдаване! — воскликнул Качугин. — Ты не представляешь, какие уже после тебя у меня были отделочники-молдаване — супер!» Я молча пил кофе — похоже,

это на самом деле была идея.

Мы зарегистрировали АОЗТ «Арми-Строй» (звучало по-иностранному, отсылки к стройбату никто не замечал), где я стал генеральным директором. Саша вызвал своих чудомолдаван, я вызвонил Аннибале — бригадира итальянцев, делавших мне квартиру. По счастью, он был в Москве, но заканчивал какой-то очередной проект с немцами и как раз собирался домой, в родную Виченцу. Я начал упрашивать его задержаться в Москве (совершенно не зная, под какую конкретно работу), он заартачился, рассказывая, что не хочет откладывать свидание с семьей даже по просьбе какого-то итальянского дипломата, которому надо срочно сделать ремонт в квартире на Смоленке, тем более, что вся его команда тоже уезжает. Я пошел ва-банк: предложил Аннибале двойную его зарплату, если он возьмется делать эту квартиру с моими людьми и убедит дипломата иметь с нами дело. Магические «два конца» сделали свое дело, и Аннибале согласился. Следующие четыре месяца моей жизни были полны ругани Аннибале на молдаван и жалоб молдаван на итальянца, поиска по всей Москве «правильной» смеси для штукатурки, запаха красок, лака и незнакомых итальянских слов типа «ветро транспаренте» и «апертура синистра». Я видел, что рождается ремонт не чета моей квартире, просто шедевр, но выдохнул только тогда, когда дипломат десять минут ходил в одних носках (паркетный лак на паркете из балканской оливы еще не до конца высох) по всей квартире, потом сказал только одно слово: «Перфетто!» и с улыбкой крепко пожал нам с Аннибале руки. Все заработанные деньги мы пустили на рекламу нашего ремонта (дипломат любезно разрешил снять ролик), и заказы пошли к нам. Потом — потекли, мы делали по двадцать квартир одновременно. Сначала мы делали только собственно работы, потом начали в комплексе с ремонтом предлагать двери, плитку, сантехнику, кухонную мебель, заказывая это все у внешнеторговых фирм, потом начали сами «таскать» все из Италии. Мы посадили на это Сашину жену Риту, и она быстро вошла в тему, как будто вошла в собственную кожу. Так появился магазин «Арми-Сан»

Мы стали очень востребованы, к нам обращались только весьма состоятельные люди. Марина уже не мыла полы в детском саду, а летние каникулы они с Киrom (так я звал сына, когда он был молодец, когда же нет — был Рюхой) они проводили, как правило, в Испании, где я начал присматривать какую-нибудь недвижимость. С Сашей у нас было полное взаимопонимание — я занимался стройкой, Рита — торговлей, сам Саша очень квалифицированно ведал вопросами безопасности. Казалось, все вернулось на круги своя, и так будет всегда. Но никогда нельзя забывать, кто всем располагает в этом мире — увы, не мы.

Пришел август 1998-го, разразился дефолт. Наш расчетный счет был в банке «Столичный», там же счетах и на депозитах лежали немалые мои сбережения. Пришлось срочно лететь в безвизовую тогда еще Прагу, снимать деньги с бесполезных в Москве пластиковых карт, покупать дорогостоящие авиабилеты Люфтганзы первым классом с планом потом сдать их и выручить деньги. Удалось спасти тысяч тридцать пять — сорок долларов личных денег, все остальное ушло в никуда. Не знаю уж, что имел в виду Александр Смоленский, когда говорил, что к 2005-му году расплатился со всеми вкладчиками, — со мной он рассчитаться, видимо, забыл. Саша Качугин пострадал куда меньше, за пару недель до дефолта сняв со счетов все деньги в валюте для покупки дома на Рублевке, за один день став в рублях богаче в три с половиной раза.

Моя ветвь бизнеса пострадала фатально. Без денег исполнять контакты было

невозможно. Лишь малая часть заказчиков, понимая ситуацию, давали еще авансы, чтобы продолжать работу. Кто-то, не меньше нашего пострадав, вообще разрывал договора, большинство же выставляло претензии, да не через суд (большинство денег по договорам шло, разумеется, «в черную»), а через свои бандитские «крыши». Разборки выматывали; конечно, не все, но многое приходилось возвращать. К концу 98-го года «Арми-Строй» «лежал на боку», и сверху его саваном накрывали претензии почти на триста тысяч долларов. «Арми-Сан» же твердо стоял на ногах, его склады были забиты сантехникой, спрос постепенно восстанавливался. В декабре дом на Рублях Саша все-таки купил, причем по цене меньше половины от додефолтной. Прямо перед новым годом у меня с Сашей состоялся разговор, в котором он, пряча глаза, сказал, что заниматься стройкой он больше не хочет, а в торговлю, которая по документам принадлежит его жене, Рита не хочет брать меня (думаю, из-за той ссоры в самом начале знакомства Марины и Риты, когда Сашина жена набралась и начала насмехаться над Мариниными познаниями в живописи, на что моя благоверная назвала Риту «плохо образованной хабалкой с рынка» — каковой та, собственно, и являлась) и он, Саша, ничего не может с этим поделать. После долгого молчания, посвященного «перевариванию» услышанного, я так и не нашелся ничего сказать, кроме того, что это нечестно. В ответ Саша сказал, что Рита согласна закрыть половину долгов «Арми-Строя». Это все равно было нечестно, но это позволяло жить, возможно, в прямом смысле этого слова. Я допил чашку кофе, встал и ушел, не пожав недавнему другу и компаньону руки. Компания «Арми-Сан» до сих пор успешно торгует всякой всячиной из Италии, теперь у Саши с Ритой не один, а три магазина.

Но нет худа без добра. При «разводе» с Сашей я унаследовал в единоличное пользование строительную фирму с остатками коллектива, лицензии, связи, знакомства и даже пару небольших договоров. Все это помогло выжить, снова садиться за руль не потребовалось. Было тяжело, денег на красивую и дорогую телевизионную рекламу не было, не было больше прямых поставок из Италии, с рынка пафосных квартирных ремонтов пришлось уходить. Чтобы жить и расплачиваться с долгами, объемы работ нужны были как воздух, и здесь, как часто бывает, помог случай. Прошлым летом, прямо перед дефолтом, отдыхая с Кириллом в Испании, Марина познакомилась с семейной парой из Москвы, которую она характеризовала как «очень, очень приятные люди», и что глава семьи имеет какое-то отношение к строительству. Тогда мне эта информация была ни к чему, так, просвистела мимо уха в пространство. Сейчас, напрягая мозги над поисками работы, я напомнил эту информацию Марине. «Ну да, отлично помню, — ответила жена. — Я ж тебе говорила: очень при...» «Телефон дядьки этого очень приятного есть?» — нетерпеливо перебил Марину я. Та с обиженным видом отвернулась, покопалась в сумочке и протянула мне потертую визитную карточку. «Князин Сергей Николаевич, корпорация «Тэта», директор подразделения», — было написано на визитке. Ух ты, «Тэта», круто! Насколько мне было известно, корпорация Тета, вышедшая корнями из Совтрансавто, занималась грузовыми перевозками, продажей большегрузных грузовиков MAN и даже собиралась производить где-то под Питером автобусы по чьей-то лицензии. Это был монстр с оборотами в сотни миллионов долларов. Интересно, что такое «Директор подразделения?» «А откуда информация, что он к стройке каким-то боком?» — вертя визитку в руках, спросил я Марину. Жена пояснила, что в будущем (то есть, уже в этом) году у него на территории намечается большая стройка, и что если моего мужа это интересует, то пусть позвонит. Я прикинул — то было больше полугода назад. Я посмотрел на Марину с выражением,

означавшим: «Что ж ты раньше-то мне не напонила, скверная ты жена?!» «Я напонила, ты выслушал и даже сказал «Угу», — подняла в ответ брови Марина. — Не надо переваливать с больной головы на здоровую». Я вздохнул и без какой-либо надежды набрал номер.

Сергей Николаевич Князин оказался в «Тэте» не последним человеком. Он руководил подразделением корпорации, пока представлявшим собой огромную пустую территорию почти в сто гектаров в тридцати километрах от Москвы, на которой вот-вот должен был начать строиться таможенный терминал, сервисный центр по обслуживанию большегрузных МАНов и много чего еще. Причем начало стройки планировалось на конец 98-го года, но из-за кризиса было перенесено на весну. Вот-вот должен был проводиться конкурс на право строительства первой очереди. Мы встретились и, как потом выяснилось, мне удалось сразу же понравиться Князину. Сам он оказался невысоким, на шестом десятке, начавший набирать полноту дядечкой с внимательными глазами и тихим вкрадчивым голосом немного в нос. «Удивительно, вы точно такой, как я себе представлял по рассказам вашей супруги! — восклицал он, пока мы шли по длинным коридорам до его кабинета. — Мы очень подружились с ней. Мариночка говорила, что вы очень пунктуальны и патологически порядочны». Я скромно улыбался, мысленно расцеловывая Марину в обе щеки за столь лестные характеристики. «Ну-с, расскажите о себе», — попросил хозяин кабинета, когда мы расположились в дорогих кожаных креслах. Я честно как на духу, выложил все свои обстоятельства, резюмировав, что такой заказ нужен мне, как воздух. Когда я закончил, Князин долго, положив подбородок на сплетенные пальцы рук, смотрел на меня исподлобья. «Вы говорили, что в армии служили в Харькове на строительстве завода имени Малышева, — наконец, произнес он, и после моего утвердительного кивка продолжил: — Фамилию командира унээра помните?» «Конечно, — ответил я. — Полковник Щаденко Петр Захарович. А что?». Князин на вопрос не ответил, а только взял телефон и набрал номер. Последующий телефонный разговор был чем-то из области ненаучной фантастики. «Пёт Захарыч? — пробубнил в трубку Князин. — Приветствую тебя, товарищ генерал!» Я чуть не подпрыгнул в кресле — вот это совпадение! «Слушай, один вопросик у меня к тебе есть, Пёт Захарыч, — после пары минут обмена приветствиями и новостями о здоровье жен начал Князин. — У тебя в Харькове на заводе имени МалышИвав середине восьмидесятых солдатик один служил, Костренёв Арсений, не помнишь, случайно такого?» Все минут пять, пока Князин слушал ответ с того конца провода, я сидел, как на иголках. Вот это проверочка получилась! Да, кругла земля, кругла! Наконец Князин распрощался с собеседником и аккуратно положил аппарат на полировку стола. «Привет вам большой от генерала Щаденко, моего большого друга, — сказал он мне с улыбкой. — Никак не ожидал, что Петя не просто помнит одного из десятков тысяч солдат, пятнадцать лет назад служившего под его началом, но и чтобы вообще давал кому-то такую лестную характеристику!» У меня отлегло от сердца, — что-то мне подсказывало, что теперь контракт точно будет моим.

Так оно и вышло. Этот первый контракт с «Тэтой» (потом было еще несколько) я сделал на ура, в первую голову благодаря принятому по рекомендации Князина на работу Борису Самойловичу Питкесу, недавнему отставнику военного строительства. Несмотря на свои пятьдесят с немалым хвостиком, Питкес был подвижен, как кипящий бульон в кастрюльке, и по количеству любой работы, производимой в единицу времени, мог дать фору кому угодно. Я назначил Питкеса главным инженером, и с тех пор не знал забот с воплощением строительных контрактов в жизнь: под его руководством все бывало построено в срок и

качественно, было б чего строить. Тем, чтоб было, чего строить, занимался я и — не иначе, как с Божьей помощью — без работы мы не сидели. И не только в «тучные» двухтысячные, когда цены на недвижимость выросли в разы, инвесторы с энтузиазмом вкладывались в стройку и особых проблем с заказами не было, — не там, так здесь клюнет обязательно. Когда в конце 2008-го грянул очередной, «американский ипотечный» кризис, многие строительные фирмы «легли» и больше не встали, мы благодаря одному не столько большому, сколько «долгоиграющему» объекту как-то «перезимовали» и 9-й, и 10-й года, даже обошлись без всегда очень болезненных сокращений, — в общем, выжили. С 11-го года пошел небольшой «оживляж», и в октябре мы подписали контракт — по меркам нашей компании не очень большой (миллионов на сто), но который должен позволить «дотянуть» до на самом деле «крупняка» — объекта общей стоимостью под три миллиарда. Этот объект для компании означал два с половиной года полной занятости, а лично мне — если повезет — бабла (то есть, извиняюсь, прибыли) достаточно, что можно было бы построить взамен еще отцовской небольшой дачи под Куровским свой просторный дом за высоким забором и, закончив, наконец, с затянувшейся на всю жизнь активной фазой этого самого «бабла» добывания, осесть там доживать свой век. Даже в мыслях я всегда называл его «Объект» — обязательно с большой буквы. Весь последний год, что я занимался Объектом, он был для меня неким фетишем, неясной и очень желанной целью, фатаморганой, священным Граалем, Хемингуэйевской Рыбой из «Старика и море». Генеральный подряд на этот объект был — очень небесплатно — мне посулен по знакомству «высоким» человеком из правительства Москвы на «зуб даю» (обещание было дано в сауне под густой алкогольный пар и щебет развлекавших гостя очаровательных парильщиц), торги с заранее известным победителем должны были состояться совсем скоро. Все это давало мне повод видеть будущее, я бы сказал, по-Дюма — в розовом свете, как сквозь бокал Шамбертена. И не о бокале ли замечательного Шамбертен Гран-Крю от Жака Приера я на самом деле мечтал, подобострастно улыбаясь сухой, как прошлогодняя вобла, пограничнице в окошечке?

— Звука «ё» в латинской транскрипции нет, — внезапно ответила церберша. — У вас в паспорте написано: Кос-тре-нЕв. Если вы так щепетильно относитесь к произношению своей фамилии, вам следовало позаботиться об этом, когда вы заполняли заявление на выдачу паспорта, для обозначения звука «ё» применив сочетания «ай-оу», например, или «джей-оу». А так как я могу догадаться, что вы Костренёв, а не Костренев?

Слушая ледяную отповедь пограничницы, я аж рот раскрыл от изумления и досады на себя за то, что решил поумничать. Но во взгляде блюстительницы границы появилось явное вопросительное выражение, к тому же она явно не торопилась возвращать мне паспорт. Нужно было что-то отвечать.

— Извините, — решительно выпалил я, надеясь этим закрыть дискуссию. — Извините меня, я... ам-м... я-а... В общем, извините.

За что извиниться, я придумать не мог, развел руками и принялся нервно барабанить пальцами по стойке. Народ в очереди, бросая на меня раздраженные взгляды, стал переходить к другим будкам, нещадно при этом пересекая границу на гранитном полу. Пограничница нещадно шлифовала зрочками мою переносицу, и в этой игре в «гляделки» переносица начала явно сдавать.

— Откуда прибыли? — внезапно рявкнула эта прислужница бога границы, то есть произнесла она это своим обычным сухим ровным тоном, но перевод темы и быстрота вопроса произвел на меня впечатление чуть ли не крика, и я вздрогнул.

— Из... э-эм..., этого, как его? — замялся я, внезапно напрочь забыв название страны, из которой я прилетел, кроме того, что называется она точно на букву «тэ». В ту же секунду во мне начало горячей волной подниматься замешанное на «старых дрожжах» чувство возмущения происходящим, раздражение на свое лебезительство перед этой сухой мымрой в погонах, желание протестовать, диссидентствовать, скоморошничать, и абсолютно неожиданно от себя самого я закричал: Из Тайланда! Нет! Из Таити! Нет? Тувалу! Тринидад и Тобаго! Танзания! Того! Тонга! Тунис! Теркс и Кайкос!

Я выкрикивал названия этих диковинных стран, театрально размахивая перед окошечком руками, поражаясь одновременно тому, что они приходят из тайников памяти мне на язык, и тому, что я это делаю, и не мог остановиться, — меня несло. Наконец, перечислив все известные мне заморские страны на букву «т», я выдохся и устало облокотился на стойку.

— Вспомнил: Турция, — сказал я церберше. — Я прибыл из Турции.

Надо отдать служительнице пограничного культа должное: во время моего показательного выступления на ее сухом лице не дрогнул ни один мускул, словно внешние проявления эмоций были ей совершенно несвойственны. А, может быть, у нее отсутствовали сами эмоции, например, в результате родовой травмы?

— С большинством из этих стран у нас нет прямого авиасообщения, — как ни в чем не бывало, ответила она. — Рейс из Туниса еще не прибыл, из Бангкока — примерно через час. Так что прибыли вы, скорее всего, на самом деле из Турции. Но дело в том, что последний штамп в вашем паспорте не читается, и можно только предполагать, что это штамп Турецкой республики. К сожалению, при этих обстоятельствах я не могу позволить вам пересечь границу Российской Федерации. Проследуйте для выяснения.

Она убрала мой паспорт куда-то под стол и показала рукой с пальцами, сложенными в аккуратную лодочку, куда-то вглубь таможенной зоны, откуда — ясно, что за мной — уже спешили два молодых крепких пограничника. Я укоризненно посмотрел пограничнице в глаза, но она резко вздернула голову и отгородилась от моего взгляда линзами очков, для верности еще и захлопнув перед моим носом плексигласовую створку окошечка. Пограницы обступили меня с двух сторон, вежливо, но прочно взяли под локти, повели. «Сари, приняли!» — воодушевился кто-то в поредевшей очереди. Я обернулся на возглас. Большинство убирают глаза, отворачиваются, как будто очередь пересекать границу подошла сразу и всем. Сочувствующий взгляд — один. И несколько пар глаз над нескрываемыми улыбками. На мгновение мне показалось, что в этих глазах я вижу отражение чьего-то профиля с козлиной бородкой, — далеко, не разглядеть: то ли Алексей Рыков, то ли Николай Бухарин... Очередь у границы, как смонтированная кинохроникой толпа у входа в Колонный зал. Крики: «Смерть предателям и шпионам!» Москва, 75 лет тому назад. Я затряс головой, отгоняя наваждение, — все, надо завязывать с такими перегрузками, не тридцать лет и даже не сорок, здоровье дороже.

Еще час я просидел в душной комнатке, которую про себя сразу же окрестил «погранзаставой», пока трижды за это время сменившиеся службисты в более высоких, чем будочница, чинах (двое мужчин и одна женщина) разбирались в сути моего вопроса, внимательно листали мой паспорт, особенно дотошно вглядываясь, судя по всему, в тот злополучный турецкий штамп. «Почему вы сказали, что прибыли из Тайланда?» — спросил меня один из пограничных чинов-мужчин. «Я плохо знаю географию, — ответил я. — И мало спал, устал. Акклиматизация. Перепутал». «Понятно», — ответил чин. «Как вы можете

объяснить, что у вас в паспорте ваша фамилия написана в транскрипции, не совпадающей с тем, как она произносится по-русски? — спросила меня женщина. Я посмотрел на нее, вспоминая. Загранпаспорт понадобился мне году в 96-м, когда я первый раз как-то спонтанно засобирался в Англию. Очереди в ОВиР, как в войну за хлебом, тогда были обычным делом, и после нужно было еще ждать какое-то безумно-долгое время. Я нашел в главном тогдашнем биллборде — «Комсомолке» объявление типа «МИДовские паспорта дешево», и через две недели, обеднев на 500 долларов, смачно хрустел ярко-бордовой книжицей. Никаких бумаг, тем более на латинице, я при этом не заполнял, все сделали поставители услуги, я только передал при встрече их «жучку» ксерокопии своего гражданского паспорта, диплома, трудовой книжки, да написанные от руки сведения о ближайших родственниках. Заявления на все последующие паспорта я заполнял уже сам, при этом следуя непонятно от кого исходившему, но четкому указанию ничего по сравнению с предыдущим паспортом в новом не менять, да и в голову не приходило. «Я не знаю, как это объяснить», — ответил я женщине. «Понятно», — ответила она. Скоро меня отпустили, сказав, что у пограничной службы нет ко мне претензий. Решив напоследок еще немного повалять дурака, я спросил, нет ли ко мне, часом, претензий у каких-нибудь других служб, представленных в аэропорте? Мне ответили, что пограничная служба этого не знает. Я спросил, не должно ли у меня быть претензий к пограничной службе? Посоветовавшись, мне ответили, что этот вопрос мне лучше задать себе самому, но что у сержанта пограничной службы Тюриной для решения, которое она приняла, были все основания. Я счел дальнейшую игру в «вопросы-ответы» для себя бесперспективной и откланялся. Дома я был около четырех утра, с тоскою посмотрел через темное стекло винного холодильника на бутылку Шамбертена, выпил воды из-под крана и рухнул спать, даже не помывшись с дороги. Всю ночь, принимая позы, по сравнению с которыми Кама-Сутра — пособие по целомудрию, мне снилась сержант Тюрина.

Глава 4. Homo proponit...

— Как это случилось, — стараясь невзирая на странный трепет сердца звучать делово и невозмутимо, спросил я. — Как он погиб? Когда?

— Сегодня ночью, разбился на машине, — еще более глухо прозвучал Ивин ответ. — Улетел в кювет на 107-м километре трассы «Дон», прямо у моста через Оку. Поехал-таки в свой Эльбурган, видно. От удара машина загорелась, выгорела вся, труп опознали по его знаку — звезде и полумесяцу. Говорят, жар был такой, что металл почти расплавился.

— Кто говорит? — зачем-то переспросил я. — Кто опознал?

— Мать опознала, Софа, — пояснила Ива. — Его телефон выбросило из машины, последний набранный номер был ее. Позвонили, к утру она добралась, опознала. Сеня, как же так?

В трубке слышались слезы. Я не представлял, что ей ответить.

— Когда похороны? — попытался отвлечь ее я. — Я имею в виду — вам же нужно успеть на похороны.

— Похороны? — словно удивилась Ива. — Не знаю. А когда должны быть — на третий день? Так это у нас, а у них — я не знаю. Да, надо успеть вернуться до того, как закопают. Софа обещала сегодня телеграмму официальную в отель прислать.

— Если рейсовым, а не чартером лететь, денег хватит у тебя? — хмуро спросил я.

— Да, наверное, — засомневалась Ива. — А сколько это может стоить? Нас же двое.

Я пообещал выяснить, Иве же наказал потребовать у туроператора, чтобы ее отправили в Москву чартером, коих ежедневно летает из Анталиив в Москву множество.

— Дарья знает? — спросил я, когда проблемы отлета были обсуждены.

— Нет еще, — захлопала носом в трубке Ива. — Как ей сказать, вообще не представляю. Она отца любила, хоть и...

И она зарыдала в голос.

— Ив, Ив, ну, успокойся! — постарался тоном утешить ее я. — Тебе нужно держаться сейчас. Самой держаться и Дашку держать. Ведь сделать все равно уже ничего нельзя.

— Да, да, я понимаю, — сквозь слезы отозвалась Ива. — Я держусь, держусь. Ты-то сам как? Как долетел? Как дела в Москве?

— Долетел нормально, — на автомате ответил я, думая совершенно о другом. — Дела? Дела — так, неважно. То есть, с чем сравнивать. По крайней мере, никто не умер.

— Да, — сказала Ива. — Да.

Чувствовалось, что она тоже совсем на другой волне.

— Держись, — сказал я ей напоследок.

— Держусь, — нетвердо ответила она. — Храни тебя Бог.

Я еще долго сидел на постели, сжимая в ладонях телефон и не слишком осмысленно изучая взглядом большой красивый букет на обоях. Очень образно и реалистично мне представлялось, как совершенно неконтролируемые мною события последних суток валятся на меня, как вагоны, летящие под откос. Я вспомнил, каким счастливым, беззаботным человеком я улетал в субботу в Турцию, и какой горб проблем буквально вырос у меня между лопатками теперь. Воистину: «Homo proponit...» — человек лишь предполагает. Между этим мгновением и следующим, когда я движением пальца по дисплею ответил на следующий звонок, я успел еще раз подумать о том, кто же звонил мне с только что купленного

мобильного с местной турецкой симкой, если это была не Ива. То есть, это мог быть только еще один человек. Хм, забавно: похоже, не все из участников давешнего турецкого ночного инцидента считают его исчерпанным. И, перезвонив, я звонившего, то есть, звонившую, все же конкретно спалил. «М-да, если бы не смерть Аббаса, снова могло достаться кому-то на орехи!» — подумал я, вспоминая подсмотренный бой между мамой и дочерью, из-за явного неравенства сил напомнившего мне Цусимское сражение.

— А-арсений Андреевич? Это Лидия Терентьевна, — мгновенно переключая меня с происходящего в далекой Турции на дела более насущные, раздалась в динамике характерные придыхания госпожи Нарцыняк. — Нам необходимо немедленно встретиться.

Ее тон был строг и не подразумевал никаких возражений с моей стороны, — благо, наши планы совпадали.

— Да, Лидия Терентьевна, здравствуйте, когда, где? — ответил я.

— Давайте через час на нашем месте. Успеете?

— Успею, — подтвердил я. — До встречи.

С целью приведения себя в состояние, в котором можно было предъявить себя людям, я кинулся в ванную, на кухню, потом снова в спальню и, наконец в гардеробную, сам себе напоминая запущенную в маленькой комнате шутиху. Пробегая через гостиную, я успел отдернуть шторы, приподнять жалюзи и взглянуть на улицу. Утро (ну, положим, на часах было начало второго, но часы моего недавно проснувшегося организма еще показывали утро) было, судя по всему, хоть и не такое жаркое, как на южном берегу Турции, но не менее яркое. Но гармония между моим настроением и буйством света за окном за последние полчаса необратимо нарушилась, и воображение вмиг затушевало синее до белизны небо в оттенки серого, вспенило в черно-фиолетовые тучи, то и дело передергиваемые сполохами грозных разрядов. Ослепительное, сочное утро реальности в мгновение ока в моем сознании стало тусклым и хмурым, и я с отвращением задернул шторы.

Встречаться госпожа Нарцыняк предпочитала в пафосном кафе от ресторана «Онегинъ» на Тверском бульваре, в пяти минутах от Министерства. Добраться туда с моей Абельмановской за час по относительно пустой летней Москве было делом плевым, вот только часа у меня не было. Не было у меня и мобильного номера Джои, дочери Самойлыча (он рассказывал, что это имя на идиш означает «радость»), потому что домашний номер Питкесов не отвечал, что было и понятно: в турагенстве, где работала Джоя, была горячая пора. По счастью, я довольно точно знал, где это турагенство находится, потому что как-то раз подвозил туда Самойлыча. Я по телефону описал Павлику, где это, и дал указание срочно метнуться, найти Джою, и чтобы она срочно мне позвонила. Потом нужно было банально привести себя в порядок, и когда, мытый-бритый и наодеколоненный, я вскочил в свой раскалившийся на солнцепеке «аутбэк», до встречи с Лидией Терентьевной оставалось меньше тридцати минут. «Подождешь», — не без злорадства подумал я, и с привизгом резины стартанул с места. Еще минут пять я держал айфон в руке с занесенным над ним пальцем для звонка в контору, сам себе напоминая штангиста перед подходом, когда они ходят взад и вперед по помосту, потом тщательно натирают руки в ванночке с тальком, подходят к штанге, молятся, кричат, хлопают себя по ляжкам, смотрят в потолок. Мне всегда кажется, что всем им делать эту свою попытку очень не хочется, и они просто тянут время. Но тут это время иссякает, крикает десятисекундный сигнал, и спортсмен уже вынужден вприпрыжку бросаться к снаряду, нагибаться, пытаться поднять — далее как повезет. Я вздохнул, мысленно включил десятисекундный отсчет, и на цифре «девять»

нажал на вызов.

— Лена, они еще там? — спросил я сорвавшую трубку Фенечку. — Дайте мне их главного.

В трубке долго шуршало, что-то упало на пол, клацнул дверной замок, потом глухой тяжелый баритон под аккомпанемент позвякивания ложечки в полупустой чашке раздраженно спрашивал: «Он, что ли?» Я напрягся, как в ожидании проверочного удара по мышцам пресса.

— Арсений Андреевич! — неожиданно баритон в трубке был напоен настолько дружелюбными обертонами, что пресс, не спрашивая разрешения, облегченно обмяк. — Ну наконец-то! Что ж это вы, уважаемый, мы к вам, а вы? Мы тут уже раздулись все от чая, понимаешь, лопнем, наверное, скоро. Не любите вы гостей, дражайший Арсений Андреевич!

— Незваных гостей на Руси со времен татарского ига не любят, — буркнул я, внезапно жутко раздражаясь на велеречивого обладателя баритона и вспомнив инструкцию Вити Бранка. — Я — не исключение.

На том конце, видимо, поперхнувшись неожиданной нелюбезностью, на секунду замолчали, но, собравшись с мыслями, продолжили уже деловым тоном без дурацких лубочных раскрасок.

— Арсений Андреевич, нам бы поговорить. Когда в офис прибыть предполагаете?

«Ну да, пора финала, а вы никак не можете второе действие начать! — злорадно усмехнулся я про себя. — Общмонали, а разводиться-то некого! Щас, подорвался!»

— Во-первых, в офисе я сегодня быть не предполагал, — стараясь звучать максимально спокойно, ответил я. — А во-вторых, не соизволите ли представиться? А то вы знаете, с кем вы говорите, а я — нет. Неравенство получается, нехорошо.

В трубке снова замолчали, — похоже, разговор шел по непривычному для баритона сценарию. Однозначно совет Вити говорить нагло и не тушеваться возымел действие.

— Майор Ещук Леонид Игоревич, — с плохо скрываемой недовольной интонацией наконец выдал в трубку баритон. — Главное управление экономической безопасности и противодействия коррупции МВД Российской Федерации. Удовлетворены?

— В каком смысле? — озорно хмыкнул я. — В смысле, что теперь я знаю, как к вам обращаться — безусловно. Во всех других смыслах мой путь к удовлетворению еще не начинался. Например, мне совершенно непонятна цель вашего визита в офис моей компании. Также, надеюсь, вы мне расскажете, на основании каких верительных грамот вы там находитесь, и сколько еще времени намерены пребывать.

На самом деле произносил я это все на полуавтомате, пытаясь не вполне пишущей ручкой на исчирканном конверте, служившем мне путевым блокнотом, записать данные собеседника, при этом не въехав в фантастически дорогостоящую задницу едущего впереди «Бентли». Но, очевидно решив, что над ним издеваются, майор Ещук — видимо, по привычке — решил подавить.

— Арсений Андреевич, я вам от души рекомендую сменить тон, — голосом уже злым и жестким начал «качать» меня он. — Мы здесь не в игрушки играть приехали, а на основании официального ордера проводим следственные действия. Я б на вашем месте поостерегся шутки со мной шутить во избежание усугубления вашего и без того сложного положения. Рекомендую максимально срочно прибыть для дачи объяснений по сути вопросов, которые я вам задам. Вам все ясно?

Нет, он так и сказал: «задам», с ударением на первую гласную в слове! Я внятно

хрюкнул, еле удержавшись, чтобы не рассмеяться в голос. И что меня понесло, я понял, только открыв рот.

— Леонид Игоревич! Я ни на секунду не сомневался, что вы не в игрушки приехали ко мне в офис, как вы изволили выразиться, играть, потому что никаких игрушек в офисе моей компании нет и никогда не было. Если только вы не привезли эти самые игрушки с собой, конечно, потому что некоторые ваши коллеги-предшественники именно так и поступали, для получения большего удовольствия от игры, вероятно. То, что у вас, как вы утверждаете, есть ордер, это хорошо, это успокаивает меня в смысле законности вашего прибытия ко мне в офис и пребывания там. Но насколько мне известно, это не дает вам никакого дополнительного права требовать от меня прибыть туда, куда я ехать не планировал раньше и не собираюсь теперь. Если у вас есть ко мне какие-то вопросы и право, как вы опять же выразились, мне их задать, извольте вызвать меня в ваше учреждение повесткой по месту жительства, которое, я думаю, вам узнать никакого труда не составит. И прежде чем покинуть мою контору, если не затруднит, оставьте ксерокопию ваших верительных грамот, сиречь ордера, а то я ничего кроме ваших «ФИО» и воинского звания записать не успел.

А что, вроде бы, все правильно сказал, по Витиной инструкции. Но вот мнение майора на этот счет было совсем другое.

— Слушай, шутник, — переходя на змеиные частоты, зашипел он в трубку. — Ты нарываешься, я тебе конкретно говорю. Я хотел с тобой по-хорошему, а ты вот как, значит? Кружева плетешь? Умняка нагоняешь? Я не знаю, кого ты о себе там возомнил, и кто твоя крыша, но я узнаю, и тогда тебе будет плохо. Или ты приезжаешь прямо сейчас, и у тебя остается шанс все уладить по-хорошему, или пеняй на себя. Если я перешагну порог твоего кабинета, обратного хода у тебя не будет, я сказал!

«Ну, ты смотри, «я сказал»! — фыркнул я про себя. — Прямо Глеб Жеглов и Володя Шарапов, по-Любэ!» Я хорохорился, но где-то в районе солнечного сплетения нехорошо засосало. Все-таки угроза — штука столь же неприятная, сколь и эффективная; многие люди, спокойно выдерживающие любую степень накала интеллигентной беседы, пасуют при первом банальном наезде формата: «Ща я те!..» Но, к счастью, я и раньше на такое не сильно велся, а многолетняя школа Вити Бранка сделала меня подготовленным к подобным «бычьим» приемам еще лучше.

— Сдается, товарищ майор, вы мне угрожаете? — с весьма правдоподобной усмешкой ответил я. — Не бойтесь, что наш разговор записывается?

На том конце воцарилось молчание. Возобновил разговор майор уже в совершенно другом тоне.

— Во-первых, Арсений Андреевич, вам никто не угрожает, — размеренно и с воодушевлением, как диктор центрального телевидения о погоде, начал он. — Я просто исполняю свои служебные обязанности, в которые входит проведение с вами личной беседы, от которой вы по неизвестной мне пока причине уклоняетесь. А во-вторых, если бы наш разговор записывался, то уж, наверное, вы бы не сетовали, что чего-то не запомнили. Что ж, вызову вас повесткой, ждите. Ксерокопию ордера оставить не могу, не положено. Но все данные вашей милой секретарше списать дам. Спасибо за чай. Надеюсь, скоро увидимся.

«Умный, гад! — подвел я черту под разговором, отключившись. — Будешь порог перешагивать, выше ногу задирай, штаниной не зацепись!» И позвонил Бранку.

— В общем, я ему нахамил, — констатировал я, вкратце рассказав, откуда были «маски-

шоу» и сообщив данные на их худрука. — Зря?

Витя от души расхохотался.

— Да разве ж это хамство? Вот если бы ты ему сказал, что не приедешь на разговор потому, что у тебя с его женой условлено, и она просит ему передать, чтобы сегодня домой не торопился, то это было бы «нахамил». А так — нормально все, молодец, пять. Начинаем работать. Скажи своим, чтобы скинули мне все данные по ордеру, окей?

— Да, конечно, — ответил я. — Слушай, Вить, я не спросил его про Самойлыча.

— Не они это, — категорически отрезал Бранк. — Он бы обязательно этого леща тебе кинул, чтобы на разговор заманить. Раз не стал, значит, этого леща у него в садке нет. Другие деда твоего взяли. Похоже, совпадение.

И отключился. Я посмотрел на часы, прибавил газу, и в ароматный вестибюль кафе «Онегинь» я вошел за одну минуту до назначенного срока.

Лидия Терентьевна Нарцыняк уже сидела за одним из столиков некурящей половины зала, нервно посматривая на часы. Одета она была по последней парижской моде для немолодых и полных и выглядела, надо отдать ей должное, великолепно. Заметив меня, она призывно подняла вверх руку, и я поспешил к ее столику.

— А-арсений Андреевич, — как обычно, на свой несколько странный манер, без собственно приветственного слова поздоровалась она со мной.

В дополнение мне была протянута рука, повернутая в вертикальной плоскости примерно на 45 градусов, так, что поймешь, то ли для рукопожатия она протянута, то ли для поцелуя, то ли чтобы лучше был виден на среднем пальце бриллиант размером никак не меньше трех каратов, — раньше у нее я такого не замечал.

— Здравствуйте, Лидия Терентьевна, — сухо поздоровался я, проигнорировав ладошку с бриллиантом. — Рад видеть вас в добром здравии и еще на свободе.

Три года назад, когда меня познакомили с Лидией Терентьевной, это была во всех отношениях серая мышь- серая кофточка, чуть другого тона серого юбка, серый плащик, сероватая нездоровость на лице. Недавно похоронив мужа, она с помощью Князина только что перебралась с Дальнего Востока в Москву и заступила на ту самую должность в Министерстве. Надо отдать ей должное, всю жизнь работая вольнонаемным специалистом в армейских структурах, процесс она организовала быстро и грамотно. Ее непосредственный шеф в ранге начальника одного из департаментов Министерства поручал ей провести какой-нибудь ремонт в огромном министерском здании, мы выигрывали конкурс и делали работу, как положено, «откатывая» заказчику заранее оговоренный процент за то, что выбрал нас, а не любого из наших многочисленных конкурентов. Заказчиком этим был ее шеф (в юности он неплохо играл на баяне, да и сейчас, говорят, на пьянках иногда, развлекая сослуживцев, растягивал меха, отчего получил у нас за это конспиративную кличку «Гармонист»), подписывающий контракты и «процентовки» — акты выполненных работ, по которым нам перечислялись деньги. Он же назначал «откатный» процент, но озвучивала этот процент мне и принимала «откаченную» наличку госпожа Нарцыняк. Безусловно, по законам жанра начальник должен был с главной своей подельницей делиться, и очень скоро в Лидии Терентьевне начали быть заметными перемены к лучшему. Сначала взамен старому серенькому она сменила гардероб, отдавая предпочтение вещам от Fendi и Dior, а кожгалантереи — от Louis Vuitton и Bottega Veneta. Потом появились новая голливудская улыбка (похвалилась, что делала зубы в Вене, потратила «кучу денег») и, наконец, часы Rolex Oyster Lady из белого золота, каталожная цена 27 тысяч евро. Все это, конечно,

появлялось постепенно, и мне было крайне интересно наблюдать за тем, как вслед за улучшениями во внешнем виде госпожи Нарцыняк происходили изменения в ее манере поведения. Все чаще в ее лексиконе начали появляться выражения типа «вы должны» и «это не обсуждается» применительно к все возрастающему проценту «отката», а в ответ на мои сетования по поводу растущих аппетитов она только пожимала плечами, показывала взглядом куда-то наверх и рассуждала о том, что последний контракт был выполнен нами далеко не точно в срок, в то время как наши коллеги (на огромном здании Министерства были далеко не единственными подрядчиками), работают, как швейцарские часы. Потом она устроила мне первый скандал, заставив сменить руководителя работ на объекте (прежний не выдержал ее визгливых придирок и разносов, которые она показательно устраивала при еженедельных обходах Гармонистом здания, и высказал ей что-то столь же справедливое, сколь и нелицеприятное). Потом, когда выигрыш нами одного из конкурсов повис на волоске из-за вмешательства конкурентов, которых Лидия Терентьевна не смогла «отсеять», и которые явно собирались торговаться «вниз» до упора, она совершенно в приказном тоне посоветовала мне «договориться» с ними. В ответ на мои слова, что это называется «коммерческий подкуп», статья 204 УК РФ, она ледяным тоном заявила, что в Москве в предложениях строительных компаний наблюдается избыток, и что ей в принципе неважно, с кем работать. Она совершенно забыла, что ее реноме в Министерстве создали именно мы, когда в самом начале пути очень недорого, быстро и качественно выполнили «затравочный» контракт, очень важный для заказчика, за что Гармонист получил личную благодарность Министра, а мы — ощутимый убыток. После этого репутация Л.Т.Нарцыняк и «ее» строителей больше не обсуждалась, и на нее (ну, и на нас) заказы посыпались. Но в деньгах мы отнюдь не купались, «откатывая» львиную долю прибыли и балансируя на грани рентабельности. Покупка, например, часов за без малого тридцать тонн евро была для меня вещью немыслимой (и, слава Богу, ненужной), а вот благосостояние наших заказчиков (и г-жи Нарцыняк в том числе) росло прямо пропорционально нашим усилиям. И если с самого начала я относился к Лидии Терентьевне в высшей степени доброжелательно и даже тепло (ведь некоторым образом делали общее дело), то теперь я ее тихо ненавидел. А когда она без объяснения причин «слила» в высшей степени нужный нам контракт нашим конкурентам (позже выяснилось, что в этой компании работала ее сноха), больше про себя ее иначе, как «эта сука» я ее не называл. И рад бы был я послать их всех, кровососущих и бриллиантоносных, но на дворе был кризис, другой работы просто не было. Приходилось терпеть. Но потом работа на Министерстве закончилась, мы перестали контактировать, и в плане, как говаривал Великий комбинатор, «веры в человечество» я стал чувствовать себя гораздо лучше. И тут вдруг ее звонок, что есть заказ (около ста миллионов, поди плохо!), и нет надежной организации, которая все сделает и условия выполнит (то есть, не «накосячит» и «откатит»). Условия она со своим шефом оговорила «для наших партнеров» (вот сволочь!) необидные (двадцать процентов — это у них называется «необидные»), и что «по старой доброй памяти» (да задолбись она на конус такая «добрая память»!) она просит помочь. Подмывало «по старой памяти» послать, но рациональность требовала соглашаться. И вот — на тебе! Черт, надо было посылать.

Госпожа Нарцыняк обиженно отдернула руку, выгнула серпиком вниз рот (уж не татуаж ли она себе по контуру губ сделала, дура старая?) и, презрительно приподняв бровь, произнесла:

— Да как вы смеете со мной так разговаривать, господин... э-э... Костренёв? Я уже

говорила, что мы от вас такого просто не ожидали! Так вляпаться, такой непрофессионализм! А если это теперь аукнется другим, так сказать, людям? Вы представляете, что будет? Наш уважаемый... э-э, ну, вы понимаете, кто? Так вот, он велел вам передать, что вы должны ситуацию срочно разругать и, разумеется, за свой счет. И мы к этому не хотим иметь никакого отно...

Темнота внезапно застала мой взгляд, и я с трудом удержался, чтобы не швырнуть ей в лицо знаменитое пирожное-корзиночку, которым так славилась Онегинская кулинария, и которые в количестве трех штук лежали перед Лидией Терентьевной на блюдечке. Но на дипломатический тон меня уже точно не хватало.

— Вы не хотите иметь к этому никакого отношения? — прервал я очень злым шепотом ее гневный монолог. — Слышь, ты, свинка морская в плюмаже! Да если Питкеса, не дай Бог, «пригласят на посадку», он сдаст следаку всех вас троих — тебя, болонка ты фарфоровая, и Гармониста твоего заодно с баяном. Это ты должна была обеспечить, чтобы все было гладко, и заусенцы пошли в зоне твоей ответственности. А мы четко выполняли твои и Гармониста прямые указания. И всю историю отношений он сольет. С указанием номеров контрактов, сумм «отстега», процентов «обнала», дат «заноса» и всего-всего. Ему-то что, все равно присаживаться, а за содействие поблажка выйти может. А на фоне компании по борьбе с коррупцией из вас показательный процесс, глядишь, забаббахать захочут. А Питкеса, как главного свидетеля обвинения, вообще выпустят по программе защиты свидетелей, как в Америке. Что? Вы будете все отрицать, а доказательств нету? А как часики за тридцатник «йоро» при зарплате полтинник рублями объяснять будем? Колечко вот это? Зубки? Пояснения давать придется, а там прессанут тебя не по конвенции прав человека, и посыплешься ты, как песочек в унитаз при мочекаменной болезни. И шефа своего туда же сольешь. А вот он скажет, что ничего не знал, он на баяне играл, и все стрелки на тебя переведет. А тут и Питкес подтвердит, что дела он имел только с тобой, и деньги отдавал тебе лично. На объекте он, как главный инженер, бывал, в кабинет к тебе ходил, все кивнут. И сидеть бы тебе, мамуля золотая, в одной с Питкесом камере, интеллектуально расти, так сказать, над собой, жаль только места заключения у нас для мужиков и баб отдельные. А на зоне ты, хоть и в возрасте, да чистая да ухоженная, будешь у сексуально-агрессивных соседок по бараку с аномальным содержанием андрогенов в крови пользоваться повышенным спросом. Вот такой у меня для вас, гражданка Нарцыняк, любовный гороскоп. Нравицца?

Народу в кафе было мало, и говорил я негромко, но, видимо, настолько экспрессивно, что белорубашечник через два столика беспокойно закрутил головой в нашем направлении. Пришлось ему улыбнуться — мол, все в порядке, чувак. Правда, задержав взгляд на моей визави он, похоже, не поверил. И верно — давно я не видел в глазах человека такого испуга, — может быть, никогда. Мне даже стало немного совестно за свою неожиданно такую слишком уж злую тираду, — честно говоря, давно меня уже так не накрывало. Из цветуще-розового лица Лидии Терентьевны стало серым, гораздо серее, чем тогда, при первом знакомстве. Губы ее дрожали, чашка в руке ходила ходуном. Чтобы чай не пролился на ее Fendi, я аккуратно перехватил чашку и с наслаждением сделал пару глотков, чтобы сдобрить внезапную сухость во рту, — чай, как и все в «Онегине», был великолепным.

— А теперь, Лидия Терентьевна, — примирительно улыбнулся я ей, — успокойтесь, и расскажите подробно, что знаете по делу.

Слезы потекли из глаз г-жи Нарцыняк, безжалостно смывая с ресниц макияж, и я протянул ей платок. Но какие-то его параметры Лидию Терентьевну не устроили, и она

вытянула из сумочки свой... платок-не платок, а какое-то кружевное чудо с монограммой, явно шитое на заказ. С его помощью она принялась вытираться и приводить себя в порядок, трубно высморкавшись в завершении. Через пару минут ее взгляд снова обрел осмысленное выражение.

— Ну, зачем же вы так, А-арсений Андреич? — хриловатым после слез голосом начала г-жа Нарцыняк. — После стольких лет... Я, право, не ожидала. Очевидно, что мы все, так сказать, в одной лодке, и выгребать нужно, разумеется, всем вместе.

Произнеся это, Лидия Терентьевна потянулась к чашке и, с удивлением обнаружив ее пустой, жестом позвала официанта.

— Будете что-нибудь, Арсений Андреич? — предупредительно спросила меня она.

Я покачал головой, и г-жа Нарцыняк на некоторое время выключилась из разговора, погрузившись в изучение меню, причем вышколенный официант принимал в этом изучении самое непосредственное участие, то и дело давая пояснения. Со стороны могло показаться, что идет процесс согласования свадебного меню человек на триста, а не выбор марки чая.

— Извините, Арсений Андреич, — наконец отпустив официанта, слабо улыбнулась мне г-жа Нарцыняк. — У них в меню больше ста сортов, без помощи разобраться совершенно невозможно!

И она воодушевленно всплеснула руками. Я смотрел на Лидию Терентьевну Нарцыняк, и мне хотелось выть. Человек сидит в тюрьме, а тут на высшем серьезе чай выбирают! Боже, ведь была же совершенно нормальная тетка, я помню! Что же превратило ее вот в эдакого монстра с зияющей пустотой на том месте, где у человека должна быть душа? Что, кроме времени, отделяет тогдашнюю офицерскую вдову от нынешней госпожи Нарцыняк? Ну, да, деньги, и немалые. Всего за три года они с ее милым шефом заработали только на нас больше сорока пяти миллионов рублей — полтора миллиона долларов! Думаю, не меньше им «откатали» все другие подрядчики, вместе взятые. Это три миллиона. «По чесночку», конечно, Гармонист со своей наперсницей вряд ли делился, но от четверти до трети, думаю, он ей с барского плеча отчинял. Это от семисот пятидесяти тысяч до миллиона. Долларов. Эта милостивая, чуть полная, очень хорошо одетая женщина, сидящая напротив меня, будучи простым менеджером в системе управления некоего непервостепенного госучреждения, была долларовой миллионершей. То есть, мне, бизнесмену, хозяину немелкой компании, обеспечивающей трудоустройство несколькими сотням человек, по личным доходам она была сильно не ровня. На западе люди с такой разницей в поступлениях селятся в разных кварталах в городах и в разных отелях на отдыхе. Миллион баксов на личном счете в каком-нибудь швейцарском или лихтенштейнском банке (или в банке, закопанной в огороде — в виде местечковой альтернативы) — это давно уже было мечтой жизни, вернее, материальной составляющей моей жизненной мечты. Миллион долларов делает вас свободным — в материальном плане, естественно. Эта сумма позволяет вам отгородиться от государства с его всегда подавительной по отношению к отдельно взятому гражданину системой высоким забором и класть на это государство «с прибором» — если, конечно, сидеть тихо и не высовываться. Такая сумма позволяет не нуждаться на старости лет достойно доживать свой век, не становясь частью огромного моря несчастных стариков и старух, кроме подачки, высокопарно именуемой пенсией, других доходов не имеющих. А в крайнем случае, если государство все-таки дотянет до вас свои щупальца, с такими деньгами можно просто свалить от этих сопливых осинков и доживать свой век в какой-нибудь недорогой цивилизованной и стране типа Болгарии, Чили или Индии.

Конечно, за двадцать с лишним лет моего занятия бизнесом у меня были времена, когда я «стоил» куда больше. Но, во-первых, три раза приходилось начинать практически с нуля, а во-вторых — тогда, раньше, деньги зарабатывались куда проще и быстрее. Все просто: было больше ниш, нетроганных участков для деятельности, — сейчас, как говорится, все «позанято». Да и пресс государства — легальный, налоговый, и нелегальный, взяточный — был куда легче. В начале девяностых бизнес с рентабельностью меньше семидесяти процентов бы неинтересен. Вы только подумайте — семьдесят процентов! То есть в каждом полученном рубле семьдесят копеек составляла чистая прибыль. Сейчас было очень хорошо, если оставалось семь, а то и пять, три. А еще компании бывало по несколько месяцев сидеть вовсе без подрядов, и немаленькую зарплату коллективу при этом я все равно платил — из резервного фонда, то есть из прибыли предыдущих объектов. То есть из денег, которые при другом раскладе я, как хозяин, мог бы использовать на личные нужды. Так что для меня свободный, экстрагированно-чистый миллион долларов уже много лет был некоей недостижимой мечтой, фата-морганой. Я так и решил: вот, заработаю заветный «лям» — чистый, свободный от необходимости сразу тратить его на то и на это, и — баста, можно и «пошабашить». Вот только времени до неизбежного «суши весла», когда уже не то, чтобы больше не захочется, а, скорее, «не заможется», оставалось все меньше. А г-жа Нарцыняк заработала эту сумму (нет, не заработала — получила!) за три года, просто исполняя свои прямые служебные обязанности, еще зарплату с премиями за это имея! И — ни копейки налогов, разумеется. И из нормального (может быть, даже приличного) человека стала черт-знает-кем. И я испытал внезапный приступ глубокого удовлетворения, что пять минут назад, наконец-то, разговаривал с этой женщиной так, как, по моему мнению, она этого заслуживает.

— О, да, насчет лодки — это я согласен, — подпустил я сарказму. — Надо только добавить, что лодка эта с сегодняшнего утра стремительно несется к водопаду. И, чтобы выгрести, нужны усилия всех гребцов, а не так, что кто-то мышцу напрягает, а кто-то ножки свесил и на гармошке поигрывает. Хотелось бы, чтобы вы передали это своему высокомузыкальному шефу. А сейчас расскажите, как было дело.

События развивались так. Еще в пятницу я последний раз разговаривал с Лидией Терентьевной и интересовался у нее, все ли в порядке с понедельничным мероприятием. «Все в полном порядке, А-арсений Андреич, не беспокойтесь. К конкурсу допущены всего три фирмы. У одной не все виды работ есть в приложении к лицензии, и на этом основании мы их снимем. У другой тоже что-то не так, — как говорит наш любимый шеф, «запятые не того цвета», ха-ха! Вы уезжаете? Надолго? Езжайте спокойно, все будет а-атлично!» — голосом беспечным, как взмахи крыльев майской бабочки, напутствовала меня госпожа Нарцыняк (видимо, уже пересчитывая в уме свою долю). Не могу сказать, что подозревал, что все пойдет не так — слишком уж безоблачным было небо над головой, грому взяться было, вроде бы, совершенно неоткуда — но вот как-то скребло под ложечкой. Правда, это были опасения рода, что в последний момент всплывет какая-нибудь дурацкая ошибка — подписи нет в нужном месте, или гарантийный взнос бухгалтерия не туда перевела, такое уже не раз бывало. Но что будет та-а-кое я, конечно, не предполагал. В пятницу вечером на некую девушку Веронику, сотрудницу Лидии Терентьевны, вышел представитель той самой второй по счету фирмы, допущенной к участию в конкурсе, у которой было что-то не то в лицензии. Называлась фирма «РеставР». Ребята из «РеставРа» объяснили девушке, что изучили статистику торгов по Министерству за последние три года и сделали вывод, что

компания «Арми-Строй», скорее всего, является потенциальным фаворитом — проще говоря, существует коррупционный сговор. Они, ребята эти, не против коррупционных сговоров — сами такие, правила игры знают и не собираются их нарушать. Но дело в том, что с точки зрения реставрационных работ у них, ребят этих, куда больше регалий, чем у «Арми-Строй», и по идее, конкурс-то должны выиграть они. Но ведь выигрывает «Арми-Строй», так за счет чего? Проанализировав свою заявку, ребята нашли в ней всего одну потенциальную «дырку» — отсутствие некоего вида работ в лицензии. Но по какому-то там недавнему постановлению наличие этого вида работ у компании-претендента необязательно, потому что работы эти может выполнить специализированная организация на субподряде. Поэтому в случае выигрыша «Арми-Строй» «РеставР» подаст апелляцию, результаты будут отменены, и конкурс будет переигрываться с непредсказуемыми последствиями. Нет, ребята из «РеставРа» не собираются нарушать сложившиеся связи и лезть со своей лопатой в чужой огород. Но они тоже не лохи поселковые и считают, что в этой ситуации им причитается компенсация. Поэтому они просят полтора миллиона наличными непосредственно перед началом конкурса, и гарантируют свое невмешательство. Девушка Вероника кивнула, сказала: «Угу, поняла» и побежала разыскивать шефиню. Но, на беду, Лидия Терентьевна в этот пятничный вечер была на каком-то пафосном концерте в Лакшери Виллидж на Рублевке, звонки Вероники увидела уже за полночь и перезванивать не стала. Утром в субботу она — дура пустоголовая — о звонках подчиненной вообще забыла. И если бы Вероника не напомнила о себе сама, то ничего и не было бы, но обязательная девушка позвонила. Лидия Терентьевна напряглась, но вместо того, чтобы сразу связаться со мной (я был еще в аэропорту), начала названивать Гармонисту. Тот тоже сначала не отвечал, потом думал, потом дал указание, что проблему надо решать скорее всего, так, как предлагает «РеставР», но чтобы это ни в коем случае не было из их, заказчика, доли. И чтобы Нарцыняк позвонила мне и передала мне такое прямое его указание. Но и тут инициативная Нарцыняк мне не звонит, а дает указание Веронике связаться с «вымогателями» и «понизить» их до миллиона, — ведь это из денег подрядчика и, значит, она делает доброе дело! Девушка звонит и выполняет указание шефини с точностью до ста тысяч. И только после этого Лидия Терентьевна набирает мой номер. Но я уже был в Турции, всю общался с Ивой, и севший айфон был мне глубоко пофигу. Тогда Нарцыняк звонит Питкесу. Самойлыч перезванивает мне и тоже, что называется, «целует пробой». Не зная, выйду ли я вообще до понедельника на связь, он принимает решение следовать прямому указанию заказчика и командует Павлику в понедельник утром привезти деньги к зданию Министерства. Обо всем этом Самойлыч докладывает г-же Нарцыняк, и та «с чувством долга» забывает обо все этой суете до утра понедельника. Какого черта старый еврей не дозвонился до меня в воскресенье, когда я включил телефон?» — злил я себя самого. Ведь признаки подставы налицо — по крайней мере, сейчас это было очевидно. Первое — запросили очень мало, вполне могли требовать миллионов пять. Второе — слишком легко согласились на уменьшение суммы, но до миллиона «скатываться» не стали, видимо, чтобы не вызвать подозрений. В общем, наживка явная. Но святая душа Питкес вряд ли это «словил», а из врожденной интеллигентности (начальник отдыхает, отключил телефон, не хочет, чтоб его беспокоили, на мостике я, значит, мне и принимать решение) позвонил один раз, не дозвонился и больше не стал. И даже что-то, предположим, подозревая, в понедельник из порядочности и интеллигентности Питкес «под танк» Павлика посылать не стал, а понес «котлету» сам. Конечно, в данном случае речь не о том, кто «более

ценный член экипажа», а кто менее; если бы взяли Павлика, я бы сейчас точно так же напряглся по его поводу. Другое дело, что Павлик — отставной офицер, бывал в переделках, его прессовать — упрессуешься. И Питкес — старый, не очень здоровый еврей-интеллигент. С этой точки зрения лучше бы был Павлик. Но история, как известно, с сослагательным наклонением не в ладах. В общем, на передаче «котлеты» Питкеса и «приняли». После чего старший группы, представившийся майором Ставрасовым («еще один майор!» — мелькнуло у меня), нашел госпожу Нарцыняк, уже рассаживающуюся в президиуме конкурсной комиссии, и прямым текстом посоветовал мероприятие отменить, потому что конкурсанты задержаны по подозрению в нарушении коррупционного законодательства.

— Что, так и сказал, «коррупционного законодательства»? — хмуро переспросил я.

— Ну, да, — ответила г-жа Нарцыняк, но было видно, что в формулировке она не уверена.

Я кивком головы велел ей продолжать, и Лидия Терентьевна поведала, что она поинтересовалась, все ли конкурсанты нарушили законодательство? «А сколько их у вас?» — спросил майор, на что г-жа Нарцыняк сказала, что трое. «Нет, не все», — подумав, ответил майор.

— Тогда я спросила у него, не будет ли правильным, если мы объявим победителем невинного претендента? — радостным голосом, видно, и сейчас восхищаясь собственной сообразительности, проложила Лидия Терентьевна.

У меня комок воздуха встал в горле комом. Г-жа Нарцыняк не только сразу же после получения весьма невнятной информации списала нас со всех счетов, но и полагала такое свое решение совершенно правильным и удачным со всех точек зрения. «Вот же сука!» — подумалось мне.

— И что же майор? — с усмешкой, напомнившей мне термин «сардоническая», поинтересовался я.

— Майор сказал, что определением виновности у нас занимается суд, и поэтому во избежание недоразумений сейчас он настоятельно рекомендует нам проведение оглашения результатов отложить, — с нотками благоговения в голосе ответила Лидия Терентьевна.

Я снова усмехнулся, на этот раз про себя — охотничий пес оказался лояльнее к жертве, чем тот, кого жертва считала «своим». А Лидия Терентьевна Нарцыняк, пожав плечами, что, видимо, означало: «Вроде, все», с чистой совестью принялась за чай.

— И все? — удивился я. — То есть, вас никого не тягали? Веронику эту вашу?

С видом испуганной и ничего не понимающей совы г-жа Нарцыняк замотала головой.

— Так чего ж вы мои звонки сбрасывали, эсэмэски слали? — раздраженно спросил я. — Я понял, что вы тоже там вовлечены во все это, в одном кипятке варитесь!

— Нет, ну, то есть, да, мы тоже были вовлечены, — содержательно зачастила она. — Мы занимались решением вопроса, как нам теперь быть с этим контрактом, ведь мы хотели срочно начинать работы, что говорить начальству и все такое прочее.

И госпожа Нарцыняк возвела на меня свои совершенно честные и чистые глаза. Да, уж: даже в такой момент ничего, кроме вопроса, а кто же теперь им откатит, этих людей не интересовало. Брезгливо захотелось отодвинуться подальше, плюнуть, уйти, но нужно было «через не могу» продолжать общаться в попытке что-то еще выяснить. Хотя, видимо, госпожа Нарцыняк больше ничего не знала. Черт, небогато, в общих чертах я и сам все так себе и представлял.

— Значицца, так, — совершенно автоматически копируя интонации Глеба Жеглова, начал я. — Как я вижу это дело. С Питкесом все понятно, дальше непонятно ни с кем. «РеставР» — правда «честные фраера», попавшиеся сами на своей жадности и нас подтянувшие, или ментовская подстава? Неизвестно.

— А есть разница? — решила внести свою лепту в обсуждение г-жа Нарцыняк.

Пришлось объяснять, что разница огромная, причем именно для заказчика. Потому, что если менты пасли «РеставР», то разговор последних с Вероникой может быть или зафиксирован, или нет. А если «РеставР» — это и есть менты, то разговоры с Вероникой записаны точно, в том числе и торговля по поводу суммы, и окончательное наше согласие на предложенную схему. И о, что Веронику сегодня не дергали, ни о чем не говорит, ее могут привлечь в любой момент расследования уголовного дела, и она, не будь дура, одна за всех отдуваться не станет, сдаст всю «вертикаль».

— А что, будет уголовное дело? — слегка дрожа связками, поинтересовалась Лидия Терентьевна.

Я внимательно посмотрел на нее — дура неисправимая. Надо же, сколько чудесных качеств в одном флаконе! Ну, получай!

— Конечно, — твердо ответил я. — Если потянут всех, то есть не просто коммерческий подкуп одной организации другой с целью получения конкурентных преимуществ, а организация преступного сообщества с целью хищения государственных средств в особо крупных размерах, то это лет по пятнадцать организаторам, а раньше вышку давали. Кстати, здесь еще и дача взятки, и получение, и понуждение к даче, целый винегрет. Мало никому не покажется. Вам особенно.

Лидия Терентьевна опять окрасилась во все оттенки серого и вдобавок принялась икать. Официант сам подбежал со стаканом воды. Я же нагонял на нее жуть специально, получая от ее испуга глубокое моральное удовлетворение. Но надо было с этим заканчивать, а то еще и до обморока так дело дойдет. Не видя больше никакого прока в продолжении разговора, я взял у госпожи Нарцыняк номер телефона Вероники, пообещав ту проинструктировать, и распрощался, посоветовав «держат язык за зубами». Выйдя из «Онегина», я в стрельчатое окно заведения увидел, как Лидия Терентьевна Нарцыняк, еще не обретя своего привычного цвета, для успокоения нервов уже что-то заказывала из меню подобострастно склонившемуся перед ней официанту.

Глава 5. ...sed Deus disponit

Я сел в машину, после прохладного «Онегина» сразу облившись потом. Завел двигатель, чтобы включился кондиционер, и скоро стало полегче. Ярko выраженных дел на сегодня больше не было, но звонков нужно было сделать еще кучу. Как раз будет чем заняться по дороге к дому.

Так, первое — где же, наконец, Джоя Питкес? Неужели Павлик до сих пор ее не нашел? Я набрал его номер. «Стою рядом с Джоей Борисовной, — рапортовал Павлик. — Она уходила на обед, только что вошла в офис. Могу передать ей трубку!» «Молодец, все-таки, вояка, если вылезем из этой передраги, надо зарплату ему повысить!» — подумал я о Павлике, и сказал вслух: «Давайте!»

Я долго пудрил девушке мозги по поводу того, как и за что Самойлыча задержали — нет, вполне законно, но совершенно случайно и по абсолютнейшему недоразумению. Я старался максимально «прокачать» девушку, чтобы даже если бы «следак» вдруг вздумал открыть ей реальные обстоятельства задержания отца, она бы ему просто не поверила. В этом вопросе я очень надеялся на ее генетическая память: тысячелетия юдофобии и преследований сформировали у представителей еврейской нации много априорных, вьевшихся в гены реакции, в том числе что-то вроде: «арестован — значит, невиновен». Я очень рассчитывал, что мои усилия по такой своего рода «вакцинации» не будут напрасными, и девушка даже при худших обстоятельствах не поверит в виновность отца, не будет заражена страшным вирусом разочарования им. «Я все поняла, — умным голосом подвела под разговор черту Джоя. — Когда человек из полиции позвонит, я все скрупулезно зафиксирую и перезвоню вам. И не беспокойтесь, Арсений Андреевич: папа о вас настолько безоговорочного мнения, что я бы никогда не поставила слова, услышанного от какого-то полисмана, выше ваших!» Я восхитился — Джоя поняла все, что я ей пытался объяснить, и четко дала мне это понять. Я белой радостью позавидовал родителям, имеющих таких разумных детей, и положил трубку с чувством глубокого удовлетворения — на этом фронте все было в порядке. Теперь нужен был «шапира».

Таковой в поле моего зрения был только один — Вецкий Александр Алексеевич, но это был лучший стряпчий, с которым лично меня сводила жизнь. Он не был «звездой» московского адвокатского небосклона, однако имел собственную контору, правда, настолько небольшую, насколько это в принципе возможно — он сам, помощница Катя (он, смеясь, называл ее «старшая» или «любимая» помощница) и секретарша Женя, она же помощница «младшая». С этой невеликой командой адвокат Вецкий обслуживал весьма узкий круг доверителей, и к расширению этого круга не стремился. Наверное, потому, что и это количество обеспечивало Александру Алексеевичу весьма приличный уровень доходов, — зимой он ездил на Audi Q7 в топовой комплектации, летом по Москве предпочитал передвигаться на винтажном Харлей-Дэвидсоне (стоимостью едва ли не дороже Audi), на руке носил, меняя, Maurice Lacroix, Rado и Hublot. Одевался адвокат всегда очень недешево и стильно, а его цвета «перец с солью» волосы и усы a-la Фредди Меркьюри всегда были словно только из-под ножниц дорогого стилиста. Из скупых и редких упоминаний о своих доверителях выходило, что люди это калибром — не мне чета, могли бы себе позволить услуги любой «звезды» класса Резника или Падвы, но годами работали с Вецким. Не потому ли, что Александр Алексеевич любил говаривать, что выигрывать все невозможно,

но уж если он берется утверждать, что выиграет то или иное дело, то это случается с вероятностью 99 из 100 — один процент он оставлял на ситуацию, когда судья «взял» от обеих сторон, и оппоненты дали больше. «Кстати, это и есть апофеоз «соревновательности» судебного процесса в современной России!» — смеялся он, при этом его всегда прищуренные глаза оставались холодными и внимательными.

Знались мы с ним давно, лет уже около двадцати, когда Александр Алексеевич не весьма еще преуспевал, будучи на побегушках у какого-то тогдашнего адвокатского светила. Знакомство же мое с ним вышло совершенно случайным — на своей Ниве Ведецкий в сложной ситуации стукнул мою машину, — я тогда «бомбил» и сунулся в толчею у обочины за потенциальным клиентом. Он отъезжал от бордюра, поэтому был виноват и не спорил с этим. Страховки не было ни у одного из нас (молодежи: ОСАГО тогда еще не ввели, представляете?!), и вызывать ГАИ смысла не было ни для одной из сторон. Я тоскливо смотрел то на свое погнутое крыло, то на его Ниву с проржавевшими порогами, — было ясно, что получить от виновника справедливую компенсацию на месте было делом в высшей степени маловероятным. Мой «подельник» стоял рядом и молчал, видимо, ожидая, что скажет пострадавшая сторона. «Двести долларов», — наконец, решился я, на предмет возможной торговли увеличив максимальный ущерб раза в полтора. «Могу предложить четыреста восемьдесят пять рублей», — сказал в ответ он, изучив содержимое своего кошелька. Я матюкнулся, отрицательно покачал головой и начал звонить в ГАИ. Тогда «подельник» сделал мне контрпредложение: вызов ГАИшников ему «как серпом», потому что техосмотр просрочен, а разницу между спросом и предложением он предлагает компенсировать бесплатным оказанием адвокатских услуг, как только у меня в таковых возникнет надобность. И протянул мне визитку, на которой значилось: Ведецкий А.А., Московская городская коллегия адвокатов, адвокат. Я удивился про себя: воистину, коли повезет, так и у себя под подушкой чужой лопатник найдешь! Дело в том, что в тот момент я, наверное, первый раз в своей жизни очень нуждался в адвокате. В связи с тогдашним кризисом в делах я с полгода назад продал одному случайному «перцу» служебную Волгу, оформленную на меня, как на физлицо. Продав, как тогда водилось, «по генеральной доверенности», то есть без снятия с учета и переоформления прав владения. А неделю назад я получаю повестку в суд по иску о причинении ущерба в результате ДТП, где ответчиком на немалую сумму почти в полторы тысячи долларов значусь я. Я позвонил по приложенному телефону истцу и выяснил, что месяц назад на в него въехали неустановленные личности на бывшей моей Волге. Отрикошетировав от Москвича пострадавшего, Волга отлетела под КамАз, и под ним померла, превратившись в груды металлолома. Водитель и пассажир, по чуду оставшись целы и почти невредимы, машину бросили и с места ДТП скрылись. Поскольку кто был за рулем, установить возможным не представлялось, владелец Москвича сделал мне «предъяву», как владельцу Волги. Я аж присел — полтора косаря гринов для меня тогда были неподъемные деньги. С трудом я дозвонился тому «перцу». Он, будучи в полуумат, сначала долго не мог понять, кто я и чего от него хочу, а потом с перебоями и зависаниями поведал, что месяца через два после нашей с ним сделки он стукнул на Волге каких-то «пацанов», те на него наехали, навалили люлей, а Волгу отобрали. С тех пор «перец» с горя бухал, с Волгой, по сути, распрощался и вообще забыл об обстоятельствах, с нею связанных. Люди знающие подсказали мне, что не явиться в суд означало дело точно проиграть, и тогда жди судебных исполнителей. Но уж если идти, то с адвокатом. Так А.А.Ведецкий стал моим стряпчим. Дело он выиграл, взяв в нотариальной конторе копию

выданной мной генеральной доверенности и на ее основании «переведя стрелки» на «перца», которого суд и признал надлежащим ответчиком по делу. И сэкономил мне полтора «килобакса». Лично я сразу смекнул, что в своем деле этот человек пойдет быстро и далеко. С тех пор мы не то чтобы дружили, но поддерживали очень хорошие отношения. Я время от времени я прибегал то к консультациям, то к более весомой помощи Ведыцкого, которую он всегда оказывал «по первому свистку», хотя уже не бесплатно, разумеется. И с каждым разом я отмечал, что часовая ставка Александра Алексеевича вновь выросла. С годами в компании настоящей стала потребность в постоянном адвокате, но Ведыцкий стал уже настолько крут, что нанимать его на постоянное юридическое обслуживание было непозволительной роскошью. Поэтому для дел повседневных мы держали «мальчика» Юру с юридическим образованием (сразу получившего прозвище «Де-Юра»), прибегая к помощи Ведыцкого только в серьезных случаях. Сейчас случай был не просто серьезный, а — крайний. Об одном я молил удачу: чтобы в эту жаркую ленивую пору адвокат не оказался в отпуске.

Но в этот макро-невезучий день микро-удача явно была на моей стороне: Александр Алексеевич был в Москве. Все серьезно выслушал, потом, как всегда, сначала спросив: «Это все?», ответил:

— Ну, что тут можно сказать, Арсений Андреевич? Собственно, пока ничего сказать нельзя, критическая, так сказать, масса данных отсутствует. Надо встречаться с Борисом Самойловичем, со следователем, выяснять обстоятельства дела и тогда выстраивать линию защиты. Смогу ли я завтра выступить адвокатом Бориса Самойловича? Ну, что называется, только для вас, Арсений Андреевич. Нет, не подумайте, что я надуваю щеки, просто у меня завтра весь день довольно плотно расписан, но к счастью, нет судов, которые перенести было бы невозможно. Я уже прикинул, что смогу перекроить свое расписание, и в девять — девять тридцать быть там, где нужно. Да, здесь возникает вопрос, куда ехать? Следователь еще не звонил? На самом деле это очень хорошо, на мой взгляд, это косвенное свидетельство того, что им до сих пор не удалось «расколоть» человека. Как это «расколоть»? Да очень просто: в течение 24-х часов после задержания человека должны допросить. Но допрос должен производиться в присутствии защитника, которого у Бориса Самойловича пока физически нет. Тогда следователь может позвать дежурного государственного защитника (которому, не надо объяснять, интересы задержанного глубоко пофигу, потому что получает он за такую свою работу аж четыреста рублей в день минус подходящий). Но — формально — адвокат налицо и, значит, можно допрашивать. По сути — типичное беззаконие, но на бумаге все соблюдено. А от показаний, данных в присутствии адвоката, очень трудно отказаться, практически невозможно. Так что тут наш Борис Самойлович должен сказать, что этому адвокату он не доверяет, и что давать показания будет только в присутствии «своего» адвоката. На вопрос следователя: «Так и где?» Борис Самойлович отвечает: «Так вы ж еще не позвонили моим родственникам и не сообщили, что я задержан. Как в анекдоте: «Почэкайтэ, хлопцы, зараз усэ будэ!»[i] И если бы наши, как я их называю, левоохранители, провернули бы с Борисом Самойловичем такую штуку, то, я думаю, они бы давно бы уже позвонили. Но я надеюсь, что Борис Самойлович понимает, что друзья с воли его не бросят, и следакам на такую «мулю» его не словить. А, может, и не стали они трюк с подставным адвокатом раскручивать. И хоть они со звонком, как правило, тянут, потому что это тоже своего рода психологическое воздействие на задержанного, но до конца дня позвонит следак обязательно, не позвонить — серьезный «косяк». С передачей информации, говорите, у вас

все налажено? Ну, и отлично! Как его дочь вам отзвонит, сразу звоните мне. Нет, Арсений Андреевич, ну как я могу вам в таком деле отказать? Во-первых, вы же мой первый клиент, а такое, как первая любовь, не забывается, ха-ха! А во-вторых, вы просто уже не успели бы найти никого другого, а оставить человека без защиты в таких обстоятельствах никак нельзя. Первая ночь в камере для задержанного — это шок, и если утро не встретит его солнечным лучом в лице своего, надежного адвоката, человек, если до сих пор и держался, может сломаться. Тогда ему уже трудно будет отказаться от услуг навязываемого защитника, он расстроится, и на первом допросе левоохранители получают в его лице податливый кусок теста. Не будем же мы делать им таких подарков, верно? Он знает меня в лицо? Ну, да мы несколько раз встречались у вас в конторе. Так что передайте его дочери, чтобы сказала следователю, что адвокат будет, пусть смело называет мою фамилию. Да, будем надеяться, что Борис Самойлович не посылется раньше времени. Хотя вот что я думаю: люди как он, в возрасте, помнящие Сталина, читавшие Шаламова и Солженицына, думаю, прекрасно понимают истинный смысл слов: «Молчанье — золото». Да и физиономистически, насколько я помню, он, что называется, «мощный старик». Так что на этот счет я почему-то особо не беспокоюсь. Что я буду ему советовать? Ну, это по обстоятельствам. Но, разумеется, ни о каком коммерческом подкупе или, не дай бог, о взятке и речи быть не может. Думаю, что Борис Самойлович вез деньги, чтобы дать их кому-то взаймы, или, наоборот, отдать долг. Поскольку он почему-то начал их вручать незнакомому человеку, могу предположить, что деньги эти были не его, а... Да, например, ваши. И вы, поскольку вы уехали в субботу отдыхать, попросили Бориса Самойловича завезти в понедельник утром эти деньги на Министерство. Там его должен был найти ваш знакомый, с которым вы договорились, что сделаете ему одолжение, сказать, что он от вас, и получить у Питкеса деньги. В лицо Питкес вашего знакомого не знает, и когда к нему подошел человек с разговором о деньгах, с чистой совестью вручил ему «котлету». Все, состав преступления, так сказать, отсутствует. Примерно так. Белыми нитками шито? А это пусть они доказывают. В соревновательном процессе они лохи, со времен «троек» привыкли строить обвинение на признании задержанным своей вины. Помните: Regina Probationum — царица доказательств? Так что, посоревнуемся. Одно дело, если у них есть, к примеру, записи разговоров этой Вероники с Питкесом, причем записи высокого качества, где все можно разобрать и идентифицировать собеседников. Если же нет — дело совсем другое. Причем то, что никого от заказчика сегодня, как вы выразились, «не тягали», на мой взгляд, говорит о том, что записей таких нет. В общем, завтра посмотрим. Да, девушку Веронику проинструктируйте, что если ей будут звонить или вызывать, пусть сразу вас информирует. А по поводу наезда на вашу контору — я так понял, что подключен ваш товарищ из полицейских сред? Ну, вот и хорошо, может статься, что там все урегулируется на уровне «междусобойчика», и моя помощь не понадобится. В любом случае, нужно дождаться повестки, и тогда будем думать. О деньгах — конечно, договоримся, я на этот счет совершенно не беспокоюсь, давайте сначала дело сделаем. Ну, все, Арсений Андреевич, я постоянно на связи, жду вашего звонка. До свидания.

Я даже перекрестился — перефразируя название известной китайской картины-агитки, изображающей преемника Мао-Цзе-Дуна Хуа-Го-Фэна у постели умирающего гуру китайской революции, можно сказать, что когда дело было в руках Александра Алексеевича Вецкого, я был спокоен. Я тут же перезвонил Джое с информацией об адвокате, и наши с ней звонки практически столкнулись в эфире. Без нюней и соплей Джоя обстоятельно

доложила мне информацию: звонил следователь, представился Николаем Геннадьевичем Ставрасовым, майором Управления экономической безопасности и противодействия коррупции ЦАО Москвы. Сказал, что, мол, ваш отец задержан по подозрению в совершении преступлений по статье 204, часть 2, содержится в ИВС (изоляторе временного содержания) по адресу: Средняя Калитниковская, 31. Спросил про адвоката, сказал, что тому лучше подъехать пораньше, часам к восьми, чтобы уложиться с началом допроса в процессуальные нормы. Что если адвоката не будет до 10–00, задержанному будут предоставлять государственного защитника. Сказала, что говорил следователь монотонно и безэмоционально, явно был усталый, хотел побыстрее закончить разговор. Оставил номер своего мобильного, просил позвонить, если появится ясность по адвокату. Голос Джои дрогнул только в самом конце. «Я посмотрела, что такое 204-я статья, — сказала девушка. — Арсений Андреевич, вы ведь не оставите папу без поддержки?» У меня комок подступил к горлу, я в самых превосходных тонах разрисовал Джою адвоката, который с завтрашнего утра будет защищать ее отца, и когда мы прощались, она уже успокоилась. Разумеется, всю информацию я сразу же передал Веццкому. Когда мы прощались, я уже подъезжал к дому, и девушке Веронике звонил, уже паркуясь. Я представился, после чего (от греха подальше) попросил перезвонить мне с какого-нибудь другого номера. Вероника дисциплинированно набрала мне, видимо, с домашнего, но когда я начал излагать суть дела, сделала «большие глаза». Я даже не очень удивился: госпожа Нарцыняк предупредить свою подчиненную о моем звонке, разумеется, забыла. Мои заверения в том, что ее начальница в курсе всего, не произвели на Веронику должного впечатления. Пришлось приводить девушку в чувство парой резких фраз, после чего инструктаж пошел как по маслу. Закончив, я откинулся на спинку сиденья, закрыл глаза и длинно удовлетворено выдохнул, как человек, имеющий полное право на «чувство выполненного долга».

На улице, оказывается, был уже вечер, и даже немного посвежело. Маринин Ниссан Кашкай уже стоял на своем месте, но раскаленный еще капот указывал, что вернулась жена домой буквально вот-вот. Я пешком поднялся на свой четвертый этаж, на ходу борясь с вставшими враскоряку в кармане ключами, но они не понадобились, — Марина, как это часто было, когда она возвращалась домой совсем уже в запарке, дверь за собой не заперла. Входя, я уже хотел привычно понудеть ей о недопустимости в наше беспокойное время подобных проявлений гостеприимства, но с порога меня встретил шум льющейся воды — Марина была в ванной. Чтобы не испугать жену, я приоткрыл дверь и легонько постучал в матовое стекло. Пластиковая шторка на ванной приоткрылась, и в образовавшуюся щелку, как зверек из норки, выглянула распаренная Маринина физиономия с намыленной головой. Я приветственно помахал баннице рукой.

— Привет, приве-е-ет! — овечкой проблеяла в ответ жена, щуря глаза из-под облачка пены на бровях. — Я прибежала все в мыле, как лошадь, думала, успею до тебя. Перетаскай, пожалуйста, пакеты на кухню, я скоро.

И, состроив потешную мордочку, зверек снова скрылся в своей полной пара норке. Непрозрачность тяжелых магазинных пакетов не могла скрыть обилия вкусов в них, и толком некормленный со вчерашнего обеда желудок бурно взбурлил соком. Оно и к лучшему, помогло хоть немного отвлечься от событий сегодняшнего дня, грохотавших, как огромные чугунные вагонетки, в моей голове. В ожидании кормежки я примостился в кресле, погрузившись в анализ этого своеобразного соревнования раздражителей, идущих из головы и желудка, каждый из которых стремился взять надо мною верх. Из ванной в

пушистом белом халат, в таком же белом полотняном тюрбане на голове, вся удивительно похожая на плюшевую игрушку, выскочила Марина, но неожиданно сошла с траектории, ведущей прямоком на кухню и, пробегая мимо меня, протянула руку и взъерошила волосы мне на голове. Я встрепенулся, вынырнул из себя, попытался поймать шалунью за подол халата. Марина, взвизгнув, увернулась, притормозила на середине комнаты и, исполнив нижней частью спины что-то из репертуара Mouline Rouge, скрылась на кухне, сдвув с ладони в мою сторону воздушный поцелуй. Из-за двери сразу же раздался сковородочно-кастрюлечный лязг, захлопали дверцы кухонного гарнитура, зашумела, как авиатурбина, вытяжка над плитой. Вскоре с оттуда потянулись умопомрачительные запахи жарёжки-варёжки, а вслед за ароматами в приоткрытую дверь появилась Марицина физиономия и, хитро поведив вправо-влево глазами, сказала: «А повода, случайно, никакого нет? Я бы, честно говоря, выпила бы чевонть без отвращения!» Я не стал распространяться о количестве поводов для выпить, имеющихся у меня, и просто кивнул. И пока я, наморщив лоб, теребил себе нижнюю губу, задумчиво рассматривая сквозь затемненную дверцу винного шкафа свою невеликую виную коллекцию, Марина с кухни позвала: «Дзынь, дзынь, дзынь, третий звонок! У кого билеты, займите свои места!» Я с сожалением оторвался от процесса любования бутылочными горлышками, затянутыми, как спортсмены в трико, в черную, красную и бордовую фольгу и, вытянув из прохладной темноты первую попавшуюся (это, кстати, оказался пощаженный мною вчера Шамбертен, — знать, пришла-таки его пора!), поспешил на зов.

В центре стола царил огромная миска с овощным салатом (помидоры — бакинские, огурчики — из Краснодара, нарезанный тонкими кольцами лук — настоящий ялтинский, а не поливавшаяся в процессе роста чернилами подделка красно-фиолетового цвета, сдобрившее все это светофорное многоцветие ароматное оливковое масло родом, разумеется, с Крита, не какая-то дешевая испанская подделка!), рядом на большом блюде переливались десятками оттенков желтого куски разломленной руками свежайшей тандырной лепешки. Еще шкворчащие, только со сковородки, ломти говядины уже исходили чуть кровянистым соком в тарелках, звонко и по-металлически поблескивали приборы вокруг них; тоже звонко, но совсем по-другому искрилось стекло огромных, граммов на семьсот, пузатых бокалов на высокой тонкой ножке. Две бутылки настоящего Боржоми (контрабанда!) пускали струйки мелких газовых пузырьков со своей стороны темно-зеленого стекла. Марина, уже без тюрбана, с рассыпанными по белым махровым плечам антрацитовыми спиралями еще не высохших волос, сложив руки на груди, с торжествующей улыбкой смотрела на меня сквозь густой флер семейного уюта, витавшего над этим великолепием. На этом полотне с названием «Простое счастье» не хватало двух вещей — красного вина и хозяина дома. Я не стал тянуть ни с тем, ни с другим, быстро откупорил бутылку, радуясь тому, что на декантирование этого нежного порождения Пино-Нуара не нужно терять время, и разлил по бокалам светло-бордовую с алым оттенком жидкость. «За тебя!» — подняла Марина тост. Я перегнулся через стол, поцеловал ее в губы, ответил: «Люблю тебя! За нас!»

Все было просто великолепным — вино, мясо, хлеб, овощи. Минут пять я просто наслаждался едой, и даже все тревоги сегодняшнего дня отступили куда-то далеко на задний план. Но вслед за первым насыщением все неизбежно возвращается назад, и сделать с этим ничего нельзя. Наверное, это возвращение из безмятежности каким-то образом отразилось на моем лице, и Марина заметила это.

— Чего тебя с утра сегодня обыскались-то? — спросила она, пригубивая вино. — Мне

показалось, что у вашей Фенечки голос был какой-то слишком уж возбужденный.

Рассказывать жене все не было ни необходимости, ни целесообразности, она всегда из-за моих проблем очень переживала. Поэтому про «маски-шоу» в офисе я решил просто умолчать, а историю с арестом Питкеса несколько трансформировать. У вполне способной к анализу Марины запросто мог родиться вопрос, чего это я был на отдыхе такой недоступный. Поэтому о том, что «занос» денег на Министерство родился спонтанно, я умолчал, а арест Питкеса представил так, что подвел опоздавший на работу Павлик, и в капкан угодил Самойлыч.

— Безобразие! — на «полном серьезе» отреагировала Марина. — Как ты теперь строить будешь без Самойлыча? И вообще, что с ним теперь?

Я успокоил Марину, что с помощью Ведыцкого рассчитываю вытащить старика в самые кратчайшие сроки, но она не унималась.

— А Павлик твой этот что ж такой козел? Важные дела, а он опаздывает? А, может, он знал, что там засада, и специально не пришел вовремя?

Я высмеял женино увлечение теориями заговора, но ее это не убедило.

— Ну, не знаю, не знаю, — с сомнением покачала она головой. — Но ты по крайней мере уволил его? Если бы кто-то из моих девок учинил мне такую подставу, я бы сразу же выгнала бы сучку на хрен! А ты всепрощающей дланью своей так и будешь всех покрывать, пока так не накосячат, что и исправить будет нельзя?

Я заверил разбушевавшуюся супругу, что уже примерно наказал Павлика, приказав айтишнику Диме Черновдовину (по игре слов Black Widow — Черная Вдова и Windows прозванного мною «Блэк Уиндоус») на месяц отключить проштрафившегося сотрудника ото всех порно-сайтов. Марина, глядя на мою совершенно серьезную рожу, пару секунд колебалась, воспринимать ли эту ахиною серьезно, потом, поняв, что попалась на стеб, обиженно фыркнула и с видом: «Ну, я тебя предупредила!» принялась за мясо. Я тихонько рассмеялся, примирительно потрепал жену по плечу и поспешил сменить тему.

— Как там отпрыск наш? — спросил я ее, подливая ей вина в бокал. — Занят чем-нибудь полезным, или так, размножается в естественных условиях?

Едва заметное облачко недовольства тем ироничным тоном, которым я начал разговор о нашем сыне, пробежало по челу моей супруги, но тотчас было изгнано большим, искренним и никогда не проходящим желанием Марины общаться на темы Кирюхи.

У меня в высшей степени непростые отношения с собственным сыном. Марина знает это, не считает правильным, но осознает, что в нашем случае по-другому быть не может. Когда Кирилл рождался, сосал мамину сиську, учился ходить и говорить, шел в садик, а потом в первый класс, я радовался всем этим обстоятельствам, как любой другой, и не замечал в себе никаких девиаций относительно стандартно-отцовской модели поведения. Но потом все стало становиться все более и более негладко. Учеба класса до четвертого шла нормально, но потом результаты заскользили вниз по наклонной. Все чаще и чаще из Кирюхиной комнаты, где Марина проводила ежедневный «разбор полетов», ее голос начинал доноситься все громче и со все более раздраженными интонациями. В пятом классе из детской все это выплеснулось на меня, и впервые я увидел в Марининых глазах, обращенных на сына, слезы не умиления и радости, а бессильного отчаяния. Выяснилось, что у учителей к Кириллу масса претензий, что его оценки (двойки да тройки) прямо пропорциональны его отношению к учебе и обратно — его самомнению. Что он ни во что не ставит старших, грубит, сбегает с уроков, и его видят в компании завятых оторв и

оболтусов, курящих и выпивающих, а по слухам, и балующихся травкой. Мы долго совещались, и решили, что парня нужно отвлечь и загрузить. Выбор пал на популярный из-за приверженности к нему тогдашнего главы государства большой теннис. Кириллу поначалу занятия нравились, он быстро прогрессировал, мы (в мамином лице, разумеется) начали возить его по соревнованиям, и в тринадцать лет он вошел в первую сотню рейтинга по России в своем возрасте. Он ходил гордый, говорил про себя: «Я спортсмен», ни на какие дурные компании у него просто не хватало времени. Но тут уровня усилий, которые он прилагал, стало не хватать, соревнования начали проигрываться, вчерашние «несоперники» громили его «под ноль», он вылетел даже из третьей зачетной сотни. И он даже не опустил руки, а просто сказал, что больше играть не хочет. Что на самом деле теннис ему никогда не нравился, он просто поддался нашему давлению, и вообще играют в него одни дебилы, весь кругозор которых укладывается в сектор попадания мяча после подачи. Услышав это, Марина, полтора года проводя с ним на соревнованиях, разревелась, а я, от такой циничной наглости совершенно озверев, сгрел сына за грудки, встряхнул и велел заткнуться. Но теннис все равно был брошен, вернулись повзрослевшие и еще более подурневшие компании и проблемы с учебой и с учителями. Мы перевели его в другую школу на противоположном конце Москвы, но это не помогло. Стало только труднее его контролировать — под видом, что он в метро, он просто выключал телефон и часами шлялся неизвестно где. В один такой раз, когда его не было на связи четыре часа, и мы с Мариной оба, уже не зная, что думать, колесили по Москве между станциями метро, из которых он с большей вероятностью мог подняться на поверхность, он объявился, как ни в чем не бывало, с устойчивым алкогольным запахом и сказочкой про то, как у него отняли телефон, на самом деле обнаруженный матерью в дальнем кармане его рюкзака. В этот вечер я первый раз съездил сыну по морде, приведя его в состояние крайней обиды, а Марину — тихого ужаса. С этого вечера мое отношение к Кириллу начало стремительно ухудшаться. Я начал присматриваться к нему, не как к реплике своей ДНК, а как к абстрактному человеку. И скоро сделал вывод, что этот человек мне сильно не нравится. И не потому, что уродился он «сильно не в меня», а потому, что вырос в ленивого, наглого, лживого и самодовольного засранца. Несмотря на то, что Марина не курила никогда, а я никогда не курил не только дома, но и у ребенка на глазах вообще, Кирилл начал баловаться табаком уже классе в пятом-шестом. Часто приходил домой, что-то жуя и отводя дыхание — явно употреблял алкоголь. Все ненужное, пустое, дрянное словно притягивалось к нему, как железные опилки к магниту. В восьмом классе отчаявшиеся учителя чуть за что-то не исключили его из школы, и только случайное Марино знакомство с школьной директрисой (обе они были занятыми банщицами и вместе парились уже кучу лет, ничего не зная друг про друга) помогло спасти ситуацию. Пришлось второй раз в жизни прикладываться к его физиономии, и крепче, чем по первости. Кстати, по моим наблюдениям, помогло — радикальные меры вообще часто помогают там, где прочие рычаги бессильны. Летом, чтобы не болтался без дела, да и денег карманных чтоб заработал, отправил его от своей компании на стройку в Протвино, рассчитывая, что пробудет он там месяца два. Но он выдержал полторы недели, в тайном разговоре с матерью поставил ребром: «Или стройка, или мой хладный труп», и Марина с выпученными глазами полетела спасать сына от тяжелой неволи. Потом я поинтересовался у бригадира, как ему подсобник Костренёв Кирилл показался, и старый «бугор» даже из уважения ко мне не смог не скривить физиономию. Я тяжело вздохнул, понимая, что, если бы не родственные узы, такого человечешку я давно просто выгнал бы из

своей жизни. До выпуска из десятилетки дотянуть его все-таки удалось, но окончание экзаменационной сессии отпрыск первый раз отметил кое-чем на самом деле серьезным — в очень плохом смысле. То ли на радостях, что покидает ненавистную школу, то ли от горя по поводу ссоры с очередной пассией, сдав последний экзамен, вместе с группой подростков Кирилл нажрался, и всех потянуло на приключения. Решили, что хорошо было бы прокатиться, и у одного мальчика на беду оказались ключи от папиного джипа. Наш оболтус вызвался рулить, а сомневающемуся обладателю ключей сказал, что «зуб дает, что тему закроет, если что». Против такого антре возражений, видимо, не нашлось, и ключи перешли в руки Кирилла. Завелись, поехали, и ровно через сто метров, не справившись с управлением, джип въехал в угол дома. Никто не пострадал, но подоспевший папа мальчика, оказавшийся азербайджанцем, державшим половину Рогожского рынка, выслушав своего отпрыска, спросил у Кирилла, правда ли он обещал «закрыть тему», на что засранец шлепнул губами: «Говно-вопрос!» На что прагматичный азербайджанец предложил пацану посидеть в подвале дома, где он живет, пока родители (то есть мы), не привезем ему десять тысяч баксов — во столько он оценил повреждения своего авто. Если бы не Марина, совершенно случайно проезжавшая мимо шумевшей прямо на улице разборки, сидеть бы Кириюхе в темной, и чем бы закончилось дело, неизвестно. По крайней мере, когда обо всем узнал я, первой моей мыслью было снять человек двести с объекта и вести их громить Рогожский рынок. С трудом Марина меня успокоила и убедила переговорить с азербайджанским папашей по телефону. То сначала пыжил, пришлось в ответ «напрячь мышцу», и нацмен сразу сбавил обороты и признал, что по совести в инциденте виноваты оба. «Тему закрывать» решено было «в пополаме», да и калькуляция похудела вполовину. Дома я долго смотрел на поникшего головой и адреналиново постукивающего зубами сына, но бить по мордасам не стал — может быть, зря.

До институтских экзаменов было еще полтора месяца. И поскольку давно решили, что в топовые вузы шансов пробиться нет, и поступать ребенок будет абы куда, лишь бы диплом и отсрочка от армии, я предложил абитуриенту на месячишко снова отправиться на стройку с целью хотя бы частично минимизировать ущерб семейному бюджету от джигитовки на чужом механизированном коне. Что самое интересное, Кирилл был не против, но тут легла поперек порога Марина. Я был обвинен в черствости, нечуткости и еще в восемнадцати страшных грехах, обозван «губителем молодой поросли» и «отцом-садистом». Я смотрел на нее широко открытыми глазами, и видел самку, которая защищает своего детеныша, защищает бездумно, безмысленно, ото всего на свете, от кого угодно, надо — и от собственного отца тоже. Я, конечно, понимал Марину и — не понимал. И — это был первый раз, когда в каком-то споре, конфликте жена заняла не мою сторону. И то, что этой стороной был мой собственный сын, горечи мне по этому поводу не убавляло. Я вздохнул, сказал: «Делайте, как знаете», и уехал на работу. В результате Кирилл, делая вид, что готовится к экзаменам, проболтался весь июль в Москве, изводя мать и через нее — меня то поздними и не очень трезвыми приходами домой, то внезапной депрессией на почве очередной любовной драмы. В результате за лето мы переругались все, и после того, как все благополучно завершилось зачислением на первый курс юрфака одного заштатного вуза, в который превратился знаменитый в прошлом «пед» имени Крупской, я был счастлив матернинуму предложению отправить ребенка «развезаться» на Кипр.

Целых две недели в доме и у меня в душе царило спокойствие, но после начала институтской учебы стало ясно, что графики жизни и, соответственно, посещения дома у

разных поколений настолько разные, что совмещать их практически невозможно. И когда в один прекрасный осенний вечер Кирилл приперся домой полночь, не совсем трезвый, да еще и с девушкой в еще более приподнятом состоянии, и с порога начал недвусмысленно прощупывать почву насчет оставить подружку ночевать, я понял, что чаша моего терпения грозит превратиться в чашу скорби. Молодежь с советом найти какую-нибудь теплую бойлерную была выставлена на лестницу, но на шумных разборках с Мариной, случившихся после, оба согласились, что ребенка пора отселять, для чего было решено снять ему квартиру в шаговой доступности. И уже через неделю сын со стереосистемой и двумя чемоданами шмоток переехал от нас в симпатичную однушку — студию на Больших Каменщиках в крайнем доме возле Новоспасского монастыря. Через некоторое время многочисленные матримониальные опыты сына воплотились в тонкое и изящное существо по имени Лиза, которое поселилось в квартире вместе с Кириллом. Мы ничуть не возражали, во-первых, потому, что Марина общением с существом осталась весьма удовлетворена (симпатичная, умненькая, москвичка, из нормальной семьи, тоже студентка, держалась с достоинством, но очень почтительно и, кажется, от Кирюхи без ума). И, во-вторых, потому что жизнь Кирилла при Лизе быстро вошла в нормальную колею — домашние завтраки и ужины, если встречи с друзьями или клубы всякие, то вдвоем: семейная жизнь, по сути. Правда, на последовавшие вслед за развитием этой ситуации Маринины вопросы о возможном узаконивании отношений оба крутили головой: «Не, мы ж понимаем, надо учебу закончить, на ноги встать, а женилки-родилки — это успеется, это потом. Нам и так хорошо». Такой здравый подход обоих (в первую голову — нашего сына, конечно) к этой деликатной проблеме вселял надежду, что Кирилл повзрослел-таки, поумнел, и самый сложный период его воспитания и наших с ним отношений — позади. Я ошибался.

С воцарением в квартире на Каменщиках Лизы и к нам с Мариной в отношения вернулись мир и согласие, но, видимо, безоблачное родительское небо над головой — не наш с ней удел. Через год как гром грянуло, что Кирилл «покуривает», проще говоря, употребляет наркотики. И субличная Лиза — тоже. Настоявшая на том, чтобы у нас были запасной ключи от квартиры на Каменщиках, Марина в ходе рядовой проверки на предмет даты назначения генеральной уборки (по такому поводу в квартиру молодежи призывалась профессиональная клининговая служба) нашла пакетик с чем-то коричневато-серым, оказавшимся классическим узбекским гашишем. Немедленно призванные на разборки дети с полчаса отнекивались, но потом под тяжестью неопровержимых улик сдались. Выяснилось, что если не застрельщиком, то по крайней мере звеном, без которого не срослась бы вся цепочка, была Лиза. Это в ее кругу друзей, куда, естественно, органическим образом попал и Кирилл, было принято усугублять алкогольные возлияния «попыхиванием». При чем компания была по всем понятиям более чем нормальная, не шваль подзаборная, все студенты, из приличных семей. Марина даже кое-кого там знала и в ужасе от людей не была. Пока жена, носясь по комнате вокруг угрюмой парочки, то кудахтала наседкой, то вопила сиреной гражданской обороны, я сидел молча, пытаюсь проэкстраполировать, куда дальше заведет нашего сына его ухабистая дорога. При этом физически я все больше ощущая нехорошее тупое покалывание под нижней челюстью, а морально — непреодолимое желание разбить об его голову большую китайскую вазу, стоящую с какой-то икебаной в углу комнаты. Особого вреда здоровью Кирилла это бы не причинило, ваза была очень тонкая и хрупкая, но факт уничтожения об его башку нескольких тысяч долларов мог произвести впечатление, думаю, более глубокое, чем матернины вопли, давно воспринимавшиеся сыном

не более как фон. Помешала Марина, заметившая мой кровожадный взгляд, и убравшая изделие из пределов досягаемости. Пришлось ограничиться инструментами вербального общения, но тут уж я эпитеты не сильно фильтровал. Такое от меня слышала первый раз в жизни не только Лиза, но и все остальные. По силе внушения я старался превзойти не только себя самого, но и все лучшие образчики человеческой мысли, выраженной в перченых выражениях, которые я слышал в своей жизни, а слышал я немало. Зрители в зале сидели на своих стульях, как пригвожденные, а Марина так и застыла в углу на месте вазы, прикрыв открывшийся самопроизвольно рот ладонью и с ужасом в глазах. Но цель стояла не только слов, но и репутации высококультурного человека, каковая, надеюсь, была у меня до этого сеанса авторской декламации. Подростки не только осознали всю глубину своего погружения в дерьмо, не только поклялись всеми известными им страхами, что «больше не будут», но и согласились не только на обоюдное тестирование на все виды наркоты прямо завтра, но и на ежемесячный контроль, против чего под маминым шелковым прессом они вежливо, но твердо возражали. Но результат не дается даром. Когда, снабженные отцовским напутствием: «Ну, все, пошли вон отсюда!», молодые люди, не чуя пяткок, буквально испарились из квартиры, моя подчелюстная боль, вместо того, чтобы тоже уйти, резко усилилась, одним концом перебравшись куда-то в район левого бицепса, а другим разойдясь жгучей лужицей повыше солнечного сплетения. Как потом говорила Марина, я не побелел даже, а посерел весь, губы мои стали цвета винограда сорта Кара-кишмиш. Я же помню, что в голове у меня малиновой косточкой в зубе в этот момент застряли слова из дурацкого старого анекдота: «Так вот ты какой, северный олень!» Хорошо, что у запасливой жены вместе со всеми медикаментами нашлась трубочка нитроглицерина, и получив на свой встревоженный вопрос: «Сердце?» мой исчерпывающий ответ: «Да хрен его знает!», она запихала мне в рот сразу четыре крохотных таблеточки. Потом выяснилось, что такая доза даже коня не оставила бы безучастным, но как бы то ни было, боль в груди быстро ушла, сменившись, правда, жуткой болью головной. Марина, изойдя стонами, что от головы-то у нее ничего и нет, вызвала скорую. Приехавшая строгая сухая врачиха в очках облепила меня мокрыми и холодными, как щупальца кальмара, присосками, аппаратиком вроде того, через который в ресторанах принимают оплату по кредиткам, сняла кардиограмму, с сожалением пробормотала: «Так, инфаркта, кажется, нет», и засобиравшись к выходу. Но Марина, вцепившись в подол ее халата хваткой июньского клеща, врачиху остановила, сказав, что оставшиеся шестнадцать тысяч сто тридцать два вызова, по поводу которых та сильно сетовала, ей, Марине, до лампочки, и что эскулапша не покинет квартиры, пока не расскажет в подробностях, что со мной было и что надо делать, чтобы этого больше не было. Врачиха сняла очки и заявила, что это противодействие исполнению, и что она вызовет милицию. «Чай или кофе?» — спросила Марина. Та подумала и в свою очередь спросила: «А водка есть?» «Коньяк», — ответила Марина. Врачиха снова подумала, надела очки и села за стол. В результате был чай с вареньем, кофе с конфетами, и все это — с коньяком. Врачиха (выяснилось, что зовут ее Валентина Кузьминична, но лучше просто Валя) покраснелась, и строго глядя на нас поверх запотевших очков, толкнула целую медицинскую лекцию, Марина даже что-то конспектировала. Лежа тут же на диване, я узнал много нового и интересного о здоровье мужчины после сорока лет. И, в частности, что у меня был банальный приступ стенокардии (за характерную боль за грудиной в старину именовавшейся «грудной жабой») — штука в моем возрасте, в общем, обычная. А еще, что хуже — что у меня, похоже, мерцательная аритмия. И особенно плохо то, что как давно я

«мерцаю», установить невозможно. Правда — хорошо, что эти самые мерцания я практически не чувствую. Точнее с тем оборудованием, которое сейчас есть в ее распоряжении, Валя ничего сказать не может, кроме того, что если б не Марина с ломовой дозой нитроглицерина, сейчас могли бы выпивать ровно по противоположному поводу. И что надо меня срочно обследовать, лучше в Германии или Израиле, а если у нас, то на Рублевке — или у Чазова в центре, или у Бокерии в Бакулевском. В последнем у Вали как раз был, по ее выражению, «крепкий крюк». Как нет времени? Дураки обои! Аритмия чревата образованием тромбов непосредственно в сердце, а оторвавшийся тромб стремителен, как выпад гадюки, и гораздо более, чем ее яд, летален. Таблеточки? Блин, образованные, вроде люди! Ну как я могу назначить таблеточки без обследования! Ежели снова прижмет? Нитроглицерин, но надо понимать, что это лекарство не от болезни, а от ее симптомов. Его так первый тряхнуло? Уверяю, не последний. Следующий раз тряхнет — пусть таки обследуется, если жив останется. Да уж, юмор у нас, у врачей, специфический. Чтобы тромб не образовывался? Ну, есть лекарства, то же варфарин, например, разжижает кровь, но с этим надо осторожно, а то запросто переборщить можно. Я слушал вполуха, наслаждаясь проходящей головой и мало-помалу погружаясь в дрему, четко запомнив одно: если прижмет — нитроглицерин, а чтоб не прижало, нужно разжижать кровь. А Марина с Валей, растворив в чайке-кофейке ноль-семь Курвуазье на двоих, на прощанье что-то тихо пели в прихожей, громко целовались и расстались не-разлей-вода подругами.

Мы бессовестно использовали мой приступ для дополнительного давления на проштрафившуюся молодежь (отец из-за вас, говнюков, чуть не помер!), благо подействовало это даже сильнее, чем мои упражнения в неизящной словесности. Они сдали анализы, к счастью, ничего круче конопли в их организмах не выявившие, и мы осторожно выдохнули. Постепенно тема наркотиков стала отходить и забываться, к тому же на что переключить родительские внимание и контроль, к сожалению, находилось постоянно. На четвертом курсе Кирилл не только чуть сам не загремел в армию, но и вполне мог поспособствовать такому «счастью» для еще дюжины своих однокашников. Каждую осень все высшие учебные заведения страны отправляют в военкоматы списки студентов, на ближайший год осчастливленных отсрочкой от призыва. Если эти бесценные бумажки в военкоматы не попадут, то у этих «порталов в другую реальность» появится формальное основание студентов «забрить», невзирая на то, что те не отчислены, учатся, наслаждаются жизнью и не подозревают, что дядька в фуражке уже протянул со злорадной улыбкой длинную руку, чтобы, как морковку из грядки, вырвать пацанят из их теплой и ласковой действительности. Ясно, что такие весомые с точки зрения их реальной жизненной ценности бумажки должны курсировать между точками отправления и получения по максимально надежным каналам связи. Но раздолбаи из ректората высшей учебной шараги, в которой имел несчастье обучаться наш сын, от понимания этого важного вопроса были далеки, как мыс Доброй Надежды от Лабытнанги. Какая-то девочка (в смысле «девочка» — герой многочисленных историй и анекдотов о том, что самое серьезное или секретное дело может быть угроблено самым низшим и незначимым в иерархии работником, чаще «работницей») в ректорате, увидев за каким-то чертом заглянувшего туда Кирилла, спросила, где он живет. Получив ответ и сопоставив названный адрес с адресами военкоматов на конвертах в ее руках, «девочка» поняла, что перед нею идеальный курьер аж в три из них, и попросила симпатичного студентика доставить отправления адресатам. Причем что в конвертах, она Кириллу не сказала (дело-то секретное!), и что наш оболтус

обязался доставить, он не знал, а задуматься об этом не удосужился. Надо отдать ему должное, выполнить поручение он не забыл, и не оставил конверты в метро или Макдоналдсе, а доставил по адресам. Но поскольку дело было в субботу, то дальше дежурной части, что на первом этаже у входа, его не пустили. Соответственно, Кирилл во всех трех местах передал конверты дежурным воинам с просьбой передать адресату, то есть военному комиссару. В двух военкоматах из трех войны оказались людьми нормальными, и списки отсрочников попали по назначению. Но в Замоскворецком, где состоял на воинском учете, кстати, и сам наш отпрыск, дежурным солдатиком в этот день оказался то ли дебил, то ли просто сволочь какая-то. В общем, потерялся конверт, или умышленно был уничтожен, неизвестно, но списки до военкома не дошли. На счастье, дядька-военком оказался не псом цепным, заинтересовался, почему из такого-то ВУЗа нет справок, а ведь мог дать команду грести всех «под Котовского». Дело всплыло, добрались и до нашего курьера. Тот защищался как мог, кивал на «девочку», успевшую уволиться; божился показать солдатика, но буквально накануне группа старослужащих ушла «на дембель», и тот, по приметам, среди них. В общем, к огромному облегчению, все рассосалось, институт выписал новые справки, на этот раз отправив их, как положено, заказным письмом. Кирилл, все время, пока перед ним и еще тремя «пацанами» из Замоскворечья горело нежданное «войдите» в казарму, бывший беленького цвета, выдохнул, а когда один из «пацанов» сказал ему беззлобно: «Ну, ты, брат, мудака!», отнекиваться не стал, с облегчением ответив, как Моргунов-Бывалый в знаменитой сцене: «Согласен!»

На пятом курсе весной, прямо перед дипломом (по совпадению — в разгар весеннего призыва) вдруг выяснилось, что за Кириллом тянется «хвост» из пары зачетов и курсовой аж годичной давности, и что на этом основании деканат включил его в списки на отчисление. Причем снова вскрылось это совершенно случайно, просто потому, что из деканата кто-то решил позвонить родителям потенциального «отчисленца», а Марина на счастье была дома и сняла трубку домашнего телефона, которым в теперешний век развития «mobile» пользовались раз в год по случаю. Мать, естественно, сразу врубила тревогу, на что этот болван отреагировал лениво, как пастбищная корова на мух: «Ма, оставь, не парься, они постоянно твердят «отчислим, отчислим», у них просто пластинка заела!» Взвинтившаяся от такого пофигизма и наглости Марина примчалась в институт, схватила дурака за шиворот, притащила в деканат и ткнула в морду приказ об отчислении — там даже печать уже стояла, не было только подписи грипповавшего ректора. Марина потом рассказывала, что большего изумления, чем в глазах нашего отпрыска в момент созерцания приказа, она не видела никогда в жизни. Были очередные разборки, на которых я больше всего зверел от его позиции: «Да у них не было никаких оснований! Это просто беспредел какой-то!» Я долго и возбужденно убеждал сына, что жизнь такова, как она есть, а не такова, какой она нам (в частности, ему) представляется, но выражение искреннего удивления и возмущения институтскими так и не покинуло его глаз. Марина снова подключила свои связи (на этот раз не банные, а рабочие — жена ректора, оказывается, покупала у нее в галерее картину мужу в подарок на шестидесятилетие), и приказ переписали. Вечером того дня, по обыкновению за бокалом вина обсуждая очередную сыновнюю проблему, в ответ на мое риторическое: «Ну разве можно быть таким дураком?!» Марина грустно усмехнулась: «Запросто, если дурак — везучий!» Я долго молчал, анализируя неожиданную сентенцию, и будучи вынужден признать странную ее правоту, ничего, кроме: «Да, уж...» сформулировать в ответ так и смог.

Наступившее таки окончание института ознаменовалось для нашего оболтуса немаловажным событием. С получением диплома переставала действовать ВУЗовская «отмаза» от призыва, и пришла ему пора определяться в своих отношениях со структурой, которую многие послужившие (в том числе и я) со мешанным чувством любви, грусти, иронии и глубокого облегчения называют «армейкой». Главный нюанс был в том, что при выборе после школы учебного заведения я (ну, и Марина, соответственно) настоятельно предлагал Кириллу, не меняя давно и нелегко согласованной всеми сторонами перспективной профессии «юрист», поступать в ВУЗ с военной кафедрой, что означало получение, кроме диплома, еще и звания лейтенанта запаса. Даже если бы сразу (или не сразу) после окончания учебы ребенка загребли бы делать «ать-два», то служба офицером и солдатом в нашей армии сильно отличаются друг от друга. Очень сильно. Радикально. Как небо от земли. Как просто сон от страшного сна. Но выбор заведений с юрфаком и военной кафедрой был, прямо скажем, невелик, точнее, такой ВУЗ был всего один. Но, лично побывав на «днях открытых дверей» во всех заведениях — кандидатах на высокую роль его обучать, наш отпрыск по отношению к тому, что с военной кафедрой, занял позицию кошака, которого пытаются извлечь из рукава тулупа, откуда, вцепившись всеми когтями, он, гад, извлекаем быть не хочет. Сколько ни пытался я вдолбить в его башку, что пройдет пять лет, и после студенческой вольницы придется идти служить туда, где небо покажется ему с овчинку, и он будет сам себя проклинать за сегодняшний идиотский деструктив, все было без толку. Вьюнош, получивший аттестат и ощутивший себя оперившимся настолько, чтобы впервые всерьез и открыто перечить отцу, мотал головой, как заупрямившийся ишак в «Кавказской пленнице», мычал, что коллектив в этом вузе его не устраивает (на его ломающемся басы это звучало так: «Да там одни лохи да ботаны, и приличной чувы — ни одной!), и что «четкие пацаны» службы в армии не боятся. Я слушал несомую им хрень и чувствовал, что происходит нечто непоправимое, как развал СССР в 1991-м, но с чем, как тогда, поделаться ничего нельзя. Вдобавок снова неожиданно деструктивщика поддержала мамаша, утащившая меня за рукав с места дискуссии и начавшая шипеть в ухо, что, дескать, у ребенка стресс, пусть идет, куда хочет, а то вообще не пойдет, сопьется, сгинет и виноваты во всем этом будем мы с ней, то есть я. Я посмотрел на жену изумленным взглядом Иванушки, на глазах которого лягушка превращается в Василису (в моем случае, наоборот) и совершенно серьезно спросил: с «этим» все понятно, он считает, что пять лет — это вечность, и что задумываться над столь отдаленными во времени перспективами просто глупо. Но она-то как себе представляет разруливание ситуации с призывом в армию по окончании учебы в ВУЗе? На что Марина, потупив взгляд, ответила, что сейчас она не знает, но, наверное, мы ведь что-то придумаем? «Например?» — спросил я. «Например, выхлопочем сыну белый билет», — ответила Марина. Я еще раз присмотрелся к Василисолягушачим превращениям, крякнул и сказал, что я, конечно, не буду из себя строить «святое папы римского» и кричать, что мне впадлу отмазывать здорового молодчика от исполнить им его гражданского долга, но неплохо бы знать, какой-таки диагноз ляжет в основу лепежа ему отмазы по линии больницы? Марина снова сказала, что сейчас она этого не знает, подчеркнув интонацией слово «сейчас». Я прошелся по поводу того, что всерьез рассчитывать на то, что за пять лет у отпрыска появится уж если не шизофрения (сто процентно «негоден»), так хотя бы плоскостопие («негоден в мирное время») — слава Богу, глупо (Кирилл родился и вырос мальчиком вполне здоровым), и что Маринин план медицинского спасения сына от армии — это утопия. Марина вздохнула и сказала: «Ну,

значит, пойдет служить». Я спросил, не лучше ли сейчас настоять, но она замотала головой. Я закрыл глаза, немыслимым усилием воли подавил в себе желание вспылить наподобие унесшего домик Элли канзасского урагана и, дав пару выходов во фразе: «Мудаки обои!», покинул это заседание комиссии по убожеству. Кирилл поступил, куда хотел, и был этим обстоятельством невыразимо счастлив.

Тема как-то сама собой вернулась только в начале пятого курса, когда в разговоре о перспективах трудоустройства сына после окончания учебы тот радостно проинформировал, что какая-то там адвокатская контора («Рогов и Копытов»? — съязвил я; не читавший «Золотого тельца» ребенок серьезно ответил, что не помнит, но уточнит) якобы готова забронировать для него место в случае, если молодой юрист сможет выйти на работу не позже первого июня. «Какого года?» — поинтересовался я. «Следующего, естественно, — с ироничной улыбкой снисходительно отразил батину шутку без пяти минут молодой специалист. — Первое июня этого года некоторое время назад прошло». В искреннем недоумении я поинтересовался, куда присутствующий здесь специалист по течению времени дел год своей армейской службы? Вопрос «К-какой службы?» Кирилл вслух не задал, но он явно читался в его недоуменном взгляде. Суть последовавшего короткого, но экспрессивного диалога можно выразить словами: «А я думал, что вы с мамой...», а отчаяние, поселившееся в глазах студента-выпускника после того, как он выяснил, что «мы с мамой» его надежд не оправдали, было вполне сравнимо с аналогичным чувством Кисы Воробьянинова, вопиющего над пустым нутром последнего гамбсовского стула. «Мы с мамой что? — взорвался я. — Мы с мамой пять лет назад говорили тебе: иди в институт с кафедрой! (маму, тогда занявшую в этом вопросе соглашательскую позицию, я сейчас брал в союзники для создания среди мальчика иллюзии нерушимого родительского единства в вопросах его воспитания, единства, которого, к сожалению, не было). Ты что говорил? Что четкие пацаны армии не боятся? Так вот поди-тко, послужи!» Ответом на мое предложение было недоумение, — такое я прежде видел только один раз, в глазах парижского официанта из пафосного Le Diane, наблюдавшего, как посетитель за соседним столиком (тоже из России) разбирается с эскарго с помощью щипцов для лобстера — кстати, не без успеха. «Па, служить — это жест!» — со слезами в голосе проревел наш отпрыск, у которого представление о предмете за последнюю пятилетку радикально изменилось. Вбивая осиновый кол в грудь умирающей коалиции, в голос зарыдала Марина. Не имея никаких сил противостоять столь неожиданно открывшемуся против меня второму фронту (в который раз!), я про себя покрыл остальных участников собрания пятистопным ямбоматом, и ушел, в душе, разумеется, уже сдавшись. Пришлось задействовать все имеющиеся связи в военно-медицинской области человеческой деятельности, что привело к обнаружению у призывника Кирилла Костренева серьезного заболевания. В очередной раз сработало даже уже не обсуждающееся нами с Мариной засранцево везение — три года назад в институте проводили какой-то разовый, акционный медосмотр, в который оказалось вовлечено, процентов двадцать студентов, в числе которых каким-то непостижимым образом выловили и Кирилла. На осмотр он попал (сам признавался!) с похмелья, после часа стрит-баскетбола и трех чашек эспрессо, чтобы «отбить запах». Все это привело к тому, что на медосмотре у него было зафиксировано давление 160 на 115, а молодая врачиха хотела чуть не сразу отправить студента «по скорой». Студент категорически воспротивился, сошлись на том, что он посидит в коридоре полчаса, подышит, после чего давление ему измерят вновь. Не будь дурак, Кирилл из коридорчика слинял, о нем в результате благополучно забыли, но запись-то в амбулаторной

карте осталась! На ее счастливом основании, наглотавшись задирающего АД под потолок гептамила, отпрыск прошел несколько суб-медкомиссий, обзаведшись в результате диагнозом «гипертония», поставленным при том три года назад — не подкопаешься! Результатом стал военный билет со штампом «Не годен в мирное время». Вся эта душе- и телоспасательная эскапада заставила наш семейный бюджет оскудеть на десять тысяч евро. Ребенок прочувственно басил: «Спасибо, па, спасибо, ма!», неуклюже лез обниматься и поспешил удрать с церемонии вручения премии «Отмаза» навстречу новым приключениям.

В честь окончания института ребенку нужно было что-то подарить, есть такая нормальная совершенно традиция. Мне в 1983-м по аналогичному случаю за безумные 150 тогдашних «рэ» купили джинсы «Super Rifle», и я был просто счастлив. Сейчас аналогичным «гифтом» никого не удивишь даже где-нибудь в Ербогачёне, и мы решили купить ребенку машину. Я выбрал авто — жутко популярный Хёндэ Солярис в топовой комплектации, с автоматической коробкой, кондиционером, на литых дисках — не «лакшери», конечно, но и далеко, я бы сказал, «не хрен собачий» ценой под полмиллиона (доллар тогда стоил меньше 30 «деревянных»). Кирилл взял деньги, поехал в салон, и через полдня вернулся на... Ford Focus GT оранжевого цвета, не новом, с приличным пробегом, на совершенно «лысой» резине, со стучащими стойками передних амортизаторов и подозрительно пахнущим горелым маслом сизом выхлопом из труб. Первым моим движением было лететь к автопродавцам, «впарившим» «лоху» рухлядь, но Кирилл удержал меня, заверив, что покупка была совершена им абсолютно взвешенно. На мои технические замечания, не сводя восхищенного взгляда с машины, счастливый обладатель раритета отвечал, что про замену стоек он знает, и на это ему сделали скидку аж в десять тысяч; что дым — следствие того, что прежний хозяин по ошибке залил 80-й бензин, а резина до зимы еще точно проходит. Ведь протектор, по сути, не нужен: знаю ли я, что на гонках Формулы-1 ездят на так называемых сликах, то есть покрышках без протектора? Совершенно офигевший от того, с какой густой перфорацией распределены в мозгу сына технические знания и, главное, насколько высока в нем уверенность в них, я спросил, как он посмел нарушить мое прямое указание? Кирилл набрал в грудь воздуха (в мозги — наглости), и выпалил, что его — молодого специалиста не возьмут ни в одно «приличное» место, как только узнают, что он ездит на Солярисе, а сказать это сразу прямо он не имел никакой возможности, потому что я не согласился бы, верно? «Ну, да, девки, опять же, давать «лоху на Солярисе» будут считать ниже своего переднего достоинства?» — задумчиво продолжил я аналогию, высматривая на лице сына точку, куда было бы оптимально, как когда-то, приложить родительскую длань. «А-днзначна, па!» — искренне радуясь моему неожиданному пониманию, заголосил Кирилл. Я почувствовал слабость в коленках и опустошенно оперся пятой точкой на горячее крыло Форда. Пропиленная чуть не до корда резина, не вынеся неожиданной нагрузки, с сочным шипом, похожим на открытие сразу дюжины бутылок «Пепси», отдала богу душу. Машина осела одним боком, ее улыбочивая фальшрешетка сразу словно тоже слегка перекосилась, как человеческая физиономия, «подрихтованная» флюсом. «Во, блин!» — озадаченно произнес ребенок, чеша коротко стриженный затылок. «Сын, ты дурак!» — простонал я, ощущая полную пустоту внутри, и закрыл глаза. Потом кое-как взял себя в руки, подробно объяснил дилетанту, что установка новых гоночных газовых «амиков» обойдется ему тысяч в сорок, новая резина 19-го радиуса — еще минимум во столько же, а замена маслосъемных колец, о необходимости чего с вероятностью в 99,9 процента говорит сизый дым — это в любом случае переборка двигателя с

непредсказуемыми последствиями в ценовой области. С удовлетворением резюмировав напоследок с интонациями Луспекаева-Верещагина из «Белого солнца пустыни»: «А вот денег на это я тебе не дам!», я оставил незадачливого автовладельца наедине со своим разочарованием, и поплелся домой, сам себе напоминая в этот момент несчастного, маленького, уморительно-грустного Чарли Чаплина из «Огней большого города». Марины, к счастью, не было, и я, не раздеваясь, упал на постель и зарыдал, пряча всхлипы в подушку. Этот человек, мой биологический сын, меня не понимал, не любил и даже (на очень худой конец!) не боялся, и не было ни одного шанса на исправление этой ситуации. Он вырос в наглого, с плохим уровнем общей образованности, очень самоуверенного и не очень умного человека, с каким бы я, не будь он столь плотно связан со мной генетически, не стал бы нужду справлять на одном квадратном километре. Не помню точно, что я испытывал двадцать с лишним лет назад, впервые взяв на руки маленький пищащий комочек в белых простынях, но эти чувства отличались от того комплекса эмоций, которые я питал к этому человеку сейчас, как черный Инь от белого Яня.

Поэтому сейчас, задавая жене вопрос о том, при каких обстоятельствах имеет место пребывать наш отпрыск, я внутри был готов ко всему. Но, к счастью, все было в порядке, по крайней мере, в Марином изложении. И на Кирилловой работе — прямо с окончания ВУЗа, уже больше года, он работал юрисконсультантом в известной страховой компании, денег хватало даже больше, чем «на жизнь». Причем выплачивалась вся зарплата «в белую», что при необходимости давало возможность, например, кредитоваться, причем на гораздо большие суммы, чем, к примеру, я со своей в разы большей, чем у Кирилла, но «серой» зарплатой. В личной жизни у ребенка тоже была тишь да гладь, они с Лизой давно уже жили вполне по-семейному, на осторожные Мариныны вопросы о формализации отношений отвечая, что прежде надо встать на ноги, обзавестись своим, а не съемным жильем и говоря другие вполне взрослые вещи.

— Я очень рад, — улыбнулся я Марине, выливая ей в бокал остатки Шамбертена. — Уже больше года отпрыск не преподносит нам существенных сюрпризов.

— Может быть, он наконец повзрослел? — улыбнулась мне в ответ Марина. — У каждого человека есть свой пубертатный период, после которого он становится зрелым.

— Как ты сказала — пубертатный период? — засмеялся я. — У него пубертатный период длится скоро уже четверть века! А когда мне было двадцать пять...

— Давай не будем, — перебила меня Марина. — Ты еще расскажи про Аркадия Гайдара, в пятнадцать командующего полком, или других легендарных личностях типа Сурика!

При упоминании Сурика я от души рассмеялся. Сурик (в данном конкретном случае это имя не было сокращением от фамилии Суриков, это было уменьшительно-ласкательное от имени Сурен) в бытность нашу с Качугиным бизнесменами-отделочниками был одним из наших заказчиков. Как-то прекрасным майским днем к нам в офис завалился паренек ростом, что называется, «метр с помпоном» в спортивных штанах, майке «Адидас» и кроссовках. Выглядел он очень молодо, и только две вещи диссонировали в нем с образом прогуливающего уроки девятиклассника: последняя сотовая Моторола с «тонким» аккумулятором в руках и толстенные золотые «цепочки» на шее и запястье. «Сурик, — коротко представился он, протянув мне руку. — Я квартиру купил, надо сделать ремонт». Последнее слово он произнес, смешно грассируя, получилось «р-р-рэмонт». Вид позвякивающего «голдами» черненького мальчишки, пришедшего в солидную, дорогую

фирму, заказывать «р-р-рэмонт» вызывал улыбку, но рукопожатие его оказалось настолько твердым, что улыбаться я раздумал. Квартира, которую надо было ремонтировать, была площадью сто двадцать метров, я быстро умножил метраж на среднюю цену и выдал Сурику примерную калькуляцию — сто двадцать тысяч долларов. Тот внимательно посмотрел на меня и уточнил: «Нужна еще мэбэль». Я ответил, что это цена с мебелью. Сурик улыбнулся (как мне показалось, облегченно) и сказал: «Слышь, брателло! Ты когда цену сказал, я думал, быкуешь, меня за фуфела принял, решил развести, обушь, два конца нагреть. Раскинул я, будут у нас с тобой напруги. Я бы сейчас кашлянул, пацаны бы подтянулись, было бы у тебя головняку до чердака. Хорошо, что ты честный шпак оказался, без понтов и белки разрамсовал мне, что почем. Сто двадцать тонн грина с обстановкой — цена правильная, мне так и сказали знающие люди. Давай так — у меня с собой тридцатка, хватит, чтоб начать? А я подписываюсь, что подгоню «джорджиков» столько, сколько скажешь по первой заявке. Хочешь, «мерин» свой в заклад оставляю, у входа стоит, он сотку тянет. Идет?» И снова протянул руку. Пришлось сказать: «Идет» и пожать эту не по-детски твердую руку. От «мерина» я отказался, а на предложение подписать договор Сурик выдал совершенно сакраментальную фразу: «Э-э, договор на «круге» подписывают. А бумажки чиркать — я что тебе, директор фирмы, или бухгалтер какой? Я тебе слово дал». Позже выяснилось, что был Сурик немаловажной шишкой в некоей этнической группировке, которых валом было в тогдашней Москве, что-то вроде командира подразделения, и было ему... пятнадцать лет. К слову сказать, ремонт мы Сурику сделали, и он за него рассчитался полностью и вовремя, чем отличались далеко не все наши заказчики из числа «нормальных» бизнесменов. Да, период социального созревания у Сурика, «героя» лихих девяностых, как и у его сверстника Аркадия Гайдара времен лихих двадцатых, закончился не в пример раньше, чем у нашего сына.

— У него отпуск начинается, они с Лизой едут в Казантип, — проинформировала Марина.

— В Казантип? — встрепенулся я. — Так это же — крымский Гоа, вольница, секс-наркотики!

— Да нет, вроде, — возразила Марина, пальцем по краю бокала выводя тихую песню песка в пустыне. — Как и везде, все по интересам. Они туда с друзьями едут, Яшей и Галей, две пары, почти семейный отдых. Я говорила с Кирюхой насчет наркотиков, он серьезно так сказал — нет, мол, мам, даже не переживая, у меня это перевернутая страница, перечитывать желания нет. В Казантип потому, что на Кипр или Мальту, где молодежная туса, нет денег. Причем все летят самолетом, а он едет поездом, потому что дешевле, экономит. Все будут его уже там встречать. Пусть отдохнет, он год работал, устал.

— Пусть отдохнет, — эхом согласился я. — Странно только что-то мне, что все самолетом, а он — поездом.

— Да все нормально, отец, не накручивай! — поморщилась Марина. — Обжегшись на молоке, на воздух дуешь, ей-богу! Везде тебе «мертвые с косами» мерещатся.

— Да какие там мертвые? — возразил я. — Я только за, чтобы у него было все нормально, чтобы никаких сюрпризов.

— Ну, вот и славно, — улыбнулась Марина, поднимая бокал с остатками вина. — Давай выпьем за то, чтобы у сынка нашего все было хорошо. И — никаких сюрпризов!

Звонко чокнулись, допили вино. Внезапно усталость сумасшедшего дня навалилась рюкзаком на плечи, заставила часто-часто моргать набрякшие веки, вырвалась из груди

глубоким, сворачивающим челюсть зевком. «Все, я в душ и — спать», — пробормотал я, с закрытыми глазами вставая из-за стола. «Да, давай», — просто ответила Марина, убирая со стола. Я с наслаждением постоял под очень горячей водой, смывая с себя пот и дурную энергетику чужих злых эмоций. Потом голый, ежась в нахоложенных кондиционером плюс двадцати, поспешил в спальню, примериваясь с ходу юркнуть под толстое одеяло, и — спать, спать, спать. Но одеяла на постели не было, а вместо него посередине нашей широкой супружеской кровати лежала Марина, тоже голая, в позе: «Подывысь, коханий, що це такэ соблазн». Люстра потушена, горят два ночника на прикроватных тумбочках, и обращенный на меня взгляд Мариных карих глаз немного пьяный, соблазняющий и очень, очень решительный. Определенно не составить ей сейчас компанию в получении с меня супружеского долга не было никакой возможности. Тем более что задолжал я ей в этом смысле за последнее время о-очень много.

Марина и Ива были одногодками, во всем прочем будучи антиподами. Невысокая Марина была сложена классически-пропорционально — не длинные, но и не короткие ноги, типичная «гитарный» изгиб в очертаниях талии и бедра, узкие, уже таза плечи. Довольно маленькие, с крымское яблоко, груди, очень темные, морщинистые, как финики, соски. После того, как лет в сорок ее волосы начали быстро сесть, Марина начала краситься в черно-рыжую и, чтобы облегчить частую процедуру, здорово укоротила свои всегда роскошные локоны. В сочетании с крупнозубой улыбкой и чуть великоватым носом это сделало ее похожей на свою сверстницу Сандрин Боннэр с ее неординарной, но слишком уж интеллектуальной сексуальностью. Ибо когда восприятие женского sex арреал находится в ведении центров высшей мозговой деятельности, тогда возбуждение попадает в зависимость от слишком уж многих факторов, и наступает очень избирательно. И когда лет в сорок вслед за падением уровня соответствующих гормонов «ванька» перестал, как по молодости, делать «встань-ка!» на любую особу противоположного пола в очень широких рамках допустимых кондиций, в нашей с Мариной сексуальной жизни началось охлаждение. Ей же, молодой тридцатисемилетней женщине в самом соку, нужно было ничуть не меньше, чем во времена нашего знакомства, когда мы не вылезали из койки по многу часов. Дошло до того, что как-то раз, в разгар очередной «акции по принуждению мужа к сексу», изобразив всеми мимическими мышцами максимальную серьезность и сдобрив ее немалой дозой трагизма, я объяснил жене, что я, видимо, старею, и как раньше, уже не могу. Марина покраснела и пробормотала: «Я поняла. Прости». Стало полегче, но с тех пор тема «супружеских обязанностей» время от времени звенела между нами, как перетянутая струна. При том, что с Ивой, например, у меня все оставалось практически по-прежнему.

Я улыбнулся Марине, стараясь, чтобы улыбка не получилась очень уж вымученной, и лег рядом, на ходу сочиняя сценарий прелюдии. Но супруга оттолкнула мои руки, властно повалила на спину и движением челюстей, не терпящим возражений, захватила меня пониже пояса в плен. Я облегченно откинулся на подушки, ожидая, когда количество движений Маринино языка не перейдет в качество, при котором станет возможным возвращать долги. Но минута шла за минутой, а с моим форпостом ровным счетом ничего не происходило. Еще минута, и я стал комплексовать по этому поводу, и от этого стало только хуже. Какие Марина сделает выводы, если у меня не сработает, было слишком очевидно. Еще тридцать секунд, и Марина выдохлась, застыла, переводя дыхание, и снова набросилась на меня, как мясорубка на неподатливый кусок мороженого мяса. Но ее хватило ненадолго. Я еще пытался что-то сделать, кого-то представить, понукать и давать шенкелей — все без

толку. Мне было стыдно, ужасно стыдно, я готов был прямо здесь, в постели встать перед женой на колени, и только то, что я был некоторым образом у нее на коротком поводке, (ну, пожалуй, еще твердая уверенность, что в таких делах никогда нельзя ни в чем признаваться) не давали мне сделать это. В ожидании ужасной развязки я просто закрыл глаза. Наконец, Марина отпустила меня, как кошка надоевшую и уже безжизненную птаху. Вытерев губы тыльной стороной ладони, супруга уставилась на меня очень нехорошим взглядом.

— Так, Арсений, муженек мой благоверный, похоже, ты на самом деле секс-туризмом заниматься ездил? — решительно спросила она. — Трахался двое суток напропалую? На жену сил не осталось?

Я открыл было рот, чтобы сказать, что Турция не Куба и не Тайланд, что туда за плотскими утехами не ездят, и что «заниматься секс-туризмом» — это не совсем «пруссава изыку». Что меня всего-то не было чуть меньше полутора суток, и поэтому я никак не мог двое из них посвятить «неуемному траху», даже если бы захотел. Что у мужчин под пятьдесят подъемный механизм может дать сбой в любой момент просто в силу возраста. И что события сегодняшнего дня занимают мои мысли настолько, что для уместной случаю оценке жониных стараний в моей голове, к сожалению, просто нет места. Вместо этого я просто сказал:

— Нет, Марина, нет. Я согласен, факты, как говорится, налицо, но выводы ты делаешь неверные.

Марина посмотрела на меня совершенно трагически, ее губы задрожали.

— Ты даже не считаешь нужным соврать что-нибудь хоть мало-мальски правдоподобное! — выкрикнула она, сгребла в охапку подушку и разразилась в нее безутешными рыданиями.

С минуту я смотрел на ее содрогающиеся от рыданий круглые ягодицы, занес руку погладить их, но передумал. Вместо этого, повинувшись внезапному порыву, я встал, быстро оделся и вышел из квартиры, тихонько притворив за собой дверь. Пока спускался по лестнице, думал о том, как фантастически хреново все вышло, и о том, что раньше Марина, сколь бы глубокой ни была нанесенная мною ей моральная травма или невольная обида, вскочила бы с постели, перекрыла бы распятым дверь, но уйти из дома в ночь не дала бы. Сегодня — дала. Я сел в «Субару», оценил степень своего опьянения как ничтожную, завел, и счастливо миновав ГИБДДэшные посты и засады, через полтора часа доехал до дачи. Была половина первого ночи. Я не стал загонять машину во двор, через калитку прошел в дом. Марина мне так и не позвонила. Я долго думал, не пойти ли в неожиданном и ненужном конфликте на попятный, но в душе словно что-то уперлось. И вместо того, чтобы позвонить жене, я позвонил Иве.

— Арсюша, привет! — радостно, хоть и в минорной гамме, зазвучал в трубке ее голос, и в душе сразу потеплело. — Как ты там? Ты говорил, что у тебя не очень хорошо с делами.

— Ерунда, не беременность — рассосется! — спошил я, улыбаясь в ответ на теплые нотки в Ивином голосе, и точно зная, что она сейчас улыбнулась в ответ. — Как ты там? Как Дашка? Ты ей сказала?

— Да, конечно, — погрустнел Ивин голос. — Она странно как-то отреагировала. Сначала заплакала было, но очень быстро успокоилась. Только обняла меня за шею, сказала: «Держись!» Потом наплела, что нам сейчас лучше будет побыть отдельно друг от друга, и усвистала к своему Володе. Я обиделась было, но потом подумала, что она права — что нам вместе делать сейчас? Напару сопли на клубок мотать? Показывать друг перед другом, как

нам горько? А про себя каждой думать о том, что непонятно, чего больше в этих слезах — горя, или облегчения, что все, наконец, кончилось? А так я сижу в баре, уже не помню какой коктейль допиваю, и в душе как-то все постепенно... затягивается, что ли? Заживает? Устаканивается, одним словом. И с каждым стаканом все больше!

Я только сейчас заметил, что Ива — да, пожалуй, что нетрезва, и это меня покорило. Потому, что, на мой взгляд, узнав о кончине супруга, женщина должна вести себя по-другому? Да, уж: чужая душа — потемки. А с другой стороны — ну, как я могу ее осуждать?! Да и какое мне вообще, на хрен, дело?

— А Дашка, я думаю, сейчас Володе этому душу изливает. Как я тебе. Может, они тоже выпили, или даже покурили. И ты знаешь, мысли об этом меня даже не очень беспокоят. Даже если бы она с ним трахнулась, я бы не возмущалась. Каждый, знаешь ли, по своему рецепту горе заливает.

"Трахнулась вместо покурить, или вместе с покурить?" — мелькнула крамольная мысль, но из любви к конкретике этот вопрос меня задевал, или по каким-то другим соображениям, я разобраться не успел. Потому что Ива неожиданно шумно втянула воздух через трубочку, как бывает, когда в бокале заканчивается напиток, и мне вдруг стало очевидно, что она не просто нетрезва, а вполне себе на полпути от состояния «в дым» к «в дребезги».

— И ты знаешь, дорогой, если бы ты сейчас был рядом, я бы тоже с удовольствием предалась бы скорби в твоих жарких объятиях! И тем неизбывнее была бы моя печаль, чем глубже бы я чувствовала твое присутствие внутри себя!

Ива пьянела буквально с каждой секундой, ее речь становилась многословнее, тон — развязнее, и я плохо представлял себе продолжение разговора.

— Это ужасно — то, что я говорю? — внезапно осеклась она, словно что-то уловив в моем секундном молчании.

— Ив, давай не будем об этом, — нахмурился я, остро сожалея, что позвонил. — Ты же сама сказала — у каждого свой рецепт. Лучше скажи, что у вас с вылетом?

— С вылетом все в порядке, — ответила Ива. — Летим завтра, рейс... не помню, помню, что прилетаем в Шереметьево в 18–40. Ты встретишь нас?

— Конечно, — ответил я. — Ну, пока?

— Пока, — сказала Ива.

Я уже хотел отключиться, как из трубки снова донесся ее голос:

— Ты меня осуждаешь, я чувствую. Странно, ведь для того, чтобы понять меня, тебе не надо даже становиться на мое место.

Я нажал на отбой. Невежливо, конечно, но ведь я мог и не слышать этих последних слов? Но я слышал, и снова, как давеча, долго сидел, сжимая телефон в руках, рассуждая над этой последней — странно трезвой — Ивиной фразой. Что она совершенно прозрачно намекнула не только на то, что, зная всю подоплеку ее с Аббасом отношений я, по ее мнению, должен был бы понимать, отчего она не сильно скорбит по неожиданной смерти супруга. На то, что, не понимая этого, или делая вид, что не понимаю, я кривлю душой. И еще больше кривлю, потому, что умерший был не просто мужем моей долголетней любовницы, к которому я хотя бы и поэтому вряд ли с точки зрения любого стороннего наблюдателя мог испытывать теплые чувства. Он был — соперник, противник, да чего уж там — враг. Враг, официально заявлявший, что я включен в списки его врагов. Враг, когда-то бывший другом, и поэтому враг вдвойне. Враг, когда-то открыто пообещавший справить

малую нужду на моей могиле. И то, что я никогда серьезно к этим его угрозам не относился, в нашем с ним статус-кво ничего не меняло. Да, Ива все это знала, и я был вынужден признаться самому себе, что в той своей последней фразе она очень права. И внезапно я почувствовал облегчение, как будто упала какая-то давно и постоянно висевшая на плечах ноша — маленькая, нетяжелая, незаметная почти, но вот она исчезла, и стало легче дышать. Но еще и потому, что по теории вероятности было ровно столько же шансов, что первым облегчение по такому вот поводу испытаю отнюдь не я. Да уж, воистину: «...sed Deus disponit» — располагает в нашем мире лишь один Господь.

[i] Подождите, ребята, скоро все будет (укр.)

Глава 6. Good bye Ruby Tuesday

Я проснулся сразу, словно меня толкнули, широко открыв глаза, как в армии, когда на переход ото сна к бодрствованию времени уходило ровно столько, сколько нужно было, чтобы по команде: «Подъем!» поднять верхнюю часть тела, именуемую торс (тогда употребляли армейзм «то́рец»), в вертикальное положение. Сразу же с опаской потянулся к айфону, но хотя было уже начало десятого, никто не звонил. После вчерашнего дня, наспигованного событиями, как рыба «фиш» фаршем, такой «коммуникационный вакуум» показался мне настолько противоестественным, что как наиболее вероятную причину я заподозрил неисправность средств связи. Я потряс телефон, дунув для верности в отверстие микрофона, внимательно взгляделся в треугольный индикатор уровня сигнала: да нет, с сетью все было в порядке. То есть, я никому ни зачем не нужен? Здорово, конечно, но означало ли это, что там, в огромном мире, открывающемся за вот этим маленьким шлюзом под названием «мобильный телефон», мои дела были в порядке? Отнюдь, и я хорошо знал это. Так какого черта никто не звонит?! Будто нет той, той и той (да, забыл — еще и вон той!) проблемы, в которую я вовлечен по самые альвеолы, в решении которых я — главная фигура? Мне представилась мультяшная картина: камни, огромные камни, и за каждой из них по проблеме, по моей проблеме. Их не видно, но я знаю, что они там, за камнями, таятся, выжидают удобного момента, одного моего неверного шага, чтобы броситься на меня всей силой своей неожиданности, вцепиться в горло, разорвать, растоптать. Их не обойти, не объехать, дорога под названием «жизнь» проходит между ними — Сциллами, Харибдами, и миновать их можно, только вступив с ними в смертельную схватку один на один до последней крови. И здесь, в ином измерении, с умиротворяющим пасторальным видом из окна и радостным посвистыванием птичек не отсидишься — рано или поздно проблемы найдут тебя и здесь, огромные, выросшие и разжиревшие на обильных харчах твоей отстраненности и ничегонеделания, найдут и задушат. Нет, нужно самому открывать шлюз и перетекать туда, в реальную жизнь, где проблемы. Я вздохнул и набрал первый номер.

О состоянии моих проблем я решил начать узнавать со звонка в офис. Фенечка обрадовалась моему голосу в трубке, как пятилетний малыш визиту Деда Мороза.

— Ой, Арсений Андрейч! — закудаhtала она. — Это вы? Как хорошо, что вы зво́ните нам! А то уж мы подумали, что и вас тоже... того...

— Чего? — как от большого зуба, поморщившись от ее «зво́ните», спросил я. — И кто это «мы»?

Вопрос явно поставил секретаршу в тупик.

— Ну, я и... я! — наконец ответила Фенечка, видимо, с удивлением для себя осознав, что о том, что меня «тоже того», возможно никто, кроме нее, и не думал.

— Ясно, — сказал я. — Если все-таки кто-нибудь кроме вас и... вас беспокоится обо мне, то передайте им, что я не только не «того», а напротив, и даже более. Смотрите, ничего не перепутайте. И руководителям объектов скажите, чтобы работали в штатном режиме. Ясно?

— Угу, — как-то неуверенно ответила Фенечка.

Она что, записывала?

— Лена, вам все понятно? — счел за лучшее уточнить я.

— Да, все понятно! — словно вырвавшись из цепких уз собственного сознания,

подскачила Фенечка. — Мне все понятно, Арсений Андреевич!

— Хорошо. От вчерашних визитеров известий, часом, не было?

— Никак нет! — войдя в роль бравого служаки, отрапортовала Фенечка.

«И то хорошо», — подумал я и, оставшись за положение дел в конторе относительно спокойным, отключился.

— А как там наш Самойлыч?! — успел услышать я в динамике, но перезванивать не стал.

Подумалось, что я сам хотел бы знать, как там дела у Питкеса. И еще: хорошая, все-таки, девка эта Фенечка, хоть и дура. И набрал Вецкого. Александр Алексеевич звонок сбросил через несколько секунд от него пришла эсэмэска: «Не могу говорить. Перезвоню позже». Ну, да, надо полагать, адвокат сейчас у Самойлыча, может быть, даже уже идет допрос. Что ж, подождем, время есть чем занять. Ну, вот, например, позвонить Марине, урегулировать эту глупую и так некстати вчера возникшую проблему. Я уже нацелился на цифру 5, с незапамятных времен на всех моих телефонных аппаратах неизменно сопоставленную с номером жены, но в последний миг движение пальца остановил. То, что Марина до сих пор не позвонила сама, отчетливо говорило не только о том, что она еще, что называется, не «отошла», но и что отнеслась ко вчерашнему инциденту куда серьезнее, чем я предполагал. И тут же маленькое воспоминание неприятно кольнуло в сердце: вчера в последнем нашем диалоге в Мариной фразе «ты на самом деле секс-туризмом заниматься ездил» я не обратил внимание на слова «на самом деле». А смысл-то у слов нехороший, они вполне могут подразумевать, что у благоверной могло быть подозрение или даже информация о том, что на туретчину я ездил — ха, на самом деле! — с секс-миссией. И даже еще дальше можно выстроить теорию заговора, если допустить, что у Марины могли быть предположения по поводу моего по этому самому секс-туризму компаньона. Из вороха полузабытых воспоминаний вытянулся хвостик еще одного, очень давнего, лет пять-семь тому назад, разговора. Потрясения моих признаний в супружеской неверности уже давно отгремели, у нас с Мариной в семейных отношениях царил тишь да гладь. Не помню уж как тема Ивы всплыла за семейным ужином, как-то сама собой. То да се, слово за слово, вспомнили, я посетовал, что случилось-де у меня в то время что-то с головой, некое помутнение рассудка. Посмеялись, выпили за то, чтобы рассудок у главы семьи всегда оставался ясным и, вроде, проехали. Но напоследок Марина возьми да и урони: ты, мол, все же учти, любезный муженек, что жена твоя — не психиатр, с подобными помутнениями рассудка больше одного раза дел иметь не готова. И в глаза посмотрела мне так серьезно-серьезно, что мне даже шутить на эту тему расхотелось. Как и сейчас — звонить ей. Она на работе, в галерее своей, обстоятельно поговорить не удастся. А то вдруг скажет еще что-нибудь вроде: «Я ж говорила, второго раза не будет», и что тогда делать? Тем не менее чаша моих внутренних весов оценки порядочности собственных поступков в той или иной ситуации уже начала склоняться к тому, чтобы позвонить, но, как и вчера, вмешалась Ива. То есть, вчера я сам сбил себя с темы примирения с женой, позвонив любовнице, сегодня последняя вмешалась в ход моих мыслей сама. «Прилетаем сегодня рейсом SU 2145 в 18–40 в Шереметьево. Встретишь?», — гласила пропикавшая эсэмэска. Она что, не помнит, что вчера разговаривали? Хотя, да — вчера она была хороша. «Конечно» — вздохнув, отбил я в ответ, и буквально тут же от противоречивых мыслей о своих женщинах меня окончательно отвлек звонок Вецкого.

— Ну, чтоя вам могу сказать, Арсений Андреевич? — раздался в трубке бодрый голос

адвоката. — Дела у нас не так плохи, как могло бы показаться на первый взгляд. А ваш Борис Самойлович — и вовсе молодец! Я же говорил — мощный старик! Представляете, при задержании он ничего не стал им объяснять, сказал твердо, что говорить будут только в присутствии адвоката. Ставрасов — это у нас следователь, если помните — упек нашего Питкеса в камеру с высшей степени неприятными шпанистыми личностями. Это стандартный прием оказания психологического давления, направленный на то, что подозреваемый пойдет на все, лишь бы избавиться от такого соседства. Но наш Борис Самойлович, не знаю уж как, нашел с сокамерниками общий язык, и встретил меня бодро и с большим присутствием духа. И хотя следователь обо мне не счел нужным его предупредить, Борис Самойлович моему появлению ничуть не удивился, сказав, что был абсолютно уверен, что его не оставят без помощи. На свидании с моим подзащитным мы четко условились о том, что он будет говорить на допросе, и как мы будем представлять обвинению нашу версию произошедшего. То есть, никакого подкупа, тем более взяток не было и в помине, деньги предназначались для дачи взаймы. С человеком, которому нужно было передать деньги, мой подзащитный знаком не был, он просто осуществлял курьерскую функцию, делал одолжение лицу, попросившему его передать деньги.

— То есть, мне? — уточнил я.

— Ну, мы же так решили вчера? — вопросом на вопрос ответил Ведецкий. — Об этих деньгах, о том, кому вы их одалживали, вас скоро неизбежно спросят. Но это будет уже, как говорится, совсем другая история, к которой мы будем тщательно готовиться. Сейчас же главное было вытащить вашего заместителя, верно?

— Да, да, — подтвердил я. — Конечно.

— Исходя из этого я и действовал. Допрос прошел, на мой взгляд, нормально, в протоколе теперь зафиксирована эта наша версия. То, что получателем денег оказался представитель компании «РеставР», участвующей, также, как и «Арми-Строй», в торгах, мой подзащитный, разумеется, не знал.

— А у оппонентов наших что есть против этой нашей версии? — не утерпел я.

— Пока трудно сказать, — уклончиво ответил Ведецкий. — Следователь ведет себя достаточно грамотно, карт не раскрывает. В обвинении фигурирует получивший деньги гражданин имярек, работающий в компании «РеставР». Но честный ли он, как говорится, фраер, ха-ха, или подставное лицо, пока неясно. То, что обвиняется Питкес по статье «коммерческий подкуп», с одной стороны, говорит о первом, потому что в противном случае статьи были бы другие, но ручаться нельзя. Но, в любом случае, наша версия крепкая, и оппонентам будет очень непросто ее развалить. Тем более, что ни о каких записях телефонных переговоров Питкеса с этими двумя женщинами от заказчика...

— Лидией Терентьевной Нарцыняк и Вероникой, — вставил я.

— ...пока даже не упоминается, — даже не запнувшись о мою реплику, закончил мысль адвокат.

— То есть, записей, похоже, нет? — обрадовался я.

— Не факт, — охладил меня Ведецкий. — Они вполне могут быть, но при их получении, например, могли быть не соблюдены процессуальные нормы, или что-то другое, что мешает следствию сейчас их предъявить. То есть, это не значит, что они не всплывут в дальнейшем, но сейчас, повторяю, в деле их нет, и это уже хорошо, потому что при их наличии наша версия вряд ли покажется судье убедительной.

— Окей! — обрадовался я. — Значит, теперь — суд?

— Да, суд и определение меры пресечения, — подтвердил адвокат. — Следствие, естественно, требует содержание под стражей. Мы же, разумеется, считаем, что вполне достаточно подписки о невыезде. Будем оппонировать.

— А когда заседание? — спросил я.

— По УПК РФ у следствия есть 48 часов на вынесение судом меры пресечения, если это содержание под стражей, — ответил Ведецкий. — Питкеса задержали в 11–10, значит, постановление суда должно быть вынесено до этого времени завтрашнего дня. Суд работает с девяти, так что они вполне успевают.

— Это что, Питкес еще сутки проведет в камере?! — ужаснулся я.

— В случае, если нам не удастся доказать суду, что содержание задержанного под стражей в нашем случае — мера избыточная, то ему придется провести в камере гораздо больше времени, — хмуро объяснил Ведецкий. — Что касается времени судебного заседания, то я предпринял определенные шаги. Запрос о вынесении меры пресечения следователь в любом случае направит в суд сегодня. В канцелярии Таганского суда у меня, что называется, подмазано. Суд работает до 18–00, и мой человек сделает все, что нужно, чтобы запрос попал к нужному судье, и чтобы рассмотрение состоялось сегодня. Ну, а там — поборемся.

— А какова вероятность, что суд оставит Питкеса под стражей, то есть, в камере? — угрюмо поинтересовался я.

— Фифти-фифти, — с ходу ответил Ведецкий. — Знаете анекдот? Блондинку спрашивают: «Какова вероятность того, что, выйдя вечером погулять, вы встретите тиранозавра? Та, не задумываясь: «Пятьдесят на пятьдесят — или встречу, или нет». Так и здесь. Извините, что шучу в такой невеселой обстановке, но точнее сказать нельзя. В случае, если события будут развиваться по неблагоприятному сценарию, будем просить отпустить под залог.

— А о какой сумме залога может идти речь? — забеспокоился я.

— Трудно сказать, — привычно уклонился адвокат. — Законом максимальная сумма залога не определена, и какое у судьи может возникнуть представление об этом предмете, предугадать невозможно. Есть статистика, что в среднем по Москве сумма залога, назначаемая судьями, что-то около трехсот тысяч рублей, но нам эта «средняя температура по больнице с учетом морга», как вы понимаете, и не дает ровным счетом ничего.

— Да, понял, — задумчиво сказал я. — Понял, что никаких гарантий того, что Питкес хотя бы завтра выйдет из тюрьмы, нет.

— Нет, — эхом ответил адвокат. — К сожалению, нет.

«Черт, да ведь не выдержит Питкес долгого пребывания в камере! — думал я. — Мощный старик! Да он больной насквозь! А Джоя, дочь его, вообще с ума сойдет. Нет, нужно что-то делать!»

— Александр Алексеевич! — начал я. — А насколько безумной вам представляется вот такая идея. Я иду к этому следователю, Ставрасову, и говорю, что это я попросил Питкеса отдать деньги этому, ну, из «РеставРа». Отпустите Питкеса, посадите вместо него меня, а?

— Я попробую ответить на ваш вопрос буквально, — отозвался после минутного раздумья Ведецкий. — Я не назвал бы эту вашу идею безумной. Безумные идеи рождаются большим воображением; ваша, безусловно, имеет другие корни. Вы испытываете чувство вины перед вашим заместителем, и размышления над вопросом, как ее загладить, приводят вас даже к таким, я бы сказал, экзотическим вариантам. Но безумием, безусловно, здесь и не

пахнет. А вот с точки зрения здравого смысла эта идея очень вредна. Потому что ее реализация ухудшит ваше собственное положение, при этом не принеся никаких выгод Питкесу. Если вы думаете, что впечатленные вашим джентльменством мен... то есть, полицейские, пустят слезу и сразу же освободят Питкеса, то вы глубоко ошибаетесь. Они с удовольствием посадит вас в соседнюю камеру, и все. При этом ваше самопожертвование они представят в свою пользу, скажут: «Вот, одного мы задержали на «горячем», а второй, не вынеся мук совести, пришел сам, налицо сговор». Я бы вам категорически не советовал делать нашим оппонентам таких подарков, Арсений Андреевич.

— М-да, пожалуй, — пробормотал я, удивляясь выдержке Ведецкого, — другой в ответ на такую завиральную идею просто покрутил бы пальцем у виска, и все.

— Тогда — пока все? — спросил адвокат. — Я буду держать вас в курсе дела.

Я положил трубку с тяжелым чувством. Как никогда с момента начала всей этой истории было ясно, что Питкес сидит в тюрьме по моей вине, что это все — из-за меня. Да, конечно, мне просто повезло, что я решил сорваться в Турцию, так бы деньги понес я, и скамейку в камере полировал бы сейчас задницей тоже я. Но это было бы логично: это мой бизнес, мой профит, значит, и риски тоже мои. Но Питкес! Нет, безусловно, деньгам, которые я платил Самойлычу, позавидовали бы многие, и на чаше весов, уравнивающей такую зарплату, лежал довольно большой объем обязанностей и связанных с ними возможных проблем, но тюрьма за экономическую уголовщину в них точно не входила. Как я буду старику в глаза смотреть?! И — когда я смогу посмотреть в его глаза? Я повалился на кровать и накрылся подушкой.

Из состояния тихого самоедства меня вывел телефонный звонок. Это был Витя Бранк.

— Привет, Вить, — поприветствовал я его. — Ты уже в Москве?

— Где я сейчас нахожусь, к нашим делам не имеет никакого отношения, — неприветливо отшил меня Бранк. — Слушай сюда и не перебивай.

Я опешил — Витя Бранк в общении хоть и не был образцом учтивости и стиля, но разговаривать со мной в таком тоне себе никогда не позволял.

— Разобрался я, кто на тебя наехал, — начал Бранк, — и по какому поводу. И сразу тебе говорю: этот наезд мне не по зубам. Настоятельно рекомендую тебе сегодня же с их главным, майором Ещучком связаться, встретиться и все вопросы обговорить. Если не будешь выделываться и геройствовать, то даже удовольствие, как говорится, получишь. Причем если начнешь выпендриваться, наживешь проблемы не только самому себе, но и другим, в том числе и мне. Поэтому сделай так, как я тебе говорю, понял ты меня?

Я слушал, и не верил собственным ушам. Витя Бранк был неотъемлемой частью моей жизни столько лет, вместе было съедено столько соли и выпито столько водки, что я давно считал его другом. А сейчас... Нет, этого просто не могло быть.

— Нет, не понял, — ответил я. — Лещ, объясни мне, кто такой этот майор, если целый полковник Бранк перед ним на цырлы встал? И почему мой друг Виктор Бранк сейчас разговаривает со мной в таком тоне, как будто бы я в этом виноват? Вить, что происходит?

На том конце провода послышалось какое-то горловое клокотание, в котором угадывались невнятные матюки, — я прямо-таки увидел Витю, мотающего своей коротко стриженной, посаженной на мощную борцовскую шею головой, пытающегося себе самому объяснить то, что объяснению не поддается.

— Попал ты, Сеня, попал, понимаешь?! — наконец, зашипел в трубку он. — Этот майор — это бульдозер, танк, асфальтовый каток, как хочешь назови, и ты под него попал! И я с

тобой. Можно бодаться с асфальтовым катком? Можно, но перспективы этого мероприятия, как ты понимаешь, сомнительны. Если ты обнаружил, что на тебя прет каток, лучше отойти в сторону. Вот я тебе и советую, отойди в сторону. Встреться, выслушай, сделай, и будет тебе счастье. По крайней мере, несчастья не будет, непоправимого несчастья, и не только для тебя.

— А ты-то тут каким боком? — раздраженно спросил я.

— А таким, — буркнул Бранк. — Потому что я обозначился, впрягся, стал справки наводить, кто да что. Вот они меня и вычислили, ночью мне сегодня такой звоночек был, заслушаешься. И было сказано, что если ты, как мой подопечный, будешь делать глупости, последствия этих глупостей буду расхлебывать и я тоже. И четко растабличили, как я буду их расхлебывать. У них, как по закону джихада, если враг не сдается, нужно уничтожить не только его, а и всю его семью, всех родственников и друзей до третьего колена, чтобы никому nepовaдно было брать пример в неподчинении.

— Витя, какие враги, какой джихад?! — воскликнул я. — Я не понял, мы где, в России, или в Афганистане, в Ливии, в Ираке?

— Да какая разница?! — вспыхнул Бранк. — Закон сильного везде одинаков.

— Закон сильного? — не унимался я. — Нет, вокруг что, джунгли? Разве ты — не полковник структур, призванных защищать закон и порядок? Вы же так и называетесь — правоохранительные органы, право должны охранять, не лево! А ты мне преподаешь урок пещерности, когда право у того, у кого дубина больше!

— Не пудри мне мозги, Сеня! — заорал Бранк. — Ты не хуже меня знаешь, в какой стране живешь, и какое у нас право! Ты пятнадцать лет за моей спиной, как за стенкой кремлевской, жил, но не с завязанными же глазами? Или ты что, не знаешь, за что у нас народ сажают? Да чуть ли не как при Иосифе, за три колоска с колхозного поля! С банкой кофе в магазине тетку словили — два года! Коммерсант с налогами прогорел, кредит не отдал — мошенничество, пять лет! Или ты не читал, как Ходорковскому что первый, а особо — второй срок паяли? И третий ведь еще нарисуют! Тюрьмы, зоны переполнены, как в тридцать седьмом! Но ведь это не потому, что мы, менты да прокуроры — звери! Сверху с самого установка такая. Государственная политика, система! Система на тебя наехала, понимаешь? Столько лет проносило, а тут не свезло! Ты с системой бодаться будешь? Уверяю тебя — не стоит, если не хочешь, чтобы тебя раздавили, как козявку!

Бранк замолчал, молчал и я, переваривая сказанное.

— В общем, так, — уже тихо и спокойно сказал он. — Мой тебе совет, не ерпенься, сделай все, как скажут, а то не только себя подведешь под монастырь. Мы с тобой друг другу с этой минутой никто и знать друг друга не знаем. Телефон мой из книжки сотри, фамилию забудь, дороги наши разошлись. Я не сам, мне так приказали, но это ничего не меняет. Я бодаться с катком не собираюсь, мне жить охота. Все, будь здоров.

Гудки ударили мне в перепонки погостным колокольным звоном. Жутко захотелось выпить. Я прошел на кухню, достал из холодильника бутылку водки, налил полстакана, потом подумал, что пить сейчас не время, и принялся переливать все обратно в бутылку. Но рука дрогнула, водка пролилась, мокрая бутылка выскользнула из руки, упала на пол и разбилась. Помянув нашу великорусскую мать, я с сожалением вылил остатки водки из стакана в раковину, вытер об себя руки, взял не успевший еще остыть от предыдущего разговора телефон и набрал номер майора Ещука.

— А-а, Арсений Андреевич! — воскликнул майор таким радостным голосом, как будто

услышал в трубке голос любимой тещи. — Ну, вот видите, а то повестка, по месту жительства, все такое. Разъяснили вам, я вижу, кое-что?

— Разъяснили, — буркнул я. — Готов встречаться.

— Ну, вот и славненько! — разлился маслом майор. — Подъезжайте, жду вас.

— Куда подъезжать? — спросил я. — Вы где сидите?

— Сидят, знаете ли, осужденные на зоне, а мы располагаемся, — гаденько осклабился Ещук. — Новорязанская улица, дом 8 с литерой «а», строение 3. Когда вас ждать?

— Часа за два доберусь, наверное, — нахмурился я, глядя на часы. — К часу где-то, может быть, к половине второго.

— Хорошо, с тринадцати до четырнадцати, — подытожил майор. — До встречи.

Главное управление экономической безопасности и противодействия коррупции МВД Российской Федерации расположилось в большом семиэтажном кирпичном здании, расположенном рядом с пересечением Басманного и Рязанского переулков, притаившихся совсем недалеко от Казанского вокзала. Всего в трехстах метрах кипела Каланчовская площадь с ее тремя из шести главных московских железнодорожных станций и высоткой гостиницы Ленинград. Каланчовка всегда почему-то навевала мне аналогию с... сердцем. Потоки приезжающих на Казанский, Ленинградский, Ярославский вокзалы — это кровь, и сердце-Каланчовка с силой прокачивает эти потоки через себя, проталкивает под огромным давлением дальше, в кровеносную систему метрополитена, разносящего эту кровь по гигантскому телу Москвы. А чуть дальше, напоминая гигантский швейцарский коллайдер, вращался, казалось, никогда не затихающий протонно-автомобильный поток Садового кольца. Но в переулках, столь близких ко всему этому непрерывному мировращению, было тихо, и шум листвы вездесущих московских тополей и лип заглушался разве что возмущенным чириканьем стайки воробьев, которых три или четыре упитанных сиреневых голубя только что беспардонно отогнали от невесть откуда взявшемся на тщательно убираемом в последние годы московском асфальте обедка чебурека. Я с трудом припарковался, потому что переулок на всем видимом протяжении был заставлен недешевыми авто, — ясно, что экономическая безопасность в нашей стране ценится высоко, а противодействие коррупции оплачивается в высшей степени неплохо. На скромной табличке рядом с входом хоть и красовалась аббревиатура «МВД РФ», осененная крыльями распластавшегося над нею постсоветского орла, дальше было написано что-то маловнятное, так что у любого, кто не был абсолютно уверен, что попал точно по адресу, могли возникнуть в этом обоснованный сомнения. Я толкнул нагретую солнцем алюминиевую дверь и вошел в вестибюль, в стиле 70-х годов прошлого столетия отделанный скучным серым в прожилках мрамором.

У отгораживающих зону ожидания турникетов скучали двое полицейских в форме, а за неплотно занавешенным изнутри стеклянным окошечком с вывеской «Пост № 1» мелькал кто-то в штатском. Просевшая за долгие годы эксплуатации дверь в заведение слегка заедала, поэтому и при открытии, и при затворении последней мне пришлось приложить некоторые усилия. Полицейские на лязг и грохот, произведенные нашим с дверью дуэтом, не обратили ни малейшего внимания, зато мелькание в постовом окошечке прекратилось, сгустившись внимательным взглядом пары глаз, устремленных на меня. Было ясно, что люди

в погонах здесь, скорее, для проформы, а ругает всем цепкие глаза в окошечке. Я не без осторожности подошел к Посту № 1, при этом окошечко, как водится, оказалось на уровне моей груди. Из окошечка пахло электрическим чайником и неделю не менявшейся рубашкой. Нагибаться сразу расхотелось, и парольную фразу: «К майору Ещучу, по вызову» я произнес, разглядывая через щелку в занавеске интерьер загадочного Поста. Щелка резко и возмущенно зашторилась. «Фамилия!» — ударил меня в грудь низкий баритон из окошечка. Я вздрогнул и честно назвался. Послышался шелест перелистываемых бумаг. «Паспорт!» — взревел баритон через минуту. Я протянул в окошечко свою «бордовую книжицу», и ее будто вырвали у меня из пальцев. В моем сознании представился образ обитателя Поста № 1 — большого, круглого, с глазами, питающегося общегражданскими паспортами и запивающего их электрическим чаем. Вышло очень смешно и немножечко страшно. Но в ту секунду, когда я начал не на шутку беспокоиться судьбой своего паспорта, и даже с ужасом подумал, не придется ли мне заглядывать в окошечко, мой аусвайс с вставленным между страничек измаранном шариковыми чернилами квитком пропуска высунулся из-под притолоки. Я выхватил его из пальцев глазастого еще быстрее, чем он — из моих.

— Куда идти знаете? — обиженно спросил баритон.

— Что вы имеете в виду? — поинтересовался я, во всех красках представив себе один из возможных после такого вопроса маршрутов.

— Номер кабинета у Ещуча какой, знаете, говорю? — напряг связки баритон.

— Отку-уда? — посетовал на жизнь я.

— Пятьсот тридцать два, — помягчело из окошечка. — Пятый этаж. Не забудьте отметить пропуск, а то не выйдете.

— Угу, — отреагировал я, представляя себя героем Семена Фарады из «Чародеев», обреченным на вечное скитание с неотмеченным пропуском по бесконечным коридорам безопасно-антикоррупционного ведомства. — Спасибо, что предупредили.

Из окошечка зашумел включенный чайник, — аудиенция явно была окончена. Представляя себя Тихоновым-Штирлицем, предъявляющим аусвайс дежурным по зданию РСХА эсэсовцам, я поднес пропуск к глазам одного из скучающих полицейских. Тот «фишки не догнал», каблуками не щелкнул, и я буднично прошел через турникеты.

Дверь под номером 532 ничем не отличалась от полутора десятков точно таких же оклеенных дубовым шпоном дверей в длинном полутемном коридоре. Я постучал и, не дожидаясь ответа, взялся за дверную ручку. Ровно в эту секунду прогудел мой мобильник. Сообщение от Ведыцкого сообщало, что суд состоится сегодня в 16–30, и по его окончании адвокат позвонит, так что в кабинет я входил со значительно улучшившимся настроением. Открывшаяся за дверью просторная светлая комната, заставленная столами, напомнила мне мастерскую какого-нибудь НИИ времен моей юности, только кульманов для полного сходства не хватало. Большинство столов были пусты, за четырьмя или пятью перед раскрытыми ноутбуками сидели молодые мужчины. Все они были очень похожи друг на друга — аккуратно и коротко подстрижены, в похожих светлых рубашках без рукавов с темными галстуками на шеях, на спинках занимаемого каждым стула висел пиджак. И только один из обитателей этого филиала «Людей в черном» отличался от остальных. Он был старше, прическа на его голове была не такая короткая, рубашка — с длинным рукавом, а галстук на шее — красного цвета, и сидел он в самом дальнем конце кабинета у окна. «Начальник», — смекнул я, и не ошибся. Когда я, закрыв за собой дверь, громко произнес: «Мне к Леониду Игоревичу!», именно обладатель красного галстука поднял на меня глаза.

«Вы Костренёв? — спросил он, и я узнал голос человека, разговаривавшего со мной по телефону. — Проходите, Арсений Андреевич, я уж вас заждался». Сопровождаемый мимолетными безразличными взглядами сидевших, я двинулся по проходу между столами.

— Присаживайтесь, — указал мне на стул хозяин стола. — Сейчас младшие товарищи дадут нам посекретничать.

Те, кого Ещук назвал «младшими товарищами», дружно захлопали крышками ноутбуков, задвигали стульями, встали и вышли. «Дисциплинка, однако», — не смог не оценить групповое выступление товарищей я. Мы остались в комнате одни. Ещук с минуту с видом, что что-то ищет, поперекидывал бумаги на столе, потом, так ничего эдакого и не найдя, поставил на стол локти, сложил пальцы шалашиком, и поверх них с легкой располагающей улыбкой посмотрел на меня. Постаравшись придать взгляду швейковскую идиотичность, я посмотрел на него в ответ.

Был майор Ещук немного, пожалуй, помоложе меня, с довольно крупными чертами слегка одутловатого лица, с начинавшей просвечивать сквозь тщательно зачесанные волосы лысиной. Глядя на это лицо, я понял, что не могу никак для себя его черты охарактеризовать — нравится мне это лицо или нет, приятно оно мне, или антипатично. Оно было какое-то... никакое, что для сотрудника одного из многочисленных наших «органов», надо полагать, было скорее достоинством, нежели недостатком. Единственное, что привлекало внимание на этом лице, были глаза — внимательные и цепкие, создававшие странное и неудобное ощущение немигающего взгляда, хотя, если присмотреться, становилось ясно, что с физиологией моргания у их обладателя было все в порядке. Под этим странным взглядом, наверное, всякий ощутил бы дискомфорт, и я не стал исключением. Но одно дело — испытывать неудобство, другое же — своему визави это показать. Я решил не доставлять майору Ещuku такого удовольствия, и пока он совершенно бесцеремонно сверлил меня глазами, я через маску Швейка как ни в чем ни бывало с улыбкой моргал ему в ответ.

— Ну, что же мы с тобой, Арсений Андреевич, делать-то будем? — наконец, вздохнув, произнес майор.

— Даже не знаю, Леонид Игоревич, что и ответить вам на этот непростой вопрос! — охотно подхватил я. — А что, что-то надо делать? И, кстати: а это ничего, что я с вами на «вы», товарищ майор? Не слишком, так сказать, фамильярно?

Мягкие, расслабленные черты Ещука мгновенно прорезались, затвердели, собрались, — сейчас я точно мог бы сказать, что это лицо мне неприятно. Но продолжалась эта метаморфоза совсем недолго, — майор быстро взял себя в руки, вновь выставив вместо себя истинного маску доброго дядюшки.

— Ну вот, снова вы за свое! — сочувственно улыбнулся он. — Ерничаете, скоморошествоуете! А вот меня ваш друг Бранк давеча уверял, что Арсений Андреевич настроен на откровенный, душевный, так сказать, разговор.

— А что, откровенный и душевный разговор, в котором его участники обращаются друг к другу на «вы», вам представляется чем-то неестественным? — зло осклабился я, ощутив при весьма фамильярном упоминании майором полковника Бранка неприятное покалывание под ложечкой.

— Да и то верно! — рассмеялся, откинувшись на стуле, майор. — Какая разница — «ты», «вы»? Главное — суть вопроса, правда?

— Трудно не согласиться, — кивнул я. — Суть вопроса, пожалуй, важнее. Может быть, к ней, наконец, и перейдем?

— Легко! — расцвел в улыбке Ещук. — Только сначала необходимо принять кое-какие меры предосторожности.

Майор полез в ящик стола, — на секунду мне представилось, что он достанет оттуда пачку презервативов. Но на стол из ящика появилось чудное устройство в виде небольшого черного ящичка, напоминающего обыкновенный вайфай-роутер, только антенн на роутере было не две или максимум три, как я видел, а целых шесть.

— Что это? — спросил я. — Улавливатель мыслей?

— Если бы! — улыбнулся майор. — До такой миниатюризации создатели соответствующих технологий, к сожалению, еще не дошли. А много вопросов такая штука решила бы! Но это тоже полезный прибор — универсальная глушилка «Кайман-150». Сейчас мы его включим, и можно быть уверенным, что нас не запишет ни один микрофон в радиусе тридцати метров. Памятуя, так сказать, некоторые нюансы нашего первого с вами телефонного разговора.

Я вспомнил, как пытался поддеть Ещука тем, что записываю разговор, и усмехнулся. А майор тем временем воткнул в розетку шнур, и устройство замигало разноцветными лампочками.

— Ну, вот, — радостно потирая руки, сказал он. — Теперь можно и поговорить. Начистоту, так сказать.

— Ладно, майор, убедил, — махнул рукой я, глядя на шестирогую штуковину. — Давай начистоту.

— О, вот это по-нашему! — воодушевился тот. — Это я люблю! Безо всяких там интеллигентских штук разных!

Мне показалось, что на волне внезапно разрешенного панибратства достанет сейчас майор из тумбочки початую поллитровку, заткнутую обязательно пробкой из газеты, пару не очень чистых граненых стаканов и по засушенному бутерброду с салом или загнувшейся черно-золотой шпротиной. Но — нет, до такой стадии радость майора по поводу победы над интеллигентщиной все-таки не доходила. А, может, просто водка уже кончилась.

— Ну, без штук, так без штук, — кивнул я. — Тогда, давай, майор, рассказывай, не темня, ради чего вы ко мне в офис приперлись, и что за тайны мадридского двора ты сейчас со мной перетирать собираешься?

Ещук снова внимательно посмотрел на меня, словно оценивая, можно ли со мной говорить о столь важных вещах, кои являются предметом предстоящего обсуждения.

— Даже не знаю, как и начать-то, — произнес он задумчиво. — Дело в том, что влез ты, Арсений Андреич, своим ботинком в чужой огород. Встал, так сказать, не на свою лыжню.

Я мысленно выдохнул. После того, как Бранк настоятельно порекомендовал мне скорейшим образом встретиться с Ещуком, я гадал, чем эта встреча закончится. Вернее, какой суммой отступного, ведь именно мзда была всегдашним предметом интереса правоохранителей, от которых до последнего времени прикрывал меня Бранк. И поскольку уровень этого наезда оказался Бранку не по силам, цифра могла быть крупная, несовместимая с моими возможностями, — когда еще будет контракт по спасительному Объекту? Но сейчас выходило, что дело явно не в деньгах, и я перевел дух.

— Не совсем понимаю, о чем идет речь, — угрюмо ответил я. — Точнее, совсем не понимаю.

— Ну да, ну да, — согласно и даже как-то с сочувствием закивал Ещук. — Понятно, что не понимаешь. Я объясню.

Он снова полез в стол, но вытащил из него на этот раз не электронный гаджет, а пухлый альбом в глянцевой обложке, в котором без труда угадывался один из томов строительного проекта. Половину суперобложки занимала красочная 3D фотография, представляющая собой здание, как бы уже построенное современными программными средствами визуализации. Альбом лег на стол для меня вверх ногами, но даже так я легко узнал это фото. Это был мой Объект. В груди, в черепной коробке, во всем теле на одной заунывной ноте занял тревожный звук, удивительно похожий на сигнал, издаваемый кардиомонитором, когда у оперируемого внезапно останавливается сердце.

— Узнаешь? — спросил Ещук, поворачивая альбом ко мне.

Я с тоской посмотрел на него.

— Ты знаешь, что узнаю, — через силу усмехнувшись, сказал я. — И в чей же это я, интересно, огород с этой моей стройкой вступил?

Ещук посмотрел на меня и мне показалось, что в его взгляде мелькнуло сочувствие.

— Ну, фамилию я тебе назвать, как ты догадываешься, не могу, — ответил он. — Фамилия такая, что лучше ее вслух лишний раз, понимаешь, не произносить.

«Воландеморт?!» — хотел было уже зайтись в притворном ужасе я, но подумав, что майор про главного отрицательного персонажа саги о Гарри Поттере мог и не слышать, губить шутку не стал.

— Ну, здрасьте! — вместо этого скривил губы я. — Говорил: начистоту, без шгучек, а сам? Писать нас не могут, а я никому не скажу, будь уверен.

— Что знают двое, то знает свинья, — с тонкой улыбкой процитировал хрестоматийную фразу группенфюрера Мюллера Ещук. — И на любой «Кайман-150» найдется «Кайман-160», а у меня строгая инструкция: бенефициара не называть. Могу только сказать, что сидит он очень, очень высоко.

— Что, неужели — сам?! — округлив глаза, потыкал пальцем в потолок я.

— Нет, не сам, — с укором посмотрев на меня, серьезно ответил Ещук. — Для самого вопросец мелковат будет. Но Кремль из окон человека, о котором мы говорим, виден. И, кстати, не только Кремль, но и гораздо более отдаленные районы нашей страны, если ты понимаешь, о чем я говорю.

— Дай догадаюсь, — усмехнулся я. — Это те районы, где зима заканчивается в июне, а наступает в августе? Где водятся лемминги и растет морошка? И где много людей живут в чудесных поселениях барачного типа, защищенных от агрессивной внешней среды колючей проволокой?

— Именно, — похабненько улыбнулся Ещук. — Рад твоей смышлености.

— Угу, — кивнул я. — Понятно. Ладно, обойдемся без фамилии. Но как я оказался на лыжне столь влиятельного человека? Я точно знаю, что всю дорогу шел по своей колее, ни с кем курсами не пересекался. Ошибки нет тут?

— Нет, к сожалению, — покачал головой Ещук. — Недоразумение — да, вышло, а ошибки нет. Вот ты с кем по поводу этого объекта общался? От кого о нем узнал? Кто тебе в бане «на зуб» пообещал, что госконтракт на него будет твой?

«Вот гады, все знают!» — с тоской подумал я, раздумывая, раскрывать моего «контакта» или нет.

— Не, майор, — наконец, сказал я. — Ты мне своего заинтересанта не светишь, я тебе — своего.

— Молодец! — одобрительно хохотнул Ещук. — Своих не сдаешь! Хвалю! Только нам и

так все известно. Ведь так зовут чинушу твоего, верно?

И на листе бумаги майор карандашом размашисто вывел инициалы и фамилию чиновника. Как и следовало ожидать, данные были верные. Я поднял глаза от листа и молча посмотрел Ещуку в глаза.

— Можешь не отвечать, — хмыкнул тот. — Он сам уже во всем покаялся. Что по наущению своего бывшего зятя, сотрудника органов Виктора Бранка, решил воспользоваться своим служебным положением, и в нарушение существующего законодательства сфальсифицировал результаты закрытого конкурса на размещение государственного заказа на строительство объекта, который он курировал, на сумму три миллиарда с мелочью. Нужна была надежная строительная фирма с регалиями, которая и построит, и домашнее, так сказать, задание выполнит. С этой целью Бранк познакомил его с тобой. Преступный сговор состоялся 21-го мая прошлого года в Кузнецовских банях, под водку и девочек. Личности девочек, кстати, тоже на всякий случай установлены. Оговорен был и размер преступного вознаграждения чинуши, сиречь «отката». Начали с пяти процентов, сговорились на трех, верно?

«Верно, сука, все верно!» — подумал я Ещуку, с ненавистью глядя на него. Но внезапно майор, в течение этого монолога, очень напоминавшего обвинительное заключение, сверливший меня глазами вдруг, закинув руки за голову, откинулся на стуле и беззаботно рассмеялся.

— Арсений Андреич, да ты не парься! — воскликнул он. — Чего ты так напрягся? Глядишь на меня, как рысь на тетерку перед прыжком, аж страшно стало. Ни к кому из участников означенной сделки у нас претензий нет. В неофициальном, так сказать, порядке. Это по закону — преступный сговор, незаконное вознаграждение, коррупция. А по жизни — везде так, не хуже меня знаешь. Ну, не за восемьдесят же тысяч рублей в месяц чиновничество будет вертикаль власти укреплять, рейтинги и итоги голосования обеспечивать. Как в том анекдоте про гаишника — возьми на складе знак «40», и о зарплате больше не напоминай, верно? Да и тебе как выжить? Если не откатишь, кто-нибудь другой откатит. А у тебя фирма, компания, ты какие-никакие налоги платишь, рабочие места создаешь. То есть ты — социально значимая ячейка общей структуры. Если ты со своей компанией от отсутствия контрактов загнешься, хорошо никому не будет. Вот и получается, что хоть и поперек закона вы сговорились, а всем во благо. Симбиотическая, так сказать, связь. Туда, сюда, обратно — тебе и мне приятно! Коррупция, так сказать, как основа общественного благоденствия и форма государственного устройства.

Я смотрел на майора и не понимал: эти его разглагольствования — что это? Издевка? Бред? Стеб? Но тот был спокоен, уверен, расслаблен и ироническая усмешка не озаряла его лица.

— Если все в порядке, так в чем проблема? — угрюмо спросил я. — Давай уже ближе к делу, устал я от твоих политинформаций.

— Ага, давай, — согласился Ещук, возвращая торс к столу. — Проблема в том, что у высоко сидящего человека есть любимый сын, который недавно закончил строительный институт. И любящий отец решил к выпуску подарить отпрыску подарок. Ведь все любящие отцы что-то дарят своим оболтусам к окончанию института, верно? Вот ты что своему Кириллу подарил?

Я вздрогнул. И имя сына знает?

— Ну, машину, — сказал я.

— Вот, ты — машину! — радостно подхватил Ещук. — А тут, поскольку машина у молодого человека есть, и не одна, решил означенный товарищ подарить отпрыску... строительную фирму, во как! Пусть молодой инженер изучает стройку, так сказать, как Наполеон с холма, то есть сразу из кресла генерального директора.

— А то, что молодой выпускник в стройке ни хрена еще не смыслит, это папашу не беспокоит? — саркастически спросил я. — Выпускника мореходки да на капитанский мостик — верное средство, чтобы засадить судно на мель.

— Нет, не беспокоит, — отозвался Ещук. — Папаша справедливо рассудил, что епархия директора — деньгами распоряжаться, а кому грязь месить сапогами на стройке, завсегда найдется. Вон, например, Питкес твой — чем не руководитель стройки?

— При чем здесь Питкес? — снова вздрогнул я. — Какое отношение наша беседа имеет к Питкесу? Или арест Питкеса — тоже твоих рук дело?

— Не арест, а задержание, — назидательно поправил меня Ещук. — И мои руки здесь чисты. Но насколько я понял, вкратце ознакомившись с материалами, Борис Самойлович просто вляпался в твои с твоими поделщиками из Министерства дела. Коллеги из ОВД ЦАС вас уже полгода пасли. По сути, ты сам своего главного подставил, отправив его с котлетой на передачу. Очень, очень неосторожно!

И с видом воспитателя, делающего «ай-яй-яй» несмышленьшу, Ещук укоризненно покачал головой.

— Слушай, майор, а ты что, все-все про меня знаешь? — прищурился я на него.

— Ну, не все, но многое, — самодовольно улыбнулся Ещук.

— И что у меня в баке с грязным бельем, знаешь? — не удержался от подколки я. — И в ведре моем мусорном копался?

Ещук набычился, явно собираясь ответить в том же ключе, но взял себя в руки.

— Надо будет, я покопаюсь, — улыбнулся он. — Мне не в падлу. Но давай продолжим, а то время обеденное, жрать охота. На чем мы, бишь, остановились?

— На Питкесе, — буркнул я. — На том, какое он имеет отношение к нашей богословской беседе.

— Да, точно, — подхватил Ещук. — Так вот, Питкес твой будет строить, а сынуля нашего «Мистера Икс» — сидеть в директорском кресле да счета с платежками подписывать. Регулировать, так сказать, денежные потоки. Вот такое распределение обязанностей.

Я почувствовал, как закипает в груди глухое раздражение.

— Не понял я что-то, — сквозь зубы процедил я. — Какого это фига какой-то молодой поц, пусть он дважды сын трижды хрен знает там кого, будет в моем кресле сидеть?

— Не человек красит место, а место — человека, — подмигнул мне Ещук. — Компания, как ты понимаешь, нужна не просто абы какая, а с приданым, так сказать, с работой, с контрактами. Папе принесли на рассмотрение много вариантов, но он выбрал твой «Арми-Строй». В первую очередь, из-за этого контракта, разумеется. Большой, относительно несложный, прибыльный.

— И чего? — перебил я Ещука. — Компания-то моя тут при чем? Контракт еще не приписан, пусть берет любящий папель любую подходящую фирму, благо число им — легион, и заключает на нее этот контракт. Я уж, так и быть, отойду в сторонку, я не Дон-Кихот, с такими ветряками махаться — себе дороже. Так проживу, на мелочишке, на подножном корму. Так что компания моя, майор, твоим работодателям без надобности. А с

контрактом — договорились, можешь доложить.

«Бля, насколько же прозорлив был Хэмингуэй! — с горечью подумал я. — Только попадется что-то стоящее на удочку, как сразу налетают акулы, мать их! Ну, и черт с ней, с этой Рыбой, подавитесь, суки!»

— Дело в том, — вздохнул Ещук, — что объект же этот ведомственный, ты знаешь. И поэтому конкурс по нему проводится не по 214-му федеральному закону о госзакупках, а совсем по другим правилам. Так вот, в отчетности этого Ведомства конкурс уже прошел, ты победил, и исправить эту отчетность невозможно, она наверх ушла. Не подписан еще этот госконтракт, но приписан уже к твоей «Арми-Строй». И моим, как ты выразился, работодателям этот контракт нужен вместе с твоей фирмой.

Он смотрел на меня, и сочувствия уже не было в его взгляде, а только одна лишь усталость, голод да желание поскорее с этим разговором закончить.

— Да не может такого быть! — заревел я. — Я еще бумаги не подписывал, печать не ставил! Как может неподписанный еще государственный контракт попасть в какую-то там гребаную отчетность! А если я его вообще не подпишу? Под трамвай попаду, например? Или просто — не захочу? Как тогда?

— Подпишешь, не подпишешь — какая разница? — раздраженно ответил Ещук. — Не имеет это уже значения. Если попадешь под трамвай — подпишет кто-то за тебя, свято место пусто не бывает. А будучи живым станешь упираться — можно и под трамвай угодить, дальше — по той же схеме. Смекаешь?

И Ещук уперся в меня немигающим, очень нехорошим взглядом. На стол, казалось, посыпались искры. Майор отвел взгляд первым.

— Ладно, насчет трамвая это я так, образно, — примирительным тоном продолжил он. — Ни о какой физике, конечно, не может быть и речи, у нас же правовое государство, верно? Но отказа тебе не простят, учти. Объект ты не построишь, тебе просто не дадут. Не будут принимать работы, и все. Задолбают всякими комиссиями, проверками. Ведь без нарушений строить нельзя, ты это лучше меня знаешь. Госконтракт с тобой расторгнут, попадешь в черный список. Потом у тебя в конторе появится очередной капитан или майор и нарочет в твоих бумагах такое, от чего ты не отвертишься. Дело же не в том, насколько у тебя защищенная схема обналичивания, а в том, с какой высоты на тебя будет заказ. А заказ будет с о-очень большого высока, так что стезя Ходора тебе обеспечена. Подумай о семье. И о других людях. Которые с тобой работают, например. Надо будет ради тебя одного целый банк накрыть — накроют. Ну, а уж что Бранку твоему и его бывшему тестю эта история тоже так не сойдет — это будь спок. Их ты тоже прицепом потянешь, и мало им не покажется. И знать они четко будут, кто этому виной.

Огромная, неподъемная усталость навалилась на меня. Ее тяжесть согнула шею, заставила бессильно повиснуть голову. Чтобы хоть как-то сопротивляться это страшной, гнущей к земле силе, я упер локти в колени и так замер, словно приговоренный, ожидающий последнего свиста меча. Я услышал звук отодвигаемого стула, мягкие шаги Ещука, обходящего стол. Потом скрипнула столешница, на которую примостился его зад, и я ощутил его пятерню у себя на плече. Майор явно хотел выказать сочувствие, но мне страшно захотелось резким движением плеча сбросить эту соболезную горячую, невытую лапу, но сил не было.

— Так что это — единственный нормальный выход из создавшейся ситуации, — вздохнул у меня над ухом Ещук. — Бескровный, так сказать.

Темнота застила мой взгляд, паркетины пола, которые я разглядывал последнюю минуту, расплылись перед глазами. Точно как давеча в разговоре с г-жой Нарцыняк, на меня накатило.

— Суки вы все! — произнес я тихо и внятно. — Суки драные. Расселись по Кремлям, правительствам, администрациям да антикоррупционным комитетам разным, накинули на всю страну намордник с коротким поводком и ухмыляетесь. Я все, что у меня есть, заработал честно, в точности по правилам игры, которые вы создали. А вы приходите и отбираете, как вражья стая, как продразверстка, как воры с бандитами, потому что приглянулось. Но вы хуже воров и бандитов. Те открыто действуют по своему кодексу, по понятиям, а вы законом прикрываетесь, кодексом уголовным, конституцией. В чистеньких рядитесь, а на самих клейма ставить негде. Раньше говорили: «Последнюю сигарету даже мусора не отбирают», вы все рвете, вам все нужно.

Во мне бурлила старая, накипевшая ненависть к всему тому, что я с молодых ногтей отождествлял с государственной карательной машиной. От советских времен с их красивыми фильмами про милицию и кровавыми следами от разбитых голов на заплеванных стенах ментовских отделений. От бизнеса времен перестройки и начала девяностых, когда не могущие (а, может, не хотящие?) правоохранители не защищала от саранчовых набегов бритоголовой шпаны в трениках. От конца девяностых, когда силенки появились, когда внутренние органы возмужали, окрепли и, защитив от бандоты, навинтили на денежное вымя деловых людей свой собственный доильный аппарат. До внезапных представлений «маски-шоу» в моем офисе, которым в двухтысячные, казалось, не будет конца. До бесконечно, вроде бы, далекого мне Ходорковского, у которого забрали все за то, что рискнул подвергнуть сомнению объявленное с самого верха единственно правильным. До всех, по которому проехала государева машина. Я поднял глаза на Ещук и закончил, вложив в слова всю эту ненависть:

— Ни дна чтоб вам, ни покрывки, гады, чтоб вы сдохли все!

— Это значит, что мы договорились? — несколько натянуто рассмеялся в ответ Ещук.

Он убрал руку с моего плеча, встал со стола и снова занял свое место с другой его стороны. Я молчал. Моя ситуация представилась мне узким и глубоким колодцем, в который я попал мановением высших злых сил: я упираюсь что есть мочи руками и ногами в осклизлые стенки, вправо-влево хода нет, и даже вниз нельзя, будет еще хуже, и остается только через силу, через вывернутые суставы и сорванные ногти карабкаться вверх, где, может быть, я увижу еще когда-нибудь небо и сделаю глоток свежего воздуха.

— Ничего такого я в виду не имел, — отрицательно покачал головой я. — Мне надо подумать.

— Подумай, подумай, — согласно закивал головой Ещук. — А чтобы тебе легче думалось, я тебе скажу, что люди, на которых ты сейчас злобные помои выливал, о тебе заботу проявили. В качестве компенсации за компанию твою тебе предложено десять процентов от прибыли с объекта. Естественно, после окончания контракта и подбития бабок. Или сто тысяч долларов одновременно, сразу после подписания всех бумаг. Так что насчет последней сигареты ты неправ.

Я быстро прикинул в голове цифры. Чистая прибыль с объекта стоимостью три миллиарда вполне могла составить четыре-пять миллионов долларов. Десять процентов от таких сумм — большие деньги, и если бы была уверенность, что я их на самом деле получу, сделку можно было бы считать почти честной. Вот только вероятность этого

экспоненциально стремится к нулю, потому что, уверен, через два с половиной года об этом обещании никто и не вспомнит — не расписку же, в самом деле, они мне напишут! И вообще, суровые законы бизнеса гласят: деньги надо брать сразу, потому что наличие их завтра — это «большой не факт». И эти люди эту заповедь хорошо знают, поэтому и предлагают сотку «гривна» — по меркам Объекта, сущую мелочь, но сразу.

— Пропуск отметить, — сказал я, бросая на стол бумажку. — Я подумую.

Ещук отметил на пропуске время убытия, витиевато расписался. Я взял пропуск и, не прощаясь, направился к выходу.

— Он поду-умаает! — раздался за спиной издевательский смешок Ещука. — Ему царское предложение делают, а он кобенится! Даже Михаил Борисычу такого выбора не предоставляли. Да будь моя воля, ты бы прямо отсюда отправился в камеру, и ближайшие лет десять небо ты бы видел исключительно в клеточку, а костюмы носил только в полосочку. Интеллигенция хренова!

Я, не останавливаясь, шел к выходу.

— Думай быстрее! — у самой двери снова нагнал меня голос Ещука. — Неделю тебе сроку даю. И не советую дергаться, другого выхода у тебя все равно нет!

— Ты советы свои можешь в задницу себе засунуть, — смакуя слова, как кусочки швейцарского шоколада, ответил я, берясь за ручку двери. — А что не влезет — бабе своей в передницу. А выхода нет только для таких, как ты, майор. У нормальных людей выход всегда есть.

Один оставшийся у турникета полицейский лениво принял у меня пропускную бумажку и, сопровождаемый злобным лязгом закрывшейся за спиной двери, я вышел наружу. После царящей в покинутом мною заведении атмосферы душной ментальности и духовной спертости неудержимо захотелось вдохнуть полной грудью относительно свежий московский воздух, но проехавшая мимо «армянская копейка» начала масляным выхлопом, и мне расхотелось. Я посмотрел на часы — до прибытия рейса, которым из Анталии прилетали Ива с Дарьей, оставалось меньше двух часов. Я сел в Субару, и по уже начинающей заполняться в преддверии 1-го сентября машинами Москве не спеша поехал в Шереметьево.

Времени до прилета рейса было предостаточно, и я то и дело нервно посматривал на часы не из-за опасения опоздать, а в ожидании звонка от Ведыцкого. Адвокат позвонил в две минуты шестого.

— Ну, что, Арсений Андреевич, — в своей обычной манере начал излагать суть дела он. — Думаю, что мне есть, чем вас порадовать, хотя, с другой стороны, ит, как говорится, дипендс. Обвинение, как мы и предполагали, настаивало на содержании моего подзащитного под стражей, страдая суд тем, что, находясь на свободе, он сможет де и от следствия скрыться, и как-то там на кого-то влиять, и всякой прочей обычной своей лабудой. Мне удалось убедить судью, что, находясь в преклонных годах, подследственный никуда не денется, а возможностей влиять у него просто нет, потому что и влиять-то на кого и с какой целью, непонятно. Но следователь проявил совершенно необыкновенную настойчивость, буквально взял судью за горло, арестовать, мол, и все тут. Я чувствую, судья заколебался и просто так, на подписку, не выпустит, и мне пришлось поднимать тему с залогом. Судья ухватился: да, вот, мол, решение — назначим хороший, большой залог. И поскольку

следователь в принципе не возражал, судья вынес решение об освобождении задержанного под залог в три миллиона рублей.

— Сколько?! — не удержавшись, воскликнул я. — Три миллиона?

— Да, три миллиона, — сурово подтвердил Ведецкий. — Я, конечно, понимаю, сумма немаленькая, но мне кажется, что все-таки это лучше, чем безальтернативное содержание под стражей. В любом случае, я сделал все, что было возможно.

— Да, да, конечно! — поспешил успокоить адвоката я. — А когда и как нужно внести эти средства, чтобы Питкеса еще сегодня выпустили?

— Заплатить через сбербанк, реквизиты платежа у меня есть, — пояснил Ведецкий. — С платежкой явиться к следователю, он обязан тут же отпустить задержанного. Банк до шести, если поторопиться, всю операцию можно успеть повернуть еще сегодня.

Я лихорадочно прикидывая, сколько и где можно сейчас набрать денег. В ячейке в банке в пятницу было четыре миллиона неприкасаемого резерва, миллион сто забрал Павлик, осталось два девятьсот. Срочно нужно было найти сто тысяч рублей. Черт, плевая сумма, я могу снять ее в любом банкомате со своей кредитки, но красно, как говорится, яичко к Христову дню! Даже если я сейчас на все забью и рвану в город, велик риск до закрытия банка не успеть. Черт!

— Так что, Арсений Андреевич? — напомнил о себе в трубке Ведецкий. — Мы сегодня занимаемся залогом, или переносим все на завтра?

— Денег не хватает, — угрюмо объяснил адвокату ситуацию я. — Не могу придумать, где срочно взять.

— Много не хватает? — невозмутимо поинтересовался Ведецкий. — Сто тысяч? Ну, это пустяки. У меня такая сумма есть с собой, ради такого дела я с удовольствием одолжу ее вам. Вопрос решен?

— Решен! — воскликнул я. — Александр Алексеевич, вы даже не представляете, как я вам благодарен!

— Ну, пустяки! — скромно ответил Ведецкий. — Как мы дальше действуем?

Дальше все было просто. Я позвонил Павлику и велел ему вприпрыжку нестись в банк. Туда же через четверть часа должен был подтянуться Ведецкий с недостающей соткой. Они осуществляют платеж, и адвокат, предупредив следователя, едет с платежкой и забирает Питкеса. Все, вроде бы, складывалось, и я победоносно потряс в воздухе руками: «Йес-с-с-с-с!» Правда, денег в конторе после изъятия резерва остается ноль целых, ноль десятых, но по сравнению с тем, что Самойлыч через час-полтора будет на свободе, это сущая ерунда.

Рейс, которым прилетели Ива с Дарьей, приземлился без опоздания. Взгляд без труда выделил ее в бесконечной толпе загорелых на пляжах Анталии соотечественников, — на фоне их кричащей пестроты Ива выделялась пятном, которое невозможно было не заметить. Наверное, потому, что пятно это было черное: черные складчатые индийские шальвары, черное парео, накинутое на голову, черные очки на пол-лица. Ярко-алый чемодан, который она везла за собой (American Tourister, мой подарок), только подчеркивал слюдяную черноту ее наряда. На огромной скорости, каким-то потрясающим образом совершенно не встречая сопротивления в виде соседей по потоку, Ива неслась к выходу, напоминая американский стратегический разведчик «Black Bird» с его двумя с половиной «махами» «максималки».

«Гля, артистка! — толкнул меня в плечо стоящий рядом частник-бомбила с ухмылкой Савелия Крамарова на лице. — Эта, как ее, из сериала — ну, ты понял. Секи задрапировалась под шахидку, думала, не узнают! Да, такие на частных не ездят, небось, водила за ней прискакал. Ц-цт, дорого бы я дал, чтоб ее трахнуть!» Я вложил в ответный взгляд на наглеца всю свою строгость, но тот, выкрикивая: «Такси, такси недорого!» уже был занят вылавливанием другой жертвы, больше не обращая на меня и «артистку из сериала» никакого внимания. Дарья, одетая в точности, как в субботу, с маленьким смешным чемоданчиком, прыгавшим за ней на крохотных колесиках, словно собачка породы «чия-хуа-хуа» на веревочке, и толстобокой пляжной сумкой на плече, не поспевая за матерью, в припрыжку неслась сзади, то и дело натываясь на людей. Ее волосы курчавились «мелким бесом», говоря о том, что еще несколько часов назад она плескалась в теплых водах Средиземного моря. На фоне словно вытесанной из черного обсидиана фигуры матери она выглядела еще моложе своих лет; обе же они в этот момент почему-то вызвали у меня ассоциацию стоящих на соседних клетках монументальной королевы-ферзя и маленькой голенастой пешки. «Ива! — позвал я. — Дарья!» Ива услышала, остановилась и почему-то повернула голову в противоположном от меня направлении. Дарья, напротив, увидела меня сразу, помахала, с налету врезалась в затормозившую мать, схватила ее за руку и потянула в мою сторону. Ива, боднув кого-то чемоданом, развернулась, и не обращая на возмущенные вопли пострадавшего никакого внимания, устремилась ко мне. Ее нос под очками заострился, губы были сжаты в решительную гузку. «Привет!» — поздоровалась она, не без труда затормозив чемодан в сантиметре от моей ноги, ровно две секунды медлила, потом поцеловала меня в щеку. «Здрасьте, дядь Рсений!» — жалобно пискнула подоспевшая Дарья, глядя на меня снизу вверх тоскливыми глазами собачонки, оставшейся без хозяина. «Примите мои соболезнования», — отвесил я по кивку Иве и Дарье, и обе они закивали головами в ответ. Я перехватил у Ивы чемодан и, возглавив кавалькаду, двинулся к выходу. Бомбила с мимикой Крамарова посмотрел на меня с восхищением и нескрываемой завистью. «Я уже дал, — ответил я ему взглядом. — Очень дорого».

Когда мы подходили к машине, раздался звонок от Самойлыча. Сдержанно поблагодарив, Питкес проинформировал, что отпущен на свободу, направляется домой и завтра с утра будет на работе. Я предложил ему после такого стресса отдохнуть недельку, на что старый служака ответил, что в тюрьме не перенапрягся, а дел на службе невпроворот. Я мысленно пожал ему руку, потом подумал и крепко обнял. Потом позвонил Ведыцкому и еще раз за все поблагодарил. Настроение сильно улучшилось, начинало казаться, что после катастрофического вчерашнего дня все начинает выравниваться.

Все немалое время пути из Домодедова до Митино, несмотря на то, что Дарья с открытым ртом спала на заднем сиденье, мы едва ли сказали с Ивой два десятка слов. Я поинтересовался, когда похороны.

— Завтра, — сказала Ива.

— Где? — спросил я.

— На Митинском, на мусульманских участках, — ответила Ива. — В три часа. Хорошо, рядом, навещать можно почаще.

От последних Ивиных слов неожиданно ревниво сжалось сердце, и я, отрезвляя себя, в ответ ожег себя жгучим крапивным хлыстом совести: ревновать женщину к мужу, к тому же еще и покойному — а все ли в порядке с головой у тебя, дорогой товарищ?

— Ты поедешь его... увидеть? Ну, до того? — минут через десять возобновил диалог я.

— Софа сказала, там нечего видеть, одни головешки, — не сразу отозвалась Ива. — Хочет денег дать, чтобы не затевали бодягу с генетической экспертизой, это не меньше двух недель, а покойник все это время непогребенный, это ни по нашим, ни по их обычаям нехорошо. Но все равно ехать завтра спозаранку надо, нужна моя подпись под протоколом опознания, без этого не выдадут свидетельство о смерти и тело... то есть, останки. Она и на кладбище договорилась, что могилу выкопают без свидетельства, но если завтра к часу я не приеду со всем этим из морга, похороны не состоятся.

Снова в салоне воцарилась тишина. И уже в виду семнадцатизэтажки Эскеровых Ива вдруг, не поворачивая ко мне головы, тихо спросила:

— Сам-то не пойдешь?

Для чего она об этом спрашивает, что имеет в виду? Мое отношение к Аббасу ей прекрасно известно, так что я должен выражать, придя к нему на похороны? Несмотря на заповедь никогда за рулем не отрывать глаз от дороги я не удержался, бросил на Иву быстрый взгляд, но ее профиль ничего не выражал.

— Ты считаешь, что мне нужно пойти? — спросил я и скорее услышал, чем увидел, как Ива пожала плечами, — черт, зачем тогда спрашивать?

— Не думаю, что он был бы рад меня видеть, — усмехнулся я, вспоминая, как в один из самых натянутых моментов наших отношений Аббас Эскеров обещал справиться малую нужду на моей могиле.

— Как знать, — ответила, помолчав, Ива.

Подъехали. Дарья на заднем сиденье открыла глаза, как сова, закрутила головой. Ива открыла дверь, осторожно вытянула ногу, нащупывая с высокого порога твердую опору. Каким-то ужасающе лающим рэпом зашелся Дарьин мобильник. «Мам, мам, погоди! — остановила она Ивины попытки выбраться из машины. — Можно я сразу пойду к девчонкам? Катька прислала эсэмэску, зовет прогуляться, я так по всем соскучилась!». Ива повернула голову, но захватить дочь в поле зрения из-за положения «полувыгрузившись» она уже не могла, и ответила, глядя куда-то в район лампочки на потолке «Аутбэка»: «Даш, ну куда ты в ночь? А отдохнуть с дороги? Завтра со всеми наобщаешься». «Завтра же похороны, забыла? — капризным тоном возразила Дарья. — С кем я завтра наобщаюсь?!» «Да, завтра же похороны, — эхом отозвалась Ива. — Я забыла». И вдруг, так и не выйдя полностью из машины, она разрыдалась. Я выскочил из-за руля, помог ей, протянул носовой платок. Дарья тоже тихо выскользнула из машины, хотела захлопнуть дверь, но с первого раза у нее это не получилось, и она была вынуждена второй раз размахиваться тяжелым дверным полотном. Чувство дежавю охватило меня: много-много лет назад я подвозил их на квартиру в проезде Шокальского; выходя из «семерки», Ива за что-то зацепилась подолом, я выскочил ей помогать, а с заднего сиденья тем временем так же, как сейчас, выкарабкивалась восьмилетняя Дашка и так же не могла закрыть за собою дверь. Это было... да, двенадцать лет назад, стрелка на циферблате жизни описала полный круг. «У вас в семье траур, — тихо сказал я Дарье. — Вообще-то, не время с подружками по клубам да дискотекам скакать». Та зыркнула на меня темными глазами, отвернулась, не удостоив ответом. «Поучайте лучше ваших паучат!» — читалось в ее взгляде. «Они не ходят в клубы и на дискотеки, — заступилась за дочь Ива и громко высморкалась в мой платок. — Там Катя, Лена и эта... как ее... хорошие девочки. Пусть сходит, только ненадолго». Выходило, что, обратившись к дочери в третьем лице, Ива доверила мне транслировать той свою волю. Я замешкался, потом как-то неловко полуобернулся к ней в каком-то совсем идиотском четверть-поклоне,

словно мажордом, получивший распоряжение господ и собирающийся донести хозяйскую волю до челяди. Дарья, как заправская актриса, тонко прочувствовала мизансцену, отвесила мне низкий книксен, развернулась и зашагала прочь от нас. «Как ты думаешь, она не замерзнет?» — с трагическим выражением лица спросила Ива, возвращая мне платок. «Думаю, нет, — тоном того самого мажордома ответил я, добавил про себя: «Мэ-эм!» и пошел выгружать поклажу.

Нагруженная двумя чемоданами, ридикюлем и давешней Дарьиной толстобочкой сумкой, Ива выглядела вылитой Маршаковской «дамой, сдававшей в багаж».

— Ты не сможешь мне подняться до квартиры? — спросила она.

Это прозвучало не просьбой, а утверждением в форме вопросительного предложения. Я внимательно посмотрел на нее.

Я никогда не был в этой квартире Ивы и Аббаса Эскеровых. На момент нашего разрыва там вовсю шел ремонт, а после «реконкисты» и возобновления отношений идея моего посещения их квартиры (с 99,9 % вероятностью переписа на действующем супружеском ложе) ни разу, к счастью, между нами не возникала. Потому, что, возникни она у Ивы, я бы точно отказался; возникни у меня — думаю, на это не пошла бы она. И это было следствием не только простой человеческой щепетильности и душевной чистоплотности: грехи-блуди, но границу не переходи. Эта никогда не поднимавшаяся между нами идея была квинтэссенцией всей сложности наших с Ивой отношений — Аббас всегда незримо был между нами. И это при том, что у меня дома Ива — раз всего — но была, и никакая щепетильность не помешала ей мощно и страстно попирать задницей и коленями нашу с Мариной кровать. «Забавно было ощутить себя твоей женой!» — только и сказала тогда Ива, сидя после всего на краю кровати голая и закалывая волосы. Помню, тогда я осторожно заглянул ей в глаза, ожидая и боясь увидеть в них движение души, титрами к которому могли бы быть эти в высшей степени двусмысленные слова, но Ивины глаза в этот миг обшаривали комнату в поисках своих трусов, и ничего, кроме озабоченности этим обстоятельством, не выражали.

В своей лучшей манере Ива выдержала мой взгляд, разглядывая невидимые человеческому глазу недостатки на босоножках. Даже просто отрицательно покачать головой сейчас было невозможно, это было равносильно тому, чтобы сказать: «Сама допрешь!» Я вздохнул, и принял чемоданы из ее рук.

В квартире царил полумрак. «Ставь здесь», — определила Ива место для чемоданов в углу прихожей. Сама она сразу же полезла в пузатую сумку и извлекла из ее чрева что-то весьма тяжелое на вид в темной коробке. «Это тебе», — сказала она. Коробка оказалась коньяком Hennessy XO, моим любимым, но дорогим настолько, что я мог позволить его себе только в исключительных случаях, и сейчас уже не помнил, когда последний раз ощущал на языке его божественный вкус. «М-да, случай на самом деле исключительный», — подумал я, вслух попеняв Иве за то, что совершенно не стоило тратиться на такую дороговизну. Ива неопределенно махнула рукой в стиле: «Какие мелочи для нас, Ротшильдов», или: «Берите, берите, у меня много!» Затем она по-футбольному скинула босоножки и великодушно кинув через плечо: «Можешь не разуваться» через распахнутые настежь двустворчатые двери углубилась в лежащую за ними комнату. Сочтя за лучшее обувь все-таки таки снять, я последовал за ней. Вспыхнула люстра под потолком (хрустальная, богатая), и осветила все вокруг. Это был гостиная с диваном и креслами по одну стену и большим (но не таким большим, как у меня) телевизором на другой стороне. На полу — красивый паркет, на стенах

— дорогие обои. Все было сделано весьма прилично, — не так прилично, как у сделал у себя дома я, но все же. Только две вещи резали глаз: совершенно неуместная, дебильная белая с позолотой розетка под люстру на потолке («Стиль «сераль»! — подумал я) и большой, во всю стену цветастый ковер на стене. К тому же на ковре висели скрещенные кривые то ли сабли, то ли янычарские ятаганы, а сверху над ними по центру — длинный остроконечный кинжал без ножен (Этим кинжалом Дарья тыкала себя в горло? Да он ей, как двуручный меч-кладенец!) Ива поймала мой иронический взгляд, пояснила: «Ну, что ты хочешь, он же восточный человек». Помолчала, добавила: «Был», и ее глаза снова набухли слезами. «Садись, не стой», — сказала она, отвернувшись, и ее локти заходили в такт ладоням, вытирающим слезы со щек. Я опустил в глубокое мягкое кресло. «Выпьешь чаю? — спросила Ива и, не дожидаясь ответа, уточнила: — Черный или зеленый?» Захотелось ответить: «Нет, не буду, зеленый», но шутить было как-то неуместно. Ива снова вышла в прихожую, оттуда, видимо, на кухню, оттуда донеслись железные звуки посуды и задавленный визг открытого водяного крана. «Что же ты транбуксы-то не поменял?», — мелькнуло автоматом в голове, и я поймал себя на том, что обращаюсь к Аббасу, как к живому.

Минут через пять Ива вернулась, неся в руке дымящуюся чашку чая со свисавшим из нее на ниточке стикером от чайного пакетика, поставила на маленький столик рядом с моим креслом, прямо на полировку. Марина никогда никому не подала бы так чай — не вынуд тщательно до того выжатый пакетик, без ложки, блюдца и пары салфеток под него. Я поблагодарил, отхлебнул из чашки, — чай был горячий и невкусный.

— Да, вот так они и жили, — произнесла Ива избитую фразу из какой-то сильно бытовушной хохмы советских времен.

— Да ничего так все, — пожал плечами я, облизывая обожженные кипятком губы.

— Пойдем, я покажу тебе спальню, — позвала Ива, слабо улыбнувшись похвале.

Гаремный стиль, присутствующий в гостиной, здесь просто царствовал. Кровать, застеленная атласным стеганым покрывалом с золотыми кистями, изголовьем стояла в алькове, на окнах висели тяжелые, непроницаемые шторы. Не такие дешевые с виду, как на самом деле, эстампы на стенах были абстрактны, но при ближайшем рассмотрении в абстракциях угадывались женские фигуры в стиле «ню». Ноги утонули в длинноворсном, ужасно непрактичном и негигиеничном ковре. Ива щелкнула выключателем, загорелись неяркие ночники над прикроватными тумбочками. При таком свете, например, читать было делом немислимым, — эта спальня была предназначена исключительно для того, чтобы спать и... трахаться, трахаться, трахаться. Густой аромат благовоний с тонкой примесью только что извергнутой спермы, казалось, витал в этом месте. Разматывая на себе парео, Ива прошла мимо изножья кровати к окну, повернулась ко мне. Звякнула золоченая пряжка широкого ремня у нее на поясе, и шаровары слились на пол. Заученное, как «Отче наш», движение рук, и бюстгальтер упал на ворох шаровар. Два грациозных шага на месте голенастыми, как у фламинго, ногами, и тонкие трусики присоединились к прочим предметам ее туалета. Времени прошло не больше, чем нужно сильно ошарашенному чем-то человеку, чтобы произнести: «Ё... твою мать!», а Ива уже стояла передо мной тонкая, длинная, загорелая и совершенно голая.

— Пойдешь в душ? — спросила она, откидывая край покрывала и усаживаясь на кровать — в точности, как тогда у меня дома. — Хотя нежарко, можно не терять время, Дашка может вернуться в любой момент.

Трудно описать все чувства, враз охватившие меня. Я смотрел на нее, и не понимал, как она может думать об ЭТОМ сейчас. Или если она думает, что ЭТО сейчас хочется делать мне, то каков в ее представлении я? И каким представляла она меня все эти огромные годы, когда мы были почти как муж и жена? Да она ли это? Может быть, ее подменили, и это — инопланетянка, и вот-вот, прямо сейчас лопнет ее очаровательная загорелая кожа, и из под нее ползет гнусное зеленое черт-те-что с усиками? Я замотал головой, но видение не исчезло, — точно также Ива, в чем мать родила, сидела на кровати, концентрическими движениями подушечками пальцев поглаживала себя по темно-розовым пупырчатым ареолам, помогая расправиться примятым бюстгальтером соскам, и глядела на меня при этом призывно, покорно и... с любовью. Да, точно, этот взгляд ни с чем не спутаешь, это чувство в глазах не узнать невозможно, оно отличается от просто интереса, желания или похоти, как небесная Джомолунгма от кургана в задонской степи. Но ведь Джомолунгмы там быть не могло, хотя бы потому, что ее там не было ни год, ни месяц, ни три дня назад, а за такое короткое время такое высокое чувство не вырастает, как его ни пестуй, ни поливай, это невозможно по определению. И, значит, это игра, гениальная, потрясающая, неповторимая, достойная всех Оскаров на свете, но всего лишь игра. Игра, имеющая в перспективе конкретную цель, потому что только истинная любовь бескорыстна, но не имитирующая ее, пусть божественно, игра. И весь этот калейдоскопический ураган чувств нашел выражение лишь в одной фразе, прозвучавшей у меня в ушах будто произнесенная не мною, а из громкоговорителя времен Отечественной войны:

— Ива, Ива, окстись, что ты де-лае-ешь?! Ты с ума со-шла-а-а?!!

Ива вздрогнула и, видимо увидев в моих глазах эдакое неведомое ей раньше нечто, тихо охнула, натянула на прелести покрывало, опустила голову и затихла, словно услышав беспощадный голос судьи, произнесшего: «Guilty!» — «Виновен!» Испытывая физическое отвращение от того, что не могу вымыть с мылом руки и глаза, я выскочил из спальни, из квартиры, из дома. Сел в машину, и всю дорогу ехал в тишине, не включая приемник и не сказав самому себе ни единого слова. Только уже у ворот дачи, вспомнив старую шутку-гадание, я ткнул клавишу радио — какая песня сейчас звучит в эфире, что она наворожит мне? Салон наполнила грустная гитара Кейта Ричардса, под которую вечные Rolling Stones выводили: «Good bye Ruby Tuesday[i], who could hang a name on you, when you change with every new day, still Im gonna miss you!» М-да, забавно! Очень, я бы сказал, в жилу...

Страшно жалелось о забытом Hennessy, потому что выпить было нечего, а хотелось очень. Но, подумав, что мысли о том, из чьих рук получен коньяк, испортили бы мне все удовольствие, я об оставленной в квартире в Митино коробке сожалеть перестал. Странно — мысли об Иве сейчас совершенно по-другому, чем когда-либо раньше, «звучали» в моей душе. Если продолжать музыкальное сравнение, то прежде это всегда гармоничная тема, с пиками и падениями настроения, чаще минорная, иногда тревожная, но всегда правильная и мелодичная, которую хотелось слушать, не прерываясь. Сейчас это была раздерганная какофония звуков, случайное сочетание диссонансных рифмов, которое хотелось побыстрее выключить, выбросить из головы, и то, что это никак не удавалось, еще больше усиливало раздражение от этой тошнотворной музыки. Мне не хотелось думать об Иве, не хотелось слушать эту ее мелодию! И значит ли это, что прежняя мелодия никогда больше не вернется, никогда не завладеет мною? И внезапно я почувствовал от этой мысли странное, долгое облегчение. «Прощай, Руби Тьюздэй. И хоть каждый день ты — разная, я все равно буду скучать по тебе». Девушка со странным именем Рубиновый Вторник уходит в даль, как

стремительно догорающий рубиновый закат августовского вторника за окном. Интересно, выполнил ли свое грустное обещание Кейт Ричардс? Но в любом случае я — не он, совсем не он.

[i] Ruby Tuesday («Рубиновый вторник»), песня группы Rolling Stones

Глава 7. Аббас

Первый раз в живую я увидел Иву на дне рождения Бориса, брата Софы, Аббасова дяди. Это было в середине девяностых, в разгар «качугинского» периода в моей жизни. Росло благосостояние российских *privogiches* и доящих их бандитов. Заколачивающие совершенно нереальные, дурные деньги люди «росли над собой», им требовалась соответствующая доходам инфраструктура. Машины, часы и шмотки уже были, огромные расселенки в престижном центре или новое жилье в уже начавших появляться новых домах «бизнес-класса» купить тоже не было проблемой. Но привести это жилье в пригодное для проживания состояние, сделать так называемый «евроремонт», а потом обставить квартиру мебелью и техникой соответствующего уровня было гораздо сложнее. До того, как начать наслаждаться жизнью в новом просторном обиталище, ее счастливый обладатель должен был пройти несколько кругов «потребительского ада». Сначала нужен был дизайн-проект, а архитекторов нужного уровня в Москве было по пальцам сосчитать. Когда же, заплатив модному дизайнеру небольшое состояние, владелец недвижимости собирался как можно быстрее перейти к претворению красочных перспектив и разверток в штукатурке и гипсокартоне, выяснялось, что нужны согласования, разрешения на перепланировку и прочее, что в забюрокраченной Москве решалось не сколько дорого, сколько ужасно долго. Потом нужно было найти подрядчика, который в состоянии осуществить передовой дизайн-проект не с «совковым» уровнем качества. Потом — заказ и поставка кухни, из-за границы, у нас кухонные гарнитуры на заказ тогда еще не делали совсем. Потом — прочая мебель, техника и т. д. Редко когда «ремонтник» заселялся в свое новое жилье раньше, чем через год после приобретения. Комплексно и на необходимом уровне слуги такого рода в Москве тогда практически никто не оказывал, а мы не только начали, но и пустили широкую рекламу в прессе и на телевидении. Заказы пошли, потом потекли, потом мы поняли, что не в состоянии справиться с их наплывом. Мы с Сашей вели одновременно по семь-восемь квартир. Это был предел, нужно было расширяться. Нужны были исполнители, на которых мы могли бы переложить непосредственную работу по уже заключенным договорам, освободив себя для работы с перспективными заказчиками. Мы подали объявления в газеты о найме на высокую оплату производителей работ — по-старому, или менеджеров проектов, как мы для пущей важности стали их называть. К нам выстроилась очередь претендентов. В основном это были люди либо с опытом прорабской работы на совковых стройках с соответствующей ментальностью, либо недавно закончившие разнообразные ВУЗы люди без опыта вообще. Первые не годились, потому что не понимали, что им предстоит делать, вторые же, не имея никого производственного опыта, не знали, как это делать. Отсев был существенно выше 90 процентов и приближался к 99 из 100. С огромным трудом из более чем трехсот кандидатов мы отобрали двоих. После соответствующего «буферного» периода мы переложили на них текущие объекты, и тем не менее начались проблемы, на которые у нас уходило немногим меньше времени, чем когда мы вели работы сами. Мы были в отчаянии — на расширении можно было ставить крест. Тогда-то у нас и появился Аббас.

Кто порекомендовал его Саше Качугину, тот потом даже сам не мог вспомнить. Я помню, как компаньон сказал, что сегодня на собеседование ко мне придет кандидат, которого ему очень рекомендовали. Я пропустил информацию о рекомендациях мимо ушей, потому что в нашем деле они мало что значили. Пришедший на собеседование относительно

молодой человек сразу же привлек мое внимание двумя вещами: ростом значительно ниже среднего и редким сочетанием совершенно славянской внешности с глубоко нерусскими «ФИО» — Эскеров Аббас Мерашевич. Паспорт давал мало пояснений на этот счет, потому что сообщал, что родился и живет его обладатель в Москве. Я не удержался и спросил, получив в ответ выжимку об иранско-абадзинских корнях последнего. Но, в конце концов, генеалогия претендента интересовала меня гораздо меньше деловых качеств, и я перешел на его профессиональные бумаги. Они свидетельствовали о том, что их обладатель пятью годами позже меня окончил строительный институт, правда — экономический факультет. По распределению попал в одно из Главмосстроевских управлений, где и проработал все последние годы в должности «инженера планового отдела». Я разочарованно закрыл бумаги — из всего набора образовательно-послужных регалий нас более или менее устраивала только специальность по диплому — «инженер-экономист в области строительства». Я уже открыл рот для начала отказной речи, но претендент опередил меня.

— Вы считаете, что я вам не подхожу? — с доброй улыбкой во взгляде сказал Аббас Эскеров. — Но, согласитесь, ведь конкретных оснований для отказа у вас нет. Вы делаете вывод о моей непригодности на основании пары бумажек, дающих обо мне объективного представления не больше, чем технические данные красного глиняного кирпича — о Кремлевской стене. Вам не кажется это не только не совсем объективным ко мне, но и не вполне профессиональным с вашей стороны? Немного от профанации, нет?

Я опешил. Первым желанием было выставить наглеца за дверь, но с очевидностью было ясно, что это будет ход проигравшего, а я не привык проигрывать, да еще на своем поле. Вздохнув с утомленным видом человека, вынужденного день изо дня объяснять не очень сообразительным людям, почему дважды два — это именно четыре, я поведал претенденту причину отказа. Я вкратце рассказал, чем мы занимаемся, и обратил внимание, что наше деятельство находится на слиянии таких граней, как архитектура, дизайн, строительство, менеджмент, художественное восприятие и чувство прекрасного, и даже психология, и из лежащих передо мной бумаг совершенно очевидно следует, что господин Эскеров А.М. не имеет ни малейшего «икспириэнса» ни в одной из этих областей.

— Так что я делаю вывод о вашей профнепригодности для нашей компании не на основании ваших бумаг, а на основании понимания, какими качествами вы каким образом не можете обладать, — чуть-чуть издевательски глядя в глаза своему визави, сказал я. — А вот для понимания этого мне на самом деле хватило только двух бумаг — вашего диплома и копии трудовой книжки. Третий документ — паспорт, как вы понимаете, поправок в это представление внести также не мог.

Тонкая улыбка на губах господина Эскерова стала чуть менее естественной, однако вовсе не исчезла.

— Ну, что ж, понятно, — после полуминутного раздумья ответил он. — Вынужден признать, что в узкой области ваших профессиональных интересов вы сделали вполне логичные выводы.

— Ну, вот видите! — с облегчением человека, доказавшего-таки упряму очевидное, воскликнул я. — Дважды два все-таки оказалось четыре. Чайку на дорожку?

Я потом много раз вспоминал этот момент. Не предложи я тогда ему чай, может, и не было бы всего? Получивший отповедь кандидат просто встал, и ушел бы прочь из моей жизни, и больше никогда бы в ней не появился? Или, предлагая, я рассчитывал на то, что проигравший просто откажется, предпочтя не задерживаться на арене, где он только что

потерпел маленькое, но неприятное поражение. Но он не отказался.

— А — давайте! — с энтузиазмом закрутил он в воздухе рукой, сжав при этом растопыренную пятерню в кулак. — Попьем-ка, на самом деле, чайку!

Секретарша Леночка (не Фенечка, другая) принесла чай и вышла из кабинета, вполне профессионально крутя задницей. Аббас Эскеров перехватил мой взгляд, и понимающе улыбнулся.

— А, скажите, Арсений Андреевич, — начал он, помешивая ложечкой сахар в чашке. — Как же вы собираетесь в результате заполнить столь специфическую вакансию? Ведь людей, имеющих, как вы изволили выразиться, «икспириэнс» сразу в стольких областях, вам днем с огнем не сыскать потому, что их просто-напросто не существует. Вы же сами рассказывали, как долго и через какие препоны вы с вашим компаньоном шли к вашему сегодняшнему уровню. Так что вероятность того, что вы в короткий промежуток времени найдете других таких, экспоненциально стремитесь к нулю, нет?

— Ну-у, — начал я неопределенно, потому что вопрос на самом деле поставил меня в тупик. — Придется брать кого-то, кто наиболее близко подойдет под имеющиеся критерии, как иначе?

— Ну, да, — задумчиво отозвался мой собеседник. — Как всегда, все сводится к решению оптимизационной задачи.

— Именно, — отозвался я, допивая чай и уже готовый произнести финальное: «Ну-с?!», означающее завершение аудиенции.

— Да, но ведь дело в том, как вы будете решать эту задачу, — поднял на меня глаза Аббас, об уходе явно и не помышлявший. — Именно вы, и именно эту. Ведь вот, например, вам нравится «пятисотый» Мерседес в сто двадцать четвертом кузове. Но он стоит сто пятьдесят тысяч долларов, и столько денег на покупку вы тратить не планировали. И вот вы начинаете оптимизировать. «Пятьсот сороковая» БМВ почти такая же быстрая, и стоит на полтинник дешевле, но у БМВ — имидж «бандитской» марки, и на этом основании она вам не подходит. Тогда, может быть, «девятьсот одиннадцатый» Порше? Он и быстрый, и стоит не дороже БМВ, но слишком маленький, в нем даже вдвоем тесно. И — так далее, и тому подобное. И в результате, так и не сумев решить оптимизационную задачу в приемлемом диапазоне критериев, вы ездите... На чем вы ездите, если не секрет?

— На Ниссане Максима, — признался я неохотно, потому что в это мгновение недавно купленное и нравящееся мне до жути авто показалось мне нижней планкой отстоя.

— А-тличная машина! — дипломатично подкинул ложку меда в мою бочку дегтя Аббас. — Сколько мотор — три? Два? Но ведь шесть цилиндров! Так это еще лучше — меньше расход, ну! Автомат? Ну, конечно, ручка, настоящий мужчина сам знает, когда и какую передачу ему включать!

Я почувствовал, что еще секунда, и я буду вовлечен в беседу на автомобильную тему, в которой мой собеседник, похоже, неплохо разбирался, и которую как же было не поддержать?! Но не тут-то было — тема закруглилась так же неожиданно, как и началась.

— Так вот, Аркадий Андреевич, — внезапно посерьезнев, продолжил Аббас. — Согласитесь, что раз нет возможности достичь идеала, то важно, по каким критериям предмет выбора будет максимально близок к идеалу, так?

Да, в логике и в умении предмет своих логических умпостроений преподнести этому малому было не отказать, и я кивнул.

— Вы говорили, что брали на работу людей, который, как я понял, на основании

собеседования казались вам гораздо больше соответствующими нужным критериям, чем я, так? — продолжил он, и я снова кивнул.

— Но в результате дело они все равно завалили, и разве не значит, что их опыт в высококачественно отделке квартир, который у них был, не дает им по сравнению со мной, такого опыта совершенно не имеющего, никакого реального преимущества?

Спорить было трудно, и я снова кивнул.

— Правда, на основании вашего согласия с этой последней моей сентенцией человек пристрастный мог бы сделать вывод, что любой, скажем, врач или переводчик с суахили имеет потенциально не меньше шансов продвинуться в вашем ремесле, чем я, верно? — хитро щуря глаза, продолжил излагать Аббас. — Но, согласитесь, просидев пять лет в строительном управлении и даже несколько раз побывав на стройплощадке, я все-таки знаю, чем отличается бетон от арматуры, радиатор от конвектора, и что слово «шпаклевка» не самом деле пишется через букву «т». На этом основании я, думаю, я являюсь более предпочтительным кандидатом, чем врач или переводчик, верно?

Я почувствовал, что перестаю держать нить разговора в руках. Этот парень как-то незаметно и хитро оплел меня кружевом своих разглагольствований, как паук оплетает ничего не подозревающую бабочку своей клейкой паутиной. Нужно было вернуть инициативу.

— Так, позвольте, милейший, — решительно открыл рот я. — Мне кажется, что мы несколько сошли с пути истинного. Я не возьму на работы ни врача, ни переводчика на простом основании, что у них нет диплома о высшем строительном образовании, каковой у сотрудника организации нашего типа быть обязан. Что же касается вас, то, если я правильно понял, вы хотели сказать, что хотя у вас нет опыта ни в ремонте квартир, ни в отделке, ни в архитектуре, ни в дизайне, ни в менеджменте, но ваш опыт в каких-то других смежных областях может оказаться определяющим, верно?

— Точно так, — с радостью подхватил Аббас, от прилива энтузиазма даже приподнявшись слегка со стула. — Трудно было бы выразить мою мысль точнее.

«Подлиза? — мелькнуло у меня в голове. — Да нет, наоборот — тут еще и издевочка — «МОЮ мысль»! Какой опасный человек!»

— И какие же, это, по-вашему, качества? — серьезно спросил я. -

— Ну, без ложной скромности думаю, что в таких вопросах, как менеджмент и чувство прекрасного со мной трудно тягаться, — кротко потупил взор Аббас Эскеров.

Я аж чуть не поперхнулся собственным языком.

— Вот как?! — воскликнул я. — Да уж, избытком скромности вы точно не страдаете! Где же и когда вы обучались, к примеру, менеджменту, позвольте поинтересоваться?

— Нигде, никогда, — быстро ответил Аббас. — Это врожденное.

Я захохотал, аплодируя, а когда отсмеялся спросил:

— И что, примеры вашего менеджмента привести можете?

— Легко, — отозвался тот. — Если мне не изменяет память, одно из значений английского «to manage» — улаживать. Вы хотели выпроводить меня за дверь полчаса назад, но я все еще здесь, перед вами, улаживаю, так сказать, свои дела. Вот вам пример моего менеджмента. Уверяю, что работая на вас, я сумею не хуже уладить любой вопрос с любым из заказчиков.

Я смотрел на него если не с восхищением, то точно с глубоким интересом.

— Ну, хорошо, а по поводу чувства прекрасного чем докажете?

— Ну, тут совсем все просто, — улыбнулся он. — Вы ведь, разумеется, женаты. Скажите, Арсений Андреевич, ваша супруга — красивая женщина?

— Я считаю, что да, — не чувствуя подвоха, честно ответил я.

— И так ответит любой, у кого жена не Шэрон Стоун и не «Мисс Вселенная» прошлого года, — подхватил Аббас, — то есть, не является официально признанным эталоном женской красоты. Но я предлагаю вам пари.

— Пари? — удивился я. — На такую тему? О чем же?

— Я предлагаю вам пари, что моя жена красивее вашей, — просто ответил Аббас, отхлебывая из чашки давно остывший чай.

Я опешил. Желание выгнать наглеца за дверь снова ущипнуло меня за сердце, но сделать это сейчас было бы еще куда большим поражением, чем полчаса назад. Нужно было переигрывать его в его же игру.

— Позвольте спросить, и кто же будет в битве двух красот арбитром, — поинтересовался я. — Уж не вы ли?

— Конечно, нет, — скромно развел руки Аббас, — Как я могу? Арбитром будет вы.

Я хотел быстро что-то сказать, но так и остался сидеть с открытым ртом, потому что не понимал, как это, и не знал, что по этому поводу спросить.

— Вы хотели спросить, как это? — явно издевательски пришел мне на выручку Аббас, при этом в его голосе не улавливалось ни тени издевки. — Я поясню. Я сейчас кладу на стол фотографию моей жены, и если через минуту вы сами не скажете, что она красивее вашей — заметьте, по вашему мнению! — то я встаю и ухожу. Если же вы признаете первенство моей супруги, то вы признаете, что у меня не только все в порядке с чувством прекрасного, но и что я, не будучи, как вы видите, записным красавцем-сердцеедом, я снова-таки умею с этим прекрасным, так сказать, улаживать дела.

Какое-то время я искал в этом «непристойном предложении» уловку и, не найдя, рассмеялся.

— По рукам! — воскликнул я.

Аббас открыл принесенный с собою тонкий дипломат, и на стол легла фотография. Это был свадебный снимок, запечатлевший его самого и женщину в подвенечном наряде — мои подозрения о том, что на снимке окажется не его жена, а невесть кто, оказались беспочвенными. Аббас и его супруга стояли рядом, она держала его под руку. Все было ясно с первого взгляда — мадам Эскерова была не просто красивой, она была куда эталонистей многих эталонов женской красоты. Единственное, что не позволило бы ей выйти на подиум в любом модном показе — это рост. На фото она была все же выше своего мужа, но поскольку рост последнего не доходил и до ста шестидесяти сантиметров, это не было достижением даже для женщины.

— Ее рост сто семьдесят восемь, — словно прочитав мои мысли, подсказал Аббас, — она почти на двадцать сантиметров выше меня. Мы фотографировались на лестнице, она стояла на ступеньку ниже, из-за длинного платья этого не было заметно.

Да, при том, что Марина была весьма мила, фигуриста и умела себя подать, на одном ринге с этой полубогиней красоты ей делать было нечего. И я почувствовал, что обладателю такой женщины я вполне ощутимо завидую.

— Как зовут вашу супругу? — поинтересовался я, пожимая победителю руку.

— Ее корни из немцев Поволжья, ее отца звали Генрихом — ответил Аббас. — Дочку он назвал библейским именем Ева. Но в возрасте семи лет, перед школой, подумав, что

советские дети, когда подрастут, могут из-за небезызвестной Евы Браун начать дразнить ее «фашисткой» или в этом роде, изменил первую букву. Получилось редкое, и вполне русское имя — Ива.

«Ива Генриховна Эскерова, — сообразил я. — Афигеть!»

— Ну, что ж, поздравляю с победой! — сказал я вслух. — Вы выиграла. Что дальше?

— Дальше я хочу сделать вам предложение, от которого вам будет сложно отказаться, — улыбнулся Аббас. — Вы берете меня на работу на испытательный срок полтора месяца. Если за этот срок я не поднаторею достаточно во всех остальных нюансах деятельности вашей фирмы, и вы не захотите меня оставить, то, значит, это время я работал бесплатно. Если же я испытательный срок выдержу, то тогда мы и обсудим условия моей работы.

Думал я недолго. Такие неординарные люди на дороге не валяются. Если же он еще достигнет приемлемого уровня в узкоспециализированном плане, то это будет просто «то, что надо».

— Договорились, — сказал я. — Когда приступаете?

— Завтра, — просто ответил Аббас. — Только у меня одно условие — учить меня будете лично вы. Я буду вашим, так сказать, дублером.

— Договорились! — с удивлением констатируя, что польщен, рассмеялся я.

Так в мою жизнь вошел Аббас Эскеров и его красавица-жена Ива.

Учился Аббас быстро, все схватывая буквально налету. Очень скоро стало ясно, что он, что называется, «потянет», и меньше, чем через месяц, не дожидаясь окончания испытательного срока, мы оформили с ним взаимоотношения. Сначала он вел один объект, быстро смог взять второй, еще через месяц вел пять (я вел семь, Саша Качугин, уже больше переходя к делам торговым, четыре). С технической точки зрения Аббас все делал практически безупречно — точно следовал дизайн-проекту, время от времени внося в него очень правильные изменения, щепетильно соблюдал все тонкости технологий, был бескомпромиссен с работягами в вопросах качества. Квартирки из-под его, так сказать, «пера», выходили — загляденье, заказчики были в восторге, — некоторые даже по собственной инициативе выплачивали компании премиальные, что для этой категории людей было делом неслыханным. Но очень скоро пришлось Аббасу доказывать и свои способности менеджера — «улаживателя». С одним из заказчиков (с которым начинал работать Саша, потом передавший объект Аббасу) не заладилось. «Поднявшийся» на ломбардных делах молодой парень по имени Дима оказался субъектом скандальным и, как ревнивая жена-алкоголичка, помешанным на выяснении отношений, каждое такое выяснение превращая в «разборку» с привлечением «крыш». Другого формата обсуждения проблем он просто не знал, а поскольку ярко выраженной «крыши» у нас не было, специально для Димы пришлось создать эдакую «потемкинскую деревню» — «крышу», состоящую из одного человека по имени Жора. Правда, человеком Жора был очень непростым, двадцать восемь из своих сорока лет он провел по тюрьмам и зонам, заслужив там высокое звание «авторитета» и «погремуху» Скальп. По слухам, предлагали Жоре-Скальпу и «короноваться», но он отказался, чтобы иметь возможность жениться на любимой женщине. Вышедши года три назад по амнистии, не испытывающий никаких материальных затруднений Жора предпочитал жить тихо, радоваться жизни с женой Оксаной. У нас Жора заказал дорогой ремонт, который мы сделали «на ура», и с тех пор задружились. За созданием видимости «крыши» для разборок с неугодным Димой я обратился к Жоре, и

тот со смехом согласился. На первую разборку, на которую Дима притащил целую шоблу какой-то косолицей молодежи из Ростова-на-Дону в черных кожаных куртках, Жора пришел один. Коротко представился: «Скальп» и посмотрел на старшего кожаных — двухметрового детину с особо искривленной физиономией. «Я — Серый, из Ростова», — назвал в ответ громила. Жора с интересом посмотрел на него и спросил: «То есть когда я снова буду в Ростове-папе, мне нужно спросить за Серого, и всем будет ясно, за кого базар?» Серый явно смутился, а Жора повернулся к Диме. «Дима, заказчик, — представился тот, протягивая Жоре руку. Тот недоуменно посмотрел на протянутую руку, как на неожиданно закрывшийся турникет в метро, и лениво сказал: «Ну, Дима-заказчик, кати свою предьяву».

Он выслушал визгливые Димины требования, сводившиеся к тому, чтобы ему «за бесплатно» сделали работы, в контракт явно не входившие, с тем же скучающим выражением лица. Потом несколько минут молчал, крутя в руках незажженную сигарету. Табак из сигареты падал на пол, и когда вывалился весь, Жора выбросил в угол фильтр, и поднял глаза на Диму. Таких глаз в исполнении всегда добродушного Жоры я не видел никогда, — это были не глаза, а два пистолетных дула. «Ты знаешь, Дима, что на блатной фене значит «антилопа»? — спросил Жора. Дима помотал головой, оглянулся на своих «кожаных» — те тоже не знали. «Антилопа, это человек, которому всегда мало, — пояснил Жора. — Так вот, ты Дима — антилопа. Тебе вечно мало. Тебе мало, что когда «качали тему за расход»[i], ты такую скидку сканючил, как будто тебе лантуха центровые сдали на блат[ii]. После этого ты смекнул, что здесь тебе талый грунт[iii], и ты захотел, чтоб тебе за те же белки замантулили[iv] то, о чем базара вообще не было. Пацанов позвал, втираешь им, что ты в этой теме за терпилу[v], думаешь, за тебя впрягутся. Но бог не фраер и правду не с галерки наблюдает. Вот скажи, Серый, у тебя в хате такой же ништяк (Жора театрально обвел рукой обстановку вокруг)?» Верзила посмотрел на своих «пацанов», и все они угрюмо замотали головами. «Во-от! — многозначительно поднял вверх палец Жора. — А со скидки он в общак гревак[vi] подогнал? И вообще: я в ваши с ним рамсы[vii] не лезу, но не может так быть, что вы не в дыму[viii]? Что он вам не весь свой шахер-махер засветил?» Повисла немая сцена. «Какую скидку? — на истеричной ноте первый нарушил молчание Дима. — Не было никакой скидки!» «Закрой хлеборезку!» — зло рявкнул на подопечного Серый. Потом они с Жорой отошли для переговоров в другую комнату, откуда через пять минут вышли, имея, судя по лицам, полное взаимопонимание. «Поехали!» — скомандовал предводитель своей команде, и все двинулись к выходу. Причем Дима явно из собственной квартиры уходить вместе со всеми не хотел, но его никто не спрашивал, его просто увлекли за собой. Мы остались со Скальпом одни. «Жора, какая скидка? — повторил Димин вопрос я. — Никакой скидки не было!» Жора со смехом в глазах посмотрел на меня: «Конечно, не было. Ты слыхал про такой философский закон — «Бритва Оккама»? Он говорит о том, что не следует придумывать более сложное объяснение чему-то, если есть более простое. Я книжку про это в Соликамске, в «Белом Лебеде», читал, она еще тогда не была крыткой для «пожизненных». Серьезное заведение, как там зеков прессуют, я нигде такого больше не встречал. Даже блатным там тяжело выжить, — ни бухла, ни марафету, я только чтением книжек философских и спасался. Так вот, про сегодняшнее практическое применение философского закона «Бритва Оккама». Я сразу увидел, что эти фраера про меня в курсе, и что связываться со мной им совершенно не с руки. Они прекрасно поняли, что лавэ с тебя им не состричь. Значит, надо было дать им возможность получить их с их же крышумого, для чего надо облить его парафином, перевести на него стрелки. И вот он уже разбираются не с

тобой, Сеня, а с Димой. Думаю, снятие обвинения в крысятничестве обойдется ему не меньше, чем в тридцатник зелени, а то, глядишь, еще и по рогам настучат. Да, великая вещь философия!»

Но Дима-заказчик, как он у нас теперь именовался, оказался очень непрост и еще более злопамятен. Тогда культура составления договоров только формировалась, зачастую контракт, умещавшийся на одной — двух страницах, не содержал никакой конкретики по важным деталям. Дима ловко этим воспользовался. К окончанию работ на его квартире он подготовил целый кондуит из наших нарушений и «несоблюдений». Будь они озвучены в процессе производства работ, их легко было бы исправить, устранить, урегулировать, но к концу пути все это вылилось в ряд исключительно серьезных проблем. И вот накануне намеченного подписания бумаг по завершению работ и получению окончательного расчета (без малого 50 тысяч долларов) у нас в офисе появляется курьер и вручает нам тщательно составленную юридическую претензию от Димы-заказчика на сумму более 100 тысяч долларов. Мы начинаем изучать бумаги и видим, что последний неоднократно предупреждал нас о разнообразных мелких нарушениях и о том, что он будет вынужден обратиться в суд. Письма свои хитрован направлял на наш юридический адрес, указанный в договоре, в то время как до нас, сидящих по совершенно другому, фактическому адресу, эти письма просто не доходили. Но самый финиш был в том, что в разделе «Штрафные санкции» договора раздолбайка-Леночка опечаталась, и вместо «0,1 процента в день» означенные санкции выросли в 100 раз и составили 10,1 процента в день. Леночка напечатала, Саша Качугин, не глядя, завизировал, я — тоже не глядя — подписал. Мы обратились к юристам, и те честно сказали, что наше дело — швах. Ну, сотку баксов штрафа нам, конечно, суд не присудит, но что-то, конечно, заплатить придется. Это сверх тех 50 тысяч, которые Дима-Заказчик на нас сэкономит. Я был в печали, Саша ходил по нашему с ним кабинету и во весь голос матерился. Что мы могли сделать? Уволить рыдающую Леночку? Дима, проиграв в одну игру, переиграл нас в другую. Я позвонил Жоре-Скальпу. «Не, Сень, уволь. С пацанами «стрелу забить», «тему покачать» — это сколько хочешь, ты знаешь, — сказал Жора по телефону. — А «экзамены», «доктора», «дворники», «кивалы» — это не мое, это без меня, не обижайся». Аббас, весь вечер просидевший молча в углу, встал и со словами: «Я знаю, как решить эту проблему», решительно вышел. Через два дня Дима-Заказчик отозвал претензию, подписал все бумаги и полностью рассчитался. Мы с Сашей Качугиным пребывали в полном онемении. Аббас сидел на том же стуле, но не в углу, а посередине кабинета, и светился, как надраенный самовар. Но на все вопросы типа: «Как это?» он только скромно пожимал плечами, и отвечал, что это не только его секрет, и поэтому пока он говорить об этом не может. Единственное, что он сказал — это что на решение проблемы он потратил свои пять тысяч долларов, которые тотчас были ему компенсированы.

После этого случая Аббас, получив у нас с Сашей негласный статус «в доску своего», стал завсегдатаем частых вечерних посиделок в офисе, которые кроме цели «махнуть по рюмке» почти всегда представляли собой своеобразные производственные совещания. На них в узком кругу решались вопросы текущих и перспективных договоров, уровня оплаты тех или иных сотрудников, планирования, рекламы и много чего еще. То есть, Аббас оказался посвящен во многие весьма конфиденциальные дела и, по сути, допущен к управлению компанией. Но прорыв в нашем с ним сближении случился примерно через полгода, в середине мая.

Вечернее производственное совещание в тот день, что бывало нередко, перетекло в «посиделки с устатку». Махнули уже и по рюмочке, и по две, и по четыре. Когда кончилась бутылка пафосного тогда «Юрия Догорукого», Аббас достал из своего объемного саквояжа литруху Hennessy, и со словами: «Я ж так и не прописался!» водрузил ее на стол. Все восприняли это с энтузиазмом, и даже Саша Качугин получил по телефону индульгенцию от своей мегеры Риты. Пили, говорили, смеялись. Когда возник дефицит тостов, выяснилось, что сегодня — день Метрополитена. Мне вспомнилось, что через деда Павла и бабу Анну я имею к этому дню самое непосредственное отношение и поднял тост за метростроевцев. Аббас тост горячо поддержал, оказалось, что его дед по матери, Иван Колосов, тоже в тридцатые строил метро в знаменитой бригаде имени Кагановича. «Да ладно! — не поверил я. — В бригаде Лазаря Кагановича? Гонишь!» «Отвечаю, в натуре! — вскакивая, чиркнул ногтем большого пальца себе по горлу Аббас. — Век Вольво не видать!» Все расхохотались, шумно выпили. Вскоре, выйдя с Аббасом покурить, я рассказал ему краткую историю своих деда и бабушки по отцовской линии. Было очень похоже, что они и Аббасов дед Иван работали в одно время и в одной и той же передовой бригаде. Аббас — не знаю уж, спьяну или взаправду — божился, что помнит, как дед рассказывал, что сама красивая девушка в бригаде была Аня Хорошева, да увел, мол, у него ее из-под носа нахальный бригадир. Я мотал головой, не веря, что возможны такие совпадения, мы с Аббасом пили еще, потом на брудершафт, целовались и пили снова. Аббас велел звать его Абиком и говорил, что я ему теперь, как старший брат. Все разъехались, а мы с Абиком напились совершенно, стали звонить по саунам, потом долго что-то плели женам, передавая для пущей достоверности друг другу трубку. Это был первый раз, когда я разговаривал с Ивой Эскеровой, а Аббас — с Мариной. Потом в сауне мы всю ночь трахали по кругу одних и тех же девок, пили, обнимались и обращались друг к другу не иначе, как «брат». На следующий день, придя более-менее в себя, я дома разыскал старую фотографию, сделанную осенью 1934 года. На выцветшем фото — человек двадцать пять — тридцать молодых парней и девчат — строителей метро окружили Кагановича — носатого, усатого, в фуражке. На стене тоннеля — лозунг с высказыванием Сталина. Все улыбаются, глаза воодушевленно горят. Все лица на фото аккуратно пронумерованы, а на обороте — еле видны выписанные пером от руки фамилии и инициалы всех, кто на фото, по номерам. Каганович — № 1. Мой дед П.Костренев шел там под номером 11, рядом с ним, 12-й — А.Хорошева, моя бабушка. Номер 28 достался парню, снятому в профиль, причем были видны только ухо и глаз, остальное заслонил затылок человека под номером 29. В списке на обороте 28-м числился И.Колосов — Аббасов дед. Я, собственно, не удивился — с самого начала было очевидно, что рассказ Аббаса вряд ли может быть выдумкой. Но все же, получив такое неоспоримое подтверждение тому, что наши с Абиком деды вместе превращали московское подземелье в самое красивое в мире метро, плечом к плечу сражались с прорывами, пльвунами и оползнями добавляло какого-то особого смысла нашему вчерашнему немного мультяшному, густо замешанному на алкоголе и распутстве братанию. Правда, заметил я на этом фото и в записи на обороте две странности. Во-первых: взгляд И.Колосова единственного не был обращен на Кагановича, он был обращен на моего деда, и если бы не ветхость снимка, искажившая лица, можно было бы поклясться, что смотрит Аббасов дед на моего как-то не очень дружелюбно. Во-вторых, запись «28. И.Колосов» на обороте фото единственная была зачеркнута двойной линией другого цвета и нажима, чем все остальное написанное. Но в тот момент мой похмельный разум не придал этим странностям никакого значения, и я убрал

старое фото в шкаф.

Скоро Аббас стал совершенно незаменимой, органической, неотъемлемой частью нашей компании. Мы с ним поделили стройку, а Саша смог полностью сосредоточиться на торговых делах. Отношения между нами, и так бывшие отличными, после выяснения истории с дедами-метростроевцами и последовавшим братанием стали еще ближе. На людях мы друг другу «выкали», — он звал меня «шефом», я его — Аббас Мерашевич. Но наедине он становился Абиком, а он меня звал — Арсением или тоже «шефом», но уже на «ты». Вполне естественным развитием отношений было бы начало «дружбы семьями», которого, кстати, у нас с Сашей Качугиным так и не произошло — Рита и Марина невзлюбили друг друга при первом же знакомстве. А первое приглашение в семью Эскеровых мы с женой получили летом того же года, на празднование дня рождения Абикова родного дяди Бориса. Праздненство должно было состояться на даче недалеко от Шарাপовой Охоты, где Эскеровы-старшие уже много-много лет снимали небольшой домик с участком земли на живописном берегу Нары. Марина восприняла приглашение с энтузиазмом, активно готовилась к поездке, но захворал Кир, и я поехал один.

Не успел я выйти из машины, как увидел спешащего ко мне Аббаса. Мы обнялись (как положено братьям), хозяин принял у меня сумки, и по узкой галечниковой тропинке повел к дому. А от дома уже спешила нам навстречу высокая белокурая женщина с чернявой девочкой на руках. «Ну вот, Ивушка, — произнес Аббас, когда мы встретились на середине тропинки. — Наконец-то я могу представить тебе Арсения Андреевича, моего шефа и друга». «Ива, — представилась Аббасова супруга, протягивая мне руку. — Абик так много мне рассказывал про вас, что у меня нет ощущения, что я вижу вас в первый раз! А это Даша, наша дочка, ей полтора годика. Дашуня, скажи: «Привет!» дяде Арсению!» «Пивет!» — охотно откликнулась девочка и ткнула меня пальцем в щеку, вызвав всеобщий смех. В жизни Ива Эскерова была еще красивей, чем на фотографии, и даже послеродовая полнота ее не портила. Одета она была совершенно по-домашнему — в белую майку, под которой совершенно недвусмысленно угадывалось отсутствие лифчика, розовые спортивные штаны типа «шальвары» и резиновые шлепки на босу ногу. Но этот простой наряд и неуложенные волосы, с застрявшей в них зеленой стрелкой тимофеевки, только подчеркивал ее красоту. «Пойдемте за мной, все уже собрались, — сказала Ива. — Мы накрыли стол на берегу. Абик отнесет сумки в дом и придет». Она повернулась и пошла по тропинке мимо дома к реке. Ее обтянутые розовым ягодицы выписывали в такт шагам хозяйки такие замысловатые вензеля, что я был рад, что никто не может перехватить мой взгляд, намертво прикованный к этому танцу совершенной женской плоти. Только маленькая Дашуня через плечо матери хитро сверкала на меня глазами-маслинками, засунув в зубастый рот не очень чистый палец.

На берегу меня перезнакомили со всеми присутствовавшими, в том числе, разумеется, и с матерью Аббаса. «Софья Иванна, — сама представилась очень русского вида невысокая полноватая женщина, протягивая мне руку. — Но близкие люди зовут меня Софа. Ну, Арсений Андреич, будем знакомы!» И она затрясла мою руку, для верности накрыв ее ладонью второй руки. Ее рукопожатие оказалось настолько крепким, что разорвать его, не прибегая к видимым усилиям, не было никакой возможности. Секунд десять она трясла мою руку, пристально глядя мне в глаза цепким взглядом своих очень светлых глаз. Я выдержал неожиданное испытание с улыбкой, хотя мне было немного не по себе. «Мама немножко ведьма, — разряжая ситуацию, подмигнул мне Аббас. — Ну, что, ма, все увидела про Арсения Андреича?» «Ой, да ну, ты скажешь! — отпуская меня, замахала руками явнс

польщенная Софа. — Еще подумает твой шеф про нас незнамо что!»

За столом Ива оказалась моей визави. Мы непринужденно общались на разные темы, и было очевидно, что она умна, пожалуй, в не меньшей степени, чем красива. Я удивлялся, как может Аббас, даже в свете недавно случившейся истории с цыганкой, выманившей у Ивы все деньги, называть ее «е...анутой». Подумаешь, цыганка окрутила! Да если бы моя жена была хоть вполовину так же красива!.. Я старался не смотреть на ее грудь под тонкой майкой, но чувствовал, что получается это плохо. Апофеоз этих моих подглядок случился, когда Иву толкнули под локоть, и она вылила на себя почти целый стакан воды. Те несколько секунд, пока она вскакивала и выбиралась из-за стола, чтобы уйти переодеться, был, по сути, первым разом, когда я видел Иву голую. И еще я мог бы поклясться, что Софа перехватила мой взгляд, как радар безошибочно определяет курс летящей ракеты, не оставляя той ни единого шанса попасть в цель.

Много ели, пили, смеялись. Я набрался, и с определенного момента все помню урывками. Рядом со мной садились гости, я пил с ними, и проваливался в пьяный сон, а когда всплывал, рядом уже сидел и протягивал мне рюмку кто-то другой. Последний, кого я помню в тот вечер, снова была Ива. Солнце уже село, похолодало. На ней уже была куртка от розового спортивного костюма, а ко мне она подошла, чтобы накинуть мне на плечи теплый плед. «Спасибо, Ива! — сказал я. — А где в-ваш супруг?» «О, он давно, так сказать, баиньки, — засмеялась Ива. — С водки его иногда сносит, а сегодня он выпил немало». Почему-то я почувствовал удовлетворение от того, что Ивин муж не сможет сейчас подойти, и сесть на скамейку между нами. «У вас очень красивое имя и сами вы... очень красивая, — сказал ей я. — А еще вы потрясающе умеете выливать воду себе на грудь». Я с трудом подбирал слова, комплимент вышел в высшей степени двусмысленным, но Ива от души расхохоталась. «А у вас очень сексуальный голос, — ответила она. — Я еще по телефону заметила, когда Абики давал вам трубку, помните? А в жизни еще больше». Помню, что я улыбнулся, хотел поцеловать Абикиной жене руку, и... больше ничего не помню. Когда поздним утром следующего дня я пришел в себя, Ивы уже не было, ночью Дашуня захворала, и ее с матерью увезли в Москву. Не знаю, конечно, что я буду вспоминать на смертном одре, но в шорт-листе точно будет выписывающая страстные иероглифы туго обтянутая розовым Ивина задница и просвечивающая через мокрую маечку ее божественная грудь.

Дела у нас шли великолепно, и совершенно очевидно было, что качественный скачок произошел с приходом в компанию Аббаса. Я долго думал над этим обстоятельством в разрезе справедливого вознаграждения ему за это. Как менеджер проектов, ведущий одновременно полтора десятка объектов-квартир, Аббас получал в месяц до пяти-шести тысяч долларов, но это было несравнимо с прибылью, которую он приносил организации — то есть, нам с Сашей. Всю ее мы с Качугиным вкладывали в торговлю итальянской сантехникой, аксессуарами и кухонной мебелью, избегая таким образом необходимости кредитоваться под бешенные проценты. Где-то на рубеже девяносто пятого и шестого годов мы заказали комплексный аудит, аналитику и перспективный план нашего бизнеса, который показал, что при неизменных темпах роста к концу девяносто восьмого года только торговый оборот только достигнет 30 миллионов баксов, общий со строительством — 50-и, а мы с Сашей, как совладельцы такого бизнеса, сами будем «стоять» по несколько миллионов долларов. В отдельном, секретном разделе исследования речь шла о том, что такой по размеру бизнес просто необходимо выводить из-под крокодильского российского налогообложения в офшорную зону — на Кипр, в Гонконг или ВМ. Сделать это было легко,

стоило — копейки, перспективы были самые радужные. Именно после изучения этого обширного доклада, учитывая, какую роль в этих перспективах сыграл приход в компанию Аббаса, я предложил Саше Качугину сделать того компаньоном, впрочем, младшим, с 20 % процентами участия. Саша даже не удосужился выслушать аргументы в пользу моего предложения, а отказал сразу и бесповоротно. Я спросил о причинах, но Саша от прямого ответа уклонился. Я сказал, что намерен настаивать, и тогда Саша «просыпался», что Аббас не нравится Рите, и что Рита никогда не согласится, чтобы тот был ее компаньоном. Я спросил, почему, — и Саша ответил, что у Риты это физиономистическое. Я не стал говорить, что это какой-то бред собачий, вместо этого осторожно намекнув, что, вообще-то, Рита нашим с ним компаньоном не является. Саша долго жевал, но потом сказал, что уже является — де-факто и скоро станет де-юре. Ведь он, Саша, волен делать со своей долей все, что захочет, верно? «Разумеется», — сказал я, и разговор на этом закончился. Я еще не знал, чему предвестником будет этот разговор.

Ощущая перед Аббасом определенное чувство вины за то, мне не удалось сделать его партнером, я единоличным решением поднял ему зарплату. Аббас, разумеется, поблагодарил, но было видно, что он несколько удивлен.

— Не подумай, что я ищу добра от добра, Арсений, — осторожно начал он со мной разговор, когда мы как-то после работы вдвоем отправились поужинать в один уютный ресторанчик. — Или, упаси Бог, собираюсь поставить под сомнение твое решение о поднятии мне оклада. Но, честно говоря, я люблю понимать, откуда у любого события, касающегося меня, что называется, ноги растут. Без обид, шеф! Прозит!

— Какие обиды! — отмахнулся я, чокаясь. — Просто...

Что сказать дальше, я не знал: врать категорически не хотелось, а объяснить, не говоря правды, оказалось непросто.

— Просто надо было мне сказать, что ты хочешь предложить мне партнерство, шеф, — неожиданно с досадой в голосе продолжил мою фразу Аббас. — Лично мне совершенно очевидно, что Рита скорее себя за клитор укусит, чем разрешит Качугину ввести меня в «семью». Мы бы заранее обо всем поговорили, и нашли бы способ обойти Ритин блок. Еще раз «прозит!»

И Аббас со смачным размахом влил себе рюмку в широко раскрытый рот. Впечатление от мелькнувшей перед глазами Риты, впившейся зубами себе в междуножье, несколько снизила мою степень удивления, что Аббас знает то, чего знать он, вроде, никаким образом не должен, но все равно я был сильно удивлен. Я открыл рот, чтобы это удивление высказать, но Аббас меня опередил.

— Как я узнал? — спросил меня он, со стуком ставя литую рюмку на стол. — Очень просто — сам Качугин мне об этом и рассказал.

Я закрыл рот. Мне было грустно, потому что тот неудавшийся разговор с Сашей об Абикином партнерстве я совершенно автоматически завершил просьбой о том, чтобы все это осталось для последнего тайной, и вроде как Саша утвердительно кивнул. Но даже если не кивал — зачем он рассказал обо всем Абику? С какой целью? Уму непостижимо! Очевидно только, что последнее время между нами с Качугиным начала образовываться трещина непонимания, прежде немислимая.

— Не думаю, что если бы я заранее обсудил это с тобой, это изменило бы результат наших с Сашей терок, — задумчиво прокомментировал я заявление Абики. — Хотя бы потому, во-первых, что лично я и понятия не имел, что Рита «дышит к тебе негативом»...

— Я — знал! — перебил меня Аббас. — Praemonitus praemunitus, кто предупрежден, тот вооружен. Конечно, шеф: раз ты не был предупрежден, то, соответственно, и не вооружился.

— И когда же между вами черная кошка пробежала? — поинтересовался я, наливая по второй, и в очередной раз поражаясь Аббасовой логике.

— Тут, конечно, я сам дурак, — с досадой зачесал в затылке Абик. — Помнишь, шеф, пару месяцев назад была задержка в поставке мебели для Пирогова? Он очень сильно нервничал, ругался: квартира готова, а жить нельзя, мебели нет! Я, соответственно, названивал по этому вопросу Рите, и в конце концов она перестала на мои звонки отвечать. Надо было мне слить этот вопрос тебе, шеф, чтобы вы разобрались по-свойски, по-семейному! Но я считал, что это мой вопрос, и поперся к Рите лично. Клянусь, я был предельно корректен, я прекрасно понимаю, что Рита — жена совладельца бизнеса. Но она поперла на меня буром, что я ее задолбал, и чтобы я передал «моему» Пирогову, что когда, мол, будет мебель, тогда и будет. Я ответил, что если я дословно передам Пирогову ее слова, то у нашей компании могут быть проблемы, что называется, несовместимые с жизнью, и что так относиться к заказчикам — по меньшей мере безответственно. На это Рита вскочила с места и в совершенно непечатных выражениях меня выставила. Ну, вот рассуди, шеф — я что-то неправильно сказал? Мне не следовало открывать ответственному сотруднику фирмы глаза на то, какие последствия могут иметь ее действия?

Да нет, все было абсолютно правильно. Пирогов, будучи видным сановником (чуть ли не представителем президента в Совете Федерации), обладал огромным влиянием. Аббас был прав: такой человек мог при желании закрыть нас если не на «раз», то уж на «раз-два» — легко. Рита была дура, раз нет понимала этого, — собственно, она дура и была.

— Больше ни на что ты ей глаза не открывал? — с усмешкой спросил я, булькая по рюмкам очередную дозу.

— Н-нет, — нетвердо ответил Абик. — Ей — нет. Только когда вышел за дверь, сказал, что, что не всякого, у кого получалось обвешивать покупателей на рынке, способен руководить высокоинтеллектуальным торговым бизнесом.

— И что, это кто-то слышал? — напрягся я.

— Н-нет, — снова запнулся Абик, — никто. Ну, кроме Беаты (это Ритина секретарша), пожалуй.

Ритино прошлое, в котором она торговала зеленью на рынке (где, собственно, Саша с ней и познакомился) секретом в компании ни для кого не было, но вот о том, что, не будучи на руку чище большинства своих товарок-торгашек, она как-то на излете советской власти попала под контрольную закупку и полтора года провела в колонии, знали только мы с Сашей.

— Ха! — подскочил я. — Да больше шансов, что Рита не услышит что-то, сказанное ей прямо в ухо, чем то, что ты сказал при Беате, та не донесет своей шефине! Теперь понятно, почему она на против тебя так ощетибилась. А про обвешивание ты так, наугад ляпнул? Или в курсе Ритиных прошлых дел?

— В курсе, — помедлив, ответил Аббас. — Твоя Марина просыпалась Иве.

Черт! Ну, бабьё! Им бы метлы к языкам привязать, на улицах была бы стерильная чистота! Сама Рита как-то в глубоком подпитии рассказала об этом эпизоде из своего прошлого Марине (ну, вот — зачем?!); та, хотя к тому времени мы встречались с четой Эскеровых от силы раз, уже успела растрепать это Иве. Воистину: для женщины «горячая» новость, как раскаленный уголек — во рту не удержит!

— Ну, и каков мог бы быть, по-твоему, план по взлому такой глубокоошелонированной неприязни Риты к тебе? — поинтересовался я.

— Не знаю, шеф, — честно ответил Аббас, поднимая четвертую рюмку (или пятую?) — Сейчас — не знаю. Сейчас — другие обстоятельства, другие знания. Вот ведь как в преферансе? При розыгрыше в «темную» или в открытую при тех же картах тактика может быть совершенно разной, верно?

Я кивнул головой — почувствовав, что кивок получился уже пьяненьким. Аббас налил по следующей, и с рюмкой в руке перегнулся ко мне через стол.

— Вот хочешь знать, шеф, как я решил вопрос с Димой-Заказчиком? — заговорщицки прошептал он.

— Хочу, — ответил я, проблема эта мне давно не давала покоя.

И Аббас рассказал. Выиграть у Димы в его игру на тот момент не представлялось возможным, все козыри были у того на руках. Единственным способом было заставить Диму отказаться от игры. Аббас решил, что самый простой путь для этого — напугать, да не просто — до смерти.

Абиков дядя Борис был заядлым охотником. Будучи человеком небедным, он содержал целую коллекцию охотничьего оружия, в том числе был у него и Тигр — охотничий карабин на базе СВД — снайперской винтовки Драгунова. Стреляющий стандартным патроном от «трехлинейки» — винтовки Мосина и снабженный оптическим прицелом, это было, по сути, столь же высокоточное оружие, что и его знаменитый прототип. Аббас пристал к родственнику с просьбой научить стрелять из Тигра и канючил до тех пор, пока тот не согласился. Несколько часов, проведенных в тире, сделали из Аббаса «уверенного пользователя». Но как заполучить оружие в свои руки? Купить оружие без лицензии в столь короткое время не представлялось возможным. Единственный выход был — воспользоваться уже имеющимся «стволом». Но Борис — ответственный человек, он ни за что не выпустит оружие из-под присмотра. Аббас пригласил Бориса пострелять «на воле». Тот охотно согласился, и в ближайшие выходные они совместили выезд на дачу в Шарাপову Охоту с «пострелялками» в тамошнем глухом лесу. После «пострелялок» последовало обильное возлияние, на котором у Аббаса было две цели — не выпить ни рюмки самому и упоить Бориса. Для последнего пришлось прибегнуть к проверенному еще в студенческих общагах средству — димедролу. Полбутылки «Смеси № 3» быстро уложили Бориса в беспробудный сон, а Аббас, прихватив карабин, на своем «Жигуленке» рванул в Москву.

К тому времени Дима-Заказчик уже жил в отремонтированной квартире, а свой новенький «Гран Чероки» ставил на охраняемую стоянку недалеко от дома. Позицию для стрельбы на крыше трансформаторной будки метрах в ста от стоянки Аббас подобрал заранее. Фонари рядом с будкой не горели, и ярко освещенная парковка была как на ладони, а одетый в черное Аббас на фоне рубероидной крыши был ночью невидим, как бриллиант в глицерине. Он произвел один единственный выстрел по окну водительской двери «Гран Чероки». Пуля прошла оба стекла насквозь, при этом затонированные бронирующей пленкой, они не разлетелись вдребезги, на них лишь остались две аккуратных дырочки. Аббас рванул обратно на дачу, и успел как раз ко времени, когда Бирис, жалуясь на страшную головную боль от «мерзкой паленки», пытался встать с кровати. Утром Дима подошел к машине и увидел пулевое отверстие точно напротив виска водителя, если бы тот был внутри. Судя по тому, что на следующий день он подписал нам все бумаги, «безумством храбрых» Дима-Заказчик не страдал.

— Ну, в общем, вот так, шеф, — сказал Аббас, закончив рассказ, по своей привычке шумно через зубы втягивая сигаретный дым. — Как тебе сюжет?

Я смотрел на Аббаса со смешанным чувством восхищения, изумления, страха и отвращения. Догадаться, что нужно сделать именно так; решиться на то, чтобы сделать; все организовать и, наконец, сделать, и сделать не чьими-нибудь, а своими собственными руками, преодолевая тошнотворные замиранья сердца при проезде мимо постов ГАИ и противный липкий тремор потных пальцев на спусковом крючке. На такое мог решиться только очень, очень незаурядный человек. И — очень, очень опасный. Но в тот момент жесткий когнитивный диссонанс у меня в голове и душе решился в пользу восхищения, и я протянул ему руку.

— А пуля? — с трудом ворочая языком, спросил я после того, как мы махнули по очередной. — По пуле вычисляется ствол и его владелец. Это прокол. Ты мог подставить Бориса.

Аббас объяснил, что пуля застряла в подушке, предусмотрительно оставленной на пассажирском сиденье машины, стоявшей в ряду следующей за Диминым джипом.

— А машина эта случайно оказалась «москвичом» Олега Лазарева, моего прораба. Олег забрал ее со стоянки рано утром и, таким образом, увез пулю с собой. Вот она, сохранил на память.

И Аббас вынул из кошелька практически не деформировавшуюся пулю калибра 7,62. Я осторожно двумя пальцами взял теплый кусочек металла стоимостью больше 50 тысяч долларов. Да, я уже давно перестал удивляться Аббасу, вот только он не переставал меня удивлять.

— А звук выстрела? — подхватился я. — Винтовка же без глушителя? Это же гром в ночи! Как ты решил эту проблему?

— Ай, да шеф! — со смехом хлопнул себя по ляжке Аббас. — Ничего-то от тебя не утаишь! Верно, возникла такая проблемка. Если бы не мотоциклист с пробитым глушителем, заехавший во двор в полчетвертого ночи, даже не знаю, что бы я делал!

Его глаза смеялись.

— Тоже Олег — прораб? — догадался я.

— Ага, — утвердительно кивнул Аббас.

— Не сдаст? — нахмурился я.

— Нет, — категорически помотал головой Аббас. — Олег верен мне, то есть, я хотел сказать, нам, фирме. К тому же, пять тысяч долларов — хороший стимул, чтобы держать язык за зубами.

Я снова протянул Аббасу руку.

— Но все равно я против, чтобы проблемы с Сашей Качугиным решались подобным образом, — сказал я, стискивая его пальцы.

— Да ты чего, шеф?! — воскликнул Аббас, морщась от боли. — Это же я просто так, для примера того, какие альтернативные пути могут быть для решения любой проблемы!

— Да шутю я, шутю! — засмеялся я, отпустил его пальцы и через стол сгреб Аббаса в пьяные объятия.

В этот вечер мы нажрались, как свиньи, глубокой ночью оказавшись у него дома на проезде Шокальского. Вызвали девок, но из приехавшего на смотрины «веера» выбрали одну, по имени Катя, чем-то напоминающую Абикову жену, и с энтузиазмом одну на двоих до утра «разлиновывали» ее в супружеской постели Эскеровых. В редкие минуты, когда я

всплывал из алкогольного полубытья на поверхность реальности, мне казалось, что никакая это не Катя, а Абикова жена Ива, стоя надо мной на коленях, смотрит на меня похотливым взглядом, сотрясаемая сзади мощными ударами мужниных бедер.

Не то, чтобы наши отношения с Сашей Качугиным начали как-то портиться — нет, такого не было. Мы с Аббасом «стройку строили», они с Ритой — торговали. Прибыль от обеих форм деятельности мы сваливали в общий котел, и брали из него «для сэбэ» строго поровну. Но — былого безоблачного и безветренного взаимопонимания больше не было. Тем более, что торговая «голова» нашего двухголового бизнеса все чаще и чаще не помогала «голове» строительной, а мешала. С расширением торгового оборота задержки в поставках становились все более и более обычным делом, а это неизбежно самым негативным образом сказывалось на ведении дел у заказчиков ремонтных контрактов. Выяснения отношений с «торгашами» становилось обычным делом, и поскольку Аббас этим ввиду отсутствия отношений с Ритой заниматься не мог, вся эта склока легла на меня. Я пытался решать вопросы с Сашей, но он резонно отвечал, что он занимается финансами, и отправлял меня к Рите. С Ритой же говорить было бесполезно, она не могла и, главное, не хотела влиять на ситуацию. В конце концов мы с Ритой очень крупно поругались, и в нашей «торгашеской вотчине», магазине «Арми-Сан» я появляться перестал. Когда я рассказывал Аббасу результаты очередных бесплодных переговоров, тот, нервно заглатывая дым бесконечных сигарет, как бешеная муха носился по кабинету, зомбируя меня предсказаниями о грядущих проблемах то с одним, то с другим заказчиком. Как правило, заканчивались эти нервные разговоры прогнозами, что если мы с Сашей не разделим торговую и строительную ветвь нашего бизнеса, то «будут проблемы». «Будет мокрота, квас потечет!» — вспоминалось мне предсказание мадам Токарчук из незабвенной «Интервенции», и мне становилось плохо.

По принципу «в другом месте прибудет столько, сколько в одном убыло» охлаждение, вернее — некое иссушение наших с Сашей деловых отношений сопровождалось расцветом моих отношений с Аббасом. Как сокамерники, узкими стенами прижатые друг к другу, мы с ним были экстремально сближены обстоятельствами, совместной работой, общими интересами и проблемами, и количество общения не могло не перейти в качество. В 96-м году мы отправили наших жен с детьми вместе отдыхать на Канары, после чего отношения Марины и Ивы из приятельских стали дружескими. Стали — нечасто, но бывать друг у друга в гостях.

Особенно мне запомнился наш с Мариной визит к Эскеровым осенью 97-го года по случаю дня рождения Ивы. Восемилетний Кир уже вполне мог быть дома один, и мы пошли без него. Зная восточную любовь Аббаса к шумным многолюдным посиделкам, я ожидал, что будет и Софа, и Борис с женой, и возможно, кто-то еще, но приглашены оказались мы одни. Вокруг нас одних кружилась хозяйка, заливающаяся счастливым румянцем всякий раз, когда я или Марина хвалили ее — неважно, за что: за сообразительность хлопающей своими глазками-бусинками пятилетней Дашуни, или чудесно приготовленного судака на пару с картофельным пюре. Когда в горло уже ничего не лезло, женщины уселись в кресла посудачить, а мы с Аббасом отправились на кухню курить. «Спор о добре и зле», как называли его потом в воспоминаниях его участники, разгорелся спонтанно, но стремительно и ярко. На основе случая с Димой-Заказчиком мы заспорили, где проходит граница между допустимым и недопустимым, что в конце концов перешло во вполне себе Фаустовско-Мефистофелевскую дискуссию. Я защищал сторону добра, Аббас утверждал, что глупо гнушаться зла, если оно приносит выгоду. Уложив Дашку, присоединились к курящим жены. Скоро и они были вовлечены в спор, причем Ива была полностью на моей стороне, Марина

же находила частицы рационального в аргументации Аббаса. Потом на кухне появилась недопитая за столом бутылка водки, и спор закончился признанием ничьей и очередным пьяным братанием. Но что-то осталось в моей душе после того спора, какой-то колкий, очень нехороший осадок. Уж слишком утилитарную позицию защищал, дискутируя, Аббас, слишком мало в его логике было морали и слишком много — материи. «Где спать легла, там и родина», иначе не скажешь.

Примерно в это время Аббас «подсел» на казино. У меня к игорным заведениям отношение было в высшей степени неоднозначное. С одной стороны, мне всегда нравилось это ни к чему не обязывающее, бесшабашное полупьяное времяпрепровождение, нравилось лениво качать туда-сюда какие-нибудь ничего не значащие пятьсот или тысячу долларов. Просто находиться там нравилось мне гораздо больше, чем собственно игра, и в игре я никогда крупно не проигрывал, время от времени на пике фарта выигрывая пять-шесть тысяч «зеленых». Но с другой стороны, я никогда не мог забыть, что именно в казино я был 22 января 91-го года, вместо того, чтобы делом заниматься, играя, время проводя — неважно. В общем, трезвый я в казино не ходил, но по пьяни нас с Абиком как-то раз занесло-таки в недавно открывшийся на Таганке «Кристалл». На него атмосфера казино произвела впечатление, аналогичное тому, какое возымело шампанское на молоденькую учительницу из «Похождений бравого солдата Швейка». Не зная даже вкуса алкоголя, на каком-то вечере та попробовала шампанское: напиток ей так понравился, что она выпила сразу бутылку и умерла на месте. Аббас тоже умер — в переносном смысле, конечно, «подсев» на казиношную «иглу» сразу и навсегда. Вместе с Аббасом снова стал бывать в казино и я, но ему компания для того, чтобы предаваться азарту, была не нужна. После ночи напролет в «Кристалле» или «Голдэн Пэлэсе» он начал позволять себе не появляться на утренний «развод на работы»; Марина регулярно рассказывала, что звонила Ива и, вся в слезах, делилась, как глубокой ночью или ранним утром вызволяла проигравшегося в «пух» невменяемого мужа из лап казиношных охранников. Я как мог серьезно говорил с ним, но Аббас отгораживался от меня стандартной фразой: «Все под контролем. Я отвечаю, шеф!»

Примерно тогда же я, не ставя в известность Качугина, сделал Аббаса своим «дольщиком». То есть, кроме зарплаты, теперь он получал 40 процентов от моей доли прибыли, приходящейся на строительную ветвь нашего с Сашей бизнеса. По прикидкам, это должно было давать Аббасу не меньше десяти тысяч долларов в месяц дополнительно, — учитывая, что средства можно было спокойно разместить в ведущих банках под 80–90 процентов годовых, это были огромные деньги. Аббас поблагодарил, но как-то сухо, и впечатления, что он доволен, у меня не возникло.

А вскоре наши отношения с Аббасом начали портиться. Началось все с того, как Аббас, обхаживающий нового крупного заказчика (тому надо было полностью отремонтировать, начинить и меблировать дом на Рублевке, общая стоимость контракта ожидалась под миллион долларов) категорически заявил, что если поставки мебели и оборудования будут из «Арми-Сана», то он, Аббас, вести этот контракт отказывается. Все равно, мол, Рита поставки сорвет, а отдуваться за нее он не хочет.

— Шеф, выбирай: или мы с тобой зарабатываем на стройке, которую веду я, и я гарантирую отсутствие проблем, или ты зарабатываешь на поставках, но без меня. Извини, но — решай!

Это означало, что «Арми-Сан» не получит заказов на сантехнику, оборудование и мебель на полмиллиона долларов. Я пришел с этой проблемой к Качугину.

— Сеня, да о чем ты говоришь, ё! — встретил тему в штыки Саша. — Чё ты всех собак на Риту валишь?! Сроки поставки, сборка мебели — у нас все на уровне, не хуже, чем у любых наших конкурентов по Москве! Я сам уже полгода занимаюсь логистикой — конкретно тебе говорю, у нас все пучком!

— Но наших — заметь, наших с тобою строительных заказчиков — этот «пучок» не устраивает! — гнул свое я. — В других фирмах им предлагают и цены ниже, и поставку быстрее!

— Да не может такого быть! — заводился Саша. — Сроки изготовления у всех одинаковые, везут тоже все одними и теми же транспортными компаниями, «растамаживают» плечо к плечу на одних терминалах. И за последние четыре месяца мы не сорвали ни одну поставку, ни ад-ну!

— Да ни фига! — ярился я, вытаскивая из портфеля копию нашего контракта с одним заказчиком, где русским по белому был обозначен срок поставки оборудования и мебели 60 дней. — Срок поставки — завтра, а Рита говорит, что завтра даже машина в Италии не встанет под загрузку. Ну, и где этот твой «пучок»?!

Саша взял у меня из рук контракт, полистал, вернул мне.

— Слушай, Сень, мы не могли обещать срок 60 дней, — твердо сказал он. — Мы что, самоубийцы, что ли? 60 дней — стандартный срок изготовления, в Москве мебель не может в этот срок появиться ни при каких обстоятельствах. Ты же не считаешь нас полными идиотами? Конечно, возможна ошибка...

— Ваша ошибка обойдется нам с тобой очень дорого, — сухо сказал я, пряча бумаги в портфель. — Правильно говорит Аббас — с нашей торговлей стройку не построишь.

И я рассказал Саше о заказчике с Рублевки и о нежелании Аббаса вести этот контракт при условии осуществления поставок нашей же компанией.

— Аббас, говоришь? — задумчиво произнес Саша, выслушав меня. — Слушай, старик, Жору-Скальпа помнишь? Помнишь его «Бритву Оккама»? А что, если посмотреть на ситуацию с точки зрения этого замечательного закона. Смотри: Аббас громко кричит про срыв поставок. Вроде бы, его мотивация ясна и понятна — это приводит к проблемам со строительными заказчиками. Но не кажется тебе, что его горячность несколько наиграна? Это нам с тобой надо париться, мы — владельцы бизнеса, и потери понесем мы. Ему-то что — он на зарплате. А если его интерес в другом? А, старик?

— В чем же? — напряженно и недружелюбно спросил я.

— Да элементарно же, Ватсон! — развеселился Саша. — Аббас ничего не имеет с поставок мебели, сантехники и прочего, потому что с долей мы его прокатали. Тогда он, обиженный, раздувает компанию против торгашей, срывающих поставки. Но цель его не в том, чтобы наладились поставки, а в том, чтобы заказчики заказывали все у наших конкурентов, например, в «Хоумлюксе». «Хоумлюкс» платит ему как минимум процентов пять за то, что привел покупателя. А если Аббас снимает с заказчика «головняк» по контактам с поставщиком, то тому это обходится еще процентов в семь — опять же Аббасу. Сборка мебели — еще пять-семь процентов. Ты прикинь, сколько ему принесет этот заказчик с Рублевки, если заказ на поллимона грина он разместит в «Хоумлюксе», или «Хаус-Вилле», а не в «Арми-Сане»? У меня получилось семьдесят пять тысяч баксов, и это только с одного объекта. С такого ракурса ты не хочешь на вопли Аббаса посмотреть, а?

Мне стало нехорошо, земля как будто куда-то поплыла под ногами, захотелось нюхнут нашатырю.

— Такого не может быть, — сказал я, сглатывая комок. — Потому что не может быть в принципе.

— Ну, ну! — засмеялся Саша. — Вспомнил армейскую политинформацию про то, что учение Маркса всесильно, потому что верно? Диалектик ты наш! А знаешь, сколько стоит «Ролекс» с брюликами на его запястье? Минимум двадцать пять косарей! Вот у тебя, совладельца бизнеса, есть часы за двадцать пять тысяч долларов?

— Это подделка, — облегченно выдохнул я, — Аббас сам рассказывал. Бриллианты — стекляшки, цена «котлам» — сто баксов, ингуши на Тверском бульваре толкают.

— Ну, да, если не можешь объяснить, откуда деньги на Моне или Кандинского, скажи, что купил копию, — саркастически заметил Саша. — На бульваре торгуют тем, что сейчас на пике моды — «Патеками», «Нарденами» да «Хублотами», я обращал внимание. Таких часиков, как у Аббаса, там нет, да и понтует он ими как настоящими, рукав постоянно поддегивает, не замечал? Интересно, что он тебе скажет, когда ему нужно будет объяснить покупку крутой тачки, например?

— Ну, он в казино играет, — пробормотал я, словно уже объясняя за Аббаса такое возможное приобретение. — Там можно крупные суммы выиграть...

— Или проиграть! — со смехом подхватил Саша. — Ты спроси у Прокопича, сколько раз он его из «Кристалла» извлекал, пьяного в лом и без копейки денег, когда за ним его Ива отказывалась приезжать? Прокопич говорит, что охранники, когда его видят, смеются: «Снова нашего «суперлузера» эвакуировать приехал?»

После этого разговора я не спал ночь, встал совершенно разбитый физически и морально, но утром мое состояние только ухудшилось. Позвонил Саша и рассказал, что он сам перетряс девок в магазине и выяснил, что тот договор, который я ему показывал, готовила Беата. Так вот она клянется, что в окончательном варианте, который она отправила Аббасу, чтобы подписать у заказчика, было 90 дней. Договор был Сашей подписан и пропечатан, но не на каждой странице, и наиболее вероятно, что кто-то подменил страницу со сроками. Я выслушал, позвонил Аббасу и к полудню вызвал его к себе.

Аббас опоздал на полтора часа, ворвался в кабинет, как комета, и с порога начал рассказывать, с каких важных переговоров он сейчас был вынужден по моему зову сорваться. Если бы было времени еще полчаса, клиент точно был бы у нас в кармане, а так «недопитие» какое-то получилось, придется с человеком еще встречаться и, может быть, не раз. Что за срочность такая, шеф? Неужели нельзя было подождать до вечера, все равно видимся каждый день?

Он говорил это, нервно жестикулируя, то и дело поддегивая рукава модного с отливом пиджака. «Ролекс» на его запястье в свете люстры переливался всеми цветами радуги. Я положил перед ним на стол злополучный контракт, открытый на странице, где красной ручкой я обвел слова: «Срок поставки — 60 дней».

— Беата уверяет... — начал я, но Аббас не дал мне договорить.

— Ну, да, это сделал я, — спокойно признался он. — Заменяю страницу в контракте. Не хочешь знать, почему?

Он был натянут, но говорил совершенно спокойно и уверенно.

— Вообще-то хотелось бы, — передернул плечами я. — Потому что без внятных объяснений, боюсь...

— Не продолжай, шеф, — снова перебил меня он. — А то скажешь что-нибудь непоправимое.

Его глаза были нервно прищурены, но в них пульсировала насмешка. Как тогда, на первом собеседовании, мне жутко захотелось сгробастать наглеца за лацканы отливного пиджака и вышвырнуть из кабинета, но я снова не сделал этого. Вместо этого максимально сухим тоном я сказал:

— Излагай.

И Аббас изложил. Когда с заказчиком, о котором шла речь, велись переговоры, он готов был взять у нас и сантехфаянс, и кухню, и еще кучу мебели, всего тысяч на полтора-два баксов, но категорически не соглашался на срок поставки 90 дней — не больше 60-и, и баста. Тогда Аббас решил схитрить и, не будучи уверен, что может меня убедить, самостоятельно подменил страницу в контракте.

— В результате имеем, — подвел черту Аббас. — Если торгаши сорвут срок не больше, чем на тридцать дней, то при штрафных санкциях в ноль-одну процента в день это составит аж три процента, или четыре с половиной тысячи долларов. На другую чашу весов падает сто пятьдесят тысяч долларов оборотки, в которой сидит минимум пятнадцать процентов чистой прибыли — двадцать две с половиной тысячи. Так благо или вред я принес организации?

Я не знал, что сказать. В очередной раз я пасовал перед совершенно неординарным алгоритмом мышления этого человека. Я сгреб бумаги со стола, порвал напополам и выбросил в корзину.

— Объяснения приняты, — хмуро сказал я. — Вопрос закрыт.

Я не глядел на него, но кожей чувствовал, как его ироничная жжет мне висок. Аббас встал, молча направился к выходу, но уже в дверях остановился.

— То есть, принесся организации прибыль, которой в противном случае не было бы, ты не считаешь, что я прав, шеф? — задумчиво спросил он.

— Нет, — честно ответил я. — Не считаю. Деньги — это хорошо, но не всяким путем.

— Что ж, в следующий раз я буду осмотрительнее в выборе путей, — иронично сказал Аббас и вышел из кабинета.

Я с досадой посмотрел на закрывшуюся за ним дверь и хрустко сломал в руке карандаш. Я злился и не мог определить, на кого больше — на Аббаса, или на себя. Ну, чего меня не устроило в простом и изящном способе, которым Аббас решил с виду нерешаемую проблему? Чего я пустился в досужее морализаторство? Было ли это твердым моим убеждением, что не всякие пути хороши, или просто я завидовал Аббасу, в очередной раз доказавшему, что моей собственной игре он может быть лучше меня? Я не знал, а, может быть, просто не хотел дать себе честный ответ на этот вопрос.

«Жирный» заказчик с Рублевки в результате заказал все у нас, и Аббас, у которого после вскрытия его маленькой аферы козырей против «торгашей» стало существенно меньше, вопрос «ребром» о работе с этим заказчиком больше не ставил. Напряжение в наших с ним отношениях внешне никак не проявлялось: все так же были веселы вечерние «посиделки» в конторе с непременным его участием, Марина и Ива с детьми снова вместе поехали летом в теплые страны. Но что-то грозное витало в воздухе, я хорошо помню это время и это ощущение приближающейся беды. И — грянуло. Август 1998 года, дефолт.

Курс доллара полетел вверх по траектории стартующей ракеты. Чтобы скинуть стремительно дешевеющие рубли, мы с Сашей решили оплатить в Италию все наши долги поставщикам, даже те, время по которым еще не пришло. Но в банках и на валютной бирже уже творилось черт-те-что, и наш платеж, который мы подписали 19 августа по курсу

меньше 7 рублей за доллар, ушел «за бугор» в знаменательный день 9 сентября, когда курс был без копеек 21. Наш платеж уменьшился втрое, мы потеряли сазу больше 700 тысяч долларов. Посыпалась вся экономика страны. Банки не выдавали деньги с расчетных счетов, соответственно, не выплачивалась зарплата. Покупать сантехнику и заказывать новую мебель стало неактуально, продавщицы без дела слонялись по совершенно пустым залам магазина. «Просело» и большинство наших строительных заказчиков. Олигарх с рублевки приостановил работы и потребовал назад остаток аванса — 400 тысяч долларов. Кто-то, у кого работы были закончены, не мог заплатить по счетам и только молча разводил руками. Один прямо сказал: «Какой ремонт, какая мебель? Пока были ГКО (государственные казначейские облигации) я был богатый человек, а теперь я — нищий!» К ноябрю все работы на строительных объектах остановились.

Еще хуже обстояло дело с личными финансами, по крайней мере, у меня. Тысяч пятьдесят долларов я держал на картах «Столичного» и «Инкомбанка», основные же деньги — около полумиллиона — у меня лежали, раскиданные по депозитам. Выдачу по ним прекратили еще 17 или 18 августа, через пару-тройку дней стало невозможно снять деньги через банкоматы. Но за границей карты, вроде бы, еще действовали, и мы рванули, кто куда. Саша с Ритой, у которых была открыта американская виза, полетели в Нью-Йорк, я — в тогда еще безвизовую Прагу. Тридцать пять тысяч удалось снять «живыми деньгами», на остаток я купил билеты «Люфтганзы» первого класса с открытой датой вылета, которые, по теории, можно было сдать в любое время, получив назад наличные. Дома, где все цены были еще почти прежними, а за один доллар можно было выручить в два с половиной раза больше рублей, на такие деньги можно было безбедно прожить год. Но были такие нужды, на которые денег не найти было немыслимо, а кроме привезенного из Праги других поступлений не было. Через месяц в домашнем сейфе осталась тонюсенькая пачечка «зелени», которую даже резинкой было не перетянуть, тысячи полторы-две. Я отдал эти деньги Марине на хозяйство, наказав мне из их не давать ни под каким видом ни копейки.

То, что между нами с Сашей пролегла трещина, стало ясно, когда в ноябре я пришел к нему разговаривать о совершенно «горящих» долгах. Я знал, что за две недели до дефолта он закрыл все свои депозиты, потому что собирался покупать дом на Рублевке, в Горках-Х, но оформить сделку не успел. Деньги это были лично Сашины, к нашему общему бизнесу отношения не имеющие, но они были единственные, и их вполне хватало, чтобы, погасив самые срочные долги, пересидеть, переждать, перебиться. Вопрос был непростой, но я был абсолютно уверен, что Саша пойдет мне навстречу. Каково же было мое разочарование, когда оказалось, что дом Саша таки купил — неделю назад. «Понимаешь, старик, владелец упал в цене на тридцать процентов и согласился взять рублями! — с огнем в глазах рассказывал мне Саша. — Представляешь, как получилось выгодно?!» Я представлял — тысяч двести у Качугина должно было еще остаться. И — полный магазин итальянской сантехники. И несколько машин всякой интересной хрени, которую наши зарубежные поставщики, получив от нас платеж, решили дать нам на реализацию — так сказать, для поддержания штанов. Половина этого была моя, точно так же половина всех долгов по стройке была Сашина, и я напомнил об этом ему. Саша долго молчал, ходил по комнате, чего-то жевал, а потом сказал, что Рита денег на стройку не даст. «При чем здесь Рита? — опешил я. — Рита не владелец бизнеса!» «Да, но Рита — генеральный директор «Арми-Сана», — возразил Саша. — Деньгами распоряжается она». Я открыл было рот, но сразу его закрыл. Мы с Сашей, как совладельцы, назначили Риту «генеральным» своим решением,

вдвоем только мы могли ее и снять. И — ясен пень — Саша смещать Риту не собирался. Перспективы судебного разбирательства с компаньоном в моей ситуации представлялись туманными и, главное, очень, очень долгими. Я встал и направился к выходу. «Рита готова обсуждать отступные в размере сто пятьдесят тысяч долларов, если ты выйдешь из бизнеса», — хмуро сказал мне в затылок Саша. Это было процентов десять от реального размера моей доли, но выхода не было. «Я согласен», — сказал я, не оборачиваясь. Через неделю в обмен на полиэтиленовый пакет с деньгами я подписал отказные бумаги. Так закончились мои отношения с моим бывшим командиром и вторым в жизни компаньоном Сашей Качугиным.

Деньги эти помогли хоть как-то стабилизировать ситуацию с выплатой долгов, а мне, возможно, физически выжить, потому что пара заказчиков, не желая сами тратить нервы, натравили на меня своих «крышеванов». Сильно выручил меня тогда Жора-Скальп, на одной ну очень горячей стрелке просто поручившись за меня, но без этих денег даже он не помог бы. С Аббасом все это время мы пересекались нечасто — я был занят разборками, он доводил немногие оставшиеся объекты. Встречаясь, обменивались репликами типа: «Как дела?» — «Могло быть хуже!» и мрачно расходились в разные стороны. В начале декабря, когда все срочные дела были доделаны и стройка, по сути, впала в анабиоз, он как-то позвонил мне и сказал, что дней десять его не будет. «Надо кое-куда смотаться по личным делам», — туманно объяснил он, и мне и в голову не пришло задумываться, по каким делам и куда.

Всяко-разных дел было, что называется, «за кадык», и об Аббасе я вспомнил только недели через три, уже под Новый год. Трубку долго не снимали, потом все же Аббас ответил. Я сразу уловил что-то новое, незнакомое в его голосе, в интонациях — самоуверенное, надменное и панибратское одновременно. «Ничего не хочешь мне сказать?» — мрачно поинтересовался я. «Да, пожалуй, хочу», — ответил он. Встречу он назначил в пафосном ресторане «Зурбаган» на Таганке. Поднимаясь по ступенькам заведения, я услышал приближающийся рык мощного авто, и когда я взялся за дверную ручку, прямо за спиной истошно застрекотала по заснеженному асфальту АБС. Не обернуться было невозможно. Из двери приземистой БМВ с хищно раздутыми ноздрями, на переднем крыле которой, скромно сообщая о немислимой мощи пятилитрового турбомотора, красовался шильдик «650», вышел (вернее — вылез) Аббас. Сильно толкнула мне в руку дверь, открываемая изнутри, и на крыльцо выскочил улыбающийся халдей. «Аббас Мерашевич! — заказлил ресторанный лакей подобострастным голоском, не обращая на меня никакого внимания. — С приездом! Давненько к нам не заглядывали!» Аббас взлетел по ступенькам, почему-то нахмурившись, протянул мне руку. «Да занят был, — то ли отвечая лакею, то ли объясняя что-то мне, пробурчал он. — Ну, шеф, пошли?» Услышав из уст явно сильно уважаемого тут посетителя слово «шеф» в мой адрес, халдей подобострастно прогнулся, пропуская меня вовнутрь.

Внутри заведения было темно, тяжелые лиловые шторы с золотыми кистями навевали мысли о гареме. Густо пахло кальяном и мангалом. Сменивший лакея не менее подобострастный метрдотель проводил нас вглубь ресторанной темноты, в отдельный кабинет и исчез, задернув за собой штору.

— Из салатиков рекомендую взять коктейль из королевских креветок с авокадо, — тоном знатока произнес Аббас, протягивая мне меню в кожаном переплете толщиной с том Дюма. — А на горячее — каре ягненка. А пить будем что — водочку?

На запястье Аббасовой руки, протягивавшей мне меню, тускло посверкивал

злосчастный «Ролекс», на безымянном пальце появился перстень с крупным прозрачным квадратным камнем — надо полагать, бриллиантом. Я почувствовал, что если сейчас приму из рук Аббаса меню, то только для того, чтобы швырнуть его ему в лицо. Аббас держал кожаный гроссбух на весу до тех пор, пока не задрожала рука, потом со стуком опустил фолиант на скатерть.

— Нет, а что ты хотел, шеф? — видимо, поняв, что я не настроен на прелюдию, начал он. — Ты занят разборками с Сашей Качугиным, мне ничего не говоришь, не объясняешь. Какие перспективы, куда плывем? Прорабы, работяги ходят с вопросами ко мне, я им вешаю лапшу на уши, что все хорошо, что не тонем, а погружаемся строго по плану, и скоро начнем всплывать. Но эту туфту надо подкреплять деньгами, а где деньги? Зарплаты нет уже три месяца, бонусов тоже. Я должен как-то крутиться, жить, в конце концов. Вот, взял объект, делаю, цена смешная, но позволяет перебиваться и кое-какие долги гасить. Между прочим, не мои долги, а ваши с Сашей.

— Бриллиант у тебя на пальце — карата на четыре, — ответил я. — Если достаточно чистый, то цена ему тысяч тридцать. Это называется — перебиваться? Перебиваться — это как я сейчас на заправке — думать, сколько залить в машину бензина — тридцать литров, или двадцать пять. И какого бензина — девяносто пятого или подешевле, девяносто второго.

— Не лей девяносто второй, — состроил озабоченную гримасу Аббас. — Движок запорешь, вообще ездить будет не на чем. А перстень — стекляшка, шеф! Фальшивка. Еду с переговоров с пафосными людьми, надел для понту, да снять забыл.

— Все-то у тебя фальшивое, Аббас, Мерашевич, — усмехнулся я. — Часы, перстенок вот. «Бумер» у входа — тоже подделка? Муляж? Или в прокат взял? Для понту, на переговоры съездить?

— Нет, «бумер» — настоящий, — ответил Аббас, почему-то убирая руки со скатерти под стол. — Выиграл в казино, недавно совсем. Вот, думаю, поезжу недельку, потом продам, деньги будут на производство.

Я глядел на человека, который был мне так близок, которого я называл «братом», и не узнавал его. Тот, кто сидел напротив, без зазрения совести лгал мне в лицо и ясно было, что это — далеко не самый тяжкий из проступков, который я мог бы предъявить ему как работнику и компаньону, как другу, наконец. Говорить — я хорошо чувствовал это — было не о чем. Как с Сашей в нашу последнюю встречу. Я начал подниматься, чтобы уйти.

— Куда же ты, шеф! — засуетился Аббас. — А выпить, так сказать, на дорожку? Сразу же, как по звонку, между штор просунулась голова метрдотеля — чего изволите? — Водки нам! — скомандовал голове Аббас. — Лучшей! Живо!

Голова кивнула и исчезла.

— Я пить с тобой не буду, — сказал я, вставая. — Ты лжец, предатель...

— Да, да, да! — перебил меня Аббас. — И выкормыш притом. Ты меня, как змею, на груди пригрел, а я отогрелся и тебя тяпнул. Ну, и много еще чего в таком же духе. Обычные стереотипы, к которым прибегают проигравшие, чтобы проигрыш не выглядел результатом их собственного недоумия, а казался результатом чьего-то вероломства и коварства. Дабы вызвать у соперничающих соплю соболезнования. Типичная позиция слабых.

Я дернул коленом, тяжелый стул сзади меня с грохотом опрокинулся навзничь. Ворвавшийся в нашу келью официант проворно поставил на стол поднос с водкой и рюмками, подскочил ко мне, поднял стул и белоснежной салфеткой обмахнул мне штанины ниже колена.

— Погоди, шеф, не уходи! — воскликнул Аббас, наливая водку в высокий лафитник. — Не желаешь пить со мной, я выпью один, мне не впадлу. Но — не хочешь напоследок услышать кое-что интересное?

— Вряд ли ты еще когда-нибудь чем-то сможешь меня заинтересовать, — сухо ответил я, снова отодвигая ногой навязчивый стул.

— На спор! — воскликнул Аббас, поднимая вверх руки. — Если ты скажешь, что то, что ты услышал от меня, оказалось тебе не интересно, я тут же выплачиваю тебе, шеф, тысячу американских долларов. Если признаешь, что я тебя заинтересовал — ты ничего не должен. Критерий — как обычно, твое слово.

Мне захотелось съездить наглецу по роже и уйти, но Аббас всегда умел меня заинтриговать. Вот только повестись на его условия было невыносимо.

— У тебя пять минут, — сухо сказал я. — Деньги мне твои не нужны, но пять минут, так и быть, я готов слушать тебя бесплатно.

— Вполне достаточно, — ответил Аббас. — Время контролировать будем по моим часам — это очень точные часы! «Свисс Мэйд», не подделка какая-нибудь. Время пошло!

И Аббас, прогнувшись в спине, махнул рюмку водки.

— Итак, господа народные депутаты, — начал он, пародируя речь Остапа Бендера о преступной карьере Корейко. — Сейчас в течение пяти минут я расскажу вам об ошибках моего высокоуважаемого шефа, Арсения Андреевича Костренёва, которые привели к тому, что он — еще недавно владелец большого, очень перспективного бизнеса, человек, до которого мне было — как ползком до Египта, сейчас стоит передо мной и рассказывает, что для него на заправке важна сумма, которую я постесняюсь дать местному халдею, когда он будет подавать мне пальто. Интересно? Вижу, что интересно. Итак, ошибка номер один.

Конечно же, ошибкой номер один моего шефа было то, что он связался с неким Александром Качугиным, своим бывшим стройбатовским командиром. Качугин так никогда и не смог относиться к своему бывшему подчиненному, как к равноправному партнеру и, более того, как лидеру в бизнесе. Как Качугин относился к рядовому Костренёву, как и ко всем солдатам, как к скоту и быдлу, так в глубине души и продолжал относиться все время их совместной деятельности. Может быть, Качугин даже не отдавал себе в этом отчета, но на подсознательном уровне это было именно так. Неопровержимым свидетельством этому является, например, то, что в узком семейном кругу супруги Качугины звали моего шефа не иначе, как «Рядовой».

«Рядовой»?! Ну, во-первых, дембельнулся я, вообще-то, сержантом. А во-вторых... Это они с Ритой меня между собой все время так, за младшенького, за шестерку в колоде держали?! Вот же ж с-суки! Но Аббас-то откуда это знает?

— Но при этом Качугин всегда ревновал своего бывшего подчиненного к их общему успеху, — махнув второй лафитник, продолжал тем временем Аббас. — Ревновал еще в армии, когда какой-то там солдат учил его, цельного капитана, экономическим наукам, как недоумка-переростка. Уволившись из армии, очень переживал, что в его родной Твери у него ничего не получалось, а стоило ему встретиться в Москве своего бывшего подчиненного, как все заскользило, как по маслу. И что все основные идеи — привлекать итальянцев, потом самим начать таскать из Италии строительные материалы, потом — сантехнику, потом — мебель и кухни принадлежали не ему, а снова — бывшему рядовому. И поэтому, когда начались проблемы и стало очевидно, что Боливару двоих не вынести, Качугину оказалось очень легко воспринять советы своей жены Риты, которая со своей чрезвычайно

удобной позиции «ночной кукушки», как снайпер, прицельно посылала в мозг мужа идеи о том, что стройка умерла, и что спасти ее деньгами торговли значит угробить и торговлю тоже. Ну ее к черту, стройку эту! От нее одни проблемы. А вот торговать Рита умеет — она ведь торгашка, как образно выразилась эта много воображающая о себе стерва — Костренёвская жена Марина. Вот пусть он с ней дальше стройку свою и строит. Ну и что, что у Костренёва пропали все депозиты, а у нас нет — везет тем, кто этого больше заслуживает. А мы купим домик, который нам с тобой так нравится, и заживем в нем припеваючи. И зачем нам этот Рядовой с его тошной Мариной — мы, знать, сами с усами! Так ведь, Сашенька?! Ну, что, шеф, интересно?

— Интересно, — выдавил из себя я.

— Тогда — продолжим? — спросил Аббас, наливая себе по третьему разу.

Здоровые лафитники вмещали грамм по семьдесят; Аббас раскраснелся, его глаза лоснились, как черные оливки в масле.

— Но главную ошибку, шеф, ты сделал много позже, — забыв про образ Бендера и переходя на общение от первого лица, сказал Аббас. — Когда отказался от моего предложения свалить Сашу Качугина и забрать весь бизнес себе.

Я уставился на него в полном недоумении, лихорадочно роясь в памяти, — определенно, Аббас Эскеров никогда с подобным предложением ко мне не обращался.

— Ты хочешь сказать, шеф, что я никогда не предлагал тебе этого? — пьяненько усмехнулся Аббас. — Скажем так — предлагал, но ты не удосужился заметить это предложение, и я понял, что ты никогда не согласишься.

Я нахмурился — разговор переходил в область сюрреального. Похоже, Аббаса начинало, по образному выражению его жены, «сносить».

— Думаешь, я пьян? — спросил Аббас, наполняя четвертый лафитник. — Отнюдь. Но даже пьяный я соображаю лучше, чем ты трезвый.

Он икнул. «Ну, все, хватит!» — подумал я, встал и вышел.

Аббас с полным водки лафитником в руке бросился за мной.

— Шеф, шеф, ну, куда же ты, постой! — кричал он. — То есть, постойте, Арсений Андреевич, шеф! Ой, блин!

Сзади раздался глухой удар и звук упавшего стекла, но я не обернулся. Среди лабиринта лиловых штор выход с непривычки найти оказалось нелегко, но, наконец, я вышел к гардеробной. Халдея за откидной полочкой не наблюдалось. Я чертыхнулся и, как на зов, из-за шторы показался Аббас. Одну руку он прижимал ко лбу, палец другой, порезанный, видимо, разбившейся рюмкой, он то и дело совал в рот, слизывая с него кровь.

— Шеф, шеф, шеф! — зачастил он, поступая вплотную и дыша мне в лицо густым водочным свежаком. — Ты не должен обижаться на меня! Я просто выбрал сторону победившего. Может быть, временно победившего, я не знаю. Надо нам было с тобой валить Сашу, но ты не захотел. Сейчас это он бы х...й сосал, а мы бы с тобой над ним глумились. Ах, да, ты благородный, ты не любишь глумиться над побежденными. Поэтому сейчас победившие глумятся над тобой. Саша, Ритка-сука и другие. Но ничего, я с ними недолго. Я просто вынужден, мне деньги нужны. Вот, «бумер» купил... То есть, выиграл. Саша дает мне своих покупателей, а я развожу их на ремонт. Это называется — симбиотическая связь, когда оба организма нужны друг другу. Саша думает, что он мне нужен, но это ведь — смешно, ха-ха! Я его использую, я их обоих просто использую.

Он пьянел буквально на глазах, уже плохо держался на ногах, и я смотрел на него с

искренним отвращением. Невозможно было представить, что совсем недавно с этим человеком мы пили на брудершафт и в одной постели кувыркались с девками.

— А рассказать тебе, как я использую Сашину жену Риту? — пьяно осклабился он. — По прямому, так сказать, назначению. То есть, е...у ее. Откуда ты думаешь, я все знаю? Я ее, так сказать, перевербовал. Говорят же, что от любви до ненависти — один шаг? Так вот, я доказал, что эта максима верна и наоборот. Рита сливает мне в койке все — и про то, как она сидела в тюрьме, и про то, как они с Сашей ловко тебя кинули, и про то что Саша ее не трахает, потому что потерял здоровье на Новой Земле, и поэтому пусть не предьявляет претензий, слабак, что она ему изменяет.

Я испытал физически ощутимый приступ моральной тошноты, перелез через стойку, нашел свои куртку и шапку, оделся и буквально выскочил на улицу. Там было темно, ветрено и снежно. Намело, ступеньки стали скользкими, и я начал спускаться, осторожно ощупывая их ногой. Дверь за моей спиной распахнулась, словно в нее изнутри ударил атакующий носорог, на крыльцо вылетел Аббас, поскользнулся, взлетели вверх обе его ноги в модных остроносых туфлях «не по сезону», и он спиной грохнулся оземь. «Ой, бя!» — поморщился я, отвернулся, и пошел к машине, стоящей в соседнем переулке. Большого объема сочувствия к этому человеку у меня просто не было.

— Шеф, шеф! — закричал Аббас мне вслед, сидя на заснеженном крыльце. — На самом деле бриллиант стоит полтинник, полтинник грина, слышь, шеф! А еще я квартиру купил! Трешка, девяносто метров. Сто штук забашлял! Веришь — в казино выиграл, ха-ха! Слушай, а если я за четыре последних месяца заработал больше, чем за предыдущие четыре года, значит, раньше я просто что-то делал неправильно? Раньше глупое добро побеждало зло, а теперь наоборот. Зло делать выгоднее, шеф! А помнишь мою старую квартиру на Шокальского? Катю помнишь? А, шеф? Помнишь?!

Его крики доносились все тише, потом я повернул за угол, и они смолкли совсем. Сел в занесенную снегом машину и долго сидел, почему-то не заводя мотор, выдыхая пар в морозную темноту салона. Думал о том, что на самом деле проиграл. Потому как — что такое предательство близких людей, как не поражение? Поражение твоего добра в борьбе с твоим же злом.

[i] Качать тему за расход (блат.) — обсуждать условия договора

[ii] Лантуха центровые сдать на блат (блат.) — хорошие, качественные ворованные вещи дешево продать.

[iii] Талый грунт (блат.) — слабина в разговоре, нетвердая позиция

[iv] За те же белки замантулить (блат.) — сделать за те же деньги

[v] Терпила (блат.) — пострадавший

[vi] Гревак (блат.) — передача в зону

[vii] Рамсы (блат.) — здесь — проблемы, дела

[viii] Не в дыму (блат.) — быть не в курсе вопроса

Глава 8. Ива

Ива позвонила мне на домашний телефон вечером 14 июля 2000 года, — номер она знала, надо полагать, от Марины. Той дома еще не было, привычка засиживаться в галерее допоздна появилась у нее после девяносто восьмого, когда полгода жили исключительно на ее заработки. «Арсений Андреевич? — раздался в трубке тихий женский голос, показавшийся мне незнакомым. — Это Ива Эскерова. Извините, что я вас побеспокоила. Я знаю, что вы с Аббасом сейчас... не общаетесь. Но вы были друзьями, и я подумала... Аббаса арестовали, он в тюрьме. Я не знаю, как быть, мне помощь нужна, и я все-таки решилась позвонить вам. Я неправильно сделала?»

О чем можно успеть подумать, пока размышляешь над ответом — ну, три секунды, ну, пять, дальше абонент на другом конце провода начнет думать, что что-то с линией, или что собеседник неожиданно впал в кому. У меня в голове пронеслась целая история. О том, как от своих старых работяг, оставшихся со мной в «Арми-Строе», я узнал о том, что еще в конце девяносто седьмого года кое-кто из них работал на объекте, адрес которого оказался мне совершенно незнаком. К августу 98-го таких объектов было уже минимум три, всеми ими руководил доверенный Аббасов прораб Олег. Поскольку удалось совершенно точно выяснить, что мебель на эти объекты завозилась машинами «Арми-Сана», стало очевидно, что Саша Качугин был не просто в курсе Аббасовых леваков, а вступил с ним в сговор. Саша «сливал» клиентов, которые приходили в магазин, не мне, своему компаньону, а Аббасу. Выгода сторон была в том, что Аббас клал в карман всю прибыль от стройки, а Саша «отстегивал» ему от поставок на эти объекты существенный меньший процент, чем моя компаньонская половина. Стало понятно, откуда взялись у Аббаса деньги на тачку, брюлики, квартиру. Но я-то, я! Вот кто лошара деревенская! Ведь Саша во время нашей с ним достопамятной встречи просто в открытую рассказал всю уже вовсю работавшую на тот момент их с Аббасом схему! Я слушал, можно сказать, чистосердечное признание! Боже, как же я был слеп! А сейчас Аббас, не знаю уж, в каком юридическом статусе, восседал в отдельном кабинете напротив кабинета Риты, и руководил квартирными ремонтами уже под эгидой «Арми-Сана».

О том, что Марина еще продолжает общаться с Ивой, я узнал от жены совершенно случайно летом 99-го, — Ива звонила и звала моих уже по традиции ехать отдыхать. Еще Марина говорила что-то о том, что Ива очень переживает наш разрыв с Аббасом и рассказывает о том, что Аббас переживает тоже. Но во мне это крокодилово ослезенение сочувствия не вызвало, я резко выговорил жене и категорически все дальнейшие контакты с подругой запретил. С тех пор имена Аббаса и Ивы Эскеровых в наших с Мариной разговорах стали табу.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Исходя из всего этого, я должен был бы сейчас сухо ответить Иве что-то вроде: «Туда ему и дорога» или: «Вор должен сидеть в тюрьме», положить трубку и исполнить в пустой квартире что-то вроде ритуальной пляски, которую новозеландские маори исполняют над трупами поверженных врагов. Но я не сделал этого. Может быть, потому, что во мне выиграло благородство? Мои дела к этому времени уже существенно поправились, я работал с «Тэтой», и уже закрыл все старые долги. До прежних объемов было еще далеко, но на что жить, вопрос уже давно не стоял, и перспективы были самые радужные. Враг в тюрьме,

наказан жизнью, разбит, раздавлен — к чему добивать лежащего ногами? А, может быть, потому, что всплыла перед глазами туго обтянутая розовым Ивина задница и, словно голые, ее сиськи под мокрой маечкой? Не знаю, скорее всего, по обоим причинам. Вот только эрекция у меня в штанах в этот момент появилась, думаю, по второй.

— Нет, нет, вы правильно все сделали, — с трудом преодолевая хрипоту, сказал я. — А как он... Аббас то есть, в тюрьме-то оказался? За что?

— Это очень долгая история, — ответила Ива. — Вы ведь, вероятно, не в курсе наших... вернее, Абиковых перипетий с квартирой?

— Нет, — сухо отрезал я. — Не в курсе.

— В общем, по телефону это все не расскажешь, — явно уловив похолодание в моем тоне, предпочла свернуть разговор Ива. — Может быть, мы могли бы встретиться и поговорить?

Идея встретиться с Ивой Эскеровой совершенно вне связи с обсуждаемой темой вызвала в моем организме очередной подъем, и я согласился. Назначили на завтра, на 12–00 в одной хорошо мне знакомой кафешке на Полянке.

Я не видел Иву около двух лет, и когда она появилась в дверях кафе, я даже не сразу ее узнал. Нет, конечно, это была она и — высокая, тонкая, в желтой обтягивающей майке и длинной белой льняной юбке — она выглядела потрясающе, и все без исключения мужчины в кафе немедленно свернули шеи в ее сторону. Но от домашней, мягкой, как плюшевые тапочки, Ивы, играющей с маленькой Дашуней, или рдеющей от похвалы по поводу приготовленного ею салата, мало что осталось. Лоб прорезала вертикальная складка, губы сжались в энергичную гузку, припухли глаза — было весьма похоже, что их обладательнице последнее время плакать было не в диковинку. Я поднял руку, Ива увидела, улыбнулась, и улыбка на миг вернула на ее лицо прежнюю счастливость и беззаботность. Увидев, что вошедшую ожидают, раскрутились в обратную сторону шеи мужчин, сделавших вид, что они ни капли мне не завидуют. Поздоровались, расселись, что-то заказали.

— Так что случилось? — начал я разговор.

Задумчиво крутя на столе стакан с минералкой, Ива поведала мне странную и в высшей степени поучительную историю.

Дом, квартирой в котором хвастал при нашей последней встрече Аббас, построила известная в Москве инвестиционная компания «На Семи Холмах» («НСХ»), возглавлял которую некто Николай Остачний. Однако продавала «НСХ» квартиры в недостроенном доме не сама, а через фирму «Простор». Аббас Эскеров заключил так называемый предварительный договор купли-продажи с «Простором», а в составе пакета документов получил нотариальную копию договора между «НСХ» и «Простором», где первый передает последнему агентские права по продаже. Схема с точки зрения безопасности приобретения была не идеальной, но уж больно хороши были место, где стоял дом, сам дом и квартира. Конечно же, Аббас попросил отставного милицейского полковника Прокопича, оставшегося на службе в «Арми-Сане», «пробить» и «НСХ», и «Простор». Прокопич обратился своим бывшим коллегам, и те быстро и «по большому секрету» слили ему информацию, что Николай Остачний — зять всемогущего заместителя Министра внутренних дел, бывшего не менее всемогущего начальника РУБОП Рубайло, а генеральный директор «Простора» Жевунов — однокашник и близкий друг Остачнего. Рассудив, что раз схема «мытья золотишка» замкнута на такую персону, как Рубайло, то никаких неприятностей быть не должно, Аббас со спокойной душой отдал деньги.

Дом достроили летом 99-го, в сентябре прошла приемочная комиссия. В одну из суббот Аббас организовал всей семьей выезд на смотрины квартиры. Стояло бабье лето, уже не горячее, но еще яркое солнце играло на желтеющей листве, придавая всему вокруг удивительный оттенок радостной беззаботности. В таком настроении Аббас с Ивой и Дашуней приехали к своему новому дому.

— Я очень хорошо помню этот день, — невесело продолжала Ива. — Мы ехали все вместе, Абик показывал, как быстра его машина, Дашка на заднем сиденье визжала от восторга, когда ускорение особенно сильно вдавливало ее в кресло. Было как-то по-особенному радостно на душе, казалось, что все трудности позади, и впереди все усыпано исключительно розами. Я думала, как хорошо будет Дашке жить в новой большой квартире, что у нее будет отдельная комната, а у нас с Абиком будет мечта всей моей жизни — спальня, а в спальне — кровать, почему-то обязательно с балдахином. Никогда еще жизнь не преподносила мне таких сюрпризов, как в тот день.

Первые неприятности начались у коменданта, выдающего потенциальным жильцам ключи. Оказалось, что необходим смотровой ордер, который нужно было получить в «Просторе». Аббас принялся названивать туда, но трубку никто не брал. «Суббота», — успокаивал себя Аббас, хотя сам говорил, что раньше в компании, продавшей им квартиру, работали вообще без выходных, и он не помнит, чтобы звонящего заставляли ждать больше двух гудков. Он позвонил Жевунову на мобильный, но оператор ответил, что номер не обслуживается. Стало как-то тревожно, но Аббас, показав коменданту договора, уговорил-таки того показать квартиру. Но на пороге их ждало разочарование — вместо стандартной в квартире, по документам принадлежащей Аббасу, была установлена новенькая стальная дверь. Ясно, что такое мог сделать только человек, имеющий к этой квартире самое непосредственное отношение. Если, конечно, это не ошибка какая-то! Комендант ничего пояснить не мог, так как работал не каждый день. Но его сменщик по телефону сказал, что ошибки нет, и что дверь установили вчера люди, имеющие смотровой ордер из «НСХ». Там тоже никто не отвечал. Делать было нечего, нужно было ждать понедельника.

Если настроение, в котором Эскеровы ехали смотреть квартиру, принять за эталон белого цвета, то обратная дорога была окрашена в тона чернее черного. Аббас гнал, как сумасшедший, и кричал, что «всех там поубивает». Плакала Дашка, Ива сидела мрачнее тучи, обуреваемая самыми нехорошим предчувствиями. Так и вышло.

Понедельничный визит Аббаса в «НСХ» несколько прояснил ситуацию, хотя многие вопросы так и оставил без ответа. Девочки-клерки долго рылись в документах, и в конце концов заявили, что сведения о том, что «Простором» был заключен договор на эту квартиру с Аббасом Эскеровым, в «НСХ» не поступали, и застройщик со спокойной совестью эту квартиру продал. «Вероятно, ошибка в отчетности, — пожимали плечами клерки, — такое бывает». Телефоны в «Просторе» по-прежнему не отвечали, а клерки снова пожимали плечами: с «Простором» и лично Жевуновым контактов не было уже месяца два, но по какой причине, они не знают. «Надо идти к Николаю Геннадьевичу», — подсказал один из них, имея в виду Остачного.

Попасть к тому оказалось не так легко, Аббас потратил на это две недели, и то подключив все связи. Когда, наконец, Аббас был удостоен аудиенции, выяснилось, что гендиректор совершенно не в курсе проблемы. По интеркому он раздал кому-то задание разобраться, сказал Аббасу, чтобы позвонил через недельку и дал понять, что аудиенция окончена. Все попытки Аббаса, прекрасно умевшего навязать собеседнику свой сценарий

разговора, разбивались о холодный взгляд очень светлых, по образному выражению Аббаса, «белых» глаз Остачнего. Единственное, чего удалось добиться, это номер мобильного телефона гендиректора и милостивого разрешения «звонить, не стесняться».

Когда через неделю Аббас позвонил Остачнему по его «наипрямейшему» номеру, тот оказался переадресован на офис, где сказали, что Николай Геннадьевич болен. Болел г-н Остачний две недели, после чего убыл в плановый отпуск. Аббас психовал, дома вечерами напивался, кричал, что ненавидит эту «гребаную однушку», в полночь брал такси и ехал в «Кристалл», возвращаясь в лучшем случае под утро, а то и вечером следующего дня. В ноябре Остачний, наконец, принял Аббаса во второй раз. Сухо извинившись за то, что обозначенная при первой встрече неделя несколько затянулась, Остачний сообщил, что проверка проведена и суть дела выяснена. Оказалось, что компания «Простор», около трех месяцев назад под предлогом малой выгоды совместного бизнеса разорвавшая агентский договор с «НСХ», последние полтора года утаивала от партнера истинный объем продаж квартир в домах, возводимых «НСХ», примерно о каждой третьей проданной квартире просто не сообщая. Соответственно, «НСХ» продавала эти квартиры сама и, таким образом, образовалось значительное количество квартир, проданных по два раза. Одним из добросовестных покупателей, попавшихся на удочку мошенников, оказался г-н Эскеров А.М. Руководитель «Простора» г-н Жевунов с полученными таким образом деньгами (более 10 миллионов долларов!) скрылся в неизвестном направлении и на связь не выходит. Таким образом, с юридической точки зрения «НСХ» никаких обязательств перед господином Эскеровым не имеет, хотя он, Николай Остачний, о создавшейся ситуации очень сожалеет. Но все, так сказать, претензии к Жевунову. На месте г-на Эскерова он бы оспорил свои права на квартиру в суде, но насколько ему известно, «одноквартирник» Аббаса уже зарегистрировал право собственности на свою недвижимость и, скорее всего, суд займет его сторону. После чего «белый» взгляд г-на Остачнего снова показал Аббасу, что тема исчерпана. Но на это раз Аббас не собирался уходить просто так, не солоно хлебавши. Он в глаза сказал Остачнему, что не слишком доверяет информации последнего о том, что Жевунов скрылся в неизвестном г-ну Остачнему направлении, потому что Аббас очень хорошо осведомлен о неформальных связях между Остачним и Жевуновым. Но даже не это вселяет в Аббаса уверенность, что г-ну Остачнему местопребывание г-на Жевунова хорошо известно, а то, что при неограниченных возможностях тестя г-на Остачнего вычислить это место не составляет ни малейшего труда. При этих словах Аббасу показалось, что непроницаемый взгляд Остачнего дрогнул. Однако он сказал, что не совсем понимает намеков гостя, однако же предлагает «заскочить через недельку», уточнив, что под понятием «неделя» подразумевается именно семь дней, а не какой-нибудь другой временной промежуток.

Но ждать семь дней Аббас не стал, а обратился к помощи Прокопича по ментовской линии и Жоры-Скальпа — по бандитской, и там, и там заявку щедро простимулировал. Подавать иск против Жевунова он не спешил, зная, что таких исков уже три десятка, и хотя уголовное дело по факту мошенничества против Жевунова уже открыто, его поиск ведется ментами спустя рукава. Ясно было, что была указка не усердствовать, — мошенник, «кинувший» около сотни клиентов, даже не был объявлен в федеральный розыск. В этой ситуации Аббас справедливо полагал, что спасение утопающих — дело рук самих утопающих. Подтвердил это и Остачний, на очередной встрече с твердым взглядом (видимо, получив «добро» от высокого тестя) заявивший, что его поиски г-на Жевунова к

успеху не привели, и посоветовал обратиться в правоохранительные органы.

Результат от ментов и бандитов пришел почти одновременно — видимо, и те, и те, пользовались агентурой, работающей на обе стороны. Жевунов скрывался в Самаре, вернее, жил припеваючи, официально взяв фамилию жены и став Клокиным. Аббас сел в свою «шестьсот пятидесятую», и через одиннадцать часов бешеной гонки был в городе на Волге. Жевунов-Клокин визита Аббаса явно не ждал, хотя сильно удивленным не казался. Аббасу не пришлось даже объяснять причину своего появления, потому что хозяин вынул из сейфа явно заранее подготовленные материалы, из которых ясно следовало, что деньги за квартиру Аббаса «Простор» на расчетный счет «НСХ» перечислил сполна. Венцом доказательств, что документы — не липа, была платежка с синей (настоящей, чернильной, а не рисованной на принтере!) отметкой Сбербанка об оплате. «Все претензии к господину Остачнему», — словно говорил Аббасу потный бегающий взгляд Жевунова-Клокина.

Да, Остачний был серьезной фигурой, и «наехать» на него силами, имеющимися в распоряжении Аббаса, было немыслимо. Об это прямо заявил Жора-Скальп, сказав, что в бодании с РУБОПом шансов не больше, чем у бультерьера против паровоза, а Прокопич напрямую посоветовал «забыть о бабках, потому что жизнь конкретно дороже».

— Я не знаю, почему Аббас не послушал советов умных, опытных людей, — сокрушенно крутила головой Ива. — Я тоже ему говорила: ну ее к черту, эту квартиру, забудь, это всего лишь деньги, заработаешь еще! Он соглашался, а потом вскакивал и кричал, что его никто еще в этой жизни не имел, и он не может допустить, чтобы его так поимели. И потом — я говорила, мол, заработаешь, но это я хотела поддержать его, потому что с деньгами у нас становилось все хуже и хуже. В начале 99-го он дал мне банковскую карточку и сказал: трать — не сколько хочешь, но сколько нужно, и я год проблем не знала. В конце года он сказал, что я транжира, и карточку у меня забрал. Не знаю, я ни копейки лишней не потратила. У них тогда ни с того, ни с сего натянулись отношения с Сашей Качугиным и особенно с Ритой (я предполагал, почему у Аббаса могли натянуться отношения с Ритой, но вслух, разумеется, не сказал), и Саша перестал давать Аббасу объекты. А еще он несколько раз крупно проиграл в казино, в общей сложности тысяч пятьдесят, может, больше. Год назад, думаю, он оставил бы Остачнего в покое и просто купил бы новую квартиру, но к концу 99-го денег уже не было. И — главное, это его: «Я не позволю, чтобы меня поимели, я вопрос решу». Вот и решил.

Аббас пошел к Остачнему и выложил на стол документы, полученные у Жевунова. Сказал, что суд «НСХ» однозначно проиграет, деньги придется вернуть плюс заплатить моральный ущерб. После решения суда он, Аббас Эскеров, постарается подать иск против самого Эн. Гэ. Остачнего по факту мошенничества. «Шансов немного, но нервы и репутацию я вам попорчу», — открыто заявил Аббас. Даст материал против Остачнего в газеты — в «МК» Хинштейну и в «Коммерсантъ» Тополеву. И, последнее: Аббас запишется на прием к теперь уже Министру внутренних дел Рубайло и все расскажет ему про проделки его зятя.

Остачний испугался. «Ну, зачем так-то? — примирительно заюлил он, не глядя Аббасу в глаза. — Разумеется, мы можем договориться». И — пообещал Аббасу, что вернет деньги. «Вы твердо даете мне в этом честное мужское слово?» — переспросил Аббас. «Даю слово», — в точности, как герой актера Леонида Марков в фильме «Долг», сказал Остачний. Аббас поверил, и это была точка невозврата.

Вся зима, весна и начало лета 2000-го были посвящены встречам Аббаса с Остачним по

вопросам урегулирования проблемы. Сначала Остачний предлагал квартиру, и Аббас ездил по объектам «НСХ», смотрел разные варианты. Но ни один из них в итоге не устроил, и все вернулось к деньгам. Потом оказалось, что денег в кассе нет, и надо подождать «недельку-другую», пока не продается какая-нибудь квартира в одной из новостроек. Наконец, в начале июля Остачний позвонил и сказал, что он готов отдать первый транш — пятьдесят тысяч долларов. Встречу назначили на 12 июля в офисе «НСХ».

— Я отвела Дашку в школу и сидела дома, а Аббас уехал встречаться с Остачним, — говорила Ива. — Он был в прекрасном настроении, вечером мы обсуждали покупку новой квартиры, даже лучше, чем та, злосчастная, и дешевле. Прямо от Остачнего Аббас собирался ехать к застройщику делать первый взнос. Но вместо этого через три часа он вернулся домой в сопровождении кучи ментов и в наручниках. Мне он успел сказать, что Остачний его подставил, и ему «шьют» 163-ю статью, вымогательство, до 14 лет. Менты сунули мне под нос ордер на обыск и закрыли меня на кухне, но все было слышно. Они начали шмонать, но долго не искали, потому что в бельевом шкафу у нас обнаружился пакет с кокаином, или героином, не знаю. Все загалдели, полезли к Аббасу в джинсы и вытащили у него из заднего кармана еще пакетик с порошком. Аббас закричал: «Суки, подстава!», но понятые, которые были с ментами, закивали — мол, видели, видели. Они и меня спрашивали, давно ли мой муж употребляет наркотики? Я отвечала, что, конечно, мой муж не употребляет наркотики и что всем очевидно, что пакеты нам подбросили, а их главный так серьезно сказал понятым, что, наверное, я тоже наркоманка. Я спросила, не наркоманка ли, по его мнению, также и наша семилетняя дочь, на что мент сказал, что он это вполне допускает, и что таких, как мы, нужно лишать родительских прав. Аббас сидел на табуретке посреди комнаты с руками, скованными за спиной, и был в полной прострации. И тут один мент, типа, сочувствующий, предложил ему попить. И я, же дура, не сообразила тоже! Он пошел на кухню, налил воды в стакан и чего-то замешкался. Принес стакан, дал Аббасу — тот выпил захлеб, текло по подбородку, — понятно, сушняк какой от таких нервов. И тут как закричит: «Вода горькая, вода горькая!» Вскочил с табуретки, согнулся, типа, хотел блевануть, но наручники же, два пальца в рот не сунешь. Его усадили, прижали к табуретке. Старший мент говорит так серьезно и радостно: «Ну, вот, теперь не открутишься, наркоман проклятый! Давайте, товарищи, подписывать бумаги». И все — понятые подписали. Я прочитала — в шкафу якобы нашли полкило героина, а в кармане у него — полтора грамма кокаса. Я знаю — это гигантские количества. Аббаса забрали, он в дверях посмотрел на меня с такой тоской, до сих пор душу рвет. Вчера утром позвонил этот мент, сказал, что ему предъявили обвинение по статье 163 часть 2 и по 228 в особо крупных размерах, это наркотики. По первой ему светит семь лет, по второй — вообще десятка.

И, видимо, не в силах больше сдерживаться, Ива зарыдала. Мужики снова заскрипели шеями, ожгли меня осуждающими взглядами — эх, что ж ты такую кралю плакать заставляешь? На аборт денег, что ли, жалко? Теперь я хмуро крутил по скатерти стакан, — ну, не по голове же ее гладить в утешение, в самом-то деле?! Да, дела-а... Кроме как «полный пи...дец» и сказать-то нечего.

— Чем я могу помочь? — наконец, по-деловому спросил я.

— Да я даже и не знаю, — гнусавя, ответила Ива, с помощью платка борясь с тем, что текло из глаз и из носа. — Денег я не прошу, хоть дома ни копейки, денег обещал Борис дать. Ездить нужно по всяким делам, туда-сюда, передачи возить, мне не на чем. Адвокат нужен, нет у вас знакомого хорошего адвоката?

Я тут же бросился звонить Веццкому, хотя прекрасно помнил, что Александр Алексеевич — не «уголовник», а «гражданский» адвокат. Веццкий ответил, выслушал, сказал, что, разумеется, у него есть хороший знакомый — прекрасный адвокат по подобного рода делам и сразу же продиктовал телефон. Ива записала номер и подняла на меня глаза, полные благодарности.

— Я очень благодарна вам, Арсений Андреевич, — сказала она, — что вы приехали, что выслушиваете тут мои сопли и предлагаете помощь. Я примерно представляю, на чем испортились ваши с Аббасом отношения и прекрасно понимаю, что он был... как бы это сказать... неправ. Вы — благородный человек. Не уверена, что на вашем месте Аббас поступил бы так же.

Я сдержанно кивнул, хотя на самом деле мне очень, о-очень приятно было слышать такое про себя. Или — такое из уст Ивы Эскеровой?

Весь остаток лета я мотался с Ивой по делам ее мужа и, если бы не Питкес, это не могло бы не отразиться на бизнесе. Но Самойлыч был надежен, как Третьяк в воротах, а мы ездили к адвокатам, встречались с журналистами, милицейскими чинами, просто с нужными людьми. Через одного телевизионщика — бывшего ВИДовца, которому мы на «ура» сделали одну из первых Аббасовских квартир, вышли на известного юриста-правозащитника Харчевского. Правда, правозащитник делом заниматься отказался, сославшись на то, что как-то все грязновато, наркотики, на самом деле шепнув другу-ВИДовцу на ушко, что переть против «сам знаешь кого» — он не Александр Матросов, отнюдь. Через Жору-Скальпа, с которым и у меня сохранились наилучшие отношения, закинули в СИЗО, где держали Аббаса, «маляву», о том, что этот человек, хоть не из «пиковых», но непростой, и относится к нему нужно с уважением.

Следствие шло в направлении, похоже, указанном лично товарищем Министром, и как ни старались адвокаты, заменить Аббасу меру пресечения с «содержания под стражей» на «подписку о невыезде» не выходило. Самым главным аргументом обвинения было то, что в организме Аббаса были обнаружены опиаты — напоить задержанного «заряженной» водичкой у ментов вышло на славу. Следак-капитан рыл землю, не принимая никаких доказательств защиты, упорно ведя дело к передаче в суд именно по этим статьям, обе из которых были в те годы очень «популярны» у судей — статистика «посадок» по ним не предвещала «вымогателю-наркоману» ничего хорошего.

За это время мы с Ивой очень сблизились, в смысле — подружились. Она оказалась гораздо умнее, чем я представлял ее раньше, может быть, потому, что сейчас ей не нужно было прятать мозги за вывеской примерной матери и домохозяйки. Или, может быть, потому, что ее не подавлял сейчас своим интеллектом Аббас? А еще она могла понять и поддержать какую-нибудь шутку с закавыкой, и пошутить сама, и у нас получалось долго и непринужденно обсуждать разные темы без того, чтобы неловкое молчание повисло между нами. Мы почти сразу и очень органично перешли на «ты». Мне было с ней — хорошо? Пожалуй, «немного» не то слово, — скорее, комфортно, и я был абсолютно уверен, что и ей со мной — тоже. Как бы о ни было, в спектре моих наблюдений за Ивой Эскеровой явно начали проступать цвета интереса к ней, не только как к женщине, но и как к личности.

Адвокаты говорили, что никак нельзя допустить, чтобы в суд Аббаса привезли из тюрьмы — и примета плохая, да и дожидаться суда дома или в душевой общей камере — как говорят в Одессе, две большие разницы. Поскольку решить этот вопрос через следователя возможным не представлялось, начали искать заходы, что называется, «через верх». В

результате через адвоката, которого посоветовал Ведыцкий, вышли на одного из заместителей прокурора Москвы, старого дедушку, скоро уходящего на покой. За 65 «штук» зелени — внучке на квартиру — дедушка согласился подписать постановление об освобождении из-под стражи. Деньги дал Борис, и 10 ноября, на «День мента», Аббаса выпустили.

Мы встречали его втроем — Ива, Борис и я. Было холодно, зима в тот год пришла рано. Ждали с 8 утра, точно зная, что постановление попало в тюрьму еще накануне вечером. К полудню весь запас тем подисчерпался, и напряжение просто звенело в салоне Мерседеса Бориса. Ива хмурилась и кусала заусенец, Борис выбивал пальцами на руле нервную дробь. Наконец, в четверть первого медленно, словно нехотя, в воротах СИЗО открылась неприметная калитка, и из нее вышел Аббас. Он был одет в какие-то немыслимые треники и толстый вязаный свитер, на его стриженной голове набекрень сидела лыжная шапочка с помпоном, за плечами болталась классическая «бичовская» котомка. У него отросла приличных размеров борода, и сейчас вполне подстать своим «ФИО» он напоминал кавказского боевика, спустившегося с гор. Он стоял, жмурился от яркого света и оглядывался по сторонам, ища взглядом встречающих. Ива, схватив припасенную для мужа куртку, рванула из машины, Борис — вслед за ней. Я навстречу Аббасу не пошел, а просто вышел на морозный свежий воздух. У него приняли котомку, накинули на плечи куртку и повлекли к машине. У меня слегка екнуло в груди, — не так я представлял себе нашу возможную встречу. Хотя, честно говоря, я ее себе никак не представлял. Аббас подошел, поднял на меня воспаленные глаза, протянул руку: «Здравствуй, Арсений Андреич! Вот такая вот... эпидерсия!» От него непередаваемо густо пахло тюрьмой. Я пожал протянутую руку, встретился с ним глазами. «Ну, что, доволен?» — читалось в его взгляде. Я отнял руку — никаких подобных победоносных чувств я сейчас не испытывал. Аббас загрузился в Мерседес, вслед за ним — Ива и Борис, хлопнули двери. Ощущая некоторую досаду от того, что вот как будто только что шли вместе дружной компанией, и вдруг тебе говорят: «Ну, ладно, ты уж дальше сам как-нибудь», я неловко помахал всем в Мерседесе и направился к своей машине. Краем глаза я заметил, как на заднем сиденье Ива что-то экспрессивно говорит мужу. Я уже отошел на десяток шагов, когда за спиной голос Аббаса позвал меня: «Арсений Андреич!» Я обернулся. Его бледное бородатое лицо высунулось в открытое окошко заднее двери. «Арсений Андреич, ты извини, сейчас не до политесов, честно говоря, ни о чем, кроме горячего душа, думать не могу. Приходи вечером к Софе, посидим, выпьем, как говорится, о делах наших скорбных покалякаем!» Я посмотрел на бывшего друга и компаньона и понял, что ни в коем случае не хочу ни о чем с ним калякать. Просьба Ивы помочь выполнена, ее муж на свободе, и я могу больше не быть его делами озабочен. Мавр сделал свое дело, мавр может с чистой совестью удалиться. Я объяснил, что вечером занят, что у меня важная встреча, а потом совещание, но в окне, оттеснив грудью мужа, появилась Ива. «Арсений Андреич! Я прошу тебя... вас — приезжайте к нам вечером обязательно. В столько сделали для Абики и для меня, я просто не могу представить, что праздничный ужин пройдет без вас!» Ее взгляд был... В общем, отказать такому взгляду было невозможно. Я кивнул: «Я приду. К семи? Хорошо».

Вечером в квартире на Перекопской на столе был знаменитый Софин жареный судак с вареной картошечкой, Ивины домашние разносолы и много водки. Аббас был уже вымыт и выбрит, от него не пахло тюрьмой, а лицо без душманской бороды казалось каким-то скукоженным. Он на удивление мало пил и ел: «Отвык!», и отсутствующим взглядом глядел

куда-то в центр стола. Софа, Борис и Ива много говорили о перспективах дела, о некоем новом адвокате, который якобы гарантирует положительный исход в суде, и том, и о сем. Я молча пил, беседа вокруг текла, меня совершенно не задевая. Я исподтишка наблюдал за Ивой — она была совсем прежней, плюшево-домашней, сидела близко рядом с мужем и не сводила с него преданных глаз. С каждой рюмкой иголка глупой и недостойной ревности все глубже втыкалась в мое сердце. Я злился на себя, но ничего поделать не мог.

— Ладно, расскажи хоть, как нынче в российских тюрьмах сидится, — чтобы хоть как-то разбавить свое неловкой молчание, спросил я. — К чему быть готовым, если вот так вот, как тебя, на ровном месте, без объявления войны?

Все почему-то сразу замолчали, испуганно глядя на того, кому был задан вопрос. Но Аббас только налил себе рюмку и, уперев руки в колени (вылитый Евгений Леонов из «Джентльменов удачи»), ответил:

— Знаешь, Арсений Андрейч, готовиться надо к тому, чтобы быть злым! Злым и сильным. Вот знаешь, какой я вывод сделал, просидев четыре месяца в тюрьме? Что я — сильный. Там же как — мужики, блатные и отморозки, короче, «братва». Поскольку я сидел по «уважаемой» статье, те стали вокруг виться, типа, что да как, давай с нами. А я им сказал: «Вы не братва, вы — ботва!» Ни с кем я не там не дружился, и ни под кем не ходил. И — выжил, и дольше бы выжил. Потому что я — злой и сильный. И Остачнего, суку, я урою, век воли не видать! Плевал я на Рубайло! Он мне слово дал, и кинул, такое не прощают. Урою, и поссу на его могилу. За это — выпьем!

За такой сомнительный тост я пить не стал, Ива тоже не прикоснулась к рюмке. Борис выпил, а Софа только испуганно подняла рюмку, но увидев нашу с Ивой реакцию, тоже поставила ее обратно. Говорить было не о чем и не хотелось, я встал и начал прощаться. Аббас, не вставая с места, меланхолично протянул мне вялую руку. Провожать меня вышла Ива, ее глаза, только что за столом светившиеся счастьем, были грустны. «До свидания, Ива Генриховна, — сказал я. — Будут проблемы, звоните». Ива кивнула и совершенно неожиданно быстро поцеловала меня в щеку.

Снова я увидел Иву на суде весной следующего года, но у нас не получилось обмолвиться даже двумя словами, — я опоздал, и она, уже дав показания, сидела в зале суда. На меня налетел Аббасов адвокат с последними инструкциями, как отвечать на вопросы судьи, и почти сразу меня вызвали. Я видел Иву в течение коротких секунд, пока шел от двери к свидетельской трибуне. Я улыбнулся ей глазами, в ответ она чуть-чуть вздернула подбородок, и самую малость приподнялись уголки ее рта. Я успел заметить, что выглядела Ива постаревшей и усталой.

Больше полугода я ничего о семье Эскеровых не слышал. Да и дел было невпроворот, стройка набирала ход, требовала к себе всего внимания, на дела прошлые просто не было времени. И когда в апреле 2001-го Ива неожиданно снова позвонила мне, я мог бы поклясться, что со времени нашей последней встречи прошло, ну, может быть, месяц или полтора, но уж никак не такой большой срок. На вопрос «Как дела?» Ива поведала, что дела плохи, денег нет, суд еще не закончился, адвокаты сжирают все. Нет даже машины, так любимый ею «БМВ» пришлось отдать за долги Борису, на оставшейся Софе от Мерашк «трешке» — ВАЗ 2103, Аббас ездить отказывается. Главное, что нет работы, с Качугиными Аббас окончательно «разосрался», обвинив их в том, что ему задолжали 50 тысяч баксов. Качугины это категорически отрицают, со своей стороны обвиняя Аббаса в том, что тот не отработал какой-то аванс на такую же сумму. Аббас прилюдно назвал Качугиных «пи...

расами» и заявил, что «стрясет» с них деньги «по-любому», с тех пор они друг с другом не общаются, официально находясь в состоянии войны. Денег в семье нет, Борису должны еще тридцатку, он требует, чтобы Аббас продавал квартиру на Шокальского, всей семьей перебравшись к Софе, Аббас на этой почве разругался с Борисом тоже. Дескать, Борис взял «бумера» стоимостью 120 тысяч только в погашение долга прокурору, и Аббас при матери обвинил ее брата, что тот на своем племяннике зарабатывает. Софа донесла, что Борис назвал племянника «свинтусом неблагодарным», и заявил, что пальцем больше не пошевелит, пока Аббас с ним не рассчитается. Поскольку Аббас на звонки Бориса не отвечает, тот названивает ей, Иве и требует денег. «Я уж думаю, натурой, что ли, предложить ему заплатить? — невесело усмехнулась Ива. — Борис еще тот кобель, не откажется. Только сколько времени придется расплачиваться? В общем, жопа». «Чем я могу помочь?» — задал ставший уже дежурным вопрос я. Ива объяснила, что Абик уже давно хочет извиниться передо мной и попроситься на работу на любых условиях, но боится, что я ему откажу. Думать тут было особо нечего — опыт, память, чутье подсказывало, что нужно было отказывать. «Пусть он позвонит мне, — вместо этого как-то сами собой, выскочив из-под контроля сознания, произнеслись слова. — Я дам ему работу».

Я пожалел о том, что сказал, в ту же самую секунду, как положил трубку. Но — она так благодарила, в ее тоне было столько... хорошего, доброго, что жалел я недолго. Да и во что плохое могло вылиться такое возобновление отношений? Разумеется, ни о каком личном сближении не могло быть и речи, сугубая прагматика — он работает, я плачу деньги. Не работает — не плачу. Тем более, что один мой хороший недавний знакомый по фамилии Сестрин, поставщик строительных материалов на мои объекты, зная об огромном опыте проведения «Арми-Строем» люксовых квартирных ремонтов, попросил отремонтировать только что купленную квартиру. Отказывать было неудобно, но в штате компании не осталось ни одного «квартирного» прораба из бывших, а вновь набранный мною штафф знал, как лить бетон и монтировать тяжелые металлоконструкции, но в высококачественной элитной отделке разбирался не лучше, чем негр из племени «тутси» в бордосских винах. Заниматься самому этим было совершенно нереально, так что Аббас приходился очень в пору. Везунчик, черт — не будь Сестринского заказа, пришлось бы мне Иве все-же отказать. Так Аббас снова, как много лет назад, появился в моем кабинете.

Мы сухо пожали друг другу руки, я ввел его в курс дела, он сказал: «Все понятно».

— Все материалы приобретает по твоей заявке отдел снабжения, все по безналу, никаких наличных, — перешел к щекотливой финансовой стороне взаимоотношений я. — Зарплата рабочих — только в конторе, строго по ведомости.

— Боишься доверять мне деньги? — прищурился Аббас. — Думаешь, в казино проиграю?

— В конторе такой порядок, — сухо ответил я, не желая ввязываться в дискуссии.

— Но может оказаться, что снабжение протормаживает, или везет не то, что нужно, — не унимался Аббас. — А я теперь снова на колесах — езжу на батиной дряхлой «трешке», пришлось наступить на горло гордости. Так что я могу в любой момент смотаться на строительный рынок, что-то оперативно купить, привезти. Снабжение все равно не обеспечит вовремя всеми мелочами, могут быть проблемы.

— Снабжение справится, — закрыл тему я. — Не справится, будем решать задачи по мере их поступления.

Аббас с виду равнодушно пожал плечами, но было видно, что он уязвлен. Я решил

подсластить пилюлю и рассказал ему, как мне представляется оплата его труда. Поскольку определиться с достойной зарплатой сотруднику с такой квалификацией было непросто, я предложил следующую схему: ежемесячно Аббас получает 1500 долларов — не в качестве зарплаты, а в виде аванса, после окончания объекта определяется прибыль и делится пополам, авансы вычитаются из его доли.

— Логично было бы мои авансы включить в себестоимость, — сразу попытался ревизовать условия Аббас. — Ты же ведь все равно какому-то прорабу зарплату был бы вынужден платить, верно? А при расчете прибыли зарплата ИТР, как известно, учитывается в затратах.

— С каким-то прорабом я не стал бы делиться прибылью, — ответил я. — Так что будет так, как я сказал, или никак.

— О, конечно! — рассмеялся Аббас, картинно поднимая руки вверх. — Разумеется, хозяин — барин. Могу идти?

— Да, — коротко ответил я, делая вид, что углубился в бумаги.

Аббас встал, подошел к выходу, обернулся.

— И все-таки жизнь — забавная штука, шеф, — сказал он, держась за ручку двери. — Уж если она чего придумает, от нее не убежишь. Вот, как ни крути, снова мы с тобой дольщики, компаньоны, так сказать. А ведь когда — помнишь? — зимой на крыльце «Зурбагана» расставались, никто из нас не мог о таком подумать, верно? Ан нет — круг замкнулся, и мы снова вместе.

Сердце неприятно сжалось — оказывается, эти воспоминания до сих пор причиняли мне боль. Я поднял глаза от бумаг, посмотрел Аббасу в глаза — намеренно безразлично, как смотрят не на человека, а на выключатель на стене.

— Мы рядом, но не вместе, — уточнил я. — Ты сделал все, для того, чтобы вместе мы никогда больше не были.

Он помолчал, потом как-то непонятно усмехнулся, и вышел. «Ты Катю, что ли, имел в виду, шеф?» — совершенно отчетливо послышалось мне в его усмешке. Да, удивительно, как умел этот человек, даже ничего не сказав, оставить последнее слово за собой! Снова, как много лет назад, карандаш затрещал и сломался в моих пальцах.

Месяца два все было нормально, я даже пару раз звонил Сестрину, и тот — чувствовалось, что искренне, благодарил меня, что я поставил заниматься его квартирой такого «тонкого, знающего и благорасположенного» человека, как Аббас. Я успокоился, и интересоваться делами у Сестрина перестал.

Примерно в это время Аббас как-то испросил у меня аудиенцию, и на ней произнес фамилию Пирогов. Я помнил, это был наш прошлый заказчик, оказавшийся очень большой шишкой — представителем президента в верхней палате парламента.

— Ту квартиру, которую мы ему тогда делали, он дочери отдал, — с энтузиазмом расписывал крутость Пирогова Аббас. — Сейчас купил себе хату двести метров в «грубберовской» башне на Новом Арбате, и недостроенный дом в полторы тысячи метров в Жуковке. О-очень сильно поднялся Пирогов, о-очень! Будем Пирогову жилищные условия улучшать, шеф?

Я задумался. Конечно, информация была очень заманчивая, тут объемов работ было на четыре-пять миллионов долларов, и хоть загрузка у компании сейчас была почти полная, такими деньгами брезговать нельзя, можно и пробросаться. Но я уже видел, как Аббас будет выкручивать мне руки, что делать квартирные ремонты, да таким людям, как Пирогов, по

той же схеме, как мы строим ангары для «Тэты», нельзя. Тут нужно тонко, гибко, ювелирно. Управление должно быть оперативным, реакции — мгновенными. С нашим косным снабжением далеко не уедешь, — они везут очень долго, дорого и в результате часто привозят не то, что надо. Аббас мне все уши прожужжал историей о том, как он заказал на объект «поддон», имея в виду душевой поддон, а снабжение привезло ему деревянный поддон — палету, на которых перевозят сыпучие грузы в мешках. Посмеялись, но мне было не до смеха — Аббас явно вел к тому, что управление, сиречь — деньги, должны быть в его руках. Иначе он такого человека, как Пирогов, ублажить не сможет, ведь Пирогов захочет, чтобы его объектами занимался только Аббас, и никто другой. Да и вообще иметь дело с таким могущественным человеком небезопасно. Поэтому я отнесся к информации Аббаса сдержанно, тем более, что конкретики пока не было никакой. «Так я не понял, мне заниматься Пироговым, или нет?» — несколько раздраженно спросил Аббас. «Занимайся», — ответил я. На том и закончилось.

А через месяц разразился скандал. Мне позвонил Сестрин и в крайне раздраженных тонах принялся мне выговаривать, что дела на его квартире идут из рук вон плохо. Я не привык, чтобы так со мной разговаривали, и с трудом удержавшись от того, чтобы звонившего не послать, пообещал разобраться. Аббас по телефону объяснил ситуацию просто: «Он не платит, шеф. Две недели назад ему был выставлен счет на промежуточную оплату, он — ноль эмоций. Я снял людей». Я нахмурился — снимать людей, не посоветовавшись со мной, было грубым нарушением субординации внутри компании. Я чертыхнулся, проверил экономику объекта — да, первый аванс был отработан и закрыт бумагами, чтобы работать дальше, Сестрин должен был заплатить следующий транш. Счет был бухгалтерией выписан, но прихода денег в компьютере не числилось. Похоже, Аббас был виноват только в несоблюдении дисциплины. Я позвонил Сестрину и объяснил ситуацию так, как она мне представлялась. «Вы не заплатили, — сказал я. — Остальное является следствием этого». Сестрин минуту молчал, слышен был шорох каких-то бумажек. «Если я не заплатил, то как я могу держать в руках приходный ордер на эквивалент сорока пяти тысяч долларов от вашей компании, уважаемый Арсений Андреевич? — раздался, наконец, в трубке издевательский голос Сестрина. — Мне передал его ваш доверенный представитель, Аббас Мерашевич. С вашей, кстати, подписью и синей печатью». Мне приплохло, десяток версий пронеслось у меня в голове, но, видимо, наиболее верной была та, которая выражалась короткой фразой: «Ну, Аббас, сука!»

Я снова позвонил Аббасу, и чувство уже когда-то пережитого пронзило меня. Как в декабре 98-го, долго шли гудки, потом в трубке что-то зашуршало, стукнуло и раздался удивительно вальяжный и ленивый голос Аббаса:

— Алло, да, кто это?

— Костренёв Арсений Андреевич, генеральный директор компании «Арми-Строй», — на случай, если это была шутка, решил подыграть я. — Ваш, уважаемый Аббас Мерашевич, работодатель и непосредственный руководитель. Не соизволите объяснить, как у Сестрина оказался приходник на сумму второго транша, если поступления денег от него в бухгалтерии не числятся?

В трубке снова что-то зашуршало, потом послышались звуки, удивительно напоминающие бульканье жидкости, наливаемой в стакан.

— А я почему знаю? — совершенно развязным тоном ответил, наконец, Аббас. — Могу предположить, что Сестрин решил нас поиметь и подделал корешок приходника. Я те, шеф,

кстати хочу сказать, что твой Сестрин — большая гнида, и о работе с тобой и тебе лично отзывается самым нелицепе... не-ли-це-при-ят-ным образом. Зря ты с ним связался, я тебе говорил!

Он мне говорил?! Господи, да он в зюю!

— А ты вообще где? — напряг связки я.

— Я где? — переспросил, икнув, Аббас. — Я выполняю твое, шеф, поручение, занимаюсь объектами господина Пирогова. Мы недавно только с Евгением Витальевичем расстались, хлопнули с ним бутылку «Людовика XIII», я сейчас один, допиваю. Напиток богов! А знаешь, шеф, сколько стоит фуфурь «Людовика XIII»? Трешку грина! Крутой человек Евгений Витальевич, оч-крутой! Ему сам президент доверяет! А знаешь, что он мне предложил?

— Нет, — не зная, как на все услышанное реагировать, несколько растерянно ответил я.

— Евгений Витальевич предложил мне стать его главным строителем, — радостным тоном Гюльчатай, объявляющей, что господин назначил ее любимой женой, сообщил Аббас. — Так что извини, шеф, я больше у тебя не работаю. Я теперь буду твоим заказчиком. Придешь строить наши с Евгением Витальевичем объекты? Кстати — хата, дом — это фигня, мелочь. Евгений Витальевич покупает десять гектаров в Раздорах, будет коттеджный поселок строить. Представляешь, сколько это бабла? Это уже не лимоны, а десятки, большие десятки лимонов! И я никого, кроме тебя, шеф, на подряд не рассматриваю. По старой дружбе, так сказать. И мне с тебя за это — заметь! — ничего не надо. Ну разве что так, самую малость, за уважение, так сказать. Короче, условия обговорим при встрече. У тебя что-то еще?

Моя челюсть со стуком упала на стол. Могу ответственно заявить, что с такой беспардонной, циничной, экстрагированной наглостью я не встречался никогда ни до, ни после этого разговора.

— Ну, вот что, — сказал я, обретя дар речи. — Когда проспишься, изволь явиться в контору, сдать в кассу полученные тобою от Сестрина деньги, составить отчет о состоянии дел на вверенном тебе объекте, передать чертежи, бумаги, ключи — что там у тебя еще есть? Потом напишешь заявление об уходе, и чтобы духу твоего больше в конторе не было. Ты понял?!

В трубке послышался звонкий стук стакана о зубы, — очевидно, очередная порция «напитка богов» только что переключивалась из стакана в Аббасову глотку.

— У меня к тебе есть встречное предложение, шеф, — выдохнув, ответил Аббас. — Ездить по всяким твоим конторам-манторам мне недосуг, нужно номера «три девятки» на мою новую машину выкупать. Ты знаешь, шеф, на «трешке» ездил, «трешку» решил и взять, чтобы не отвыкать, так сказать. БМВ, правда, «триста двадцатую». Очень прилично ездит, я тебе хочу доложить. С 650-й не сравнить, конечно, но ничего, полгода поеду, эту жене отдам, себе «Альпину X5» возьму, сто пятьдесят шгук всего. Так вот, насчет Сестринского бабла ты сам с ним разбирайся, я тут ни при делах. Конечно, мне твоя предьява впадлу, но я на тебя, так и быть, не в претензии, по первости косяк твой тебе прощаю. Так что ты распорядись, чтобы со мной созвонились, я скажу, когда и где мне удобно будет встретиться. Денег пусть мне привезут — полторашку за последний месяц и мою долю прибыли на тот объем, что я успел сделать. Посчитать, конечно, сложно, но пусть будет даже мне в убыток — десять тысяч долларов хватит. И трудовую мою пусть не забудут, я в обмен на нее заявление напишу.

— Пошел вон! — раздельно сказал я и дал отбой.

Сердце бешено колотилось в груди, — поводов выделять такое количество адреналина у организма не было давно. Второй раз на одни и те же грабли — Боже, ну как можно быть таким дураком! Телефон на столе зазвонил — номер высветился Аббасов, и трубку я не взял. Через минуту заверещал снова, — я звонок сбросил. Через пару минут пришла эсэмэска: «Шеф, возьми трубку, я все объясню». Я вздохнул — скорее всего, клиент был просто пьян, не соображал, что нес, и теперь осознал. Когда телефон снова зазвонил, я ответил.

— Да, я тебе сейчас кое-что объясню, — зазвучал в трубке существенно более трезвый голос Аббаса. — Ты, походу, не понимаешь, шеф. Если я завтра не получу своих денег и трудовую, то послезавтра у тебя в конторе будет РУБОП с прокуратурой, и ты долго будешь давать им объяснения, на каком основании ты принимаешь с населения в лице господина Сестрина наличные. Копия приходника у них, разумеется, будет. А там, думаю, еще чёнть накопят у тебя, как же без этого? Строить без нарушений действующего законодательства невозможно, это всякий знает. Думаю, что ближайшие полгода у тебя будут очень насыщены встречами с самыми разными очень неприятными в общении людьми. Кстати, адвокат есть хороший, могу телефончик дать. Правда, дерет, сука, дорого. А еще я попрошу Пирогова вообще к хренам закрыть твою контору. Один его короткой звонок, и у тебя просто отзовут лицензию, и все. Как тебе такие, перспективы, шье-е-ф?

Не знаю, то ли это издевательское «шье-е-ф» с ломанием губ, то ли что еще — но я вдруг успокоился, сердцебиение прошло, внутри стало прохладно и хорошо. Главное — я совершенно точно знал, что сказать.

— Слушай, ты, огрызок, — с усмешкой ответил я. — Ты можешь мести своим поганым помелом, только что вынутым из задницы господина Пирогова, сколько тебе угодно. Ничего ты не получишь. Твою трудовую я прямо сейчас жгу в пепельнице, так что придет время, и тебе придется очень много побегать по разным конторам-манторам, чтобы оформить свою нищенскую пенсию. Деньгами Сестрина можешь подавиться, вот только удачи ворованное не приносит. Насчет ОБЭП — с РУБОПом ты, дружище, по неграмотности попутал — н впервой, объяснимся. А вот тебе будет отбояриться труднее — печать на приходнике деланная, и пальчики твои на нем наверняка есть. А телефончик у меня новый, дорогой, продвинутый, с диктофоном на тридцать минут, и сейчас он включен. Так что все угрозы твои в мой адрес записаны, что очень поможет мне обрисовать заинтересованным органам всю гнусность твоей личности. Ведь ты кто у нас — вымогатель и наркоман, обратное судом не доказано? Значит, идешь по проторенной дорожке, теперь у работодателя вымогаешь. Боюсь, четыремя месяцами отсидки на этот раз дело не ограничится, и дымоход от сексуально-озабоченной «ботвы» без малявы от Жоры-Скальпа уберечь тебе будет труднее. Кстати, адвокат у меня хороший и дорогой есть, это я тебе его сподобил, ты не в курсах, видать. Жена не сказала, самолюбие твое берегла. А Пирогов моей фирмой по просьбе такого прыща, как ты, заниматься не будет — незачем ему это, так что щеки-то подбери. И осуществить все эти проекты его ты не сможешь, грамотенки не хватит, опыта. Такие объемы — для серьезной компании, а она сама с Пироговым обо всем договорится, ты в этом вопросе навряде пятой ножки у стула. Так что выгонит тебя очень скоро Евгений Витальевич за ненадобностью. А то и просто играет он с тобой, как кошка с подвернувшимся фантиком, но фантик кошке быстро надоедает. Ну, и напоследок: ты мелкое, плохо пахнущее ничтожество, и больше никто. Не смей больше никогда появляться в поле моего зрения, задавлю ненароком. Будь здоров, окуроч, не забудь ладошки после

ворованных денег помыть, воняют.

И положил трубку. После разговора я ощущал гадливую брезгливость от того, на каком языке был вынужден изъясняться, и удовлетворение по поводу того, что смысл слов на этом языке совершенно точно попал в цель, в самое яблочко. В подтверждение этому прожужжал мобильник, сообщая о приходе СМС. «Официально заявляю Вам, Арсений Андреевич, что Вы наряду с г-ном Остачним и еще некоторыми фигурантами включены мною в список моих официальных врагов, подлежащих уничтожению. Так что когда, проснувшись, не обнаружите голову на своих плечах, не удивляйтесь. Ты мне, падла, ответишь! Я еще сдобрую твою могилку мочевиной! Аллах Акбар!» Я подумал, не заявить ли на самом деле ментам, что мне угрожают, предъявив СМС, но вспомнил, что мобильный Аббаса зарегистрирован на Иву. Она, как владелица, первая будет втянута в это дерьмо, и я передумал. «Да у него с чердаком не все в порядке!» — осенило вдруг меня. Ну, конечно — несколько месяцев на нарах, крушение финансового благополучия, всех жизненных планов кому хочешь гаечки с винтиков в голове посворачивает. Отсюда и явная неадекватность поведения и мышления, детская заикленность на трескучих фразах, типа идеи справить малую нужду на могилы «врагов». И это странное: «Аллах Акбар!» Похоже, его еще и в религию понесло. Раньше в речи Аббаса время от времени проскакивали слова Аллах, Коран, «по шариату», он мог поздороваться: «Ассалям Алейкум!», но это было так, напускное, понты, кич, дань его «сильно нерусским ФИО». Но сейчас его вполне могло «зарубить» на этом. Впрочем- эти вопросы меня больше не интересовали, Аббаса Эскерова я окончательно вычеркнул из своей жизни. История с Сестриным — он, как я и думал, отказался что-либо доплачивать, прикрываясь «паленым» приходником, необходимость наращивать отставание от контрактного графика, не считаясь с расходами, — все это принесло компании — по сути, мне — семьдесят тысяч долларов прямого убытка.

Ива позвонила мне месяца через полтора. На секунду высветился вопрос — отвечать или нет, но, устыдив себя, что нельзя сваливать в одну кучу приличных людей и говнюков, даже если они по несчастному стечению обстоятельств супруги, я ответил. «Можете поздравить меня, Арсений Андреевич, со мной вчера развелись! — с не очень веселым смехом начала разговор Ива. — Я теперь свободная женщина!» Она рассказывала мне историю, как у Аббаса «крыша поехала» на религии, про его обрезание, про «вонючую Зубейду», про «талак» и про ее ночной исход с дачи с девятилетней Дашкой на руках. Мне становилось фантастически ее жаль. Господи, такой красавице, умнице — такое фуфло в качестве мужа досталось! Вот я бы... Но Ива продолжала, и я весь превратился в слух. Она рассказывала, что месяц назад муж купил новую машину, БМВ, дал ей пять тысяч долларов. Сказал, что Костренёв его выгнал, потому что позавидовал его связям с Пироговым. Что он теперь у Пирогова главный строитель, и что все финансовые проблемы в прошлом. И на самом деле, муж даже как-то раз приехал с Пироговым к ним в Шарапову Охоту. Аббас представил жену Пирогову и тот, будучи в сильном подпитии, немедленно стал к Иве приставать. Аббас ей подмигивал, мол, не выпендривайся, Ива сочла за лучшее мужское общество покинуть. Те бухали всю ночь, выпили невероятное количество дорожущего вина, которое привез с собой Пирогов, а утром Аббас, еще не протрезвев, повез Пирогова купаться на речку. По дороге, видимо, не справившись с управлением, они врезались в выезжавший на шоссе с проселка трактор. Сработали подушки, все остались живы и почти невредимы, но машина восстановлению не подлежит. Придя в себя, Пирогов сказал Аббасу, что тот — безответственная личность, что он, Пирогов, был на волосок от смерти, и что он больше

знать Аббаса не желает. Тема «главного строителя» закрылась. А еще одним из последствий аварии, которая, оказывается, пока дело не «закрыли», успела попасть на страницы некоторых изданий, было то, что Борис узнал об Аббасовой новой дорогущей машине. Скандал вышел феноменальный. Борис кричал, что одно дело, когда денег нет, но деньги, оказывается, есть! Что если в течение недели с ним не рассчитаются, он не только прекратит платить адвокатам, но и сам приплатит судье, чтобы та вынесла Абику обвинительный приговор. Угроза была нешуточная, — если по вымогательству шансов у обвинения, по сути, не было, то по наркотикам все было в руках судьи, «трешку» можно было схлопотать «на раз». Неделию назад квартиру на Шокальского продали, благо, новые хозяева дали месяц на выезд. Рассчитаться с Борисом денег не хватило, и пришлось за бесценок отдавать на запчасти БМВ. «Денег нет ни копейки, жить негде, — подытожила Ива. — Как и где Дашка первого сентября пойдет в школу, неизвестно. Снова пи...дец».

Я хотел бы сказать, что не испытал по поводу услышанного чувства глубокого удовлетворения, но не могу. Потому что испытал. Радость победы над врагом, поправшим законы порядочности и справедливости, неизбежна в модели поведения Homo Sapiens, а в структуре жизненных приоритетов находится ниже, пожалуй, только страха смерти и радости любви. Я — не папа римский, и Христово всепрощение мне недоступно, так что я радовался. Но вот только бросить Иву без помощи в таком положении я не мог.

Снова мы носились по Москве, искали съемную квартиру, куда могли бы переехать Ива с дочерью, ездили по магазинам, в Детский Мир, снаряжали Дашку в школу. Денег и Ивы на самом деле не было совершенно, и она, стесняясь каждой моей новой траты, говорила: «Я отдам!» Но в результате квартира была найдена и оплачена на три месяца вперед, и первого сентября Дашка пошла в школу, одетая и обутая не хуже сверстников. Ива была счастлива, — не поэтому ли на следующий день мы с ней оказались в постели? Не из чувства ли благодарности она раздвинула передо мной ноги?

Тогда я об этом не думал, потому что факт свершившегося совершенно снес мне голову. Я влюбился в нее раньше, чем в первый раз кончил. То есть, втюрился-то я в нее раньше, много лет назад, на дне рождения Бориса, но только сейчас, когда стала реальностью перспектива самых близких отношений, это чувство прорвало, и оно бурно выплеснулось наружу. Боже, мне нравилось в этой женщине все, включая вкус гениталий и запах подмышек. У нее уже начинались регулы, но мы трахались ночь напролет, и были все в крови, как вампиры. Наверное, это и называется — «сходить с ума». Я много раз в жизни влюблялся — до замиранья сердца, до потери аппетита, до неслучайных ночных слез в подушку, но никогда, никогда любовь не горела во мне так ярко и всерасплавляюще, как к Иве Эскеровой той осенью 2001 года. Но вряд ли этому чувству суждено было бы так разгореться, если бы не одно маленькое недоразумение.

При том, что я тогда совершенно потерял голову, но все же мне было не шестнадцать и даже не тридцать, а полновесных сорок лет, и безответное чувство я, пожалуй, все-таки прагматично успел бы придушить до того, как оно завладело мною целиком. Ну, трахнулись, ну два, три раза трахнулись, ну, о-очень хорошо трахнулись — с кем не бывает, дело житейское, не повод менять штамп в паспорте. Если бы существовал обычай разводиться-жениться по каждому поводу супружеской измены, то ЗАГСов было бы больше, чем булочных. Но случайности играют в нашей жизни огромную роль.

Вскоре после того, как Дашка пошла в школу, Ива устроилась на работу. Она не работала с ухода в «декрет», десять лет без малого, не считая полугода валяния дурака

фитнес-инструктором у некоего Эдуарда. И с Дашкой сидеть было нужно, да и Аббас по мусульманской традиции всегда был против. Но теперь просто не было средств к существованию, и нужно было заниматься чем-нибудь, за что ежемесячно платят зарплату. По специальности Ива устроиться и не мечтала, полностью утратив за такое время все остатки квалификации, так что пришлось идти туда, куда взяли: старая подружка позвала в оптовую фирму по торговле импортными продуктами питания. Компания была организована по американским принципам, очень продвинута в техническом отношении, была в ней и разветвленная корпоративная сеть с выходом в интернет, который тогда был шпуклой еще новомодной и не весьма распространенной. Я как раз с помощью компанейского айтишника только-только осваивал азы общения со Всемирной паутиной и был на уровне, когда разница между, к примеру, аббревиатурами «html» и «http» юзеру еще совсем неочевидна. Ива до прихода на эту работу в вопросе интернетизации была вообще темнее ночи, но производственная необходимость заставила ее довольно быстро в этом вопросе подтянуться. Мы начали обмениваться электронными письмами и даже болтали по ICQ, правда, у Ивы на работе «аську» очень быстро забанили. И вот как-то раз, обсуждая, ктс чего интересного «нарыл» на бескрайних просторах Интернета, Ива сказала, что наткнулась на сайт с говорящим названием «Loveyou.com», где любой желающий мог кому угодно признаться в своей любви. Мне идея показалась прикольной, я нашел тот самый сайт и разместил на нем свое признание Иве. Почему я сделал это на каком-то там неведомом интернет-сайте, а не в глаза? Ну, во-первых, потому, что, уже около месяца имея Иву в любовницах, я все еще не чувствовал уверенности, что, скажи я ей прямо: «Я люблю тебя!», я тотчас же услышал ответ: «Я тебя тоже!» Мне это представлялось даже немного странным, потому что, с головой нырнув в свое новое большое чувство к ней — как мне тогда казалось, женщине всей моей жизни — я был самонадеянно уверен, что ответного чувства просто не может не быть. Ну, на самом деле: я столько сделал для этой женщины; я мужчина видный, уж никак не укороченный вариант, с которым нужно стоять на ступеньку ниже; бывший «муж-объелся-груш» расписался в полном своей жизненной несостоятельности, да еще и открыто изменил с какой-то там черной и вонючей Зубейдой, с красавицей-женой же фактически разведясь; даже с сексом и то все было более чем окей, — я не отпускал Иву из кровати без статуса «game over», иногда даже и по два раза, а ведь она сама говорила, что очень, о-очень на «это дело» тяжела. Так что же может помешать ей испытывать ко мне ответные чувства, если главное уже все равно свершилось, крепость супружеской верности все равно пала? Тогда я еще не знал, что, будучи по знаку зодиака Весами, Ива способна бесконечно долго качаться над решением того или другого жизненного вопроса, так в итоге ни к чему не приходя. В общем, в немедленном пламенном ответном пламенного «Да!» в ответ на мое признание уверенности не было. А через интернет — это другое дело, это как-то попроще. Вариант «light», так сказать. Ссылку на страницу со своим признанием я послал ей по e-mail.

Когда через пару дней, открыв страничку, я прочитал ответный текст: «Я тоже тебя люблю!!!» — именно так, с тремя восклицательными знаками! — сердце мое замерло, потом скакнуло куда-то в горло, и упало оттуда вниз, разойдясь по пальцам ног восхитительным покалыванием. Она ответила! Она тоже любит меня! В этот момент моя голова окончательно слетела с плеч и улетела в заоблачные дали, где разум погран, где рулит всем любовь. В этот момент вопрос, признаюсь ли я во всем Марине, или нет, вопросом быть перестал, став лишь делом времени. Что самое интересное, провести банальную проверку

достоверности полученной информации тогда, еще будучи полным «чайником», я просто не удосужился. И вскоре спяну я обо всем раскололся Марине, и мы с Ивой сидели и думали, что делать с возникшей ситуацией. Она раздражено спросила: «Арсений, ну кой черт тебя за язык тянул?!», и я честно сказал: «Я признался тебе в любви, и ты ответила, что тоже меня любишь. Что мне было делать после этого? Я просто должен был сказать Марине, что встретил женщину своей мечты, а наша с ней семейная жизнь оказалась ошибкой. Ну, возможно мне не стоило торопиться с этим признанием, но...» «Ты не напомнишь, когда это я говорила, что люблю тебя?» — сведя брови, перебила меня Ива. «Ну, тогда, на «Poveyou.com», — ответил я, ощущая в груди нехороший холодок. — Я написал тебе, и ты ответила». «Я ничего не читала, — сказала Ива. — И тем более ничего не писала в ответ. Мы трахаемся, изменяем супругам — да. Но причем здесь любовь?» Я ощутил, как меня размазывает по стенке. Боже, что же я наделал? Выбросил старое, нового не обретя? Но — ведь я люблю ее, так как же?.. Наверное, у меня был такой жалкий и несчастный вид, что Ива опустила передо мной на колени, взяла мое лицо в руки и сочувственно произнесла: «Арсюш, мой хороший, ну зачем нам эта любовь? Нам что, так не хорошо? Я не готова ни к изменениям в своей семейной жизни, ни к большой и чистой любви. Не хочу я ее, ну ее к черту!» «Господи, да как же так? — думал и не понимал я. — Ведь тебе же изменили, тебя предали и выгнали, так почему же ты не готова поменять свой супружеский статус? Как ты собираешься жить с человеком, объявившим тебе «талак»? Ну, не Маринкиных же угроз ты, на самом деле, испугалась? Или, несмотря ни на что, ты так любишь его, этого маленького монстра? Но ты ведь со мной трахаешься, да так, что от сережек в ушах дым идет! Любя одного, с другим так не трахаются! Из-за Дашки? Но разве отец не ушел и от нее?» Но Ива смотрела на меня взглядом, в котором был напряженный и чуть раздраженный вопрос-предложение: «Не надо этих парений, спустись на землю, давай, как все!» Что мне оставалось, как не согласиться? Я кивнул, Ива тут же принялась расстегивать мне ширинку, и у нас снова был потрясающий, невообразимый и непередаваемый секс, уже второй за последний час.

С вопросом, кто был автором ответа на мое страстное послание, я разобрался быстро. В любви от имени Ивы мне признался их фирменный айтишник с «говорящей» фамилией Попирайко (я сразу же прозвал его Копирайтом), долговязый компьютерный гений в возрасте за тридцать и с менталитетом девятиклассника во всем, что не касалось «железа» и «софта». Это он, перлюстрируя по распоряжению начальства неслужебную переписку сотрудников, не только перешел по ссылке и прочитал мое признание Иве, но и разместил от ее имени ответ — так, для прикола. Выяснила это Ива, болтая с пацаном-переростком на темы «хи-хи». Я серьезно хотел встретить приколиста в темном углу одного из бесконечных коридоров здания, где размещалась их фирма, и настучать по ушам (хотя надо бы по яйцам), но Ива категорически запретила. Я поступил иначе: нашел в сети хакера с ником «Corpogate Death», и тот за 500 долларов «уронил» Копирайтовскую «админку», причем на всех компьютерах при загрузке высвечивалась скабрзная надпись «Привет секс-машине Попирайко с сайта Poveyou.com!» Айтишник двое суток без сна и перекуров «поднимал» систему, чуть не вылетел с работы, был оштрафован на месячный оклад, и Иву с той поры обходил за два этажа, как прокаженную. А вот почему Ива столь категорически ответила «нет» на мое фактическое предложение развестись с Аббасом и стать моей женой, стало ясно много, много позже, и явилось причиной нашего с ней разлада.

В высшей степени неторопливо, словно почтовый состав к станции назначения, прошел

почти год. Для встреч с Ивой я снял уютную однокомнатную квартирку на Пролетарке, и два раза в неделю мы предавались там утехам адюльтера. Между «заездами», разумеется, всегда находилось о чем поговорить, и я невольно был в курсе всех-всех Ивиных дел. В том числе и того, что в семье у них все как-то «устаканилось», талак оказался, что называется, «бла-бла». Что Аббас после бесславного крушения прожекторской авантюры с Пироговым взялся-таки за голову, порвал с Зубейдой, вернулся в семью, устроился на какую-то работу. Что суд, наконец, закончился, по факту вымогательства Аббаса оправдали, а по наркоте дали что-то совершенно минимальное, что называется, «за отсиженное». И что практически сразу после этого Аббас купил квартиру в Митино. Как я понял из смутных и неохотных Ивиных объяснений, деньги были от Остачнего, вернувшего «должок» в обмен на то, что Аббас не подаст на него в суд. Аббас, сам при том не работая или работая как-то урывками, сразу затеял в квартире ремонт, на который уходила вся Ивина зарплата. Я хоть и испытывал время от времени странное чувство, что в пассивной форме принимаю участие в акте извращенного секса, но с ремонтом Иве всячески помогал, учитывая, что все это время они с Дашкой (а иногда и с Аббасом) ютились в жуткой, тараканной съемной однушке на Богом забытой Камчатской улице в Гольяново. О квартире Ива говорила много и охотно, в том числе и о том, что хоть и куплена она, безусловно, на деньги Аббаса, но оформлена-то на нее и является ее, Ивы собственностью. Так Эскеровы решили поступить, чтобы если бы вдруг в результате, например, апелляции, оказалось пересмотрено судебное решение, по «конфискационной» статье квартиру не отобрали. Я искренне восхищался этой изящной комбинацией, особенно тем, что как Ива сама утверждала, автором идеи была она. Как-то раз после жарких объятий, когда с Ивиной шеи еще не сошли красные пятна — безошибочное свидетельство того, что она на самом деле «финишировала» — эта тема как-то сама собой снова зазвучала. Я спросил, как такая светлая идея пришла ей в голову? И неужели Аббас вот так, сразу с ней согласился? «О, нет! — промурлыкала Ива, послеоргазменно щурясь. — Он согласился далеко не сразу! Пришлось применить третью степень устрашения!» «И чем же ты его так устрасила?» — искренне заинтересовался я. «Я пообещала, что разведусь с ним, — пояснила Ива, закуривая. — И что Дашку он больше никогда не увидит. Твердо пообещала, поклялась матерью. Мне нужно было, чтобы он поверил, и он поверил. Наверное, быть убедительной мне ты помог с тем твоим предложением, пережитое в жизни добавило достоверности на сцене!» Я почувствовал укол в сердце, между лопатками пополз холодок. Получается, о покупке квартиры Аббасу и Иве было известно уже тогда, около года назад, когда разыгрывался драматический фарс с моим признанием Марине? Я максимально индифферентно поинтересовался этим нюансом, и Ива, в расслабленном состоянии не словив подвоха, пояснила, что да, принципиальная договоренность между адвокатами Аббаса и Остачнего о том, что последний вернет деньги, существовала уже тогда. Конечно, эта договоренность вступала в силу только при условии, что Аббас выиграет-таки судебное дело, а не сядет надолго за вымогательство, сдобренное наркотой, но прагматичные «лойеры», здраво оценивающие перспективы судебного решения, сговорились заранее. Ива получила согласие мужа еще тогда, — очень помогла Софа, посчитавшая, что если Ива бросит Аббаса, сын «скурвится» окончательно. И когда дело дошло до дела, то есть до оформления квартиры, в голове Аббаса уже не было тогдашних, «Зубейдо-Пироговских» заскоков, все прошло, как по маслу. Ива курила, болтала и явно была очень довольна собой.

— Так поэтому ты тогда мне отказала? — спросил я. — Из-за квартиры?

Ива поперхнулась дымом, уставилась на меня непонимающим словно взглядом, но я точно знал, что она все прекрасно понимает. Я поискал глазами трусы, не нашел и натянул брюки прямо на голое тело. Потом увидел трусы, залетевшие под шкаф, хотел переодеться, но не стал, засунул трусы в карман.

— А что ты хотел? — воскликнула Ива. — Чтобы я ради совершенно неясных перспектив жизни с тобой наплевала на трехкомнатную квартиру стоимостью сто тонн грина? Ты же ведь свою отдал бы Марине, верно? И что мне — снова ютиться по съемным, только не с Аббасом, а с тобой? И в чем разница? Знаешь, как мне все это остоп...дело? Знаешь, как хочется свой угол иметь, откуда никто не прогонит? В своей кровати спать как хочется?! Да откуда тебе знать, ты ведь так никогда не жил. Да и черт его знает, как бы у нас с тобой стерпелось-слюбилось, у меня характер, знаешь, не сахар. Бросил бы ты меня через полгода на хрен, и куда мне тогда? На Ленинградку, за пятьсот рублей сосать на заднем сиденье? Нет уж, лучше свое говно под боком, притерпелась давно, не воняет!

Я слушал ее, но не слышал. Чувство чего-то оскорбленного — достоинства? любви? самолюбия? — бурлило во мне, как смыв в унитаза. Я закончил одеваться и двинулся к выходу.

— Арсений, не уходи! — со знаменитой интонацией «Не виноватая я!» в голосе закричала сквозь слезы Ива, зачем-то прикрывая простыней грудь. — Пожалуйста, не бросай меня!

Но я ушел, и взорвавший перепонки грохот двери отрезал от меня ее крик и ее слезы. Я на самом деле очень сильно обиделся на нее. Ведь выяснилось даже не то, что она не любит меня — с этим я уже как-то смирился, уповая на то, что любовь у разных людей возникает и протекает по-разному. Во мне, например, она рождается сразу, чуть ли не с первого взгляда, применительно к химическим процессам это — взрыв. А в ком-то она долго загорается и тихонечко горит тусклым костерком — ну, вот такая у них любовь. Какая любовь у Ивы, я не знал, но ее «весо́вая» манера бесконечно качаться, уверен, не добавляла ее любви внезапности и искрометности. В общем, хрен с ней, с любовью, яркость моих ощущений от факта обладания Ивой была от этого ничуть не меньше. Хуже, что Ива в меня не верила. Она променяла меня на какую-то сраную квартиру стоимостью несчастных сто тысяч баксов! Господи, да было время, когда я столько зарабатывал за месяц! Правда, в тот момент мои дела шли существенно хуже, и Ива была вполне в курсе этого. И что? — она прагматично рассудила, что синица в руке лучше, что журавля может и не быть? Так я же и говорю — не верила! В общем, меня на этом как-то заело. Ну, хотя, что ж ее — убивать за это? Ну, не может человек броситься в омут с головой, не может! На следующий день, слегка отойдя, я взял уже было в руки телефон, чтобы набрать ее номер, извиниться, сгладить, восстановить, но палец мой привычную джигу по хорошо памятным цифрам таки и не сплясал. Наверное, я просто ждал, что первой позвонит она, но она не позвонила. Не позвонила она и на следующий день, и через неделю. Я сжал зубы и в отместку стер в телефоне ее тщательно зашифрованный номер.

Следующие полгода или больше — это была странная жизнь. Было много проблем на работе и много домашних проблем с Кириллом, и я занимался всеми ими и решал их, но делал это как-то автоматически, что называется, в фоновом режиме. Вечером за ужином Марина то и дело встревоженно трепала меня за локоть: «Эй, ау! Сень, ты где, проснись? Ты о чем задумался? Ничего не случилось?» Я мотал головой, улыбался — ничего не случилось, все в порядке. На самом деле я думал о ней, думал почти постоянно. Даже когда занимался

сексом с Мариной, — только воображение, представлявшее совершенно развратные Ивины виды, помогало мне достичь такого состояния, когда секс между нами становился физически возможен. К счастью, Марина ничего не замечала, а может, делала вид. Я думал — должно начать проходить, но не проходило. Я заводил на стороне новые знакомства с красивыми и неглупыми женщинами, но их хватало на один раз, максимум, на два. На полугодовщину нашего разрыва я напился до невменяемости и опять чуть было не наговорил Марине лишнего. На следующее утро, проспавшись, я понял, что больше не могу, и попытался набрать Ивин номер. Раза три я попадал не туда, но в конце концов нужная комбинация цифр всплыла в памяти. «Абонент в сети не зарегистрирован», — ответил бесстрастный голос автоинформатора. Все ясно, Ива сменила номер. Судьба, подумал я, и поехал на работу. Как вместо своего офиса я оказался возле Ивиного, уму непостижимо. Вовнутрь меня не пустили, и я позвонил по местному номеру. «Ива Эскерова у нас больше не работает, — сообщили мне. — Нет, ее нового места и номера мобильного мы не знаем, извините». «Точно, судьба», — снова подумал я. Нет, конечно можно было найти Иву через Софу, Бориса, Аббаса, в конце концов, но это было бы слишком. Я воспользовался теми каналами связи, которыми мы пользовались постоянно, и все они были оборваны. Не увидеть в этом указующий перст providения было нельзя. И — я смирился. Если бы судьбе, или как угодно назовите то, что всеми нами движет, будет угодно, чтобы мы снова повстречались, уж она (он, оно?) найдет способ это устроить. Странно, но как-то сразу отпустило, словно ослабили давно перетянутую струну, стало легче дышать. Нельзя сказать, что Иву сразу вымыло у меня из головы, но определенно ее образ стал тускнеть в моем сознании, подобно тому, как гаснет свет в кинозале, или как погружается в темноту все сущее по мере того, как скрывается за горизонтом золото-алый край солнечного диска.

Судьба устроила все через пару месяцев, с точностью до нескольких дней в годовщину нашей последней встречи. Мы совершенно случайно проезжали мимо огромного Арбат-Престижа (у его хозяина Володи Некрасова, которого я знавал лично, тогда еще не задумали отобрать бизнес и не засадили с этой целью в тюрьму), и Марина вдруг вспомнила, что у нее кончается что-то из парфюмерии. Пришлось остановиться, и ей удалось уболтать меня пойти с ней. Зная, что за парфюмом потянется косметика, и это — минимум на час, мы с ней разделились. И вот, бесцельно бродя по этажам, густо пропитанным импортными ароматами, я завернул за угол очередного стеллажа и — столкнулся лоб в лоб с Ивой. То есть не в аллегорическом смысле этого понятия, — каждый из нас, поворачивая, смотрел куда-то в сторону, и мы весьма крепко приложились друг об друга лбами. Ивино: «Йо-о-о, куда ж вы так ле!..» и мое: «Ё-моё, дама, надо же вперед смо!..» буквально срекошетировали друг об друга. В следующий миг мы узнали друг друга, инстинктивно двинулись навстречу, обняться, моя рука даже успела дотронуться до ее талии, но тут сработали внутренние ограничители, и мы так и остались в дипломатическом полуметре друг от друга, смеясь и потирая места ушибов. Ива похудела, постарела, но это делало ее как-то по-особенному обворожительной.

— Как ты? — первым начал осмысленный диалог я. — Все хорошо? Выбираешь новый парфюм?

— Да какой там парфюм? — скривила губы Ива. — Зарплату задерживают, в кошельке два рубля. Я здесь с Абиком, с Аббасом, то есть, у него неподалеку встреча, а я пошла время убить. А вот у тебя, смотрю, точно все в порядке.

— Как ты определила? — улыбнулся я.

— Новая «Омега» на руке, и левый карман джинсов, где ты носишь кошелек, раньше так не выпирал, — прищурила глаза Ива. — Рискну также предположить, что и машина новая. Покажи брелок!

— Новая, новая! — рассмеялся я, доставая ключи от недавно купленной Тойоты. — От тебя ничего не скроешь! Раньше ты не была такой проникательной!

— Нужды не было, — посерьезнела она. — Муж постоянно в тонусе держит. Заработает денег, сразу в казино. Выиграет — в загул, проиграет — в мечеть грехи замаливать. Вот и приходится вычислять постоянно, откуда его извлекать. Очень развивает логику и дедуктивное мышление.

— Понятно, — не очень осмысленно ответил я и попытался перевести разговор на ту самую, единственно интересующую меня тему. — Я... я звонил тебе.

— Да, знаю, у меня теперь другая работа, и другой номер телефона, — как-то неопределенно махнула рукой Ива, и так же непонятно было, то ли она знает, что я разыскивал ее, то ли просто понимает, что я не нашел ее, потому что она сменила работу и телефон.

Как же она умеет поддержать разговор так, что совершенно непонятно, есть резон его продолжать, или собеседница только что поставила в нем жирную точку!

— А ты здесь каким ветром? — опередила мои размышления Ива.

— С Мариной, — ответил я. — Она что-то себе подбирает, а я, как ты, время убиваю.

— М-да, характерный пример нормальной и ненормальной семей, — пробормотала Ива. — В одинаковых составах и в одном месте, но только в этом они и одинаковы, во всем остальном — как небо от земли.

«Сама виновата», — подумал я. Ива посмотрела на меня, словно услышала, и мне показалось, что в ее взгляде промелькнул ответ: «Знаю».

— Ну, встречаться со старой подружкой резона нет, — хохотнула вслух она. — А то еще пацанов из Шатуры пришлет, ха-ха! Ладно, пойду я, Арсений... Андреевич. Забавная встреча у нас получилась.

Она улыбнулась краешками рта, как могла делать это только она одна, повернулась и пошла от меня, обдав шлейфом такого знакомого, ее запаха. И не успело сердце мое тоскливо сжаться, не успела в мозгу родиться мысль: «Как, вот так, и — все?», как она обернулась и одними губами произнесла: «Позвони!» «А телефон-то, телефон!» — хотел закричать я, но Ива уже скрылась от меня в дверях лестницы, ведущей вниз. Я бросился было за ней, но в это миг отворились двери лестницы, спускающейся сверху, и в них показалась нагруженная пакетами и пакетиками Марина. Я осекся, затормозил, с тоской посмотрел на еще качающуюся дверь, за которой скрылась Ива, и в этот миг прожужжал мой телефон. Пришедшая эсэмэска могла быть от кого угодно, но когда, улучив минуту, я открыл ее, мое сердце будто опустили в парное молоко. Сообщение было из трех символов: двоеточия, тире и звездочки, что на языке, понятном любому, кто хотя бы чуть-чуть знаком с электронной почтой и «аськой», означает: «Целую!» Номер, с которого оно пришло, был мне не знаком, и это был ее номер.

Я с трудом выдержал приличествующие несколько дней перед тем, как набрать его. Ива ответила буднично, словно не было этого года. Встретиться? Да, конечно, почему бы и нет? Когда? Да завтра, послезавтра, когда тебе удобно? В четверг? Прекрасно! Ты заедешь за мной? Во сколько? Я заканчиваю в шесть. Адрес? Записывай.

Я повез ее в лучший ресторан, который даже не то чтобы мог себе позволить, а мог себе

представить. Уютный тихий зал, видимо, никогда не бывал полон, потому что трудно представить, что даже в напыщенной Москве есть столько людей, могущих позволить себе такие ценники в меню. Официант обслуживал только нас, но был неназойлив, появляясь, как тень отца Гамлета, из-за ближайшей колонны ровно тогда, когда это было необходимо. Может быть, через мраморное тело колонны была просверлена дырочка? Как бы то ни было, но налить вино самому у меня не получилось ни разу. Наверное, им просто было запрещено давать клиенту прикасаться к бутылке стоимостью под тысячу баксов — еще уронит! Мы с Ивой долго смеялись над местными порядками, но ей нравилось, я видел. Под великолепные помидоры «капрезе» и сочнееший стейк со спаржей усидели две бутылки. Болтали о чем угодно — о жизни, работе, здоровье, деньгах, детях, но ни слова о нас, о том, что было раньше, и чего я так хотел сейчас. Это немножко тревожило, Ива словно не хотела пересекать некую незримую черту. Я исподволь кидал взгляд на циферблат, — подходило время перемещаться в один из многочисленных в Москве «храмов адюльтера» — отелей «на час». Ива бросила взгляд на счет, за который я небрежно расплатился «золотой» кредиткой» и сделала бровями «Ого!». Да, черт, мне удалось произвести на нее впечатление! Осталось не снизить уровень вечера дальше, в постели, но и тут я был уверен в успехе, первый раз в жизни приняв виагру, так что меня начало разбирать уже при выходе из ресторана. Продолжение вечера обещало быть фантастическим, но все пошло не так.

До притона тайной любви было недалеко, и мы пошли пешком. «Хочу цветов!» — неожиданно возжелала Ива, и была буквально осыпана розами из первого встречного цветочного ларька у входа в метро «Чеховская». Вручая огромный букет, я попытался ее поцеловать, но в последний миг Ива отвернула лицо, и моим губам пришлось удовольствоваться контактом с ее щекой. «Что-то не так?» — спросил я. «Все прекрасно! — говорил мне в ответ ее сияющий взгляд. — Вот только с чего ты взял, что дальше я лягу с тобой в постель?» Я с минуту любовался этой изощренной издевкой в ее глазах, потом отвел взгляд. Я знал — что-то говорить, настаивать было бесполезно. «Вызвать тебе такси?» — спросил я. «Не траться, я распрекрасно доеду на общественном транспорте», — ответила Ива, чмокнула меня в скулу и засеменила вниз по лестнице в метро. Букет остался у меня в руках. Я ждал, что она хотя бы обернется, но не дождался.

Я был убит, унижен, раздавлен. Сказать, что я ничего не понимал, было нельзя: очевидно, что только что мне дали понять, что вся моя теперешняя успешность не поможет вернуть того, что было раньше, и от чего, хлопнув тогда дверью, я отказался. Это была месть, утонченная, изощренная, попавшая точно в цель. Несколько минут я стоял, не зная, что делать с дурацким букетом, пока не решил просто швырнуть его в урну. И как ни было тошно, нужно было отменить заказ в алтаре любовных утех, и я подумал, что до него проще дойти, чем копаться в записной книжке в поисках зашифрованного номера. «Что, не пришла?» — сочувственно спросила симпатичная администраторша на ресепшене притона. «Да вроде того», — буркнул я, собираясь уходить. «А у нас, между прочим, свои девочки есть, — кинула мне в спину крючок та. — Негритяночку не хотите?» Вряд ли любая другая замена Иве в этот момент могла бы меня соблазнить, но негритянка... Черных женщин у меня не было никогда. Более того, если разобраться, я вряд ли сильно хотел подобной экзотики, совершенно не будучи уверенным, что мне это понравится. Но сейчас у меня мелькнула мысль, что если что-то и годится сейчас быть эдакой антиместью, то, пожалуй, вот оно. «И сколько?» — бросил через плечо я. «Две тысячи в час, три за два, — с готовностью огласила прейскурант администраторша с задатками сводни. — Девочка

совсем свежая, только вчера с родины, первый день на работе, неопытная, необученная, поэтому такая цена. Говорят, они горячие. Берите, не ошибетесь!» Я с отвращением посмотрел на сводню, у которой от пыла расстегнулась лишняя пуговичка на блузке. «Давайте, — с отвращением уже к себе согласился я. — Кому деньги, вам?»

Когда, раздевшись и приняв душ, я уже лежал на круглой кровати, прикрыв причинное место простыней, невысокое субтильное существо осторожно проскользнуло в приоткрывшуюся дверь номера и застыло у входа. В полумраке на фоне темно-лиловой обивки стен на негритянке ярко выделялась только белая блузка, да сверкали белки глаз. Существо явно боялось меня.

— Привет! — сказал я как можно дружелюбнее. — Как тебя зовут?

— Im Joy, — ответило существо. — I dont speak Russian[i].

Я напряг память — общаться предстояло по-английски.

— Ill do you no harm, — заверил я ее, улыбаясь. — Come here[ii].

Видимо, почувствовав, что меня на самом деле можно не опасаться, существо по имени Джой — «радость» отделилось от стены и вышло в круг света от лампы под потолком. Она была очень чернокожей и курчавой, но губы ее не были чрезмерно надуты, а ноздри не расплзались в стороны на пол-лица. Напротив, черты ее лица были тонки и остры, что говорило о присутствии среди ее предков уроженцев северного Судана, Сахеля или юга Африканского Рога. В общем, она была очень, очень даже ничего. Вот только пахло от нее... Чувствовалось, что срок после ее последнего омовения в душе измерялся даже не днями, а неделями.

— Your so pretty[iii], - сказал я.

Джой улыбнулась, показав два ряда идеальных зубов, — ее улыбка была просто обворожительной.

— Thank you, master, — тихо сказала она. — Youre too gentle to me. Should I undress?

Master? Она назвала меня «master» — господин? И — она спросила, должна ли она раздеться? У меня ниже пояса все забурлило, и я только кивнул головой.

— I have to take a shower, — извиняющимся тоном произнесла Джой. — Sorry, you wont wait for me too long[iv].

И она исчезла за дверью в душевую. Я чувствовал себя турецким султаном, индийским набобом, хозяином топического острова. Никогда ни одна женщина не оказывала мне таких знаков почтения, любви и уважения, не извинялась, что ей нужно в душ, и она очень, очень сожалеет, что господин вынужден ждать ее! Черт, это было приятно!

Из душа она появилась минут через десять, пахнувшая свежей шампунной чистотой и — абсолютно голая. У нее были узенькие бедра и маленькие, еще детские грудки. Несколько секунд она стояла неподвижно, давая мне рассмотреть себя, потом подошла к постели и легла рядом. Я отбросил простыню.

— Sorry, master, — прошептала она, со страхом глядя на то, как сильно я ее хочу. — Ive never been with white man. I feel shy a little. Sorry if something go wrong.

Я понял, что Джой никогда не была в постели с белым мужчиной, и что поэтому она немного стесняется и извиняется, если что-то пойдет не так. Я хотел сказать ей что-то ободряюще, но в этот миг я частично оказался у нее во рту, и мне стало не до подбора английских эпитетов.

Она на самом деле делала это осторожно до робости и очень, очень нежно. Я терпел эту сладкую муку, сколько мог, потом схватил ее за руку и простонал:

— I want you! I want you in your cunt, now![v]

Ее неожиданно затрясло всю, она зашептала еле слышно:

— Sorry, I have no condom. Have you? It is too dangerous to do this without protection[vi].

Ну, да, она говорила о презиках, о безопасном сексе. Все правильно, конечно, а в наш век СПИДа, хламидиоза и всякой прочей хрени — стократ. И, наверное, только немногие поймут меня, ведь большинство, конечно, запросто может, схватившись, как Мюнхгаузен, за волосы, извлечь, вытащить себя оттуда, где ты уже мыслями, чувствами, всем сущим своим, в этом манящей, волшебной, чудесной лагуне между дивных, словно обтянутых черным муаром черных бедер, где, как жемчужина в нежной мякоти раковины, ждет тебя счастье. Я — не могу.

— Fuck condoms! — прохрипел я, еще сильнее стискивая ее руку. — Get at me! Now![vii]

Ее глаза округлились — от боли, от страха? Но противиться приказу мастера, видимо, было не обучено само ее существо.

— I have no AIDS, — прошептали ее дрожащие губы, — Im clear. Master can be sure.[viii]

Нету СПИДа? Ну, ясный перец, что нету! Кто ж со СПИДом на другой конец свет проституировать попрется? Да и не выпустят из Африки ихней без медсправки, надо полагать. Хотя, честно признаться, мысли все эти утешительные посетили мою голову много позже, а тогда, за секунду до того, как запустить свою нетерпеливо подрагивающую на старте ракету в черный космос ее вагины, я только и сказал:

— Вот и ладушки. Давай, быстрее уже. Ну, come on!

Это был, может, не самый лучший, но точно самый отвязный секс в моей жизни. До той самой поры, пока дьявольская формула виагры полыхала огнем в моих чреслах (часа полтора — два), мы не останавливались ни на секунду, крики и стоны Джой слились в одну бесконечную песнь наслаждения. Потом лежали рядом, сердце в моей груди, не желая успокаиваться, выбивало сумасшедшую дробь, а Джой тихо гладила меня по волосам.

— Where are you from?[ix] — спросил я ее.

— From Soweto[x], - ответила она. — Представляешь, где это?

— South-Western Township, Юго-западное поселение, — с трудом переведя дыхание, блеснул своими географическими познаниями я. — Пригород Йоханнесбурга, крупнейшего города ЮАР.

— Откуда ты так много знаешь о моей родине? — удивилась Джой (чемпионат мира по футболу в ЮАР тогда еще даже не намечался).

— Ну, как же! — расцвел я. — Восстание в Соуэто, начало конца апартеида. Это было давно, еще Советский Союз был, а не Россия. В школе, когда учился, нас этим пичкали.

— Да, знаю, это было в 1976 году, — отозвалась Джой. — Мы тоже в школе это проходили. А... ты женат?

Ее вопрос прозвучал очень тихо и напряженно, словно она не была уверена, уместно ли спрашивать о таком белого господина.

— Да, конечно, — ответил я. — Женат, у нас сын ненамного моложе тебя. А что?

Джой долго молчала.

— Я не коренная жительница ЮАР, — наконец, ответила она. — То есть, родилась я в Соуэто, как и мой отец, но мама моя была из Эфиопии.

«Так вот откуда узкое лицо и тонкий нос!» — похвалил себя за наблюдательность я.

— В конце семидесятых там была война. Я не представляю точно, кто с кем воевал, но Советский Союз помогал Эфиопии (эфиопско-сомалийский конфликт, 1977–1979 годы,

вспомнил я). Мама тогда была совсем молоденькой и очень красивой. Их селение освободили, и вместе с войсками были русские, советские. Среди них был один, его звали Петр (Джой произнесла это имя смешно: «Пьотер»). Мама пришла к нему ночью и отдала ему девственность. Они были вместе только раз, но мама полюбила его на всю жизнь. Представляешь, они ведь даже не могли разговаривать друг с другом, потому что мама не говорила ни по-русски, ни по-английски, а Пьотер не говорил на ее языке. Но Пьотер ушел, уехал, а у мамы родился сын, которого она назвала Уски, потому что это звучало похоже на «русский». Это был скандал, потому что мама с детства была просватана за парня по имени Хайле. Старейшины даже хотели убить маму, но только прокляли ее и выгнали из селения. Она погибла бы с ребенком, наверное, но Хайле любил ее и ушел вместе с ней. Они долго скитались, потом где-то осели. Хайле много работал, а когда в ЮАР начали отменять систему апартеида, загорелся идеей эмиграции туда. В 1991-м году мама с Хайле, Уски и вторым моим старшим братом Кгала приехала в Соуэто. Потом Хайле умер, и мама вышла замуж за местного по имени Джон Удугве, за моего отца.

По сравнению с Соуэто в фавелах Рио-де-Жанейро, куда бразильские полицейские боятся даже заглядывать — законность и порядок, как в женском монастыре. Жить там очень страшно, законов нет совсем, и отца как-то зарезали в пьяной драке. Уски закончил школу, получил образование и ушел служить в армию, где погиб от случайного взрыва. Кгала пошел по совершенно другой стезе, начал торговать наркотиками, и его застрелили полицейские. Мы остались с мамой одни. От всех этих смертей у нее стало не совсем хорошо с головой. Она все рассказывала мне про родину своего любимого, первого мужчины по имени Пьотер, про Россию. Она говорила, что это единственное место на земле, где нет черных. Там живут белые добрые великаны, такие, как Пьотер, и что зимой там так холодно, что реки и моря замерзают, как вода в морозилке. Она говорила, что с самого начала хотела уехать с Пьотером туда, но он не мог взять ее с собой. У него, как у тебя, была жена и сын там, в далекой России. Но мама всю жизнь мечтала о России и говорила мне, чтобы я, когда она умрет, обязательно постаралась уехать туда. Мама была еще нестарая, в мир иной не собиралась, и я совершенно не думала про Россию. Но год назад к нам в дом ворвались пьяные бандиты и изнасиловали нас с мамой. Их было человек десять. У меня пошла кровь, и меня быстро отпустили, заперли в кладовке. Над мамой глумились всю ночь, и через два дня в больнице она умерла. Дома были деньги, почти две тысячи рандов (двести долларов), еще я продала нашу хибару и собрала целую тысячу долларов. Я отдала их, чтобы мне сделали приглашение от одной черной женщины по имени Виктория, которая давно вышла замуж за русского и живет в Москве, зарабатывает тем, что «крышует» девочек из Африки. Визу я получила, билет мне оплатила Виктория. Я прилетела вчера вечером, сегодня мой первый рабочий день. Я буду целый год работать на нее, но потом я свободна. Могу уехать домой, в ЮАР, но я хочу остаться здесь.

Джой замолчала, потом заглянула мне в глаза:

— Ты не хочешь, чтобы я осталась здесь, с тобой?

Я даже слегка вздрогнул от неожиданности.

— В каком смысле? — переспросил я. — Как ты себе это представляешь?

— Не знаю, — пожала плечами она. — Просто... Ты такой большой, красивый, сильный. Наверное, Пьотер был похож на тебя. Ты первый мой мужчина, с которым я была не по принуждению, и не за деньги... То есть, с тобой я тоже за деньги, но — не совсем. Вернее, совсем даже не за деньги. Ты мне так нравишься... Мне так хорошо с тобой, мне

никогда ни с кем не было так хорошо. Я понимаю, у тебя жена, она белая и наверняка очень красивая. Сын... Я тоже могла бы родить тебе сына, у него была бы очень светлая кожа, как у моего брата Уски. Он был очень красивый, и наш сын тоже был бы очень, очень красивый. Ты мог бы снять мне какое-нибудь жилье, и мы бы встречались раз или два в неделю, как ты сможешь. Или, может быть, тебе нужна прислуга? Наверняка у тебя большой дом, я могла бы жить где-нибудь в дальнем углу, делать всю работу по дому, и твоя жена, белая госпожа ни о чем не догадывалась бы. Мы с сыном очень сильно любили бы тебя, и ты никогда не захотел бы нас прогнать.

Она говорила все это, и ее сияющие глаза были устремлены куда-то вдаль из этой темной комнаты с круглой кроватью под балдахином. Но вот взгляд ее потух, словно кончился в ее мозгу прекрасный, волшебный фильм.

— Конечно, это только мечта, — вздохнув, сказала она. — Сказка, как говорила мама. Извини.

И она тихо заплакала. Я притянул к себе ее коротко стриженую мелко-курчавую голову, поцеловал ее странно пахнущую дымом макушку и тоже заплакал. Я плакал о том, что рядом со мной сейчас не та, кого люблю я, а совершенно неведомая мне еще три часа назад чужая, черная женщина, которой по какой-то саркастической усмешке судьбы за полтора часа знакомства мне удалось внушить такое чувство, что вот уже она совершенно искренне любит меня, готова рожать от меня детей и вообще идти за мной на край света без раздумий, сомнений и качаний. А мне это ее большое, честное, светлое чувство — до лампочки, потому, что: «...открыт Париж, но мне туда не надо».

— Why are you crying? — воскликнула Джой, вытирая мне щеки. — Why are you so sad? Is it because of my foolish tale?[xi]

— Нет, — стараюсь не хлюпать носом, ответил я, отводя ее пальцы от лица. — Это не из-за твоей глупой истории, это из-за совсем другой глупой истории.

Она поняла, белозубо улыбнулась: «Уеа, океу».

— Да, окей, — подтвердил я. — Все в порядке. Ну, все, уходи. Go, go home.

Джой застыла, словно я ее ударил, потом молча встала и начала одеваться. Одевшись, тихо пошла к выходу. Уже в дверях обернулась:

— Will we meet again?[xii]

Я посмотрел на нее, покачал головой — нет, не увидимся. Она кивнула, словно говоря: «Да, понимаю». Отперла замок, открыла дверь.

— What is your name? — спросила она на пороге. — Как тьебья зовуд?

— Никак, — ответил я, словно стирая с листа моей памяти последний и единственный штрих, свидетельствующий об этой такой странной, такой волшебной и такой ненужной мне встрече. — No one. My name is no one.

— Oкеу, — снова улыбнулась она. — If Im lucky to get pregnant from you and I have a baby boy Ill call him Noone[xiii].

И ушла. Такой она мне и запомнилась — стоящей вполоборота в проеме двери, сбезнадежной улыбкой глядящей на меня своими грустными глазами, в которых расплавом черного перламутра плескались слезы.

Но милая чернокожая девочка, обогнувшую в тщетных поисках счастья половину земного шара, занимала мои мысли недолго. Безусловно, скоро она перестанет быть такой естественной и непосредственной, профессия быстро выбьет из ее курчавой головки романтику и иллюзии. И Джой станет шлюхой — не по названию, потому что много вполне

приличного народу женского пола на протяжении последних нескольких тысяч лет существования человечества продают свое тело для того, чтобы выжить, а человечество, стыдливо отводя глаза, с этим соглашается. Скоро Джой станет шлюхой по призванию, то есть сознательно смирится с тем, чем она занимается, найдет в этом некоторые весьма привлекательные моменты (деньги, конечно, да и регулярный секс не только приятен, но и весьма бесполезен женскому организму), простит себя за это, оправдает. И забудет она унаследованные от матери бредни о большом сильном белом мужчине, и о красивом, светлокожем сыне от него. Такая вот картина ее будущего нарисовалась у меня в голове, сразу отступило легкое, но неприятное пощипывание там, где в глубине души у людей обычно прячется совесть, и я забыл о Джой много раньше, чем получил от Ивы эсэмэску с текстом: «Спасибо за вечер. Целую».

Следующие почти три года в моих отношениях с Ивой я сардонически назвал «реконкистой» — «отвоеванием», или «перезавоеванием». Я дал себе отчет в двух вещах — что выкинуть эту женщину из головы, сердца и яиц я не могу, равно как и разобраться в том, почему, не отвергая моих ухаживаний в принципе, она не возвращается к прежнему качеству отношений. А ухаживания мои были очень настойчивы и дорогостоящи. В ту первую осень «реконкисты» я подарил ей на день рождения поездку в Париж, о которой Ива при своей зарплате и неработающем муже могла только мечтать. Из поездки она вернулась восторженно-восхищенная, но на последовавшей нашей встрече снова не позволила перейти черту. Год прошел в нечастых и бесплодных встречах, а на следующий день рождения она получила в подарок от меня бриллиантовое кольцо, привязанное алой ленточкой к огромному розовому букету. Внешне это все очень напоминало предложение руки и сердца; Ива от восторга не дышала, и в ее взгляде явно читалось: «Я на все теперь согласная!» Но мы встречались, наступал вечер, и Ива виртуозно снова избегала постели, и я даже не мог понять, как это ей удается. Я ничего не понимал, бесился, кусал себя за хвост, но поставить вопрос «ребром» не решался, боясь навредить, сломать все окончательно. На следующий год ближе к лету Ива как-то между делом завела разговор о том, что у Дашки нашли какую-то подростковую кожную болячку, и что врачи посоветовали срочно вывезти ребенка в Израиль, на Мертвое море. Я пообещал Иве, что Дашка обязательно туда поедет, раньше, чем придумал, от чего придется отказаться, чтобы выкроить необходимую на поездку и лечение весьма круглую сумму. Ива получила деньги, восторженно благодарила, а на мой вопрос: «Увидимся, когда вернетесь?» многообещающе кивала головой. И ни разу не звонила мне из Израиля, ни в течение недели после возвращения. Я ходил злой, а Марина снова настойчиво и озабоченно интересовалась, что у меня случилось на работе. Наконец, я не выдержал, и позвонил сам. Ива ответила, как ни в чем ни бывало, сразу кинулась захлеб рассказывать о своих и Дашкиных Израильских впечатлениях, и на мое робко-растерянное: «Может, встретимся?» рассыпалась: «Конечно, конечно! Ты просто не звонишь, я думала — занят...» Я положил трубку со странным чувством, что лекарства от делания-бабами-из-нас-дураков не существует, и вряд ли когда-нибудь будет изобретено.

Эта встреча получилась особенной. Ели, пили, общались легко и непринужденно, как тогда, раньше. От вина даже у меня кружилась голова, а Ива была просто пьяна. «Я хочу пригласить тебя на продолжение вечера», — решительно кинулся в омут я. «А давай!» — безбашенно согласилась Ива. Я привез ее в тот самый эдалт-отель, в котором года полтора назад мне ее заменила черная Джой. «О, здесь можно танцевать стриптиз! — воскликнула Ива, увидев толстый хромированный шест посередине комнаты. — Арсений Андреевич,

хотите, я станцую вам стриптиз?» Разумеется, я хотел. Под удачно нашедшийся среди саундтреков местной аудио-системы стриптиз-гимн «You Can Leave Your Hat On» Ива, сбрасывая с себя вещь за вещью, вдарила зажигательный танец вокруг шеста. Я смотрел с замирающим сердцем, готовый к тому, что в любой момент со словами: «Ну, побаловались, и хватит!» шоу закончится. Но когда с Ивы слетел лифчик, я понял, что буду очень большим дураком, если сегодня не доведу дело до логического завершения. Я оторвал Иву от шеста, бросил на кровать, в изголовье и изножье которой я заранее заметил металлические цепи с толстыми кожаными ремнями на концах, — номер был оборудован в стиле BDSM. Пока я звенел пряжками, фиксируя ремни на Ивиных запястьях и лодыжках, она с нескрываемым интересом наблюдала за мной. «Кажется, Арсений Андреевич, вы собираетесь меня изнасиловать? — пьяненько усмехнулась она. — Что ж, я не против». Я натянул цепи, растянув Иву на кровати наподобие апостола Андрея, распятого на Х-образном кресте. Вождление просто kloкотало внутри меня, — никогда еще передо мной не было столь возбуждающей картины. Я мгновенно скинул с себя одежду, но вот незадача — на Иве оставались трусы, и чтобы снять их, нужно было расковать ей ноги, как минимум — одну. Я не захотел даже на секунду рисковать полным контролем над ситуацией, и просто сорвал тонкие стринги с ее бедер. «Купишь новые, — промурлыкала Ива, закрывая глаза. — Две пары». Я налетел на нее, как цунами 2004 года на тайский берег. Лишенная возможности «помогать» мне своими телодвижениями Ива была особенно хороша, и я делал с ее беспомощным телом что хотел, она только стонала и вскрикивала. Но через полчаса, не открывая глаз, она внятно произнесла: «Хочу сзади». Это никак не представлялось возможным выполнить, не расстегнув оковы, и полагая, что теперь-то птичка вряд ли куда-нибудь денется, я снял с нее ремни. Но, перевернувшись, Ива потребовала снова привязать ее. Когда все кончилось, и мы лежали рядом, приходя в себя, Ива сказала: «Оказывается, быть беспомощной — очень сексуально. Мне понравилось. Хорошо, что потенциальные насильники-маньяки не знают этого обо мне!» Когда я привез ее домой, мы еще долго сидели в машине и целовались враспашку, «как тогда», я тискал под блузкой ее грудь, а ее пальцы хозяйничали у меня в брюках. У меня в душе был май, цвел жасмин, и было мне от силы семнадцать лет. «Я люблю тебя», — сказал я ей на прощанье. Ее губы уже открылись в ответ, но именно в эту секунду зазвонил телефон. «Да, Абик, — ответила Ива в трубку совершенно будничным, серым, рабочим голосом. — Задержалась в офисе, потом с Наташкой выпили по чашке кофе и паре рюмок коньяка. Я уже почти у дома, буду через пять минут. Ставь разогревать ужин». И — все, мне на прощанье достался только воздушный поцелуй. Но все равно я был совершенно счастлив, и даже Марина с иронией заметила: «Прям летаешь. Уладились неприятности на работе?» Но летал я недолго.

Я звонил, предлагал встретиться, но Ива под разными предлогами от встреч уклонялась. Я снова ничего не понимал, но то, что я считал долгожданной победой и возобновлением отношений во всем их объеме, таковым Иве определенно не казалось. Наконец, я взорвался. Во время очередного телефонного разговора я буквально закричал: «Ну сколько же можно?! Ты водишь меня за нос, как быка на цепи! Так нельзя! Я добиваюсь твоего расположения уже несколько лет, и ты не слепая, чтобы этого не заметить. И вот после того, как ты дала мне огромный, толстенный повод считать, что мы снова вместе, как раньше, ты отворачиваешься от меня, как от назойливого попутчика в троллейбусе. Что, как в анекдоте: «Что мы с вами переспали, это не повод для знакомства»? Можно от тебя услышать оценку наших отношений на сегодня?» Видимо, слегка опешив от моего крика, Ива зашептала в

трубку, что она не может с работы так долго разговаривать на такие сложные темы. «По телефону ты не можешь, встречаться ты не хочешь! — не унимался я. — Как нам обсудить с тобой эту проблему?!» «Не знаю, — явно с трудом сдерживая раздражение, ответила Ива. — Письмо напиши!» И отключилась. Я скрипнул зубами так, что захрустела эмаль, и чуть не разбил об стену несчастный телефон. Снова несколько дней я ходил, мрачнее тучи, а потом засел за письмо. Оно получилось коротким:

«Ива! Наверное, глупо напоминать о том, как давно мы уже знакомы, что было между нами за все эти годы, — надо полагать, что ты и так все помнишь. На одно, все-таки, хотелось бы указать: мне кажется, что за все эти годы я не сделал тебе ничего плохого. Ты знаешь, как я к тебе отношусь, я говорил тебе об этом давно, и совсем недавно я снова имел глупость напомнить тебе об этом. Но ты знаешь, мне показалось, что ты была готова ответить мне тем же, вот только телефон зазвонил не вовремя. И что тогда ты была такая... моя, а сегодня такая чужая, на мой взгляд, говорит о том, что ты сама еще не определилась, ты со мной, или нет. Но ты реши, прошу тебя. Нет сил больше просыпаться каждое утро в неведении, есть ты у меня, или тебя нет.

Странно — ты и не даешь себя мне, и не отвергаешь окончательно. Я допускаю, что за то время, пока мы не были вместе, ты успела отвыкнуть от меня, отрешиться от тех, прежних наших отношений, к которым ты пришла, когда в твоей жизни все было шатко и неопределенно. Но тогда зачем тогда, в «Арбат-Престиже» ты сказала мне: «Позвони»? Зачем прислала номер телефона? А сейчас? Как можно было допустить меня до себя так близко, дать такую надежду, такое счастье, если ты не собиралась распространять эту близость на ближайшее будущее наших отношений? Что это — легкомысленность? Или изощренная жестокость? За что? За то, что я тогда ушел от тебя? Тогда уповаю на то, что тебе удалось упиться сладостью своей мести, ибо стрела попала в самую точку. Но кто ты тогда? Ангел мщения? Немезида? Одна из Эриний? Я не верю в это, не верю в тебя такую.

Но тогда просто ответь мне, что я и кто в твоей жизни. Мне кажется, что хотя бы определенность я все-таки заслуживаю. Не можешь или не хочешь дать мне любовь, дай хотя бы покой». Я написал это одним духом, без исправлений и редактирования, и решительным ударом по клавише отправил свою писанину на Ивин электронный адрес.

Ответ, ожидание которого превратилось для меня в истинную муку, пришел вечером следующего дня. «Бедный, ты, несчастный! Да, ты очень образно дал мне понять, что сволочь я редкостная, Ни да, ни нет. Измучила тебя.

Только не стерва я, и не сука, и не кручу тебе яйца, наслаждаясь, как ты корчишься от боли. Мне самой иногда кажется, что для того, чтобы сказать тебе «да», и делать-то порой ничего не надо, самой хочется, остается только рот открыть. Почему не говорю? Неужели непонятно?

Стыдно мне, стыдно, понимаешь? Я, конечно, очень тебе благодарна за то, что ты помогал мне тогда, а теперь фактически содержишь последние несколько лет. Но когда я даю себе труда задуматься над этой ситуацией, мне становится мерзко. От себя самой мерзко. Я — порядочная замужняя женщина, но порядочная я только с виду. При живом муже я принимаю деньги и подарки от другого мужчины и расплачиваюсь с ним натурой. Сейчас пишу это, и твое кольцо жжет мне палец. Не порядочная я женщина, и не одна из мифических стерв, с которыми ты меня сравнил, а просто бл...дь и шлюха. Если бы я хотя бы тебя любила — наверное, это была бы «отмаза стопудовая», как говорит молодежь. Но ты же знаешь, как у меня с этим делом тяжело все обстоит...

Ты скажешь — раньше меня это устраивало? Ну, не то, чтобы очень, и раньше было одно, теперь все по-другому. Да, перерыв подействовал. Когда я тебя увидела, я искренне обрадовалась, но потом начала думать, качаться, как ты говоришь. А последний раз... Честно — я напилась, а пьяная женщина — ты знаешь — «передку» не хозяйка. Я не должна была этого допускать. Хотя врать не буду, мне было хорошо. Ну, хотя бы расплатилась с тобой за Израиль. Хотя, Господи, что ж я говорю-то?! Да, такая я вот продажная сука...

Так что, нет мне оправдания, и надо с этим что-то делать. Я должна и, думаю, смогу. Ты хочешь, чтобы я определилась? Я давно пытаюсь, просто мне казалось до сих пор, что если я определюсь, то лучше никому от этого не станет. Затянула я все, правда, по дурости бабской, а если разобраться — по жадности... В общем спасибо тебе, Арсений Андреич, Сеня ты мой дорогой, за все и — не звони, не пиши, я после твоих звонков и писем болею. Получай свой покой!!!!»

Все было как-то смутно, туманно, неконкретно, но смысл, в общем, был понятен. Я молча сидел у экрана компьютера с открытым на нем Ивиным письмом и не знал, что сделать. Потом подтянул поближе клавиатуру и принялся за ответ.

«Ты велела не писать, но это письмо — последнее, уж как-нибудь осилишь. Спасибо, что все честно написала. Да, по большому счету, ты во всем права. Вот только знаешь — меня это совершенно, совершенно не устраивает!!!

Но... Не звонить и не писать постараюсь, честно. Буду пытаться найти в таком повороте дел положительные для себя аспекты. Постараюсь воспоминания о том времени, когда мы были вместе, из щемящих душу кошмаров превратить в розовые картинки, вызывающие легкую улыбку. Надеюсь, это у меня в конце концов получится.

Но ты — ты можешь позвонить в любое время в полной уверенности, что у меня, со мной в отношении тебя все по-прежнему.

Прощай, Ива! Или — до свидания, ведь умные люди говорят: «Никогда не говори «никогда»».

Я сделал вид — сам перед собой сделал — что забыл об Иве. Поскольку я старался держать этот вид хорошо, строго, мне самому стало казаться, что у меня это получилось. Неконтролируемые всплывания в сознании ее образа уже не сопровождалось такими стискивающими сердце адреналиновыми выплесками, да и сами такие пришествия призраков прошлого становились все реже. Я жил густой, кипучей, полноценной жизнью — много и прибыльно работал, радовался успехам жены, решал проблемы оболтуса-сына. Нашел себя в увлечении винами — это оказался целый мир, так же далекий от традиционной нашей культуры питья (вернее, напивательства), как мало напоминает пребывание в президентском люксе «Мариотта» быт эвенкийской яранги — и там и там живут люди, но нюансы! Во временно освободившееся место в моей душе поселилась молодая девушка по имени Полина — невысокая, темненькая, совершенно непохожая на Иву и удивительно напоминающая, как ни странно, Марину. Она была провинциалкой из Владимира, работала в одном второразрядном издательстве и училась на заочном на журналиста. Я помогал ей — больше советами, немного материально, но когда ее издательство схлопнулось, воспользовавшись мамиными старыми связями, я устроил Полину в «Известия». После этого во взгляде девушки, и до того стеснявшаяся называть меня на «ты» даже в постели, я начал улавливать выражение индейцев майя, лицезреющих полное солнечное затмение. Это немного напрягало, но, по сути, было приятно. В постели она беспрекословно выполняла все мои прихоти, при этом сама визжа от удовольствия. Я

ощущал к ней немного отцовскую нежность, некую ответственность за ее будущее, и мне это нравилось. Так прошло года полтора. Наверное, я на самом деле начал забывать Иву. Не знаю, сколько времени у меня ушло бы на полное излечение, но она позвонила раньше.

Я ехал в машине и ответил на звонок нажатием кнопки на руле, не посмотрев на входящий номер.

— Это я, — раздался в динамике голос Ивы. — Привет. Помнишь, ты разрешил звонить, если... если что.

У меня перехватило дыхание, я нервно вильнул рулем и чуть не влетел в дорогостоящий полированный бок едущего рядом «Бентли». Прежде, чем продолжить разговор, разумнее было остановиться.

— Да, да, Ива, привет! — не без труда обуздывая дыхание, сказал я. — Конечно, рад тебя слышать. Что-то случилось?

— Можно и так сказать, — загадочно ответила Ива. — Мы можем встретиться?

— К-конечно! — отчего-то заикаясь, воскликнул я. — Когда, где?

— Я как обычно, до шести, — сказала она. — Значит, в семь, правильно? А где? Ты помнишь место, где мы встречались последний раз?

Да, конечно, я помнил этот уютный ресторанчик на Страстном бульваре.

— Нет, — поправила меня Ива. — Я не хочу есть. Я мела в виду место, где мы были... после. Оно еще функционирует?

Мне показалось, что у меня в брюках произошла вспышка, подобная той, когда горящую спичку подносят к открытой уже секунд пять газовой конфорке.

— Честно говоря, не знаю, — соврал я. — Но чего бы ему, собственно, не функционировать?

— Тогда в семь у метро? — уточнила Ива. — До встречи. Целую!

Я с трудом дождался семи. Когда Ива появилась из подземного перехода, я не сразу узнал ее. То есть, ее рост, стать, ноги, чудесные светлые волосы не узнать было невозможно, но что-то в ее облике стало новым, иным. Она вся была в розовом и сером, и это сочетание цветов делало ее совершенно неотразимой, но не это в первую очередь привлекало внимание. И только в машине я разглядел, что ее лицо еще больше, чем прежде, осунулось, еще ближе к жесткой вертикальной складке на лбу сошлись брови, еще ниже опустились уголки губ. Мы сказали друг другу: «Привет!», и всю дорогу до приюта любовных утех больше не произнесли ни слова.

Все та же администраторша с понятливой и не совсем целомудренной улыбкой на губах протянула мне ключи. И номер оказался тот же, с шестом и цепями у изголовья кровати. Я запер за нами дверь.

— Ты о чем-то хотела поговорить? — начал я.

— Поговорить? — словно очнулась Ива. — Да, поговорить — обязательно. Только давай сначала разденемся.

Она подошла и начала расстегивать на мне брюки. При том, что в моем представлении о сегодняшнем вечере этот номер программы, разумеется, присутствовал, я все-таки немного смешался.

— Что, вот так, сразу? — неуверенно спросил я.

— Я веду себя немного эпатажно? — вскинула брови Ива, заканчивая с моим ремнем и переходя к пуговице брючного хлястика. — Мне и самой так кажется. Но давай простим это женщине, у которой год как не было секса. Или ты против?

Я покачал головой — ну, конечно же, я не был против. Мы не виделись год или чуть больше, — так что же, у нее после меня не было мужчины? А где же у нас, как минимум, муж? В общем, это было несколько странно, но очень возбуждало. Вжикнула молния, и увлекаемые вниз кошельком, ключами от машины и прочим карманным содержимым, мои брюки лавиной сошли на пол. С видом бывалого автомеханика, со словами: «Ну-ка, посмотрим, что тут у нас, так, так!» рассматривающего поломку, Ива опустилась передо мной на колени. Ее пальцы, приникшие под резинку моих трусов, были холодны, как лед.

— Ты что, с ума сошла? — закрывая глаза, спросил я, на самом деле не очень интересуясь ответом. — Дай мне хотя бы в душ сходить!

Ива промычала в ответ нечто совершенно непечатное, видимо, долженствующее означать: «К черту душ!», и это были последние наши слова на протяжении ближайших полутора или двух часов.

Потом мы голые лежали рядом.

— Так все плохо? — спросил я, теребя мочку ее раскрасневшегося уха.

— А-ха-ха! — деланно расхохоталась Ива, поворачивая ко мне голову. — Да, уж, лаконичнее издевку трудно придумать! Молодец! Пять!

— Да я не в качестве издевки, — ответил я.

— Знаю, извини, — становясь серьезной, сказала Ива. — Да, Сень, все плохо. Все настолько х...во, что жить не хочется.

Ее глаза покраснели, но она удержала слезы. Я прекратил теребить ее ухо.

— Что такое?

— Да что, что? — переспросила Ива, аккуратно убирая с нижнего века слезу. — Все то же. Этот то не работает совсем, а если устроится, то нигде подолгу задержаться не может. Не помнишь, у него прорабом такой Олег работал? (я хорошо помнил историю с Димой-Заказчиком, кивнул). Он сейчас работает технадзором в какой-то большой фирме, строят чего-то на Профсоюзной. Абик к нему подъехал, про старые дела напомнил, на слезу надавил — ты знаешь, он это может. Ну, тот и порекомендовал бывшего шефа подрядчику своему, да еще и дал превосходные характеристики. Тот проигнорировать рекомендацию заказчика не решился, и Аббаса взял, да не просто, а начальником стройки. И что ты думаешь? Через два месяца разругались в дым. Аббас вроде как деньги взял под отчет и не отчитался. Олегов подрядчик ему в ответ зарплату не заплатил, мой в отместку компру какую-то про их фирму слил. Ну, скандал, Абика, разумеется, поперли. Так ведь и Олегу пришлось уйти! А ты выпить, случайно, ничего не захватил?

Я захватил. Ива выпила высокий бокал предусмотрительно замороженного мною своего любимого мартини, как марафонец воду после финиша.

— Пью каждый день, — посетовала она. — Нервы ни к черту.

Она взяла бутылку, налила себе еще.

— Но что самое интересное, он что работает, что не работает, денег в доме нет в любом случае. Казино закрыли, он теперь по игорным автоматам шляется, все там спускает. А когда денег нет совсем, сидит дома, что-то бубнит над книжками своими мусульманскими. Хвалится, что начал учить арабский, чтобы читать Коран в оригинале, представляешь?! Дома жрать нечего, Дашка в истерике бьется, ей не в чем на выпускной идти, а этот Коран читает! А еще набрал каких-то кредитов, и сетует, что я не помогаю ему их отдавать! Ну, то есть охренел окончательно!

К ее глазам вновь подступили слезы, и она с размаху опрокинула в себя второй стакан

мартини.

— В общем, с этой стороны мне помощи нет никакой, — сокрушенно мотая головой, продолжала Ива. — У Дашки постоянные проблемы, она де и маленькая, и прыщавая, и сисек у нее нет, и мальчики на нее не смотрят, и во всем виноваты родители. А поскольку отец, как только она начинает, встает и уходит, то остаюсь одна я. Дашка кричит, что лучше бы она в детстве умерла, я визжу в ответ: «Заткнись, дура!» И вот мы так орем друг на друга, а потом в обнимку рыдаем. А потом приходит выпивший отец и рассказывает нам, что мы дуры никчемные обе. Мы срываемся в ответ на него, а он говорит, что скоро у него «лавэ» будет, как гондонов в аптеке, и тогда он будет «всех на х...ю вертеть», в том числе и нас обеих. Этот дурдом продолжается до двух, до полтретьего, потом все разбредаются спать. Я в семь соскабливаю себя с подушки, поднимаю совершенно никакую Дашку, чуть не на руках тащу ее умываться, впихиваю в нее завтрак, вдеваю ее в одежду и в таком состоянии полу-зомби отправляю в школу. Сама вырубаюсь минут на пятнадцать-двадцать, и к десяти вприпрыжку несусь на работу. Вечером возвращаюсь, вся такая одухотворенная тем, что шеф наорал, или зарплату уже две недели задерживают, что сейчас вернутся пьяный муж и нервическая дочь, сажусь без сил в кресло и смотрю на люстру, выдержит или нет. Но поскольку вешал ее Аббас, рисковать боюсь. И газом, как мама, не выйдет, потому что плита электрическая-я-я!

И она все-таки зарыдала, уронив лицо в ладони и содрогаясь всем телом. Я смотрел на вздрагивающий стянутый резинкой пучок волос у нее на макушке, на ходящие ходуном острые лопатки на худой спине, и мне стало фантастически, феноменально, вселенски жаль эту женщину. Я взял простыню, укрыл ее согнутую спину, сел рядом, обнял за плечи.

— Все, Сень, я больше так не могу, — всхлипывая, замотала головой Ива. — Ты прости, я дура была, когда тебя отталкивала, хрень какую-то писала. Возьми меня к себе, с собой, под свое крыло, я больше не буду выкобениваться. Простишь? Возьмешь?

Она подняла на меня свое заплаканное, в потеках туши лицо, и я понял, что она совершенно пьяна.

— Да, да, конечно, — ободряюще улыбнулся я.

Ива стянула с плеч простыню, вытерла краешком ткани лицо. Потом поднялась, сделала шаг, встала передо мной. Ее гладкий, в розовых пупырышках депилированных волос лобок оказался прямо у моих глаз. Взяла мои ладони, положила себе на бедра.

— Скажи, ты все еще любишь меня? — спросила она.

Я поднял на нее взгляд, через V-образный прицел ложбинки между грудей посмотрел ей в глаза. В них был коктейль из расслабленности, усталости, небольшого количества нежности, и все это замешано было на тревоге и беспокойстве. За себя? Близких? За свое будущее? За ответ на свой вопрос? Да, как-то совсем не так представлял я себе эту нашу встречу.

— Да, ответил я. — Конечно.

Ива нагнулась, выдохнула мне в губы густо пахнувший мартини поцелуй. Потом снова села на край кровати, опрокинулась назад, широко развела ноги.

— Иди, люби, иди, трахни меня! — сказала она, закрывая глаза. — Иди, я хочу тебя, я вся твоя. Иди, скорее!

Я опустил на колени между ее распахнутых ног, положил ладони на ляжки. Вход в ее лагуну напоминал сейчас приотворенную дверь с красноречивой табличкой: «OPEN». А разве не этого я хотел, не об этом мечтал? «Что, реконкиста?» — невесело подумал я про

себя и сам ответил: скорее это напоминало процесс, для которого больше подходило английское определение «outbid»[xiv].

Но у каждого действия есть последствия. Примерно через год-полтора после нашего «воссоединения» в ответ на обязательный вопрос: «Как дела, как дома?» я начал получать от Ивы подробный отчет, что после периода относительного благополучия Аббаса снова выгнали с работы, и начался очередной сезон лайв-шоу «дурдом». Аббас заливает безделье водкой и, напившись, становится совершенно несносен. То он до глубокой ночи «выносит ей мозг» рассуждениями, кто виноват во всех его бедах (Ива всегда присутствует в этом списке под первыми номерами), то на полную громкость включает мусульманские песнопения вперемешку с «Владимирским централом». Подрался с соседом, пришедшим на этой почве выяснять с ним отношения. В редкие моменты просветления твердит, что ему необходимо срочно устояться на работу, ходит на какие-то собеседования, но возвращается злой, рассказывая, какие с ним общались идиоты и мудаки, или что он лучше подойдет с голоду, но за такие гроши работать не будет. Но поскольку с голоданием Аббас, мягко говоря, несколько приукрашивает, бюджет трещит по швам, Иве приходится отказывать практически во всем и себе, и Дашке. Я тут же лез за кошельком, выгребал все, что там было — тысяч десять-пятнадцать, — Ива отказывалась, краснела, но брала. И однажды, когда мы голые лежали рядом, она осторожно начала:

— Сень, а, Сень? Слушай, я знаю, как ты относишься к Аббасу и знаю, что он это заслуживает. Но он тоже сам очень переживает по этому поводу. Он тут просидел весь вечер, держась за голову и глядя в одну точку, а потом бухнулся передо мной на колени и говорит: «Я тебя умоляю, позвони Арсению Андреичу, попроси, чтобы он взял меня на работу! Чтс было, то было, но я все осознал и клянусь, что ему не придется жалеть о своем благородном поступке. Со мной он разговаривать не будет, я последний раз так ему наговнял с этим Пироговым, что и вспомнить тошно. А ты всегда ему нравилась, тебе он не откажет».

— Что, так и сказал: «Всегда ему нравилась?» — нахмурился я. — Может, он подозревает, что?..

— Да нет, — поморщилась Ива. — Просто, что я тебе нравлюсь, всегда было у тебя на лбу написано. Так что ему сказать? Что я позвонила, и ты отказал?

Я впал в глубокую депрессионную задумчивость. Единственно верным сейчас был ответ «да». Я неоднократно зарекался иметь с Аббасом какие-либо отношения, тем более деловые. Но отказать сейчас Иве — это выглядело бы... Это выглядело бы брезгливым отказом толстосума-покровителя бедной содержанке, осмелившейся попросить нечто из-за рамок ее нищих содержанческих прав. Пришлось бы объяснять, что, Ива, ты же понимаешь, это без связи с нашими отношениями, но я не могу, это же очевидно! Извини, не хотел огорчать тебя, но жизнь — такая сложная штука, и давай больше не будем об этом! И, кстати, дорогая, не соблаговолишь ли ты занять позицию № 17, мне пришла на ум презабавнейшая эротическая фантазия! И, как всегда, кроме соображений морали нашелся и чисто утилитарный аргумент. Мы к тому времени были на самом пике работы с Министерством, но мой руководитель этого проекта чем-то безумно раздражал г-жу Нарцыняк, и недавно она впрямую распорядилась его заменить. Я был этой просьбой жутко раздражен, но не отреагировать не мог. Я взял для решения вопроса приличествующий случаю тайм-аут, и время как раз истекало. По своему профессиональному опыту для замены Аббас подходил как никто другой.

— Пусть он мне позвонит, — ответил я, от неожиданно прозвучавшего в этой простой

фразе чванства испытав к себе острый приступ отвращения.

Ива молча перевернулась, накрыла меня своим телом, и впилась в мои губы благодарным поцелуем.

Я назначил Аббасу зарплату, которую не дал бы ни одному человеку со стороны, и Ива не забыла отблагодарить меня за это феерическим сексом. Не то, чтобы наши с ней отношения мешали мне общаться с ее мужем, но я был рад, что Министерство курировал Питкес, что сводило мои с Аббасом контакты к минимуму. Он безупречно проработал почти полгода, г-жа Нарцыняк в нем души не чаяла. «А-арсений Андреевич, мы очень вам благодарны за то, что вы нашли возможность поставить на наш объект Аббаса Мерашевича, — в своей обычной придыхающе-экзальтированной манере говорила мне она. — Но шеф считает, что вам надо было сделать это с самого начала. «Кадры решают все!» — просил передать он вам!» От попахивающих сталинщиной нравучений высокопоставленного мздоимца — поклонника игры на язычковых клавишно-пневматических инструментах меня мутило, но я улыбался, радуясь, что в кои-то веки попал с Аббасом в точку. Но потом разразился скандал. Началось с Самойлыча, который как-то между делом доложил мне, что застал Эскерова на рабочем месте с явными признаками алкогольного опьянения и, явно намекая на то, что сотрудник был принят на работу по моему прямому указанию, спросил на этот счет дальнейших инструкций. Я пожал плечами и сказал, что неприкасаемых у нас нет. Через несколько дней мне позвонила г-жа Нарцыняк со странным вопросом: дескать, не всегда уместное вмешательство главного инженера в работу руководителя объекта вредит делу и попросила ограничить, а лучше — исключить посещения Питкесом Министерства. Я едва не вспылал, но пообещал разобраться. Выяснилось, что получив от меня карт-бланш, Самойлыч устроил Аббасу заслуженную выволочку, заявив, что следующий случай пьянства на работе для того будет последним. В ответ Аббас пошел к г-же Нарцыняк и накапал на Питкеса, что тот, дескать, его, Аббаса, невзлюбив, вставляет ему палки в колеса и не остановится даже перед срывом ввода объекта в эксплуатацию с целью свалить вину за это на руководителя объекта. В голосе г-жи Нарцыняк звучало неприкрытое беспокойство, а я скрипел зубами и проклинал ту минуту, когда уступил Иве. Закончил я разговор с четким намерением лично и максимально жестко переговорить с Аббасом, но задержался с осуществлением этого решения, а через два дня меня вызвал лично Гармонист. За два года работы это был второй раз, тема встречи объявлена не была. Но когда он начал мне душевно петь, что обеспокоен некоторыми процессами, идущими в организации подрядчика, я сразу понял, откуда растут ноги. Оказалось, что Аббас приперся к Гармонисту и с заговорщицким видом начал рассказывать тому, что практика обналичивания в «Арми-Строй» построена небезопасно, и что по стопроцентно верным сведениям скоро на фирму будет налет соответствующих органов. Это, в свою очередь, не только приведет к срыву работы на Министерстве, но станет источником неприятностей у заказчика. С целью предотвращения возможных проблем Аббас просил Гармониста, чтобы тот в приказном порядке запретил появление на объекте главного инженера Пикеса Б.С., а мне, как генеральному директору, дал прямое указание наделить его, Аббаса Эскерова, исключительными полномочиям по найму субподрядчиков и ИТР. В этом случае он, Аббас, гарантирует своевременный ввод объекта в эксплуатацию своим честным словом и незапятнанной репутацией, в противном — гарантирует, что все рухнет буквально на днях. Гармонист выслушал Аббаса с выражением озабоченности на лице, потом, не будучи совсем уж идиотом, вызвал меня. Еще он поделился со мной

наблюдением, что от Аббаса Мерашевича пахло водкой, и общее состояние, в котором находился руководитель объекта, представилось ему несколько неуравновешенным. Я ухватился за эту идею, объяснил, что, вероятно, руководитель объекта переутомился, в связи с чем ему завтра же будет предоставлен для восстановления внеочередной отпуск. Не мог же я объяснить Гармонисту, что прожженный авантюрист, на котором клейма ставить негде, был взят мною на работу по просьбе его жены, моей любовницы, и теперь по привычной своей кукушечьей традиции пытается перераспределить денежные потоки, с каковой целью и хочет добиться права ставить на ключевые посты своих людей. Гармонист высказал опасения насчет сроков сдачи объекта, остающегося без руководителя, но получил мои заверения, что главный инженер Питкес Борис Самойлович вполне справится один. Выйдя из высокого кабинета, я первым делом заблокировал Аббасу его корпоративную сим-карту, вторым — продиктовал приказ о его увольнении, третьим — самолично вымарал его фамилию из списка на проход в здание Министерства. Звонок с неизвестного мне телефона раздался в половине девятого утра следующего дня. Совершенно неадекватный Аббас кричал, что не потерпит такой подставы, что закончить объект — дело его чести, что начальник ФСБ — его другадан, и «летучие отряды» на Министерство, в контору и ко мне домой уже выехали. Что я отдам все деньги, которые я ему задолжал, и еще столько же, и что объект без него я не сдам. Я слушал этот бред сумасшедшего минут пять и мне вспоминался финал Булгаковского «Собачьего сердца»: «Как же, позвольте?.. Он служил в очистке...» Потом я положил трубку и постарался обо всем этом забыть. Но Аббас еще долго не давал мне жить спокойно, звонил, грозил, писал эсэмэски. В его рабочем столе на Министерстве нашли семь или восемь страниц убористым почерком, названным «Проект доноса на безобразия, творимые генеральным директором ООО «Арми-Строй» Костреневым А.А. при исполнении Государственного контракта на объекте Министерство». Причем слово «донос» было сначала вымарано и исправлено на «докладная записка», но после зачеркнуто, и жирным снова выведено: «Донос». В основном в кляузе был все тот же бред душевнобольного, но если бы бумага попала «куда надо», без подключения Леша Бранка вряд ли обошлось бы. дал команду не выплачивать шантажисту зарплату, и это возымело действие. Через две недели другадан начальника ФСБ написал заявление об уходе по собственному желанию, в обмен получив полный расчет. Как часто бывает с сиквелами драмы, последняя повторилась в виде фарса.

Объяснения с Ивой на этот счет я ждал и боялся, но она позвонила первая и сказала, что понимает — у меня не было выхода. Попутно в разговоре выяснилось, что «ж...па» с деньгами в семье Эскеровых так и не прекращалась, потому что зарплату Аббас домой не приносил, а проигрывал в заменивших казино онлайн-клубах вроде «Вулкана удачи». Аналогично он поступил и с весьма приличной последней суммой, не появлявшись домой двое суток. Я закончил разговор с тяжелым сердцем, предвидя новые расходы и не первый уже раз пожалев о том, что «реконкиста» удалась.

[i] Я — Джой. Я не говорю по-русски. (англ.)

[ii] Я не причиню тебе вреда. Иди сюда. (англ.)

[iii] Ты очень симпатичная. (англ.)

[iv] Мне нужно принять душ. Извиняюсь, это не займет много времени. (англ.)

[v] Я хочу тебя. Я хочу тебя в твою вагину, немедленно! (англ.)

[vi] Извиняюсь, у меня нет презерватива. У тебя есть? Слишком опасно заниматься этим

без защиты. (англ.)

[vii] К черту презики! Залезай на меня, сейчас же! (англ.)

[viii] У меня нет СПИДа. Я чистая. Господин может быть уверен. (англ.)

[ix] Ты откуда? (англ.)

[x] Из Соуэто. (англ.)

[xi] Почему ты плачешь? Почему ты такой грустный? Это из-за моих глупых историй?

(англ.)

[xii] Мы увидимся еще? (англ.)

[xiii] Если мне повезет, и я забеременею от тебя, я знаю, как назвать нашего сына.

(англ.)

[xiv] Outbid (англ.) — перекупать

Глава 9. Вещь в себе

После практически бессонной ночи, наполненной, как наваждениями, воспоминаниями, я дрых чуть не до обеда, благо, никто не названивал. И при том, что Ива совершенно не была тем собеседником, с кем я жаждал общения, но как раз она позвонила первой. Какое-то время я раздумывал, брать ли трубку, но напряжение всех этих дней не позволило проигнорировать звонок.

— Да, — сухо ответил я. — Алло.

— Это я, — не менее обезвоженно сообщила мне совершенно очевидную информацию Ива, не считая нужным даже поздороваться. — Я только что из морга, вместо опознания менты мне там целый допрос учинили. Нужно срочно встретиться.

— Что случилось? — нахмурился я. — И что значит — срочно? У тебя же похороны...

— Похорон не будет, — нетерпеливо перебила меня Ива и, понизив голос почти до шепота, пояснила: — По крайней мере, в ближайшее время. Будет целое расследование, генетическая экспертиза и прочее. Менты подозревают, что Аббас не сам разбился, что это было убийство.

Сердце у меня в груди, гулко стукнув, зачастило. Убийство?! Не может быть! Хотя — почему не может? Из-за истории с квартирой Аббас терся с самыми разнообразными людьми, да и в тюрьме знакомства мог завести весьма небезопасные. И случайное убийство нельзя исключить — ночь, трасса, зарекаться ни от чего нельзя. Так что насчет «не может быть» я погорячился, в этой стране нельзя зарекаться не только от сумы и тюрьмы, от могилы — тоже. Но кто, что, как, какие факты? Ну, да, по телефону это все не обсудишь, надо ехать, — несмотря ни на что, невозможно отказать Иве сейчас в том, что ей нужно, лишить в такую минуту общения и поддержки. Да и самому, мягко скажем, небезынтересно. И — как бы я ни относился к Аббасу — безразлично.

— Да, я приеду, — решительно ответил я.

Морг был где-то в Тушино, и когда бы я добрался туда с учетом непредсказуемого движения на МКАДе, сказать было трудно. Поэтому договорились встретиться на Таганке, куда у меня была почти прямая дорога. Но и я прособирался, и на Волгоградке в районе Люберец массу времени потерял, так что, когда я вошел в немногочленную кафешку рядом со станцией метро Марксистская, Ива ждала меня уже, пожалуй, никак не менее часа. Перед ней на столике стояла недопитая чашка кофе и бокал с остатками красного вина. Она сидела, уперев лоб в ладонь и курила, после каждой затяжки тыча сигаретой в давно не меняющую пепельницу. Эти ее нелогичные, избыточные движения наводили на мысль, что выпитый бокал перед ней — далеко не первый, но лишь когда она подняла на меня взгляд, я понял, насколько она пьяна. Я почувствовал приступ раздражения, мелькнула мысль, не уйти ли, порекомендовав Иве проспать, но острый укол совести заставил меня все-таки подойти — после посещения морга, созерцания обгоревших мужниных останков только каменному не понадобилось бы крепко расслабиться.

— Привет, — сказал я, садясь на стул. — Извини, что так долго.

— Ничего, — ответила Ива, делая отметающий жест кистью, — я никуда не тороплюсь. Уже никуда не тороплюсь.

— А куда торопилась? — поддержал разговор я, оглядываясь в поисках официанта.

— Й-я? — пьяненько переспросила Ива. — Я торопилась сегодня на кладбище, мужа

хоронить. Но выяснилось, что там и хоронить-то нечего. Общий вес костных останков составляет менее шести килограммов. Представляешь — у них в бумагах это называется «костные останки». А для веселых людей в морге это вообще — «суповой набор», а если обгоревшее, то «шашлык». Гроб у них — «чемодан», а могила — «блиндаж». Смешно, правда?

Мне представились веселые мужчины и женщины в белых халатах, сидящие на гробах — «чемоданах», с аппетитом уплетающих немного пережаренный шашлык из мяса не совсем понятного происхождения в непосредственной близости с ревущими зевами муфельных печей, и меня передернуло.

— Представляешь — от человека не осталось и шести кило! — продолжала Ива. — Спрашивается — на хрена нужен гроб ценой в сороковник, как Софа заказала, чтобы похоронить шесть кило костей?

Она пожала плечами и прежде, чем я успел ее остановить, поднесла ко рту пустой бокал.

— О, у меня даже вина нет, — горько усмехнулась она, со стуком ставя бокал на стол. — У меня ничего нет. И никого. Сначала папа, потом — мама. Теперь муж. Этот сука-официант принесет мне когда-нибудь вина?!

Из ее глаза, оставляя на щеке серую дорожку, выбежала слеза. Из-за шторы, словно услышав обращенный к нему призыв, выпорхнул сука-официант с бокалом вина, поставил его перед Ивой, сменил пепельницу, принял от меня заказ на кофе с минералкой и исчез. Ива вытерла щеку салфеткой, подняла бокал.

— А давай-ка выпьем, Арсений Андреич, за мужа моего и друга твоего бывшего, — с свадебным пафосом провозгласила она. — За упокой души его, так сказать, злодейски убиенной.

И, не дожидаясь моей реакции, осушила бокал. Потом закурила и, насмешливо глядя на меня, выдохнула дым мне в лицо.

— Ива, ты хотела о чем-то поговорить, — мягко напомнил я ей, уклоняясь от дыма. — Ты сказала, что у ментов, то есть, у полиции, есть версия о том, что Аббаса убили. На чем эта версия основана? Что они говорят? Кстати, они — это что, несколько человек? Кто тебя в морге, как ты выразилась, допрашивал?

— Да, их было двое, — кивнула Ива. — Один — следак по делу, — забыла фамилию. Лаптев, Ларин? Нет, не помню. Он мне визитку дал, в сумке, я потом посмотрю. Молоденький такой, а уже капитан! И то ли я его уже видела где-то, то ли на кого-то просто похож... Черт, аж свербит, а вспомнить не могу. А второй — в возрасте дядечка, эксперт-криминалист. Что они говорят? Криминалист говорит, что цепочка на шее Абики расплавилась полностью, а звезда и полумесяц — нет, хотя все же немного потекла. То есть, он сказал, что цепочка, видимо, серебряная, а знак — из какого-то другого, более тугоплавкого металла. Я им сказала, что из платины, а он сказал, что для платины знак слишком легкий...

— Из палладия, — поправил я. — Вернее, из сплава палладия и серебра, так называемый «сплав 250», применяется в стоматологии.

— М-да, странно, — выпятила нижнюю губу Ива. — А мне Аббас говорил, что из платины. И всем... А ты откуда знаешь?

— Долго объяснять, — ответил я. — Но знаю точно.

Мне не хотелось сейчас вдаваться в подробности этой истории, относящейся ко

времени, когда наши отношения с Аббасом еще только завязывались, а с Ивой мы вообще не были знакомы. Ее муж еще только начинал работать, но у него уже появились первые приличные деньги. Как-то во время одного из вечерних конторских возлияний он посетовал, что хотел заказать себе цепь и мусульманский знак «звезда и полумесяц» из платины, но стоимость такого комплекта вышла запредельной. «Сделай из серебра, никто не догадается, — пожал плечами я, вспоминая, как, крестившийся в уже зрелом возрасте, я долгие годы носил простой алюминиевый крестик, пока тот совсем не стерся об кожу. — Платину и называли «серебрецом», уменьшили от испанского «plata», потому что похожа на серебро». Но Аббас резонно возразил, что серебро со временем потемнеет, чего с платиной не происходит. Тогда я показал ему свою ручку «S.T. Dupont» и спросил, из чего она, по его мнению, сделана. Он долго рассматривал ее блестящую рифленую поверхность, явно ощущая потребность попробовать металл на зуб, но через пять минут сдался. «Это палладий, — открыл секрет я. — Выглядит, как платина, но стоит в три раза дешевле. Уловил подсказку?» Аббас за идею ухватился, я же дал ему наводку на одного частного дантиста, о котором я совершенно случайно знал, что он работает со сплавами палладия. Однако тогда палладий в Москве оказался редкостью еще большей, чем в природе, и выцыганенного у дантиста металла хватало или на цепь, или на знак, на то и другое — никак. Аббас решил сделать из сплава знак, а цепь — из серебра с тем, чтобы потом сделать другую из более благородного металла. Меня он тогда скромно попросил его секрет не раскрывать, и скоро даже меня дошла молва, что Аббас Эскеров носит на шее чуть не полкило чистой платины. Я тогда посмеялся и этот курьез забыл, а сейчас сделал вывод, что за все эти годы до смены «ювелирки» на шее у Аббаса руки так и не дошли.

— Ага, и что там дальше с этими металлами? — пошевелил я вопросом Иву, после моей информации так и застывшую с выражением обиженного недоумения на лице.

— Да, да, — откликнулась она, явно не без труда возвращаясь в разговор. — Дальше я не очень хорошо запомнила. Он что-то говорил про температуру горения бензина и бумаги (в салоне были три канистры бензина и большое количество мусульманской литературы — несгоревшие листы разнесло ветром), а также температуру плавления серебра, объяснял, что что-то тут не совпадает. Говорил, чтобы труп сгорел вот так, что еле-еле наскребли материал для анализа ДНК, должно было гореть или очень долго (а бензин и бумага сгорают быстро), или очень горячо. Упомянул слова «напалм» и этот... как его... забыла... что-то про муравьев...

— Термит, — задумчиво вставил я.

— Точно! — воскликнула Ива. — Термит. Господи, а это-то ты откуда знаешь?

— Школьный клуб «Юный химик», — улыбнулся воспоминаниям я. — Как сделать из подручных средств порох, мы прошли в шестом классе, а в седьмом дело дошло до напалма и термита. Термит делается вообще элементарно, вот поджечь тяжело, только бенгальскими огнями. Но горит — песня! Стальной лист толстенный прожигает на раз! Напалм изготовить потруднее, больше всего мороки с растворением пенопласта в ацетоне. А если добавить магний, то получается пирогель, он дает полторы тысячи градусов...

— Вот-вот, — перебила меня Ива, глядя на меня странно округлившимися глазами. — Это слово он тоже употреблял. Кто-то, он говорил, похоже, специально спалил машину вашего, Ива Генриховна, мужа, с помощью напалма или пирогея этого самого, так что серебро расплавилось, а более тугоплавкий знак — нет. Если бы, говорит, это был термит, то и знак расплавился бы, и дыры были бы прогоревшие в машине. Эй, официант, еще вина!

— М-да, разумно, — задумчиво произнес я. — Серебро плавится при 962 градусах, температура горения бензина — максимум 800. У палладия температура плавления более 1500 градусов, но у «сплава 250» она ниже, градусов 1200, я думаю. Да, судя по этим температурам, очень похоже, что в машине горели не просто бензин и бумага.

Я поднял глаза на Иву. Она снова курила и сквозь облачко дыма смотрела на меня отстранено и как будто испуганно.

— И он предполагает, что кто-то убил Аббаса и сжег машину, чтобы замести следы? — задумчиво спросил я ее.

Заглотив очередную порцию дыма, Ива закивала головой. Официант принес вино, и она, буквально схватив бокал с подноса, осушила его, словно это была вода.

— То есть кто-то знал время и маршрут движения Аббаса, заранее все спланировал, изготовил пирогель, подстерег машину, вероятно, выстрелом из снайперской винтовки убил водителя и сжег машину и тело? — продолжил рассуждения я, стараясь не обращать внимания на очень навязчивый взгляд Ивы. — По-моему, нереально. То есть, слишком сложно для того, чтобы быть реальным. Целый заговор. И потом: должно остаться отверстие от пули и — главное — сама пуля.

— Во, во, во, во! — воскликнула Ива, тыча указательным пальцем в потолок. — Он так и сказал. Отверстия, говорит, может и не остаться, потому что пуля через стекло могла пройти. И на останках следа от пули может не быть, потому что все сгорело. Но вот если, мол, найдем саму пулю, то все встанет на свои места. И еще они спросили, не было ли у Абика врагов, и не подозреваю ли я кого-нибудь. Я сказала, что не имею представления, кто бы это мог быть. Я правильно ответила?

— Что ты имеешь в виду? — холодно спросил я, уже понимая, на что моя собеседница намекает.

— Да то самое! — фыркнула Ива. — Сам прекрасно понимаешь. О том, что Абик едет в Эльбурган, ты знал, я сама тебе сказала. Ночевал ты с понедельника на вторник на даче, то есть, я не знаю, где, но мне ты утром во вторник сказал, что на даче. А от твоей дачи до места, где Абик сгорел, на самом деле по второй бетонке не так уж и далеко, верно? А про химию всю эту пиротехническую ты сам сейчас все рассказал, не очень-то и шифровался. Так что после этого ты как думаешь — что я должна меть в виду?

Я не знал, что ответить, и как продолжать дальше этот разговор. Представление о том, что эта женщина только сейчас совершенно серьезно предположила, что я убил ее мужа, не укладывалось в моей голове. Как и то, как я мог столько времени своей жизни этой женщине посвятить.

Я постарался вложить в свои слова весь лед, на который только был способен.

— Ты с ума сошла, — отдельно произнес я. — Или пьяна совершенно.

Я ожидал от нее какой угодно реакции, но в ответ Ива весело рассмеялась.

— Пьяна — да, — ответила она, вытирая косточкой согнутого пальца уголки глаз. — Но с ума сошла — это не-е-ет! Я совершеннейшим образом в своем рассудке. И вполне способна понять действия мужчины — абстрактного мужчины, никого конкретного я не имею в виду! — которому баба, которую он любит и содержит, вдруг заявляет, что, дескать, пока я замужем, — далее по тексту. И он берет, и решает этот вопрос: нате, получите, ваше статус-кво изменено, дорогая гражданка, что теперь скажете? Извольте ответить за базар-с! И я могу сказать, что ничего, кроме одобрения, я к действиям такого мужчины не испытывала бы. И в знак восхищения его поступком я готова была бы прямо здесь, сейчас, у всех на

глазах, отсосать у него под столом, если бы он только глазом моргнул.

Ива навалилась на стол, ее блузка расстегнулась на лишние две пуговицы, и грудь едва не вываливалась из плена натянувшейся, как барабан, ткани. Не мигая, она совершенно пьяным взглядом смотрела мне в глаза и заговорщицки улыбалась.

— Мне другое жутко интересно, — заплетающимся языком громко пошептала она. — Какие у тебя теперь планы относительно Марины?

Я вспыхнул, словно меня ожгли по щекам пучком крапивы. Мне страшно захотелось размахнуться и со всего плеча влечь Иве пощечину, я удержался только чудом. Быстрый вихрь мыслей пронесся в моей голове, и вслед за этим перед глазами словно запульсировал сопровождаемый громким тревожным зуммером сигнал «Ошибка! Ошибка!! Ошибка!!!» Я вскочил, едва успев поймать за спинку опрокинувшийся стул.

— Д-дура! — выкрикнул я, выбросив в воздух фонтанчик слюнных брызг. — Дурабл. дь! Бросился к выходу и, обматерив гидравлический доводчик, не давший что есть силы грохнуть дверью, опрометью выскочил на улицу.

Я сел в машину, положил руки на руль — их ощутимо потряхивало. После встречи я планировал поехать в офис, посидеть, спокойно подумать над «любезным предложением» майора Ещука, о последствиях, которое неизбежное принятие этого предложения будет иметь для компании и ее коллектива. Но сейчас хотелось лишь одного: вернуться на дачу и, наконец, напиться. Офис подождет: Самойлыч снова на мостике и, значит, можно не опасаться за дела текущие, а неделя, отведенная Ещуком на принятие решения, только началась.

Я гнал по шоссе и поносил себя последними словами. Как ты мог столько времени быть так слеп?! Как мог столько лет любить... черт знает кого?! Как пелось в одной забавной рок-песенке «Sleeping with an angel, woke up with a monster» — ложился спать с ангелом, проснулся с чудовищем... Или нет, это было как в сказке про маленького мальчика, случайно нашедший на обочине дороги что-то фантастически красивое и совершенно непонятное.

Возможно, вещица была оставлена веземными посетителями, настолько она не была похожа на все, виденное им ранее. Она была так красива, что мальчик, совершенно не понимая смысла и предназначения вещи, сразу влюбился в нее. Но еще больше ему хотелось узнать, что скрывает эта вещица внутри себя, ведь он думал, что если она так красива снаружи, то ее содержание может быть еще более прекрасно, во сто, тысячу, бесконечное количество раз прекраснее. Каждый день он пытался открыть ее, но тщетно, и постепенно он утратил надежду. И вот в один момент... Возможно, что-то произошло в мире вокруг, что-то изменилось, и вещица перестала быть Кантовской «вещью в себе», недоступной для понимания. Она раскрылась перед маль... то есть, давно уже не мальчиком, и он чуть с ума не сошел от увиденного. От отвращения к увиденному...

По дороге я заскочил в гастроном, купил водки, пачку пельменей «От Палыча», и уже подъезжал к своему временному пристанищу, когда зазвонил телефон. Номер был мне неизвестен и, не зная, с кем мне предстоит общаться, я напрягся. Но все равно моему удивлению не было предела, потому что звонила Дарья.

— Дядя Арсений, здравствуйте, это Даша, — пропищала трубка. — Скажите, а мы можем увидеться? По возможности не откладывая, сегодня, сейчас. Это срочно.

Господи, что за день — начался со звонка матери с требованием срочно встречи,

заканчивается аналогичным звонком дочери.

— Дарья, что случилось? — не ведаясь на обозначенное собеседницей «Даша» максимально серьезным строгим голосом спросил я. — Что-то с мамой?

— Нет, с мамой все в порядке, — ответила Дарья, — по крайней мере в том смысле, в каком вы сейчас поинтересовались. Но вы правы, речь именно о маме.

«В каком смысле я поинтересовался? — раздраженно подумал я. — Что за на хрен умничания? Просто спросил...»

— А по телефону мы не можем все обсудить? — умышленно выпуская в слова нотку раздражения, спросил я. — Я сейчас не в Москве...

— Вы на даче? — перебила меня девушка. — Мама говорила, что вы сейчас по семейным обстоятельствам живете на даче. Давайте, я приеду. Потому, что это... ну, не по телефону. В общем, очень нужно увидеться.

«Что за фигня! — возмутился мозг. — Ей нужно увидеться! А я не хочу ни с кем видеться. Я хочу спокойно надраться! Мама ей сказала... С кем еще эта «вещь в себе» поделилась, что у меня с Мариной разлад, и я живу на даче? Какого фига?!» Но выплеснуть весь этот ушат раздражения на девчонку было, разумеется, невыносимо, это было бы — как у японцев, потерять лицо.

— Дарья, — стараясь быть терпеливым и убедительным, начал я. — Моя дача не сразу за МКАДом на Рублевке, добираться далеко и сложно. Своим ходом это вообще невыносимо, а таксисты сдерут уйму денег. И даже опытному водителю непросто объяснить, как ко мне добраться...

— Разумеется, есть, кому меня довезти, — нетерпеливо перебила меня она. — И — у вас же есть навигатор? Ну, конечно, я видела у вас в машине. Определите с его помощью ДжиПиЭс координаты места и сообщите мне. Все просто.

— Но я еще не на месте, — попытался возразить я.

— Да, понятно, — смахнула мои возражения, как надоедливую муху с носа, Дарья. — Наверняка координаты дачи забиты у вас в навигаторе. А если нет, то доезжаете до места, определяете, и высылаете мне эсэмэской. А я тем временем выезжаю. У вас же Волгоградское направление?

— Егорьевское, — проворчал я — черт, права ее мать: отказать в чем-нибудь этой соплячке было решительно невозможно.

На старой даче за два дня моего проживания накопился приличный кавардак. На кухне и в гостиной среди общей Мариной безупречности невымытая посуда резала глаз, как клякса на чистом листе бумаги, на разложенном диване клубком перевились плед, подушки и покрывало. Встречать гостью, хоть и незваную, таким бедламом не хотелось, и я схватился за уборку. И когда меньше чем через час за оградой раздался шелест шин, в доме было более или менее пристойно.

В окошко я видел, как Дарья вышла из синего «Фокуса», через открытое окно послала водителю воздушный поцелуй, потом прощально помахала рукой. «Интересно, а как же она назад?» — подумал я, но раздался звонок, и я пошел открывать. Стоящая в проеме калитки в сереньком легком плащике до колен, двумя руками держась за ручку небольшой розовой лаковой сумочки, в розовых же кроссовках она напоминала сейчас Мэри Поппинс, откуда ни возьмись появившуюся на пороге дома Бэнксов на Вишневой улице.

— Здравсьте, дядя Арсений! — на сей раз не в трубку, а воочию пискнула Дарья. — Вот я... приехала.

«Зашибись!» — подумал я, но вслух быть столь раскованным не решился.

— Ну, проходи, раз приехала, — мрачно ответил я, делая шаг в сторону и жестом приглашая гостью войти.

Дарья осторожно, как кошка, впервые переступающая порог незнакомого жилища, вошла в калитку, но тут же ускорила шаг, и почти бегом взлетела по ступенькам крыльца. Я подумал, что сейчас она толкнет дверь и, не дожидаясь хозяина, ворвется в дом, но Дарья воспитанно дождалась меня у двери. В прихожей я принял у девушки плащ и предложил тапочки; она отказалась и, ступая на носках, прошла в гостиную.

— А у вас тут ничего, мне нравится! — воскликнула она, оглядываясь по сторонам. — Не хоромы, но премиленько!

— В тесноте, да не в обиде, — в ответ на неприкрытый намек на скромность моего загородного жилища буркнул я, принимая у гостьи плащ. — Чаю с дороги?

— Нет, — помотала головой Дарья, — спасибо.

— Тогда?.. — неопределенно спросил я, усаживаясь в свое любимое кресло. — О чем юная леди хотела со мной иметь беседу?

Жестом я предложил гостье занять место на стуле напротив, но Дарья мое приглашение проигнорировала, сделала несколько шагов в направлении двери, ведущей в спальню, и встала у косяка, прижавшись спиной к стене, подложив под низ спины руки и согнув в колене одну ногу. Я вспомнил: тогда, в Турции, Дарья стояла у стены точно в такой же позе, разве что вместо гавайской блузки и шорт на ней сейчас было гороховое платье с рукавами-буф по локоть.

— Да, я... хотела поговорить..., - начала, глядя в пол, Дарья, но было видно, что внятного ответа на вопрос у нее нет. — Вы ведь сегодня с мамой встречались, верно?

— Да, — ответил я. — Встречались. И что?

— Мама приехала домой в совершенно... страшном состоянии, — медленно, словно подбирая каждое слово, начала рассказывать Дарья. — Я никогда ее такой не видела. Абсолютно пьяная, расхристанная какая-то, блузка вся из юбки, застегнута наперекосьяк. Софа после кладбища ждала маму у нас, вышла в прихожую, спросила что-то типа: «Боже, Ива, откуда ты такая?», мать в ответ с ходу послала ее на три буквы. Софа разрыдалась, вылила на меня ушат всяких гадостей и ушла. А мать забилась в ванную и не открывает. Но я знаю, как спицей отпереть снаружи замок, открыла, вошла. Она в одежде сидит в ванной, сверху льется ледяная вода, у нее зуб на зуб не попадает — полный «С легким паром». Ну, я включила горячую, стала ее раздевать, расспрашивать, а она молчит. Я сначала думала, это ее на смерть отца так пробило, но, думаю, вряд ли, у них давно уже все было... никак. Может думаю, она после морга такая, спросила, а она как расхохочется! Говорит: «Морг — х...йня, там весело!», и все про какие-то шесть килограмм шашлыка вспоминает. А потом начала реветь, и я из нее вытянула, что она с вами встречалась и что-то вам наговорила. Я спрашиваю: «Что?», но она только повторяет: «Это конец, это конец», только не «конец», а... ну, вы понимаете. Потом она немного отошла, я ее душем поливаю, а она сидит в ванной голая, колени обхватила, в дырку, куда вода убегает, усталилась и говорит: «Все, Дашка, жизнь кончилась. Я сама его своими руками оттолкнула. Всю жизнь отталкивала, дура, судьбу испытывала, не понимала, что делаю, надеялась на что-то. А тут — не хотела, а сама крест поставила. Он не вернется, после такого не возвращаются. Один в натуре помер, для другого я при жизни умерла. Иди, Дашка, в аптеку, и без цианистого калия не возвращайся». Я подумала — классная шутка, только вряд ли мать способна была шутить в таком

состоянии. Я спросила ее, что она вам наговорила, но она только икнула: «Не помню», и ее вырвало. Я ее вымыла, еле дотащила до кровати. Думаю, до утра она в безопасности, но вот что будет, когда она придет в себя, не представляю. Я ее заперла и поехала к вам. Вот. Такая история.

Я слушал эту историю, безучастно глядя мимо рассказчицы на пейзаж за окном. Да, грустно, очень грустно, я бы сказал. Но... Сейчас, когда, как никогда более, можно было бы ожидать, что душа размякнет, растрогается, изойдет на сочувствие, поднимется и полетит туда, к Иве, обволакивать, извиняться, любить, я ничего, кроме холодной и немного раздраженной пустоты не испытывал. Странно, но на том месте, что последние двенадцать лет было занято Ивой, сейчас, даже после такого душещипательного рассказа, не было ничего. И поэтому я неприветливо спросил:

— Ну, и чего же юная леди в контексте рассказанного предполагает из-под меня хотеть?

Растерянность мелькнула в Дарьином взгляде. Дальнейшее развитие разговора явно требовало плана действий, которого у нее не было.

— Вам, что, ее не жалко? — вместо ответа спросила она.

Я подумал, что только человек, знавший всю историю наших с Ивой отношений, всю до нюансов, мелочей, деталей имел бы моральное право задавать мне такой вопрос. Перед моим мысленным взором, как полустанки в окне движущегося с фантасмагорической скоростью поезда, промелькнули вехи нашей с Ивой истории: Ива в розовых шальварах — наша первая встреча. «Поцелуйчик» в полоску голой кожи над поясом джинсов в их супружеской квартире на Шокальского — наш первый секс. Наша первая ночь вместе, сумасшедшая «кровавая» ночь в каюте корабля на Речном вокзале. Последняя встреча нашего «первого захода» на съемной квартире. Случайная встреча в «Арбат-Престиже». Ивино: «Вот только с чего ты взял, что дальше я лягу с тобой в постель?», маленькое несчастное черное существо по имени Джой вместо нее. Реконкиста. Страстная и странная ночь в Турции в минувшие выходные. Ее: «Я е...анутая, Сень?» И: «По крайней мере, пока ты женат, а я замужем. Или, клянусь дочерью, эта встреча станет у нас последней». Мой вчерашний уход — не уход, бег! — из квартиры в Митино от раздевшейся уже Ивы. Сегодняшняя встреча в кафе — будто бы не с ней, Ивой, а с совершенно другой, неизвестной мне женщиной, с которой, знай я раньше, что она ТАКАЯ, никогда бы и ни при каких обстоятельствах. Всего этого Дарья, разумеется, не знала, или знала, может быть, три, пять процентов от этого. Какое же она имеет право задавать мне такой вопрос?

— Нет, — коротко и жестко ответил я, подняв на нее глаза.

Пару секунд Дарья сопротивлялась моему взгляду, потом отвела глаза.

— Что же она вам такое сказала? — пробормотала она.

— Не имеет значения, — нахмурился я. — Уже не имеет. И, кстати — вас, мисс, это в любом случае не касается.

Пожалуй, лучше мне было этого не говорить. Дарья вскинула голову, выдернула из-за спины руки, и оттопыренным указательным пальцем категорически отрицательно помахала передо мной.

— А вот это нет! — воскликнула она. — Это вы, дядя Арсений, не правы! Как раз меня-то это все и касается! Очень касается! И всегда касалось. Я вас с мамой с самого начала помню! Как вы меня с ней на своей машине на дачу возили. И как вы с ней тра... любовью занимались у Софы на квартире.

— Да, ты уже это говорила, — кивнул я.

— Я говорила? — осекшись, округлила глаза Дарья. — Вам? Когда?!

— Недавно, в Турции, — уточнил я. — В ночь с субботы на воскресенье.

При упоминании о турецком инциденте Дарьино лицо вспыхнуло, пошло румянцем, она снова отвела глаза.

— Надо же, не помню, — пробормотала она. — Но, согласитесь, дядя Арсений, важно ведь то, что маленькая девочка помнит свою маму с вами почти так же долго, как и со своим отцом, а не то, что как-то раз в неадекватности она уже пыталась говорить с вами об этом?

Я поймал себя на том, что в Дарьиных умопостроениях явно проглядывается логика Аббаса, и мне сразу захотелось как можно быстрее закончить этот разговор.

— Пожалуй, — пожал я плечами. — Но, думаю, важнее то, что ты собираешься сейчас сказать.

Дарья озадаченно посмотрела на меня, процесс собирания с мыслями отразился на ее лбу рядом смешных морщинок.

— Я хочу сказать, — набрала воздуха в легкие Дарья, — что после стольких лет вашего с мамой... знакомства вы собираетесь сейчас, после смерти отца, ее в таком состоянии бросить, это... это...

Не находя нужного слова, она снова подняла на меня свои — такие мамины — глаза. «Подло? Мерзко? Низко? Гнусно?», — мысленно подбирал я окончание ее мысли, все больше очерствляясь душой.

— Это жестоко, — наконец, выдавила из себя Дарья, и по ее щекам покатились слезы.

Я ощутил, будто мне отвесили пощечину и почувствовал, как горячие струи стыда начали просачиваться мне в душу.

— Это жестоко, — повторила Дарья. — Вы не видели ее состояния. Говорю вам: если бы я не была уверена, что мать вырубилась до утра, я бы сейчас была бы не здесь, а рядом с ней, потому что она может сделать с собой все, что угодно.

«Тем более, что у вас это в роду», — язвительно заметил про себя я.

— Тем более, что она считает, что у нас в роду по бабушкиной линии склонность к суициду, — эхом отозвалась Дарья. — Я очень боюсь за нее. И скажите — вот вы сможете спокойно жить, если мать, например, с балкона из-за вас выкинется?

— Ну, знаешь! — взревел я, от неожиданного прилива эмоций даже приподнимаясь в кресле. — Если бы такое произошло, это точно было бы не из-за меня, а из-за нее самой. Есть вещи, после которых любые отношения становятся невозможными, и твоя мать сама неоднократно эту сентенцию на мне обкатывала. Так что, мадемуазель Дарья, лучше бы вам сейчас ехать к вашей маме, охранять ее от необдуманных действий, пока к ней не вернется способность здраво соображать! Засим полагаю наш разговор законченным.

Я поднялся с кресла и встал рядом с ним, явно, как мне казалось, представляя собой предписание: «Позвольте вам выйти вон!». Но Дарья с другой стороны комнаты следовать приглашению не спешила. Снова я недобро помянул ее отца — Аббас тоже никогда не торопился закончить разговор в невыигрышной для себя позиции, даже если ему уже было указано на дверь.

— Ну, вот как я могу сейчас уехать, дядя Арсений? — дрожащим голосом спросила Дарья. — Как я могу уехать, если знаю, что еще не приложила всех усилий, всех стараний для того, чтобы помирить вас с мамой? Как я ей буду в глаза потом смотреть?

Я аж поперхнулся от такой постановки вопроса. Это было что-то другое, что-то

новенькое; я не понимал, куда девчонка гнет, и это мое непонимание нашло выражение в коротком саркастическом смешке.

— Вот вы смеетесь, дядя Арсений, а ведь я готова на все, чтобы у мамы с вами все было хорошо! — выпалила Дарья, сжав пальцы в маленькие кулачки и даже притопнув для верности ногой.

Это прозвучало настолько уверенно и безапелляционно, и в то же время так наивно и по-детски, что я рассмеялся — снисходительно и во весь голос. И, наверное, было в этом моем смехе столько иронии, столько этого взрослоцкого: «Да что у тебя может быть, деточка?», столько этого Станиславского «Не верю!», что для Дарьи это стало последней каплей. Не знаю, собиралась ли она сделать то, что сделала в результате, только сейчас я думаю, что лучше бы мне было не распалять ее этим моим смехом. Да, пожалуй, лучше бы я этого не делал.

— Не верите, дядя Арсений? Не верите? — вскричала Дарья, размахивая руками. — Напрасно, совершенно напрасно! Вы думаете, я такая же, как мать? Как отец? Ни на что не способная? Только на слова и гожусь? Ничего подобного, я — другая! Вы даже не представляете, какая я!

Дарью было не узнать. Минуту назад стеснительно пытавшаяся слиться со стеной, в мгновение ока она превратилась в торнадо, бурю, ураган. Почти выкрикивая слова и бурно жестикулируя, она оказалась на середине комнаты. Ее глаза сверкали, по щекам разлился румянец. Невольно отстраняясь, я сделал шаг за спинку кресла, словно спинка могла защитить меня от этого тайфуна с женским, как водится, именем Дарья. А она, чуть присев и скрестив на уровне колен руки, вдруг стянула через голову платье. Под ним на ней был сиреневый лифчик и такие же трусики. Я часто заморгал, ожидая, что эти предметы сейчас отправятся вслед за платьем, но Дарья сеанс стриптиза продолжать не стала, а решительно двинулась ко мне. В два шага оказавшись рядом со мной, она опустила передо мной на колени и молниеносно расстегнула мой брючный ремень.

— Дарья! — вскричал я, ощущая себя Ивой, которой в ту турецкую ночь дочь заявила «Я хочу тебя, мама!» — Что ты делаешь?!

— Да замолчите уже, — ответила Дарья, одним вжиком расстегивая мне ширинку. — Лучше в кресло сядьте. Не будете же вы все время стоймя стоять? Знаете поговорку: «В ногах правды нет?»

Она отпустила молнию, и мои брюки свалились на пол. Я был сражен наповал. Могу смело сказать, что ровно до этого момента я еще как-то удерживал ситуацию под контролем, но Дарьин напор бросил меня в самую стремнину ее развития. Вообще мужчина, у которого ноги спеленуты спущенными брюками, находится в очень зависимой позиции, навроде стреноженного коня. Прежде, чем я успел принять решение, что делать дальше, моя задница бухнулась в кресло, причем за недолгое время этого пути Дарья успела стянуть с моих бедер трусы. Еще секунда — и я ощутил себя во власти ее холодных пальцев. Еще столько же она, нахмутив лоб, смотрела на мое хозяйство, как на цыпленка, пищащего на ладони, потом ее голова начала решительно движение к моим чреслам. Ощущая, что мне неожиданно стыдно на это смотреть, я закрыл глаза. И только за мгновение до того, как частично оказаться у Дарьи во рту, что-то отличное от парализованного на тот момент сознания послало импульс моим рукам. Подхватив девушку, как раскрытыми клешнями, кистями рук с оттопыренными большими пальцами под мышки, я со всей силы оттолкнул ее от себя. Конечно, было бы достаточно просто разъединиться физически, разомкнуться, чтобы восстановить

возможность вербального управления ситуацией. Но поскольку в это мгновение я был движим чем-то, отличным от разума, то силы я не рассчитал, и мышечного импульса для тельца весом не более сорока пяти кило хватило, чтобы Дарья, описав в воздухе пологую дугу, пролетела полкомнаты, и шлепнулась на пол прямо у того места, где она стояла в начале беседы, гулко стукнув затылком в стену. Последний отрезок своей траектории она проделала, скользя копчиком и лопатками по полу. Устилающий гостиную мягкий ковер спас ее кожу от ссадин, но коварно зацепился ворсом за Дарьино исподнее, в котором на момент падения она пребывала. В один миг брызнули в разные стороны хлястики расстегнувшегося лифчика, скручиваясь пружиной, слетели с бедер трусики, взмыли в воздух и упали на ковер сиреневым, скрученным в восьмерку жгутом. Осознав результаты своего физического воздействия, я вскочил и бросился к распростертому телу. От удара о стену Дарья отключилась, и теперь лежала на полу, неестественно согнув шею, разметав руки и ноги, одетая исключительно в полосатые носочки. Ее нагота брызнула мне в глаза, как яркая вспышка света в ночной темноте, и прежде чем я осознал, что вижу это не в первый раз, я поневоле отвел взгляд. «Пульс!» — подумал я и потянулся рукой к ее межключичной выемке, где проще всего ощутить биение сердца. Если бы сторонний наблюдатель в этот момент увидел нас, то было бы неудивительно, если он представил себе развитие ситуации следующим образом: стареющий полуголый педофил-насильник тянет свои похотливые руки к горлу обнаженного юного создания, распростертого без чувств перед ним, чтобы после сотворенных с ней безобразий, вероятно, задушить. Но, к счастью, подобное развитие событий самым счастливым образом разбилось о то, что раньше, чем пальцы насильника сомкнулись на ее шее, то есть нащупали пульс, юная жертва открыла глаза. «Слава Богу! — подумал я, отдергивая руку. — Жива!» Секунду Дарья осознавала, что происходит, потом резко подобрала колени, руками обхватив себя за плечи. В ее глазах плескалось осознание ужаса поражения.

— Я не смотрю, — сказал я, одной рукой пытаюсь удержать расстегнутые брюки, другой — бросая ей трусы. — Лифчик вон там, в углу.

И отвернулся, сосредоточившись на борьбе с некстати заевшей молнией на ширинке. У меня за спиной раздалось шуршание, топание пяток по полу, звуки застежечек-пуговичек-кнопочек, и когда я, победив, наконец, молнию, обернулся, Дарья стояла посреди комнаты, уже полностью одетая.

— Я..., - тихо сказала она, глядя в пол. — В общем, простите.

Уместно было усмехнуться и ответить что-то вроде: «Ничего, бывает!», но балагурить, снижая напряжение, совершенно не хотелось. Господи, побыстрее бы она уматывала!

— Хотя я могу объяснить свое поведение, — и не думая сходить с места, продолжила Дарья.

— Неужели? — не удержался от рисованного восхищения я. — Интересно было бы послушать!

— Все просто, — пожала плечами она. — Я хотела вас с мамой помирить.

Я опешил. До такого, пожалуй, не додумался бы даже ее покойный батюшка.

— Тебе не кажется, что ты... вы как-то странно пытались это сделать? — только и нашелся, что спросить я.

— Ну и что? — вскинула Дарья голову. — Здесь главное значение имела бы эффективность. Я бы трахнулась с вами, и поставила бы вам условие вернуться к ней, под угрозой, что все ей расскажу.

Я смотрел на нее, открыв рот, как на представительницу инопланетного разума.

— То есть, шантажировали бы? — немного придя в себя, поинтересовался я.

— Да, — кивнула Дарья. — Шантажировала бы.

— Ага, — глубокомысленно заметил я. — Про ежа и голую задницу половицу знаешь?

Дарья внимательно посмотрела на меня.

— И вы бы допустили, чтобы мать узнала, что вы переспали со мной? — совершенно серьезно поинтересовалась она.

— А чего такого? — пожал плечами я. — С вашей мамой нас некоторое время уже ничего не связывает. С этой точки зрения я теперь, что называется, мужчина в поиске, могу вступать, так сказать, с кем хочу.

— Но ведь не вступили же, — мгновенно среагировала Дарья. — Значит, вам не все равно, узнала бы мать, или нет?

«Рассказать бы тебе, что твоя мать мне в Турции разрешила! — хмыкнул про себя я. — Интересно было бы посмотреть потом на сцену выяснения отношений между поколениями! Цусима — 2, ха-ха!»

— Мне вообще никогда не все равно, с кем, — сказал я вслух. — В этом смысле, как и во многих других, я чрезвычайно разборчив. Так что почему вы решили, что я не стал с вами из-за вашей мамы, мне непонятно. Согласитесь, что у меня могло быть огромное количество других причин как морально-этического, так и более утилитарного характера. Например, эстетического.

Дарья застыла, ее и без того горящее лицо стало пунцовым.

— Да, кажется, я что-то не додумала, — наконец, произнесла она. — Еще раз прошу меня простить. До свидания.

И она двинулась к выходу, но у двери остановилась.

— Вы не подскажете, где здесь остановка общественного транспорта? — пряча глаза, спросила она. — Я несколько самоуверенно отпустила водителя.

Я шумно выдохнул, — пельмени с водкой откладывались на неопределенное время.

— Только извини, до дома я тебя не повезу, — сказал я. — До Выхино, окей?

— Нет, нет, не надо меня никуда везти, — выставила вперед ладонь Дарья. — Есть ведь какой-то общественный транспорт? Я распрекрасенько доберусь.

Я нахмурился. От поселка до платформы Шевлягино к каждой электричке на Москву ходила маршрутка, но ждать ее сейчас нужно было не меньше часа, да и полтора часа до Выхино в вечерней электричке для одинокой девушки назвать полностью безопасными было нельзя.

— Извини, но я вынужден настаивать, — твердо начал я. — Общественным транспортом ехать небезопасно, и...

— Я тоже настаиваю на своем, — совершенно безапелляционно перебила меня Дарья. — Все равно больше кучки пепла вам до Выхино не довезти, — после всего за такое время наедине с вами я сторю со стыда. А насчет опасности... Ездят же все? И потом — я могу постоять за себя, будьте уверены.

"Сильный, но легкий!" — вспомнил я старый анекдот, снова прокручивая в голове ролик Дарьиного полета. Но переупрямливаться упрямство собеседницы было себе дороже, да и сообщений о каких-либо происшествиях на нашем маршруте последние два десятка лет я не припоминал.

— Из калитки налево, метров триста — остановка, — начал я инструктаж. —

Маршрутки ходят четко к каждой электричке. Это конечная, постарайся сесть рядом с водителем. В электричке садись в первый вагон, поближе к машинистам. До Выхино часа полтора. Это уже будет в районе половины первого, но, думаю, на пересадку в метро должна успеть. Если не успеешь... Деньги на такси есть?

Дарья кивнула.

— Тогда не смею задерживать, — по-военному кивнул головой я. — Всего наилучшего.

Стукнула входная дверь. Разгоняя спустившиеся сумерки, на улице загорелся прожектор, реагирующий на движение. Тонкая маленькая Дарья фигурка, отбрасывая на серый бетон резкую черную тень, быстро прошла от крыльца к воротам. У калитки она остановилась, обернулась и, морщась от света прожектора, послала мне воздушный поцелуй, как будто могла видеть меня в окне. Потом открыла калитку, и вышла в заборный сумрак. «Е...анутая, — раздраженно подумал я. — Вся в мамашу, блин, с папашей, царствие ему небесное!». И обернулся на звонок мобильного.

Звонила Марина.

— Ну, муженек дражайший, долго еще будем в детские игры играть? — вместо приветствия услышал я в трубке.

Ее голос звучал напряженно, но не зло, не сердито, — это была грозная с виду туча, но почему-то было ясно, что ливнем и молниями она разражаться не собирается.

— Какие игры? — вполне искренне заинтересовался я, испытывая огромное облегчение от того, что Марина позвонила первой.

— Ну, в прятки, — пояснила супруга. — И в молчанки.

— А, это ты про те игры, в которые ты сама позавчера вечером предложила поиграть? — изобразил радостное понимание я.

— Я-а-а?

Маринино изумление прозвучало настолько естественно, что я прямо увидел ее округлившиеся глаза и указательный палец, направленный себе в грудь.

— А кто? — подыграл ей я. — Я, что ли? Это ты начала разыгрывать обидки, после чего мне оставалось только ответить прятками. А насчет молчанки — тебя, видимо, это устраивало, иначе ты давно позвонила бы.

— Я надеялась, что ты позвонишь первым, — язвительно ответила Марина.

— Не был уверен, что ты ждешь моего звонка, — ответил шпилькой я. — После того, как ты проявила полнейшее безразличие к тому, куда я уехал и доехал ли до места назначения.

— Я была очень расстроена, — помолчав, отозвалась жена. — И огорчена. Я надеялась, что ты меня хоть чуточку любишь, а ты продемонстрировал полное пренебрежение мной!

В ее голосе предсказуемо послышались близкие слезы.

— Не трагедизируй, — поморщился я. — У меня просто не сработал подъемный механизм. Не забыла, сколько твоему мужу лет? Импотенция — обычное дело у современных мужчин после сорока пяти.

Перед глазами промелькнула череда турецких кадров с Ивой в преразнообразнейших позах, и я покраснел.

— Особенно часто признаки импотенции проявляются у мужчин после сорока пяти после поездки на юга! — с интонациями дрели вставила мне Марина. — Ну вот что, по-твоему, я должна была подумать?

— Что-нибудь другое, — пожал плечами я. — Если человек сам хочет верить в плохое,

его никто не разубедит. Типичный случай самовнушения.

На том конце озадаченно замолчали, явно не зная, что возразить.

— У тебя завтра день рождения, — примирительным тоном сказал я.

— Еще помнишь? — фыркнула Марина. — Собственно, я по этому поводу и звоню. Может быть, хоть в честь дня рождения жены ты соизволишь вернуться домой?

— С удовольствием! — улыбнулся я, радуясь тому, что ни чуточки не кривлю душой. — Выезжаю.

— Сыну с дороги не позвонишь? — перехватила мое желание отключиться Марина. — Помнишь, я говорила, что он едет в Крым, в Казантип? У него через четверть часа поезд, наверное, он сейчас уже на вокзале. Напутствовал бы, чтоб он без глупостей там.

— Позвонил бы, если бы был хоть малейший шанс, что отцовское напутствие принесет какую-то пользу, — фыркнул я. — Ты ведь уже все ему сказала, верно?

— Да, конечно, — вздохнув, подтвердила мои предположения Марина. — И он обещал быть хорошим мальчиком.

— Ну, вот видишь? — усмехнулся я. — Зачем еще раз понапрасну воздух сотрясать?

— Ладно, — согласилась Марина. — Жду тебя.

Вечерние дороги были почти пустыми, но тем не менее, когда я, заскочив по пути на круглосуточный цветочный развал у метро «Волгоградский проспект», позвонил в дверь, была уже одна минута первого. Появившаяся на пороге Марина была одета в длинный желтый плюшевый халат и тапочки с помпонами, на носу у нее смешно сидели очки, которые она надевала крайне редко, вынимая из глаз контактные линзы только перед сном. Она походила сейчас на большую мягкую игрушку, всем своим таким домашним видом показывая, что никаких претензий на мужнино внимание к ней, как к особе противоположного пола, у нее нет и быть не может. И вместе с приливом горячей, как молоко с маслом в детстве, нежности к этому такому своему, такому родному существу я испытал острый укол стыда.

— Это тебе! — пряча глаза, сказал я, протягивая ей розовый букет.

— Ой, какая красотища! — завосхищалась Марина. — Надо же, ночью... Какой романтик! Спаси-и-ибо! Но ведь заранее поздравлять нехорошо...

— Уже можно, — сказал я, показывая ей циферблат своей Омеги, показывающей две минуты первого. — С днем рождения!

Повинуясь неожиданному порыву, я присел, подхватил жену под заднюю мягкость, поднял, — хрустнули коленные суставы. Взмыв вместе с букетом чуть не к потолку, Марина ойкнула от страха, уцепилась свободной рукой за мою шею. Я поднял вверх взгляд — из-за линз очков ее глаза смотрели на меня с восхищением и покорностью. Этот взгляд был, как в пионерском детстве доверие старших товарищей: не оправдать было совершенно невозможно. Противно скрипя коленями, я двинулся в спальню. Кровать жалобно застонала под тяжестью гукнувшихся на нее тел и букета. Желтый подол распахнулся — под ним на Марине ничего не было. Я успел подумать, что, похоже, сегодняшнее жонино смиренное равнодушие к предмету нашей последней размолвки было несколько деланным, но на мой наступательный порыв это уже никак не могло повлиять. Я потянул за толстый конец халатного пояса, но только затянул узел. Развязывать было некогда, и я просунул руку под пояс, нашел пальцами Маринину грудь, с наслаждением сильно сжал.

— Синяки... останутся..., - задышала она, ища губами мой рот. — У меня завтра... продажа... блузка открытая... декольте...

— Пудрой замажешь, — выдохнул ей в рот я, еще сильнее сжимая пальцы.

В ответ Марина громко, протяжно застонала, и я точно знал, что не от боли.

Потом мы, тяжело дыша, лежали и молчали. Постепенно дыхание наше выровнялось, но говорить не хотелось. То есть, я с удовольствием рассказал бы сейчас жене, что на душе у меня легко и безоблачно, и совесть ни малейшим щипком не тревожит меня. Но это подразумевало бы объяснение, по какому поводу такая идиллия царит у меня в душе именно сейчас. Пришлось бы объяснить, что это из-за того, что в присутствии Марины отношения с Ивой каким-то темным облачком всегда маячили в самом углу моего небосклона, малой гирькой все равно давили, едва-едва щемили, еле ощущаемо кололи, а сейчас этого нет. И что с бешеной дочкой ее я повел сегодня себя единственно правильно — даже представить трудно, под каким грузом изнывала бы сейчас совесть, если бы три часа назад я допустил юную Дарью Эскерову до своего тела. А тогда, в Турции если бы сподобился? Ведь пронесло, что называется, на тоненького, еле-еле, чисто конкретно случайно! И ведь, пьяный козел, хотел ведь тогда, желал тощего тельца дочери Ивы и Аббаса Эскеровых, вождедел, помню! Боже, как хорошо, что хоть этого прегрешения нет на мне! Как легко, как прозрачно! И молчал я сейчас только потому, что рассказать обо всем об этом жене Марине решительно не было никакой возможности. О чем молчала Марина, я не знал. Может, и ни о чем вовсе, а мечтательная улыбка на ее губах была всего лишь микро-спазмом мимических мышц, вызванным эндорфинами, выделившимися в ее организме в результате только что отгремевшего между нами секса. А, может?.. Да нет, вряд ли! Даже не так — просто не может быть!

— Спасибо за подарок! — неожиданным ответом на мои размышления прошептала в темноте Марина.

— Бросьте уже ваших глупостей! — понимая, что речь не о цветах, и снова краснея от стыда, отшутился я.

— Я все равно люблю тебя, — сказала Марина.

— Я тоже, — так и не решившись задать вопрос по поводу этого «все равно», через минуту отозвался я. — Я тоже тебя люблю.

Большая раскаленная иголка уколола меня в сердце непосредственно по произнесении мною этих слов, — поди скажи после этого, что господня кара за вранье — ерунда! Я охнул, шумно вобрал в себя воздух, задержал дыхание, наивно представляя, что это может заставить боль уйти. Марина встревоженно взглянула на меня и, мгновенно все поняв, как ошпаренная вскочила с постели.

— Сердце? — вскричала она. — Я сейчас!

Как ошпаренная, она выскочила из спальни, и буквально через несколько секунд прилетела обратно, на ходу (скорее, на бегу) вытрясая из трубочки нитроглицерина маленькие белые таблетки.

— На! Под язык! Быстрее! — зачастила она, поднося к моему рту сложенную лодочкой ладонь.

Ее рука дрожала. Я губами, как лошадь, берущая с руки сахар, захватил таблеточки, кончиком языка запихнул в дальний угол рта, под корень. Сразу зажгло, зашипало, словно горячая волна пробежала под подбородком, по щекам вверх, разлилась в голове звенящей болью. Я был готов к этим не очень приятными ощущениям — мозг мстил сердцу за то, что расширившиеся под действием препарата коронарные сосуды отобрали у него лишнюю толику кислорода, заставили пронизанную капиллярами мозговую ткань голодать. Зато боль

в сердце сразу начала стихать, проходить, словно вонзивший иглу вдруг сжалился, передумал и потянул ее обратно. Я перевел дыхание, слабо улыбнулся, посмотрел Марине в глаза — они были полны страдания, будто это у нее, а не у меня только что случился сердечный приступ.

— Господи, это я, я виновата! — запричитала она. — Ты прости меня, Арсюшенька, дуру стоеросовую! Ты ведь старенький у меня уже, больной, а я к тебе с претензиями, с ревностью своей глупой! На руки взгромоздилась, лошадизна!

И она заплакала. Я гладил ее по мокрой щеке, а она хватала пальцами мою руку и целовала в ладонь. Потом она, стоя в дверях и бросая на меня встревоженные взгляды, долго разговаривала по телефону с медицинской подругой Валеи. После разговора она поила меня какими-то таблетками (Я, с серьезным видом: для разжижения крови? М.: Да, да, варфарин с аспирином, Валя наказала начинать пить немедленно, хорошо, что я еще тогда все купила!), одновременно с жаром убеждая меня, что нужно срочно ложиться в Бакулевский, благо по Валиным каналам это можно было осуществить уже завтра. Я, собственно, не возражал. Обрушившиеся после возвращения из Турции проблемы не прошли бесследно, и благо удалось эту сошедшую на меня лавину мало-мальски разгрести, на самом деле можно было бы лечь на недельку-другую в больничку, поправить здоровье и нервишки. Главное — Питкес на свободе, а все остальное — трын-трава. Деньги, объект, фирма — как говорится, не жили богато, неча и начинать. Здоровы будем — еще бабла нарубим, жизнь такая штука — то в горку, то под горку, нам не привыкать. Не порем — так будем живы, а живы будем — не порем. Я уснул на заботливо подсунутой мне под затылок мягкой Мариной руке и, соскальзывая, словно с горки, по тонкой грани реальности и сна, ощущал себя полностью, совершенно, абсолютно счастливым.

Глава 10. Марина

Утром мы с Мариной смеялись, общались, завтракали, целовались, строили планы на будущее и собирали меня в больницу. В Бакулевский нужно было поспеть к полудню, и мы решили, что Марина бросит меня туда на своей машине, и как раз успеет к себе в галерею, где после часа дня у нее была встреча с неким весьма перспективным клиентом. Несмотря на то, что собирали меня не куда-нибудь, а в больницу, все было как-то легко и по-праздничному суматошно и суетливо. И поэтому за пять минут до отъезда, размышляя над нерешаемой задачей, чем я буду в лечебном учреждении бриться — станком или электрическим «Брауном» я даже не заметил, как Маринин телефон заиграл неповторимо раздолбайскую мелодию «Klint Eastwood» мультяшных GorriLaz, которая я установил ей Кирюхиным рингтоном.

— О, сынок звонит, — радостно бросилась на вызов Марина. — Не забыл, что у мамы день рождения, хороший мальчик!

Последние слова она произносила, уже нажав на «ответ» и поднеся аппарат к уху. Я улыбнулся, и поднял глаза на Марину, чтобы сказать, чтобы передала ребенку привет. И... никогда, пожалуй, я не видел, чтобы выражение радости на лице так быстро сменялось беспросветной тоской. В течение не более нескольких секунд разговора Маринино лицо буквально почернело, трубка заходила ходуном в ее руке.

— Что случилось? — встревоженно спросил я.

Вместо ответа Марина, медленно опускаясь на стул, протянула мне трубку.

— Я ничего не понимаю, — дрожащим шепотом произнесла она, умоляюще глядя на меня. — Он в милиции, его задержали с наркотиками на границе! Ему дали позвонить, сказали — пять минут.

Из ее глаз полились слезы. Я выхватил у нее трубку, вздернул к уху.

— Ало, Кир, ало, это я, — решительной скороговоркой начал я. — Излагай коротко и ясно: где ты и что произошло.

— Пап, да все уже нормально, я уже обо всем договорился, — услышал я в динамике явно пытающийся быть спокойным, но ощутимо дрожащий голос сына. — Я сам тут во всем разберусь, ты не беспокойся. Дай маму, пожалуйста.

На то, чтобы закипеть, мне хватило секунды.

— Нет, это я сам разберусь, нормально там у тебя все, или ненормально! — заорал я так, что засадило в горле, а Марина подпрыгнула на стуле. — Быстро доложил все по порядку!!

И помянул Марину, мать его, в совершенно непечатной форме. Эта моя способность мгновенно переходить к решительным действиям — от крика до физического воздействия (к сожалению, сейчас кроме голосовых связок я никакими другими инструментами не располагал) часто очень выручала меня в жизни, сработала она и сейчас. Информация потекла из Кирилла, как жетоны из однорукого бандита, когда срывают джек-пот. Выяснилось, что находится отпрыск на территории сопредельной Украины в милицейском управлении города Мариуполя по причине обнаружения при нем при пересечении границы партии наркотиков, количественно оцениваемой как крупная (тридцать граммов гашиша и пять ампул амфетамина). Я мысленно взвыл, но времени для эмоций не было.

— Наркоту подбросили, надо полагать? — не столько спросил, сколько

проинструктировал сына я.

— Да нет, пап, все мое, — голосом радующегося солнышку идиота ответил Кирилл. — Я взялся для всего народа на отдых привезти. Они же на самолете, там никак.

Я все-таки завыл. Боже, как же так получилось, что из моих хромосом на свет появилось такое чудище, во всем, абсолютно во всем схожее со мной не более, чем крокодил с канарейкой?!

— Тебя, что, не слышат? — изумился я.

— Слышат, слышат! — успокоил меня отпрыск. — Я по громкой связи разговариваю.

Выпадать в осадок не было времени, а то бы я выпал.

— Ты хотя бы ничего не подписал? — в последней надежде спросил я.

— Пап, да че тут изворачиваться? — тоном поучающего несмышленьша наставника спросил Кирилл. — Все же ясно. Накосячил — имей мужество сознаться. Но ты не волнуйся, я уже обо всем договорился.

— О чем ты договорился? — чувствуя, что впадаю в ступор, прошипел я.

— Ну, о цене вопроса, — пояснил тот. — Пятьсот тысяч, и никаких проблем.

— У тебя что, есть пятьсот тысяч?! — завопил я.

— Стой, стой, пап! — раздраженно осадил меня Кир. — У меня при себе таких денег, конечно, нет. Но люди здесь здоровые, разумные, они готовы подождать.

Хотелось страшно и матерно кричать. Я на секунду отнял телефон от уха, закрыл глаза. Увидев это, Марина сразу же руками, глазами, губами завопросила: «Ну, что там, что?»

— И долго они готовы подождать? — вернул себя в конструктивное русло я.

— До завтра до десяти часов утра, — гордым тоном переговорщика, только что уломавшего сдать целую банду террористов, ответил Кирилл. — В одиннадцать они подают наверх рапорт за вчерашний день. Они говорили, что надо сегодня, но я убедил их, что это нереально.

Нереально! Он убедил их, что сегодня нереально! А завтра в десять — реально! Сколько до того Мариуполя? Тысяча километров? Больше?

— Мать, мы едем в Мариуполь, — сказал я Марине, прикрыв трубку. — Выезжаем сейчас, немедленно, собирайся.

— Господи, где это? — вся трясясь, переспросила не дружащая с географией жена.

— На Украине, — коротко пояснил я, снова возвращаясь к разговору.

Ибо мелькнувшая у меня мысль мне очень, очень не понравилась. Насколько я знал своего сына, говоря так легко о пятистах тысячах, он явно имел в виду рубли. Ну, да, кому-то полмиллиона — сумма заоблачная, а нашему ребенку, получившему сравнимый по стоимости подарок к окончанию вуза это — так, побриться. Вот только зачем рубли хохлятским ментам?

— Слушай, а пятьсот тысяч чего? — с замиранием сердца переспросил я. — Не долларов, часом?

— Да нет, ты чё! — великодушно усмехнулся Кир. — Этих, как его? Ну, местных денег, гривен.

У меня похолодело в желудке. Какой там нынче курс гривны к доллару? Семь, семь с половиной? Полмиллиона гривен — это... Это... Это прядка семидесяти тысяч долларов США. И этот говнюк так спокоен?

— У них же тут деньги даже дешевле наших, — с чувством полной уверенности в ереси, которую он нес, продолжал разглагольствовать Кирилл. — Пап, ты нет беспокойся, я все

отдам!

— Замолчи, идиот! — заревел я. — Гривна, чтоб ты знал, в четыре раза дороже рубля. И дело даже не в том, как ты отдашь без малого семьдесят тысяч баксов, а в том, что у меня сейчас таких денег нет, и я понятия не имею, где их в такие сроки можно достать!

На том конце провода повисла тишина. Марина, услышав сумму, уронила лицо в ладони, ее лопатки заходили ходуном.

— Семьдесят тысяч долларов? — раздался наконец в динамике совершенно обескураженный голос Кирилла. — Блин, я че-то, видать, обсчитался. Думал, это тысяч пять максимум.

Я молчал. Еще пару дней назад такие деньги я в течение часа забрал бы из банковской ячейки, но внесенный за Самойлыча залог подмел эту всегда лежащую на черный день заначку подчистую. На расчетном счете было миллиона три — этого хватило бы с избытком, но во-первых, превратить безналичные деньги в «нал» — это минимум два-три дня, а во-вторых, встало бы производство, да и выдача зарплаты на носу, так что в любом случае это — не вариант. Дома в сейфе наличных тысяч сто пятьдесят — это пятерка «гривна», да на золотой кредитке «Внешторгбанка» доступный остаток пятьсот тысяч — это еще тысяч шестнадцать. Ну, еще по сусекам, на зарплатной карточке Марины, наверное, что-то есть — итого тысяч двадцать пять, нужен еще минимум сороковник. И не в Москве, а в «гарном мисте» Мариуполь на берегу Азовского моря через двадцать три часа. Все вместе это делало задачу не то, чтобы нерешаемой, но... Теорему Ферма не могут доказать уже почти четыреста лет, — впрочем, как и то, что она недоказуема.

— Пап, а что же делать? — задрожал в трубке голос Кирилла. — Они говорят, что если по суду, то это на пятерку строгача тянет.

— А ты, бл...дь, думал, когда наркоту пер через границу?! — сорвался в крик я. — Чем ты пользовался в качестве мыслительного органа, размышляя об этом? Жопой? Вот пополируешь этим местом пять лет тюремную скамью, может, научишься делать это головой!

При словах «пять лет» Марина охнула, и начала заваливаться набок. Я подхватил ее одной рукой, но ее глаза закатились, она обмякла, я не удержал ее, и мы вместе повалились на пол.

— Что там у вас так гремит? — обеспокоенно спросил Кирилл.

— Это рушится наша с мамой жизнь, — вполне серьезно объяснил я, вставая на ноги. — Спроси у хозяев, связь держать по этому номеру?

— Да, по этому, — утвердительно ответил он. — Я уже интересовался. Спрашивать Николая Николаевича.

— Ладно, передай Николаю Николаевичу, что деньги будут, — сказал я. — В хохлятскую тюрьму я тебя не отдам, но что не прибью, когда увижу, гарантировать не могу.

— Да ладно те, пап! — легким голосом школяра, чудом избежавшего двойки за ответ по предмету, в котором бы ни в зуб ногой, ответил сын. — Ну, лоханулся, прости. Я деньги отдам...

— Да пошел ты! — совершенно обессиленно ответил я, потому что пропасть непонимания между мной и этой некогда частью меня была куда как глубже Марианской впадины.

— Господи, Арсений, ну, что там? — спросила Марина, открывая глаза.

Я вкратце рассказал.

— И ты знаешь, дело даже не в том, что наш сын, несмотря на все его и твои — в первую очередь твои! заверения о том, что тема наркотиков у него в прошлом, — ярился я, расхаживая по комнате вокруг сидящей с мокрым носовым платком на лбу в кресле Марины. — Даже не в том, что он взял на себя роль «лошадки», наркокурьера, причем, очень похоже, не только добровольно, а и по собственной инициативе. А в том, что затевая такое стремное во всех отношениях дело, он даже не удосужился предположить, что при пересечении границы на поезде может быть шмон, и его с наркотой спалят на раз. Он не знает курса валюты в стране, куда он едет. Может быть, он вообще не знал, что этот сраный Казантип — уже двадцать с лишним лет, как за граница? Вот что у человека, бл...ь, в башке?

Марина то строила несчастные глаза из-под платка, то тихо рыдала. На самом деле я не просто изводил несчастную мать лекцией о том, какой никчемный получился у нее от меня сын, а думал, как и что, сотрясая воздух словесами, как говорится, в фоновом режиме. Получалось, что ехать надо не самолетом и не поездом, а на машине. Марина сначала резко воспротивилась, но пару минут поорав на нее для острастки, я все же объяснил диспозицию с автомобильным маршрутом. Во-первых, весь маршрут можно разговаривать по телефону, в таком деле нельзя оставаться не на связи даже короткое время. Во-вторых, снова-таки нужно быть на связи просто потому, что нужно найти сорок тысяч долларов, В-третьих, деньги, ясно, не повезем наличными через границу, все положим на карты, и с карт же будем все на месте снимать, то есть надо быть мобильными. И в-четвертых: я чувствовал, что если не буду каждую минуту времени чем-то занят, я просто с ума сойду от неопределенности ожидания. Этого третьего аргумента я Марине не сказал, но для самого меня он был едва ли не главным. Марина задумалась, высморкалась в снятый со лба платок и сказала, что — да, пожалуй, ехать на машине будет правильно.

— А если ты будешь засыпать, я тебя подменю, — решительно тряхнула головой она. — Автомобилист я или нет?

Мы тронулись без четверти двенадцать. Всезнающий интернет сообщил, что расстояние от Москвы до Мариуполя 1133 километра, нормальное время в пути для этого маршрута — 18 часов 33 минуты, но было очевидно — чтобы успеть ко времени, этот график нужно опережать. Полчаса мы потеряли в банке, чтобы сгрузить всю наличность на мою карту, и только мой статус привилегированного, «золотого» клиента позволил сделать это так быстро. Выйдя из банка, мы посмотрели друг другу в глаза, сели в машину, синхронно перекрестились, и я вдавил педаль газа.

Чтобы закончить со всеми московскими делами, позвонил Питкесу и, вкратце рассказав суть проблемы, с извинениями сообщил тому, что меня не будет на работе еще пару-тройку дней. Начал было справляться, в силах ли главный инженер после тюремной камеры «нести вахту», но Самойлыч меня перебил, уверенно сказав, что он в порядке, и чтобы я ни о чем не беспокоился. Потом я набрал маме и, не давая ей времени вдаваться в расспросы, рассказал, что несколько дней буду в отъезде и очень занят, и попросил не обижаться, если вдруг забуду позвонить.

— А разве у Мариночки сегодня не день рождения? — помедлив, переспросила мама. — Так как же ты уезжаешь?

Я чертыхнулся: без объяснений обойтись не вышло. Пришлось что-то с ходу плести, ничего хорошего из этого не вышло, и мама завершила разговор, даже не передав поздравлений имениннице. Последние годы мама бывала до мнительности подозрительной и обидчивой; Марина, начитавшись соответствующей литературы, находила в ее поведении

явные признаки старческой депрессии, переходящей в паранойю. Мы ругались по этому поводу, но я не мог не признавать, что в чем-то она права. Вот и сейчас можно было почти наверняка предположить, что мама обиделась, будучи в полной уверенности, что мой экстренный отъезд — уловка, вызванная нежеланием «любимой» невестки связывать празднование своего дня рождения с персоной свекрови. Звонить, переубеждать, уговаривать было бесполезно, — пока мама не «отходила», она просто не брала трубку. Иногда, обеспокоенный ее долгим молчанием, я бросал все, летел в Строгино, и только тогда мама, сменив гнев на милость, роняла свысока: «Ладно, сын, забыли, проехали». Вот только сейчас ехать успокаивать маму не было никакой возможности.

Пока выбирались на Кольцевую, ехали по ней на юг, то и дело толкаясь в пробках, молчали, словно боялись начать разговаривать друг с другом. На самом деле, темы были убийственные: где взять денег, что будет с Кириллом, если денег не достанем, как такое могло произойти и кто виноват в этом и так далее, и так далее, и чем дальше, тем страшнее. Оба понимали, что долго играть в молчанку не получится, и тем не менее оба, не сговариваясь, оттягивали начало разговора.

Когда с МКАДа сворачивали на федеральную автодорогу М2 «Крым», водителям со стажем более известную, как Симферопольская трасса, тишину в машине нарушил звонок Маринино телефона. Ее аппарат, как и мой, через блютуз был скоммутирован с системой «хэндсфри» Субару, и голос звонившего заполнил салон. Это была Валя.

— Вы где? — с места в карьер начала наша медицинская знакомая, вполне органично между двумя этими короткими словами вставив развернутое и совершенно непечатное обращение к некоей гражданке, нашей с Мариной общей матери. — Мы во сколько договаривались? Я тут светило для вас держу, на обед не отпускаю, вешаю ему лапшу, что вы уже на подходе, в лифте, в коридоре, а вы где? Нет, можно подумать, что мне это нужно больше, чем вам!

— Валь, успокойся, — ответила Марина, кинув на меня тревожный взгляд. — Извини, мы не подъедем. Тут у нас такое дело...

И она вкратце поведала ей наши горестные утренние новости. Сердобольная Валя во время рассказа ахала и охала, вставляла: «Боже мой!» и «Не может быть!», а после философски заметила:

— Да, дети — такое дело, куда их не целуй, у них везде жопа!

Потом она спросила, когда мы вернемся. Мы переглянулись, и Марина ответила, что по обстановке, но самое раннее — послезавтра.

— Ты за делами младшего своего мужика не забывай, подруга, — наставляла Валя, — что старший твой сидит на mine с запущенным часовым механизмом, и когда она звезданет, только Богу известно. Но если ничего не делать, звезданет точно. Так что я его перезапишу на после-послезавтра, а там посмотрим. А пока пусть пьет все, что я сказала, на пару дней можно и без контроля, ничего страшного. Но если у вас там все затянется, не дай Бог, обязательно мне звони, я скорректирую. Ну, пока, подруга, удачи вам обоим в исполнении вашего родительского долга.

Минут десять снова молчали. Мысли вертелись вокруг суммы 40 тысяч долларов. Все напоминало о ней — знак «40» на обочине, указатель «Крюково — 40 км». Сама по себе сумма проблемой не была, даже Марина вполне могла бы испросить такой заем у своих работодателей — гонконгских владельцев галереи, где она была исполнительным директором. Но и ей, и мне нахождение денег нужно было минимум пару дней, а главным

было то, что нужны были они именно сегодня. В который раз я перебирал в голове список людей, которые могли бы вот так, сразу и быстро, не задавая лишних вопросов, без формальностей ссудить мне 40 тысяч долларов. Вообще, всегда имея ту самую, ушедшую на залог за Самойлыча, заначку, я уже очень давно ни у кого ни на какие нужды не занимал и копейки, поэтому круг людей, к которым можно было бы обратиться с такой специфической просьбой, был крайне неширок. И как назло, на сегодняшний день этот круг был еще уже, чем, например, десять дней назад. Тогда это мог быть Витя Бранк и, пожалуй, Ведыцкий, но к Бранку обращаться после того, что было — немыслимо, а как просить денег у адвоката, который оказал совершенно неоценимые услуги и, еще не получив за это ни копейки, сам ссудил денег, недостающих на выкуп Питкеса из лап правосудия? Правда, сейчас в этом списке появилось одно лицо, которого декаду назад там не было — Леонид Игоревич Ещук.

— Чем обязан? — с иронией в голосе вместо приветствия спросил меня майор. — Приняли решение?

— Почти, — коротко ответил я. — Слушай, майор, тут такое дело. Сын у меня в сопредельном государстве по глупости к твоим тамошним коллегам в лапы угодил, еду вызволять его. Деньги мне срочно нужны. Из той сотки, о которой разговор был, нельзя сороковник как-нибудь сегодня вырвать?

На том конце провода воцарилось молчание. Прислушивающаяся к разговору Марина с надеждой воззрилась на динамик.

— Нет, вечером стулья, утром деньги, — ответил, наконец, Ещук. — Приезжай, подписывай все бумаги, завтра получишь расчет.

— Майор, мне сегодня надо! — повысил голос я.

— Ничем не могу помочь, — спокойно возразил майор. — По сыну сочувствую, желаю удачи.

И положил трубку.

— С-сука! — проскрежетал я зубами, но этого моего мнения о себе майор уже, к сожалению, услышать не мог.

Марина посмотрела на меня, ее глаза были красны от слез.

— Арсений, ты ведь говорил, что у тебя в банке всегда заначка на черный день лежит, — осторожно спросила она. — И даже сумму называл — сто тысяч. Говорил, что этой суммы хватит, чтобы отбиться от любого наезда, решить любую проблему. Это ведь, надо полагать, не рубли имелись в виду?

— Нет, конечно, — ответил я. — Только нету заначки, вышла вся.

И я рассказал Марине о Питкесе и о залоге, который пришлось заплатить, чтобы Самойлыч вышел на свободу. Марина внимательно слушала, потом долго молчала, а потом тихо заплакала.

— Ты чего?! — нервно спросил я. — Ну, вышло так, совпало! Откуда я мог знать, что Кир выкинет такой фортель? Конечно, была бы эта заначка, сейчас не было бы проблем...

— Я не об этом, — тихо ответила Марина.

— А о чем? — недоуменно повернул к ней голову я.

— Я о том, Арсений Костренёв, — горько продолжила Марина, — что если бы эти два события — залог за Самойлыча и выкуп за сына, совпали бы по времени, и заначки хватало бы только на что-то одно, кого бы ты спас, а?

Я посмотрел на профиль жены с горестно поджатыми губами, внезапно понимая, что честно ответить самому себе, как я повел бы себя в такой ситуации, я не знал, и только

тяжело вздохнул.

— Это заначка не моя, а конторы, — как можно мягче попытался объяснить жене я. — Соответственно, и расходоваться она должна на конторские нужды.

— Беллетристика, — поморщилась Марина. — Контора принадлежит тебе. Значит, и деньги твои.

— Не так, — нахмурился я. — Не совсем так. Да, я могу в любой момент, ни пред кем не отчитываясь, изъять эти деньги. Но у них статус другой, как ты не понимаешь?

— Какая разница, какой у них статус? — возразила Марина. — Деньги есть деньги, и они твои. И ты только что сказал, что случись выбирать, ты спас бы не собственного сына, а чужого человека.

— Марина, ты передергиваешь! — повысил голос я. — Я этого не говорил! И Питкес — не чужой человек!

— Он — не член семьи, — упрямо возразила Марина. — Он — не твой единственный сын! Ты вообще разницу улавливаешь?

Я открыл рот, чтобы что-нибудь резко и зло возразить, но так и не нашелся.

— Я всегда подозревала, что ты как-то странно относишься к нам с Киrom, — всхлипнула Марина. — Словно мы чужие.

— Марина! — вскричал я. — Ну, что ты валишь все в одну корзину? Да, я критически отношусь к нашему сыну, потому что он, несмотря на все наши и мои усилия, вырос раздолбаем и мудаком! Но, между прочим, я еду сейчас вместе с тобой спасать его из ситуации, в которую он себя загнал! Сам загнал! Хотя, может быть, с воспитательной точки зрения было бы полезно, чтобы он годик-другой посидел на нарах.

— Господи, что ты такое говоришь? — сдавленно зашептала, снова заливаясь слезами, Марина. — Как можно такое собственному сыну желать?!

Я взорвался.

— Да потому, что он вырос неизвестно кем! И неизвестно, в кого он вырастет дальше! Я даже не говорю о том, что он наркоман — он наглый, самоуверенный, никчемный болван, раздолбай и фанфарон! Если бы он не был моим сыном, я не общался бы с таким человеком ни секунды моего времени! Я бы руки ему не подал! Его нужно был отправить в армию, возможно, там бы его пообтесали. Но ты легла поперек рельсов, и вот результат! Переть наркотики через границу — что у человека должно быть в голове, чтобы задумать такое?! Я понимаю тех, кто работает «лошадкой» за деньги — это риск, но он хорошо оплачивается! Но решиться на такое просто так?! Это выше всяких представлений о человеческом дебилизме! И ты посмотри на кривую его поступков! Она экспоненциально приближается к некоему пределу, к планке, за которой пустота! Если мы его вытащим сейчас, что он вытворит дальше? Может, лучше ему посидеть, чем следующий раз он сунет пальцы в розетку, наивно полагая, что не звезданет, или, чтобы доказать свою крутость, прыгнет с балкона? А если уж разбираться, кто виноват в том, что из него выросло такое чудище лесное, то я бы на твоём месте очень пристально посмотрел на себя, потому что лично я ничему такому его точно не учил!

Мой фонтан иссяк, и я скосил глаза на Марину — кусая костяшки пальцев, она с ужасом смотрела на меня.

— Как же ты ненавидишь нас! — прошептала она. — Ты не просто не любишь, ты ненавидишь нас!

— Господи, Марина, не говори глупостей! — снова воскликнул я. — Тебя я люблю, ты и

мама — самые родные мне на свете люди!

— Мама — может быть, но не я, — покачала головой Марина. — И запомни, я и Кир — это одно целое, он мой ребенок, и разделить нас тебе не удастся. Я выносила его, я его рожала, и мне плевать на то, что он не отвечает твоим представлениям о том, каким должен быть твой сын. Либо ты любишь нас обоих, либо обоих ненавидишь. Подумай об этом, пока не поздно остановить машину. Но я в любом случае поеду дальше, с тобой или без тебя.

Я повернул голову, и долго смотрел на жену. Она уже не плакала, ее профиль с поджатой губой был само упрямство, глаза уверенно смотрели вперед. Я подумал, что зря затеял этот разговор: я и так знал, что не являюсь для своей жены главным мужчиной в жизни, но одно дело — знать, другое — услышать это. В сердце что-то кольнуло — обида? Досада? Ревность? «Мерцательная аритмия», — успокоил себя я, вздохнул и перевел взгляд на дорогу.

Но страсти улеглись, атмосфера в салоне остыла, и мысли снова вернулись в русло главного вопроса: где взять денег? Был уже пятый час вечера, времени для того, чтобы кто-то мог перевести деньги на мою карту, оставалось все меньше. Решили, что будем разговаривать с неведомым нам Николаем Николаевичем, предлагать то, что есть (двадцать пять тысяч долларов — очень немалые деньги, тем более для Украины!), и оставлять в залог машину, или, может быть, отдавать Субару совсем. Схема была кривовата, никакой уверенности в том, что хохлятские менты согласятся на нее, не было, но ничего другого не оставалось. Мы молча неслись вперед, я не отрывал глаз от стелящегося под колеса асфальта, Марина с закрытыми глазами беззвучно шевелила губами — похоже, молилась. Примерно в четверть шестого ввиду населенного пункта Медвежка, что на границе Тульской и Орловской областей, зазвонил Маринин телефон.

— Марина Владимировна! — зазвенел из динамика голос супружниной ассистентки по галерее Ксении. — Константин Аркадьевич хочет переговорить с вами. Я передам ему трубочку?

— Как Константин Аркадьевич? — подскочила в кресле Марина. — Я ведь просила позвонить ему, извиниться и перенести встречу по Ларионову на следующую неделю! Вы что, не позвонили?

— Я все сделала, Марина Владимировна! — зачастила Ксения. — Константин Аркадьевич сам пришел час назад, все смотрел на нашего Ларионова, потом поинтересовался, что за проблемы заставили вас перенести встречу. Я сказала, что не знаю, и тогда он попросил соединить его с вами. Я у вас в кабинете, он ждет в зале, я могу отнести ему трубку.

Марина посмотрела на меня, в ее глазах была паника.

— Что за хрен? — одними губами спросил я.

— Коллекционер один, — так же еле слышно ответила Марина, — Очень богатый, хочет купить у нас раннего Ларионова за полмиллиона евро.

— Марина Владимировна? — с тревогой голосе вновь зазвучала Ксения.

— Да, да, Ксения, я здесь! — откликнулась Марина. — Дайте трубку Константину Аркадьевичу.

Боковым зрением я уловил, как Марина неуловимым, кажется, даже для нее самой жестом поправила волосы на виске, словно собиралась общаться с коллекционером не по телефону, а живую.

— Марина? — зазвучал в салоне приятный, хорошо поставленный баритон. —

Здравствуй! Очень жаль, что обстоятельства заставили вас отменить встречу. Честно говоря, я рассчитывал уже сегодня достичь договоренности по нашему Ларионову. Не терпится, знаете ли, назвать его моим, увидеть на стене у себя дома. Я уже и транспортировку на завтра заказал... Но, как я понимаю, у вас были более чем веские причины. Когда же теперь возможна наша встреча?

«Пятьдесят пять — шестьдесят, хорошо образован, очень, очень уверен в себе», — возник в моей голове образ Марининового собеседника.

— Я приношу свои извинения, Константин Аркадьевич, — явно очень волнуясь, начала отвечать Марина. — У меня на самом деле возникла срочная и более чем веская причина, не позволившая нам с вами уже сегодня договориться по Ларионову. И более того, я не могу сказать, когда обстоятельства позволят нам встретиться.

— Господи, что же случилось-то у вас? — перебил ее коллекционер, и в его голосе я услышал неподдельное волнение. — Я заинтригован совершеннейшим образом!

«Гуманитарий, — мелькнуло в голове. — Журналист или литературовед по образованию. Может быть, юрист».

— Сын попал в беду, — вздохнув, коротко пояснила Марина. — Да еще на территории другого государства. Нужно срочно решать вопрос, я сейчас в дороге. Все случилось настолько неожиданно, настолько срочно, что я даже не смогла позвонить вам лично, что, безусловно, сделала бы в любом другом случае.

В динамике замолчали.

— Могу я предложить вам какую-либо помощь? — произнес, наконец, Маринин собеседник.

Марина повернула голову ко мне, и ее молчаливый вопрос был понятен, как будто был задан вслух. Я коротко кивнул.

— Если честно, Константин Аркадьевич, да, можете, — решительно произнесла она. — Для радикального решения вопроса мне не хватает сорока тысяч долларов, и до десяти часов утра завтрашнего дня, когда эти деньги нужны, взять их мне негде.

— Я сочту за честь предложить вам эту скромную финансовую помощь, — почти перебил Марину коллекционер. — Наши беседы о Ларионове, о русском авангарде были незабываемы. Ваши познания в предмете и ваше понимание искусства далеко выходят за рамки скромной московской галереи, а ваш шарм и ваше обаяние непередаваемы. Но каким образом лучше передать вам эти средства?

— Их надо перевести на карту, — спокойным тоном ответила Марина, но костяшки ее крепко сжатых пальцев побелели. — Я могу продиктовать номер. Но при всей моей признательности позвольте спросить, Константин Аркадьевич, на каких условиях я их получаю?

— Да на каких хотите! — воскликнул коллекционер. — Отдадите, когда и как вам будет удобно. Или можете считать их первым взносом за Ларионова. Ведь несмотря на то, что наша встреча не состоялась, я верно полагаю, что мы достигли соглашения по продаже?

— Безусловно, — вздохнув, ответила Марина. — Хотя, вы же понимаете, что окончательное решение остается за владельцами галереи.

— Я понимаю это, — согласился коллекционер. — Как и то, что ваши наниматели ничего не понимают в европейском искусстве и еще меньше — в цене на него. Это тот самый случай, когда их окончательное решение совершенно невозможно без вашей рекомендации. Я правильно осведомлен о принципах построения иерархии в вашей

компании, Марина Владимировна?

— Абсолютно правильно, — ответила Марина, и я услышал нотки гордости в ее голосе. — Разумеется, я сообщу в Гонконг свое заключение по цене на картину, если я верно поняла суть вашего вопроса.

— Совершенно верно, — елеиным тоном отозвался Константин Аркадьевич. — Номер карты удобнее переслать эсэмэской.

— Да, конечно, я немедленно перешлю, — сказала Марина. — Огромное спасибо, Константин Аркадьевич!

— Не стоит благодарности, Марина Владимировна! — расцвел голос коллекционера. — Это я должен вас благодарить. С нетерпением жду нашей встречи.

— Да, конечно, — ответила Марина. — До свидания, Константин Аркадьевич!

— До свидания, Марина Владимировна!

Марина отключила телефон и замерла, глядя в одну точку где-то на горизонте. Было видно, как нелегко ей дался разговор, но на ее губах играла улыбка победительницы.

— Что это было? — усмехнувшись, спросил я.

— Что ты имеешь в виду? — нахмурилась Марина. — По-моему, все ясно: я только что нашла деньги. Давай кредитку.

— Да, это я понял, это ты молодец, — отозвался я, протягивая жене свою «Визу». — Кстати, во сколько это сейчас обошлось твоим работодателям?

— Было так заметно? — вскинула на меня глаза Марина. — Думаю, в результате я уломала бы его тысяч на пятьсот тридцать, он же категорически хотел уложиться в полмиллиона. Ерундовая потеря, учитывая, что этого Ларионова четыре года назад я купила для них за двести.

— Ты ему сейчас согласовала его цену, верно? — не унимался я. — Так о какой встрече он говорил? Он сказал: «С нетерпением жду нашей встречи», и ты ответила: «Да, конечно».

— Ха, Костренёв, да ты никак ревнуешь меня? — воскликнула Марина. — Да, я согласовала ему цену, но бумаги-то подписывать все равно надо встречаться!

— Ну, да, ну, да, — согласился я, искоса поглядывая на сияющую Марину.

Но на самом деле простое, вроде бы, объяснение моего скепсиса по поводу некоторых нюансов разговора, невольным свидетелем которого я только что стал, не убавило. Для подписания люди на таком уровне не встречаются, а передают бумаги друг другу курьером. И мне с очевидностью того, что дважды два — четыре было ясно, что неведомы мне Константин Аркадьевич питает к моей жене чувства, не укладывающиеся исключительно в сферу их делового и профессионального интереса друг к другу. Эти: «Ваш шарм и ваше обаяние», «отдадите когда и как вам будет удобно» и, наконец: «С нетерпением жду встречи» рисовало моему воображению едва ли не только что состоявшуюся договоренность о любовном свидании. В любом случае я был абсолютно уверен, что до мозга костей прагматичный, как все богатые люди, Константин Аркадьевич никому не даст просто так займы на неопределенный срок и без процентов сорок тысяч долларов. И то, что он их дал — легко, не задумываясь, на мой взгляд с вероятностью, близкой к ста процентам, говорило о том, что моя жена интересовала его далеко не только как собеседник по теме русского авангарда. И что-то подсказывало мне, что Марине это известно и нравится, хорошо, если только из органически присущего любой женщине кокетства. В эту секунду пикнуло входящее сообщение на моем айфоне. Банк сообщал, что на мой кард-счет зачислено сорок тысяч долларов США. Все мое желание поревновать Марину тут же разбилось в прах о глыбу

этого события. Я показал ей сообщение (она сделала кулачком «йес-с-с!») и чмокнул в щеку. Ее лицо светилось счастьем.

В шесть вечера въехали в Воронежскую область, в девять — в Курскую. В четверть десятого, когда уже начинало темнеть, снова зазвонил мой айфон. Номер был незнакомый.

— Арсений Андреевич? — спросил молодой мужской голос. — Это старший лейтенант Лазарев Сергей Станиславович из уголовного розыска Московской области вас беспокоит. Я веду дело об убийстве гражданина Эскерова Аббаса Мерашевича, 1966 года рождения. Есть у вас пара минут со мной переговорить?

«Как, убийство Аббаса? — подпрыгнула в кресле Марина, вытаращив на меня глаза-плошки. — Абика убили?» «Как убийство? — синхронно подумал я. — Все-таки смерть от несчастного случая переqualificировали в убийство?»

— Да, конечно, — ответил я, стараясь не вибрировать связками, хотя внутри меня все противно задрожало. — Слушаю.

— Скажите, а как давно вы встречались с гражданином Эскеровым? — спросил следователь.

— Ох-х, я даже и не вспомню точно, — нахмурился я, перебирая в голове даты. — Давно, очень давно, несколько лет назад.

— То есть на прошлой неделе вы с покойным не встречались? — уточнил старлей.

— Нет, откуда? — удивился вопросу я. — Я же сказал, мы не виделись несколько лет, сколько точно, надо вспоминать.

— Понятно, — резюмировал Лазарев. — А как вы узнали о его смерти?

Я задумался. Не над тем, как я узнал о смерти Аббаса, а о том, что отвечать. Потому что внезапно у меня возникло ощущение, что вокруг моего горла затягивается удавка, шелковая, мягкая, но от того не менее смертоносная. Да еще и громкая связь включена, черт бы ее драл!

— А я о его смерти должен знать? — переспросил я.

— Ну, вы как-то не удивились этому известию, — хмыкнул старлей.

— А должен удивиться? — хмыкнул я. — Ну, убили, и убили, я-то тут при чем? Каждый день кого-то убивают.

— Так вы знали о смерти Эскерова, или нет? — продолжал давить дотошный старлей.

Черт, надо отвечать, наверняка Ива обо всем им рассказала.

— Да, знал, — ответил я.

— А от кого, позвольте спросить? — тут же вставил следующий вопрос следователь.

— От Эскеровой Ивы Генриховны, жены Аббаса, — вздохнув, раскололся-таки я. — Она позвонила мне несколько дней назад и сообщила, что ее муж погиб в автомобильной катастрофе.

Марина снова подскочила в кресле, и ее глаза-плошки на сей раз выражали совсем другие чувства.

— Кстати, она сказала, что тело ее мужа полностью сторело, — скорее в попытке отвлечь внимание Марины от факта своего общения с Ивой, чем на самом деле интересуясь подробностями, продолжил я. — То есть, я так понимаю, что пока даже стопроцентной уверенности в личности погибшего быть не может, а вы уже его убийство как факт изложили. Что-то не сходится, а?

— Да нет, у нас все сходится, — снисходительно усмехнулся Лазарев. — Опознания трупа матерью на данном этапе нам достаточно, а результат генетической экспертизы будут

со дня на день. Думаю, он будет положительным. И для предположения, что имело место убийство, у нас достаточно оснований, будьте уверены. Кстати, а в каких вы отношениях с Ивой Эскеровой?

— Да ни в каких! — взорвался я, отвечая скорее на непрекращающийся немой вопрос Марины, чем на явный — следака. — Почему мы должны быть в каких-то отношениях? Когда-то мы общались, давно уже не общаемся совсем. Должно быть, у нее остался мой номер телефона, и она оповестила меня о гибели мужа, как и всех, кто его когда-то знал. А я знал его многие годы, мы работали вместе. Но это давно в прошлом, последнее время мы были с покойным, я бы сказал, в натянутых отношениях.

— Это из-за его жены, Ивы Эскеровой? — продолжал гнуть свою линию следак.

Лицо Марины стало походить на стену, выкрашенную серой краской.

— Слушайте, лейтенант! — повысил голос я. — Что-то у нас разговора не получается. Я вам одно, вы мне другое. Я вам говорю: «белое», вы мне: «а может, все-таки черное?» Это называется нерелевантное общение. Предлагаю на сегодня закончить и продолжить, если вы будете настаивать, в другое время и в другом месте.

— Да, хорошо, — быстро согласился старлей. — Как насчет, чтобы завтра у нас? Попробуем добиться релевантности в общении. Мы сидим у Курского вокзала, Дурасовский переулок, 11. Часиков в десять вас устроит?

— Нет, не устроит, — смачно укоротил я разогнавшегося следака, искренне жалея, что он не видит издевки на моем лице. — Я в отъезде, и через пару часов пересеку границу Российской Федерации. Так что давайте по закону, повесткой по месту жительства. Адрес запишете?

— У меня есть, — коротко отозвался старлей. — До свидания, Арсений Андреевич.

Я всей пятерней ударил по кнопке «отбой» на спице руля, да так, что зацепил сигнал, и Субару рассерженно загудел.

— Что это было? — с усмешкой передразнила меня Марина.

— Не начинай! — поморщился я. — Ты все слышала. По-твоему, она не должна была сообщить мне, что Аббас погиб?

Марина не ответила. Я тоже замолчал, вспоминая подробности последнего моего разговора с пьяной вдрызг Ивой. А если она всеми тогдашними своими умозаключениями по поводу моего проживания на даче после возвращения из Турции, знания мною намерений Аббаса ехать в Эльбурган и близости моей дачи к месту его гибели поделилась с ментами? Или сами они нарыли все это? Как и факт моей поездки в Турцию в то же время и в тот же отель, что и Ива Эскерова? Картинка из этого складывалась определенно небезынтересная, вполне объясняющая вопросы, которые мне сейчас задавал это наглый старлей. Мама дорогая, только этого мне и не хватало!

— Ты и на похоронах был? — неожиданно спросила Марина. — Виделся с нею?

— Не было еще похорон, — отмахнулся я. — Ты же слышала: труп полностью сгорел, генетическая экспертиза и прочее.

— А ты откуда знаешь? — тихо подловила меня жена. — То есть, ты с ней общаешься?

— Марина-а! — закричал я. — Прекрати! У нас проблем мало? Думай о завтрашнем дне и дай мне подумать об этом деле! Ты что, не поняла, что они это убийство как-то со мной связывают? А по поводу похорон мне Софа, Абикова мать звонила. Ты удовлетворена?

— Да, — сдавленно ответила, вся прижавшись от моего рыка к двери, Марина. — Извини.

Поразмыслив недолго над звонком следователя, я набрал Вецкого. Я знал, что адвокат не любит, когда его беспокоят поздними вечерами, и иногда просто не берет трубку, но на мой звонок он откликнулся сразу. Я объяснил ему суть вопроса, что надо мною (теперь надо мною лично!) повис еще один дамоклов меч, и попросил его по возможности подключиться и к этому делу тоже. Стряпчий, как обычно, внимательно и не перебивая, выслушал меня, посетовал на две ошибки, которые я допустил в разговоре со следователем (не надо было говорить о натянутости отношений с покойным и о том, что я выезжаю из страны), и сказал:

— Конечно, Арсений Андреевич, я подключусь. То есть вы хотите, чтобы я завтра связался с этим старшим лейтенантом Лазаревым и выяснил, что они, упаси Бог, на вас имеют и что, соответственно, от вас хотят, так? Ну, хорошо. Доверенность от вас у меня есть, так что общаться со мной они будут обязаны. И я сразу позвоню. Тогда все?

И мы распрощались. Марину сморило, и она спала, свернувшись калачиком и крепко вцепившись в ремень безопасности. Я несся вперед, то и дело обгоняя идущие впереди машины. За окном была темнота, и только красная подсветка приборной панели отбрасывала по салону резкие, причудливые тени. Я вспомнил, как в детстве, когда я не мог заснуть, я представлял себя капитаном межзвездного суперкорабля «Радуга», могущего в одно мгновение попасть в любую точку пространства и настолько мощно вооруженного, что мог уничтожить, аннигилировать не только любую планету, но и средних размеров звезду. На этом корабле я бороздил межгалактическое пространство, сражаясь с вселенским злом, изредка возвращаясь на родную Землю. Все это было навеяно книгами Ивана Ефремова «Туманность Андромеды» и «Час Быка», которыми я тогда зачитывался. Вот и сейчас я — капитан Рад Шторм (почти Дар Ветер, верно?), сидя в тесном кокпите «Радуги», несся вперед с гиперсветовой скоростью, готовясь нырнуть в нейтринную воронку, чтобы вынырнуть из нее на другом краю Вселенной, у Врат Зла. Я улыбнулся детским воспоминаниям, из глаза выкатилась ностальгическая слеза. Марина проснулась, прищурившись, посмотрела на часы, потом на меня:

— Где мы уже?

— Подъезжаем к границе, — ответил я. — Еще километров двадцать.

На таможенно-пропускном пункте «Нехотеевка-Гоптовка» (по-украински «Гоптівка») мы были за полчаса до полуночи. Говорят, сейчас, когда отношения между Россией и Украиной больше напоминают войну, чем мир, этот пограничный переход можно пересечь за полчаса; по крайней мере веб-камеры показывают совершенно свободную дорогу и с нашей, и с их стороны. Но в описываемое время хвост машин, чтобы только въехать на территорию таможни, растягивался на несколько километров. Я помолился и рванул по встречке, срезав километра два и занырнув в свой ряд только там, где начиналось ограждение, дисциплинирующее водителей строго в один ряд. Мое нахальство, безусловно, сэкономило нам массу времени, но все равно на прохождение обеих таможен ушло какое-то невообразимое количество времени. Мы постарались потратить его с максимальной пользой, заказав себе номер в лучшей гостинице (лучшей — как как нам показалось — из числа тех, до которых нам удалось в этот ночной час дозвониться), и детально изучив по карте Мариуполя маршрут отель — банк — ментовка.

Когда мы выехали с таможни на украинской стороне, было уже пять утра. От желания спать меня штормило, и Марина села за руль. Я мгновенно вырубился, просыпаясь только под очень уж тряские ямы и еще более редкие подсказки навигатора, да один раз, когда жену

поймали за превышение скорости местные ДАИшники. Но триста пятьдесят километров по территории Харьковской и Донецкой областей она умудрилась пролететь за четыре часа, и в девять ноль две мы были у Линейного отдела железнодорожной станции Мариуполь на площади мичмана Павлова.

О том, что мы подъезжаем, Марина заблаговременно позвонила Кириллу, и отпрыск уже ждал нас, прислонившись к росшему у обочины дороги толстеному платану. Увидев «Субару», он вскинул вверх руку и лениво отделился от пятнистого ствола. На нем были стильные джинсовые бермуды, цвета красного грейпфрута тенниска Lacoste, очки Ray Ban и белые кеды. Он имел вид жуира и ловеласа, тормозящего такси где-нибудь на Сансет или Оушен Драйв, а никак не наркокурьера-арестанта накануне посадки. Я опустил стекло.

— Привет! — с интонациями, не менее беззаботными, чем его внешний вид, поприветствовал он нас. — Как добрались?

При ближнем рассмотрении на лице отпрыска обнаружилась трехдневная небритость, а салон машины заполнил характерный «выхлоп» на стадии преобразования «свежака» в «перегар». К тому моменту за рулем снова был я, и только это спасло Кира от того, чтобы я тут же не врезал ему по морде, — Марина угадал мои намерения и, наклонившись, перекрыла мне траекторию удара.

— Господи, почему от тебя так пахнет! — воскликнула она, тонко определив самый уместный, по ее мнению, в этой ситуации вопрос. — Ты что, пил?

— Ага! — ухмыльнулся Кир. — Менты всю ночь поили водкой и жизни учили.

— Научили? — не удержался от сарказма я.

— Частично, — в тон мне отозвался Кир. — По крайней мере теперь я точно знаю, как не попасть в такую ситуацию.

— А мы знаем, за что деньги отдаем, — зло продолжил интермедию я. — За то, что они выполнили недоделанную нами работу по твоему воспитанию. Такое дорогого стоит, не жалко. Кстати: «не попасть в ситуацию» — это означает не возить больше наркотики, или знать, как их спрятать, чтобы не нашли?

Марина повернула ко мне голову с огромными глазами и, безмолвно артикулируя, донесла до меня что-то вроде: «Ну, отец, хватит, что ли!» Я махнул рукой и отвернулся.

— Ну, что дальше? — спросила Марина.

— Так, а что дальше? — переспросил Кир, для которого дальнейшее развитие ситуации явно представлялось несколько туманным. — Вы деньги привезли?

— Да, но у нас все на карте, нам в банк нужно! — привзвизгнула Марина. — Как бы мы поперли наличку через границу? А время-то уже сколько? Мы к десяти никак не успеем!

— Определенно, — уверенно ответил Кир, глядя на часы. — Ладно, я сейчас спрошу.

Он отошел от машины и проскользнул в открытую калитку в голубых металлических воротах в глубине улице, откуда с самого начала за нами внимательно наблюдал, для вида индифферентно покуривая сигарету, какой-то поц в темных, не по погоде брюках и рубашке с коротким рукавом — совершенно типажный мент. Кирилл подошел к поцу и что-то спросил, кивая головой в нашу сторону. Поц зыркнул на нас глазами, поспешно отвернулся, и что-то ответил. Лицо Кира осветилось радостью, словно он неожиданно познал абсолютную истину Бхагават-Гиты, и он снова бросился к нам.

— Это кто, Николай Николаевич? — хмуро спросил я.

— Да нет, ты что?! — махнул рукой Кир. — Николай Николаевич — начальник, а это Слава — так, оперок, шестерка. Он брал меня в поезде, ему велено за мной присматривать.

— А, — ответил я, проникаясь к Славе еще большей неприязнью. — И шо вин кажэ?

— Он говорит, все нормально, езжайте в банк, — выпалил Кир, выдохнув в салон очередную волну перегара. — Они убедились, что вы приехали, они подождут, но только до одиннадцати. Им сводку подавать, они хотят до одиннадцати увидеть деньги.

— Черт! — выругался я. — Какого ж хрена мы тут время теряем!

Я с проворотом колес дал с места, безжалостно обдав щеголя с ног до головы жаркой августовской пылью. В банке мы были через десять минут. Там все прошло без эксцессов, если не считать того, что в связи с тем, что местный банк не был корреспондентом моего, комиссия за снятие наличных с карты оказалась аж три процента. И хотя в Москве по телефону банковская девочка меня уверяла, что комиссия составит всего один процент, спорить было не о чем, а возмущаться некогда, потому что часовая стрелка неумолимо приближалась к одиннадцати. Уповая на Господа, чтобы в этот утренний час в банке не случилось нехватки наличных, или какой другой эпидерсии, мы не дыша наблюдали через стекло за действиями операционистки, и выдохнули только, когда пересчитав на машинке все пятьсот тысяч гривен, она упаковала их в подаренный нам по такому случаю брезентовый мешок и передала мне в руки.

— Все? — на всякий случай спросил я.

— Та, усе! — с мягким малоросским выговорком ответила операционистка, вдобавок к сумке подарив нам очаровательную белозубую улыбку.

Не чуя ног, мы бросились к машине, потому что было без двенадцати минут одиннадцать. Назад к площади мичмана Павлова я несся, не разбирая светофоров, и если бы меня вздумал бы сейчас остановить какой-нибудь бдительный местный ДАИшник, шансы у него на это были бы нулевые. Когда, вздымая клубы пыли, «Субару» остановился у приметного платана, на моих часах было без трех минут. Кир и Слава на пару курили у калиточки и оба очевидно нервничали. Я снова опустил стекло, и Марина подняла с пола на обозрение мешок с деньгами. Кир облегченно затаился, а мент, напротив, выбросил сигарету и поспешил вовнутрь — докладывать. Через пару минут он снова вышел и что-то сказал Киру, который сразу же двинулся к нам.

— Они говорят, что надо поехать с ними на машине, — почему-то шепотом проговорил он в открытое стекло. — И чтобы ехала мама.

Мне эта идея не понравилась, я принял бы бурно возражать, но Марина не стала меня слушать.

— Я поеду, — сказала она тоном, не терпящим возражений. — Думаю, они сами боятся, поэтому и хотят иметь дело со мной. Возражать им сейчас — не самый лучший путь, еще сорвется все в последний момент. Ты же не думаешь на самом деле, что мне что-то будет угрожать?

Я так не думал, да и возражать было бессмысленно. Марина вышла из машины, крепко прижимая к себе мешок с деньгами, Кир сразу же шмыгнул на ее место. Почти сразу же сзади ко мне прижалась белая вазовская «пятерка», к ней двинулся Слава, открыл заднюю дверь и жестом показал Марине садиться. Марина кинула на меня быстрый взгляд, и решительно двинулась к «пятерке». Слава сел в салон вслед за нею, и закрыл за собой дверь. Но машина не спешила уезжать, явно кого-то дожидаясь. Через пять минут из калиточки показался респектабельный дядечка лет сорока, в пиджаке, хорошо постриженный и с усами. Щурясь на ярком солнце, он осмотрел площадь, зацепился взглядом за «Субару», потом застегнул пиджак и направился к «пятерке», обошел ее с лиИвай сел на заднее сиденье, так

что Марина оказалась между ним и Славой. «Пятерка» сразу тронулась, я попытался что-нибудь рассмотреть в салоне, но стекла машины были непроницаемо-черны. Набирая ход, «пятерка» умчалась, притормозила у перекрестка, повернула налево к выезду из города и скрылась из вида.

— Пап, я туда пойду? — спросил Кир, кивая на голубые ворота. — Не спал всю ночь, вырубаюсь буквально, а мне там шконку выделили. Посплю, пока мамы нет, ладно?

Спрашивая это, он почему-то поглядывал на мои руки, лежащие на руле, и явно не горел желанием оставаться со мной наедине. Я подумал, что говорить с ним в таком состоянии все равно бесполезно, да и не знал я, о чем говорить. Все было настолько ясно и понятно, что обсуждать тут, на мой взгляд, было нечего. Если что-то в этом роде сотворил бы чужой человек, с которым я до того общался, то он был бы немедленно вычеркнут из всех моих возможных списков раз и навсегда. С сыном так — к счастью или несчастью — не поступишь, но говорить все равно было не о чем. Разве что на самом деле пару плюх по мордасам отвесить? Да нет, раньше надо было, не зря в Домострое учили: «Любя сына своего, увеличивай ему раны, и потом не нахвалишься им», а теперь поздно. Не глядя на отпрыска, я кивнул. Кир не без труда вылез из машины и, отчетливо пошатываясь, направился к ментовке. Я чертыхнулся: даже время ожидания решения «пан-пропал» ему будет потом вспоминаться не мучительными замирениями сердца приговоренного перед казнью, а через алкогольные пары — смутно и нестрашно.

Головой за Марину по здравому рассуждению я не переживал, но на душе все равно скребло. Хотя то, что на передачу денег должна ехать она, было определено ментами и, вроде как, являлось форс-мажором, совесть не давала покоя. Ты ведь мог возразить: «Нет, поеду я, это дело не женское!», но почему-то не возразил. Ну, да, понимал, что поездка эта, к счастью, не бросок на вражеский танк, но все равно вышло как-то кривовато. А если бы танк? Вызвался другой, и слава Богу, пронесло? Ну, да, глупо же всем помирать там, где достаточно всего одной жертвы. Но вот что, если эта необходимая жертва — твоя жена? Я помотал головой: эдак самобичевание вообще до абсурда доведет! Будет танк — будем думать. Только вот Марина никогда не тратила время на принятие решения: танк, не танк, если речь шла о близких, она бросалась навстречу опасности, не раздумывая. Скорее всего, это было у нее неосознанно, на уровне инстинктов, как у рыси, защищая детенышей, бросающейся на медведя, против которого шансов у нее нет. Пожалуй, только сейчас я вдруг с отточенной ясностью представил, что все почти четверть века нашего с Мариной супружества я жил с ней, как у Христа за пазухой, как за каменной стеной. Да, да, именно — я у нее, а не она у меня! Нет, я, конечно, обязанности добытчика и защитника выполнял тоже вполне добросовестно, достигнув, что называется, «степеней известных». Но, во-первых, на фоне достижений иных товарищей это были высоты отнюдь не Эверестовы, а, во-вторых, быть нормальным мужиком — вообще не достижение, а норма, предписанная природой. А вот Марина свои обязанности по поддержанию домашнего очага обычными женскими «родить-накормить-убраться-постирать» никогда не ограничивала. Настолько, что это ее «расширенное» толкование своей роли в семье иногда приводило нас к непониманию и даже конфликтам.

Первый раз сомнение в том, что жизнь с женщиной, которую я решил сделать своей супругой, будет безоблачной, посетило меня накануне бракосочетания, когда мы выбирали мне свадебный наряд. Да, именно мне, потому что платье Марине мы купили просто и быстро: пришли в салон, прошли по представленным моделям (это был совок, по сравнению

с сегодняшним днем выбор был более чем скромным, но все же не безальтернативным), я спросил ее, указав на одно: «Не нравится?», и она, пожав плечами, кивнула. Со мной оказалось сложнее. С костюмом проблема заключалась в том, что мне нужен был не самый маленький размер при не самом ходовом росте и, конечно же, не первая попавшаяся модель. Речь шла не о цене (денег у меня тогда было столько, что я даже стеснялся обсуждать эту тему со своей пассией, комсомолкой, не будучи уверен в правильности ее реакции), просто шла эпоха тотального дефицита. Импортные сигареты и пиво уже были не в диковинку, и даже шмотки модные попадались, но найти хороший костюм еще было большой проблемой. В конце концов мы наткнулись на потрясающий бельгийский серебристый костюм-двойку, до сих пор не расхвачанный исключительно из-за безумной цены в 190 рэ. Коршуном кинувшаяся к нему Марина увидела ценник и сникла, а я, соврав про премию, небрежно вытаскивал искомую сумму, и вопрос был исчерпан. Осталось купить обувь, и вот с этим заколдовало. По моему тогдашнему представлению о сочетаемости предметов одежды туфли к такому костюму нужны были серые, что многократно сужало и так небогатый выбор. И когда мы уже отчаялись найти что-нибудь путное, у Марины на работе кто-то принес не подошедшую пару моего размера. Сияющая, она притащила их на очередное наше свидание, посвященное предсвадебному шопингу. Я открыл коробку, и мое лицо вытянулось. Единственное, что делало пару убогих опорок в коробке похожими на туфли моей мечты, был цвет, да и тот можно было назвать серым весьма условно. Я закрыл крышку, но Марина настояла, чтобы я примерил обувку на ногу. Размер подходил, и Марина заявила, что не видит причин пару не взять и не закончить на этом порядке измотавшие всех поиски. Я заявил, что скорее пойду под венец в армейских кирзачах, чем в этом убожестве. Марина взвилась, и заявила, что моя позиция по меньшей мере неразумна, и что наше бракосочетание перестает казаться ей удачной идеей. Я, тоже распалившись, ответил, что если отказ от свадьбы — единственный вариант, при котором ЭТО не окажется на моих ногах, то он меня устраивает. В общем, поругались, не разговаривали два дня, причем Марина явно совершенно искренне не понимала, что мне нужно. Это уже потом, много времени спустя, я понял, что будучи по восточному календарю Огненной Лошадью, Марина в свойственном этому знаку неконтролируемом упрямстве иногда способна «закусить удила», и тогда с ней становится нелегко справиться. Слава Всевышнему, что Тигр (а именно к такому знаку по году рождения отношусь я) способен совладать с любой, самой пылающей лошадью, и через какое-то время Марина, кажется, это поняла. После того раза за все время мы всерьез ругались раза три-четыре, причем не из-за чего-то глобального, а из-за такой же фигни типа серых «свадьбишных» туфель. Даже единственный за время нашего супружества по-настоящему серьезный инцидент — с моим признанием в чувствах к Иве — прошел у нас без какого-либо накала, свойственного моментам, когда Марину (ну, скорее, меня и ее) переклинивало на чем-то третьестепенном.

Во всем прочем Марина была идеальной спутницей жизни, надежной, как скальное основание небоскребов Манхэттена. Когда в начале 90-х просел мой тогдашний бизнес, Марина — дипломированный искусствовед — не погнушалась грязной работы, да еще и сына рядом с собой в садик пристроила. Когда в два года Кирилл заболел какой-то нестандартной болячкой, она, еще не будучи водителем, носилась с ним по всем Московским клиникам, пока не нашла адекватного врача, поставившего Кира на ноги. Когда заболела по женской линии уже она сама, и ей понадобилась операция, она, ничего мне не говоря, легла в больницу, подгадав под мою командировку, так что к моему приезду она уже

была дома, — узнав об этом, я просто лишился дара речи от такого ненужного, глупого, но такого трогательного самопожертвования. А в дефолтном 98-м, когда практически обвалился второй в моей жизни бизнес, именно Маринины галерейные доходы позволили нам пережить трудности, не уезжая с уровнем жизни совсем уж за линию горизонта. И даже мое знакомство с Князиным, с которого начался подъем теперешнего этапа моего бизнеса, тоже было ее заслугой! Но это все из области высшей мозговой деятельности, так сказать, а об ее инстинктивной рысьей отваге говорит такой эпизод. Как-то она, уже будучи довольно уверенным водителем, забирала меня с деловой пьянки где-то далеко в области. Я дремал на переднем сиденье, и не видел, что сзади какой-то дикий драйвер моргает фарами с требованием уступить полосу. Марина, не будучи искушенной в неписанных шоферских правилах и искренне не понимая, к чему ее на практически пустой дороге призывают, требование проигнорировала. Моргавший обогнал нас справа и злобно подрезал, вынудив перепугавшуюся Марину остановиться чуть не поперек проезжей части. Визг колодок и инерция торможения, до боли натянувшая ремень безопасности, пробудили меня ото сна. Подрезавшая нас машина тоже остановилась, из нее вылезли двое представителей национальностей, отличающихся очень черной нижней частью лица, и с угрожающим видом направились к нам. Я быстро понял ситуацию: надо было бы валить, но Марина от испуга была явно не в состоянии управлять машиной. В любом случае даже для того, чтобы пересест за руль, пришлось бы выходить, и я вышел. Увидев не маленького мужчину, абреки сбавили было шаг, но гордость не позволила им отступить, и они, насупившись, двинулись на меня. Я собирался разрешить конфликт мирным путем, но тут в руке одного я заметил баллонный ключ. Мне не то что переклинило, просто я совершенно точно понял, что эту ситуацию словами решить не удастся. Поэтому, улыбаясь горцам и широко разводя руки в жесте: «Да полно вам, братаны, из-за такой ерунды понтовать!» я подпустил их поближе и резко бросил правую руку сбоку и вниз на скулу того, кто был с монтировкой. Будь я трезвый, этого хватило бы ему, чтобы минут пять покимарить на асфальте, а второй, возможно, остерегся бы лезть. Но я был сильно «выпимши» и промахнулся, удар пришелся вскользь. Второй сразу встал в стойку и начал очень высоко махать ногами в стиле бразильской капоэйры. Хорошо, что было скользко, у него поехала опорная нога, и он грохнулся оземь, но остался в сознании. Я тем временем подставил руку под удар баллонника, чуть не ослеп от боли и левой наугад ткнул нападавшему пятерней в лицо. Получилось кривенько, но эффективно: абрек выпустил монтировку, завопил и бросился, зажимая лицо, к обочине — вероятно, я попал ему пальцем в глаз. Тут поднялся капоэйрист и снова принялся махать ногами, не давая мне поднять баллонник. Неизвестно, как все это закончилось, потому что ногами тот махал лихо, да и второй, думаю, недолго был бы вне игры. И тут сзади меня взревел мотор, взвизгнули покрышки и Марина, обогнув меня практически в миллиметре, направила машину на разошедшегося адепта борьбы бразильских рабов. Если бы она врезалась в него на всем ходу, думаю, ему был бы конкретный каюк, но она — намеренно или случайно — остановилась в десяти сантиметрах от ногастого, так что машина лишь по инерции ударила его ребром капота. Но разницы в весе машины и человека хватило, чтобы последний отлетел метра на три и, проделав в воздухе дугу, снова приложился об асфальт, на сей раз неподвижно замерев бесформенной массой.

— Садись в машину! — страшно закричала мне в окошко Марина.

Я счел ее призыв вполне разумным, но прежде я дошел до вражеской машины, вынул ключи из замка и зашвырнул их далеко в кювет. Минут пятнадцать Марина гнала, двумя

руками сжимая руль, и глядя в стекло огромными глазами.

— Остановись, передохни, — сказал я ей, и она послушно съехала на обочину.

— Я убила его? — по-деловому спросила Марина.

— Да нет, что ты! — рассмеялся я. — У этих детей гор черепные коробки крепкие!

— А второй? Я не заметила, куда он делся. Ты не слишком сильно его приложил?

— Да ладно! — отозвался я. — Попал пальцем в глаз, думаю, поцарапал конъюнктиву.

Больно, но не смертельно.

— Ну, и слава Богу, — серьезно ответила жена. — Не хотелось бы из-за двух таких мерзавцев грех на душу брать. Ты зачем из машины вылез? Я только собиралась их таранить.

Я удивленно посмотрел на Марину.

— Мне показалось, что ты в шоке от испуга, хотел пересесть за руль, вышел, заметил, что у одного монтировка, ну, дальше и понеслось.

— Ни в каком я была не в шоке! — сердито ответила Марина. — Я сразу увидела железяку у одного в руке и ближе их подпускала, чтобы сшибить наверняка, а тут ты выскочил и все усложнил.

Я посмотрел на Марину, как в первый раз, не узнавая ее, и ничего не сказал. Жена завела машину, и больше до самого дома мы не проронили ни слова. В общем, всю нашу совместную жизнь с женой (с того самого момента, когда она поняла, что мое мнение по поводу цвета и фасона обуви может сильно отличаться от ее, smile) мне с женой было хорошо, то есть надежно, прочно и комфортно.

Люблю ли я ее, или, вернее: любил ли я ее хотя бы когда-нибудь? Сложный вопрос. Если ставить во главу угла максимуму, что если трахаешься на стороне, значит, не любишь, то — нет и никогда, потому что первый раз я изменил ей еще до свадьбы, а с учетом жриц древнейшей профессии количество женщин, с которыми я поправил супружеский долг, измеряется сотнями. И то, что последние двенадцать лет мое сердце было занято отнюдь не Мариной — тоже, к сожалению, факт. Но тогда что такое почти четверть века совместной счастливой жизни, если не любовь? По истечении этих лет я могу сказать, что ценю и уважаю свою жену, мы спим в одной постели и даже иногда занимаемся сексом, а то, что у меня не подпрыгивает, как у тинэйджера, при виде ее наготы, ни о чем не говорит. Не без основания полагаю, что организм любого (ну, или почти любого) самца детородного возраста реагирует соответствующим образом при виде любой молодой красивой (по его мнению) самки, и я — не исключение. Но на меня подобного рода мотивация действует ровно до того момента, когда перестает подпирать гормональный фон — надеюсь, вы меня понимаете. Я бы в гробу видал просыпаться с ней в одной постели, завтракать за одним столом, о чем-то говорить вечерами — думаю, было бы просто не о чем. А еще мне не хотелось бы чистить ей сапоги, массировать ей спину или прижигать йодом прыщик на самом интересном месте, — более того, мне это было бы неприятно. А вот Марине я все это делаю с удовольствием, и не уверен, что с таким же удовольствием делал бы эти вещи для Ивы. Так кого я люблю? А-а, вы говорите, что это привычка? То есть я привык, просыпаясь и видя рядом мирно посапывающую жену, проникаться к ней такой нежностью, что на глаза наворачиваются слезы? А, это так, сантименты к самому себе, что вот я какой хороший и порядочный, исполняю свой долг по отношению к женщине, которую не люблю? Да как же вы можете разобраться в том, где любовь, а где нет?! Есть люди с абсолютным слухом, или с обостренным видением красок, но людей, абсолютно различающих чувства, нет и быть не может! Почему? Потому что это МОИ чувства и эмоции, и если уж я сам не могу в них

разобраться, то уж кому-то другому это и подавно не дано с гандикапом в миллион очков. Если этот кто-то не господь Бог, конечно, но Всевышнему, к счастью, не до таких мелочей.

Любит ли жена меня? Или, вернее, так: всегда ли она меня любила и любит ли сейчас? Этот вопрос элементарен и сложен одновременно. С той же самой «абсолютной» точки зрения — конечно, да: она не только никогда и ни с кем мне не изменяла, но и нашла в себе силы простить мне тот эпизод с Ивой, — что могло быть катализатором такой «реакции прощения», если не любовь? То, что она любила меня до истории с Ивой, вообще не вызывает ни малейшего сомнения, это — данность. Как и то, что после все стало не так однозначно. Да, Марина простила, но не забыла, тот эпизод нет-нет, да и всплывал в нашем общении. Разумеется, не серьезно, в виде шуточного намека, подначки, но мне всегда ясно было, что в этом вопросе Марина четко блюдет ту, вторую, гораздо реже упоминаемую часть поговорки про «кто старое помянет...» Могу точно сказать, что когда-то она просто не смогла бы не знать доподлинно, где я и что со мной, как несколько дней назад, и не сходить с ума, найти в себе силы столько времени не звонить.

Вторым камнем преткновения, безусловно, не усилившим Маринины ко мне чувства, был Кирилл. Образец женской преданности венчаному мужу, суженому, жены декабристов, пойдя за супругами в Нерчинскую каторгу, потеряли не только титулы и богатство. Вместе со всей прежней жизнью они потеряли и детей, ведь взять их с собою в Сибирь им не было дозволено. Не это ли — истинная любовь женщины к мужу, мужчине своему, любовь без оглядки, без завета, без оговорок? Любила ли когда-нибудь и — паче чаяния — любит ли до сих пор меня моя жена с точки зрения столь высокой планки? Не знаю, не уверен. Наши внутрисемейные отношения с сыном были очень сложными. Марина внешне правильно и бурно реагировала на все его фокусы, но они ни на йоту не меняли ее по-матерински всепрощающего отношения к нему. Я же с того момента, как стало ясно, что Кириллова манера выкидывать фортели — это устойчивая и восходящая тенденция, моя отцовская любовь к сыну пошла по нисходящей. Марина это знала, видела, понимала, что ничего с этим поделаться не может, и страдала. И чью сторону она заняла бы, если бы пришлось, как декабристским женам, выбирать, я не знаю. Но не жестоко ли требовать от женщины, совмещающей звания жены и матери, выбора между предметами своей любви? Думаю, жестоко, да и нужды такой, слава Богу, нет. Да и вправде был бы я, требуя такого от женщины, чье отношение к себе самому, кроме как безупречным, назвать нельзя? Особенно учитывая свой собственный «послужной список»? Думаю, тоже — нет. В общем, любит, не любит, — сложно это все, неоднозначно, а кто в этом точно разобрался, и все в деталях про это знает — извольте катиться к чертовой матери!

Знакомая «пятерка» показалась в моем зеркале заднего вида в ту самую секунду, когда я начал не на шутку волноваться долгим, больше полутора часов, ее отсутствием. Я напрягся, но сразу облегченно вздохнул, потому что из машины выпорхнула Марина, приветливо, как старой подруге, помахала кому-то в салоне, и чуть не бегом направилась к «Субару». Я предупредительно открыл ей дверь, и Марина с размаху плюхнулась на сиденье, ее лицо светилось счастьем.

— Все, сделка заключена! — воскликнула она. — Они взяли деньги, при мне порвали протоколы с Кировой подписью, и Николай Николаевич позвонил, чтобы составляли новые, по другой статье.

— Что значит новые? — нахмурился я. — Я так себе понимал, что протоколы должны были порвать и все, файл клоусд. Разве не так?

— Немножечко не так, — сделала нырок головой Марина, видимо, показывая, какой сложный путь предстоит делу, прежде чем быть окончательно закрытым. — Поехали в гостиницу, я по дороге все расскажу.

— А Кир? Он что, не с нами? — встревожился я. — Так они его отпустили, или нет?

— Отпустили, успокойся, — махнула рукой Марина. — Ему сейчас оформляют подписку о невыезде, потом он встречает Лизу поездом из Казантипа, и они оба приедут в гостиницу. Поехали.

По дороге Марина, нервно смеясь, рассказала, как менты, видимо, опасаясь подставы с микрофоном, перетрясли в машине ее сумочку, вынули аккумулятор из мобильного, и потом повезли куда-то за город. На прямом, хорошо просматриваемом участке дороги у километрового столба «пятерка» притормозила, и сидевший с краю мент выбросил мешок с деньгами в заросший кустами кювет. Сразу же поехали дальше, и через четверть часа привезли Марину к местной достопримечательности времен палеолита под названием Каменные могилы. Младший состав остался в машине, а Николай Николаевич полчаса водил Марину по заповеднику, показывал ей древние каменные глыбы, рассказывал о своем тернистом жизненном пути, давал ценные советы по воспитанию трудной современной молодежи, все это время будучи явно нервно-напряженным. Потом ему позвонили, он сразу оттаял, заулыбался, свернул экскурсию и Марину повезли назад.

— Ждал, пока подельники, которые приняли в кювете мешок с деньгами, считали и проверяли наличку, — прокомментировал я. — Профессионально шифруются, гады!

Николай Николаевич с Мариной был уже как старый друг, и в деталях рассказал, как теперь будут развиваться события. Просто порвать протоколы не получится, потому что сам факт задержания пассажира с наркотиками был «засвечен» еще вчера. Но раньше Киру «светила» 307-я статья местного У-Ка за приобретение и перевозку наркоты с целью сбыта (от трех до восьми, а с учетом количества изъятого — и до десяти), то теперь обвинение переписут на 309-ю, «без цели сбыта», и не будут упоминать в протоколе ампулы с «метом» — это «всего» до трех лет, а по сложившейся судебной практике — полтора-два года условно. Из-по стражи его выпускают под «подписку», максимум через неделю будет суд, и после вынесения условного приговора Кир физически свободен, как муха в стратосфере. Особо Николай Николаевич предупредил, чтобы мы не пытались вывезти сына из страны до вынесения судебного решения. Нет, на границе проблем не возникнет, потому что в розыске он не числится. Но при неявке подсудимого судья однозначно вынесет не условное, а безусловное наказание, а между Россией и Украиной действует соглашение о выдаче беглых преступников. Оно вам надо — до истечения срока давности жить под страхом, что в один прекрасный миг сына сгребут и выдадут сопредельному государству для отсидки?

— Вот так обстоят дела, — закончила изложение диспозиции Марина. — По-моему, нормально, нет?

— Насколько эту ситуацию вообще можно назвать нормальной, — пробурчал я. — Наилучший выход из наихудших.

— Да и хрен с ним! — дернула бровью Марина. — Главное, что Кирилл на свободе!

Я скосил на нее глаза: Марино усталое лицо светилось, и разобраться в том, было ли это утилитарное счастье выполненного материнского долга, или какое более сложное чувство, не представлялось никакой возможности.

В отеле мы пообедали, и Марина улетела забирать с вокзала Кирилла с Лизой. Она настояла, чтобы на этом этапе я не принимал участия в воспитательных переговорах с

молодыми людьми, — я не возражал. Я поднялся в номер, врубил на полную мощность кондиционер и повалился на кровать. В тяжелой полудреме, борясь с генерирующимися перевозбужденным мозгом видениями, я проворочался почти три часа. Из этого липкого состояния меня вырвал телефонный звонок. Звонил Ведецкий, и я рванул трубку к уху.

— Самое главное, Арсений Андреевич, — даже не поздоровавшись, с места в карьер начал обычно всегда предельно вежливый адвокат. — Вы еще за границей, или, не дай Бог, уже вернулись на территорию родной отчизны?

— Нет, еще не успел... не успели, — ошеломленный таким началом, немного замешкался с ответом я. — Завтра собирались возвращаться, может быть, послезавтра.

— Настоятельно советую вам с возвращением повременить, — с серьезностью Сфинкса сказал Ведецкий. — Я только что вышел от следователя, информация самая неутешительная. Выписан ордер на ваш арест, вы подозреваетесь в убийстве гражданина Эскерова Аббаса Мерашевича.

Мое сердце ухнуло в пятки, по пути так ослабив колени, что я опустился на кровать.

— Господи, что за бред? — совершенно риторически спросил я, безуспешно борясь с противными вибрациями голоса. — На каком основании они меня подозревают?

— Ну, к сожалению, основания у них есть, — сухо ответил адвокат. — При повторном осмотре места преступления они обнаружили пулю калибра 7,62 миллиметра от пистолета ТТ. Они сопоставили эту пулю с показаниями гражданки Эскеровой Ивы Генриховны о том, что она долгое время состояла с вами в любовной связи, а также о том, что вы от нее знали, что ее муж собирался ехать на машине в населенный пункт Эльбурган. Генетическая экспертиза подтвердила, что погибший — Аббас Эскеров. С этим они пошли к прокурору с запросом ордера на обыск вашей дачи, где по показаниям той же гражданки Эскеровой жили последние несколько дней, поссорившись с женой. Но, думаю, прокурор вряд ли дал бы ордер по таким хилым уликам, но решающим явился факт, что вы выехали за пределы страны, что подтвердили на таможне. Еще раз вынужден вам попенять, Арсений Андреевич: ни в коем случае не следовало говорить об этом следователю. Но сделанного не воротишь, и прокурор ордер на обыск дал. Не догадываетесь, что было обнаружено в процессе обыска?

— Господи, неужели пистолет? — осененный страшной догадкой, простонал я.

— Не просто пистолет, а пистолет ТТ со спиленными номерами, с одной отсутствующей пулей в обойме, из которого недавно стреляли, — прокомментировал мою догадку Ведецкий. — И — самое главное — с отпечатками пальцев человека, чьи отпечатки также были найдены повсюду, то есть, предположительно, хозяина дачи. С вашими отпечатками, Арсений Андреевич. Следствие полагает, что баллистическая экспертиза подтвердит соответствие пули с места преступления, и найденного у вас пистолета.

— Этого не может быть! — почти беззвучно выдавил сквозь голосовые связки я.

— Чего не может быть? — уточнил адвокат. — Чего конкретно? Пистолета у вас на даче? Ваших отпечатков пальцев на нем? Того, что из этого пистолета убили человека?

— Ничего не может быть! — слабо закричал я. — У меня никогда не было никакого пистолета, я не держал его в руках и не стрелял из него в Аббаса Эскерова. Это бред, сон, какая-то фантастическая мистификация!

Ведецкий молчал, несколько секунд я слышал только тишину на другом конце провода.

— Но алиби у вас, надо полагать, нет, — мрачно не то спросил, не то констатировал адвокат.

— Нет, — подтвердил я. — Вечером накануне убийства мы с женой повздорили, и я под

ночь уехал на дачу. Никакой охраны или дежурного у нас там нет. Так что, полагаю, никто меня не видел, и что я приехал и не выезжал, удостоверить не сможет. Что я всю ночь провел в своей постели, подтвердить тоже, к сожалению, некому.

В ответ адвокат выдал новую порцию молчания.

— Я верю вам, — наконец, откликнулся он. — Мне обязательно нужно было услышать все это от вас, потому что, исходя из улик, обвинения против вас более чем серьезны. И если бы я не знал вас столько лет, мне было бы тяжело с ними не согласиться. К счастью, я хорошо вас знаю, поэтому будем исходить из того, что вас мастерски подставили. Пистолет вам подбросили, предварительно перенеся на него ваши отпечатки. Нет предположений, кто мог бы иметь на вас такой зуб, чтобы это все придумать, организовать и выполнить? Машину во дворе никому не царапали? Громко музыку по ночам не слушаете?

При всей катастрофичности ситуации я не выдержал и нервно засмеялся.

— Вроде, нет. Так что кто бы это мог быть, даже не представляю.

— Подумайте, — посоветовал Ведецкий, — подумайте хорошенько. Дыма без огня не бывает, кому-то вы сильно наступили на хвост. Не думаю, что возможных вариантов может быть много.

— Может быть, мне лучше все-таки вернуться? — спросил я Ведецкого. — Ну, потихоньку, без афиши, разумеется. Думаю, в Москве у меня было бы больше возможностей...

— Не вздумайте! — перебил меня адвокат. — Уверен, вас уже объявили в федеральный розыск, это сейчас быстро делается. Это означает, что вы будет в базе данных на любой таможне, самолетом ли вы полетите, поедете ли поездом или на машине. Вас арестуют сразу же по пересечении границы. Разве что, как Владимир Ильич, пешком по льду Финского залива. Но не сезон нынче, лед тонкий.

— А здесь они меня не достанут, часом? — ощущая нехороший холодок в груди, спросил я Ведецкого. — Международный розыск, Интерпол и прочее?

— Так быстро — нет, — успокоил меня адвокат. — Процедура объявления подозреваемого в международный розыск, к счастью, гораздо сложнее, чем в случае с розыском внутрироссийским, и требует гораздо больше времени. Так что на какое-то время там, где вы сейчас, вы в безопасности.

Условившись, что Ведецкий будет «держать руку на пульсе» моего дела и немедленно обо всем меня информировать, распрощались, договорившись в любом случае созвониться в понедельник. Закончив разговор, я так и остался сидеть на кровати, безвольно опустив руки между коленями. Нужно было думать, откуда на меня в добавку ко всем прочим свалилась еще и эта огромная, неподъемная проблема, но мыслей не было совсем. В голове бесконечной заезженной пластинкой крутилась одна-единственная фраза из глупого старого анекдота: «Все, Петька, приплыли!» Не знаю, сколько времени я просидел бы в состоянии гроги, но, к счастью, вернулась в номер Марина. Не просто вернулась, а ворвалась, как ураган.

— Ты чего сидишь? — закричала она с порога. — Давай, собирайся, поехали!

Я поднял на жену голову, совершенно не понимая, куда надо ехать? Да еще так срочно?

— Домой, поехали домой! — разъяснила, поняв мой немой вопрос Марина. — Кир с Лизой ждут внизу.

Маринино разъяснение понимания ситуации мне не прибавило. Вроде бы, был разговор, что Кириллу необходимо остаться здесь, дожидаться суда, получить свои законные полтора

года условно, после чего со спокойной совестью поехать домой. Поэтому Маринино заявление об отъезде представилось мне более чем странным.

— Неужели ты думаешь, что я оставлю ребенка на растерзание какому-то непонятному жрецу местной фемиды? — в ответ на высказанное мной изумление с пафосом воскликнула Марина. — А если что-то сорвется, и Киру впаяют не условно, а неусловно? Как говорится, заключат под стражу прямо в зале суда? Что тогда?

— Но Николай Николаевич, вроде, гарантировал? — в замешательстве возразил я. — Ты же сама говорила?

— Да, я говорила! — уперев руки в боки, воскликнула Марина. — Пока не раскинула мозгами. Скажи, ты заявлениям Николая Николаевича веришь? Я — нет. Вот ты можешь, как честный человек, поручиться, что уверен в обещанном исходе, основываясь на слове продажного хохляцкого мента?

— Н-нет, — честно ответил я.

— Ну вот и я н-нет, — передразнила меня Марина. — Что делать, если что? Требовать возврата денег? Так ведь самое интересное, что не отдадут ведь, козлы!

— Да, чертовски было бы обидно! — не без черного юморка согласился я. — Но представь, что Украина отправит-таки запрос на экстрадицию, а наша сторона решит его удовлетворить? И поедет Кир через год или два отсиживать свою полтораху. Это не обидно будет?

— Фигня все! — махнула рукой Марина. — Договор между нами и Хохляндией есть, но он практически не выполняется, убийц и грабителей по три года мурыжат, не выдают. Кому там будет нужен Кир со своим «приобретением наркотических средств с целью личного употребления»? Константин Аркадьевич твердо сказал, что при существующей практике опасности практически нет.

— Константин Аркадьевич? — недоуменно уставился на жену я. — Он-то тут при чем? Он-то откуда знает?

— Знает, надо полагать, — уверенно заявила Марина. — Особенно учитывая, что когда мы посылали ему каталоги, адрес доставки был «Большая Дмитровка, 15а».

— А чего там у нас? — наморщил лоб я, вызывая перед глазами карту Москвы.

— Генпрокуратура там у нас, — состроила ехидную мину Марина. — Такие адреса надо знать на память. Так что давай, поехали отсюда. Сейчас стартанем, утром будем дома.

Я посмотрел на Марину, уже успевшую по плечи погрузиться в нутро нашей дорожной сумки. Одной из отличительных черт ее характера было то, что иногда она начинала свято верить во что угодно, в любую несуразицу, если таковая каким-то образом угнездилась в ее голове и, паче чаяния, была прилюдно ею произнесена. В этом случае требовалось нечто большее, чем просто мой авторитет главы семьи, чтобы разубедить благоверную в ее заблуждении. И сейчас явно был такой случай. В Марининой голове все сложилось, источники информации заслуживали, по ее мнению, полного доверия, и остановить ее было невозможно. Я не стал и пытаться.

— Ты абсолютно уверена? — для очистки совести переспросил я. — Наверняка?

— Да! — глухо донесся из недр сумки ее голос. — Не теряй времени, собирайся!

— Я не поеду с вами, — сказал я. — Я не могу ехать.

Марина вынырнула из сумки и недоуменно посмотрела на меня.

— В каком смысле? Как не можешь? Почему?

Я вздохнул и рассказал. Марина слушала меня, зажав рот рукой, потом бессильно

опустилась на стул. Минуту она сидела, молча глядя в пространство, потом подняла на меня глаза. В них была странная смесь страдания и непреклонной решимости.

— Арсюш, мы все-таки поедem, — сказала она. — Внизу висит железнодорожное расписание, я случайно посмотрела — через час поезд на Москву, мы успеем. Все равно я тут тебе чем помогу? А этих одних отправлять нельзя, ты знаешь. Если такая ситуация, сиди уж лучше тут, чем в Москве под арестом. А я подключу Константина Аркадьевича, думаю, он мне не откажет.

Я посмотрел на Марину, на ее тонкую талию и крутые бедра, на небольшую, но высокую грудь, на потрясающе породистый нос и очень интеллигентный взгляд, и подумал, что Константин Аркадьевич точно не откажет.

— А что, одни они не доберутся? — хмуро спросил я.

— Как ты себе это представляешь? — с искренним недоумением всплеснула руками Марина. — А если что-нибудь?

— Что ты имеешь в виду под «что-нибудь?» — еле сдерживая раздражение, переспросил я. — Что он снова наркотики, теперь обратно в Россию, потащит?

— Ну, зачем ты так? — с обидой в голосе ответила Марина. — Мало ли чего может произойти?

— А здесь со мной ничего не может произойти? — гнул свое я, злясь на себя, что мне обидно, что я вот так убеждаю жену остаться, вместо того, чтобы легко махнув рукой, отпустить мать ехать с сыном.

— Арсюшенька, ну что тут с тобой может случиться? — с искренним непониманием заглянула мне в глаза Марина.

Продолжать дискуссию не имело смысла.

— Да, на самом деле? — усмехнулся я, но весь сарказм этих слов разбился впустую, — Марина мыслями уже была не здесь.

— Так, а что у нас с деньгами? — озабоченно спросила она.

С деньгами была амба. Вывернули карманы, набралось четыреста гривен с мелочью, вряд ли хватило бы даже на билеты.

— Оставь это себе, а я займу у Кира с Лизой, — подняла палец вверх Марина. — Дома как-нибудь доберемся. А ты позвонишь в Москву, тебе кинут денег на карту, верно?

— Верно, — кивнул я. — Все, езжайте, а то опоздаете на поезд.

Марина повернулась ко мне, обвила шею руками, прижалась к груди.

— Арсюш, мне так... неудобно уезжать, — зашептала она. — Неловко, нехорошо, неправильно, я понимаю. Но ты же видишь, как все повернулось?

Марина подняла на меня умоляющие глаза.

— Я вижу, — кивнул я, разжимая за запястья ее объятия. — Иди, опоздаешь.

— Не обижайся! — попросила она. — И не считай, что я предпочла сына тебе. И — я очень благодарна тебе за то, как ты повел себя в этой ситуации.

— С ума сошла? — нахмурился я. — Это ты сейчас в каком качестве выступаешь? И в каком качестве меня благодаришь?

Марина отвела глаза.

— Все сложно, я понимаю, — тихо сказала она и повторила: — Не обижайся!

— Не обижаюсь, — ответил я, протягивая ей сумку. — Все, иди, с Богом.

— Ты не проводишь нас? — спросила Марина от двери.

— Нет, не хочу его видеть, — помотал головой я. — Извини.

Марина опустила голову и вышла из номера, дверь тихо закрылась за ней. Я чувствовал себя наименее ценным членом экипажа, которому не хватило средств спасения. Он горд тем, что все остальные выживут, но самому ему горько и безысходно. «Ну, вот, декабристка, ты и сделала свой выбор», — подумал я, одновременно проникаясь гадливостью к самому себе. Пытаясь разогнать минор, вышел на балкон. На высоте десяти этажей внизу стояли две одиноких фигуры — Кирилл и Лиза. Марина вылетела из вестибюля гостиницы, как лавина, подхватила их, и все втроем помчались к проспекту Metallургов. На вскинутую Мариной руку тотчас, завизжал тормозами светлый «жигуль», троица погрузилась в него и уехала. Я еще долго смотрел вслед удаляющимся огням, потом вернулся в номер.

Было уже почти совсем темно, но включать свет не хотелось. «Выпить, что ли?» — подумал я, но мысль, что глупо шиковать на последние четыреста гривен остановила меня. Чтобы нормально жить в чужом городе, нужны были деньги, и немалые, а на денежную посылку из Москвы можно было ожидать в лучшем случае в понедельник. Гостиница была оплачена до завтрашнего полудня, и был выбор — заплатить еще за одни сутки за проживание, или сходить в ресторан поесть и выпить. Да, ситуация была аховая. От безысходности я уже хотел было включить телевизор, но тут загудел мой айфон, сигнализируя, что пришла эсмэска. Я подумал, что это Марина эсмэсила, что сели на поезд, но ошибся — это была Ива. «Позв?» — гласило лаконичное сообщение от нее. Полагая наши отношения закончившимися еще до рассказа Ведыцкого, что Ива сдала ментам всю подноготную о наших отношениях, я долго раздумывал, звонить или нет, но в конце концов все-таки набрал знакомый номер.

— Привет! — услышал я в трубке ее голос, и сердце екнуло. — Ты сильно на меня обиделся за ту мою выходку в кафе?

— С чем сравнивать, — уклончиво ответил я.

— Понимаю, — сказала Ива. — Но все же у меня есть шанс? Ведь иначе ты не перезвонил бы, верно?

Ее голос обволакивал, манил, очаровывал. Сбрасывая наваждение, я тряхнул головой.

— Я позвонил по делу, — резко ответил я. — Твоя пьяная болтовня в кафе — ерунда по сравнению с тем, что ты наплела ментам в морге. Зачем, не спрашиваю, думаю, они профессионально вытащили из женщины, находящейся в шоковом состоянии, все, что им было нужно. Но у этого случились весьма неприятные для меня последствия.

— Я... я ничего такого им не говорила! — воскликнула Ива, ее голос был полон ужаса. — Разве что... Но ведь это... Какое это имеет отношение?!

— Меня на самом деле обвиняют в убийстве Аббаса, — сердито перебил я ее невнятные бормотания. — Объявили в розыск. Несмотря на твои позавчерашние, так сказать, умозаключения, надеюсь, трезвым рассудком ты понимаешь, что я этого не делал?

— Ну конечно! — дрожащим голосом отозвалась Ива. — Не понимаю, как я могла сморозить такую чушь?! Господи, что же я натворила?! И где ты сейчас? Я могу чем-нибудь помочь?

Захотелось сказать что-нибудь обидное, вроде: «Ты уже помогла!», бросить трубку, но все же я неохотно рассказал Иве о своей ситуации.

— Так ты на Украине?! — воодушевилась Ива. — Не может быть! А где? В Мариуполе?.. Та-ак... Помнишь, у Дашки в Турции был бойфренд Володя с Украины? Они теперь не-разлей-вода, каждый вечер созваниваются, Дашка просится отпустить ее к нему в гости. Он из Запорожья, это ведь где-то рядом?

— Вроде, — пожал плечами я. — Точно не другой конец страны. Только непонятно, в чем ты здесь видишь пользу в моей ситуации?

— Польза в том, что Володя оказался мальчик не простой, родители у него — весьма небедные люди, — зачастила Ива. — У него квартира в Запорожье, в которой он бывает наездами, потому что учится в Киеве. Кстати, он тебя помнит и всегда через Дашку передает приветы. Денег, я уверена, он с тебя не возьмет, а учитывая, что непонятно, на сколько времени тебе домой заказано, это может быть очень существенная экономия. Надо только, чтобы Дашка его попросила. Ну, что, звоню я ей?

В голове мелькнули картинки голой Дарьи — в Турции, у меня на даче, в отключке распростертой на мохнатом ковре. Но была в Ивиной идее и одна вполне рациональная составляющая: гораздо безопаснее жить в частном секторе, чем в гостинице, ведь во втором случае установить место моего пребывания господам вроде Ещука или Лазарева при желании не составит труда.

— Звони, — решительно ответил я, и Ива сразу же отключилась.

Она перезвонила буквально через пять минут, и сразу перешла к делу.

— Дашка поговорила с Володей. Он сейчас дома, в Запорожье, но в основном тусуется по друзьям и дома практически не бывает. То есть, квартира пустует, а скоро он вообще уедет в Киев на семестр. Володя очень обрадовался, что может оказать тебе услугу, и сказал, чтобы ты бросал этот тошный Мариуполь и сейчас же ехал к нему. И что ты можешь жить там, сколько хочешь. Адрес — улица Победы, дом 7, квартира 16, второй подъезд, третий этаж. Ключ у консьержки, она отдаст его тому, кто назовется Арсением. Вроде, все.

— Спасибо, — несколько ошарашенный таким стремительным решением такой сложной проблемы, сказал я. — Спасибо, Ива.

— Не за что, — тихо ответила Ива, и я буквально увидел, как она улыбается краешками своих неповторимых губ. — Рада была помочь. Звони, не пропадай. Целую.

В другое время я непременно бы ответил «Целую», потому что для меня это был ритуал, код, волшебное слово, означавшее, что в наших отношениях все хорошо. Не уверен, понимала ли этот код Ива, но она могла, закончив обычный, вроде бы, разговор, не сказать этого волшебного слова, или не ответить им. Я — никогда. И вот сейчас я положил трубку, этого слова не сказав. Хотя, безусловно, я был сейчас очень благодарен Иве за помощь, но — только благодарен. И вообще — Иве ли? Я оглядел комнату — убого, казенно, пусто. Все уехали, стало быть, и мне пора. Я взял айфон, включил программу навигации, забил в адресной строке «Запорожье, Победы, 7». «237 км, время в пути 4 часа», — ответил электронный штурман. «Доеду за три», — подумал я, подхватил оставленную мне Мариной маленькую сумку с моими пожитками и вышел из номера.

Всю дорогу я пытался размышлять, кто же это мог так злобно и, главное, так тонко и целенаправленно меня подставить. Вообще детальном исследовании всей истории моих взаимоотношений с самым широким кругом лиц за последние десять-пятнадцать лет выходило, что кандидатур на роль моего злого гения всего три. Причем один из них, выражаясь словами Шерлока Холмса, покоился на дне Рейхенбахского водопада, проще говоря, сам являлся жертвой этой подставы, и посему ее автором вряд ли мог быть. Оставался Саша Качугин (вернее, его зловредная жена Рита) и майор Ещук. Более вероятным с точки зрения технических возможностей «замутить» такое непростое дело выглядела, конечно, кандидатура Ещука. Но возникал большой ряд логических вопросов. Например, зачем майору такая сложная, многоходовая, затратная, рискованная схема по моему

стимулированию, если ничего похожего на «нет» в ответ на его «любезное» предложение я не говорил? Совершенно конкретный пример стрельбы из пушки по воробьям. Или, вернее, с соблюдением необходимой степени образности, это был бы запуск межконтинентальной ракеты с целью уничтожения надоедливой комара. Не вяжется, однако. Вариант Качугиных с точки зрения уничтожения сразу двух врагов — меня и Аббаса — был более предпочтительным, но огромный вопрос был в способности даже совокупного интеллекта Саши и Риты придумать и организовать столь сложную эскападу. Да и зачем сейчас, когда страсти по нашему с Сашей «разводу» давно утикли, столь активно махать руками? Нет, и здесь явно что-то не то. Дальше мысли мои начинали ходить по замкнутому кругу, и ввиду явной бесперспективности дальнейшего «жевания» этой темы я постарался выкинуть ее из головы.

Дорога прошла без приключений, и еще до наступления полуночи я прибыл по указанному адресу. Пухлощекая улыбчивая консьержка без проблем отдала мне ключ, я поднялся на третий этаж и открыл тяжелую дверь. Даже по прихожей было видно, что квартира, что называется, «богатая». Но я был настолько вымотан, что даже осмотр помещения отложил на утро и, даже не приняв душ, инстинктивно верно определил направление в спальню, сбросил на пол одежду, упал на кровать и мгновенно заснул мертвецким сном.

Глава 11. Дарья

Если бы не звонок в дверь, я спал бы, наверное, даже не до обеда, а много, много дольше, но его пиликанье разбудило, подбросило с подушек. Вприпрыжку, пытаюсь попасть ногами в штанины, я добрался наконец до прихожей, где гремела невыносимо-оптимистическая мелодия. Заглянул в дверной глазок, но ничего, кроме руки, протянутой к кнопке, и мельтешения где-то внизу чьей-то темноволосой головы, разобрать было невозможно. Подумав, что это точно не блеск кокард местных ментов, я открыл дверь. На пороге с ученическим рюкзаком через плечо стояла Дарья.

Множество мыслей, пронесшихся при виде ее в моей голове, слились в какое-то подобие белого шума.

— Я примерно знаю, что вы сейчас хотите сказать, — тряхнула чубом Дарья. — Здрасьте, дядя Арсений!

— Здрасьте, — осознав, что я, мягко скажем, не дома, и поэтому с этим явлением ничего поделаться не удастся, буркнул я в ответ и отступил на полшага вглубь прихожей. — Как это вы так быстро? Матушка ваша с вами вечером говорила, вы, вроде, еще в Москве были.

Дарья переступила через порог, стукнула об пол рюкзаком, выскочила из узеньких босоножек-плетеночек.

— Да, вот такая я — стремительная! — оттопырив кисти рук крылышками, покачалась в танце куклы-неваляшки она. — Самолетом до Донецка, оттуда на такси. Всей дороги от двери до двери шесть часов. Ну, как вы тут? Устроились?

— Устроился, — прокашливая спросоньевую хрипоту, ответил я. — Спасибо огромное вам и Володе за то, что... приютили... то есть... ну, да, что приютили, по сути. Я очень вам обоим признателен. Но...

— Вы хотите спросить, чего я-то сюда приперлась? — начиная улыбаться не только щеками и ртом, а и глазами и бровями, спросила Дарья. — Просто я и подумала, что вам одному в чужом городе, в другой стране одному будет очень одиноко и решила скрасить его вам.

— Кого, простите, скрасить? — недопонял я.

— Одиночество, — тряхнула чубом Дарья. — Скрасить вам одиночество.

Я смотрел на ее излучающую оптимизм физиономию, и ощущал полное превосходство ситуации надо мной. Выгнать незваную гостью я не мог — я здесь не хозяин, да и приют этот сподобила мне она, — какое уж тут «выгнать»?! Самому идти тоже было некуда и, главное, совершенно не хотелось.

— Послушайте, Даша, — начал я. — Я прекрасно понимаю, что нахожусь в этом доме исключительно благодаря вам, но сейчас вы ставите меня в чрезвычайно неловкое положение. Я плохо представляю, как мы с вами будем делить этот гостеприимный кров. Начать с того, что кровать в этом доме, похоже, одна. И — главное — зачем? Уверю вас — я вполне в состоянии самостоятельно скрасить свое одиночество. Неужели вы не понимаете, насколько двусмысленная создается ситуация? Вот ваша матушка, к примеру, знает, где вы сейчас находитесь?

— Конечно! — презрительно согнула губы Дарья. — Я сказала ей, что поехала в гости к Володе.

— Вот — к Володе! — поднял я вверх палец. — К Володе, а не ко мне! Улавливаете разницу?

— Улавливаю! — ответила Дарья. — Но дело в том, что я приехала именно к Володе, а не к вам. Володя меня еще в Турции в гости приглашал. И мама в курсе. То, что вы здесь сейчас, просто совпало. То есть оба мы с вами Володины гости. А насчет скрасить одиночество — это так, к слову пришлось, пока Володя не приехал. Не хотите — могу не скрашивать. Просто думала, вдвоем будет веселее. И насчет кровати проблемы нет никакой — в кровати будете спать вы, как старший, а я на диване. Не может же у него не быть дивана?

С этим словами Дарья, бесцеремонно обогнув меня, как досадное препятствие, устремилась к высоким двустворчатым дверям, которые я с вечера не открывал. За ними оказалась огромная гостиная.

— Ну, вот, что я говорила! — раздался ее победоносный клич. — Диван присутствует! Ее сияющая физиономия выглянула из-за двери гостиной.

— Так что ничто не мешает нашему сожителству... ой, простите — совместному проживанию! — воскликнула она. — Кстати — вот у вас сейчас какие планы?

— Я хотел умыться и принять душ, — в полном бессилии перед таким напором честно ответил я.

— Вот и идите себе, — велела Дарья. — А я тут... похозяйничаю.

Я долго и с удовольствием стоял под горячими струями, потом начал постепенно закрывать красный барашек, пока вода не стала совсем холодной. Я думал о нашей двухдневной давности встрече, о сегодняшнем ее появлении на пороге, и не понимал, что этой девчонке от меня нужно. Неужели?.. Да нет, бред! А почему бред? Да потому, что — так не бывает!!! Впрочем, развитие событий покажет. И вообще — я что, постоять за себя не смогу, ха-ха!

Выйдя из ванной, я обратил внимание на тишину в квартире. Никаких звуков хозяйствования не было слышно — ни шороха разбираемых вещей, ни гомона включенного телевизора, ни шума чайника, наконец. В квартире была тишина. Я заглянул на кухню, в гостиную — никого. Учитывая, что ванная и туалет в квартире были совмещены, вариантов оставалось немного. Уже почти зная, что я сейчас увижу, я открыл дверь спальни. Предчувствия меня не обманули — Дарья лежала в постели, укрытая до подбородка одеялом, но судя по развешенным на стуле вещам, под ним на ней не было не только верхней одежды, но и как минимум лифчика.

— Ну какого черта! — воскликнул я. — Вы опять за свое? Снова решили меня с вашей мамой помирить? Сколько можно?! Вы же только что говорили, что...

Я не успел закончить, потому что одеяло взлетело белым взрывом, полуголая Дарья вскочила в постели на колени и, совершенно по-итальянски потрясая в воздухе руками, закричала:

— Да ни при чем здесь уже мать, неужели вы не понимаете! Я, я вас люблю, Арсений Андреевич, я с вами быть хочу! Я тогда вам про ваше воссоединение с матерью наплела, потому что нужно же мне было как-то все объяснить! Девушка вместо того, чтобы быть в трауре по поводу смерти отца, претя на дачу к любовнику своей матери, которую тот только что бросил, и начинает его совершенно недвусмысленно домогаться. Жесть! Вакханалия детско-юношеского нимфоманства! Порно-комикс какой-то! Если бы, конечно, все удалось, то и объяснять ничего не нужно было, но вы меня об стенку приложили, и если

бы я хоть как-то не объяснила свою мотивацию, вы меня вообще бы из списка вычеркнули, я думаю. А так — ну, странная отмаза вышла, но ничего, экстравагантно, вполне соответствующе моему стереотипу, какой у вас в голове после Турции на мой счет угнезвился. Но сейчас я вам открыто заявляю: я люблю вас, давно люблю, я к вам приехала, я вся ваша и делайте с этим, что хотите!

И она застыла, стоя в постели на коленях, растопырив пальцы экспрессивно разведенных рук, с маской полуотчаяния на лице, укрытая одной тонкой полоской трусиков. Я смотрел на нее, совершенно не замечая ее наготы, лихорадочно соображая, что с этим всем теперь мне делать. Пауза тянулась, как гигантский жгут, и с каждой секундой рос градус этой паузы. Нет, я не пытался ее перемолчать, я просто был в ступоре. Дарья не выдержала первая.

— Я поняла, я уродка. Я уродка, да? Тощая уродка без сисек с короткими ногами? Я вас просто не возбуждаю? Скажите честно, не тяните, ваше молчание невыносимо!

Мой рот сам собой открылся для приличествующего случаю политкорректного ответа в стиле: «Ну, зачем уж так-то?!», но я вовремя сообразил, что это прозвучало бы издевкой. Может быть, все же лучше было что-то сказать, потому что получилось, что и возразить-то нечего. Дарьино лицо погасло, сморщилось наподобие сушеной груши из компота, слезливо изогнулся рот, оттопырилась нижняя губа, она вся поникла, согнулась пополам и заплакала — совершенно по-детски, навзрыд, горько и безутешно. «Господи, великий Боже, ну за что мне эта морока?!» — вздохнул я. Рыдающая Дарья повалилась на постель, вся сжалась, уткнула лицо в руки, став удивительно похожей на человеческого эмбриона на последних неделях развития. Я обошел кровать, присел на краешек, прикрыл нижнюю часть эмбриона одеялом, погладил ладонью по острому плечу — тот отозвался новыми рыданиями.

— Даш, а, Даш, — тихонько позвал я. — Ну, зря вы это. Во-первых, совсем вы не уродка, это вы... ты сама на себя наговариваешь. Ты — очень симпатичная девушка с пропорциональной фигурой и грудью честный первый номер. Многие в твоём возрасте и этим похвастаться не могут. Ты молодая просто еще, несозревшая, так сказать. Подожди, вырастет еще у тебя... все, будет не меньше, чем у мамы...

— Ага, и ноги отрастут! — всхлипком откуда-то из подмышки перебила меня она. — Как хвост у ящерицы!

Я не выдержали хрюкнул. Из глубины сплетенных рук и волос левый Дарьин глаз ненавидяще посмотрел на меня.

— А что? — подхватил я. — Кстати, это — идея! Полгода мучений в аппарате Илизарова — и плюс пять сантиметров ног гарантировано. Еще шпильки повыше, и лампочки будешь сшибать. Чисто Джулия Робертс, в натуре! А во-вторых... Про любовь — это уж совсем ни к чему. У нас и по возрасту мезальянс совершеннейший, и мама и... все остальное. Да вообще-то и женат я, между прочим, у меня семья, сын-придурок немногим тебя старше...

— Ага, что-то вам жена с сыном не мешала двенадцать лет с мамашей якшаться! — возмущенно прохлюпала в ответ Дарья.

— Ну, это другое, — авторитетно возразил я. — Я твою маму любил. Это, знаешь ли, многое... если не оправдывает, то объясняет, по крайней мере.

— А я вас люблю! — подскочила Дарья. — Это ничего не объясняет, ничего не оправдывает?

Ее залитое слезами личико пошло пятнами, в рту надувались смешные и одновременно

очень трогательные пузыри.

— Да откуда эта любовь-то взялась?! — не выдержал я. — Ты себе нафантазировала что-то, напридумывала. Бурю себе в голове взбила, и теперь эта буря тебя закружила и уносит, как Элли с ее домиком.

— Ничего я не напридумывала! — закричала Дарья, сжимая кулачки. — Я давно вас люблю, с детства! Сколько помню, столько люблю! Это — годы, это большая часть моей жизни, вы понимаете?!

Я осторожно посмотрел на Дарью — она снова, как пять минут назад, сидела в постели совершенно не стесняясь наготы, и смотрела на меня. Ее глаза уже не излучали ненависть, и только припухшие губы и красные белки напоминали о недавних слезах.

— Поцелуйте меня, Арсений Андреевич, — жалобно произнесла она.

«Ну, ты... терминаторша юная!» — чертыхнулся я, отдав должное Дарьиной целеустремленности — ее, как и совершенную машину-убийцу из сериала, было не обмануть, не объегорить, с панталыку не сбить, ее программа всегда ясно видела цель и после любых девиаций возвращала свою хозяйку на маршрут, к этой цели ведущий. И отказать-то этому несчастнейшему на вид существу в такой пустяковой просьбе было сейчас, ну, просто невероятно! Я искал причины, и не находил их. Плохо искал? Наверное. Знал ли я, что за этой пустяковой просьбой может последовать? Знал, знал...

— Слушай, что ж ты меня все по батюшке, да на «вы»? — еще хоть на минуту попытался отсрочить неизбежное я. — Я себя, право, педофилом каким-то чувствую! Дряхлый продюсер соблазняет юную старлетку.

— Поцелуй меня, Арсений, — не приняв шутки, мгновенно исправилась Дарья. — Поцелуй скорее, я больше не могу.

Она смотрела на меня этими своими — совершенно матерниными — глазами, смотрела и звала. Есть вещи, которым человек не может сопротивляться, потому что он так устроен. Я никогда не мог сопротивляться молчаливому зову Ивиных глаз. Вот и сейчас — головой, мозгом я понимал, что передо мной совсем не Ива, но чувства, ощущения, память отказывались верить и — хотели, умоляли, заставляли подчиниться этому тихому и одновременно всезаглушающему зову. Дарья ждала меня, подставив, как под стекающую с листа каплю росы, приоткрытые, влажные губы. Вы бы не поцеловали? Вы бы не сделали этот назревший, нависший, логический шаг вперед? С третьей уже попытки? Я лихорадочно перебирал в голове варианты развития событий, исключаяющие этот поцелуй: не то, чтобы их не было, просто они мне не нравились. Я поцеловал.

Ее губы были мягкие и соленые, и отрываться от них — я сразу понял — мне не хотелось. Она обвила меня за шею руками и утянула вниз, на подушку. Я выставил руку для равновесия и наткнулся ладонью на ее грудь. Не разрывая поцелуя, Дарья ахнула, своей рукой прижала мою ладонь к себе — крепко, горячо. Я почувствовал, как где-то внизу, на доньшке, я начал стремительно нагреваться, как вода в кастрюльке, под которой на всю врубили газ. Заструились вихреватые конвекционные нити, побежали ниточки пузырьков. Первый раз булькнуло, упало, булькнуло снова и — понеслось, с бурлением, шипением и раскаленными брызгами: я закипел. Дарья врожденной женской интуицией немедленно уловила это, отпустила мою руку, горячо шепнула: «Ложись. На спину. Ложись», и я послушно последовал ее приказу. На секунду мы пересеклись взглядами: не знаю, что было в моих глазах, в ее — плыли облака, улыбалось зеленоватое небо, пели райские птицы. Это было что-то... сказочное, волшебное, и предназначалось это одному мне. Не представляю

мужчину, способного увидеть такое и уйти. Я точно не способен. Я перевернулся на спину, стянул с бедер одежду, и Дарья накрыла меня собой.

Все отношения между мужчиной и женщиной делятся на «до» и «после» того, как одна некая его часть непостижимым образом оказывается у нее во рту. Это — граница, рубикон. После ее перехода возврата нет. До этого люди разного пола могут быть друг другу кем угодно — друзьями, сослуживцами или просто знакомыми. Но как только губы женщины кольцом сжимаются вокруг этой вашей части — все, вы — любовники. На ближайшие полчаса или на долгие годы — это уж как карта ляжет. И в любом случае вы уже никогда не сможете быть друг с другом прежними. Это всегда будет между вами, это — как пасту выдавить из тюбика, или ребенка родить — обратного хода нет.

Делать это Дарья не умела, что неожиданно меня очень порадовало. Это шлюхи должны быть опытными, чтобы долго не задерживать клиента, по дороге с работы домой остановившегося у обочины сбросить напряжение трудового дня. Три минуты, пять, максимум — десять и — отползай, со слегка подрагивающими руками езжай домой, к любимой жене, детям, не задерживай, сзади уже пристроилась с нервно горящими фарами следующий нуждающийся в экстренном сексуальном облегчении. Я подсматривал, как Дарья старается что-то там изобразить, и в душе посмеивался над ней, потому что от одной мысли, кто и что со мной делает, я и так был в состоянии полной боеготовности. Дарья подняла голову и наткнулась на мой взгляд.

— Вы что, так и будете пялиться? — сердито прошипела она. — Я вам не мать, закройте глаза немедленно, я так не могу!

Я с улыбкой выполнил команду и сразу же услышал легкое шуршание ткани о тело, потом знакомое «бум-бум» пяток о пол. Я сжался, как перед уколом, когда берут кровь из пальца. Еще не поздно вскочить, заорать: «Нет, на это я пойтить не могу!» Да нет, глупо, пройдена давно точка невозврата. Боже, прости меня за то, что сейчас произойдет!

Скрипнули пружины кровати, меня качнуло к краю, но тотчас выровняло — она перешагнула через меня коленками, и дышала теперь уже где-то совсем рядом и сверху. Я почувствовал шелковое прикосновение кожи внутренней стороны ее бедер своей волосатой ногой, как будто пощекотал совершенно невесомый ветерок. Все — последний отсчет, сейчас вылетит птичка. Наверное, так ожидают расстрельного залпа? Один, два, три... Мои глаза и так были закрыты, но тут я их сжал до красных огней, до заворачивания верхних век в трубочку. Дарья овладела мной на счет «четыре».

Уже потом она рассказывала, что решила сделать это, как заходят в ледяную воду — сразу, прыжком, а то после первых ощущений себя уже не заставишь. Лучше бы ей было это сделать все же потихоньку, чем как вышло, — она сразу бросила себя вниз, как парашотист, на всю высоту, или, вернее, как ныряльщик — на всю глубину. Никогда не мог отказать себе в любопытстве приоткрыть в глаза, чтобы подсмотреть за выражением лица партнерши в этот момент, но никаких эмоций, которые можно определить как положительные, там сейчас не было. Напротив, я увидел, что Дарьины чуть не выскочили из орбит, а ее рот распахнулся от уха до уха в беззвучном крике, и только через несколько секунд с долгим звуком «Кха-а-а-а-а!!» (как в рекламе Пепси) она выпустила воздух из легких. Она сидела, больно уперевшись пальцами в мои ляжки и закусив губу. Глубокие вертикальный складки на лбу, все выражение лица говорили о том, что ей больно, очень больно. Наверное, в отместку ее пальцы еще больнее врезались в меня, она напрягла бедренные мышцы и приподнялась надо мной. Складки стали глубже, из-под ресниц выступили слезы. Да ладно

вам монстра из меня делать, у меня там все, как у людей, ничего такого членовредительского! Может, это у нее спазм какой? Да нет, по ощущениям, все штатно. Или... Я почувствовал и увидел это одновременно. Что-то беспокоило меня внизу, и я скосил туда глаза. Из Дарьи вытекала и струилась по мне, нагло щекоча, большая яркочерная капля. Кровь. Боже — она была девственницей!

— Да ты с ума сошла! — заорал я, правда, сообразно ситуации и из уважения к физическим страданиям партнерши орал я негромко, скорее, интонационно. — Слезай немедленно!

Дарья распахнула полные слез глаза, в них колыхался испуг.

— Ага, я сейчас встану, из меня все польется, и я умру от потери крови! — жалобной скороговоркой протараторила она, кривя рот. — Я не знала, что будет так больно. Наверное, у меня там все внутри разорвалось!

И она зарыдала. Господи, только этого мне не хватало! Вот дурища-то — что я ей, пробка от шампанского? Плотина ГЭС, с трудом сдерживающая отворенный напор ее девственных соков? Кое-как, стараясь не шевелить Дарью и вообще ее не касаться, я вывернулся из-под нее. На себя смотреть не было нужды, на нее — боязно. Я заставил себя и увидел, как струйка крови быстро добралась до ее колена, повернула по склону ноги вниз, к простыне. Я повертел головой в поисках чего-нибудь тряпочного, а, не найдя, перехватил красную дорожку ладонью, размазал, раскрутил Дарье по ляжке в эдакую каляку-баляку в стиле «Пусть всегда будет солнце». М-да, лучше бы Дарье не видеть было этих моих абстракционистских художеств — она посерела вся, количества страха в ее глазах было достойно лицезрения ангела смерти, или как минимум атомного взрыва.

— Я не переношу вида крови, — прошептала она синими губами и начала заваливаться на бок.

Но я был уже начеку, поймал ее, подтащил вверх, положил на подушку. Кинулся в ванную за полотенцем, подоткнул Дарье под копчик, пропустил спереди, а из свободного конца быстро скрутил что-то вроде длинного толстого жгута. Огромного банного полотенца как раз хватило, чтобы обмотать вокруг субтильной Дарьиной талии, и с этим смешным подгузником на бедрах она стала удивительно напоминать японца в бане, как их показывают в кино, — если б не манюсенькие, но сиськи — было бы один в один. Из-под полотенца крови уже не было видно, но на простыню все же накапало, надо будет холодной водой застирать. Поборов кровавую атаку, я занялся вопросом общего Дарьиного состояния. Она лежала с закрытыми глазами, но уже не такая синяя, как пять минут назад и — я проверил кожей запястья — дышала размеренно и ровно. Было очень похоже, что ее обморок плавно перешел в сон. Я укрыл спящую одеялом, обошел кровать, осторожно, чтобы не побеспокоить выздоравливающую, улегся на краешке, закрыл глаза. Недосып и нервы последнего получаса тут же накрыли меня мягким, мерно гудящим облаком, я облегченно вздохнул и — тоже уснул.

Дневной сон — коварная штука. Словно и не спишь совсем, все слышишь, и глаза-то закрыл всего четверть часа назад. Только потом оказывается, что то, что ты отчетливо слышал, и был сон, а продрых ты часа два с половиной — три. Мне слышалось что-то совершенно непонятное, нераспознаваемое, неидентифицируемое, и в то же время в высшей степени горячее и электризирующее. Оно накрывало, обволакивало, тянулось к моему рту огромными пульсирующими губами, колошматило по ребрам сладким током. Я пытался не поддаваться ему, отворачивался, втирая свое возбуждение в упругую плоть матраса, но оно

подсовывало под грудь горячие отростки, снова переворачивало на спину, за локти, за запястья тянуло мои руки вниз, туда, где в горячем тайнике моего тела вот-вот должен был развернуться необъятная и всепоглощающая воронка контакта. Но я победил, спрятался, увернулся, и оно начало отступать, оставлять меня в покое, и я поверил, поддался на этот маневр. Каким-то непостижимым образом, отрезав кожу моего живота от простыни, оно вдруг оказалось подо мной, обвило меня за шею и бедра этими своими щупальцами. Соприкоснувшись, заискрили, засветились длинными разноцветными молниями воронки и со странным звуком соединились, слились в одну, превратившись в одно органическое, неделимое, неразрывное целое. Подобно ротору электротурбины, оно начало вращаться, крутиться, набирая обороты, и через секунду это уже был торнадо, смерч, вихрь, голубоватое свечение от которого начало расширяться, заполняя кровать, комнату, город, вселенную, и вот уже вся эта межзвездная материя, крутясь с немыслимой скоростью, взорвалась у меня в голове ослепляющей вспышкой взрыва непередаваемых, неопишуемых ощущений, огромных, как мир и неприметных, как кварк, сносящих все покрытия с того, что они накрывали, уничтожающих личность, совесть, мораль, самое меня и все вокруг. Мой мозг отпульсировал этой всепоглощающей, сладкой болью, рвущиеся легкие с шумом впустил в себя обжигающий кислород, и я открыл глаза.

Дарья рядом не было, но не успел я этим обеспокоиться, как она появилась в дверном проеме, повязанная под подмышки полотенцем, — снова почти полное дежавю с той, турецкой ночью, разве что полотенце было не белое, а голубое. Она подошла, села рядом, заглянула мне в глаза.

— Привет! — улыбнулся ей я. — С началом, так сказать, последевического периода вашей биографии, юная леди!

— Спасибо! — тихо засмеялась Дарья. — Я ощущаю приличествующую долю соответствующего случаю душевного подъема!

Я взял ее за руку.

— Очень получилось... страшно?

— Да, приятного было мало, — закивала Дарья. — Хорошо, что я заранее не знала, каково это! Но ты знаешь, в тот короткий промежуток между тем, когда все уже произошло и моментом, когда я отключилась, было такое совершенно ни с чем не сравнимое чувство, что... Что вот кто-то во мне сейчас, и я уже не один человек, а нас двое, и все равно это я одна! Не раздвоение личности, а наоборот, слияние. Это что-то такое огромное, это такой гигантский мозговой, эмоциональный, психологический оргазм! Научусь кончать физически, интересно будет сравнить.

Я засмеялся, прямо-таки с удовольствием глядя на нее: девятнадцать лет, и такие самокопания, такой анализ собственных переживаний! А если не только свой внутренний мир девчонка способна препарировать, процеживать через китовый ус собственного сознания? Не такие ли способны и окружающую их действительность разлагать на кварки, добираясь до смой сути вещей и событий, сам внешний мир менять, лепить под свои представления о нем? Вот и мать сравнивала ее со свечой, которая то горит, вроде, ровно, то начинает вдруг пылать устрашающе ярко и быстро. Да и по моим наблюдениям девочка, конечно, необычная, не знает слова «нет», привыкла добиваться своего и не потому, что избалована с младых ногтей, а просто не понимает, почему что-то должно быть не так, как она себе это рисует. Можно назвать взбалмошной и плохо воспитанной, а можно — неординарной. Впрочем, жизнь покажет.

— Кстати, по секрету, — прикрыв рот ладонью, заговощицки прогнусавила Дарья. — Я тут, пока ты спал, со страху заморозкой набрызгалась, мне туда сейчас гвозди можно вбивать, ничего не почувствую. Так что если кавалер чего-то недополучил от дамы... Как говорится, готова к труду и обороне.

У меня от шутки по позвоночнику прополз мёрзкий холодок. Но Дарьины губы дрожали от сдерживаемого смеха, и мы оба прыснули. В ее взгляде, обращенном на меня, было пятьдесят процентов чистого позитива, капелька настороженности, а все остальное занимало нечто такое, что я в своей жизни всего несколько раз видел в глазах женщин, обращенных на меня. Отчего-то я смутился и убрал глаза.

— Хотите спросить — что же мы со всем этим теперь делать будем? — прочитала мои мысли Дарья.

Я снова быстро вскинул на нее глаза:

— Хочу.

— Лично у меня все просто, — передернула плечами она. — Я ж говорила, я с детства вас люблю. Постарше стала — сравнивала с вами клещащих пацанов, и им сразу становилось «без мазы». Не то, чтобы я девственность для вас берегла — до Турции у меня и в мыслях не было, что у меня с вами что-то когда-то может быть. Но не с кем было этой проблемой заняться, потому что я планку в этом вопросе под вас задрала. А потом все так стремительно понеслось — отец, ваш раздрай с матерью, и вот я уже наедине с вами у вас на даче. Но вы меня об стенку, и я уже подумала, что все, облом, жизнь — не кино. Но тут звонит мать и говорит, что вам нужна моя помощь. Сама, короче, толкает под поезд. А что делать с этим теперь, я правда не знаю. Ты — мой первый мужчина, я за вами... за тобой на край света. Плевать, что ты старше, что ты бывший друг отца и матернин любовник. А что ты решишь, знаешь только ты. Тебе и решать.

М-да, кажется, я, что называется, «попал», и крупно. Девчонка умудрилась-таки взвалить на меня ношу ответственности и за историю моих отношений с ней и ее родителями, и за девственность эту ее дурацкую, за целый ком вопросов, от которых просто так не отмахнешься. И придется теперь эту ношу тянуть... Куда? Сколько? Как будто других проблем мне было мало!! М-да... Ну, ладно, чего уж сейчас себя ушами по щекам лупить... В любой ситуации можно найти положительную составляющую. При взгляде с другой стороны все выглядит не так уж плохо: я не в следственном изоляторе, а в весьма благоустроенных апартаментах в сопредельном государстве, куда расейским «левоохранителям» не дотянуться, в компании молодой девушки, только что расписавшейся в весьма серьезных ко мне чувствах. Как говорил Абдулла из «Белого солнца пустыни»: «Что еще нужно человеку, чтобы встретить старость!» Разве что — ответное чувство, которым можно было бы закрыть брешь, пробитую в душе событиями всех этих последних дней?

В холодильнике было шаром покати, и мы вместе выбрались на улицу на закупки еды и питья. Дома, пока замораживалось шампанское, Дарья быстро нарубила бутербродов, я помыл овощи. У меня от голода сводило скулы, Дарья тоже не ела со вчерашнего дня. Я бабахнул пробкой от шампанского, и мы, хохоча, подняли бокалы за праздник, который Дарья тут же окрестила «Defloration Day». Потом набросились на еду, потом допили шампанское и снова очутились в постели. Дарьиная молодость, свежесть, темперамент действовали на меня, как молодящая вода, и я чувствовал себя не старше партнерши. В полном соответствии с постулатом старика Эйнштейна об относительности времени день пролетел с какой-то совершенно невероятной, нереальной скоростью.

Мы лежали во все более и более сгущавшейся вокруг нас темноте, молчали, я теребил ее сосок, уже не сознавая, что делаю, и что Дарьяна плоть уже давно не откликается на мои прикосновения. Время ощутимо текло вокруг нас, по крайней мере я совершенно отчетливо ощущал его неумолимый поток, и мне казалось, что я чувствую, как его струи неумолимо кольшут волоски у меня в паху. А может быть, это была просто конвекция от тепла Дарьяной руки, лежащей на моих чреслах?

— Арсений? — осторожно позвала Дарья. — Можно тебя спросить?

— Да, — ответил я, и мой голос для меня самого прозвучал как будто откуда-то из очень дальнего далека. — Конечно, да.

— А..., - начала было Дарья, осеклась, задумалась, и я заподозрил, что вопрос обещает быть непростым. — Обещаешь, что ответишь?

Я подумал, что попытка объяснить, что вот так подлавливать — это наивно просто таки по-детски, абсолютно точно была бы обречена на неудачу, и согласился:

— Обещаю.

— А-а..., - снова осторожно, как входя в холодную воду, протянула Дарья и, решившись, вдруг скороговоркой выпалила: — Тебе с матерью лучше было... — ну, ты понимаешь — или сейчас со мной?

Повисшая пауза совершенно точно отражала полнейшее мое непонимание, как ответить на этот вопрос.

— Тебе как отвечать? — попытался отшутиться я. — Просто, или честно и по существу?

— Конечно, честно, — очень серьезно отозвалась Дарья. — И по существу. Ты же не думаешь, что я задала этот вопрос так, для поддержания разговора?

Я повернул голову, попытался заглянуть ей в глаза, но для этого нужно было бы включить свет.

— Зачем тебе это? — спросил я.

— Я скажу, — тут же отреагировала Дарья, — хотя ты обещал ответить, а сейчас пытаешься увильнуть. Скажу, потому что вопрос, я понимаю, сложный и, возможно, моя мотивация тебе поможет. Так вот, максимально честно: меня это интересует потому, что я маму очень, очень люблю, но сейчас она мне не мать, а я ей не дочь. Мы — соперницы, как молодая и старая волчицы в стае, и молодой хочется знать, настолько ли она плоха в постели, чтобы эта составляющая не перевесила все остальное, и ее самец снова не оказался завтра со своей старой бывшей.

Она быстро приподнялась, повернулась, налегла мне на грудь своим нетяжелым телом. Ее неразличимые в темноте, совершенно черные сейчас глаза оказались в десяти сантиметрах от моих.

— Я не вынесла бы этого, — заканчивая мысль, тихо сказала она.

«Господи, ну зачем мне еще и эта гиря на душу? — подумал я, испытывая желание спрятаться от этого бездонного взгляда. — И без нее неподъемно!»

— И давно у тебя такие мысли? — уводя тему в сторону, спросил я. — О соперничестве с матерью?

— Всю жизнь, пожалуй, — задумавшись, ответила Дарья. — Ну, лет с одиннадцати-двенадцати — точно. Я помню, на даче, в бане, когда вместе парились, я смотрела на нее голую, но до какого-то момента не понимала, что вижу, себя с ней не сравнивала. А потом как-то шелкнуло, и я очень захотела иметь такие же ноги, жопу и сиськи. Сначала думала, что сейчас я маленькая, но вырасту, и у меня все это появится. Но время шло, ничего не

вырастало, и годам к пятнадцати мои подозрения, что такой, как маманя, мне не быть никогда, превратились в уверенность. Это был девятый класс, мне тогда очень нравился один мальчик, но он смотрел только на кобыл, у которых все выпирало из выреза. Я возненавидела мать, у меня была страшная истерика, а когда она, успокаивая меня, объяснила, что генетически я пошла в отца, я стала ненавидеть их обоих. Тогда, я помню, я первый раз серьезно подумала, что жить незачем. Ну, дура, что поделаешь, но я это, к счастью, поняла, и осознание этого подтолкнуло меня к мысли, что стоит побороться. Я придумала себе имидж такой загадочной умняшки, которой красавчики пофиг, и которую могут зацепить только мальчики, енящие в женском поле не смазливую мордочку и сиськи, а ум и внутренний такой шарм с загадкой. Стала намеренно насмешливо отзываться о состоявшихся парочках: мол, да что эти дети могут? А сама по ночам тренировалась целоваться с подушкой, чтобы когда клюнет, не оказаться полной фуфёлой. Долго никто не клевал, потому, что, наверное, не могли разглядеть этот мой новый имидж сквозь неказистость. Но потом один мальчик из параллельного, немного прыщавый, но отличник, между прочим, начал как-то осторожно клеиться. Я его поводила на поводке немного, заинтриговала моим этим интересом к неординарным личностям, и он, чтобы доказать свою необычность, начал меня осаждать вовсю. Мне бы удовлетвориться победой, но вот уперлись мне его прыщи, я как представлю, что с ним целуюсь, так меня выворачивало прямо. В общем, отшила я его и стала ждать следующей поклевки, — только клев, видать, прошел. А у отличника за это время прыщей стало поменьше, и я попыталась снова с ним замутить, но моя врагиня блондинка Ирка Еровая, у которой уже тогда был третий размер, увела у меня его из-под носа. У меня снова настал период суицидальных раздумий, в результате которых я сделала два вывода. Во-первых: что поскольку привлечь достойного представителя противоположного пола я могу только своим внутренним миром, этот мир у меня должен быть соответствующим. А, во-вторых, что блондинка с сиськами для любого самого умного самца завсегда блюдо более лакомое, чем весь мой самый-рассамый внутренний мир. Вот я лежу тут сейчас с тобой, такая совершенно счастливая, и страшно боюсь, чтобы ситуация не повернула под этот второй мой вывод.

Она потянулась вперед плечами, шеей, губами, чмокнула меня в бровь.

— Я ответила на твой вопрос, теперь твоя очередь.

"Та-та-а!" — отчетливо прозвучали в голове первые такты из пятой симфонии Бетховена, но, как говорится в сказках, делать нечего, нужно было что-то говорить. Может быть, сказать просто — мол, с небезызвестной тебе особой у меня окончательно и бесповоротно, тапки, так сказать, врозь, не парься глупыми мыслями, я теперь с тобой, молоденькой, и мне все по кайфу. Но понятно было, что таким простым способом я не воспользуюсь, не даст как минимум вредная привычка просто так, по пустякам не врать.

— Слушай, Даш, — начал я, ощущая жуткое желание прокашляться. — Мы с твоей мамой... матерью знакомы тыщу лет...

— Двенадцать, — перебила меня она. — Близко вы знакомы двенадцать лет — не так уж и долго, если вдуматься. А вообще меня и ее ты знаешь с одного и того же дня, поэтому сентенция о том, что с ней ты знаком вечность, а со мною миг, которую ты сейчас хотел развить, как-то не очень канаает, нет? Я хотела получить честный ответ на совершенно ясный вопрос, а вместо этого ты собираешься прочитать мне лекцию о том, почему тебе так тяжело на него ответить. Ты просто не хочешь отдать себе отчет, как в этом вопросе все... просто! Когда у человека начинаются новые отношения, и он рвет со старыми, значит, в новых

отношениях ему лучше, чем в старых. Когда у вас с матерью закрутилось, ты хотел бросить жену, потому что с матерью тебе было лучше, чем с женой. Сейчас я всего лишь хочу знать, есть ли у меня какие-нибудь шансы кроме моей настырности и того, что ты попал в трудную жизненную ситуацию. И мне кажется, что я вполне могла бы рассчитывать на общение на равных, а не на терпимость профессора в хорошем расположении духа к недоумку-студенту, вымаливающему тройку по предмету! И, пожалуйста, не зови меня, как мать, Дашей, мое имя — Дарья!

Раздраженная настойчивость отчетливо звучала в этой тираде и тоне, которыми она была произнесена. Она больно уперлась мне в грудь, соскользнула с меня и сердито затаилась рядом на постели. Я встал, отдернул с окна тяжелые шторы, и показавшееся безумно ярким сияние полной луны в обрамлении подсветки ночных фонарей заполнило комнату. В этом мире серебряного света и черных теней загорелое Дарьино тело казалось темно-серым зигзагом, начертанном на снежно-белой бумаге простынь. Я открыл окно, впуская в комнату удушливое тепло южной ночи и звенящее тремоло невесть откуда взявшихся в городе цикад. Закурил. Да уж, не характер — характернице! Тротиловая смесь отцовской таранообразной настойчивости и матерниного резинового упрямства. Надо бы скатить все с горочки плавно на тормозах, затушить грозящий разбушеваться огонь, но это было — невозможно. Я не спускал ни матери твоей, ни отцу, и тебе, Колобок, не спущу. У меня, видите ли, тоже характер.

— Слушай, девушка Дарья, ну, что ты от меня хочешь? — со смешком, в котором снисходительность я приправил парой перчинок раздражения, спросил я ее. — Расширенного психологического анализа на тему — с кем стареющему мужчине комфортнее в постели? С девятнадцатилетней нимфеткой, забывшей вместе с девственностью потерять еще и наивность, или со зрелой во всех отношениях женщиной, знающей, как устроить партнеру «Цирк дю Солей?» И при этом разложить ощущения на степень физической удовлетворенности от процесса и духовной — от высокоинтеллектуальных бесед в перерыве между соитиями?

Да, получилось не просто резко, а гораздо резче, чем я рассчитывал. И грубо, очень грубо. В воздухе снова повисла пульсирующая цикадная тишина.

— Неужели все так плохо? — донеслось с кровати через минуту. — Странно. Положим, в умении физически ублажить мужчину против старой опытной шлюхи шансов у меня, конечно, немного. Хотя я надеялась, что вам нравится, когда потуже, а не наоборот. Но вот тот оргазм, который не в — *parдон* — яйцах, а в голове, у вас со мной должен быть со мной на порядок против нее. Ведь я не только дочь вашей старой любовницы, что само по себе уже очень пикантно. Но я еще и дочь вашего бывшего друга, пусть покойного, но с которым у вас были непростые отношения. Думаю... нет, уверена, что на уровне самых примитивных подкорочных импульсов вы не можете не испытывать глубочайшего кайфа от того, что трахаете его дочь. Наверное, папа сейчас вертится в гробу, как волчок! Мечь очень тонка на вкус, не так ли, дядя Арсений?

Я окаменел. Издевка была умной и очень точной. Возникло ощущение, что девчонка одной фразой вскрыла мне черепную коробку, препарировала мозг, экстрагировала все самое мерзкое, стыдное, гадкое, глубоко запрятанное, перетрясла и вывесила на всеобщее обозрение, как папахивающее плохой выстиранностью нижнее белье. Но — неужели внутри меня, в моей голове, в душе, все это — было? Я заглянул вовнутрь себя и с ужасом и сожалением констатировал — да, было.

Время от времени (особенно — имея перед глазами выкручивающий вензеля Ивин зад) я ловил себя на том, что где-то в глубине сознания какой-то второй «я» снисходительно эдак беседует с кем-то, удивительно напоминающим Аббаса, в таких примерно тонах: «Ну, что? Как ты там говорил: «Еще посмотрим, кто будет сверху?» Так кто? Но вот уж благоверная твоя — точно внизу, подо мной, вот она, любуйся! Слушай, а с тобой она тоже вот так распалась, как МиГ-31 на форсаже, или у вас это был, как обычно у супругов: «Кукурузник АН-2 опыляет посевы?» А, ха-ха! А Катю, Катю помнишь? Да, были времена, вместе девок трахали... А теперь — вот, я твою жену, извините-за-выражение, деру, а не наоборот. Потому, что наверху — я, а ты — внизу, вот так. *Im a winner, you're a looser*. Перевести?»). Пригвозженный неумолимой правдой этой картины к невидимому пыточному столбу, Аббас весь корчится, извивается в страшных муках бессильной ревности, но сделать ничего не может, и горит, пылает, рассыпается в пепел в пламени поражения, а злые дети с крыльями дудят над ним в трубы и, смешно шипя золотистыми струями, мочатся на его углящиеся останки, скандируя многоголосым хором: «Лу-зер, лу-зер, лу-зер!» А после Турции к такому диалогу могло бы добавиться: «А еще я твою дочку чуть было не...» А теперь и вовсе, безо всяких «чуть». И не потому ли ты, называя вещи своими именами, бросил Иву, что Аббаса больше нет, и не перед кем ощущать больше мошоночную сладость своей победы? И — дальше, в бездонную темноту погружения в самые черные, как вода Коцита, глубины человеческой душевной мерзости. Просто я никогда не давал себе труда задуматься над всем этим. Или просто душил, задавливал совестливые порывы, как сокращением ушных перепонок человек может заглушить слишком раздражающие его звуки.

— А по общению, как вы выразились, между соитиями..., - продолжала между тем Дарья. — Я почему-то была уверена, что для тебя это гораздо важнее, чем сам процесс, что у тебя оргазм зарождается в голове, а не в шариках, как у большинства самцов. Крутиться и скакать я быстро научусь, ты же понимаешь. А вот IQ у меня на тридцать пунктов выше, чем у матери, почти такой же, как у отца. С кем из их вам было комфортнее общаться? Мне подтянуться? Или — чтобы было привычнее — съехать?

Я стоял молча, почти не дыша, вне себя от злости и отчаяния, не зная, что ответить и не будучи уверен, что нужно что-то отвечать. А еще бесила невозможность ни выгнать зарвавшуюся наглячку за дверь, ни уйти самому. Значит, нужно будить лениво релаксирующий мозг, говорить слова, полемизировать, одерживая при этом верх, потому что как иначе, когда загорится свет, смотреть в глаза этому маленькому, такому беззащитному на вид, и такому неожиданно остро отточенному существу? Ведь то, что ты только что стал первым мужчиной в ее жизни, с точки зрения соревнования умов не дает тебе ни очка форы, не так ли? Я выкинул сигарету, закрыл окно и, поудобнее устроив ягодичные мышцы на остром ребре подоконника и доминирующе сложив руки на груди, перешел в наступление.

— А вот что, ты на самом деле, только что назвав мать шлюхой, нормально себе после этого чувствуешь? — жалея, что темнота скрывает наизыветельнейшую из моих улыбок, начал я. — Искренне полагаешь, что результаты сомнительного теста на IQ поднимают тебя выше границ дозволенной морали? Позволяют говорить и делать то, то что другим, менее избранным, не по ранжиру? Звезда во лбу не спит? Под тяжестью венца шейка не того, не гнется? А то, что это твое представление о себе по жизни ничем, кроме крайней самоуверенности, не подтверждено, не смущает? Да хотя пусть даже все будет так, как ты считаешь. Но ты же о чем меня спросила? С кем мне лучше, с тобой или с твоей матерью? Но, похоже, на самом тебя интересует вопрос, насколько для меня в женщине важно, с какой

скоростью она решает матрицы Равена, или что о ней выдает расширенный тест Кеттела[i]? Тогда отвечаю: совершенно, на хрен, не важно! Причем ни в постели неважно, ни вне ее. И если для тебя это неприятный сюрприз, то извини, но тебе об этом нужно было думать до того, как ты с помощью меня себя дефлорировала! А то, как ты прошлась по поводу моих умственных способностей — эдак пошленько, с запашком, с единственной целью — задеть, говорит лишь о том, что от отца, кроме бесспорных антропометрические данные и гораздо менее бесспорных умственных, ты переняла еще и некоторые другие его не лучшие качества, наиболее афористично описываемых словом, означающем материальный результат дефекации. Вот как-то так. Не уверен, что ответил на твой вопрос, но если ты еще раз позволишь при мне столь мерзко и паскудно высказываться о своей матери, я не устою перед удовольствием тебя ударить.

Прошла секунда, другая после того, как последние слова моего монолога повисли в темноте. Дарья села на кровати, выгнула шею, вытянула вверх подбородок, закрыла глаза.

— Бей, я заслужила и хочу понести наказание, чтобы это больше не было между нами.

Я сдался. Дарья переиграла меня — полностью, разгромно, окончательно и бесповоротно. Одновременно с осознанием этого поражения я ощутил такой приступ желаний, что будь я в этот момент Луной, приливные воды океана затопили бы все земные низменности к чертовой матери! Вместо удара я дрожащими от вожделения губами поцеловал Дарью в щеку, потом в шею, плечо, высосал обе груди. Бросил ее на постель, опустил между разверстых ног на колени, наполнил слюной пупок, дотронулся языком до места, где живет ток, наслаждался мгновенным ответным выгибом ее таза и потом вошел в нее, глубоко и крепко, наслаждаясь ее криками то ли боли, то и удовольствия, и входил долго, часто и грубо, как входит в дом захватчик и берет сразу то, что хочет, ничуть не стесняясь при этом следов грязных сапог на ковре и сметенного на пол фарфора. Потом я долго не мог выровнять дыхание, а Дарья снова лежала рядом неподвижно и молча, и только в ее глазах, устремленных в потолок, блуждала совершенно непонятная мне, но такая матернина улыбка.

— Хочешь, я расскажу тебе о ней? — спросила она. — О том, какие у меня были основания... ну, ты понимаешь.

— Нет, — соврал я. — Не хочу.

— Тогда слушай, — одним голосом улыбнулась Дарья. — Интересно, про Эдуарда мать тебе рассказывала? Готова поспорить на повторную дефлорацию, что нет.

В груди у меня ощутимо екнуло.

Наверное, это глупо, но мне всегда было весьма небезразлично, с кем кроме меня трахается Ива. Ну, разумеется, кроме мужа, Аббаса, хотя недавний разговор в Турции неожиданно открыл мне, что в глубине души я ревновал ее и к мужу тоже. Когда мы только стали любовниками, меня занимал вопрос, а первый ли я, с кем Ива изменила мужу; после «реконкисты» время от времени меня всерьез переключивало, был ли у нее кто-то в течение нашего разрыва.

В самом начале все случилось весьма спонтанно и неожиданно, делая тот факт, что мы стали любовниками, не чем-то большим и серьезным, произошедшим в нашей жизни, а скорее, каким-то увлекательным приключением, забавным поворотом событий. Все сильно усложнивший инцидент с моим признанием Марине и последовавшее выяснение отношений с Ивой еще не произошли, и общались мы легко и весело, порхали, радовались жизни, как

майские бабочки. И темы, и вопросы, которые сейчас затронуть — пять раз подумаешь, возникали и обсуждались легко и непринужденно. Мне нравилось, что с Ивой я могу себе позволить говорить о чем угодно без риска быть неправильно понятым, чего с Мариной даже представить было невозможно. Например, мне и в голову не пришло бы обсуждать с супругой, например, ее добрачные сексуальные связи, а с Ивой эта тема как-то раз возникла легко и естественно. Воодушевленный этой совершенно революционной вседозволенностью, я как на духу, рассказал Иве обо всех своих «левачках» с женщинами из круга, который мог ее заинтересовать: о своем довольно продолжительном романе с секретаршей Тамарой (мощная такая хохлушка-казачка, в постели — турбина на форсаже), о непродолжительной интрижке с рыжей грудастой Людой, с полгода работавшей у нас в сметном отделе, и даже о непростых своих отношениях с Беатой, потрясающе красивой полькой, с которой я познакомился в тяжелый период ее жизни, вылившийся в необходимость продавать себя за деньги. Я тогда, помню, в эту Беату мгновенно влюбился (это была частая у меня такая микро-влюбленность, устоев моих семейных и прочих долговременных отношений никак не затрагивающая), решил помочь ей, с «улицы» вытащил и устроил помощницей к Рите Качугиной. С полгода мы, сильно шифруясь, еще встречались, но потом Рита сделала Беату своей «замшей», и по моей инициативе мы с прекрасной полячкой отношения прекратили: вскройся они, любящая меня, как овчарка-следопыт махорку Рита Беату выперла бы сразу, не посмотрела бы, что «замша». Но удивить Иву своими откровениями мне не удалось, потому что обо всех моих пассиях (даже о Беате!) Ива, оказывается, знала от... Аббаса. Я тогда, помнится, нарисовал на Ивиного муженька очередной «зуб» и перевел разговор на «шалости» партнерши. К моему разочарованию, Ива очень пресненько рассказала о парочке своих ухажеров еще в «доаббасовский» период, чем и ограничилась. На мое ироничное: «Свежо предание...» она, глядя на меня взглядом невинным, как у профессионального подставного свидетеля в суде, ответила, что она — девушка честная, и что не следует судить о людях по себе. У меня так и чесался кончик языка спросить ее об Эдуарде, но, боясь навредить только что оформившимся отношениям, я побоялся.

Суть истории с неким Эдуардом была такова. Дело было года за три-четыре до нашего с Ивой грехопадения, когда мы с ее мужем Аббасом еще работали вместе. Дарье тогда было, стало быть, года четыре и Иве уже смертельно надоело сидеть дома с ребенком. Она начала уговаривать мужа, что нужно отдать девочку в садик, потому что ребенку нужно учиться общаться в коллективе, да и ей, Иве, нужно идти работать, потому что иначе она потеряет все свои профессиональные навыки. Знал я обо всем об этом от самого Аббаса, который на частых в те годы пьянках в офисе подробно делился со всеми участвующими своими домашними проблемами, по-восточному возмущаясь тем, что «женщине» не сидится дома. «Ну объясните мне, зачем ей работать? — сетовал он. — Какие такие навыки она утратит? Как может женщина утратить навык шить? Шить, готовить, стирать и рожать женщина умеет от природы, ее такой Аллах создал!» Мы покатывались со смеху, а я думал про себя, зачем было очень красивой современной девушке, наполовину русской, наполовину немке с почти библейским именем Ива выходить замуж за этого странного человека, пусть неординарного, но в быту сторонника дремучих, чуть ли не шариатских представлений. Думал — и жалел Иву, с которой тогда я даже не был знаком. На работу, настояв на своем, Ива тогда все же пошла, причем подыскал ей место муж. Конечно же, найти работу модельера (а у Ивы, закончившей текстильный, было именно такой диплом) в Москве в те годы было нереально, и Аббас пристроил спортивную стройную Иву в фитнес-клуб к

некоему Эдуарду. «На районе» тот был личностью известной, бывший спортсмен и полубандит, мы с ним сохранили приятельские взаимоотношения с времен, когда делали в его клубе ремонт. На этом история могла бы и закончиться, если бы примерно через полгода (а я тогда был озадачен поисками работы для Марины) на мой вопрос, как, мол, там Иве работает у Эдуарда, Аббас помрачнел, глубокомысленно затянулся сигаретой, и после паузы ответил, что Ива в фитнесе уже не работает, а на вопрос о причине расплывчато рассказал, что она-де не смогла привыкнуть к нагрузкам, повредила себе голеностоп, — в общем, не потянула. Причем, зная Аббаса, я с уверенностью мог бы сказать, что про нагрузки и голеностоп он сочинил прямо здесь и сейчас. Помню, тогда я пожал плечами и через пару минут о разговоре забыл, но через какое-то время Аббас появился на работе в темных очках посреди зимы, но даже они не могли скрыть здоровенный фингал у него под глазом. Всем сочувствующим Аббас рассказал о том, что ехал непристегнутый, был вынужден резко тормозить в экстренной ситуации и, по его собственному выражению, «боднул глазом руль». Что-то тут было не так, но лично мне было совершенно не до того и я, выразив приличествующую случаю порцию сочувствия, ушел в текучку. Но как-то вскоре я совершенно между делом завел разговор об этой Аббасовой аварии с нашим безопасником Прокопичем — бывшим подполковником милиции, который по традиции знал «на районе» совершенно обо всем. «Какая авария? — поморщился Прокопич. — Это Эдуард ему навалял, когда наш Астик сдуру сунулся к нему отношения выяснять». «Какие отношения? — искренне удивился я. — По какому поводу?» Прокопич ответил: «Слушай, Арсентий (он почему-то всегда добавлял букву «т» к моему имени), это секреты не мои, потому, хоть ты и генеральный, сказать я тебе их не могу. Но вот только встретил я случайно вчера Астикову жену Ивку, так она тоже почему-то в темных очках. Правда, не в таких темных, как у мужика ейного, и поэтому я заметил, что она тоже с фингалом, хоть и загримированным сильно. И как ты думаешь, на каком глазу у нее фингал?» Я непонимающе уставился на Прокопича, на самом деле не догоняя, какая разница, с какой стороны у Астиковой жены фингал, но потом сообразил. «На правом?» — и Прокопич торжествующе хлопнул меня по плечу. «Молодца! — похвалил меня он. — Тебе бы ментом быть, далеко ушел бы!» Цимес тут состоял в том, что Аббас был левшой и, стало быть, у супруги «тени» на глазу с большой степенью вероятности были мужниным «подарком». Посмеялись, побалагурив об адюльтере и связанным с ним круговоротом «пи...юлей» в природе, и я снова забыл об этой истории. Надолго, до тех самых пор, когда мы с Ивой стали любовниками, и тема, было ли у Ивы что-то с импозантным, мускулистым и наглым Эдуардом, не стала вдруг меня занимать несравнимо сильнее, чем раньше. И, не получив во время описанного выше такого неравноценного обмена «клубничкой» в этом вопросе ясности, я интереса к нему не утратил, решив выждать случай.

Уже много потом, после «реконкисты», мне как-то раз снова удалось спровоцировать Иву на разговор на «щекочущую» тему. После пары бутылок шампанского у нас завязалось подобие игры под условным названием «кто, когда и с кем». Формат игры получился такой — каждый пишет на бумажке по пять вопросов, и другой, наугад вытащив один, должен на него ответить — честно, что называется, «без б...». Ива согласилась (наверное потому, что была изрядно выпивши), и видно было, что она пожалела об этом уже через секунду. Думаю, не только потому, что любые ее «шпилястые» вопросы были мне, как дождик унитаза, а из-за того, что не зная моего интереса к теме Эдуарда, она «просекла» его интуитивно. И вот сейчас главный вопрос, который я выкорябливал на клочке, звучал, естественно, так: «У тебя

было что-нибудь с Эдуардом?». Ива написала свои вопросы, мы со смехом свалили бумажки в мою шапку и стали тянуть. Первым тянул я, доставшийся мне вопрос был о том, не поддерживаю ли я до сих пор постельных отношений с Беатой. Я сделал на Иву глазоблюдца, картинно перекрестился и честно сказал, что нет. Потом тянула Ива и было видно, как она волнуется. Но мне не повезло: Иве достался вопрос «Был ли у тебя секс с женщиной?», на что она состроила брезгливую гримасу: «О, нет! Это — не мое!» А в конце, когда уже одевались, Ива развернула все мои вопросики и, показав мне тот, главный, про Эдуарда, спросила: «Ты этот хотел, чтобы мне достался?» Я кивнул. «Какой же ты глупый, Сеня, — улыбнулась Ива. — Если тебе так важен ответ на этот вопрос, тебе нужно было его написать на всех пяти бумажках, и я была бы вынуждена на него ответить, потому что о пяти РАЗНЫХ вопросах разговора не было». «Так ответь сейчас!» — воскликнул я. «Поздно, дружок, — со смехом щелкнула меня по носу Ива. — Видит Бог, я бы честно ответила. У тебя был шанс, но ты его не использовал. И вообще — должна же быть в женщине какая-то загадка? Я и так думаю — не слишком ли много ты обо мне знаешь?» Я смотрел на нее со смешанным чувством восхищения и страха — восхищения от простоты уловки и страха перед женским коварством. Уже в дверях существенно сильнее обычного пьяная Ива, качающаяся, как осина на ветру на своих длиннющих ногах, остановила меня и, делая «вжик-вжик» замком молнии на моей куртке, с пьяной таинственностью прошептала, дыша мне в ухо ароматным перегаром: «Какую же фигню обо мне тебя интересует, мой мальчик! Если бы ты знал, какой мадридский двор скрывается вот тут (она постучала острым лаковым ногтем себе по виску) и вот тут! (она с размаху хлопнула себя ладонью по ширинке джинсов). Будучи тоже весьма нетрезв, я это заявление пропустил мимо ушей, сочтя его пустым бахвальством. Но потом оно всплыло и прочно засело у меня в голове, и как-то раз я подшил Иву «мадридским двором». Она округлила на меня глаза, потом рассмеялась и сказала: «Чем скромнее в душе женщина, тем больше ей хочется иногда выглядеть шлюхой. Не бери в голову, просто хотела спяну тебя поэпатировать. Подбросить, так сказать, дровишек в костер твоего интереса ко мне». Я заверил Иву, что «костер моего интереса» к ней горит ярко и не нуждается в том, чтобы его поливали бензинчиком чужой шлюховатости. «Мужчины любят скромниц, но трахать предпочитают почему-то распутниц», — поставила афористическую точку в разговоре Ива, и больше к этой теме мы не возвращались.

— Нет, не рассказывала, — словно клещами вытягивая из себя слова, сказал я. — Но я понимаю, о чем речь. Твой отец тогда по этому поводу разукрасил матери лицо, верно?

— Да, я слышала их разговор из-за двери, — ответила Дарья. — Пожалуй, это первое мое детское воспоминание, которое я помню отчетливо. Наверное, испугалась очень. Отец громко кричал на маму, именно тогда я в первый раз услышала слово «шлюха». Потом он бил ее. Мама умоляла пощадить, говорила, что тот человек изнасиловал ее, но отец не верил и все равно бил ее, я слышала удары и мамины крики. Тогда я громко расплакалась, и они оба прибежали ко мне. Помню, мать одной рукой гладила меня по волосам, а другой закрывала лицо.

— Во, блин! — не найдя других слов, крикнул я. — Так этот Эдуард маму, выходит, изнасиловал? Именно поэтому твой отец пошел с ним разбираться?

— Ну, да, потому что мама так сказала, — сказала Дарья. — Отец говорил, что надо писать заявление в милицию, что он этого гада посадит. Но мать умоляла его не делать этого, потому что она не перенесет позора. Тогда отец сказал, что разберется с Эдуардом

сам...

— Но вместо этого Эдуард разобрался с ним, так? — перебил я, демонстрируя осведомленность в вопросе.

— Ага, — подтвердила Дарья. — Отец вернулся разукрашенный почище мамы. У них снова были шумные разборки, отец кричал, что Эдуард утверждал, что все было по доброй воле, мама, естественно, все отрицала. Закончилось тем, что отец снова ее ударил, но мать больше терпеть не стала и дала сдачи. Потом они выпили бутылку водки, помирились и долго трахались на кухне.

В голове мгновенно нарисовалось: голая Ива, как кошка всеми лапами на остром коньке крыши, уместившаяся коленями и локтями на маленькой табуретке, и пыхтящий, как марафонец перед финишем, Аббас у нее за спиной. В маленькой кухонке не продохнуть от табачного дыма, на столе пустая бутылка из-под водки. Ивино лицо уже пошло красными пятнами, радужка глаз уже почти скрылась под дрожащими верхними веками. Из последних сил сопротивляясь подкатывающим судорогам, Ива через плечо бросает на мужа благодарный взгляд. Даже сейчас, раскрасневшаяся, растрепанная, она все равно ошеломительно красива, и даже трехдневный фингал под правым глазом не портит ее. Аббас улыбается жене в ответ, и такой же фингал у него, только слева и свежий, густо-сливовый, становится особенно заметен.

— То есть, доподлинно так и не известно, по согласию был секс у Ив... у твоей матери с этим Эдуардом, или нет? — прогоняя видение, спросил я.

— Почему, известно, — снова усмехнулась Дарья. — По согласию. Как мама скажет: «По любви-с». И не только в тот раз. После всего, хотя отец настоял, чтобы мама сразу же уволилась, она еще долго ездила в этот зал.

— Ну, а это-то ты откуда знаешь? — сердито буркнул я.

— Из самого достоверного источника, — с видом иллюзиониста, делающего руками «Вуаля!», ответила Дарья. — От самой мамы! У нее нет секретов от тети Тани, а двери в квартире были тонкие. Вы ведь знаете тетю Таню?

Я знал тетю Таню, Татьяну — давнишнюю Ивину подругу. Это была высшей степенью неприятная особа неопределенного возраста с резким голосом и визгливыми интонациями, почти альбинос с бесцветными глазами, веснушчатой розовой кожей и жидкими волосами цвета незрелого абрикоса. Плоскогрудая и костлявая, как расплющенный колесами моток ржавой стальной проволоки в дорожной колее, она представляла собой такой контраст с излучающей красоту и изящество Ивой, что не задаться вопросом, что у этих женщин может быть общего, мог только плоховидящий. Не смог избежать подобного вопроса и я, получив в ответ от Ивы движение бровей — не то раздраженное, не то несчастное, и загадочную фразу: «Лучшую подругу, как родителей, не выбирают». Но при всей внешней парадоксальности их отношения были близки и крепки. Ива, сама того не замечая, часто упоминала Татьяну в своих ответах на мой вопрос: «Ну, как дела?», да и в неизменную Турцию они, как правило, ездили втроем — Ива, Дарья и тетя Таня. Впрочем, на наших отношениях существование «тети Тани» никак не сказывалась: видя нашу обоюдную идиосинкразию, Ива на совместном общении благоразумно не настаивала.

— Они с тетей Таней пили на кухне, мама рассказывала, как они делали с Эдуардом это на батуте, подкидной доске и эллиптическом тренажере. Тетя Таня спрашивала, что такое эллиптический тренажер, а мама отвечала, что это лучшее приспособление для траха после люстры в Большом театре, и они ржали над этим, как лошади. Они долго мусолили эту тему,

постепенно напивались, эллиптический тренажер у них превратился в тренажер для эллиптических мышц, тетя Таня спрашивала, как у Эдуарда обстоят дела с эллиптической мышцей, а мама отвечала, что мышца эта у Эдуарда — нечто феноменальное, и что ее надо выставлять в рамочке в Третьяковке между картинами Иванова и Ге. Когда они совсем напились, тетя Таня просила маму посодействовать, чтобы Эдуард и ее изнасиловал пару раз своей знаменитой эллиптической мышцей. Они стали это развивать, совсем слетели с катушек и ржали без передыха минут пятнадцать, пока не вернулся отец и не разогнал их.

— Так что с изнасилованием «отмаза» у мамашки была, что называется, «левая», — подвела черту под темой Эдуарда Дарья. — Отцу перепало ни за что.

В ее голосе прозвучала издевка, совсем короткая, как зернышко на одном кадре киноплёнки. Но несмотря на то, что издевалась Дарья не надо мной, это зацепило, обожгло, как пощечина, наполнило раздражением на эту новенькую, молодую, не отягощенную угловатым рюкзаком прежних ошибок девочку, без зазрения сливающую всю родительскую подноготную. Опять захотелось взорваться, и только ужасно противное на вкус чувство соучастия не дало — сам хотел, не просил, но и не остановил. Однако порыв был такой сильный, что я встал с постели, но памятуя, что идти некуда, только снова зажег сигарету. Дарья молчала, словно ожидая моей реакции, но как реагировать, я не знал.

— Слушай, Дарья! — даже не сдерживая раздражение, нашелся, наконец, что сказать я. — Не сходится тут кое-что. Как ты можешь помнить все это, в таких подробностях? Ты ведь пигалица была, из-за табуретки не видно. Сколько тебе было — четыре?

— Четыре с половиной, — совершенно серьезно поправила меня Дарья. — Я прекрасно помню себя с двух лет. А прислушиваться к разговорам взрослых я стала как раз с этих событий, меня они страшно занимали, хотя я не все тогда понимала, конечно.

— А если не понимала, как запомнила? — зацепился за подставочку я. — Про эллиптическую мышцу? Про Иванова с Ге? Ты когда про Ге узнала? Классе в восьмом? Что, тогда услышала, а теперь вспомнила?

Ах, как приятно было размазывать эту наглядку! Вот только мой обличительный порыв ничуть ее не смутил.

— Я и сейчас ничего про него не знаю, — пожалала она плечами. — Из контекста следует, что художник, видимо. А насчет запомнить — это просто: я могу включать в голове что-то вроде диктофона и запоминать услышанное один в один. Меня сколько раз проверяли: до десяти страниц печатного текста — точно, больше просто не пробовали.

— И эйн, цвейн, дрехт, какава. Амитугурицуфари паридрикербикер. Аратара пана кана голо золоволо пело цело паровоз! — неожиданно для себя самого выдал я с детства вызубренную наизусть цитату из «Бумбараша». — Повтори!

— И эйн, цвейн, дрехт, какава, амитугурицуфари пари дрикербикераратара пана кана голо золоволо пело цело паровоз, — глядя на меня, как на идиота, без запинки выдала Дарья. — Бред какой-то. Это что — заклинание племени олигофренов? Или считалочка детская?

— Вроде, — буркнул я, отчетливо вспоминая, как классе в третьем на спор с пацанами зубрил эту «считалочку» куда дальше. — Ладно, валяй дальше.

— Потом посадили и выпустили папу, он начал гулять, и у мамы появился ты, — голосом размеренным, как в фильмах Дискавери Джиогрэфик, рассказывающих об эволюции жизни на земле, продолжила Дарья. — Как у нее было с тобой, я видела у Софы на квартире...

— Ты уже третий раз об этом рассказываешь, — с трудом сдерживая раздражение, перебил ее я.

— Детские впечатления от увиденного, видимо, были настолько сильны, что хочется делиться ими вновь и вновь, — с язвительной усмешкой парировала Дарья.

— Как и мои от увиденного в Турции, — не дал ей спуска я.

Дарья поморщилась, словно от зубной боли.

— Да уж, дура обдолбанная! — воскликнула она. — Ну вот какого фига поперлась? Хотя, если честно, маманя сама вас спалила. Могла бы сказать все как есть, но у нее то: «Мы ведь подружки, Дашенька?», то «Знай свое место, малявка!». Я и так сильно подозревала, что не с подружкой какой-то там время она проводит, стала ей назло названивать, она телефон выключила. Ну, мне вообще жесть как вставило мамашу в лицемерии уличить.

— А как нашла-то ты нас? — не удержался от давно мучившего вопроса я.

— Да элементарно, — пожал плечам Дарья. — На ресепшене дала пять долларов, спросила, в какие номера из рашика сегодня заехали. Оказалось, что только в два, и только в одном оказалась незапертой дверь. Ну, я и ввалилась безо всякой задней мысли, а там у вас та-а-кое! Мне бы, дуре, конечно, обратно, пока не поздно, но по обкурке вставило поприкалываться.

— Постой, постой! — перебил ее я. — Поприкалываться? Ты хочешь сказать, что ты это все... сыграла?

— А ты что думал? — криво усмехнулась Дарья. — Что я всамделишно к маме родной за лесбийскими утехами полезла? Вкусить, так сказать, родного лона? Я что, умственно-недоношенная?

— Да нет, — пожал плечами я. — Зато обдолбанная.

— Ну, положим, не такая я уж была и обдолбанная, — захорохорилась Дарья. — Просто настроение было приподнятое, решила пошутить.

— Ну, и шуточки у вас, — сухо ответил я. — Твоя мать отнеслась к этому более чем серьезно

— Ну, да, — виновато скосила на меня глаза Дарья. — Афигённый вышел неудобняк! Хотя, конечно, интересный был бы экспириенс на тему, насколько преувеличена максима: «Любящая мать для своей дочери на все готова!»

Всем своим видом Дарья показывала, что не просто шутит, но и понимает, что шутка вышла «сильно ниже пояса». Я вспомнил Ивины самомучения на этот счет и решил шутку не поддерживать.

— Есть экспириенс за порогами всех возможных норм, — отрезал я. — Так эпатировать мать недостойно.

Дарья нахмурилась, но кивнула.

— Согласна. Не в себе была. Извините.

Я не испытывал от вынужденного морализаторства никакого удовольствия, но все же не смог удержаться:

— У матери прощенья надо просить, не у меня.

— Да я, в общем, извинилась, — пожал плечами Дарья. — Вечером следующего дня ты только уехал. Если без деталей, то она так мне по фейсу приложила, что я с пуант слетела. И никакой трагедии, через два часа снова подружки были. Если бы не чувство вины, я не представляю, что могла бы учинить в ответ на такой не сильно педагогический мамашин порыв. Впрочем, если бы не мое ночное выступление, и она не стала бы меня

лупить. Так что, в этом вопросе мы с ней квиты.

"В этом? А в каких-то других — нет?" — мелькнуло у меня в голове, но я не стал еще больше накалять обстановку.

— Вы чего хоть тогда накурились-то? — разряжая атмосферу, спросил я.

— Да это Володя-придурак намешал какую-то дрянь, Лавуазье хренов! — с энтузиазмом подхватила Дарья. — Он на третьем курсе химфака и в свободное время изобретает всякие смеси с интересными эффектами. В Турции, оказывается, эфедрин не запрещен, мы заказали по интернету, привезли без проблем. Ну, Володя «винт» и забабахал. Накрыло-то хорошо, а что потом обоих колошматило, он уверял, что у турок в аптеках химикаты паленые. Но я думаю, сам чего-то накосячил, троечник! Я-то до этого ничего кроме чистого снега не пробовала, от него воздушно так, только утро потом хмурое. А он говорит, что придумал микс такой, вообще без побочек, он его «горячий снег» называет, фильм еще такой был, помните?..

Меня передернуло. Наверное, все-таки не от того, что название фильма про то, как красноармейцы ценой жизни сдержали танковый прорыв Манштейна на выручку запертой в «котле» армии Паулюса, было прыщавым Володей взято названием наркотической смеси. Больше — от неожиданно выяснившихся глубоких знаний девятнадцатилетней соплячки о разной наркоте. Я-то полагал, что тогда в Турции у Дарьи с наркотиками была так, случайность, курортный эпизод, первый и единственный раз. А почему, собственно, ты так думал? Да потому, что до сегодняшнего дня тебе это вообще было до фонаря, это были Ивины заботы. А сейчас эти заботы становились моими.

— «Снег», «винт»? — нахмурился я. — Не слишком ли опытна такая кроха в подобных вещах? Ты что, наркоманка?

— Я не кроха, — совершенно без интонации, как в ответ на вопрос о времени говорят «половина второго», поправила меня Дарья. — И не наркоманка. Ты что, считаешь, что если человек пробовал наркотики, то он уже все, неисправимый наркоша?

И она подняла на меня спокойный, но очень вопросительный взгляд. Я замялся, и не столько потому, что в точности так я не считал, сколько из-за того, что воспитательная доминанта дискуссии диктовала ответить утвердительно.

— Ну, в общих чертах, пожалуй, да, — решительно произнес я.

— Взгляд с точки зрения уголовного кодекса, — прокомментировала Дарья. — Странно, учитывая уровень человека, от которого я это слышу. Я тебя уверяю, что никогда не стану наркозависимой. Я лучше убью себя, но под вонючую тушу какой-то там сраной химии не лягу. Хотя, конечно, вы можете посчитать это заявлением самонадеянной девчонки, но я про себя это знаю точно. Абсолютно точно.

И, словно вбивая одним ударом гвоздь вместо точки в окончании предложения, она коротко и резко кивнула головой. Я посмотрел на нее с сомнением.

— Но ты же согласна, что устроенный тобою в Турции перформанс по трезвой лавочке ты бы никогда не учинила? То есть, ты полностью находилась под влиянием наркотика, который настолько изменил твое сознание, что ты принимала ненорму за норму. Как же ты можешь говорить, что не ляжешь под химию, если ты просто пропустишь момент, когда уже полностью будешь под нею?

— Да, да, да, знаем! — отмахнулась от меня Дарья. — Азогнозия, активное отрицание того, что болен. Но, во-первых, я ж не дура, чтобы отрицать очевидное, и наедине с собой я, поверь, бываю очень самокритичной. А, во-вторых, я не собираюсь переходить в тяжелую

категорию. Героин, крэк, дезоморфин — это не мое! Как говорится, невысоко взберешься, так больно и не падать. Я так, балуюсь, в Турции это было у меня третий... ну, четвертый раз в жизни. А то, что, не будь я под накрышкой, никогда бы этого не сделала, так люди спьяну и не такое творят! Получается, отключать себе тормоза химией — нельзя, а французским коньяком, например, можно, да?

Я вспомнил несколько в высшей степени «стремных» ситуаций, в которые я в разные годы попадал после того, как перебирал с алкоголем, и не нашелся, что возразить. Минуту назад у меня в душе ледяной иглой звенело отчаяние по поводу того, что вся эта необычность, умность, взрослость этой девчонки — всего лишь результат химической реакции, может быть, прямо сейчас шипящей в ее мозгу. Черт, связался с наркоманкой, и это делает и без того чудовищно сложные отношения с ней совершенно постыдными и безвыходными. Теперь это отчаяние ушло, разошлось, как ложка растворимого кофе под натиском струи кипятка.

— Но... зачем это вообще тебе нужно? — примирительно спросил я. — Даже очень редко, раз от разу? От чего ты в этой жизни хочешь убежать? Что тебе в ней настолько невыносимо? У тебя все равно...

— У меня все равно?! — закричала Дарья. — Ну, да, если сравнивать с проблемами... ну, я не знаю... беженцев где-нибудь в Западном Сахеле, то, наверное, у меня все ровнее ровного. Но мне мое «ровно» представляется так: неказистая девятнадцатилетняя девчонка, как ты образно подметил, «ни кожи, ни рожи», коротконогая, без сисек, у которой только что сгорел без остатка, как в адском пламени, отец, путающаяся с любовником своей красавицы-матери, который старше ее на тридцать лет. На прилично «выскочить замуж» нет шансов, а на приличное образование нет денег. Принцы на белых конях пород «БМВ» и «Ауди» на таких как я не заглядываются по определению. И что делать? Как большинство — залететь от кого-нибудь не сильно пьющего и попытаться под этим лозунгом создать ячейку общества с шансами развода через пару лет выше восьмидесяти процентов? Или как меньшинство — пойти в шлюхи в надежде заработать на относительно обеспеченное будущее старой девы, ненавидящей все человечество? Когда я выпускаю из рук вожжи самообладания и разрешаю себе задуматься о своем настоящем, где я никому не нужна, и будущем, где в лучшем случае никто не нужен мне, я конкретно жить не хочу. Я даже место для наиболее быстрого сведения счетов давно уже подобрала, на мосту одном живописном. И когда я вот так заштопориваюсь, по сравнению с этим «хмурое утро» после «снега» кажется вполне себе солнечным.

Она замолчала как-то сразу, как будто в изрыгающем клубы белого дыма огнетушителе кончился порошок, — бессильно опустившаяся голова только добавляла сходства. Я смотрел на острый пробор, идущий через ее густые темные волосы, и испытывал жалость, возмущение, сочувствие, желание сопереживать и дать саркастическую отповедь, обнять, укрыть и подвергнуть остракизму одновременно. Все мыслимые порывы бушевали сейчас в моей груди. И еще — подумалось о Кирилле.

— Ну, почему ты говоришь, что ты никому не нужна? — сплетя, наконец, как нитку из кудели, из вороха чувств ариозо доброй бабушки, осторожно сказал я. — Мать тебя любит безумно...

— Да, да, проходили, — раздраженно мотнула головой Дарья. — Только это — совсем другое. Эгоистическое нежелание расстаться с когда-то частью себя самой — вот что такое любовь матери к повзрослевшему эмбриону. Всепоглощающее, часто жертвенное, но всегда

эгоцентрическое чувство. В нем нет ни капли понимания того, кто есть ребенок на самом деле, что ему нужно, какова его миссия в этом мире. Мать Иисуса не понимала, кто есть ее сын, и он был вынужден отречься от нее, иначе он не смог бы выполнить свое предназначение. Вообще, если бы людям было достаточно только материнской любви, они давно вымерли бы.

«Много ты знаешь, как твоя мать тебя любит!» — подумалось мне, снова вспомнив турецкие Ивины откровения.

— Ладно, послушай, но все ведь так живут! Понимаешь, все! — слегка подустав от всего этого «Paint It Black»^[ii], воскликнул я.

— Я — не все, — глухо ответила Дарья. — Я не хочу, как все.

Повисшая тишина была ощутима, как стынь тридцатиградусного мороза через оконное стекло.

— Эх я вас загрузила, однако! — подсвеченными струями умершего, казалось, фонтана внезапно буквально взмыла верх Дарья. — Да ну это все, ей Богу! Я вполне способна управлять своими настройками. О чем, бишь, мы? Так ты, выходит, в этих делах совсем, что ли, чайник, да? Никогда ни через «пых», ни через «нюх»?

— Полный, — признался я. — Не пробовал никогда, ничего, и считаю это одним из главных своих достижений.

— Да ты што-о-о-?! — в очень реалистичном радостном изумлении всплеснула руками Дарья. — Не может быть! Если судить по мне, то это как сохранить девственность лет до ста, ха-ха! И что, никогда не хотел попробовать? Просто — ощутить, как это?

— Да нет, хотел, конечно, — признался я. — Но во времена моей молодости это было даже не то что предосудительно, а вообще за границами понимания. Да и вообще: наркотиков у нас не было, это все там, на загнивающем западе. Помню статью про новейший наркотик ЛСД в журнале «Техника — молодежи»: жуть кошмарная, люди из окон выкидываются! Ну, зачем же такое на себе пробовать? Это уж я потом узнал, что у ЛСД, например, синдрома привыкания нет, и вообще это — единственное лекарство при некоторых заболеваниях. А когда все это стало без проблем купить, уже было не до того, да и старый стереотип действовал. А может, так просто случая и не представилось.

— А вот отец пробовал, — пожала плечами Дарья. — Наверное, не мыслил стереотипами.

Я внимательно посмотрел на Дарью.

— Ты же не тот случай, когда при аресте отца напоили водичкой с героином, имеешь в виду?

— Нет, конечно, — дернула губами она. — Когда он ездил на Кавказ к родне, он сам потом рассказывал. Там все его дядя «пыхают» — и дядя Шахрат, и дядя Парвиз, и другие. Вообще все на наркоте лет с пятнадцати. Или «пыхают», или жуют. Отец говорил, что и его уговорили, и он попробовал один раз. Я его подколола, что, наверное, не раз и не два, он начал жеманничать, хи-хи, да ха-ха — так поняла, что он там с ними с этой кочерги и не слезал. Он вообще оттуда какой-то обалдевший приехал. Правда, он и раньше такой бывал, я помню. Но, ладно, о покойниках — или хорошо, или ничего. Хоть он нас с матерью сильно последние годы доставал, все-таки он мне отец был, как-никак.

«Да, точно, или хорошо, или ничего», — эхом в ушах отозвались Дарьины слова, и перед глазами промелькнуло на мгновение лицо Аббаса с его фирменной, зло-ироничной усмешкой на губах.

— А давай попробуем? — прильнула ко мне Дарья. — Вдвоем? В первый раз ощущения просто фантастические.

Странно — я хотел, и только что в совершенно некатегоричных тонах высказывался насчет такой возможности, но открыто и прямо сказать: «да» не было никакой возможности.

— Ты что, с ума сошла?! — нахмурился я. — Не буду, и если тебе важны отношения со мной, эту практику я тебе продолжать категорически не советую.

Дарья медленно подняла на меня глаза, наполненные в высшей степени снисходительной улыбкой, и сочно потянулась всем своим тонким гладким телом. Потом одним легким сильным движением скрутившись вдоль горизонтальной оси и повернувшись вдоль вертикальной, она из лежачего положения встала на четвереньки и, положив подбородок на сплетенные пальцы рук, не мигая, уставилась на меня. В мгновение ока бездельно прохлаждающийся на простынях человеческий детеныш превратился в молодую, но уже полную сил пантеру с алым острием языка между ослепительно-белых резцов и неумолимо влекущим огнем желтых глаз с вертикальными зрачками; мне даже померещилось, как сзади Дарьиной головы между острых ягодичек вдруг метнулся туда-сюда мускулистый черный хвост. Я уже приготовился к очередному ее ядовито-острому ответу, но пантера послушно улеглась рядом, положив голову мне на колени.

— Как скажешь, дорогой, — промурлыкала она. — Я же наполовину восточная женщина, а женщине полагается подчиняться своему мужчине. Мне так нравится подчиняться тебе! Вот только ты уже скоро полтора часа, как не оказывал мне обычных между мужчиной и женщиной знаков внимания.

— Я старенький, мне нужно больше времени, чтобы тело догнало голову, — рассмеялся я.

— Я наблюдала в Турции, какой ты старенький, — подпустила шпильку Дарья. — Если бы ты видел, где были мамыны глаза в тот момент, когда я вломила в номер! Я тоже так хочу. — Расскажи лучше еще о матери, — поспешил сменить тему я.

— Ну, а что еще рассказывать? — вздохнув, переключилась Дарья. — Когда у тебя с ней случился разлад, она долго переживала, даже плакала тете Тане в жилетку. Но потом у нее появился какой-то бородатый Юра (я не видела, но мать так его так называла, когда тете Тане хвалилась), после него — какой-то Рома, а последний был армянин по имени Арсен. Он был бомбила, у него была «девятка» с такими затемненными окнами, что можно было на солнце без очков смотреть. Его я видела, один раз он был с нами в ресторане не тетятанином дне рождения. Не урод, в общем, не дурак, но уж больно черный, и... как это сказать? С гор, в общем. В машине слушал исключительно музыку «дудук» — дудка такая армянская, и тащился, как Фредди Меркури от Монсеррат Кабалье. Я один раз попросила его сменить пластинку — он так посмотрел на маму, как будто я громко пукнула на поминках. Как мать с ним столько времени яшлась, ума не приложу. Хотя... Подслушивать тогда уже выходило редко, и я намылилась мамкины эсэмэски читать, потом подобрала пароль к ее мэйлу. А последние лет пять она вообще от меня не сильно шифруется. Мать говорила тете Тане, что у Арсена «огнемет в штанах», что он делает не столько раз, сколько он может, а столько, сколько она хочет. «А хочу я постоянно, ты же знаешь, ха-ха», — писала мама тете Тане. «А разговариваете вы о чем?» — спрашивает тетя Таня. «Ни о чем, на разговоры у нас нет времени, — отвечает мать. — Да и по русски он х...ево говорит!» С ним она долго встречалась, вы уже снова помирились, встречались, но она с ним не рвала. Конечно, зачем ей зажигалка после огнемета? Я могу тебе точно сказать, когда она снова тебя до себя

допустила — весной две тысячи седьмого, что-нибудь в мае, верно? Потому что Арсена в апреле поймали на незаконном извозе, у него оказалась прострочена виза, его депортировали и внесли в невъездные на семь лет. Кстати, срок истекает в следующем году, так что весной у тебя мог бы появиться, так сказать, партнер по предприятию. Нужны еще аргументы в пользу того, что вслух говорить нельзя, а то ты мне по морде дашь?

Последние слова резанули неожиданно и больно, как острый ножик по подушечке пальца во время чистки картошки. Я посмотрел на Дарью, но в ее глазах был не победный огонь, а грустное сочувствие.

— Ладно, ну сколько можно? — бессильно спросил я. — Зачем ты про нее так?

— Зачем? — закричала Дарья, вскочив на колени. Дарья. — Неужели непонятно? Да потому что ты ее любишь, балда ты... вы стоеросовая! — Она никогда тебя не любила, трахалась напропалую со всем ансамблем, а ты по ней сопли лил, я твои письма читала! Ты даже сейчас смотришь на меня, а думаешь о ней, нет? А она в этой жизни кому была верна, кто ее любил? Отцу изменяла, правильно он ее под «гжель» расписал! Знаешь, каково ему было знать, что она с Эдуардом этим снюхалась, что от него в супружескую постель возвращается! Он плакал на кухне, как мальчишка, я его утешала, он гладил меня, думал, что я ничего не понимаю. Я тогда его любила, не понимала, что может быть общего у мамы с другим дядей. А когда уже тебя любила, не могла взять в толк, зачем ей этот тошный Армен со своим дудуком...

Она говорила, вернее, выкрикивала это с экспрессией Софьи Перовской на судилище, бесподобно путая в обращении ко мне «ты» с «вы» и потрясая кистями с растопыренными пальцами рук, как барабанщик, готовый грянуть в литавры. Но она вдруг внезапно осекла свою пламенную речь и широко вывездила на меня испуганные глаза.

— Что такое? — удивленно спросил я, ощущая, что остановило Дарью что-то, только что ею сказанное, но совершенно не понимая, что.

Дарья посмотрела на меня взглядом, полным внезапных слез и еще чего-то непонятно-огромного, что, показалось, вот сейчас выплеснется на меня фантастическим, нереальным, километровым цунами, все сметающим на своем пути, но в следующую секунду глаза ее, как оборвавшаяся вольфрамовая нить, погасли, высохли, над ними двумя темными, полными дождя тучами сошлись ее густые брови.

— Ничего, — глухо ответила она. — Все это в прошлом, а прошлое не имеет значения. Важно только то, что происходит сейчас. А сейчас я просто с ума схожу от любви. Иди сюда, умираю без тебя.

И она опрокинулась на спину, и ее «alter ego» открылось мне, как весенний бутон навстречу солнцу. Невидимые, но ощущаемые всеми прочими чувствами флюиды, изошедшие от этой картины, нереально рельефной, как шрифт Брааля под пальцами, были так сильны, что я мгновенно вскочил, вытянулся, как новобранец по команде «Смирно!», выстроился над распростертой подо мной Дарьей, но, как щепетильный гость, ожидающий повторного приглашения, застыл перед входом.

— Скорее, не могу! — даже интонациями копируя мать, прошептала Дарья.

— Значит, зажигалка? — мучая ее и ощущая от этого почти физическое удовольствие, спросил я.

Дарьин непонимающий взгляд с трудом всплыл в ее глазах через густой туман отсутствия.

— Зажигалка? Не понимаю! — пролепетала она дрожащими губами, потом улыбнулась:

— А, зажигалка!.. Лично мне мне с такой никакого огнемета не нужно. А предыдущий товарищ, похоже, просто так и не научился ею пользоваться. Иди, скорее!

Лесть — примитивное, но удивительно эффективное оружие. Я воспарил и ринулся доказывать, что Дарьяна похвала моим достоинствам — не просто фигура речи. Но на самом пороге, уже плохо соображая, я все же успел остановить себя.

— Заморозка, наверное, прошла уже, — прохрипел я. — Будет больно.

— Пусть, — не открывая глаз, прошептала Дарья. — Хочу. Хочу, чтобы было больно. Боль — честная валюта. Я тут наговорила... Про мать и вообще. Хочу заплатить. Давай.

Долгий, бурлящий стон вырвался из ее сломавшегося под тяжестью запрокинутой головы горла, и я провалился в осязаемо тягучий, опутывающий со всех сторон кокон терпко-сладких, как ромовая патока, ощущений. Какое-то время я еще пытался себя сдерживать, но скоро напрочь утратил контроль над собой. Платить Дарье пришлось долго, но ни одного звука, который можно было бы расценить, как страдание, не слетело с ее губ.

Дарья, свернувшись калачиком, тихо дышала рядом, ко мне же сон не шел. Я лежал и словно мысленно осматривал, ощупывал всего себя после удивительных событий сегодняшнего дня, изучал состояние тела и души. С первым все было понятно: оно тихо и ровно урчало, как умиротворенная, довольная кошка, потому что столько физического удовольствия оно не получало давно, пожалуй, с времен несчастных, а потому совершенно безудержных армейских отрывов с местным женским полом. С душой все было сложнее, гораздо сложнее. Там не было мира, там, как в жерле внезапно утратившего равновесие вулкана, кипело и бурлило раскаленное варево из чувств и мыслей.

Большая часть их была, как ни странно, об Иве. Все то, что я узнал сегодня о ней, о нашей с ней истории отзывалось в душе тягучей, ноющей болью. Очевидно было, что считая отношения с нею законченными, связи порванными, я ошибался. К Дарье в связи с этим я не испытывал никакого негатива ни как к плохому вестнику, ни как к доносчице на собственную мать. Почему-то я понимал ее, понимал, что ей, не получившей от матери в наследство и десятой доли красоты и статей, неизмеримо труднее в этой жизни с вопросами любви и отношений. И в нашем треугольнике, коль уж такой возник, Дарья не была нечиста на руку: у меня сначала закончились отношения с ее матерью, и только потом начались с нею. И хотя все могло сложиться по-другому, но тени этого сомнительного поступка ни на Дарье, ни на мне не было.

Зато других — были. Оба мы — девчонка, еще не разменявшая третий десяток своих лет, и я, мужчина на пороге шестого, вступили в отношения, французами метко определенными как *mesalliance*, неравный союз. Ее репутация в связи с этим при взгляде со стороны, наверное, имел свои «подпалины», но это должно было больше беспокоить ее саму, меня этот нюанс не слишком занимал. А вот мой... Нет, конечно, у нас с Мариной не было несовершеннолетних детей, и у нее в случае нашего расхода не образуется материальных проблем, но... Да, новая женщина — это всем понятно; во фразе «ушел к молоденькой» по стандартам современного общества, управляемого мужчинами, больше зависти, чем осуждения. Вот только я так никогда не считал. Просто потому, что по отношению к той, которая была с тобой всю жизнь, в радости и в горе, такой уход не из-за чего, просто к новенькой, стройненькой, свеженькой — нечестен и, как говорится, двух мнений здесь быть не может. Другое дело, что уже давно в наших с женой отношениях появилась тень в виде нашего сына Кирилла. То есть, Марина вряд ли осознавала это, и возмись я ей это

объяснить, думаю, она просто не поняла бы меня. Да и сентенцию о том, что у мужчины есть претензии к жене на тему, что она их совместного ребенка любит сильнее него, тем же обществом была бы воспринята, как натяжка, перебор, вообще не норма. Нет, я никогда в себе эту мысль не культивировал; более того — не будь наш сын таким козлом, уверен, она просто никогда не пришла бы мне в голову. Да и до вчерашнего дня, когда Марина первый раз в жизни, поставленная перед выбором, предпочла не меня, эти соображения ничего в моем отношении к жене не определяли. До вчерашнего дня.

А бросить сейчас эту девочку — каково? Утром, когда она проснется, сказать, потупив взгляд: «Извини, это была ошибка, тебе лучше уйти»? Куда она отправится: ловить такси до аэропорта, или к ближайшему живописному мосту? Да, не нужно было это затевать, на все это вестись, но ведь теперь-то уже поздно, поздно! И дело даже не в этом, а в том, что вот так вычеркивать Дарью из своей жизни, в которую она внезапно, как молния, как ураган ворвалась, я не хотел. По крайней мере, сейчас, здесь. А потом, там, в Москве? Жизнь покажет. Да и есть ли, она, эта Москва, теперь для меня?

— Думаешь о жене? — спросила Дарья, и от неожиданности я вздрогнул.

— Да, — ответил я. — Как ты догадалась?

— Ну, ты уже десять минут лежишь в одной позе, не моргая, смотришь в потолок, и вздыхаешь. Если бы не вздыхал, можно было бы предположить, что ты размышляешь о своих московских проблемах, а если бы моргал, то мысли твои могли бы быть о моей матери. А так — все ясно!

Я улыбнулся шутке и повернулся к ней.

— А может, я о тебе думаю?

— Не пудрите мне мозги, Арсений Андреевич! — хмыкнула Дарья. — Я прекрасно понимаю место, которое могу к текущему моменту занимать в ваших мыслях. Даже с учетом между нами произошедшего, до пьедестала мне еще далеко. Другое дело, что с таким положением я долго мириться не собираюсь.

Я рассмеялся, поцеловал ее в лоб.

— Она не любит тебя, — неожиданно посерьезнев, сказала Дарья. — Если бы любила, была бы здесь, с тобой.

К горлу подкатил острый комок.

— Много ты понимаешь, — ответил я.

— Достаточно, чтобы разбираться в таких простых вещах, — упрямо отрезала она.

— Как любовь? — удивился я.

— Да, как любовь, — ответила Дарья. — Любовь — сложная штука, но с одним все просто: или она есть, или ее нет. Когда есть, ты рядом с любимым человеком, и весь мир не важен. Когда нет, найдется тысяча веских причин.

— А у тебя есть? — поддел я.

— Да, — ответила Дарья, — И поэтому я сейчас здесь. Только скажи, и я прямо сейчас выпрыгну из окна.

Я посмотрел на нее. Снова этот упрямый взгляд, решительно сжатые губы, столкнувшиеся, как поезда на встречных курсах, брови — проверять девочку на вшивость категорически не хотелось.

— Не надо, — предельно серьезно отозвался я. — Ужасно глупо было бы разбиться об асфальт при живом-здоровом возлюбленном. Даже Ромео с Джульеттой умерли только потому, что полагали друг друга умершими.

— Они были дети, — сказала Дарья. — За пять дней наигрались в несчастную любовь до смерти.

— Хм, интересное прочтение трогательнейшей из трагедий Шекспира, — несколько опешив, пробормотал я. — Я думал, что автор имел в виду, что они познали цену любви и поняли, что она дороже жизни на земле, вечной жизни в раю — всего.

— Да когда они успели-то?! — вскричала Дарья. — С воскресенья по четверг умудриться познакомиться, влюбиться друг в друга до смерти, обвенчаться и убить себя! И все это несмотря на семейную вражду, на то, что Ромео стал убийцей брата Джульетты и что, будучи католиками, они не могли не знать, что суицид гарантировал им адский пламень. Это не любовь, а крайняя степень импульсивной социопатологии, присущая детям. Собственно, Ромео было шестнадцать, Джульетте — четырнадцать, и невзирая на традицию ранних браков, определяемую малой продолжительностью жизни, они все равно были еще детьми, просто не успевшими понять цену жизни!

Боже, с каким очаровательным апломбом она говорила это!

— У тебя, конечно, все не так, — полуутвердительно спросил я, с трудом сдерживая ироничную улыбку.

— Конечно, не так! — помотала головой Дарья. — Ты имеешь в виду, что в твоём представлении я тоже нафантазировавший себе про любовь ребенок, не знающий цену жизни? Ну, скажи честно, я не обижусь.

И она с вызовом прищурилась на меня. Я оценил перспективы откровенного, «почестнаку» разговора на такие тонкие темы и решил рискнуть. Пусть лучше между нами будет как можно больше ясности.

— Ну, собственно, да, — кивнул я. — Ты еще ребенок, по меркам сегодняшней продолжительности жизни даже моложе Джульетты. Это — раз. Ты собираешься прыгать то с моста, то из окна — значит, не понимаешь цену жизни. А это, в свою очередь, является свидетельством того, что у тебя вообще с системой жизненных ценностей кривизна и перекося. Это — два. И три: это твое «Я люблю тебя с детства» тоже не канает, так, мультик про Барби, слюни в розовой обертке. Пожалуй, все. Ты обещала не обижаться.

Дарья нахмурилась, в темноте мне даже показалось, что на ее глаза навернулись слезы. Черт, наверное, зря я это начал.

— Я и не обижаюсь, — явно хорохорясь, мотнула головой она. — И вообще — ты был бы прав в отношении любой другой девчонки моего возраста на моем месте, но я та самая не любая, в отношении которой вся эта твоя трепанация с лоботомией не гарантировала тебя от ошибочного диагноза. Во-первых, мои мысли о том, чтобы сигануть с моста или из окна не от того, что я не знаю цену жизни, а от того, что я слишком хорошо знаю цену ей, когда в ней нет любви. Во-вторых, у меня на осознание того, что я люблю тебя, было не пять дней, а много лет, и я уже достаточно не ребенок, чтобы отличить любовь от игры в нее. А в-третьих, я могу точно рассказать, как и при каких обстоятельствах я влюбилась в тебя, и тогда ты поймешь, почему мои чувства к тебе — не мультик про Барби.

Собственно, постановка вопроса отрицательного ответа не предполагала, и я кивнул.

— Все девочки в период полового созревания влюблены в своих отцов, — начала Дарья. — Эдипов комплекс — страшная штука, а менструации меня, на минуточку, с девяти лет. Но ревновать отца к матери я начала раньше, еще не имея представления, что эта штука не только для писания, и чем родители время от времени занимаются в постели. Бывало, когда они могли себе позволить подольше поспать, я приходила к ним, втискивалась

посередине и ждала, когда мать встанет готовить завтрак и я останусь в постели одна с отцом. Это было... такое чувство! В общем, я совершенно конкретно любила отца и видела себя на месте матери. Но потом отец как-то быстро отдалился от нас, от дома, потом пропал надолго. Я не понимала тогда, что это связано с его проблемами в делах, но помню, что мне очень не хватало воскресных полежалок в их постели. И тут появился ты, и я узнала, чем взрослые иногда занимаются. И после этого у меня в мозгу картинка некоторым образом изменилась, я возненавидела мать за то, что она занимается этим не только с отцом. Но вслед за этим в этой области моего сознания произошли определенные девиации. Логически я должна была бы еще больше полюбить отца, но вместо этого моя любовь к нему каким-то немислимым образом перешла на тебя, в моих уже вполне девических мечтах ты заменил отца. Это совпало с тем, что отец стал все чаще домой пьяный приходить, с матерью у их пошли скандалы. А ты был таким... большим, спокойным. Я с отцом тебя все сравнивала и жалела, что он не такой... Или даже что ты — не мой отец. В общем, я совершенно конкретно в тебя втюрилась. Потом, когда вы с матерью разбежались, и тебя довольно надолго на горизонте не стало, все это, видно, во мне подзасохло, но не умерло совсем, а инкапсулировалось, впало в спячку. Если бы у меня за это время какой-нибудь предмет появился бы, то, может быть, он заместил бы тебя, вот только ни у кого шансов против тебя не было. И когда года четыре назад я обнаружила, что мать снова с тобой встречается, увидела как-то раз вас вместе, фонтан снова забил. Я сама страшно удивилась, но ты начал сниться, и во сне мы делали невообразимые вещи. Ну, вот как-то так это все до Турции и докатилось. Веришь — когда я с понтом к матери лезла, думала, вот ты сейчас подойдешь, сдернешь полотенце, возьмешь меня, как ее, за задницу. Дура? Накурившаяся дура?

И она, как маленькая собачка хозяину, заглянула мне в глаза. Я засмеялся, погладил ее по голове.

— Ты все это только сейчас придумала? — незло улыбаясь, спросил я ее. — Переход Эдипова комплекса с отца на проезжего молодца... История интересная, но совершенно неправдоподобная. Комиксом пахнет. Помнишь, в «Убить Билла» Водяная Змея идет в ассасины, став свидетелем расправы над родителями? Там еще мульт такой с морем крови? Очень проникновенно, и настолько же нереально. Скажем так, сюрреально. Я не психолог, конечно, но, по-моему, все это — плод твоей фантазии, нет?

Дарья отвела взгляд.

— Говорил отец, что ты — один из самых умных людей, которые встречались ему в жизни, — усмехнулась она. — Я не то чтобы не верила, но как-то этой его оценке не придавала должного внимания. Сейчас вижу, что ошиблась. Ловко ты меня... раскрыл. Просто подумала, что если рассказать правду, ты смеяться будешь.

— Смеяться? — воскликнул я. — Как же можно смеяться над историей любви? Я не бесчувственный, я не буду смеяться.

— Ладно, — вздохнула Дарья. — Много, что я тебе рассказала, правда, но окончательно в тебя я влюбилась из-за... прыщей.

— Что? — не понял я. — Из-за прыщей?

— Именно, — зло зыркнула на меня глазами Дарья. — И не смей ржать!

Детские прыщи — проблема общеизвестная, они часто появляются в период начала пубертатного периода и, как правило, со временем проходят. Но у Дарьи они проходить никак не хотели, и годам к пятнадцати это стало настоящей проблемой, и даже я знал об этом — от Ивы, конечно.

— Первый раз в жизни я начала подумывать о том, чтобы сигануть с моста именно из-за прыщей, — скривила губы Дарья. — Помнишь, я рассказывала об одном придурке, которого я из-за них отшила? Так вот, у него по сравнению со мной, можно сказать, их вообще не было, просто я косметикой наострилась гримироваться, да в тени держаться. А потом ты этот чудесный крем достал...

— Я? — изумился я. — Крем?!

Да, да, сейчас я начал вспоминать! Давным-давно (ну, да, лет пять назад!) я озадачился проблемой одного необходимого маме лекарства, которое по непонятной причине перестали завозить в страну. Пришлось заказывать медикамент в Германии на тамошнем интернет-сайте с доставкой международной почтой. Хорошо помню, как, впервые просматривая сайт, я наткнулся на рекламу, гласящую «Прорыв в лечении акме». На удачу, я знал, что такое акме, и помнил, что Ивина дочь страдает этой болезнью. Одним кликом мыши я положил тюбик крема в виртуальную корзину покупок вместе с нужным мне лекарством и, когда пришла бандероль, отдал крем Иве. Да, через какое-то время Ива сказала мне, что крем очень помог, и что Дарья передает мне огромное спасибо, но чтобы этот пустяк в результате возымел такое значение!

— Я помню, как стояла как-то перед зеркалом, — рассказывала Дарья, — смотрела на свою прыщавую физиономию, думала об утопиться и о том, что если бы кто-нибудь помог бы мне с этой проблемой, я бы сделала для него все, что он пожелает, даже если бы он захотел это в совершенно извращенной форме. И тут мать приносит этот крем, не говоря, откуда он, и все проходит, как по волшебству. Когда стало ясно, что он конкретно помогает, я бросилась мать обнимать-целовать, и только тогда она сказала, что это, мол, дядю Арсения благодарить надо. Тут я вспомнила свои клятвы перед зеркалом, они наложились на тот, скажем так, интерес, который я испытывал к тебе до того, и поняла, что буду исполнять свою клятву безо всякого отвращения. Более того, я сказала себе: последней сукотварью буду, если обещанного не исполню. Ну, а дальше к этой закваске добавим пару-тройку ингредиентов вроде турецкой ночи, вашего разлада с татап, того, что ты стал моим первым мужчиной, и — вуаля — получился аромат под названием LAmour. Ну, или Love, если вам будет угодно. В такую историю любви ведун девичьих сердец поверит?

Она смотрела на меня, и я не мог понять, улыбается она или нет.

— Ну, если вооружиться «Лезвием Оккама»..., - начал рассуждать я, внимательно наблюдая за Дарьиной реакцией на свои витийствования.

— Да, знаю, — перебила меня она, и стремительная усмешка тронула ее губы. — Философский закон, гласящий, что верное объяснение чему-то непонятному, как правило, самое простое из всех. Отец часто его упоминал.

«Я даже знаю, откуда он о нем первый раз услышал», — вспомнил я выступление Жоры-Скальпа на забитой нам Димой-заказчиком «стрелке». Дарья по-кошачьи легла на меня, вытянулась в струнку, положила подбородок на руки, скрещенные на моей груди.

— И какой вывод, руководствуясь этим законом, ты сейчас делаешь? — промурлыкала она, заглядывая мне в глаза, и мне показалось, что зрачки ее на мгновение стали миндалевидными, кошачьими.

— Что история с прыщами, пожалуй, способна объяснить столь странное возникновение у маленькой нимфы чувств к старому неэротичному Сатиру, — улыбнулся я, крепко обхватывая Дарью под ее маленькие ягодички. — По крайней мере, это гораздо более правдоподобное объяснение, нежели шарж на старика Фрейда.

— Нет, правда, правда! — зажмуриваясь, — то ли хитря, то ли от удовольствия — закивала она. — Чесслово, не вру. Прыщи — это такая вещь, понимаешь, это такой стимул! Любая девчонка в позднем пубертатном периоде, не задумываясь, душу продаст за избавление от этой напасти. Я даже думаю, что у Джульетты, наверное, тоже они были, и Ромео сразил ее каким-нибудь новомодным средством. А Шекспир из тогдашних представлений о плиткорректности просто умолчал об этом. Чтоб не принижать божественного величия таинства возникновения любви, так сказать!

Мы оба весело рассмеялись. Я обнимал ее маленькое, горячее, пульсирующее тельце и чувствовал, что теряю связь с реальностью. Мог ли я еще неделю назад подумать, что из уважаемого бизнесмена, гражданина, семьянина превращусь, как по мановению злой волшебной палочки в парию, изгоя, отщепенца, живущего по законам джунглей, по правилам выживания? Маргинала, «замутившего» с еле перешагнувшей черту совершеннолетия дочерью собственной любовницы, некогда возлюбленной? И я не стораю от осознания всего этого ужаса от отчаяния и стыда, мне это неожиданное и незнакомое чувство освобождения от пут правил, законов, норм и запретов нравится, кружит голову, врывается глубоким вдохом в легкие, наливает силой увядающие мускулы! Да я ли это вообще, со мной ли все это происходит? Да, безусловно, просто я стал другим, я сейчас не предосуждаю себе многое из того, о чем раньше и думать-то было зазорно, совестно и стыдно. И никто меня не осудит, потому что некому. А вдруг если кто-то и осудит, то с каким наслаждением, вкусом и, главное, с полной уверенностью в правоте я пошлю его на х...й!

— Слушай, а у тебя что, с собой есть? — совершенно неожиданно для самого себя спросил я.

— Конечно, нет, — помотала головой Дарья. — Во-первых... ну, неважно, что во-первых, но во-вторых: я же не бешеная тащить это через границу!

— Кто-кто тащит, — скривился от воспоминаний я.

— А, ну, да! — воскликнула Дарья. — Извини, не подумала. Отвязный хлопец твой сынуля! Хорошо, что он не встелся мне до нашего знакомства! Он похож на тебя?

— Нет, не похож, — ответил я. — Совершенно не похож.

— Тогда хорошо, что не встретила! — засмеялась Дарья. — А ты что же, неужели надумал?

На самом деле я давно думал об этом. Думал под большим секретом, ни с кем мыслями этими не делиась. Думал, смотря знаменитый «Основной инстинкт» («А ты никогда не трахался под кокаином?») И перечитывая в сотый раз Мастера и Маргариту: уж не под морфием ли привиделось это все Михаилу Афанасьевичу?! И узнавая, что Стивен Кинг несколько своих романов так называет «кокаиновыми» (и утверждает, что процесса их написания он совершенно не помнит, ха-ха!). И продираясь сквозь диковинные заросли сюжета Пелевинского «Чапаева и Пустоты» (единственная книга этого перепиаренного автора, которую можно читать)? Думал о том, что если способности человеческого (и моего?!) мозга используются всего на десять или двадцать процентов, то не может ли это помочь человеку (мне!) задействовать эти огромные мыслительные резервные мощности? Чтобы понять, что я, зачем я? Найти ответы на много других вопросов, на которые ответа человек в своем обыкновенном состоянии найти не способен в принципе, априори. Думал, и отдавал себе отчет, что если бы подвернулся удобный случай, обязательно нужно было бы попробовать, потому что в жизни попробовать нужно если не все, то многое, а мне уже не

восемнадцать, не сорок и даже не пятьдесят, и кто его знает, когда — все, «кирпич»?

— Надумал, — решительно ответил я. — Но ведь все равно же нету?

— Конечно, нету, — вздохнула Дарья. — Но вот если бы было?

— Вот будет, тогда и поговорим, — улыбнулся я.

— Точно? — по-детски сузила на меня глаза Дарья. — Не врешь?

— Штоп я здох! — подняв, как на присяге, правую ладонь, процитировал я незабвенного Штирлица.

— Ну, сарри! — наставила на меня палец Дарья. — Завтра будет.

— Откуда? — изумился я.

— Завтра, — повторила Дарья, порывисто целуя меня в нос. — Завтра будет, завтра и поговорим. А сейчас давай поспим, а? Я никакущая, чесслово! У меня был тяжелый день — дефлорация, знаешь ли, и прочее. Ты не против?

— Конечно, не против, — улыбаясь, потянулся к ней губами я.

Но Дарья уже спала.

[i] Матрицы Равена — тест, предназначенный для дифференцировки испытуемых по уровню их интеллектуального развития; тест Кеттела — 16-и факторный личностный опросник.

[ii] «Paint It Black» (Нарисуй это черным, англ.) — песня Rolling Stones.

Глава 12. Трип

Я проснулся от ощущения, что на меня кто-то смотрит, вернее, даже не от него самого, а от воспоминания, связанного в свою очередь с этим ощущением. Точно так же я ощущал себя при пробуждении после нашей первой ночи с Ивой, и это ее невыразимо грустные серо-зеленые в тогдашнем неярком свете глаза смотрели в то утро на меня. Глаза сейчас были совершенно те же самые, лишь от яркого солнца за окном, просачивающегося даже сквозь плотные шторы, в них мерцали янтарные огоньки, придавая радужке сходство с хризолитом. Только между двумя этим утрами лежали двенадцать лет времени и тысяча километров пространства, и это были глаза не Ивы, а ее дочери Дарья.

— Привет! — немилосердно хрипя спросонья, сказал я. — Ты знаешь, что у тебя глаз ведьмачий? Ты разбудила меня своим взглядом, как пальцем ткнула. Чего так смотришь?

— Ты старый, — проведя пальцем мне по лбу, задумчиво отозвалась Дарья. — Я только сейчас тебя рассмотрела. У тебя морщины, как у отца, даже глубже.

— Оно и понятно: я, вообще-то, и постарше, — ответил я, запнулся о логическую необходимость добавить что-то вроде: «Чем он был», и перевел тему: — А какова, собственно, причина размышлений на темы геронтологии? Лишь поутру, проснувшись, Даше стал очевиден мезальянс? Ах, кому же я, кому же всю невинность отдала?

— Глупый, — улыбнулась Дарья. — Такой старый, и такой глупый. Возраст тут ни при чем. Просто люди самые настоящие, когда спят. Вот я изучаю человека, с которым связала жизнь, потому что раньше как-то не было возможности.

Я нахмурился.

— Слушай, вот про это... про «связала жизнь»... Ты вообще представляешь, насколько это значащая и... многообязывающая фраза? Причем всех обязывающая? А ты так легко это все развешиваешь, как белье на просушку!

— Ничуть, — пожала плечами Дарья. — Еще задолго до появления в моей жизни тебя, как объекта воздыханий, я знала, что свяжу жизнь с моим первым мужчиной. Я, вообще-то, наполовину мусульманка, не забывай! В подпитии отец иногда задвигал целые лекции на темы шариатского воспитания, в основном о месте женщины на фоне его величества мужчины. Но ты знаешь, у них там много чего рационального. По крайней мере мне это дало понимание, что если уж ты родилась с вагиной, то и вести себя нужно соответственно и не дурить со всякими унисексами и эмансипе. Разумеется, я за равенство полов, но в узкоутилитарном смысле женщина должна выбрать себе достойного во всех отношениях мужчину и идти с ним по жизни до конца. Думаю, Господь именно так представлял себе предназначение жены Адама, когда создавал ее.

— Ладно, этим понятно, — кивнул я. — Только тебе не кажется, что во фразе «жизнь связала» изначально присутствует некий императив? Как в сказке, когда взбалмошные принцессы топают ножкой и прилюдно дают слово, что выйдут замуж за первого встречного-поперечного. Причем мнение этого встречного в расчет не берется, он считается очастливленным априори. Так, что ли?

— Нет, не так! — начала заводиться Дарья. — Я уже говорила — ты волен делать с этим, что хочешь. Никакой несвободы, тебя все это ни к чему не обязывает.

И — отвернулась от меня. Я открыл было рот для отповеди я, но передумал. Ну, как объяснить этой девчонке, что с этим ее «Я выбираю тебя!» она бросает меня, как кусок мяса,

между разделочной доской и кухонным молотком?! Доска — это вся моя предшествующая жизнь, семья, жена, Ива, в конце концов. А молоток... Молоток — это то, что я уже не могу, даже если бы захотел, встать сейчас из постели, натянуть штаны и со словами: «Ладно, детка, нам было хорошо, сенкс, что позволила сорвать твой цветочек аленький, но теперь, сорри, нам в разные стороны, потому что в структуру моей жизни ты, к сожалению, не вписываешься!» выйти вон. Потому что — обязывает, еще как обязывает! Загрузила ты меня, детка, что называется, по полной, поставила раком конкретно, еще и надулась, как мышь на крупу! Ну, почему я не могу послать это все по прямому адресу, и заняться решением других своих неотложных и жизненно-важных проблем?! «Да потому, Арсентий, — почему-то голосом давно умершего безопасника Прокопича ответил я сам себе, — что в этом случае сказочка эта была бы про совсем другого пацана!»

— Ну, хорошо, — примирительно сказал я, глядя ей в упрямо наклоненный затылок. — Но даже насчет себя-то как ты можешь уверена? Ты так просто под пожизненный срок подписываешься, а ты представляешь, как это долго — вся жизнь?! Целая жизнь рядом с человеком, который будет... угасать рядом стобой? Я ведь правда старый уже, вон, пару дней назад приступ сердечный был, таблетки врач велел глотать. И главное — системы ценностей у нас разные, на тридцать с лишним лет разные. Это мы сейчас на одной волне, потому что экстрим, проблемы, дефлорация, секс. А когда все наладится, выровняется? Нельзя же все время трахаться, да и не сдюжу я. С книжкой бы поваляться, телек посмотреть, а тебе — в клуб, да на пати. И произрастет из этого всего — бытовуха, сиречь тоска смертная.

Дарья повернулась ко мне, взгляд ее был серьезен.

— Я понимаю, о чем ты говоришь, — сказала она. — Но все будет по-другому, чем ты сейчас живописал. Во-первых, я себя чувствую гораздо старше своих лет, мне клубы-пати уже год как по барабану, я хожу на них, потому что ровесники, круг такой. Ты в общении мне совсем не представляешься древним, мне кажется, что весь круг твоих интересов мне почему-то близок. А все, что я не знаю, не умею, чтобы to be fit, чтобы соответствовать, я выучу и научусь, я знаю. Так что я — уверена. Я сегодня первый раз за долгое-долгое время проснулась без иголки в сердце, без представления в мозгу того места, которое я... Ну, ты понимаешь, я говорила. У меня смысл в жизни появился.

Она прильнула ко мне, прижалась, точно кошка, просящая ласки. Вы можете отказать лаптящейся кошке? Я обнял ее за плечи, погладил по голове, поцеловал в плечо.

— Какой смысл? — улыбнулся я. — В чем этот твой смысл?

— Быть с тобой, — просто ответила Дарья. — Теперь, когда я тебя добилась, нужно просто быть с тобой, не потерять, не пробросать, не прозвонить. Наверное, будет тяжело, у нас у обоих характеры — не сахар. Но я готова, потому что хочу. И тебе будет со мной хорошо, я знаю. Потому что я лучшая женщина в твоей жизни, и единственный путь у меня — доказать это тебе. И потом...

— Что потом? — размякшим голосом переспросил я, — пытаюсь просунуть руку, как нож между плотно подогнанными камнями, между сжатыми Дарьиными ляжками. — Что будет потом?

— Потом я рожу тебе девочку, — прошептала Дарья. — Маленькую, очень красивую, похожую на свою бабушку.

— На обеих бабушек, — поправил я, ловя губами ее рот. — Она будет меня любить?

— Конечно, она будет тебя любить! — шепотом завершила меня Дарья, вливаясь в мой

поцелуй.

Я наслаждался ее мягкими, податливыми губами, их каким-то особым, совершенно неповторимым вкусом. Сердце, словно опущенное в парное молоко, по всему телу рассылало волны восхитительного тепла, и я четко осознавал, что так сладко замирает оно не от восхитительности поцелуя, и даже не от предвкушения того, что за ним последует, а от внезапности и остроты желания, чтобы мне в подставленные руки лег маленький запеленутый комочек, плоть от плоти моей, и чтобы никаких сомнений в том, что я этим комочком любим не было априори, по определению, и чтобы от осознания этого веки изнутри вспухли горячими и совершенно нестыдными слезами. Господи, сколько же времени я гонялся за деньгами, успехом, победами, преодолевал трудности и неудачи, — в общем, занимался вещами столь же материальными и осязаемыми, сколь и бездуховными. И в пылу этого перманентного сражения проглядел, упустил, не понял и собственного сына, и любовь самой близкой в жизни женщины, — наверное, даже не одной близкой женщины. И только сейчас, на шестом гребаном десятке лет, когда к финишу куда как ближе, чем от старта, вдруг стало ясно, чего хочет мятущаяся душа на самом деле, что есть пристань тихая, где покой. И от того, что порял вдруг это про себя, стало мне вдруг удивительно легко, уверенно и понятно.

Потом мы завтракали остатками вчерашнего ужина, а потом дверной звонок вновь запиликал свою жизнерадостную мелодию, в сравнении с которой «Марш энтузиастов» казался погребальной фугой.

— Ур-ра! — подхватила Дарья и бросилась открывать. — Я ж говорила, завтра все будет!

Это был хозяин квартиры.

— Здравсьте, дядя Арсений! — улыбнулся Володя, от локтя, сверху вниз, как закрывающийся шлагбаум, подавая мне руку. — Как добрались?

— Нормально, спасибо, — улыбнулся я. — Только давай без дяди, а то прям Простоквашино какое-то получается.

Володя белозубо рассмеялся.

— Заметано! Но на «вы», а то как-то неудобно.

Мы сели в гостиной, Дарья всем налила чай.

— Ну, що, народ! — улыбочиво спросил Володя, отхлебывая из чашки. — Як справы?[i] Яки планы?

— А у тебя? — не дав мне даже раскрыть рта, переспросила Дарья. — Кстати — ты принес?

— Что принес? — непонимающе задрал брови парень.

— Ну, то, что обещал? — хмурясь, пояснила Дарья.

— Я что-то обещал? — изобразил совершенно непонимающую физиономию Володя. — Блин, не помню, в натуре, ничего! Я тут головой ударился...

Мой взгляд, обращенный на хозяина, мгновенно стал участливо-озабоченным, а Дарья — растерянным. И тут Володя, хитро сощурился, весело заржал. Дарья грохнула чашкой о блюдце, чайные брызги полетели в Володю, досталось и мне.

— Ты обещал, что если я приеду к тебе в гости, ты дашь это попробовать! — зашипела Дарья, как гадюка перед прыжком.

— Да принес я, принес! — еще смеясь, сказал Володя, вытирая чай с лица. — Это я так, пожартуваты[ii] решил, а то что-то вы кислые сидите.

— Пожартуваты! — передразнивая Володю, затрясла головой Дарья. — Шутник, блин! Ох, и схлопотал бы ты у меня сейчас!

— А головой-то ты на самом деле, что ли, ударился? — спросил я.

— Он ею давно ударился! — иронично изогнув губы, прокомментировала Дарья. — Еще до рождения, видимо.

Володя фыркнул, как лошадь, всем видом показывая, что для подобного рода заключений у собеседницы явно недостаточно оснований.

— А ты вообще надолго? — уже спокойно спросила Дарья, переливая чай из блюдца в чашку.

— В смысле? — Переспросил Володя. — Ты про вообще, или про сейчас? Вообще лекции первого начинаются, но я думал пораньше умотать, чтоб с Арсением тут боками не толкаться. Но тут ты приехала, я вообще не знаю, теперь как?..

— Я приехала — разберемся! — столь же уверенно, сколь и неопределенно перебила его Дарья. — Я про сейчас.

— А что сейчас? — искренне не понял Володя. — Вот, сидим, чай пьем.

Дарья уперлась в него взглядом из разряда: «Ты чё, дурак совсем!?», Володя отвечал ей обезоруживающей ухмылкой, ясно говорящей: «Чё нада-та? Не понимаю я!»

— Так, выйдем, — наконец, властно кивнула головой Дарья. — Надо кое-что обсудить.

— Куда выйдем?? — искренне удивился парень. — Зачем? Что, здесь нельзя?

— Выйдем, я сказала! — как очень сердитая мать на очень непослушного ребенка закричала на него Дарья, резко встала, чуть не опрокинув стул, и вышла в коридор.

Словно извиняясь за Дарьины манеры, Володя криво улыбнулся мне, но послушно поднялся из-за стола и побрел за Дарьей, бормоча по-украински: «Ну навищо так кричаты, кохана?» Через приоткрытую дверь комнаты появилась Дарьиная рука, схватила как раз подошедшего к порогу Володю за шиворот и сильным рывком утянула в коридор. Закрываемая дверь громко хлопнула, но, не защелкнувшись на «собачку», снова растворилась.

— Я сколько раз тебе говорила не разговаривать со мной по хохлятски? — послышался из коридора яростный Дарьин шепот. — И никакая я тебе не «кохана», ясно?!

— Ну ясно, ясно, чего ты так поднялася вся? — примирительно забубунил в ответ Володя. — Чего ты хотела обсудить?

— Тебе надо слинять с хаты, — еще понизила голос Дарья. — До вечера, а лучше и на подольше.

— Оба-на! — воскликнул парень. — Хата полна гостей, а хозяин должен линять куда-то? Во задрочка классная ваще!

Несмотря на то, что диалог велся на пониженных тонах, из-за приоткрытой двери я все прекрасно слышал. Раздалась возня, сдавленное Дарьино: «Отстань, потом!», сопровождающееся звонкими шлепками: очевидно, Володя полез к Дарье обниматься, та надавала ему по рукам.

— Я ж тебе говорила по телефону, что хочу устроить Арсению трип, — снова раздался ее шепот.

— Ну, а я что, мешаю? — удивился Володя. — Хата большая, нехай в спальне себе трипует.

— Ну, я думаю, что если в квартире будет кто-то, это помешает ему включиться, — терпеливо объясняла собеседнику Дарья (я прямо видел, как, убеждая Володю, она правой

ладошкой постукивает его по груди). — Он же первый раз, ты же понимаешь, как первый раз все тонко. Начнет включаться на неудобстве, на дискомфорте, и это потянется ниточкой дальше к чернухе какой-нибудь, понимаешь?

— Понимаю, — помолчав, согласился Володя. — Ну, может, ты и права. Первый раз лучше, конечно, чтобы за стенкой никто не сопел, чтоб ни на ком не зацикливаться. Хотя это как кому. У меня первый раз на таком сейшене было, ногу поставить на пол было негде, и ничего, провело в лучшем виде, мне через пять минут уже все было по барабану.

— У тебя натура грубофактурная, — осекла его Дарья. — И шкура бронированная, как у крокодила, об тебя бенгальские огни тушить можно. А со мной помнишь, как было? Ты надо мной висел, я твою рожу прыщавую потом весь трип не могла из кадра выкинуть!

— Сама прыщавая! — огрызнулся Володя. — Ишь, какие мы все утонченные! Таких, как мы, кружевных, в воскресенье на базаре не сыщешь! Почему ты знаешь, что с ним будет так же, как с тобой? С виду у кого шкура крокодила, так у него.

В его голосе сквозила обиженная ирония.

— То с виду, а так он такой же, как я, я знаю, — упрямо гнула свое Дарья. — Мы родились в один день с разницей в двадцать четыре года, эмоционально мы полные двойники.

Я даже рот зажал рукой, чтобы не прыснуть от столь вдохновенного Дарьиного вранья. Двадцать четыре года разницы? Это, значит, мне 43? Да, уж, если бы! Если бы она добавила мне еще дюжину годков, было бы куда ближе к истинному положению вещей.

В коридоре воцарилась напряженная тишина, наполненная Володиным явно неверием, а больше — нежеланием уходить.

— Ну, ладно уж, — наконец с облегченными интонациями счастливо сдавшегося произнес Володя. — А ты? Ты куда? Со мной?

— Я останусь, — сделав нажим на слове «я», ответила Дарья. — А если с ним что-то случится по первости? Засосет в «бэд-трип», или зациклит. Ну, ты понимаешь. Надо, чтобы кто-то был рядом.

— Не, ну ты красава! — взвился Володя. — Вот москальская же у тебя манера! Хозяина хаты из дому, сами в дом!

— Убью, — тихо, но строго осекла его Дарья. — Не потерплю сепарации по нацпризнаку в месте своего пребывания. И вообще — хватит говнидзе из себя жать!

— Ничего я не жму! — возмутился Володя. — И вообще — я ревную, в натуре! Он чей, непонятно, бойфренд — мамашин или твой?

— Блин, болван, что ты глупости спрашиваешь? — снова зашипела на него Дарья. — Конечно, мамин. Ты сам будь хорошим бойфрендом, не упирайся, как зонтик в заднице! Мне надо остаться, проследить, я перед матерью за него отвечаю.

Снова затихло, потом раздался Володин вздох.

— Ладно уж, уговорила. Пойду к пацанам в общагу, они девок собирались звать. Подсыпем им веселухи в шипучку, ржачка будет еще та! С тебя интервьюшка за услугу.

— Ща, подорвалась! — презрительно фыркнула Дарья. — Только брекеты наполирую! Девки тебе в общаге интервьюшку пусть делают, разрешаю. Ладно, все, пошел.

Раздалось Володино ржание, поцелуйный чмок, подул сквозняк (открыли дверь), потом грохнула дверь закрываемая, дважды щелкнул замок.

— Фу, еле выпроводила, — с улыбкой в пол-лица вытирая воображаемый пот со лба, ворвалась в комнату Дарья. — Упрямый хохол, не хотел уходить! Моя хата, моя хата...

— Я слышал, — кивнул я и не смог с усмешкой не поддеть: — Что ж ты лекции про сепарации по нацпризнаку, а сама его хохлом погоняешь?

— Ну, я ж за глаза, — беззаботно пожала плечами Дарья, с ногами умащиваясь на стуле рядом с моим. — И потом, — как это там? Что дозволено Зевсу, не дозволено быку, вот!

И она счастливо рассмеялась.

— Ты — Зевс? — в шутку нахмурился я.

— Он — бык, — как мячик от стенки, вернула подначку Дарья. — Телец по Зодиаку. Упрямое животное. Пока пинков не надаешь, в нужном направлении не двинется.

— Может, на самом деле — все же не стоило выгонять гостеприимного хозяина из собственного дома? — не унялся я. — Хороший парень, обидится еще...

— Да пошел он! — совершенно между делом поморщилась Дарья, отправляя в рот большую черную сливу. — Зазря, что ли, я его интервьюирую?!

Я аж поперхнулся и, картинно открыв в немом вопросе рот, воззрился на нее.

— Ой, мушцына, вы меня ревнуец-се? — жеманно заерзала на стуле Дарья. — Как необычно, как щекотно!

И, озорно посверкивая на меня глазами, она залилась совершенно беззаботным смехом. Я не знал, что говорить, как реагировать. С одной стороны, Дарья приучила уже меня к своим экстравагантным и не всегда выше пояса выходкам, но с другой... Когда мужчине вот так просто признаются, что сосут не только у него — это, знаете ли... Дарья тонко уловила мои душевные флуктуации.

— Ой, ты только не вздумай обидеться, — резко оборвав смех, прильнула ко мне она. — Зря, я конечно, тебе лягнула, ты ж к этому так серьезно...

— А ты? — отстранился я от нее. — Ты как относишься к тому, что рассказываешь одному мужчине, что трахаешься с другим? Как к чему-то несерьезному?

— Я ни с кем, кроме тебя не трахаюсь, — тоже напряглась Дарья. — И никогда в жизни не трахалась, если ты успел заметить. На текущую минуту времени ты — первый и единственный мой мужчина, и других мне не надо. Но он-то этого не знает, по мне сохнет, домогается, я его, дурачка, вожу на веревочке, смеюсь, что секс будет только после свадьбы. А минет — это не секс, давно доказано. Ну, и он... как это сказать... пользу приносит... Все-таки мы у него дома...

Черт, лучше бы она этого не говорила!

— Я не понял! — взъярился я. — Ты что, ртом отрабатываешь, за то, что я здесь кантуюсь? Ты же сказала: «Никаких проблем, это по дружбе, ничего не стоит»? Я вполне могу заплатить и за эту хату, и за любую другую в этом городишке!

— Да не об этом разговор! — вскричала, стукнув себя кулачком по коленке, Дарья. — Какой ты... труднодоступный! Мои с Володей отношения остались такими, какими были и до тебя, и к нашим с тобой отношениям они не имеют... черт!.. никакого отношения, понимаешь! И вообще — я пошутила! Да, в Турции у нас с ним было перорально — в тот вечер, у пальмы, но это же по глубокому кайфу и до, до тебя, понимаешь! Это как если бы я сейчас тебя к матери ревновала, — глупо же, ну?! Просто он сейчас снова хочет, он же не знает, что мы с тобой... Но ты же слышал, что я его отшила? У меня теперь ни с кем кроме тебя ничего никогда не будет, мамой клянусь!

В ее глазах был крик отчаяния. Я посмотрел на нее, потом потянулся руками, прижал к себе, и она затихла, как котенок.

— Слушай, давай съедем отсюда, — сказал я, поглаживая ее по волосам. — Косо как-то

все, криво. Он явно рассчитывает на взаимность с твоей стороны, а ты решила, что просто кинешь его с этим... Нехорошо это, он кров дал, уют мне, нам... За услугу положено быть благодарным. Но деньги ему, сама говоришь, не нужны, а то, чего он хочет мы... ты не можешь уже ему дать.

— Я разберусь с этим, — ответила Дарья. — Не бери в голову.

— Уже не могу, — помотал головой я. — Пока не знал про ваши... отношения, мог, теперь — нет.

— И что ты предлагаешь? — помолчав, спросила Дарья.

— Отсюда съезжаем, — решительно определил я. — Я служил в Харькове, тут рядом, верст триста-четырееста. Друг у меня там после армейки остался, Леха Чебан. Думаю, у него можно перекантоваться будет. А тебе вообще возвращаться нужно. Мать в Москве, наверное, с ума сходит.

— Я не поеду, — замотала головой Дарья. — Я с тобой останусь. Маме позвоню, сокру что-нибудь.

В ее голоске была такая решимость, что я счел за лучшее не настаивать. Да и не хотел я, чтобы она уезжала, честно говоря. Я выпустил ее из объятий, она села прямо, положив руки на стол.

— Да, наверное, так лучше, — серьезно кивнула она головой. — Ладно, проехали. Только давай не сейчас, а завтра с утра? Хохла все равно минимум до полудня, думаю, не будет. Вернется, а нас уже нет. Меньше объяснений, да? Я ему записку напишу.

— Ладно, — пожал плечами я. — Давай так.

— Ну, что, чайку перед поездочкой? — оживилась Дарья, хлопнув ладонями по столу.

— Перед поездочкой? — не понял я. — Мы же утром решили... А-а-а, ты про это!

Я понял, какую поездочку она имела в виду, и нахмурился. Эта затея вдруг перестала казаться мне детской шалостью, забавной эскападой.

— Послушай, — нахмурился я. — Что-то мне после всего этого в поездочку расхотелось. Может, в другой раз? Отложим?

— Другого раза может не быть, — царапая ногтем скатерть, отозвалась Дарья. — Отсюда мы съезжаем, а там... Кто знает, кому уже Аннушка маслице разлила? Нет, конечно, ты как хочешь... Просто я хотела, чтобы ты знал, что я чувствую... чувствовала, когда... ну... под этим делом. Да и вообще, прав ты, надо завязывать, а то как бы не заиграться. Я конечно, помню, как похвалялась давеча, что я — не все, что не допущу, чтобы под физику попасть, но черт ее на самом деле знает... Тем более, что это — та-а-кое!

И она развела в стороны руки, словно пыталась обнять столетний, в три обхвата, дуб. На ее лице на миг промелькнуло совершенно особенное выражение, раньше никогда мной у нее не замеченное, будто увидела она, к примеру, в полночном небе яркую радугу, а то даже и что-то еще более необыкновенное. Я перехватил ее парящее в воздухе запястье.

— Нет, все — давай поедем, — решительно сказал я. — Что нужно делать?

Нужно оказалось сходить в туалет («Трип может оказаться длинным» — подмигнула Дарья), потом мы направились в спальню и, не раздеваясь, сели по разные стороны кровати. «Делай как я, — шепнула Дарья. — Успокой все чувства, думай только о приятном». Она легла на спину, по-покойнически скрестила ладони на груди и закрыла глаза. Я последовал ее примеру, и так лежали мы минут десять. «Как Ромео и Джульетта в склепе», — вспомнил я вчерашние препирательства. Потом Дарья зашевелилась, откуда-то из одежды достала герметично закрытый на «зип-лок» маленький полиэтиленовый пакетик. Открыв молнию,

ногтями извлекла из него два прямоугольных кусочка бумаги размером с почтовую марку. Марки были покрыты мельчайшими, острыми на вид кристалликами, как будто не до конца отжатое после стирки махровое полотенце вынесли на тридцатиградусный холод, и оно вмиг оцетинилось эдакими же вот морозными иголками.

— Это и есть «горячий снег»? — настороженно глядя на топорщащиеся холодом марки, спросил я.

— Ага! — радостно закивала Дарья. — Кокаин с LSD. Никто не соединял раньше эти два компонента из-за непредсказуемости последствий, а Володя придумал специальный фермент, который их соединяет, но не позволяет такой бомбе испепелить мозг, как Хиросиму. А еще он удивительным образом помогает при героиновом передозе. Володя уверяет, что это открытие вполне тянет на Нобель, вот только сразу после вручения, говорит, скорее всего, закروют пожизненно, даже лекцию прочесть не дадут, ха-ха!

Предмет Дарьиных восторгов находился настолько бесконечно далеко за гранью официально дозволенного, что не мог не бросить на нее скептического взгляда, который, со своей стороны, девушка полностью проигнорировала.

— Интересно, сколько это может стоить? — осторожно спросил я.

— По отдельности кокс и кислота — долларов триста на каждую марку, — скалькулировала Дарья. — Итого шестьсот. А в качестве «горячего снега» — неизвестно, товар совершенно эксклюзивный, на его нет рыночной цены. Володя же его не «толкает», делает только для себя и узкого круга, так, по дружбе. На самом деле он классный чувак, правда?

Я кивнул, а в голову забралась крамольная мысль, что Нобель — не Нобель, но уж «интервьюшку» Володя-хохол за такое точно заслужил. Я искоса посмотрел на Дарью, не прочитала ли она мои мысли, но та полностью была занята тем, что осторожно отсоединяла слипшиеся марки одна от другой. Наконец ей это удалось, и она протянула мне одну на кончике пальца.

— Возьми осторожно и положи на язык, — сказала она. — Потом ложись и жди, пока язык начнет неметь. Как начнет, можешь марку выплевывать. Понял?

— Понял, — ответил я и чуть брезгливо, как жука или лягушку, взял марку двумя пальцами.

— А если я ее случайно проглочу? — запаниковал я вдруг. — Передоза или еще чего-нибудь такого не будет?

— Нет, не будет, — захихикала Дарья, — просто переварится. Но вообще-то в инструкции написано: «Выплюнуть».

— В какой инструкции? — с размаху попался я.

— По ми-не-ту! — одними губами ответила мне Дарья, зашедшись беззвучным смехом.

«Ах, ты!» — тоже смеясь, подумал я и даже открыл рот, чтобы что-нибудь ответить, но Дарья уже взяла марку в рот и, закрыв глаза, медленно опускалась на подушку.

Мне ничего не оставалось, как сделать то же самое. Я мысленно перекрестился и положил марку на язык. Пассажиры просят занять свои места, провожающих — выйти из вагонов. Поезд отправляется!

Минуту не происходило ничего, потом под маркой защипало, как от таблетки «Ментос», и язык начал обещано неметь. По языку онемение скатилось вниз и назад, задубело небо, заныли коренные зубы на верхней челюсти. Я вспомнил про инструкцию, выплюнул бумажку на пол. Но губы тоже пошли морозцем, и марка повисла на три дня

небригом, щетинистом подбородке. Я хотел снять ее рукой, выбросить, но мысль о том, что я не знаю, что об этом говорит Инструкция, остановила меня. «Ну, и пусть висит, — подумал я. — Наверде эспаньолки». Черты моего лица всегда мне казались весьма аристократичными, а с эспаньолкой, да с усами с поддернутыми кончиками я бы определенно походил бы на испанского гранда времен Великой Армады, эдакого Дона Веласкеса де Альдомовар дель Пинар. Или Пиньяр? Нужно будет уточнить, смягчается ли «н» в названии местечка, которым вот уже четыреста лет владели мои предки, и теперь владею я. У кого бы спросить? У этой девочки, которая спит рядом? Как же ее зовут? Она из крестьянок, ее мне подарили к дню рождения... или я выиграл ее в карты? Черт, не помню. Не очень красивая, зато юная и свежая, не то что ее мать, высокая статная женщина с очень светлыми для наших ест волосами, похожая скорее на «инглезе», чем на большинство истинных кастильянок. Да, ее мать зовут Эве, и старый дурак Презвеньягос, мой мажордом, постоянно подает мне ее к столу, хотя я уже пару лет постоянно прошу его подыскать мне на обед чего-то новенького. Эве давно наскучила мне, приелась, за обедом она всегда изображает из себя цыпленка-табака. Я раньше очень любил вкус цыпленка табака, его восхитительно готовили в таверне «Горка» в одном приморском городе... не помню названия, там еще был магазинчик «Филателия» на углу, там продавали марки. Марки? При чем здесь марки? Марки нельзя после стирки вывешивать на мороз, может нарушиться перфорация и поплыть гашение, хотя мне безумно нравится смотреть, как на холоде они покрываются иголками, как ежи. Ежи давно вымерли, это были гигантские существа размером с улитку. Кстати, говорят, французы жрут эту гадость, и не только эту, а и ракушки с илистых берегов своего холодного моря, запивают своим кислым вином и после этого трахают своих женщин, потому что без улиток и ракушек у них, говорят, ничего не получается! Но я же рассказывал вам про... ах, да, про ежей и цыпленка табака. Ежи были крохотными и питались динозаврами, а когда динозавры вымерли (наверное, не поели вовремя улиток и перестали размножаться, как французы, ха-ха!), ежи стали готовить цыпленка-табака. Но цыпленок-табака, как я уже говорил вам, синьоры, мне совершенно надоел; я лучше съем какую-нибудь улитку и запью ее вместо нашей восхитительной Малаги каким-нибудь убудочным французским Шато-Марго или Петрюсом (Боже, что за названия, ужасные, как запах между ног у крестьянки; я сто раз повелевал всем крестьянкам мыться, но они не делают это под надуманным предлогом, что воды в наших засушливых местах мало и она стоит слишком дорого, чтобы тратить ее на устранение естественных запахов тела, которые, к тому же, я знаю, монсеньоры, многие из вас считают допустимыми и даже возбуждающими). Так о чем я? Ах, да, наконец-то этот ужасающий Бандерольяс, доставшийся мне от предков, приготовил на обед что-то новенькое. Но как зовут ее, я не помню, хоть убей, хотя он говорил мне, я хорошо помню это. Дарня, Дранья... Какое-то странное имя, оно означает «море», хотя «море» — это «thalatta», я хорошо помню, нас учили древнегреческому во втором классе школы в Евпатории, это далеко отсюда, в Крыму, это сказочный остров очень далеко отсюда, дальше Мексики и Чили. У учителя была очень смешная фамилия... Цвейг, кажется... Впрочем, не уверен, возможно, Фейхтвангер. Да, да, тоже очень смешная фамилия, напоминает слова «фехтовальщик» и «винегрет» одновременно. Да, фехтовальщики едят винегрет, очень, очень смешно, ха-ха! Может быть, эта девушка будет изображать за столом винегрет? Конечно, это блюдо очень легкое и в то же время полезное, ведь мы все интеллектуалы, и у всех у нас подагра, а при подагре нужна особая диета. Но единственное, что меня смущает — я не представляю, как эта девушка —

будем звать ее Талата — сможет изобразить такое блюдо, как винегрет. Ее мать Эве изображала цыпленка-табака совершенно виртуозно: она раздевалась, сгибала широко разведенные задние ноги, вытягивала передние руки, согнутые в кистях, получался вылитый цыпленок. Даже если неосторожным движением вилки я переворачивал ее на спину, то все равно было очень, очень похоже. Я начинал обычно с гузки, я вообще больше всего в цыпленке люблю гузку. Ножки и грудка тоже ничего, я должен согласиться с вами, коллеги. Но истинная моя слабость — гузка. Так вот — в винегрете гузки нет... Нет, право, необходимо разбудить Талату и спросить у нее, что сегодня к обеду, потому что очень хочется есть, вы правы. Талата, Талата, Талата!

— Кто такая Талата? — спросила Дарья, не открывая глаз. — Не смей при мне вспоминать своих вонючих баб.

— Почём ты знаешь, что одни вонючие? — обиделся я.

— Известно, почём: с водой в Кастилии проблема, — все так же не открывая глаз, ответила Дарья. — Как в Крыму. Давай спать, завтра рано на работу.

Она повернулась на правый бок, ее майка выбилась из джинсов, задралась, и на загорелой коже стала видна какая-то татуировка, какие-то слова. Странно, я раньше не замечал на ее теле никаких татуировок. Я еще больше задрал майку и обалдел — вся спина Дарьи была татуирована! Но это были не просто замысловатые узоры, какой-то текст, написанный на диковинном языке, одновременно напоминающим арабскую вязь и хинди, но ни тем, ни другим языком по отдельности этот, совершенно очевидно, не был. Скорее всего, текст был написан в 3-м веке нашей эры в Перу, где-то рядом с плато Наска. «Нет, сэр Дон Веласкес Самодовар дель Пеньюар, я позволю себе не согласиться с вами!» — раздался голос из зала, и вслед за этим обладатель голоса встал со своего места. «Профессор Килиманджарко, журнал «Psycho Geografics», — представился оппонент. — При всем уважении к вашим открытиям, сэр Дон, я вынужден отметить, что за такой короткий промежуток, который вы отвели для того, чтобы образец, который все мировое научное сообщество с вашей легкой руки именуется Талата, переместился из Наски к нам сюда, просто не могло пройти столько времени, вы это понимаете? По крайней мере, всем, кроме вас, это ясно, как дважды два «пи»!» И с усмешкой на белобрысом лице, профессор Килиманджарко вальяжно опустился в кресло. Раздались смешки. Я глядел на довольную физиономию профессора и понимал, что никакой это не профессор, а Петька Назаров из 6-го «Б», мой антипод, ненавистник и вражина. «Хоть бы галстук пионерский, сука, снял! — подумал я. — Какой ты, на хрен, пионер, если втихаря с Семиным и еще одним хлюстом по кличке «Хипа» (черт, фамилии, имени уже не помню, вот память стала!) курите за углом школы, а двоичница и исключенка Людка Косякова вам за рубль сиськи показывает, а за трешку — трусы снимает!» Петька нагло усмехается мне в лицо, поправляет на шее пионерский галстук, завязанный двойным косым узлом, а из-под полы пиджака кажется мне то ли фиг, то ли вообще «фак». Кто-то на галерке поднимает баннер, на котором крупными буквами было написано: «Диссертация Альдомовара — фальшивка! Он все списал у Выина!» У меня на лбу выступил холодный пот. «Господи, откуда они узнали?» — загудело в голове от неожиданного воспоминания. Вспомнилось, как вступительном экзамене по русскому устному в «Плешку» у меня, отличника, напрочь вышибло из головы что-то там про деепричастные обороты, хорошо сдававший вместе со мной (и не сдавший!) Серега Выин из соседнего класса подсказал! Но ведь Серега же обещал, что никому не скажет! А Назаров откуда взялся? Мне же говорили, что он сел «на иглу» и умер от передоза, не дожив и до

тридцати! Заговор, это заговор». «Зау-гоу-вор! — пролаял большой мохнатый пес, сидящий в металлической раковине с доисторическим латунным краном. — Не ешь пасхальные яйца, худо будет!» «Обязательно съем! — ответил я псу, отворачиваясь и закрываясь от него локтем. — Меня не запугать, я верю в Иисуса, хоть и не хожу в церковь! Яйца нужно есть с майонезом и солеными огурчиками, так они вкуснее и питательнее». За спиной грохнуло один раз, и сразу потом — второй. «Неужели можно так точно опуститься сразу на две лапы передние, а потом также точно — на задние? — изумился я. — Ведь у собак четыре лапы, и когда он выпрыгивал из умывальника, ударов об пол должно было быть тоже четыре, хоть и с очень, очень маленькими промежутками. Наверное, что-то около трех миллисекунд по Цельсию. Но ударов было всего два, точно, как когда я вылезаю из ванной — сначала правой ногой, потом левой. А-а, ясно, я разгадал тебя! Никакой ты не пес, ты — дьявол! Дьявол может стукнуть об пол столько раз, сколько захочет. Захочет, может вообще бесшумно вылезти из мойки». Я захотел обернуться, посмотреть, кто же у меня за спиной, но чудовищный, леденящий, цепенящий член ужас сковал меня, не оставляя шансов пошевелить хотя бы пальцем. Ведь дьявол сейчас сожрет, сожжет, испепелит, аннигилирует меня, уничтожит и растерзает, как он делает со всеми, кто отверг его власть и силу, отказался воздержаться от пасхальных яиц в день светлого Воскресения Христова. Но время шло, и я почувствовал, что могу шевельнуть рукой. Еще пару веков, и я почувствовал, что мое тело снова со мной. Я обернулся, но ни пса, ни дьявола не было. Не было никого и ничего, только огромное, неохватное ни одним органом чувств, бесконечное ледяное пространство на вечность вперед и назад — неестественная, абсолютная пустота. Впрочем, кое-что в этой пустоте все же было. Вернее, не кое-что, а кое-кто. Это был я. Я был какой-то необычный, не такой, каким я привык себя видеть мысленным взором. У меня, например, не было рук, то есть я их ощущал, чувствовал, что могу вытянуть их, вращать кистями, растопырить пальцы, но ничего этого я не видел. «Может быть, я лишился зрения? — озадачился я вопросом. — И могу теперь видеть только внутренним, третьим глазом? Как Нео в «Матрице?»» Но нет, вроде, эту пустоту вокруг я все-же вижу, а не просто ощущаю. Хотя как можно видеть пустоту? А ощущать? Ощущать пустоту, сиречь — ничто разве чем-то можно? Но я же ощущаю? Я почувствовал (увидел?) как все это ничто вокруг начало закручиваться вокруг меня длинными спиралями, завертелось, закружилось, как центрифуга у огромной стиральной машины, понеслось по концентрическим траекториям с устрашающей быстротой. «Две скорости света, полет нормальный! — голосом первого космонавта земли Юрия Гагарина зазвучал у меня в голове динамик. — Три скорости света! Перехожу на бесконечное количество скоростей бесконечности! Top gear, top gear!» Меня вращало вокруг себя самогостаким беспредельным бешенством, что я начал вытягиваться, удлиняться, клетка моего тела, а заными все молекулы этих клеток, атомы молекул, протоны и электроны, бозоны, мезоны и барионы, кварки и галактики, из которых состоят кварки — все это вытянулось под прессом чудовищной силы вращения в одну тончайшую, бесконечной длины нить. Нить тоже начала вращаться, наматываться в некое подобие веретена, с одной и другой стороны более тонкое, а в середине, на своеобразном экваторе, утолщающееся все больше и больше. Наконец все это превратилось в своеобразную юлу, волчок абсолютно непостижимого, бесконечного размера, состоящий из нити, то есть — из меня. «Ну, вот, мы и сотворили Вселенную, — раздался удовлетворенный голос внутри меня. — Можно вымыть руки». «Кто вы?» — подумал я, и голос моих мыслей вызвал возмущения и сейсмику во всей юле-вселенной. «Ой-ой, думайте потише! — воскликнул голос. — Все еще так нестабильно!

Лучше просто думайте о том, что вы хотите подумать о том, чтобы что-то подумать, тогда будет в самый раз. Я — Креатюрье, люди иногда называют меня Создатель, Творец, Зиждетель и многими еще именами». «То есть, вы — Бог?» — подумал я о том, что хочу подумать, чтобы просить Креатюрье. «Можно и так сказать, — благожелательно ответил Креатюрье. — Сказать, то есть подумать, вообще можно абсолютно все. Эффект будет одинаковым». Я поймал себя на том, что не совсем понял мысль Креатюрье. «Могу ли я просить пояснить, — вежливо подумал о том, чтобы спросить я. — Правильно ли я понял, что чтобы я ни подумал, чтобы спросить, это с одной стороны будет абсолютно одним и тем же, а с другой — будет вами понято именно так, как нужно? Как в фильме Кин-Дза-Дза? Помните, у них было всего два слова: «ку» и «кю»?» «Любой язык состоит всего из одного слова, мой друг, — ответил Креатюрье. — Второе — режиссерская выдумка. И вы все верно поняли. Смысл же в том, что что вы пытаетесь по привычке вложить в ваши мысли некий смысл, как раньше вкладывали его в слова, вот только мысли в этом не нуждаются. Все мысли созданы нами при сотворении Вселенной, их количество строго ограничено бесконечностью. Поэтому к любому вашему собеседнику, сомысленнику, так сказать, будь то я, или, к примеру, вы сами, всегда приходит именно та мысль, которая нужно, и которую вы имели в виду на предмыслительном этапе. Для удобства по привычке можете называть ее, например «ку». Как видите, все очень просто». «Ку!» — подумал я, чтобы подумать, и буквально увидел, как моя мысль о том, кто же я такой в этом процессе сотворения Креатюрье Вселенной, из баловства обогнув в течение одной в степени минус бесконечность секунды Вселенную по экватору бесконечное число раз, достигла Креатюрье. «Ку», ответил Креатюрье, и я понял, что для создания Вселенной Креатюрье каждый раз требуется подходящее сознание, в котором понятия «бесконечность», «беспространственность» и «безвременность» не рожают титаново-кремниевых кросс-сталагмитов, полностью блокирующих врожденную способность к сотворению всякой всячины — в частности, Вселенных. Потому, что Вселенная может быть сотворена только в сознании. «Так мы сейчас в моем сознании?» — подумал, чтобы спросить я. «Спрашивайте напрямую, так вкуснее, — отозвался Креатюрье. — Все уже стабилизировалось». «Так мы..., - спросил я. «Можно короче, вы ведь уже подумали, что спросите, — сказал мой собеседник. — Конечно. А где же мы еще с вами можем быть, по-вашему?» При кажущихся до примитива простых материях, которые мы обсуждали, я почувствовал, что немного запутался. «Ну, честно говоря, мне казалось, что мы с вами в пространстве, — вежливо, но настойчиво ответил я. — В бесконечном, безвоздушном, безматериальном и безвременном пространстве». «Точно так, — тоном учителя, объясняющего предмет не слишком одаренному ученику, согласился Креатюрье. — Но пространство-то, пространство где?» «Во вне времени!» — зашептал мне Серега Выин, нагибаясь так, чтобы учителю не было видно, кто суфлирует. «Выин! — загремел учитель-Креатюрье. — Я лишу тебя креативной функции! Ты не только берешься подсказывать только что худо-бедно создавшему свою Вселенную Альдомовару, но и подсказываешь неправильно! Ясно, что пространство во вне времени, потому что оно безвременное! Временные пространства, как и к пространственные времена мы будем изучать в следующей временно-пространственной бесконечности!» Но у Сереги Выина сегодня явно был приступ того, что называется «неймется». «Простите, сэр, но как может быть следующей бесконечность, если их бесконечное множество, — схитрив глаз, спросил Серега учителя. — Ведь отличить-то одну бесконечность от другой невозможно!» Класс одобрительно загудел. «Долой диктат Креатюрье! Мы за агностицизм при сотворении

Вселенных!» — взвился баннер на «камчатке» класса. Бах, трах, бац! — сверкнула молния, грянул гром, и Серега Выин, почему-то без брюк и трусов, с дымящимся подолом майки кувырком вылетел из класса. Между его тощих синюшных ляжек было четко заметно, что креативной функцией он больше не обладает. Все притихли, каждый уйдя в раковину своей бесконечности. Баннер исчез. «Ну, ясно вам, Альдомовар?» — строго спросил Креатюрье. «Так точно, ясно, господин Креатюрье, сэ-р!» — как положено, строго по форме отряда «морских котиков» ВМС США ответил я, вытягиваясь в бесконечную струнку во всех направлениях. «Dismiss!»[iii] — рывкнул Креатюрье, ударяя деревянным молотком времени по деревянной же подставке пространства, и я провалился в какой-то люк.

«Альдомовар, ты опять опоздал!» — в полной темноте густым перегаром, в котором преобладали нотки одеколona «Айвенго», зашептал мне кто-то прямо в ухо. — Твой выход через минуту, одевать и гримировать тебя нет времени. Будешь отдуваться так, на хер, без грима! И не дай бог, чтобы кто-нибудь тебя узнал! Пшёл!» Я получил мощный удар в спину и вывалился из темноты. Резкий рывок вверх, и надо мной раскрылся белый купол парашюта, как при резком повороте тумблера громкости с нуля на максимум, взревели где-то высоко самолетные турбины и стали медленно глохнуть, удаляясь. Сердце мое замерло, — я никогда не прыгал с парашютом, хотя и хотел. Но оказалось, что это совсем не страшно, на белом полотнище над головой замелькали титры какого-то фильма, и скоро я оказался быстро поглощен занимательным сюжетом советских времен: на предприятии выдают не то квартальную премию, не то тринадцатую зарплату, но кто-то один не расписался в ведомости, и молоденькой девушке-бухгалтеру Беатриче нужно найти недоподписанта строго до двенадцати часов дня, не то коварный враг нападет на страну. Ветер трепал мне кудри, брызги легкого дождичка окропляли мой пылающий лоб, и сразу высыхали на нем. Ногой я то и дело искал внизу землю, словно пробовал температуру воды, прежде чем окунуться, но земли не было. Наконец, фильм кончился, недоподписант нашелся — это был согбенный и вечно улыбающийся в четыре глаза Михаил Иванович Калинин. Враг, не дождавшись полудня, попер-таки в атаку, но был остановлен тринитронными бомбами, которые наши пьяные в лоск казаки бросали врагу на голову с бипланов с кривыми надписями от руки «Stellth» на фанерных бортах. Бомбы взрывались ослепительными цвета лососины вспышками розового шампанского «Вдова Клико» 2002 года и струями «Луи Родерер Кристалль Брют» невероятного 3519-го. Накрытые осколками этих благородных вин, вражеские солдаты вмиг превращались в совершенно голых красоток, выстраивающихся по рельефу местности в длинные шеренги и начинавшими танцевать кан-кан под звуки соответственно случаю и назначению темперированного «Интернационала». По экрану парашюта побежали кресты, цифры и вспышки, зажегся свет. Я увидел себя висящего на парашютных стропах посреди сцены большого зрительного зала, примерно в метре от дощатого настила. Огромный зал (по ощущениям, миллионов на сто зрителей) бешено зааплодировал. «Режь стропы, болван!» шепотом закричал мне суфлер из будки внизу. «Нечем!» — хотел ответить я, но тут же увидел у себя в руке кинжал — точь в точь такой, как на стене в квартире Искеровых в Митино. Я полоснул клинком по стропам и полетел вниз. Зал снова грянул аплодисментами, и почему-то очень явно запахло тамбовским окороком. Я облизал остатки окорока с лезвия, стараясь не порезать язык, и протянул кинжал суфлеру — на, смотри, чистый. Суфлер нахмурился, но кинжал принял, и в желтом листке ведомости, лежащей перед его носом на досках сцены, вывел коряво левой рукой (правая была занята кинжалом): «Кынжал здал». «Слышь, кого я играю?» — спросил я тихо

у него. «Во дает! — хохотнул суфлер. — Уже кого играть не помнит! Играй уже кого-нибудь — хошь, Зера, хошь — Ара. Песь играть у тебя не получится, чтобы играть Песь, сиськи нужны. Ну, кем тебя писать в ведомости?» Я пригляделся к суфлеру, и признал в нем давешнего бомбилу с ужимками Савелия Крамарова. Я радостно подмигнул ему, но бомбила сделал вид, что меня не узнает. Я перевел взгляд в зал, и в ответ весь зал расцветился красными и зелеными бабочками. Зеленых было больше, гораздо больше. «Пиши Арой», — сказал я суфлеру, точно понимая, что зеленый цвет — за этого неизвестного мне персонажа. «Не «арой», а Аром, — строго поправил меня суфлер. — Не потерплю ксенофобских намеков на своем рабочем месте!» Ощувив парамнезийный толчок, я внимательно посмотрел на суфлера-бомбилу, ожидая увидеть большой нос крючком, но носа не было. А он, поплевал зачем-то на перо, кончиком кинжала жирно вывел в афише, в которую превратилась ведомость на полу: «Ар Миилет, эпический герой на коне — заслуженный галактический перформер Дон Альдомовар, проездом из прошлаго!» Последнее слово он почему-то так и написал «прошлаго», в дореволюционной орфографии. Афиша сама собой взмыла к потолку, увеличилась до размеров футбольного поля и застыла над зрительным залом! «Бис, браво!» — закричали с галерки. — Даешь Дона Альдомовара!» От такой своей популярности мне стало ужасно неудобно и приятно одновременно, я вышел на середину сцены и раскланялся, чем привел зал в неопишуемый восторг. «Ладно, хорош пиариться! — зарычал из будки Крамаров. — Пшел прочь со сцены, тебя в этом акте нету. Можешь посмотреть из-за кулис». Успев по пути еще несколько раз поклониться публике, я вышел за кулисы. Там были люди, но никто не обращал на меня никакого внимания. Их взгляды были обращены куда-то вверх, в бесконечную черную высоту над сценой. Там белели, быстро увеличиваясь в размерах, два парашюта, и через пару секунд висевший под их куполами парашютисты гулко стукнули подошвами о доски сцены. Зал снова застонал. «Зер Калалуш, карла от рождения, генетический злодей, антипод и ненавистник Ар Миилета, — зажглась надпись на афише. — Известнейший актер театра Кабуки всех времен и народов Итикава Дандзюро! В роли Песь Нямая — несчастной женщины, нимфоманки по политическим убеждениям, жены Зер Калалуша и возлюбленной Ар Миилета — несравненная Шарлиз Терон!» Стон зала перешел в рев, но тут горящие надписи на афише мигнули четыре раза и погасли, и зал замолчал, как будто кто-то включил кнопку на гигантском пульте «mute». Два длинных конуса белого света, бивших справа и слева из-под потолка сцены, заскользив по настилу навстречу друг другу, пересеклись и остановились, высветив абсолютно неподвижные фигуры парашютистов. Зер Калалуш, одетый в расшитый золотом плотный синий халат с широкими длинными рукавами, стоял в стойке киба-дачи вполоборота к залу, из правого рукава его торчал длинный самурайский меч-катана. Вместо головы у него была огромная черная маска устрашающего вида с горящими глазами-блюдцами и перекошенными в недоброй усмешке кроваво-красным толстогубым клыкастым ртом. Даже с этой огромной головой-маской он был настолько невелик ростом, что стоящая рядом с ним Песь казалась Эйфелевой башней на фоне прочих построек седьмого округа Парижа. В отличие от Зер Калалуша маски на ней не было, вот внешне это была вовсе даже не Шарлиз Терон, как обещала афиша, а совершеннейшая Анджелина Джоли с ее неподражаемым грустным вопросом в глазах и невероятно сексуальной трещинкой посередине сочной нижней губы. Одета она была в такой же длинный, до пола, халат, только золотой с черной вышивкой. Внизу подол халата был совершенно круглый, видимо, будучи натянут на подобие обруча или хула-хупа; по краю обруча с промежутком сантиметра в три были натканы

маленькие зажженные свечи. Сверху халат был без рукавов, но кроме красивых тонких рук из-под халата было видно еще кое-что: из двух отороченных черной меховой опушкой круглых вырезов на груди халата Песь торчали ее совершенно голые и очень, очень красивые сиськи, выполненные в стиле пин-апов Сароямы. Венчавшие их крупные темно-синие, как сливы, соски были проколоты, но вместо обычных колокольчиков в них были продеты тяжелые золотые кольца, между которыми тянулась изящная, но даже на вид прочная золотая цепь. «Сиськи!» — на месте, где была афиша, вспыхнула словно висящая в воздухе огненная надпись. На пульте снова включили громкость, и предоргазмический вопль зала, казалось, залил весь объем театра расплавленной вулканической лавой.

— Сделай одолжение, выключи их! — сказал мне кто-то невидимый, но очень большой, с голосом, очень похожим на голос Креатюрье. — Орут, словно сисек никогда не видели. Ни хрена не слышно. Пульт упал, лень тянуться. Пожалуйста.

«Я бы и без «пожалуйста» выключил», — подумал я, очень польщенный тем, что Креатюрье обращается ко мне с просьбой, пусть и такой пустяковой. Мышечным усилием я напряг перепонки, и вслед за наступлением гулкоты в ушах неистовство зала стихло до уровня шума тихого морского прибоя, хотя полностью выключить его мне не удалось.

— Тише сделать не могу, — посетовал я, неосознанно глядя куда-то вверх закулисы. — Пультом было бы ловчее.

— Естественно, — откликнулся Креатюрье, — но и так нормально. Пусть начинают.

«Я?» — молча спросил я, тыкая пальцем себе в грудь, не поняв, мне ли должно отдавать приказ к началу сценического действия. Но фигуры в перекрестии световых пучков пришли в движение без моего вмешательства.

Зер Калалуш совершил высокий, но в высшей степени неграциозный перепрыг с ноги на ногу, перехватил свою катану двумя руками, воздел ее острие вверх и застыл в позе, именуемой «хассо-но-камаэ». Песь вздрогнула, ее качнуло в сторону от угрожающего прыжка Зер Калалуша и, закрыв лицо тыльной стороной правой руки, она сделала два шага в сторону от него. Мелодично звякнула цепь на ее сосках; пламя свечей на подоле задергалось, запрыгало, взвилось черными змейками копоти. Песь опустила руку от лица и заговорила низким голосом, для которого понятие «грудной» не обозначало и половины той глубины, откуда этот голос шел:

О, милый муж, таким неожиданным взмахом
Меча меня вы испугали не на шутку;
Скажите, чем могла так огорчить вас
Всегда послушная и кроткая жена?

Зер Калалуш снова скакнул, катана завибрировала в его руках:

Послушная? И — кроткая?! Словам безбожным этим
В устах обманщицы неверной места нет!

Его голос из-под маски гудел, как поставленный на вибрацию телефон, накрытый большой эмалированной кастрюлей для кипячения белья.

Не ты ли только что в объятьях страстных Миилета

Забыла совесть, честь и клятвы верной быть до самой смерти?

Песь картинно закрыла глаза, ее щеки словно засветились изнутри, но румянец это стыда или обиды, было не понять. Но в любом случае, безучастной мужнины обвинения ее не оставили, и когда, наконец, она снова обрела дар речи, ее голос взволнованно трепетал.

Ах, муж мой! Вы бичом ужасных обвинений
Меня сечете так, как будто приговором
К публичной казни я осуждена.
Но в том, что виновата я в измене,
Не предъявили вы улики ни одной.
Извольте или же немедля извиниться,
Признав ваш выпад шуткой неуместной,
Или свидетельства назвать серьезней,
Чем вашего игра воображенья!

Это было произнесено так взволнованно и страстно, что лично у меня в том, что женщина глубоко оскорблена в своих самых лучших чувствах, сомнений не осталось. «*Kakie vashi dokazatelstva?*» — вспыхнула надпись над сценой, и зал отозвался сочувственным гулом. Но Зер Калалуш, казалось, такой отповедью и сочувственной реакцией зала не смутился. По традиции перепрыгнув с ноги на ногу, он наподобие указки устремил острие своего меча куда-то к потолку и скороговоркой выдал фразу по-японски, из которой я понял только слова «Zoom+» и «хаджимэ». Но тот, кому была адресована команда, явно все понял, потому что над сценой вспыхнуло фото потрясающих Песьевых сисек, увеличенное до невероятных размеров. В таком увеличении стало хорошо видно, что золотая цепочка, тянувшаяся между продетыми в ее соски кольцами, вся набрана из миниатюрных золотых иероглифов. «Цепь удовольствия, — всплыло у меня в мозгу, — редкая вещь! У замужней женщины иероглифы в цепи означают имя мужа». Картинка выросла еще, и стало ясно, что на самом деле цепочка состоит из иероглифов «Ар Миилет». «Это цепь удовольствия ее любовника! — истерично взвизгнул женский голос с галерки. Перед лицом столь убедительного свидетельства своей неверности Песь закрыла пылающее лицо ладонями (световые лучи тонкими иглами прибиваются между красно-матово-прозрачными пальцами). «Шлюха!» — осуждающе выкрикнул хорошо поставленный баритон из партера. «Шлю-ха, шлю-ха! — начал скандировать зал. — Каз-нить, каз-нить!!»

«Спалилась! — толкнула меня в локоть развязная девчонка, сидящая в кресле рядом с моим; ничего, кроме уродливых ботинок «Гриндерс», надетых на толстые, отвернутые на щиколотке вязаные носки, на девчонке не было. — Надо же — забыть поменять цепь удовольствия! Сколько раз я ей говорила! И этот придурок Миилет — как он-то мог ускакать, не забрав свою цепь? ППЦ теперь мамаше!» Я неприязненно посмотрел на девчонку, хотел выговорить ей, что прийти голой и немой в театр — не самый лучший способ эпатажа публики, но предвосхитил ее вопрос: «А какой лучший?», и решил не нарываться. «Кто вы? — индифферентно спросил я ее вместо этого. — И почему называете героиню «мамашей»? «Так я же дочка ихняя! — хмыкнула в ответ неформалка, улыбаясь во весь рот (зубы раскрашены эмалью во все цвета радуги). — Талата меня зовут, будем знакомы!» И она протянула мне для поцелуя пахнущую селедкой руку с грязными

обкусанными ногтями. Меня передернуло от отвращения. «Брезгуете? — прищурилась Талата. — Из интеллигентов, значит? Замочить бы тебя вместе с Песькой сейчас! Казнью наказнись!» «Как замочить! — воскликнул я. — Как наказнись?!» «Да вот так! — зашипела Талата, змеей стекая с кресла на пол. — Умела мужу изменять, умей и ответ держать, как говорится!» Ее кресло опустело, остался только устойчивый селедочный аромат. Я снова повернулся к сцене, и обомлел.

Там уже была казнь. Песь стояла посреди своего свечного обруча на коленях, склонив голову и сложив на груди крест-накрест руки со связанными той самой цепью запястьями, Зер Калалуш уже вознес над ее длинной голой шеей свой меч. Усмешка на его маске, казалось, стала еще более отвратительной. «Девять, восемь, семь, шесть», — меняли друг друга огненные цифры отсчета над сценой. Ясно было, что на счет «ноль» карла в маске опустит свой меч. «Или даже на «один», — подумал я. Страшная тоска вмиг сжала мое сердце, — ведь это из-за меня сейчас погибнет женщина, которую я... с которой я... В голове был какой-то вакуум, не дававший вспомнить, откуда я знаю эту женщину, что меня с ней связывает? «Пять, четыре, три!» — вслед за цифрами гулко повторял зал. Песь резко вскинула голову, протянула ко мне ладони с раскрытыми напоподобие створок диковинной раковины пальцами, и с ее неподражаемых Анджелино-Джолиевских губ сорвался крик: «Ар Миилет, спаси, ведь я любила тебя!» Этот крик сотряс меня от мизинца ноги до макушки и — я вспомнил! Я ведь люблю эту женщину, люблю больше жизни!! Я вскочил с места, протянул к ней навстречу руки. «Вот он, — скривила губы маска Зер Калалуша. — попался. Мочите его!» «Один-ноль!» — в ту же секунду выкрикнул зал, и лезвие меча полетело вниз. Но прежде, чем остро-оттянутая сталь рассекла ее кожные покровы и сухожилия, отделила третий позвонок от четвертого и, в итоге, голову от туловища, темнота за сценой взорвалась грохочущими вспышками, и тяжелые пули злым пчелиным роем полетели в мою сторону. Космический холод предсмертного отчаяния сковал меня и, прежде, чем умереть, я закрыл глаза и закричал: «Ма-а-а-ма-а-а!!!» Первая пуля ударила в меня, пробила грудную кость и взорвала сердце. Через микросекунду ударили другие, калеча, разрывая мою плоть, вздымая фонтаны горячих алых брызг, но мне было все равно, — я был уже мертв.

Я проснулся. Колотилось сердце, подушка под затылком была мокрой от пота. Видение только что пережитой смерти было настолько реальным, что я не мог поверить, что это был только сон. Дарья склонилась надо мной, чем-то упоительно прохладным вытерла мне лоб. «Это был бэд-трип, — прошептала она, — всего лишь бэд-трип. Успокойся, мы успели».

«Да, мы успели», — с огромным облегчением подумал я, вспоминая сумасшедшую гонку к последнему еще не заполненному убежищу, вырубленному в неприступных склонах Канчунгского склона Джомолунгмы. Последнюю неделю шли пешком, неся с собой только небольшой запас пищи и воды. Три дня назад я простудился, через двое суток запасенный одним из группы градусник показал у меня температуру 42,9. Я не мог идти и полз, разрывая в ключья колени и пальцы. Вся группа ушла далеко вперед и вверх, только Дарья оставалась со мной. Она постоянно плакала — от того, что не может помочь мне, от того что время «Z», когда галактическая вспышка испепелит все живое на Земле, все ближе. От того, что умру я и от того, что она могла бы успеть, но не может бросить меня и поэтому умрет тоже. Я видел весь этот винегрет чувств в ее заплаканных глазах, и полз, полз, потому что не хотел умирать, а еще больше не хотел, чтобы умерла она.

Мы успели каким-то чудом. То есть, мы не успели, но кто-то из астрономов ошибся в расчетах, и это подарило человечеству (и нам!) лишние дни. Я потерял сознание в километре

от убежища, уже в виду его исполинских, еще пока распахнутых настежь стальных гермоворот. Нести Дарья меня, конечно, не могла, но, пятясь задом, тянула меня за запястья по каменистой дороге, под гулкие раскаты колокола, отбивавшего каждую минуту из последнего часа, оставшегося до закрытия. Мы пересекли заветную «линию ворот» на пятьдесят восьмом ударе, — гигантские створки начали закрываться через две минуты. Скоро я очнулся, но первое, о чем я подумал, снова обретя способность соображать, что Дарьины глаза необъяснимо грустны. «Ты грустишь о тех, кому не хватило места в убежищах?» — спросил я. «Да, — ответила она, целуя меня в лоб. — И о нас, ведь мы тоже умрем». «Мы все умрем когда-то, верно?» — улыбнулся я, но она грустно покачала головой. «Не когда-то, мы умрем вместе с остальными, — пояснил она. — Температура вихря оказалась гораздо выше, ворота не выдержат. Все оказалось напрасно». И она заплакала.

Когда ударил вихрь, убежище затрясло так, как будто содрогнулась вся планета. Высоколегированная броневая сталь в четыре метра толщиной, из которой были сделаны ворота, выдержала первый напор, но от температуры в три тысячи градусов начала плавиться. Скоро воздух в убежище стал горячим, как дыхание самума. Люди готовились к смерти. Кто-то пил, кто-то молился, кто-то что-то писал. Мы с Дарьей решили встретить смерть по-другому. Мы пробрались почти к самым воротам, так близко, как позволял это жар от уже начинавших светиться створок. К нашему удивлению, таких, как мы, оказалось немало. Мы посмотрели на другие пары, рассмеялись и стали срывать с себя одежду, ведь было жарко, очень жарко. Голые, мы смотрели друг другу на друга. Странно, но в глазах Дарьи не было страха смерти, — надеюсь, что она не видела его и в моих глазах. По Дарьиной коже тек пот, большая капля повисла на ее соске и упала на бетонный пол. Раскаленный овал посередине ворот из бордового стал оранжевым. «Я люблю тебя!» — сказал я ей. «I love you, Jenny!» — сказал рядом парень-американец своей подружке. «Ti amo!» — раздалось поодаль, «Jetaime!» — еще дальше. Говорили на китайском и японском, хинди и суахили, — надо думать, о том же. «Я тоже люблю тебя, — ответила Дарья. — Люблю больше жизни и сильнее смерти. Как жаль, что у нас осталось так мало времени. Возьми меня». Я присел, руками обхватил ее под колени и легко поднял. Она обвила ногами мои бедра, закрыла глаза и насадилась своим естеством на меня. «А-ах!» — сорвался вздох с ее губ, и вслед за ним застонали, заохали, закричали, начав совокупляться, сотни пар вокруг. Кто-то делал это стоя, как мы, кто-то лежа на становившемся горячем полу. С каждым движением я подбрасывал партнершу все выше; она срывалась с меня, словно космическая ракета со старта, но вновь и вновь с сочным шлепком возвращалась точно на место, и мой распаленный шток все глубже и глубже вонзался в глубь ее чресл. Такого секса у нас не было никогда; ее глаза вылезли из орбит, рот распахнут в непрекращающемся крике наслаждения и... боли. Потому что оранжевый цвет сменился ярко-желтым; раскаленное пятно на воротах стало объемным, выпуклым. От него шел нестерпимый жар; я чувствовал, как горят пальцы моих рук, сжимающих Дарьины ягодицы, ее волосы начали дымиться. «Боже, я кончаю!» — закричала она, и вслед за ней закричали, завопили, завизжали тысячи женщин. Чувствуя, как подступают финальные содрогания, я последним усилием воли не дал закрыться своим глазам. Свечение раскаленного металла стало ослепительным; с трудом удерживая Дарью одной рукой, я вытянул другую в сторону этого сияния, чтобы укрыться от нестерпимого жара и увидел, как вспыхнули мои пальцы. Дарьин крик оборвался, ее волосы превратились в жуткую огненную корону. Я перестал видеть, — наверное, взорвались от жара мои глазные яблоки. Наверное, мы превратились в два огненных факела, но это горела только кожа, —

мышцы, сухожилия, сосуды, нервы еще выполняли свою функцию. Я еще испытывал это восхитительное ощущение себя внутри другого; наши горящие тела еще двигались в унисон. Еще секунда — и мое солнце должно было ослепительно вспыхнуть над горизонтом сознания, но какой же бесконечно длинной оказалась эта секунда! Уже мертвая Дарья сжимала руки на моей шее, а я все еще наслаждался ею. И вот, наконец — взрыв, вымет, гигантский протуберанец ощущений, перекрывающих адскую боль от горячей плоти. Я закричал, и все кончилось, накрытое волной жидкого металла и жуткими предсмертными криками людей, в оргазмических судорогах превращающихся в пепел.

Я очнулся. Две или три секунды ушло, чтобы осознать, что я жив, что это был только сон. Я лежал на постели голый, голая Дарья лежала рядом и с улыбкой смотрела на меня. «Это был сон, просто сон», — сказала она. «Откуда ты знаешь? — удивился я. — Откуда ты знаешь, что то, что я видел, было только сном?» «Я ведь была в этом сне, верно? Так как же я могу не знать?» — спросила она, и я удивился простоте и исчерпывающей краткости довода. «Где мы? — спросил я, оглядываясь. — Дома? У Володи?» «Да, мы дома», — уверенно ответила Дарья. Она встала с постели, сладко потянулась, как после длинного перелета. Как замороженный, я смотрел на грациозные движения ее тонкого и изящного тела, узнавая и не узнавая ее одновременно. С одной стороны, это несомненно, была она — ее лицо, тело, голос, интонации. Но с другой стороны, что-то в ней изменилось настолько, что разум мой отказывался верить глазам. И — главное — непонятно было, в чем изменения. А Дарья подошла к окну и отдернула плотную штору. Хлынувший свет был настолько ярок, что я прикрыл глаза рукой. «Посмотри!» — воскликнула Дарья, и в ее голосе было столько восхищения, что несмотря на жуткую боль под бровями, я медленно открыл глаза.

Окна не было. Вместо него был — свет, но этот свет не был обычным. Свет был плотен и ощутим, как вода, он лился в комнату струями, водопадами, набегал шумными волнами. Это было — море, море света, оно затопило комнату, его соленые брызги залетали на кровать. Мне жутко захотелось броситься в него, нырнуть, прокатиться на его волнах, как на серфе. Но очевидно было, что для плавания в этом море света нужны были не руки и ноги, а нечто иное. «Ну, что, поплыли?» — спросила Дарья, стоя на подоконнике, вернее, просто висая в плотности света примерно на уровне подоконника. «Как же она поплывет?» — подумал я, и тут она повернулась ко мне спиной, и я сразу понял, чем эта, теперешняя Дарья отличается от той, прошлой. На ее спине были крылья, большие белые крылья. Я онемел. А Дарья, обернувшись через плечо, озорно крикнула: «Не бойся, у тебя такие же! Догоняй!» и бросилась с подоконника в свет. Я вскочил, закрутился волчком, пытаюсь рассмотреть, есть ли что-то у меня за спиной, но тщетно. Но я же не мог остаться здесь, мне нужно было туда, в свет, за Дарьей. Я разбежался, и как детстве в Евпатории через поручни старого дебаркадера прыгал в море, подпрыгнул и полетел через подоконник в свет. Крылья раскрылись у меня за спиной с парашютным хлопком. Я ощутил себя на высоте нескольких километров, парящим среди обрывков облаков. Внизу была земля — зелень травы, лес, ртутная полоса реки, стремящаяся к гигантской капле океана. В полукилометре подо мной парила Дарья, ее белые крылья сверкали на фоне густой зелени. Я сложил крылья наподобие ныряющего за рыбой буревестника, и рассекая с ревом воздух, ринулся за ней. Она угадала мое приближение, перевернулась на спину, я еле успел затормозить, чтобы не врезаться в нее, но она сильно обхватила меня, руками, ногами, крыльями и замедлила мой полет. Превратившись в эдакий пернатый шар, мы понеслись к земле с устрашающей скоростью, но страха не было, я точно знал, что мы не разобьемся. Со смехом мы упали в воду и пошли ко

дну, пуская пузыри. Вода наполнила наши легкие, мы дышали ею, целуясь, переливали через рот в себя и обратно. Вокруг были рыбы, дельфины, киты и акулы, они подплывали близко и как будто бы приветствовали нас. Мы погружались долго, а достигнув дна в том месте, где стоял погнутый дорожный знак «Марианская впадина», оттолкнулись от него, как от батута, и начали всплывать. Наверху мы вышли на берег, и я увидел, что крыльев за спиной Дарьи больше нет. Это огорчило меня, но я услышал ее голос, который говорил, что крылья не исчезли, они просто стали невидимыми и неосязаемыми, и как только нам захочется снова полетать, они появятся в ту же минуту. Я спросил ее еще о чем-то, и поймал себя на том, что сделал это, не раскрывая рта, одной силой мысли, и Дарья отвечала мне так же. А потом я ощутил внутри себя, что и так все знаю об этом месте, и о том, что здесь и как, и что спрашивать мне Дарью, собственно, не о чем. Мне захотелось разве что узнать, почему Дарья знает обо всем как-то не больше даже, а прежде меня. «Все просто, — ответила она. — Я здесь уже бывала, а ты в первый раз». Потом мы лежали на мягчайшей траве рядом с водопадом, и запах диковинных цветов дурманил мне голову. И только я подумал о том, что интересно было бы узнать, что за цветок так пахнет, как я понял, что знаю это, как и то, что больше это меня не интересует. Потом мы спали и ели, и еда появлялась и исчезала сама собой. «Мы в раю?» — спросил я, хотя и так знал ответ. «Да, мы дома», — снова ответила Дарья, поедая какой-то диковинный фрукт, сок от которого стекал ей на грудь. А потом мы просто лежали рядом, и воздухе над нами сгустилась какая-то переливающаяся всеми цветами радуги, искрящаяся вспышками материя. Она обволокла нас и унесла далеко-далеко, где среди рождающихся и умирающих вселенных мы проживали вечность за вечностью, и никого, кроме нас самих, нам не было нужен. «Это то, о чем я думаю?» — только и спросил я Дарью. «Да, ведь ты всегда мечтал увидеть ее», — ответила она. Я улыбнулся, потянулся поцеловать ее, но сон сморил меня на середине движения, мои веки задрожали, закрываясь, и последнее, что я запомнил, были мириады разноцветных бабочек, в которые превратились искры обволакивающей нас радуги.

Я открыл глаза. Страшно хотелось пить, но еще больше организму нужно было, что называется, наоборот. Мочевой пузырь просто разрывало, и это навело меня на мысль, что именно эти ощущения — настоящие. И еще — Дарьи рядом не было. Я еле успел в туалет и, казалось, целую вечность стоял, изливаясь над унитазом. Сколько же времени я был в отключке — часов восемь-десять? На стене тикали часы, я взглянул на циферблат — половина одиннадцатого. Начали мы вчера около шести, но на улице светло, и это значило, что мой трип длился больше шестнадцати часов! С ума сойти, хорошо еще, что под себя не напрудил! Боже, какое облегчение! Как говорил Славка Лашников, никогда не ходивший в туалет «раскупориваться» раньше пятой кружки: «Оргазм от безнадежности дрочит в сторонке!» Теперь воду вовнутрь, вот так, прямо из-под крана, к черту гигиену, я бы сейчас и лужей на асфальте не побрезговал бы. Теперь умыться, а то глаза красные. Ага, вот теперь хорошо. Так, но где же Дарья?

Дарья была в комнате. Она сидела за столом, положив руки на скатерть, и не мигая, смотрела на сливы в блюде на середине стола. Все было, как вчера, за исключением того, что вчера Дарья была одета, а сейчас из одежды на ней было только полотенце, накинутое на плечи. Ее губы шевелились, но слов я различить не мог. Я подошел, сел на стул рядом, но Дарья на мое приближение никак не отреагировала. Я прислушался. Дарья пела, вернее, речитативом шептала Цоевскую «Невеселую песню»:

Глядя в жидкое зеркало луж,
На часы, что полвека стоят,
Да на до дыр зацелованный флаг,
Я полцарства отдам за коня.
Играй, невеселая песня моя,
Играй...

Я слушал слова старой, сотни раз слышанной и спетой про себя вещи, и внезапно меня пронзило. Так вот это откуда: Зер Калалуш — «зеркало луж», Песь Нямая — «песня моя»!.. А как там дальше? «Командиры армии лет, мы теряли в бою день за днем...» Армии лет — Ар Миилет! Но откуда Дарья?.. Господи, это тоже сон, все еще сон, трип, путешествие! С ума сойти! Ну, да, а полотенце на плечах — это чтобы не видно было крыльев!

— Кнок, кнок! — неожиданно для самого себя по-английски сказал я, согнутым пальцем осторожно постучавшись в ее плечо ближе к лопатке. — Is anybody home?[iv]

Дарьины губы остановились, она повернула ко мне голову. Я увидел, что ее глаза полны слез.

— Никого нет дома, — ответила она. — Больше нет никого.

И заплакала. Я сел рядом, левой рукой обнял ее за плечи, правой — прижал ее голову к груди. На нательный крест потекли горячие слезы. Я взял край полотенца, вытер ей глаза, — крыльев под полотенцем не было, я и облегченно выдохнул.

— Что случилось? — спросил я, целуя ее соленые пальцы. — Почему ты плачешь? Бэд трип?

— Ага, — закивала головой Дарья. — Очень, очень плохой. Мама умерла.

Меня ощутимо торкнуло в спину между лопаток. Стул словно выплыл из-под меня и повис ровнехонько над блюдом со сливами. «Ма-ма у-мер-ла», — по слогам разобрал я полученную информацию, но определить, бодрствую я или сплю, это не помогло. Нужно было больше ощущений. Движением головы я откинул стул в угол, и решительно повернул Дарью к себе.

— Ты имеешь в виду, что Зер Калалуш убил маму? — спросил я, глядя ей прямо в глаза.

Сейчас все определится: если Дарья ничего не поймет, посмотрит на меня, как на сумасшедшего, значит, я в реальности; если отреагирует как-то по-другому, тогда фифти-фифти. Дарья перестала всхлипывать, и посмотрела на меня, как на сумасшедшего, но обрадоваться я не успел.

— Откуда ты знаешь про Зер Калалуша? — спросила она и добавила: — И в любом случае он не мог убить маму, он ведь умер.

От нового приступа ощущения беспомощного непонимания, где и когда я нахожусь, меня затошнило. Я закрыл глаза, и не без труда с колебаниями диафрагмы справился.

— Как ты думаешь, кто он — Зер Калалуш? — очень осторожно спросил я Дарью.

— Это из «Невеселой песни», — пожалала плечами она. — Группа «Кино». Я всегда слышала, будто Цой произносит это имя. Больше никто не слышал, все считали, что это просто «зеркало луж». А я придумала из него целый персонаж, вроде японского самурая, страшного, в маске, с мечом. Детская игра. А когда я злилась на отца, он с Калалушем у меня ассоциировался, я даже звала его «злой Калалуш», — он всегда страшно бесился. Тебе тоже слышалось, что Цой так поет?

— Да, — соврал я. — И еще: Ар Миилет, Песь Нямая. Тоже персонажи.

— Надо же, точно, — улыбнулась сквозь слезы Дарья. — А я не замечала.

И она снова погасла. Большой ясности в вопросе этот короткий диалог не прибавил, и я с опаской посмотрел в угол, куда улетел стул, давеча паривший над столом. Стула в углу, слава Богу, не было, но это тоже ничего наверняка не определяло. Спросить у Дарьи, считает ли она, что все вокруг происходит в реальности, или это только очередная серия трипа, я постеснялся. Другое дело — подумать ей это! Если.... Ну, понятно. Я напрягся до боли в висках, подумал, но ответа не услышал, и вообще Дарья никак не отреагировала. Так, это хорошо, хотя, опять же, полной гарантии не дает. Ладно, продолжим вербально.

— То есть злой Зер Калалуш — то есть, имеется в виду, твой отец — ее не убивал, потому что сам недавно умер, — тихонько, без напора, спросил я. — Тогда кто же ее убил? И — убивал ли ее кто-нибудь вообще? И — почему ты думаешь, что твоя мама вообще мертва? Может быть...

— Не может, — грустно покачала головой Дарья. — Я поняла — ты не уверен, не в трипе ли ты еще? К сожалению, нет, мы давно вернулись. Мама мертва, Софа звонила. Она сказала, что дома заклинило дверь, мама полезла через балкон и сорвалась. Несчастный случай, как у бабушки с газом. Только я знаю, что это — не несчастный случай. Маму убили.

Я смотрел на Дарью и не знал, верить мне своим глазам и ушам, или нет. Дарья увидела это в моих глазах, по столу пододвинула мне телефон.

— Позвони ей, — предложила она. — Она не отвечает, ни на мобильном, ни на домашнем. Я сама думала сначала, что это... у меня в голове, звонила Софе, переспрашивала. Но — нет, к сожалению нет. Мамы нет, Софа видела ее тело. Только она бубнит, что это несчастный случай, а я точно знаю, что нет.

— Почему ты так уверена? — глухо спросил я. — Может, расскажешь, что знаешь, и мы вместе подумаем?

Софа позвонила в семь утра, когда Дарья была еще в трипе. «Хорошо что я догадалась телефон поставить на вибрацию и под задницу положить, — грустно усмехнулась она. — Если бы он начал горланить рядом на тумбочке, представляю, чтобы я успела увидеть, прежде чем вернулась бы и поняла, что это всего лишь телефон. А так мне привиделось, что я была у стоматолога, и все они там уверяли меня, что лучше всего лечить зубы в прямом смысле через задницу. И — главное, что они-таки меня убедили, и уже начали сверлить. Слава Богу, я была уже «на титрах» и быстро вернулась! Представляешь, как бы мы покатывались со смеху?» Я представил, — это было смешно, но сейчас мне не захотелось даже улыбнуться. Софа сказала, что вчера очень поздно вечером, или даже уже ночью Ива, видимо, куда-то собралась, не смогла открыть дверь, которую у них частенько заедало, и решила перелезть на соседний, общий балкон, чтобы спуститься по лестнице. Но она была в туфлях на каблуках, и неловкая обувь, видимо, соскользнула с уступа балкона. Пальцы не выдержали, и Ива сорвалась вниз. Поскольку время было позднее, никто момента падения не видел, за кустами на газоне тело в глаза тоже не бросалось. Умерла она не сразу, возможно, звала на помощь, но никто не услышал. Обнаружил ее сосед, рано утром выходящий выгуливать собаку. Приехавшие полицейские обнаружили мобильник и начали обзванивать родственников. Абоненты «Муж» и «Доченька» не ответили (здесь, на Украине Дарья купила местную «симку», номер которой она сообщила матери и Софе, но Ива в контакты телефона этот номер, видимо, не записала). Ответил абонент «Любимая свекровь», которая срочно приехала и опознала невестку, потом — позвонила Дарье. Все.

— Ну, и что здесь, по-твоему, не так? — хмуро спросил я, когда Дарья закончила. — Что указывает на то, что это — не несчастный случай?

Дарья посмотрела на меня так, как смотрят на человека, запнувшегося в ответе на вопрос: «Сколько будет дважды два?»

— Как минимум три вещи, — уверенно ответила она. — Мама в молодости серьезно занималась спортивной гимнастикой, но уже в девятом классе вымахала за метр семьдесят. С таким ростом у нее шансов не было, время лошадей типа Турищевой прошло. К тому же она что-то там повредила, ну, и бросила. Но закалочка осталась. Я ее в детстве как-то раз довела, она меня за ухо схватила, — мне показалось, мочку клещами зажали. И отцу она палец из сустава «на раз» вывернула, когда он драться на нее полез. Пакеты из магазина прет тяжелющие, — у нее пальцы синие, а она даже не замечает. И поручни у нас на балконах очень удобные, так что «пальцы не выдержали» — это не очень канает, разве нет?

Она говорила громко и уверенно, слезы высохли в ее глазах, наморщенный лоб выдавал лихорадочную работу мысли.

— Ну, может быть, — в сомнении пожал плечами я. — Но не более того. Кто знает, как оно все было на самом деле?

— Да, хорошо, согласна, — отмахнулась Дарья. — Но этот аргумент так, на сладкое. Второй посильнее. Вообще очень странно, что мать куда-то ночью собралась. И так сильно ей куда-то понадобилось, чтобы, не сумев открыть дверь, она полезла через балкон, при том, что после смерти бабушки она сама говорила, что стала бояться высоты? Очень сильно вряд ли, как скажет Софа. И последнее. Скажи, ты помнишь, чтобы мать была на высоких каблуках?

— Да, конечно! — воскликнул я прежде, чем подумал над вопросом, таким очевидным казался ответ, но подумав всего секунду, сразу отыграл назад: — Нет, погоди.

Я задумался. На первый взгляд, такая женщина, как Ивай высокие каблуки представлялись чем-то единым, неразрывным, дополняющим друг друга, как женские пальцы и красивые длинные ногти. Но в том-то и дело, что чем сильнее я напрягался, тем менее органичной представлялась мне Ивав образе «high heels». Дарья прочитала мои сомнения.

— Не напрягайтесь, Арсений Андреич, — снисходительным тоном сказала она. — Мама каблуки не носила в принципе. Она с детства комплексовала по поводу роста, и в школе ее дразнили «Длинное дерево ива». Отец ее в этом вопросе вообще доконал, — не знаете эту историю с их свадебными фотографиями? Чтобы невеста не выглядела выше жениха, они фоткались на лестнице, мама стояла на ступеньку ниже, из-под свадебного платья этого не было заметно. А за столом она сидела на стуле с укороченными ножками. За время жизни с отцом мать привыкла, что каблуки — это табу, она не умела их носить, и по улице не смогла бы в них пройти и тридцати метров.

— Я ей покупал как-то шпильки, — вставил я. — Высокие, красные, лаковые.

— Я так и думала, что это твой подарок, — кивнула Дарья. — Когда отца не было дома, она часто ходила в них просто по дому, любовалась на себя в зеркало. Они очень шли ей — высокая стройная блондинка на красных «шпиляках»! Я так завидовала ей! В них ее и нашли.

Слезы снова хлынули из Дарьиных глаз бурным потоком, она уткнулась головой мне в грудь, ее лопатки под полотенцем заходили ходуном. Успокаивающе глядя ее ладонью по спине, до меня как-то вдруг дошло, что Ивы, похоже, больше нет, и у меня тоже защипало под веками. С трудом сдерживая слезы, я прижался щекой к Дарьиным волосам, поцеловал в

пробор, — так, наверное, сделала бы мать, утешая дочь в неожиданном большом горе.

— И дверь не могло заклинить, — пробубнила, чуть успокоившись, Дарья из глубины моих объятий. — Ее часто заклинивало, открыть можно было только снаружи, ключом. Мама все простила отца сделать, тот говорил: «да, да». А когда его не стало, я сама взяла моментальный клей и приклеила язычок, который западал, так, что он больше из замка не выскакивал совсем. Держало очень прочно, там нужно было обязательно подковырнуть отверткой или ножом, чтобы он снова выскочил, сам он никак не мог.

М-да, это были не девчачьи бредни, это было серьезно. Каждый из аргументов и по отдельности нельзя было отметить, а вместе они представляли собой едва ли не стопроцентное свидетельство, что Иваупала с балкона не случайно. Но кому нужно было ее убивать? А не была ли Ивина смерть продолжением странной череды напастей, свалившихся на меня. Или и в ее смерти я тоже могу быть обвинен? Голова закружилась.

Дарья выбралась из моих объятий, успокаиваясь, как на уроке медитации, долго выдохнула, полотенцем вытерла лицо.

— Мне надо ехать, — серьезно посмотрела она на меня. — Я понимаю, что бросаю тебя здесь совсем одного, но мне нужно ехать. Я ненадолго, похороню маму и вернусь. Ты проводишь меня на вокзал?

Мы быстро собрались, но уйти, не прощаясь, не получилось. Мы уже обувались, когда в дверном замке заерзал ключ, и в квартиру ввалился Володя. Видок у него был еще тот — взъерошенные волосы, синяки под глазами, свежая царапина на шее. Несло от него чудовищной смесью перегара и какого-то жуткого парфюма, но в настроении он пребывал, похоже, преотличнейшем.

— О, ребята, куда вы? — замахал руками он, увидев нас «под парами». — Бросайте все дела! Как съездили? Хавать, небось, хотите? Щас пиццу закажем, я за пивасом метнусь. Пивас чудно оттягивает.

— Мама умерла, — коротко объяснила наши сборы Дарья. — Мы уезжаем.

Володя несколько секунд смотрел на нее совершенно непонимающим взглядом, потом нетвердой походкой прошел мимо нас в комнату. Оттуда он вышел с полиэтиленовым пакетом в руках. Подошел ко мне, протянул пакет мне.

— Возьми, — сказал он, звонко икая. — На дорожку.

Я заглянул вовнутрь. Там были сливы из блюда на столе, сверху, пересыпанные, как листьями грибы в корзине у бывалого грибника, зелеными сто долларовыми купюрами.

— Что там? — спросила Дарья, увидев мое изумление.

Я показал ей содержимое пакета.

— Володя! — воскликнула Дарья, поднимая глаза на парня. — Что это? Ты с ума сошел?!

— Тс-с-с! — прижал тот палец к губам, по стеночке бессильно опускаясь на пол. — Ты, я так понимаю, едешь домой. Но дядя Арсений, по моему разумению, с тобой ехать не может, потому что в Рашике на него с собаками охотятся. Значит, он едет куда-то еще на своей машине.

— В Харьков, — вставил я.

— Во, в Харьков, — подхватил Володя. — Что ты там будешь делать, я не знаю, но до Харькова еще доехать надо, а наличности у тебя, я понимаю, кот наплакал. Да, да, у тебя кредитка, знаю. А какого банка? ВТБ24? Чудненько — банк не просто москальский, а еще и дэржавный, сиречь, государственный. Думаю, заинтересованные люди будут оповещены о

любой твоей транзакции ровно через десять минут, и почему ты знаешь, что ты уже не в международном розыске?

— Нет, нет! — замахал руками я, вспоминая объяснения Ведыцкого. — Так быстро в международный розыск официально объявить невозможно.

— А если неофициально? — пожал плечами Влодя. — Звякнут ваши славяне нашим, и примут тебя тут, як ридного. Или просто отметелят в темном углу, что кроме цен на лекарства, тебя полгода ничего интересовать не будет. Оно тебе надо? Так что, если хочешь подольше побыть здоровым и на свежем воздухе, советую тебе твою кредитку лучше не светить.

— Я позвоню в Москву, мне по «Вестерн Юнион» наличные пришлют, — из принципа продолжил хорохориться я, хотя и понимал, что наличные здесь и сейчас — это то, что надо.

— Лучше «Маниграм», у них комиссия меньше, — хмыкнул Володя. — Да, пожалуй, наличный перевод им быстро не отследить. Только пока ты позвонишь, пока вышлют, пока ты доедешь до Харькова, пока найдешь отделение, пока получишь... А сегодня, если кто помнит, воскресенье... Так что, берите, не выделяйтесь. Там тысячи полторы, больше у меня просто нету. Вернете, как сможете. И за сливы сорри — вы ж пиццу ждать не хотите, а больше хавчика в хате, я бачу, нэмае.

Я посмотрел на пьяненько улыбающееся Володино прыщавое и молча протянул ему руку. А Дарья опустилась рядом с ним на корточки, и поцеловала в щеку.

— Пока, Вовка! — сказала она. — Спасибо тебе, ты классный. Может, еще увидимся.

— Пока, Дашка! — махнул рукой тот. — *Vaya con Dios*, дядя Арсений. Береги ее, сколько сможешь.

— Убью за Дашку! — уже через порог крикнула, смешно потрясая своим крохотным кулачком, но уже ухнула тяжело дверь, навсегда отрезая нас от сидящего на полу Володюхохла, гениального химика, через плечо грустно глядящего нам вслед. В последний миг перед тем, как закрылась дверь, в зеркале, висящем в передней, я успел увидеть отражение части гостиной и перевернутого кверху ножками стула в углу.

До прихода поезда Симферополь-Москва было еще около двух часов. Билетов в кассе в эту пред-первосентябрьскую пору ожидаемо не было, так что ничего нам не мешало, наконец, поесть. Я поменял на гривны двести долларов, и мы кинулись в привокзальную кафешку. От запахов шашлыка, куриц-гриль и самсы у меня в желудке начались спазмы посильнее оргазмических. Мы нахватили этой площадной гадости, к которой в Москве я бы на милую не подошел, и набросились на еду с остервенением героев Джека Лондона, месяц питавшихся хвоей и снегом. Дарья объяснила, что такой зверский голод — обычная «побочка» от «горячего снега», зато «побочка» — едва ли не единственная. Вернувшуюся после еды каракумскую жажду мы заливали ледяной баночной кока-колой. Не отрываясь, я втянул в себя всю банку ломящей зубы шипучки и рыгнул, как Змей-Горыныч. Дарья интеллигентно налила воду в стакан и наслаждалась через соломинку. Я оставил ее утолять жажду, а сам, прихватив вторую банку, отошел в сторонку позвонить Лехе Чебану.

В армии мы были очень близки. Он был местный, из харьковского предместья со смешным названием Змиев, которое он произносил еще смешнее — Змиёв. Был из шпаны, очень жилистый и резкий, и сразу стал держать в роте конкретный «понт». В армию по причине подростковой судимости его долго не брали, потом из-за Афгана начали грести всех, так что мы с ним оказались ровесники, лет на пять старше остальных салаг-призывников. Сошлись мы далеко не сразу, потому что с точками соприкосновения у такого,

как он и «верхнеобразованного москаля» было небогато. Более того, когда я ушел в УНР «на повышение», Чебан начал ко мне цепляться, и в конце концов пришлось выяснять отношения на кулаках. Я хоть и ходил когда-то пару лет в боксерскую секцию, но против выросшего на уличных драках Чебана шансов у меня не было, и в первую же минуту драки он трижды уронил меня на землю. Но тут он, посчитав, что со мной все уже ясно, совершил ошибку. Увидев, что я с трудом встал и нетвердо держусь на ногах, уже считающий себя победителем парень решил покрасоваться перед «секундантами» из числа своего окружения. Он намеренно открыто подошел, опустив руки и открыв лицо — ну, на, попади. Много позже мне всегда напоминали эту историю лучшие бои Роя Джонса-младшего, когда тот, издеваясь над соперником, подставлялся под удар. Противник, купившись, бил, но его перчатки рассекали воздух впустую, — головы Джонса в этом месте уже не было. Но у Чебана не было фантастической реакции Джонса, да и «подставочку» промахнуться даже такому горе-боксеру, как я, было грех. Секунду я не мог поверить, что наглый подбородок обидчика находится так близко, потом, как учили, выбросив вверх и вперед правую руку, сопроводив ее резким поворотом всего торса вокруг талии. Получился классический, убойный апперкот, крюк снизу в челюсть. Его подошвы на пару сантиметров оторвало от земли и, прищелкнув в коротком полете друг об друга каблуками Чебан упал, как подкошенный, вдобавок прилично приложившись затылком об земную твердь. К нему бросились, откачивали минут пять, но так и унесли в казарму без чувств. А вечером потерпевший поражения с бутылкой водки пришел ко мне в закуток (я жил еще в казарме, но уже отдельно от роты). Челюсть у него была подвязана, и говорить он не мог, но на листе бумаги написал крупно «МИР?». Я кивнул, и мы выпили по первой. Потом он написал «КОРЕША?», — я снова кивнул, и мы выпили по второй. Так мы махали рюмками, чередуя тосты, которые я говорил вслух, а он — писал на бумаге. Так началась наша дружба. Потом оказалось, что Леха с ума сходит по музыке некоей рок-группы, название которой было, как он говорил: «Точно не знаю, как перевести, но вроде как «Психи-Графы». Я подивился мудреному названию и честно сказал, что групп с таким названием не знаю. «Не, ну ты чё! — изогнул губы Чебан. — А еще москвич! Да это бомба! На, послушай!» Испытывая жуткий недобняк от недостатка эрудиции на тему рок-музыки, я осторожно принял из Лехиных рук кассету, выглядевшую, будто ею играли в футбол на асфальте. Объяснилось это просто — как-то незадолго до ухода в армию Чебан крепко «под газом» шлялся по родному Змиёву и слышал музыку, раздававшуюся из «мага» шумной компании. Громкая забойная мелодия так зацепила Леху, что он присел на лавочку рядом с компанией — просто так, послушать. Компания, вероятно чувствуя численное преимущество, выразила неудовольствие, и тогда он, не долго думая, вырвал из рук компанейского ди-джея магнитофон, вынул из него кассету и собрался уйти. На него накинулись, выбили из рук кассету, и пока Леха был занят тем, что «насыпал всем люлей», кассета под ногами топчущей компании изрядно пострадала. На полусодранной наклейке еле различалась карандашная надпись «Pysical Graff». Я включил кассету, и из хриплого динамика уезженной «Весны» загремел забойный «Custard Pie». «Pysical Graffity» — сообразил я, от души посмеявшись Лехиному переводу даже полустертого названия пятого по счету «Цеппелиновского» альбома, и при случае рассказал ему краткую историю «Led Zepppelin». Из Москвы по моей просьбе прислали всю их дискографию на кассетах, которую я вручил Лехе Чебану в качестве подарка на день рождения. Сказать, что именинник был в восторге — не сказать ничего, и мы стали совершенно не-разлей-вода.

А как-то зимой Леха спас мне жизнь. История была банальнейшая: старослужащие узбеки, которых в нашей части было большинство, взбунтовались против немногочисленных представителей Северного Кавказа, которые всегда стремились своими среднеазиатскими единоверцами управлять и помыкать. Вылился бунт в ночную разборку между сторонами в узком закуте между котельной и столовой. Я в этот момент шел из у унэра в казарму, и черт меня дернул пойти этой — короткой — дорогой, да еще и вмешаться. Я сразу же понял всю опрометчивость этого поступка, но было уже поздно. Разгоряченные мусульмане увидели во мне единого врага, гяура, и мало бы мне точно не показалось. У здорового лезгина Магомедова из первой роты в руке был тесак подстать ему размером, и с ним наперевес гигант с налитыми кровью глазами шел на меня. Отступать было некуда, и небо мое сжалось в овчинку. Невесть откуда взявшийся Леха Чебан налетел на Магомедова, как рысь на лося, и при примерно такой же разнице в габаритах лезгин на ногах не устоял. Прежде чем схватить меня, пребывающего в некотором ступоре, за руку и заорать на ухо: «Тикаем, бля!», Леха успел носками кованых сапог свалить еще двоих. Самым важным во всей этой истории было то, что Леха знал о предстоящей разборке и, обеспокоенный тем, что меня до сих пор нет на месте, пошел меня встречать на предмет, чтобы я не нарвался случайно на горячих магометан, ступивших на тропу войны.

На втором году службы Леха стал старшиной роты, и его подразделение моим стараниями, разумеется, было лучшим по ВСО. Со своей стороны он отвечал за культпрограмму увольнений в Змёв, которые я организовывал для нас с ним каждые выходные. Означенная культпрограмма заключалась в сумасшедших встречах с местными чернявыми красавицами разной степени совершеннолетия, от мягко-эротичного «г» которых крышу сносило вместе с фундаментом. На дембель мы пили-гуляли неделю и клялись в вечной дружбе. Разъехавшись, поначалу мы обменивались письмами, но перспектив наш «почтовый роман» иметь не мог по причине весьма посредственной Лехиной грамотности и соответствующего неумения и нежелания эпистолировать. Созванивались, но тоже все реже и реже, — жизненные проблемы заглушевывали воспоминания о радости общения с когда-то столь близким человеком с устрашающей быстротой, и что-либо поделать с этим не было никаких сил. Последний раз я набирал Лехе лет двенадцать назад на день рождения, но, будучи уже «сильно выпимши», всегда резкий не только в движениях, но и в суждениях именинник с полуоборота понес пургу про «забуревших» и предавших старую дружбу. Я положил трубку, не дослушав, и больше не звонил. Поэтому сейчас, когда я набирал номер «Леха Ч.» из телефонной книги, мне было немного не по себе.

— Да, алло! — ответил совершенно не постаревший Лехин голос.

— Лех, здорово! — воскликнул я. — Это Арсений Костренёв, из Москвы. Помнишь еще такого?

Я изобразил интонацией искреннюю радость, но выстрел получился холостым.

— Бать, это тебя, — удалился от трубки голос, столь похожий на Лехин. — Из Москвы.

Во как- у Лехи взрослый сын! Ну, да, последний раз, когда мы нормально общались, он же говорил мне, что его жена на сносях! Когда это было — лет пятнадцать назад? Да нет, больше: парню уже, пожалуй, лет семнадцать — восемнадцать. Боже, сколько же времени прошло с той поры, как мы под *Led Zeppelin* плавились в горячих объятиях Змиёвских красавиц! И как же мало я знаю об Лехиных послеармейских годах!

— Да, — после долгого шуршания раздалось в трубке. — Алло! Кто это?

Я вздрогнул. Голос был разительно непохож на только что звучавший, так

напоминавший Лехин, как я его помнил, — это был надтреснутый старческий хрип.

— Лех, это я, Арсений, — больше не пытаюсь голосом ничего изобразить, ответил я. — Я здесь, у вас, на Украине, в Запорожье. У меня проблемы, мне помощь нужна.

В трубке молчали так долго, что мне стало не по себе. Ну, да, столько лет ни слуху, ни духу, а тут на тебе, и сразу: «Бен, это Данила, ай нид хелп!» Показалось, что на том конце провода Леха Чебан специально выдерживает паузу, чтобы последующее: «Да пошел ты!» вышло особенно смачным.

— Ну, раз проблемы, приезжай, — наконец разродился хрипом динамик. — Поможем, чем можем. Где живу, не забыл?

— Гоголя, 43, квартира 8, - всплыл из тайников памяти, казалось, давно забытый адрес. — Не забыл.

— Молодец, — усмехнулся Чебан. — Что-то еще помнишь. Ты на чем? На машине? Ну, тапку в пол, к ужину поспеешь. Давай, без тебя за стол не сядем.

Трубка замолчала. Я еще минуту смотрел на погасший экран айфона, мысленно продолжая разговор с таким далеким прошлым, потом вздохнул и, не без труда вернувшись, взглядом поискал Дарью. Она спала прямо за столиком, все еще сжимая пальцами стакан с недопитой шипучкой. До поезда оставалось минут пятнадцать, и я осторожно разбудил ее. Дарья открыла глаза.

— Мне приснилось, что то, что мамы нет, мне только приснилось, — сказала она. — Ты не представляешь, как я была счастлива!

На ее глаза навернулись слезы. Чтобы отвлечь ее, я тут же придумал историю про то, как мне накануне, как в армию идти, тоже приснилось, что идти туда не надо, но Дарья только слабо улыбнулась в ответ. К счастью, объявили о прибытии поезда, и мы поспешили на платформу.

Открылись двери вагонов, и важные проводницы шагнули на перрон. Я искал глазами, выбирая наиболее подходящую кандидатуру, и остановился на высокой грудастой матроне из седьмого вагона. Ее спокойный и уверенный взгляд говорил о том, что матрона не чужда того, чтобы при случае взять, а великолепная гордая осанка — о том, что делает это она с глубокой убежденностью в своей правоте. Восхищенно улыбаясь, я подошел к матроне, на крутой, как склоны Аннапурны, груди которой сиял начищенный шильдик «Клавдия». «Не возьмете дочурку до Москвы? — с просительной интонацией обратился я к Клавдии. — А то к первому сентября в школу не успеет, нехорошо!» Матрона, видимо для того, чтобы лучше видеть из-за Аннапурновых склонов, еще выше вздернула подбородок, и с усмешкой, означавшей: «Ага, ври, ври, педофил несчастный! Что ж ты с «дочкой» отдыхать поехал, а обратный билет к началу учебного года купить не позаботился?» «Ну, мы же с вами все понимаем!» — с гаденькой улыбкой ответил я матроне, незаметно вкладывая ей в руку свернутые в трубочку двести долларов. «Поедет со мной в купе для проводников, — благосклонно отреагировала на рукопожатие Клавдия Аннапурновна, виртуозно пряча зеленую трубочку в рукав. — Проходите. Если будете прощаться, закройте изнутри. Только побыстрее, стоять осталось пятнадцать минут». Дарья ожгла матрону презрительно-ненавидящим взглядом, и мы шагнули на гроыхающий пол вагонного тамбура.

— Ну, последуем совету? — обернулась ко мне Дарья, защелкнув замок на двери. — Будем прощаться?

И, поднявшись на цыпочках, она обвила мою шею руками. Поцелуй был упоителен. Нас снова обволакивало радужное облако, звездившееся мириадами желтых вспышек. Только

минут через пять мы отпустили губы друг друга. Дарья опустила на пятки, ее глаза были мечтательно закрыты. Неожиданно ее повело, как при головокружении, и она села на полку, размахивая руками вокруг головы.

— Что такое? — озадаченно спросил я. — Кого ты отгоняешь?

— Бабочки, — ответила Дарья, открывая глаза. — Разноцветные бабочки.

У меня отвисла челюсть.

— Ты тоже видела бабочек?! — вскричал я.

— Конечно, — улыбнулась Дарья. — «Горячий снег» настолько стимулирует мозговую деятельность, что в исключительных случаях у путешественников вместе может устанавливаться какое-то подобие ментальной связи.

— Ты хочешь сказать, что у нас — тот самый исключительный случай? — изумился я. — Что во время трипа ты видела то же, что и я? И меня — Альдомовара, тебя — Талату? И Креатюрье, и сотворение Вселенных? И представление японского театра, Зер Калалуша и Песь Нямаю? И как Ар Миилета убили со сцены? А после — как мы сгорели в убежище в горах? А потом целую вечность были в раю? И чем занимались там и до того в убежище? Все это ты тоже видела?!

— Ну, нет, не все, конечно, — застенчиво улыбнулась Дарья. — Но многое. А многое не я видела твоего, и — наоборот. Я когда в детстве случайно «Лже-Нерона» прочитала, начала себя Талатой звать: *thalatta* означает «море» по-древнегречески. И Зер Калалуш — это из моей головы, ты знаешь. И бабочки. Ты знаешь, откуда бабочки?

— Нет, — отрицательно покачал головой я. — Не знаю.

— Это из «Ста лет одиночества», — пояснила Дарья. — Там бабочки всегда кружили над одним из героев. Только они там были желтые, и я всегда думала, что те, которые будут кружить надо мной, должны быть всех цветов радуги. Ты не читал Маркеса?

— Читал, — честно ответил я. — Давно, про бабочек не помню.

— Обма-анщик! — тихо засмеялась Дарья. — Такой большой, а Маркеса не читал!

Я смотрел на нее, и чувствовал, как душу заполняет что-то большое, яркое, теплое, искрящееся всеми цветами радуги — то самое, из сна. Оно разлилось у меня внутри, заполнило все до последней клеточки моего тела, до мельчайшей ячейки сознания. Удивительное умиротворение снизошло на меня откуда-то из-под сводчатого потолка маленького купе, — такое было в моей жизни всего раз, когда мы крестили Кирилла в маленькой старой церкви на Успенке. Тогда нечто подобное, густое, как кисель, буквально стекло на меня с закопченного алтарного свода, зазвенело в ушах, заставило глубоко вздохнуть, удивленно посмотреть по сторонам, на людей, стоящих рядом — не ощутил ли кто еще? Но все были заняты своим, — похоже, ЭТО коснулось меня одного. Тогда я, пораженный, закрестился, закланялся в пол, но сейчас хотелось другого — обнять это маленькое создание, сидящее рядом, стиснуть, прижать к груди и не отпускать никогда, потому что ничего более для того, чтобы это удивительное ощущение никогда не проходило, мне было не нужно.

— Мне кажется..., - начал я

— А я точно знаю, что никому из нас это не кажется, что это на самом деле

— Я люблю тебя, — сказал я ей про себя.

— Я тоже тебя люблю, — совершенно явственно прозвучал у меня в голове ее ответ.

И — странно, но такой совершенно необыкновенной, просто-таки телепатической связи я уже ни капли не удивлялся.

Резкий стук в дверь заставил нас вздрогнуть. Вслед за стуком лязгнул замок, с грохотом откатилась купейная дверь, и вагонная матрона возникла в проеме, почти полностью перекрывая его своей монументальной фигурой.

— Пора, голубки! — голосом зычным, как тепловозный гудок, провозгласила она. — Отправление через две минуты. Папаша, хватит тискать дочку, так она у вас до первого сентября не дотянет!

«Да, да, сейчас, вы же понимаете, как любящий отец будет скучать по дочурке!» — играя в ту же игру, сказал я матроне глазами, в то время как Дарья смерила вагонную нескрываемо презрительным взглядом.

— На, возьми денег, — сказал я, протягивая ей пятьсот Володиных долларов. — Нельзя ехать без копейки.

— А ты? — воскликнула она, упираясь ладошкой в мою руку, в которой были зажаты крученные купюры. — Я не возьму, тебе тут еще неизвестно сколько торчать.

— Бери! — буквально всунул я ей в руку деньги. — Мне пришлют, не беспокойся. И позвони, как приедешь.

— Обязательно, — кивнула Дарья. — Ты тоже звони.

— Конечно, — подтвердил я. — И — будь осторожна, берегись Зер Калалуша.

— Но ведь он умер? — полувопросительно ответила она. — Так кого же мне остерегаться?

— Того, кто остался жив, — очень серьезно ответил я, вспомнив зловещую маску со сверкающей катаной в руках из сна. — Того, кто убил твою маму.

Дарья посмотрела мне в глаза и кивнула. Я последний раз поцеловал ее — вроде, в щеку, но губы мои все же коснулись уголка ее рта — и вышел из купе. Вагон-матрона Клавдия проводила меня взглядом, каким, наверное, смотрят на своих подопечных дюжие медбратья в сумасшедшем доме.

Я ступил на платформу, и поезд, словно ожидавший меня одного, сразу же тихо тронулся. Клавдия Вагоновна стояла в дверях со свернутым грязно-желтым флажком в руках и сверлила меня насмешливым всепонимающим взглядом. Мимо проплыло окно проводничного купе, Дарья за стеклом бурно жестикулировала, пытаюсь открыть тугое окно. Я непонимающе замотал головой, разводя руки, безмолвно спрашивал: «Что? Что?» Поезд набирал ход, и я уже бросился было вприпрыжку снова к двери, закупоренной дюжей вагон-хозяйкой, но тут Дарья справилась с окном и высунула в открывшуюся вверху окна узкую щель руку. В ее пальцах был зажат маленький полиэтиленовый пакетик. Я прибавил шагу, нагнал окно, и принял пакетик из ее пальцев. В пакетике лежала оцетинившаяся синеватыми кристалликами марка с «горячим снегом». «Блин, во дура, забыла, что у меня эта срань при себе, везти через границу стремно, мало ли что, если бы вдруг нашли, пипец был бы», — артикуляцией губ и жестами объяснила мне Дарья. Потом приложила пальцы к губам, снова высунула руку из окна и бросила воздушный поцелуй в мою сторону. Я сделал вид, что поймал его, тоже приложил к губам, хотя Дарья уже не могла меня видеть. Еще какое-то время я видел ее руку со словно развевающимися на ветру пальцами, потом вагон скрылся за поворотом платформы. Я спрятал пакетик с «горячим снегом» в потайной кармашек кошелька и сразу же забыл о нем.

[i] Як справы (укр.) — как дела.

[ii] Пожартуваты (укр.) — пошутить.

[iii] Dismiss! (англ.) — разойтись!

[iv] Knock, knock! Is anybody home? (англ.) — Тук, тук! Есть кто-нибудь дома?

Глава 13. Мама

Триста километров, разделяющие Запорожье и Харьков, я пролетел за четыре часа. С дороги позвонил Питкесу, вкратце рассказал о своих обстоятельствах и спросил, какова в конторе ситуация с деньгами. Самойлыч коротко рассказал, что на расчетном счете сумма, вполне сопоставимая с нулем, а в банке в ячейке — ноль самый что ни на есть во всем его голом безобразии. Не то, чтобы я ожидал от Самойлыча каких-то откровений, но все-таки его ответ меня обескуражил. Разумеется, я понимал, что комплекс свалившихся на меня и, значит, на «Арми-Строй» проблем делало будущее компании из безоблачного, каким оно мне представлялось еще неделю назад, весьма неопределенным. Наезд Ещука и К перечеркивал долгосрочные перспективы, а скандал с задержанием на торгах главного инженера означал, что моей компании теперь не видать контракта на Министерстве, что автоматически делало весьма туманным и наше ближайшее будущее. Слава Богу, эта ситуация еще не означала немедленного паралича работы организации — на кое-каких мелких объектах шла работа, имелся запас материалов, позволявших доработать месяц, «запроцентоваться» и получить к середине сентября оплату за них. Но вот лично для меня это означало, что денег на непонятно долгое пребывание в чужой стране прямо сейчас взять было попросту негде.

— У меня дома есть заначка, — словно прочитав мои мысли, сказал в трубку Питкес. — Тысяч сто или чуть больше. Предлагаю их вам, Арсений Андреевич, вам сейчас они нужнее.

Меня застопорило: имел ли я право даже в такой непростой ситуации брать деньги у человека, только что вышедшего из камеры, куда он попал по прямой моей вине?

— Не мучайтесь раздумьями, Арсений Андреевич, — снова угадал ход моих сомнений Питкес. — Это от всей души. Вот и Джоя настаивает.

Мнение умницы-дочки Питкеса, которая уже после пары телефонных разговоров был мне глубоко симпатична, оказалось решающим, и я сдался.

— Нижайше признателен, Борис Самойлович! — прочувственно поблагодарил я. — Тогда Павлик позвонит вам, передайте деньги ему, ладно? Крепко жму руку!

Я сразу же перезвонил Павлику и велел назавтра прямо с утра конвертировать рубли в доллары и через Вестерн Юнион или Маниграм прислать их на мое имя в любое отделение этих систем в городе Змиёв Харьковской области, сразу же сообщив мне адрес отделения и реквизиты платежа.

Размышляя, чем еще заняться полезным в долгой монотонной дороге, я перебирал в уме, кому бы еще позвонить. Дарье позвонить очень хотелось, но мы расстались всего пару часов назад, условившись, что она сама наберет мне по приезду в Москву. От Марины на телефоне давно уже «висела» эсэмэска о том, что они добрались и все хорошо, поэтому звонить нужды не было, да и не хотелось. Вецкий должен был звонить сам. Вот — нужно позвонить маме, после последнего разговора с ней на душе висел камень неснятого взаимонепонимания. Гудки долго падали в пустоту, но ответа не было. Не то, чтобы я сильно забеспокоился: значит, мама еще не отошла, и будь я сейчас в Москве, нужно бы ехать «мириться» лично. Вот только я не в Москве... «Ладно, если мама и до завтра будет «держатъ фасон», пошлю к ней Марину», — решил я, уже будучи в виду указателя «Харків — 2 км»

Еще полчаса по опоясывающей Харьков окружной автодороге, километров двадцать-двадцать пять до Змиева, да по самому городу немного поблуждал, и к нужному дому я

подъехал к восьми вечера — самый раз к ужину. И во времена моей службы обшарпанная, построенная в первые послевоенные годы пленными немцами трехэтажка с темно-серой шиферной кровлей совершенно обветшала, как-то осела по бокам, словно прибитый осенними дождями стог сена. На некогда желто-розовых, а теперь непонятного грязного цвета стенах, как струпья на теле прокаженного, зияли раны отвалившейся штукатурки с диагоналями дранки, и новенький радостный шильдик «Вулиця Гоголя, 43» рядом с ними выглядел издевательски, как Бониэмовская «Багама-Мама» на похоронах. Сердце сжалось, как если бы стройная девушки с длинными волосами, показавшаяся знакомой, с которой не виделась вечность, шла бы впереди меня, и я догнал бы ее, окликнул, она обернулась, но вместо юного улыбающегося лица я увидел бы оскал черепа с пустыми глазницами и проваленным носом. Невзирая на не спадающую даже к вечеру жару, я поежился. Толкнул коричневую, всю в следах от содранных наклеек, скрипучую дверь, — непередаваемая кошачье-мышинная темнота ударила в нос, как пропущенный средней силы прямой в голову. Я нащупал первую ступеньку, начал подниматься, растворившись внезапно в ощущении судорожного непонимания, какой год сейчас идет за немывтыми подъездными стеклами. Но вот последний этаж и до боли знакомая дверь с большой латунной цифрой «8» на ней. Восьмерка крепилась к полотну на двух гвоздях, сверху и снизу, но верхний гвоздь куда-то делся, может быть, оторжавев от времени, и цифра опрокинулась вверх ногами, не перестав, впрочем, от этого правильно указывать номер квартиры. Но выше желтого металла осталась дорожка, тень, след из более светлой краски, и эти две сросшиеся восьмерки образовали последовательность из двух вертикальных символов «бесконечность», эдакую «бесконечную нескончаемость». От такой магии мое подсознание взбурлило подводным взрывом, меня качнуло, и чтобы не загреметь с верхней ступеньки, я схватился за дверную ручку. Я закрыл глаза, и ладонь вспомнила ребристость прохладного металла, и незакрученный шуруп так же, как тридцать лет назад, предательски ссадил мне костяшку на указательном пальце. Новая волна воспоминаний толкнулась в грудь — так же я хватался за эту ручку, когда мы с Лехой, стремглав взбежав наперегонки по лестнице, с хохотом вдвоем ломались в дверь, чтобы побыстрее переодеться в гражданку и рвануть туда, на волю, где воздух, солнце, девчонки, жизнь. Я открыл глаза, и надавил кнопку звонка.

Совершенно не изменившийся за все эти годы Леха Чебан стоял на пороге, и если бы я не был упрежден о том, что у старого кореша есть сын с голосом, удивительно похожим на отцовский, не уверен, что мысль, не переместился ли я на три десятка лет назад, показалась бы мне безумной.

— Здравсьте! — радостной улыбкой засветился с порога Чебан-младший. — Вы дядя Арсений, из Москвы? Батя стока об вас рассказывал! Проходите, проходите! Так здорово, что вы приехали!

Я перешагнул через порог. Та же тесная прихожая с белой шторкой, закрывающей вешалку с одеждой, тот же светильник без плафона под потолком, разве что лампочка не тогдашняя тусклая двадцатипятиватткa, а яркая белая, современная, энергосберегающая.

— Проходите, что же вы? — звал из-за угла коридора Лехин сын. — Нет, нет, не разувайтесь, не прибрано!

Я сделал пару шагов вперед. Да, и здесь все так же: слИвадверь в санузел, прямо — кухонка, откуда вкусно пахло борщом, направо — полутемная комната с зашторенными окнами. Даже тогда, по молодости, эта квартирка не казалась большой, но такого, как сейчас ощущения крохотности, сжатости не вызывала. Сейчас же я почувствовал, что не понимаю,

как в такой тесноте можно жить, — квартирка была максимум метров тридцать площадью; по сравнению с ней мои совсем не гигантские по московским меркам восемьдесят «квадратов» казалась полем для гольфа. Я заглянул в комнату, в ее дальнем углу шло какое-то шевеление, но после слепящего света в прихожей кроме обтянутой белой майкой спины младшего Чебана я ничего не различил. А, нет — вон колесо какое-то со спицами, велосипед, что ли? Они что, велосипеды еще здесь умудряются хранить?! Да нет, это не велосипед.

Белая спина разогнулась, раздался какой-то визг, стук, ладная фигура Лехино сына развернулась на месте, и из-за нее, как из-за плаща фокусника, выехала по дуге инвалидная коляска на колесах, так напоминающих велосипедные. Чебанов отпрыск крепко сжимал черные рукояти, приделанные к спинке, а в самой коляске, опираясь на кривоватые подножки странно тонкими даже в обтягивающих их трениках ногами и бессильно свесив с подлокотников длинные кисти рук, сидел седой старик, чем-то отдаленно похожий на молодого парня за его спиной. Скорее, мозгами, чем глазами и памятью я узнал в старике друга и сослуживца.

— Леха? — не смог не выдать своего изумления я. — Ты? Ты! Ты... Что с тобой?!

— Да я это, я, — хрипловато кхекнул старик. — А ты чего видеть ожидал? Яблони в цвету? Так это вон, молодежь пускай цветет, ее время. Хотя ты вон выглядишь молодцом, раздобрел только. А так посмотреть — все тот же сержант Арсений Костренёв, не перепутаешь. Ну, здорово, Сеня, долгонько не виделись!

И Леха, протянув ко мне со своего кресла руки, сгробастал меня в неожиданно крепкие, не продохнуть, объятия. Я тоже обнял его, но как-то неловко (мешала спинка кресла), прижался щекой к его небритой колючей скуле, ощутил его запах — купаж старости и больницы, ни с чем не перепутаешь.

— Здорово, Леха! — прошипел я ему на ухо, удушаемый одновременно его объятиями и слезами.

— Так, а вот этого не надо! — видимо, почувствовав кожей мокрое, ошетинился Чебан. — Нечего тут сырость разводить, будто кто-то помер. Колька, хорош в спину пхать, марш на кухню, все у тебя готово? Сень, а ты давай-ка мыть руки с дороги, да за стол, а то водка согреется, и закусь остынет.

Одной рукой ловко крутя колесо, другой Леха затолкал меня в ванную, еще более крохотную, чем вся квартира. Буквально ввинтившись в узкое пространство между унитазом, раковиной и сидячей ванной, я умудрился-таки вымыть руки, всего один раз ударившись локтем о стену, да зацепив на обратном вращении невесть за чем приделанную к стене гнутую металлическую ручку. Вспомнив армейские времена и еще раз подивившись тому, насколько за последние тридцать лет изменились мои представления обо всем, я выскользнул из ванной. На кухне стоял дым столбом, Леха распечатывал запотевший брусок неизменной украинской Хортицы, Колька заканчивал разливать ароматный борщ, на столе теснились блюдечки с салом, колбасой, овощами. Среди урчащего холодильника, мойки, плиты и уж занявших свои места Лехи и Кольки оставалась только узкая щель между столом и стеной, и именно туда мне предлагалось влезть, — по крайней мере, именно там стояла единственная свободная табуретка. Я исполнил новый танец, и в результате все-таки уместился в эту щель, усевшись, правда, немного вполоборота и обняв коленями ножку стола.

— Так, Кольк, ну-ка, двинулся! — рявкнул на сына Леха. — Ишь, расселся, барин!

Самому Кольке двигаться было некуда, он сидел вплотную к старой крашеной тумбе, являвшей здесь собой основную часть кухонной мебели, но тот с готовностью втянул живот и потянул на себя стол, и даже подвинул его — сантиметра на четыре. И тут я ощутил разницу между понятиями «нэмае зовсим» и «нэмае, но трохы всеґа таки е», потому что сразу смог засунуть под стол обе ноги, из положения «искоса» повернувшись к поляне всем фронтом. Леха разлил водку (только себе и мне, пояснил: «Этому рано еще!») по старомодным лафитникам (неужели все тем же?!) и поднял первый тост:

— Ну, как принято говорить в нашей незалежной — за зустріч!

Чокнулись, махнули. Водка морозной ртутной каплей заскользила по пищеводу, растеклась по желудку горячим огнем.

— На, заешь, — подоспел Леха, протягивая мне кусок ароматного черного хлеба, покрытый розовым салом и ломтиком огурца, и тут же налил по второй.

Вторая пошла так же хорошо, но немножко по-другому, немного постояв где-то на середине пути, и уже потихоньку растворившись дальше уютным теплом. Под нее хозяин дома протянул мне бутерброд с горчицей и подвинул тарелку с борщом:

— Похлебай.

Тарелка фантастически вкусного красно-фиолетового борща со сметаной улетела в один миг, Колька сразу налил добавки, под третью и четвертую опустела и она. В теле была сытость, на душе — блаженная истома, и только червячок предстоящего разговора неприятненько свербил, пробиваясь сквозь искреннюю радость встречи.

— Ну, рассказывай, — начал, наконец, Леха. — Что за проблемы привели знатного москальского гостя до нашей скромной хаты?

Червячок высунул голову и, гаденько ослабившись, тяпнул, — где-то под сердцем заглодело. Задело и «москальского», но так, больше из нелюбви к подобного рода штампам: приедь старый кореш ко мне, я никогда, даже в шутку не назвал бы его хохлом. Гораздо больше зацепил «знатный гость», неприкрытый намек на разницу в социальном статусе и на что-то нехорошее касательно этой разницы у хозяина в душе. Я проглотил обиду, но делиться проблемами как-то сразу расхотелось.

— Давай лучше ты сперва, — ответил я, наливая по полрюмки. — Как это тебя угораздило? Когда?

И я осторожно кивнул подбородком на Лехины колеса.

— А, это-то? — усмехнулся он, стукнув кулаком по черному подлокотнику. — Да это так, невезуха. Как говорится, бывают в жизни огорчения.

— Пап, я, может, пойду, — тихонько встрял в разговор Колька. — У вас с дядей Арсением все есть, борщ я подогрел.

— Водка есть? — хмуро вскинул на сына глаза Леха. — Водки сколько?

— Две бутылки еще в холодильнике, — ответил Колька, вставая из-за стола. — Вам хватит на сегодня.

— Хватит, хватит, — ворчливо передразнил сына Чебан. — Почем тебе знать, пацан, чего взрослым хватит, а чего нет? Ладно, давай, топай, не пропадай только.

— Ага, я на связи! — радостно закивал головой Колька. — Дядь Арсений, пока! Вы же не уедете? Ну, так завтра увидимся!

И он с улыбкой протянул мне руку. Только улыбка эта и отличала сына от отца тридцатилетней давности, — Леха, выросший в пропитанной принципом «*homo homini lupus est*» атмосфере подворотен никогда так открыто и жизнерадостно не улыбался.

— Хороший парень, — обернулся вслед хлопнувшей входной двери Леха. — Весь в меня, только характером в мать. Мать его, покойница, доброй женщиной была.

И в седых Лехиных глазах засверкали слезы. Я молча поднял рюмку, он — свою. Выпили, и Чебан словно замер, замолчал, опершись локтями о стол и невидящим взглядом глядя в окно, где густели сумерки.

— А чего парень ушел-то? — спросил я через минуту — так, ни о чем, чтобы оживить внезапно умерший разговор. — Сидел бы с нами, куда он на ночь глядя?

— Пусть идет, — ворчливо отозвался, оживая, Леха. — Деваха у него тут завелась шишка в лес тянет. Да и шконок только две, а на полу не лечь — ежели мне ночью приспичит, я спящего на своей тачанке никак не объеду.

— Да я в гостиницу в любую! — всполошился я. — Пусть парень дома ночует!

— Сеня, сиди на жопе ровно! — окрысился Леха. — Для Кольки твой приезд — повод из дома усвистать, говорю ж, есть ему с кем ночевать! Так что ни в какую гостиницу ты не поедешь, чего попусту деньги тратить? Или брезгуешь нашей тесноты?

И Леха очень зло уперся взглядом мне в глаза.

— Нет, не брезгую, — ответил я, с трудом выдержав взгляд. — А ты-то как без него?

— Я-то? — усмехнулся Леха, разливая водку по рюмкам. — А ты-то мне что, кореш старый, не поможешь, коли нужда будет?

— Конечно, помогу! — снова всплеснулся я, но Леха, перебивая меня, махнул рукой.

— Да шучу я, не дрыгайся! Я сам себя обслуживаю, мне помощь не нужна. Ручку в сортире видел? Без нее не на что было опереться, а сейчас я там лётаю, как орангутанг по веткам! Я и на улицу один спускаюсь, а вот назад — это нет, тут я без Кольки никак. Лифта у нас, видишь, нету. Я как инвалид в очереди на улучшение стою уже больше десяти лет, и еще два раза по столько могу стоять, да что толку? Давай лучше выпьем.

— Так как это случилось-то? — снова осторожно спросил я. — Когда?

— Да как, как? — пожал плечами Леха. — Обыкновенно — по глупости, по пьянке. Да по злости.

— По злости? — не понял я. — Как это?

— Да вот так. Ты наш последний телефонный разговор помнишь?

— Помню, — кивнул я, холодея внутри. — Я тебя с днем рождения поздравлял, ты пьяный был, понес что-то, я трубку бросил. Лет двенадцать назад это было.

— Пятнадцать, — поправил Леха. — Это было пятнадцать лет назад. Да, пьяный я был, это верно. Я тогда вообще круто бухал, а тут день рождения, такое дело. Я с утра начал, а Вите, жене моей, это, ясно, не понравилось. Ну, слово за слово, разругались мы, забрала Виктория Ивановна Кольку — ему два года тогда было — и уехала к матери в Чугуев. Ну, дома чего сидеть, да и не привык я в одиночку. Вышел на улицу, думаю, щас кого первого знакомого встречу, с тем и буду отмечать. И встречаю я, Сеня... Ты не поверишь!

— Кого? — заинтригованный, спросил я загадочно улыбающегося Чебана. — Ну, не тяни!

— Да я и не тяну! — вспылал Леха. — Алку встретил я, Алку Сороку, помнишь такую?

Сердце замерло. Помнил ли я девушку по имени Алла, Лехину одноклассницу, которую тот, видимо, по школьной еще привычке, по ее очаровательному имени не звал, а кликал по фамилии, Сорокой? Очаровательную девушку, с которой Чебан познакомил меня в последнюю нашу с ним перед дембелем увольнительную? С которой мы почти сутки не вылезали из постели? Которая при расставании, очень серьезно глядя мне в глаза, говорила:

«Я люблю тебя, московский парень Арсений. Не забывай меня, возвращайся!» И которую я, конечно же, в точности как герой Хеллера из «Уловки-22», забыл сразу же по расставании? Да, сейчас я сразу же вспомнил ее.

— Да, помню, кажется, — с напускным равнодушием ответил я. — Горячая была девка. И чего?

— Чего? — усмехнулся Леха. — Да нет, ничего. Обрадовались, разобнимались, расцеловались — столько лет не виделись. Я ей возьми и скажи: «А у меня сегодня день рождения», а она: «Ну, так давай праздновать!» Набрали бухла и завалились сюда. Засиделись, я к ней приставать начал спьяну, а она от меня отхохотывается, по рукам бьет, и все про тебя спрашивает. А я ей — козел, мол, твой московский парень Арсений, друзей старых забыл, раз в год на день рождения и то не звонит. И — опять к ней — давай, мол, Сорока, чего ты, тебя он тоже забыл. А она — нет, мол, Чебан, с тобой не буду, я Арсения помню. Я аж взвился весь, потому что на хлеб Сорока не только мозгами зарабатывала, я-то знал. И тут ты звонишь. Она трубку рвать, ну, я и понес чего не надо было. Ты трубку бросил, она рыдать. Я говорю: давай выпьем, а она ни в какую, все, говорит, хватит, пошла я. А ей аж на Мерефу, неблизко, и время ночь. Ну, я ей и предложи, дурак пьяный, отвезти. Ей бы отказать...

И Леха с размаху жахнул по столу кулаком, — подпрыгнули тарелки, упала на бок рюмка.

— И что дальше? — снова хмуро спросил я, уже догадываясь, что произошло.

— А дальше не помню я ничего, — скривился Чебан. — Очнулся в больнице через двое суток, ног не чувствую. Врачи рассказали, что улетел я в кювет, что сломан позвоночник, и ходить я, видимо, больше не смогу. Я спрашиваю, что что с пассажиркой, они глаза прячут. Потом пришли менты, рассказали, что Сорока вылетела через лобовое стекло и скончалась на месте, а мне теперь шьют непредумышленное. Слава Богу еще, что поскольку после аварии я стал инвалидом, суд на зону меня определять не стал, дали условно. С Витой моей у нас после этого все пошло наперекосяк. Не простила она мне пьянку с другой бабой. Говорила, если б ты в нормальном здравии остался, бросила бы тебя не задумываясь к чертям собачьим, но так не могу. Ходила за мной, утку с дерьмом выносила, пока я сам не приспособился, Кольку поднимала. Но все это с каким-то упреком в воздухе. Ну, я тоже в ответ срывался, — тяжело жили, в общем. А потом нашли у нее какую-то болячку нехорошую, от которой она в результате и сошла, мы уже три года с Колькой одни. Вот и вся история.

Я сидел, ковыряя ногтем ножевую зарубку на клеенке. Мысли были уже сильно пьяные, но все равно Лехин рассказ произвел на меня оглушающее впечатление. Даже не сама история, вполне себе бытовая и обыденная, а то, что ничего этого я про старого армейского друга Леху Чебана не знал. А не знал потому, что не хотел знать, потому что пятнадцать лет назад, бросив трубку, вычеркнул из своей жизни человека, когда-то мне ее спасшего. А тут еще Сорока, то есть, Алла, Аллочка... Прошло больше четверти века, а я помнил сейчас ее глаза, ее запах, ее слезы. Совесть вздымалась в моей душе гигантским, закрывающим горизонт атомным грибом. Вот ты какой, Арсений Андреевич Костренёв, на самом-то деле! Не умный, вполне состоявшийся в жизни и, главное, очень приличный, человек, привыкший всеми этими качествами очень гордиться и себе нравиться. Ты — обычная равнодушная, самовлюбленная сволочь, один из тех, кого так правильно призывал бояться Бруно Ясенский.

— Прости меня, Леха! — с трудом сдерживая раздирающие скулы слезы, сказал я. —
Mea culpa, моя вина.

Чебан повернул ко мне голову и совершенно трезвым взглядом посмотрел на меня.

— Сень, если еще раз такую чушь от тебя услышу, дам в морду, не обессудь, — сказал он тихо и серьезно. — Во всем, что происходит с нами в нашей жизни, виноваты мы сами, и ты к моим косякам не примазывайся. Ты меня хорошо понял?

— Понял, — кивнул я. — Что я для тебя могу сделать?

— Водки налить, — усмехнулся Леха. — Давай выпьем, старый друг, за то, что мы снова вместе. Я, честно говоря, уже и не чаял.

И он сильной рукой обхватил меня за шею, притянул, крепко прижал.

— Скажи, а ты Цеппелинов еще слушаешь? — заговорщицки просипел он мне прямо в ухо.

— Конечно! — не задумываясь, соврал я. — Каждый день.

Мы пили, из маленькой магнитолы, уместившейся на холодильнике, гремел Led Zepplin, мы обнимались и вспоминали минувшие дни. Я еще помнил, как Леха долил остатки из второй бутылки и стал откупоривать третью, а потом не помнил ничего.

Разбудило меня громкое шкворчение чего-то поджариваемого на сковородке — судя по запаху, яичницы с колбасой. Голова была тяжелая, как свинцовая бита для игры в чики, но — спасибо Хортице — не болела и, значит, можно было жить. Я лежал на узенькой кушетке, видимо, служившей спальным местом Кольке, раздетый, в одних трусах, и наволочка под моей щекой пахла свежестиранным свежестью. Как я раздевался, я не помнил категорически, и можно было ничтоже сумняшеся предположить, что сам это сделать я с ночи был не в состоянии. Это что ж, Леха с меня, как с маленького, штаны стаскивал и спать укладывал? Ну, дела! А вот хозяйская постель была уже аккуратно заправлена, и Лехиной «тачанки» видно не было.

С кухни выглянула сияющая Колькина физиономия.

— С добрым утром, дядя Арсений! Как самочувствие? Батя уже двумя рюмочками поправился, я его на улицу вывез, он там в теньке досыпает. Вы как, яечню по утрам до сэбэ допускаете?

Я кивнул, с трудом растянув рот в улыбку, потому что от одного только представления о попадающей в желудок пище меня сразу закрутило штопором.

— А вы в душик, дядя Арсений! — сочувственно отозвался на мои пищеварительные турбуленции Колька. — Батя, как переберет, всегда с утра в душик залезет, и снова как огурец!

Я не смог не оценить рациональности Колькиного предложения и, цепляясь за воздух, направился в «душик». Повращавшись там в немыслимых пируэтах четверть часа и набив всего один синяк от соприкосновения с неожиданным полотенцесушителем, я умудрился отправить все виды нужд, проглотить свои ежедневные таблетки, почистить зубы и принять контрастный душ. Из санузла я вышел в состоянии «скорее жив, чем мертв», и даже кухонные запахи уже не вызывали во мне прежних вибраций. Колька поставил передо мною тарелку с «яечней», в которой колбасы, сала и помидоров было больше, чем яиц, большую чашку с дочерна заваренным чаем и подвинул поближе банку с горчицей.

— Вы, дядь Арсений, яечню обязательно с горчицей, — пояснил он. — Погуще мажьте, а лучше прям ложкой — горчица вчерашнее через пот дуже гарно выгоняет. А потом чайку,

чай крепкий, он голову просветляет. Батин рецепт!

— Ага, спасибо! — отважился на первое с утра вербальное общение я. — Как сам-то погулял?

— Норма-ально! — махнул рукой Колька, и взгляд его затуманился. — Да вы кушайте, кушайте!

Я налег на еду, по Колькиному совету обильно сдабривая продукт горчицей, и через пять минут начал обильно истекать потом. Потом выхлебал горячий, сладкий как патока чай, и к концу сессии, оценивая свое состояние, я сам едва мог поверить, что с вечера во мне перегорает чуть не литр водки. Но вот рубашку можно было выжимать.

— А вы рубаху снимайте, дядя Арсений, — радостно предложил Колька, протягивая мне вафельное полотенце. — На улице тепло, вы пока с батей посидите, покалякаете, а я стирану по-быстрому. Утюгом высушу, через полчаса все будет готово. Давайте!

Я посмотрел на цветущего дободушнейшей из всех виданных мной когда-либо улыбок Кольку, и мне почему-то захотелось плакать.

— Спасибо, Коль, не надо, — ответил я. — У меня в машине сменка есть, я переоденусь.

Колька кивнул, но было видно, что парень огорчен отказом.

— Добрый ты, — улыбнулся я.

— Ага! — радостно подхватил тот. — Батя меня «Мать Терезой» дразнит. Говорит, в мамку я такой.

— Да, он рассказывал, — посерьезнел я. — Как вам тут с ним бобылями живет-то?

— Да ничего так оно себе! — обрадовался Колька. — Жаль только, батя сам по лестнице взбираться не может, он бы чаще на улице мог бывать, в магазин ездить, еще куда. А то сидит дома, кроме как водку пить, чем заняться? Мы даже с бабкой с первого этажа хотели поменяться, денег сверху давали за ее гадюшник, но она уперлась — ни в какую. Хотя и то, ей тоже на третий этаж самой ни за что не взобраться, та же фигня. Нам бы квартиру невеликую какую, но чтоб с лифтом, или на первом этаже. Мы на очереди стоим, сколько я себя помню, но батя говорит, що пэрспектив нэмае.

— А сколько стоит тут квартира? — еще на понимая, зачем мне эта информация, спросил я.

— У-у, по-разному, — отозвался Колька. — Такая, як наша, так вообще ничего не стоит, потому что ее никто не купит, если продавать. А так в домах, что получше, тысяч сто пятьдесят гривен, до двухсот. А на Пролетарском, на Лермонтовской, в Комсомольском в девятиэтажках с лифтом — там цены за потолком, от двухсот пятидесяти тысяч.

Я посидел, с трудом пощелкал в голове калькулятором.

— То есть, тысяч за тридцать долларов жилье нормальное в Змиёве купить можно? — спросил я.

— Колька наморщил лоб, тоже, видимо, калькулируя.

— За тридцать тысяч? — расцвел он. — Долларов? Конечно! Да покупателя с такими деньжищами тут на части разорвут! Горло будут друг дружке грызть, скидки одна другой богаче предлагать.

Я подумал, что три дня назад отвалил паскудным мариупольским ментам эквивалент двух или даже двух с половиной квартир для Лехи и его сына, и мне снова захотелось надраться. От деструктивного желания меня отвлекла эсэмэска от Павлика. Он сообщал, что отправил мне три тысячи долларов через систему Маниграмм в отделение Приватбанка по

адресу: улица Ленина, 10-Б. Я спросил у Кольки, где это, тот сказал, что не близко, «за речкой», и охотно вызвался сопроводить.

Леха дремал в своем кресле с предусмотрительно подложенными под колеса кирпичами (Колькина рука!) в теньке под раскидистым тополем, росшим прямо у подъезда. Колька сказал, что поездка займет максимум минут сорок, и мы решили Леху не будить. Всю недлинную дорогу по центральной вулице Гагарина за разделяющую город на северную и южную части речку Мжу Колька восторгался моей машиной, ласково гладил рукой торпедо, осторожно дотрагивался до подрулевых лепестков-переключателей, выспрашивал про фирменный субаровский симметричный полный привод. Проездили мы, конечно, не сорок минут, а часа полтора, но когда, сверстав мои дела и закупившись на местном рынке провизией, вернулись к дому на улице Гоголя, Леха, мирно посапывая, еще спал. Колька, осторожно растолкав отца, первым делом выпалил:

— Бать, у дяди Арсения та-акая тачи-ила!

— Да, дядя Арсений у нас богатый! — проворчал в ответ, недобро зыряка исподлобья красными спросонья глазами, Леха. — Дядя Арсений у нас олигарх!

— Какой олигарх? — взъярился за меня Колька. — Бать, ты чего? Дядя Арсений классный!

— Классный он! — передразнил сына Леха. — Ишь, защитничек! Мать Тереза, твою мать! А пожрать вы купили?

— Во! — радостно воскликнул Колька вытаскивая из салона два тяжеленных пакета. — И выпить, и закусить купили. И мороженое купили, импортное, виноградное!

— Тогда чего время теряем? — помягчел взглядом Леха. — Айда наверх, время на ужин, а еще не обедали.

Наверху, пока Колька, гремя крышками, хозяйничал на кухне, мы с Лехой в полутемной комнате остались наедине. Леха сидел в своей тачанке и хмуро дымил в распахнутое окно.

— Ты чего злой такой? — спросил я вполшутку. — На меня наехал, олигархом обозвал.

— А кто ты есть? — дернул головой Леха. — Олигарх и есть. Виноградное мороженое у нас только олигархи себе могут позволить, Ахметовы да Порошенки. Распилили всю страну на вотчины, мороженое жрут, а простой люд хрен без соли догрызает.

— Ну, а я-то тут причем? — нахмурился я, не понимая, всерьез это все, или Леха шутит так. — Я вашу незалэжную не пилил, я москальский, закордонный.

— О то ж, — неопределенно отозвался Леха. — Ты не обращай внимания, Сень, я на второй день всегда смурной такой, дальше лучше будет.

— Дальше? — изумился я. — Ты сколько ж времени гужбанить собрался? Неделю?

— А ты? — прищурился на меня Леха. — Или думаешь, первый раз за двадцать пять с лишком лет приехал, и одними посиделками от старого кореша отделаешься? Неделю и будем гудеть, пока гудок весь не изгудится.

— Не, Лех, я так не могу! — засмеялся я. — Здоровье не позволяет. Мотор у меня последнее время сбоить начал, таблетки плотаю. Аритмия называется. Врачи говорят — паршивая вещь.

— Это навреде, как если опережение зажигания сбивается? — нахмурился Леха. — Да, понимаю, точно — паршивая штука. Наш мотор — не то, что под капотом, так просто трамблерчик на нужный угол не повернешь, проводочек не заменишь. Виктория Ивановна-то моя от такой же примерно напасти преставилась. Ну, ладно, смотри сам, я могу и один.

— Да нет, отчего ж, я тоже рюмку махну, — возразил я. — Надо поправиться, а то

потряхивает до сих пор. Просто неделю — это уж слишком.

— Да это я так про неделю! — осклабился Леха. — Стебался. Ладно, пойдем, теперь ты о своих делах розповидаешь. А то вчера как-то не дошло.

Колька сварганил на закуску кастрюльку какого-то потрясающего варева из мяса кусками, картошки и крупно порезанных овощей, и его запах заставил зафонтанить мои слюнные железы. Неизменная Хортица уже успела замерзнуть, и мы одну за одной, отвлекаясь только на закуску, махнули по три рюмки. В голове зашумело, благо, Леха первый предложил повременить с продолжением во избежание того, чтобы мы снова, не переговорив о делах, по его образному выражению, «не ушли, обнявшись, за горизонт». Колька снова усвистал, с видимым удовольствием оставив нас одних. Я вкратце рассказал Лехе, о приведших меня на Украину сыновних проблемах («Убил бы на хрен!» — отреагировал тот), потом о том, что мешает мне территорию «незалежной» покинуть.

— М-да-а! — глубокомысленно протянул, выслушав меня, Леха. — Кто-то крепко на тебя окрысился. Догадываешься, кто?

— Понятия не имею, — скривил губы я, умолчав о своих предположениях, как не имеющих отношения к сути необходимости моего пребывания на территории другого государства.

— Тогда давай обрисую ситуацию, — сосредоточился Чебан. — Я так понимаю, что твой сынуля очень удачно подцуропил тебе поездочку за кордон, а то бы сидел бы ты сейчас у себя в Москве на нарах, так? Это называется, нет худа без добра. А еще ты вспомнил, что у тебя в Украине есть старый кореш, и раз уж ты здесь, то нужно воспользоваться случаем и его проведать. Это ты вообще молодец, а то уж я тебя окончательно обмоскалившейся сволочью считал. И что тебе надо у нас здесь перебиться, пока дома у тебя ситуация не разрулится или, по крайней мере, не прояснится. При этом вариант «перебития» должен быть максимально недорогим, потому что сколько тебе ту сидеть, неизвестно, а у любых денег есть неприятное свойство заканчиваться. Правильно я все понимаю?

Ну, в общем, да, — кивнул я. — Насчет денег — это очень даже правильно.

— Так какие проблемы? — воскликнул Леха. — Конечно, ты мог бы жить здесь, у нас с Колькой, вообще бесплатно. Но, думаю так, ты не захочешь, это я без подначки говорю. Мы-то притерлись давно, прижились, друг дружку объезжаем на автомате. Лучше всего тебе квартиру снять, или даже дачу, в Змиёве полно народу в дачах живут. По деньгам это будет тыщу гривен, максимум, полторы. Это долларов сто-сто пятьдесят. А если будешь зелеными расплачиваться, то это выйдет еще дешевле процентов на двадцать. Курс падает, народ валюту по любой цене готов скупать. Завтра с утра газеток накупим, к вечеру уже в свою хату переберешься. Ну, добро? Проблема решена, уже можно выпить?

— Да, отлично, — согласился я. — Буду в гости к тебе заезжать. Давай за такое дело выпьем.

— А мотор не забарахлит? — озаботился Леха, задержав бутылку над моей рюмкой.

— Не, нормально, — махнул рукой я. — Я так понял, это больше от нервов, чем от чего-то другого. А нервы у меня сейчас в порядке, давно такого спокойствия на душе не было.

Мы пили и говорили. Это был тот редкий случай, когда водка, сначала взойдя на старых дрожжах быстрым хмелем, потом начинает производить обратный эффект. Голова становится ясной, как солнечный морозный ноябрьский день, и чем дальше — тем яснее. Зрение становится резче, расширяются горизонты, понятной становится суть вещей и событий. А может, это «горячий снег» все еще продолжал действовать? Мы говорили о том,

о сем, а я параллельно без какого-либо труда размышлял над своей ситуацией. Вернее, над тем, какой она будет после того, как закончится вся эта катавасия с моим обвинением в убийстве. Тогда я вернусь домой, буду много работать, и вообще все будет очень, очень хорошо. А Леха Чебан с своим потрясающим сыном Колькой останутся здесь, в своей хибаре размером с собачью конуру, и с этой точки зрения у них никогда ничего не будет хорошо. Но я буду далеко, и эта ситуация снова перестанет меня касаться и бередить мне душу. Но это неправильно, и так быть не должно.

— Слушай, Лех, — перебил я на полуслове Чебана, взхлеб вспоминаявшего какую-то уморительную армейскую историю. — А переезжайте-ка вы с Колькой ко мне в Москву, а? Я тебе работу в своей компании изображу, надомную, или еще как-то, посмотрим. Колька школу закончит, в институт пойдет. Он у тебя в какую сторону склоняется? Компьютеры? Во, в МИРЭА его определим, профильный ВУЗ, у меня там крюк есть конкретный. С жильем решим вопрос, не знаю еще как, но решим. Как тебе такая идея?

Леха, как раз наливавший очередную рюмку, нахмурил брови, поставил бутылку.

— Не, Сень, — покачал он головой. — Я, конечно, тронут, но ни туда, ни туда мы с Колькой не поедem.

— Куда это — ни туда, ни туда? — не понял я. — Напился ты, что ли, уже?

— Нет, как стекло я, — усмехнулся Леха. — Ну, может, как матовое стекло. А насчет ни туда, ни туда — поясню, коли не понимаешь. Ты меня сейчас в два места сразу пригласил — к себе, и в Москалию вашу, в Россию, то бишь. К тебе я не поеду, потому что за бедного родственника никогда не был и не буду. Живем мы тут с Колькой в тесноте, да не в обиде, и дальше жить будем. Даст Бог, выучится он на программиста — на хакера, как он говорит, начнет своим ремеслом зарабатывать. Говорит, уеду я, бать, в Америку работать, в эти фирмы главные ихние, в Эппл или в Гугл, грошэй дуже богато зароблю, и тебя к себе перевезу. И ты знаешь, я ему верю. Он не гляди, что мягкий такой, как котенок, он в делах упертый. Так что насчет учиться, работать у нас с ним, извини, другие планы. А вот в Москву и вообще в Россию не поеду я по другой причине. Тут сложнее, так что давай сперва махнем для смазки мыслей, так сказать.

Выпили, не закусывая, поставили.

— Ты понимаешь, Сень, — цокнул языком он, — не туда Россия твоя последние десять с мелочью лет гребет, и чем дальше, тем круче не в ту сторону забирает. И лично мне это очень не нравится.

— Это куда это — не туда? — поинтересовался я, почувствовав неожиданный укол верещагинской обиды за державу. — Поясни.

— Поясню, — согласился Леха, — хотя ты сам все прекрасно понимаешь. Вот помнишь, мы с тобой в армейке слушали Цеппелинов, балдели и говорили, что какая это была бы фантастика посмотреть, послушать их вживую, а? И понимали, что это на самом деле фантастика, потому что ни Цеппелинов, ни других пацанов импортных, которые музыкой своей душу наизнанку выворачивают, в совок не пустят. И удивлялись — почему? Потому что эта музыка может чему-то помешать, чего-то там разладить в наших комсомольских душах? Да ну, херня собачья! Строительство коммунизма или еще там чего-нибудь такого же абстрактного и музыка Лед Зеппелин — это разные вещи, это как сравнивать зеленое с половиной шестого. И запрещение этой музыки, это — не то, это что-то не то. И, значит, многое другое, возможно, тоже не то? И тут оно как раз все стало меняться, сыпаться, бабки пошли, кооперативы, и про построение коммунизма все забыли, потому что вдруг стало

незасорно вслух думать, что это — бред сумасшедшего. А потом некоторые прочитали Шаламова и Солженицына, и кое-кто даже понял, что восемьдесят лет двигались, как Майкл Джексон своей лунной походкой — полная иллюзия, что идет вперед, только двигается при этом назад. И в сопровождение этого процесса закопали в землю охрененное количество народу, кто был против, или кто просто замечал. А вместе с ними и тех, кто не замечал, но в принципе мог заметить, а до кучи — и все их семьи, чтоб под ногами не болтались. И поэтому в 91-м, когда совок приказал долго жить, никто особо не переживал. Легли спать в ЭсЭсЭсЭре, проснулись кто в России, кто в Украине, кто еще где, и водка от этого не перестала быть водкой, музыка — музыкой, а дружба — дружбой. И внезапно оказалось, что именно эти понятия — главные, а не те, что написаны белыми буквами на красных транспарантах. И десять лет после этого и у нас, и у вас все шло, на мой взгляд, в нужном направлении. А бандюки, нищие старики, дефолты и схлопывающиеся банки — это неизбежная плата за проезд по дороге, ведущей к свободе. В конце концов, и в Америке были Джон Диллинджер, алкоголик — президент Гардинг, сухой закон и великая депрессия. И тому, что у вас это движение вперед шло не в пример быстрее, лично я завидовал белой завистью. Но оказалось, что это была как оттепель после Сталина. Как потом Брежнев с Суловым быстро гайку снова закрутили, так снова у вас и произошло. Только Хруща скинули, а ваш Акела одряхлел и сам передал вожачество над стаей молодому. А у того были свои соображения, какую пьесу играть в вашем театре. Началось с того, что вернули старый советский гимн со стишками на новый лад. Потом были выборы 2002-го года, и у вас в Думе не стало никого, кого можно было бы хоть с натяжкой назвать демократом. Потом посадили Ходорковского, убили Политковскую, Литвиненко, и я понял, что Майкл Джексон вернулся на сцену, только при этом в его сценическом гардеробе место кожанки с золотыми патронташами занял китель с синими просветами на подполковничьих погонах. Потом много чего еще было, не упомянуть. Потом вам дали четыре года передохнуть, выпустили дублера. Тот даже гайку умудрился исподтишка слегка расконтрить, и в публике зашептали, что, мол, дублер-то ничем не хуже старого Джексона, и что худшее позади. Но в 2012-м ваши ЭнКаВэДэшники — КГБ, ФСБ, как хочешь назови — перестали играть в лялечку, и четкк всем растабличили, кто царь горы. Но народ конкретно разболтался, и вышел на улицы, и тогда гайку быстро снова законтрили. И — понеслось! Пусси Райот — в тюрьму! Фигурантов Болотного дела — в тюрьму! Мадонну — не пушать! Не дадим российских детей америкосам, пушай дома с голоду мрут! Навальный — не оппозиционер, а банальный вор! А сам-то ваш что вытворяет? Сначала амур завел на стороне, ребенка родил, потом старую бабу вообще прогнал. Личное дело? Но только не для президента мировой державы! В той же Америке, думаю, это означало бы конец карьеры любого политика, позволившего себе такие вольности со своей семейной жизнью. Но ваш ведет себя как царь, как помазанник божий, которому все дозволено. Как Петр, например — Евдокию Лопухину посылую в монастырь, литовскую девку Марту Скавронску — в койку. Да его ж все так и зовут — царь Владимир Первый. И что самое интересное — люд ваш расейский это все поддерживает, потому что рейтинг вашего бывшего шпиона, а ныне управителя — чуть не 80 процентов! Но любой народ заслуживает власть, которую имеет. То есть, которая его имеет. Вон, в Бразилии, где каждый ребенок рождается с мячиком, народ протестует против трат на проведение чемпионата мира! В Бразилии — против футбола! Да потому что народ бедно живет! А у вас? Олимпиада — ништяк, давай! Чего-то там циклопическое во Владивостоке — давай! Чемпионат мира по футболу в 18-м году — давай! Сколько вы на все это выкинете?

Миллиардов сто? Долларов! Сам прикинь, сколько на такие гроши можно было бы построить, к примеру, дорог? Или народ у вас не перебивается от зарплаты к зарплате? Или старики ваши могут достойно жить на свою пенсию? Вот мама твоя сколько пенсии получает?

— Н-не знаю, — пожал плечами я, внезапно осознав, что мама так и не перезвонила. — Тысяч пятнадцать, наверное.

— Это вряд ли, — прищурился Леха. — Тысяч десять максимум, я думаю. Хорошо, конечно, что твоей мамусечке не нужно эту копейку считать, у нее есть сынку, который ее содержит, надо думать, на достойном уровне. А если бы не было тебя, жила б твоя маты, я так думаю, впроголодь.

— Можно подумать, что у вас старики живут лучше! — фыркнул я, раздираемый желанием позвонить маме прямо сейчас и нежеланием делать это при Лехе.

— Не, у нас пенсии еще раза в два меньше! — радостно махнул рукой Чебан. — Только разговор не о том, у кого хуже. Разговор о том, как говорить, камо грядеши.

— Куда идешь? — автоматически перевел я. — Ну, и куда, по-твоему, мы идем?

— Назад, — пожал плечами Леха. — Назад, к совку. Это будет совершенно другой совок, совок без советов, без коммунистов, но он может быть даже хуже того, прежнего. И движение это ваше, к сожалению, неизбежно по двум причинам. Во-первых, потому что вы разрешили, вернее, не помешали вашему новому пастырю еще двенадцать лет вести вас, как стадо, за собой. А во-вторых, что почти все вы блеете в унисон, как раньше: «Одобрям-с!», и мнения тех, кто не согласен, даже подавлять не нужно, за этим громоподобным выражением стадного единства их просто не слышно.

Я вспомнил, как после думских выборов 2002 года, когда я всю ночь просидел у телевизора, все больше мрачней от становившихся все более очевидными результатов, под утро я написал стихотворение, заканчивающееся катреном:

Видимо, есть объясненье простое

Грустным итогам — увы мне, увы:

Люди, опять по шеренге и строю

В милой отчизне соскучились вы!

и мне вдруг жутко захотелось дать старому другу Лехе в морду.

— Ну, ладно! — внезапно для себя самого раздраженно перебил я его. — Но тебе-то что до того, что у нас твориться?!

— Да нет, ничего, — безразлично дернул плечами Леха. — Если бы «ваша Раша» не пыталась бы и Украину за собой тянуть, так и совсем до лампочки было бы.

— Мы? — изумился на него я. — Тянем вас?

— Ну, а как ты думал? — усмехнулся Леха. — Кабы не «помаранчева революция», ваш адепт Янукович пришел бы к власти еще в 2004-м. В 2006-м за его победой на выборах в Раду только слепой не увидел бы уши ваших спецслужб и политтехнологов вроде Павловского. Потом они взялись за Юлию, обвинив ее в том, что зимой 2009 года страна замерзала без газа, за который ваш Газпром заломил цену, как жид гою. Потом — за Ющенко, и в результате страна поверила в то, что майдан был ошибкой, и в 2010-м выбрала-таки Януковича. Хорошо

еще, что цей хитрый тюремщик на Москву манал горбину ломать, и срочно начал со своими опричниками страну разворовывать. Так что сейчас, слава Богу, всем стало ясно, шо будэ с Украиной, если и дальше ею будут управлять с Москвы. На следующих выборах ему точно ничего не светит. А то, глядишь, в Киеве очередной майдан замутят, да скинут этого ворюгу, туда б ему шлях!

— И куда дальше? — чувствуя, что начинаю заводиться, спросил я. — На Запад? В ЕЭС, в НАТО? Выгонишь наш флот из Севастополя? Поставишь у себя на крыше америкосовские ракеты, которые могут до Москвы за пятнадцать минут долететь, и будешь радоваться? Ну, пусть не радоваться, но так, смотреть сквозь веер из пальцев?

— А вот цэ уже москальски ваши хытрощи начинаются! — хлопнул сея по колену Леха. — Раз не с вами, то, значит, против вас? Если не лизоблюд, то враг? А я не хочу ни за кем тарелку подлизывать, ни за Европой с Америкой, ни за вами, понимаешь! Я хочу быть от всех независимым! Нэзалэжным! И хочу, чтобы такой же была страна, в которой я родился и живу. Неужели непонятно?!

— Понятно, — хмуро ответил я. — Это понятно. Но только думаю я, не дадут твоей Украине быть на самом деле нэзалэжной.

— Кто не даст? — взъярился Леха. — Имеешь в виду, америкосы?

— Да, — ответил я. — Америкосы в первую голову. Им не нэзалэжность Украины нужна, им нужно в Крыму флот разместить и ракеты в Харькове да Донецке поставить. Чтобы Россию на такой короткий поводок посадить, чтобы твякнунуть не могла, пока они будут Югославию, Ирак, Сирию бомбить и вообще весь мир под себя, как коврик, раскатывать. Что, скажешь, не так?

— Я скажу — хрен им! — ответил Леха, сворачивая пальцы в смачный кукиш. — Может, кто на Западэнщине того и хочет, только Львовщина, Галычына и Ивано-Франкивськ — не вся Украина. Но я тебе скажу, что это — даже хорошо, что у нас могут быть такие разные мнения, но при этом мы живем в одном государстве. Как это называется — плюрализм? Это то, что так ценил Горбач и чего у вас в Рашике теперь, через двадцать лет после закрытия совка и в помине нету. А знаешь, почему? Потому что вы за три четверти века, когда вами коммуняки управляли, так привыкли к уздечке, что когда в 91-м уздечки не стало, вы десять лет испытывали такой дискомфорт, что теперь с радостным бляением в новую уздечку тыкаетесь, лишь бы побыстрее ее на ваших мордах затянули. У нас по-другому. На Украине даже крепостное право всего восемьдесят лет существовало, а не 250, как у вас, у нас ген рабства сформироваться не успел.

— Ген рабства?! — опешил я. — Ты вообще думаешь, что несешь? Это что ж, по-твоему, русские — это нация рабов, а украинцы — нация свободных, так, что ли? Дальше, я так понимаю, последует заявление, что украинцы — первосортная нация, а москали — второсортная? Untermensch, по классификации господ Штуккарта и Глобке, не знаю, слышал ли ты о таких? А вы, стало быть, Ubermensch? Эдакая, я бы сказал, Укроменш? Ну да, у вас же на западе кричат «Слава Украине!» Чем это отличается от Deutschland uber alles? Тоже мне, великая Украинская империя, четвертый Рим, блин! А с востока — дикие орды, гунны, скифы, вандалы, да? Завидуют вашей новой европейской цивилизованности, точат зубы обратно у вас Крым оттяпать! Да что там Крым — весь левый берег к рукам прибрать, буферное государство учинить, Малороссию какую-нибудь... или Новороссию там, а великоукрскую цивилизацию, носителя истинно европейских ценностей за Днепр упрессовать?! В Рашике форточка все, наглухо задраена, у всего населения цитатники

Путина в нагрудных карманах, оппозиционеров мочат прямо у Красной площади? У тебя в голове не того... не лю-лю? Ты себе так современную Россию представляешь? Меня, друга своего, русского, таким видишь? У мозгоправа давно не приеме не был? Как Форрестол[i], из окошка выбрасываться с криком «Москали идут!», часом, не собрался?

Леха Чебан слушал эту мою тираду, стиснув рюмку так, что казалось, она сейчас лопнет в его пальцах. Но я и сам распалился чуть не добела, поэтому когда он вдруг весело рассмеялся, я, уже готовый чуть не к мордобою, искренне удивился.

— Вот зараза ж ты все-таки, Сеня! — радостно воскликнул он. — Надо ж так все перевернуть! Вечно ты так все выкрутишь, что и не узнать! Заметь, это ты какие-то апокалиптические картины будущих России с Украиной справ[ii] нарисовал, я до такого и додуматься не смог бы! Но на самом деле подозреваю, что ты со мной если не во всем, но во многом согласен. Ты ж всегда был, по сути, диссидентом, я помню. «В чем мы с партией едины? Дружба, водка, Цеппелины!» — кто сочинил? Ладно, предлагаю замирииться, мы-то с тобой друг другу точно не враги, а дружбаны, верно? В общем, за приглашение твое я тебе очень сильно признателен, но, извини, не поедем. А если тебе — тока без обид! — так приспичило на кого-нибудь благотворительность свою просыпать, то я тебе подскажу подходящую кандидатуру. Вот щас только в сортир скатаюсь, и скажу. А ты позвони пока, а то уже с полчаса телефон тискаешь!

И Леха, закрутив на своей тачанке виртуозный пируэт, каким-то миллиметровым чудом не задев при этом ни стол, ни холодильник, выехал с кухни. Я задумчиво посмотрел ему вслед, и набрал маму. Тянулись гудки, но ответа не было. Другой, третий раз — тоже самое. Долго, слишком долго мама не выходит на связь, что-то тут не так. Почувствовав, как тревога начинает туго сжимать пищевод, позвонил Марине.

— Здравствуй, Арсеньюшка! — как-то особо по-доброму прозвучал в трубке женин голос. — Как дела у тебя? Как там город Мариуполь?

Я вкратце рассказал Марине, что перебрался в пригород Харькова (поближе к границе — так я обозначил мотивацию переезда, а о Запорожском «периоде» счел за лучшее умолчать вовсе).

— Как там у вас? — поинтересовался я — просто так, дежурно, чтобы не сразу переходить к просьбам и указаниям на тревожащую меня тему.

— Все хорошо, — ответила Марина. — Оба ходят тише воды, ниже травы. Кирилл очень ждет твоего возвращения. Говорит, буду извиняться, пока папа меня не простит. Переживает. Дома тоже все в порядке, никто не приходил.

— Кто не приходил? — не понял я.

— Ну, с обыском, — пояснила Марина. — Ты ведь говорил, на даче был обыск? Точно — я поехала, дом опечатан, я входить побоялась. Посмотрела через окошко — внутри все кувыркком. Я так думаю, что и домой должны были прийти, верно? Но никого не было.

Я почувствовал, как в голову с Мариниными словами влетела какая-то мысль, но настолько невнятная, что разбирательство с нею я решил оставить на потом.

— Ну, и слава Богу, — только и прокомметировал я, и изложил Марине суть моей тревоги, попросив завтра по возможности с утра смотаться в Строгино проведать маму.

— Я, конечно, съезжу, — не без сдерживаемой язвы в голосе ответила Марина. — Не прямо с утра, но съезжу обязательно. Только я уверена, что Наталья Ильинична, как обычно, что-то не то нажала на аппарате, так что он у нее теперь не звонит, и случайно выдернула ногой провод из розетки на домашнем телефоне.

— Мы не разговаривали уже дня четыре, — возразил я. — Она давно должна была бы сама позвонить.

— Ну, значит, дуется на тебя, что ты не звонишь, при этом не зная, что у нее самой телефоны не звонят, — быстро нашла объяснения скептически относящаяся к некоторым нюансам наших с мамой отношения Марина. — Я съезжу, съезжу, не переживай.

Не могу сказать, что я положил трубку с полным облегчением, но тем не менее как всегда во всем уверенной Марине удалось развеять большую часть моей тревоги. Тут как раз вернулся из поездки в сортир Леха.

— Ну, по рюмашке? — больше утвердительно, чем вопросительно воскликнул он, аппетитно потирая руки. — Тильки зараз побачу, який харч у холодильнике зальшылся!

— Ты давай рассказывай, про какую там кандидатуру ты тут намекал, — прищурился на него я, разливая водку.

— А-а, ты про это? — усмехнулся Леха. — Щас расскажу. Тут, вишь, такое дело...

И Чебан, словно не будучи уверенным в том, стоит ли раскрывать свой давешний намек, замолчал, глядя на отражение лампы в темном окне. Я стукнул своей рюмкой об его:

— Давай, не тяни. Сказал «а», говори уже и «бэ».

Леха вскинул глаза на меня, кивнул, выпил.

— Тут, вишь, какое дело, — повторился он. — У птицы нашей, Сороки, ребенок сиротой остался, сын. Знаешь как кличут? Андреем, а по отцу записан — Арсеньевичем. Сорока Андрей Арсеньевич. А родился знаешь когда? 17-го августа 88-го года. Ничего тебе эта дата не говорит?

Я быстро в уме позагигал пальцы назад, получилась середина ноября 87-го. Ну, да 14-го мы с Чебаном ушли на дембель, 16-го он познакомил меня с девушкой Аллой Сорокой, 18-го мы с ней расстались, как оказалось, навсегда. А ровно через девять месяцев, день в день, у нее родился сын, которого она назвала Андреем. Это что ж получается — в честь деда ребенка? У меня задрожали руки.

— Ты хочешь сказать?.. — начал я, не глядя Лехе в глаза.

— Да ничего я не хочу сказать! — всплеснул руками тот. — Ну, да, по времени, вроде, сходится, так и что? Может, Сорока наша, царствие ей небесное, накануне, перед тем, как с тобой, тоже с кем-то полетала, и к моменту, как с тобой закадриться, уже заряженная была по полной программе? А отца записала Арсением, просто потому что потом решила, что ребенок от тебя.

— Нет, — помотал головой я, — такого быть не могло. У нее со мной первый раз это было.

— Вона-а! — присвистнул Леха. — Точно?

— Точнее не бывает, — горько усмехнулся я. — Мы полночи простыни стирали.

— А-а, ну, да, — протянул Чебан. — Ну, так, может, она сразу после тебя с кем-то ребеночка запрограммировала?

— Да ну тебя! — поморщился я. — Чего ты на покойницу наговариваешь? Не знаю, как потом, а тогда она гулящей не была, можно сказать, наоборот. И вообще, у нас с ней все не потому, что передок на приключения потянул, а по любви было, понимаешь?

— Понимаю, — кивнул Леха. — Да это я так, чтоб тебе проще было отмазу найти, если бы вдруг ты в отказ пошел. Там вообще все ясно, на парня только стоит посмотреть — вылитый сержант Арсений Костренёв, ДЭМЭБэ осень 87-го.

— Ты видел его? — воскликнул я. — Что, правда, похож на меня?

— Не то слово, — заверил меня Чебан. — Просто одно лицо, никакого анализа ДНК не нужно. Давай выпьем. Не каждый день у старого друга сын появляется.

Я проглотил водку, но эта рюмка пошла совершенно по-иному, чем все предыдущие сегодня. Сразу зашумело в голове, поплыло перед глазами, как будто оказался превышен какой-то порог, после которого каждая капля имеет значение.

— Так это она тебе про сына рассказала? — спросил я Леху. — Тогда, пятнадцать лет назад?

— Не-а, — пьяно помотал головой Чебан. — О том, что сын у нее, я и так знал, что Андрюхой зовут, но то, что она считает его твоим, она и словом не обмолвилась. А то, что он Арсеньевич, и когда родился, я только на суде узнал. А как увидел, все стало ясно.

"Что ж не позвонил?" — хотел наехать на Леху я, но вспомнив историю наших с ним отношений, вовремя захлопнул рот. Это сейчас мы сидим, как когда-то, кореша не-разлей-вода, словно и не было пятнадцати лет пустоты между нами, только она, к сожалению, была.

— Слышь, Лех, — позвал я. — А что, парень этот, он здесь живет?

— Ну, да, — отозвался Чебан, — Там же, на Мереве, в матернином доме со старой бабкой, Алкиной теткой.

— Я в смысле, что можно навестить его, встретиться с ним? — уточнил я.

— Да почему нельзя? — пожал плечами Чебан. — Здесь он, думаю, куда ему податься? Только — давай об этом завтра, а? Утро вечера мудренее, а то, честно, глаза уже закрываются. Айда спать, а, кореш?

— Айда, — согласился я. — Давай по последней и — спать.

Леха заснул сразу, а я долго еще не мог сомкнуть глаз, то следя за кружевной рябью лунного света, пробивающейся сквозь дрожание тополиной листвы за окном, то прислушиваясь к тревожным Лехиным стонам. Потом водоворот каких-то полусвязных мыслей о маме, Кирилле, о «новом» своем сыне Андрее все же захватил, закрутил меня, понес куда-то, и глубокая черная воронка сна захлопнулась над моим сознанием.

Мне снилось, что мама умерла. Что Марина пришла в нашу старую квартиру в Строгинск и открыла дверь своими ключами. «Наталья Ильинична-а!» — позвала она с порога и, не услышав ответа, прошла в спальню. Мама встретила ее, сидя на кровати, в одной ночнушке и накинутом на ее старчески заострившиеся плечи темно-фиолетовом халатике. «Во-первых, не Наталья, а Наталия, — фыркнула она Марине вместо приветствия. — Неужели так трудно запомнить? А во-вторых: ну, что, угробили бабку? Лежу тут одна, сил нет даже воды попить, и никто не звонит, никому я не нужна. Повалюсь я так, повалюсь, тут папа меня позвал, говорит: «Чего ты мучаешься, иди сюда, здесь лучше, на этом свете тебе делать больше нечего». Ну, я и ушла, ну вас к чертовой бабушке». Мама недобро смотрит на опешившую Марину исподлобья, потом ложится, вытягивает ноги, складывает руки на груди и закрывает глаза. «Наталия Ильинична! Наталия Ильинична!» — зовет ее Марина, но тщетно. Маминь глаза закрыты, ни один мускул не дрогнет на ее лице, — она так искусно притворяется, что создается полная иллюзия того, что мама умерла.

Звонок мобильного подбросил меня с постели. На часах был полдень, и звонила Марина. Удивительно, но я совершенно точно знал, что сейчас услышу.

— Арсюшенька, ты только не волнуйся, — раздалась в трубке Марины всхлипы. — Я пришла к маме, а тут... В общем, нет больше мамы.

Обостренное чувство нереального толкнуло, пространство, все ускоряясь, понеслось на

меня. Черный двухклавишный выключатель на стене начал страшно увеличиваться в размерах, как если поворотом колесика мышки делаешь все крупнее фотографию на экране компьютера. Вот он уже прямо у меня перед глазами, чудовищно-огромный, вот он уже вокруг меня, то есть я внутри его. Я вижу все его исполинское нутро, планочки, пластиночки, прикрученные винтиками медные проводочки. И все это все растет, увеличивается, я уже внутри одного из проводов, среди молекул меди (медь по латыни — *cuprum*, я помню это), а мимо проносятся на маленьких велосипедиках посыльные-электроны, нежно сжимая в руках горошинку электрического заряда.

— Как она умерла? — спросил я Марину, с трудом выныривая из выключателя. — Когда?

— Видимо, во сне, — хлюпнула носом она. — А когда? Ночью, этой ночью, наверное, она еще не совсем... холодная. Я вызвала скорую, они, наверное, смогут точнее сказать.

— Да, пусть скажут точнее, — с непонятым чувством важности этой задачи сказал я. Я представил, как мама, еще живая, лежит и слышит мои звонки, знает, что это звоню я, но не может ответить, и из моих глаз потекли слезы.

— Надо похоронить маму по-человечески, — говорю я. — Ты сможешь там организовать все без меня?

— Да, да, не волнуйся! — отвечает Марина. — Я все сделаю, не беспокойся об этом. Кирилл со мной, он поможет.

— Хорошо, созвонимся, — говорю я.

— Да, созвонимся, — отвечает Марина.

В трубке наступила тишина. Я отнял телефон от лица, но тишина неотлипаемо приклеилась к уху, пролилась внутрь, заполнила черепную коробку вязкой пупырчатой жижей. Не стало шелеста тополиных листьев и голубинового гугуканья за окном, громкого тиканья часов на стене, раздраженного ворчания старого холодильника на кухне. Не стало звуков, не стало ничего, наступила — пустота. Я вспомнил, как ранней весной 92-го умер отец. Денег тогда не было практически совсем, мы с Мариной еле наскребли нужную сумму, чтобы рассчитаться за все кладбищенские дела, на хоть мало-мальски пристойные поминки отдала всю заначку мать. Помню себя, стоящего над разверстой могилой на Митинском, помню стук лопат и тихое матюкание наткнувшихся на валун могильщиков. Я думал о том, как же мало времени за всю мою жизнь я общался с отцом, о скольком я еще хотел бы с ним поговорить. Я плакал, коря себя за то, как подростком стеснялся отцовых объятий, как стыдился лишний раз сказать: «Я люблю тебя, пап», считая это недостойными мужчины соплями. Было худо, очень худо, но такого ощущения пустоты, как сейчас, все-таки не было.

Меня вернул к действительности колокольные удары поворачиваемого в замке ключа. Как всегда радостно улыбающийся Колька вкатил отца на его тачанке. Леху не было видно за полным всякой снеди пакетом, из которого высоточным шпилем торчало горлышко вечной Хортицы.

— Во, дядь Арсений! А мы с батей уже в магазин метнулись! — с порога закричал Колька. — И мороженого снова купили, апельсинового!

Я поднял на него глаза, и парень сразу осекся.

— Ой, чего это вы такой, дядь Арсений? — забеспокоился он. — Случилось чего?

Из-за пакета выглянул встревоженный Леха, внимательно посмотрел на меня и повернул голову к сыну:

— Ша, не блажи! Похоже, кто-то помер.

Потом мы сидели с Лехой на кухне и молчали.

— На, выпей, — пододвигал мне рюмку Леха. — Выпей, полегчает!

Я взял рюмку, уже выпил почти, но снова поставил на стол.

— Нет, не буду, — решительно закрутил головой я. — Нельзя, ехать надо.

— Ехать? — изумился Леха. — Куда? Домой? Так ты же в розыске, твоя карточка, небось, на всех таможах! Сразу после пересечения границы тебя и примут. С распростертыми, так сказать.

— А что делать? — поднял я на Леху безнадежные глаза. — Мне там надо быть, с мамой проститься. Я не могу не ехать.

Леха крякнул, с размаху махнул рюмку.

— Бать, ты помнишь Игорька Журбея? — подал из комнаты голос Колька. — Байку его про то, как они в прошлом году в Россию сгоняли?

— Как это? — наострил уши я.

— Да ты слушай его! — махнул рукой Леха. — Будто бы двое пацанов местных прошлым летом были у бабки одного из них в гостях. А живет та бабка верстах в тридцати от Харькова в деревушке — Пыльная называется. От нее до границы с километр, не более. И, дескать, все там местные спокойно через ту границу в Россию ходят. Ну, и эти двое тоже за приключениями потянулись, сходили, якобы, за кордон. Только я не верю рассказам этим ни на грош. Знаю я цего Журбея и того байстрюка, который с ним — бездельники и ветрогоны, им соврать или даже стырить шо, как мне воды напиться.

— Они доказательство с той стороны принесли, — обиженно пробасил Колька. — Водку российскую и консервы.

— А то москальской водки и харчей у нас в магазинах нэмае! — всплеснул руками Леха. — О, нашли доказу богатую!

— Таких — нету, бать! — высунувшись на кухню, затряс головой Колька. — На тех харчах из России, что у нас продаются, обязательно надписи есть по-украински, состав, там, срок годности и все такое. А на тех все по-русски, ни словечка на мове, и марка акцизная на бутылке российская.

— Прямо ты сам видел! — скорежив губы, передразнил сына Леха.

— Видел и сам харч тот ел, — с уверенностью отразил выпад отца Колька. — Да и не главная это доказа.

— Не главная? — нахмурился Леха. — Не понял! А ну, колись!

Колька лукаво переминался с ноги на ногу, видно было, что ему и хотелось рассказать что-то, что вмиг сразило бы отцовский скепсис, и кололось получить за это по первое число.

— Ладно, бать, расскажу, только ты не сэрдя, — с совершенно обезоруживающей улыбкой своей согласился он. — Пацаны им тоже не поверили, так они позвали: «Айда с нами!», все и поихалы. Я тоже поихал.

— Ты?! — уперся руками в подлокотники Леха. — Поехал?! Ты ходил через кордон?!

Глаза его сверкали так, что казалось — из них сейчас вылетит по пуле и сразит нашкодившего отпрыска наповал.

— Не, бать, что я, совсем дурной? — обиделся Колька. — Я на этой, на нашей стороне лесопосадки посидел. Там лесопосадка такая, мы смотрели потом спутниковую карту, так граница прямо по ней идет. А пацаны, кто погорячее, с Журбеём на ту сторону сходили, до русской деревни — Вергилёвка называется — дошли и обратно вернулись.

Леха еще минуту испепелял Кольку глазами, но видимо, не найдя в действиях сына

достойного серьезной предьявы состава преступления, снова осел в своем кресле.

— Так что же, Коль? — перехватил инициативу разговора с Лехиным сыном я. — Ты имеешь в виду, что граница там никем не охраняется, ходи кто хочет?

— Ага! — радостно заржал Колька. — Даже не обозначена никак. Столб только такой приметный стоит прямо у посадки. Провода на него с нашей стороны приходят и все, дальше никуда не идут. У него подпорка внизу, а сверху — укосина, точно как буква «К»! Его местные так «кордонным» и кличут.

— Ты че, собрался нелегально границу перейти? — вызверился на меня Леха. — Совсем с дубу лю-лю? Представляешь, что будет, если тебя прыймут?

— А чего будет? — переспросил я. — Думаю, не сильно хуже, чем если на таможне возьмут, а ехать мне так и так нужно. Не могу я с матерью не попрощаться, понимаешь ты это?

— Понимаю, — глухо отозвался Леха и замолчал, замер в своем кресле, будто думал какую-то непростую думу.

Потом налил рюмку, так же молча выпил, скосил глаза на сына:

— Собирайся. Проводишь.

Колька от восторга аж подпрыгнул. Я протянул Лехе «краба», он сильно, до боли сжал. Свободной рукой я обнял его, поцеловал в щеку.

— Спасибо, Леха! — сказал я, не стесняясь слез. — Дружба, водка, Цеппелины! Нет, не так: просто дружба, безо всякой водки и даже без Цеппелинов!

Сборы были недолги, через четверть часа все уже стояли в дверях.

— Кольк, ты вниз иди, — распорядился Леха. — Нам тут с дядей Арсением кой-чѐ перетереть трѐба на прощанья.

Колька понятливо кивнул, вышел на лестницу, прикрыл за собой дверь. Леха сидел в своей каталке и странно беззащитно глядел на меня. Кадык на его тощей шее ходил ходуном.

— Сень, брат, — хрипло произнес он, — тут такое дело. Ведь я, получается, мать твоего ребенка угробил. Ты прости меня. И твоя маманя... теперь, когда ты у меня в гостях... Ничего просто так не бывает, я только сейчас это понял. Это я виноват, ты прости меня...

— Дурак ты, — перебил я его. — Чего несешь? Эдак и я могу сказать, что трубку тогда бросил, ты с катушек соскочил и то, что потом пьяный в кювет улетел, это моя вина. И мама... Какая разница, где я находился, когда она умерла? Главное, что не рядом с ней. Ты ж сам вчера сказал: «Во всем в нашей жизни виноваты мы сами», и я в этом полностью с тобой согласен. Давай, не поминай лихом.

В машине я вытащил из сумки планшет, вышел в интернет. Быстро нашел сайт с Гуггловскими спутниковыми картами, открыл Харьковскую область.

— Ага, ага, вот тут это! — ткнул пальцем в экран Колька, с вожделением глядя на планшет. — Вот она, лесопосадочка, и вот даже тень от «кордонного» столба видать. Поехали, я типа вашим штурманом буду!

И он, по-хозяйски утвердившись на пассажирском месте, прищелкнул ремень безопасности и устремил сосредоточенный взгляд сквозь лобовое стекло, явно ощущая себя как минимум Даниэлем Эленой — верным навигатором великого Себастьяна Лѐба. Я улыбнулся про себя и бросил прощальный взгляд на старый дом с кичащейся своей молодостью блестящей табличкой «Вульця Гоголя, 43» на обветшалом углу. В раме окна третьего этажа гордым седым грандом на полотнах старых испанских мастеров сидел Леха Чебан и красными от сдерживаемых слез глазами смотрел на меня. Я сдержанно кивнул ему:

«Пока! Может, свидимся», и он в ответ поднял вверх раскрытую ладонь с длинными прокуренными пальцами.

Мы отъехали от дома, и по знакомой уже мне дороге выехали к перекрестку с улицей Гагарина.

— Так, направо, — дал уверенное указание Колька.

— Не, погоди, — ответил я, включая аварийку. — Направо — это к Харькову?

— Ну, да, — утвердительно кивнул мой штурман. — Нам же через Харьков и туда, дальше. А что?

— Ну, во-первых, сейчас рано еще, — пояснил я. — Нам до места сколько ехать? Часа полтора — два? А через кордон идти надо ночью, так чего там зазря полдня светиться? Потом, надо понять, где машину лучше бросить. И еще дельце у меня одно есть в ваших краях, на Мерефе.

— Тю-ю, на Мерефе? — удивился Колька. — А шо там у вас на Мерефе?

— Да человека одного надо бы повидать, — сказал я. — Ты случайно там такого Андрея Сороку не знаешь?

— Кого?! — подпрыгнул в кресле Колька. — Сороку? Да кто ж его не знает? У нас тут все друг друга знают, а уж этого-то — каждая собака! Дядь Арсений, простите, а какой у вас может быть интерес до того Сороки?

— А что? — чувствуя подвох, переспросил я. — Почему у меня не может быть к ему интереса?

— Да это ж пьянь беспробудный! — фыркнул Колька. — Он как года три назад из тюрьмы вышел, так снова не просыхает.

— Из тюрьмы? — переспросил я, чувствуя, как сжимается сердце. — А за что он в тюрьму-то угодил?

— Он и приятель его — такой же зюзя, кстати Журбея старший брат — палатку ночью подломили, — усмехнулся Колька. — Бухла взяли, закуси, и рядышком сели выпивать. Там же повирубались, менты их тепленькими и повязали.

— Боже! — схватился за голову я. — Какой кошмар! Книgolub.net

— Во-во, и я говорю! — подхватил, не зная причин моего отчаяния, Колька. — Что вам может быть до этого Сороки?

— Да ты понимаешь, родственник у него в Москве есть, у меня в компании работает, — начал на ходу сочинять я. — Узнал, что я еду в Змиёв, привязался, передай, мол, деньги Андрею.

— И что, много денег? — насторожился Колька.

— Да нет, немного, — пожал плечами я. — Три тысячи долларов.

— Скока-а?! — взвился Колька. — Да вы представляете, что будет, если эта алкашня получит в руки три тысячи баксов?! У него когда денег нет совсем, он же не пьет, почти нормальный становится. А дай ему такие деньжищцы, он месяц торчать будет, подохнет от водки! Если, конечно, по башке ему собутыльники не дадут и все деньги не поотбирают. Этот родственник ваш точно добра Сороке не желает! Да и странно, что это за родня у него, откуда взялась?

— Ну, не знаю, — с деланным равнодушием ответил я. — Так что же мне с деньгами-то делать? Я обещал предать...

Во, я придумал! — обрадованно закричал Колька. — Вы их бабке его, тети Аллы тетке старой отдайте. Живут они бедно, она их ни в жизнь Андрюхе на пропой не отдаст! Да и не

найдем мы его — где он шляется — чы на Мерефе, чы в Змиёве? А бабка всегда дома.

— О то ж, — совершенно автоматически повторил я подслушанную у Лехи Чебана непонятную фразу. — Поехали.

Дом, в котором жил Андрей Сорока, оказался углой хибарой, стоящей на заштатной улочке на окраине Мерефы, уныло тянущейся вдоль железной дороги. Я оставил Кольку в машине, и пошел к калитке. Звонка не было, и я постучал — раз, два, но никто не откликнулся. Уповав на то, что за воротам нет какой-нибудь особо вредной сторожевой псины, которая голос не подает, а сразу вцепляется незваному гостю в горло, я толкнул калитку. И тут дверь хибары открылась, и на крыльцо вышла старая, но с виду крепкая еще женщина, чем-то неуловимо похожая на девушку Аллу Сороку, какой запечатлела ее моя память.

— Ой, мамочки! — воскликнула женщина, хватаясь за сердце. — Напугали вы меня! Стучаться надо, не учили вас?

— Я стучался, — извинительно ответил я. — Вы не услышали, должно быть.

— Не слышала! — передразнила меня бабка. — Я еще не такая древняя, в глухоте замечена не была. Кто такой, чего надо?

— Я из Москвы, у меня работает..., - начал было я ту же байку, что сплел Кольке, но тут понял, что уж о ком — о ком, а об племяшовой, суть, собственной родне, бабке лапшу на уши навешать вряд ли удастся. — Один человек, который велел вам с Андреем денег передать.

— Денег? — изумилась бабка. — Нам с Андреем? Мабуть ты, мил чоловік, з глузду зъихав[iii]?

И тут, все время разговора подслеповато шурясь на мое лицо, она всплеснула руками и застыла, закрыв ладонью рот. Я посмотрел в ее расширившиеся глаза и утвердительно покивал головой.

— Так вот ты значит какой! — протянула, наконец, бабка. — Алка всю жизнь тебя ждала, пока Чебан ее не угробил.

— Я не знал, — ответил я. — Вчера узнал только.

— Понимаю, — кивнула бабка. — Ну, что, в дом пройдешь?

— Нет, — сказал я. — Тороплюсь я, мама у меня в Москве умерла.

— Царствие ей небесное! — перекрестилась старуха. — Как звали матушку-то? Я в церковь пойду, свечку по ней поставлю. Родня все-таки.

— Наталия Ильинична, — ответил я. — А вас, простите, как зовут?

— Катерина я, — кивнула бабка. — Катерина Богдановна.

— Катерина Богдановна, вот деньги, возьмите, — протянул я ей конверт. — Здесь три тысячи долларов, двадцать пять тысяч вашими деньгами, у меня сейчас больше нету. Вы возьмите, не возражайте, только чтоб на пользу пошли. Андрей, слышал я, не очень правильный образ жизни ведет.

— Да куда уж там! — махнула рукой старуха. — Такое дело, безотцовщина. Мать-то его в руках держала, а уж как ее не стало, мне за ним уж было не углядеть. А так он хороший мальчик, умный, добрый. Но вот сначала водочка, потом тюрьма, и — покатылся. А еще-то у тебя, Арсений, дети есть?

— Есть, — ответил я. — Тоже сын. Тоже раздолбай.

— Ну, значит, судьба у тебя такая, — вздохнула бабка, — не иметь от детей счастья. Карма называется. А хочешь, я тебе его карточку покажу?

Бабка снова нырнула в невысокую дверь и вернулась, держа в руках небольшую

фотографию. С нее на меня улыбался совершенноше вылитый я, такой, каким я был в конце школы, и даже точно так же, как у меня, чуть выше левой поднималась при улыбке правая бровь.

— Восемнадцать тут ему, перед армией, — сказала бабка. — Сейчас-то он совсем другой, без слез не взглянешь.

Я кивнул, вернул фото назад. Разговор оборвался, говорить, вроде, было больше не о чем.

— Я деньги возьму, — наконец, решительно тряхнула головой старуха. — Не потому, что считаю, что ты их должен, ничего ты не должен. Ты не знал. Я Алке сколько раз говорила, чтобы сообщила тебе, но она ни в какую. Говорила, если бы я ему была нужна, он и так вернулся бы, а навязываться сама и навязывать ребенка я не буду. Мол, сама я решила оставить, и сама буду за это отвечать. Возьму, потому что вижу, что от души, и потому что очень уж нужно. Я его на эти деньги лечиться сдам, в Харькове клиника хорошая есть. Он сам хочет, но деньги нужны, а где взять, если он пропивает все? Замкнутый круг. А так, глядишь, вырвемся мы из него.

— Ну, слава Богу, — сказал на прощание я. — Очень рад, что у моего сына такая бабушка, как вы, Катерина Богдановна.

— Да скажешь уж! — махнула на меня рукой старуха, расцветая в улыбке. — Ну, что ж, спасибо, что заскочил, лучше поздно, чем никогда. А теперь езжай с Богом.

И она осенила меня широким, размашистым крестным знаменем.

За всю дорогу от Мерефы до Харькова я не произнес ни слова. Колька, пребывавший в еще более, чем обычно, приподнятом настроении, может, и рад был бы поболтать, но чувствовал, что я не в духе, и тоже молчал. И только въехав в город, мы вынужденно разговорились, потому что нужно было найти, где на неопределенно долгое время оставить Субару. Выяснилось, что Колька знает укромную стоянку в одном из спальных районов, куда сторож за двести гривен согласился пустить нас на постой со словами: «Да пусть хоть год здесь стоит!» Дальше предстояло двигаться на перекладных, сначала до Харьковского автовокзала, потом на автобусе, идущем в Стрелечью, а последний участок дороги через Пыльную до границы — и вовсе пешком.

— Ну, что, выходим? — после обсуждения маршрута засобирился Колька.

— Погоди, — остановил торопыгу я. — Еще одно дело осталось. У тебя паспорт с собой?

— Ну да, взял на всякий случай, — недоуменно ответил Колька. — Не на рыбалку, на границу все-таки идем.

— Давай сюда.

По планшету я определил нахождение ближайшего нужного мне в Харькове заведения, и через десять минут мы подъехали к подъезду с вывеской «Нотаріальна контора». Я снова оставил изумленно взиравшего на вывеску Кольку в машине, и вышел. Вернулся я минут через тридцать, молча сел за руль и вернулся на стоянку. Там поставил машину в дальний тихий уголок у заросшего высоким кустарником забора, и только тогда повернулся к недоумевающему Кольке.

— На, держи, — сказал я, возвращая ему его паспорт и толстую пачку документов в придачу. — Теперь эта машина твоя. Вот, смотри, тут генеральная доверенность на твое имя, на ее основании ты можешь делать с ней, что хочешь. Вот все документы на нее, они

российские, но с доверенностью ты можешь переоформить ее по всем вашим местным правилам. Но — чтоб ты понял — я отдаю ее тебе не для того, чтобы ты на ней катался. Считай, что это не машина, а деньги. Ты должен ее продать, и на вырученное решить ваш с отцом жилищный вопрос. Новая она стоила пятьдесят семь тысяч, да еще обвесов, парктроников и прочего барахла в ней на трешку. Короче — шестьдесят. В Москве она сейчас улетит за сорок. Харьков — не Москва, но за тридцатку, думаю, всяко уйдет. Продавайте вашу хавиру, добавляйте деньги за машину, и новый год будете с батей встречать в нормальном жилье. Только чтоб на первом этаже, или с лифтом.

Колька выгаращенными глазами смотрел то на меня, то на пачку документов в своей руке.

— Алё-о! — потряс я его за плечо. — Ко-оль! Ты понял, что я тебе сказал?

— Да, да, понял! — закивал Колька. — Но — как это? За что?

— Да просто так, — скромно улыбнулся я. — За дружбу. Есть, вишь, такая штука — дружба. Только отцу не говори, пока машину не продашь, а то он в таких делах щепетильный, расписхуется.

— О, да! — радостно заулыбался Колька. — Я его знаю!

Он снова, как в первый день, с восхищением осторожно провел ладонью по торпедо машины.

— Батя меня убьет! — оглядывая салон, мечтательно протянул Колька.

— Не убьет, — подмигнул я ему. — Куда он теперь за тобой, на тачанке-то?

— Во, точно! — подхватил Колька. — А что если, прежде, чем продать, я недельку на ней поезжу? Как вы думаете, дядя Арсений?

— Я думаю, что это не очень хорошая идея, — нахмурился я. — А если разобьешь? Или угонят? Ведь страховки на тебя нету.

— Да, черт, что это я? — вlepил себе ладонью в лоб Колька. — Это ж не машина, это деньги на квартиру для бати! А я — поездить, поездить! Как маленький!

— Ладно, нэ журысь, хлопэць! — засмеялся я, трепля Кольку по волосам. — Большой ты уже, большой. Больше, чем даже тебе кажется!

Колька благодарно взглянул на меня. Я отдал ему ключи от машины, и он сам поставил ее на сигнализацию. Я с улыбкой понаблюдал, как он долго не мог определиться, в какой карман спрятать ключи, и мы покинули тенистую стоянку. Скоро мы были на автовокзале, автобус до Стрелечьей отходил через пятнадцать минут. Еще через час тряской езды в раскаленном автобусном нутре водитель объявил: «Остановка Глубоковский сельсовет, сворачиваем на Стрелечью. Кому там до Пыльной, выходьте!» Я растолкал зажимавшего Кольку, и мы вышли. Обдав нас душным солярочным выхлопом и пересушенной пылью с обочины, автобус уехал. На покосившемся указателе было написано: «Пыльная — 5 км». Я крикнул, поудобнее пристроил на плече сумку, и мы с Колькой двинулись вперед.

Когда мы дошли до Пыльной, было полдевятого вечера, начинало смеркаться. Деревня представляла собой одну единственную улочку, уставленную хатами, по сравнению с которыми домик Сорок в Мерёфе казался особняком. Улочка бодро начиналась от развилки дороги, по которой мы пришли, и вдруг, словно испугавшись близости границы, резко загибалась в обратном направлении. Не было видно не души, лишь разнопестрые куры значительно похаживали за плетнями, да перебежала один раз дорогу прищуренная грязная кошка.

— Вот сюда, — указал Колька в узкий проход между двумя плетнями прямо на

развороте улочки. — Аккурат здесь тропинка, по которой они за кордон шастают, и начинается.

Я с трудом протиснулся между задиристыми плетнями, и мы вышли к размежеванным огородам. Менее, чем в полукилометре начиналась лесопосадка, между деревьями чернела буква «К» старого деревянного столба.

Вон он, кордонный столб, видите? — зашептал мне в ухо, дергая за рукав, Колька. — Все, это граница. А вон в поле видите холмик? Это погреб ничейный, что-то вроде схрона. Там кто идет через кордон, темноту пережидают. Мы тот раз там долго сидели, а вам часочек переждать, пока совсем стемнеет. Ну, дядь Арсений, я пошел? А то на последний автобус из Стрелечной не успею, батя сильно заругается, если до ночи не вернусь.

Я обернулся к Кольке, посмотрел, и неожиданно для самого себя вдруг крепко обнял, прижал к груди его вихрастую голову. Господи, какое, оказывается, это может быть счастье, иметь все правильно понимающего и делающего взрослого сына, искренне любящего и почитающего родителей! Но — карма, как сказала Катерина Богдановна, моя несостоявшаяся теща. Я отпустил засмутившегося Кольку, протянул ему руку.

— Ну, давай, Чебан младший! — улыбнулся я. — Спасибо за помощь. С машиной сделай все, как надо, ладно? Батю береги. Все, я пошел.

— Ни пуха, дядь Арсений! — напутствовал меня Колька, крепко пожимая мою руку.

— К черту! — ласково послал его я.

Схрон был даже не погребом, а чем-то вроде блиндажика, сохранившегося, может, даже и с войны. Внутри были вырытые в земле лавки, покрытые перевитыми наподобие плетня ветками, маленький дощатый стол. Свет проникал в схрон только через низкую дверь, и сейчас, после заката, внутри было совсем темно. Я посветил себе предусмотрительно встроенным в айфон фонариком, бросил в угол сумку, бухнулся на лавку. Отвыкшие от пеших эскапад ноги гудели, и возможность отдохнуть перед куда как более длинным переходом представлялась более чем к месту. Я достал планшет, открыл сохраненную спутниковую карту. Пацаны после перехода границы забирали вправо, на восток, к Вергилевке; мне же нужно было держать курс практически на север, в направлении Устьянки, откуда начиналась дорога, приводящая на трассу М2. До Устьянки с учетом того, что нужно было огибать небольшое озерцо, было километров восемь-девять, и все полями. Дальше до трассы было вдвое дальше, километров 15, но там был шанс поймать попутку. Я настроил навигатор на пеший маршрут, задал взятые со спутниковой карты GPS координаты Устьянки. «Маршрут построен! — отчиталась женщина-навигаторша. — Время в пути один час тридцать семь минут».

— Ну, это как получится, — ответил я излишне оптимистично оценивающей мои способности ходока программе, закрыл глаза и моментально уснул.

Меня разбудил звонок Марины.

— Ты не звонишь, я беспокоюсь, — сказала она. — Как у тебя дела? Ты все еще у своего товарища в Харькове?

— Да, куда мне деться, — совершенно органически соврал я, глядя на часы — была половина двенадцатого. — Как там дела с мамой? Что говорят врачи? Причину смерти установили?

— Остановка сердца, вызванная острой сердечной недостаточностью в результате ишемической болезни, — ответила Марина, видимо, читая по бумажке. — Врач посмотрел

мамину медицинскую карту и сказал, что вскрытие делать смысла не видит.

«Вот и хорошо, — подумал я. — Нечего в маме руками копать!»

— Мне уже выдали свидетельство, — продолжала Марина. — Дата смерти записана сегодня в 02–00.

— Когда же тогда хоронить можно? — спросил я. — Третий день это у нас когда?

— Похороны послезавтра в одиннадцать часов, — ответила Марина. — Я уже обо всем договорилась.

— Это хорошо, это очень хорошо, — на автомате проговорил я, соображая, что я всяко должен успеть добраться до Москвы хотя бы к вечеру завтрашнего дня и, значит, на похороны, вроде, успеваю.

— Что хорошо? — не поняла Марина.

— Да это я так, — отмахнулся от вопроса я. — Хорошо, что обо всем договорилась. Я представляю, как тебе тяжело сейчас одной. Ты молодец.

— Я ничего, я не одна, — принялась бодриться Марина. — Я с Кириллом, знаешь, как он мне помогает!

— Догадываюсь, — скептически отозвался я. — Ладно, пока, целую. Мне пора.

— Куда пора? — зацепилась за неосторожное слово Марина.

— Спать, — чертыхнулся про себя я. — Спать пора, здесь люди рано ложатся, электричество экономят.

— Правда штоль? — недоуменно переспросила Марина.

— А то что думала? — с неожиданно вскипевшей в груди злобой огрызнулся я. — Здесь вам не Москва.

Марина обиженно и непонимающе замолчала. Давешняя неявная мысль стукнулась изнутри в висок, и я уже более миролюбиво поинтересовался:

— С обыском так и не приходили?

— Нет, никого не было, — воодушевилась Марина. — Может, пронесет?

— Может, пронесет, — эхом ответил я, неожиданно понимая, что не приходили по этому поводу и в офис — Леночка непременно поставила бы меня в известность.

Пора была выходить. Я снова приладил на плече сумку и взялся за дверную ручку. Потом передумал, снял сумку и набрал номер Дарьи. Последний раз контакт у нас был вчера поздно ночью, как раз после того, как я поговорил с Мариной. Пока Леха копался в холодильнике, я послал ей короткое СМС: «Првт! Как ты?» Через пять минут пришел ответ: «Похоронила маму. Записали — несчастный случай. Тошно. Набери завтра?» Я послал в ответ ОК и грустный смайлик. А с утра, огорошенный известием о смерти своей матери, о том, что обещал позвонить Дарье, я совершенно забыл. А теперь ее номер был недоступен. Я вздохнул, и вылез из схрона. После его угольной черноты августовские звезды светили, как люстра в Большом театре. Я тревожно закрутил головой: ведь если вдруг те-кому-надо наблюдают за мной, то видно им сейчас так же хорошо, как и мне. Благо еще не было луны, а то я был бы сейчас, как как выступающий на арене цирка, когда на него направлены лучи всех софитов — он не видит никого, его — все. Я поежился, и двинулся к темнеющей невдалеке стене лесопосадки. Между темной травы отчетливо белела ниточка найденной тропинки. Я ступал осторожно, заглушая в ушах тревожно саднящую тишину. За каждым кустом мерещилась засада, за каждой черной кочкой в поле — снайпер. За четыреста метров, отделяющих схрон от линии деревьев, я так себя издергал, что не заметил кордонный столб и буквально уткнулся носом в его нагретый за день солнцем шершавый

бок. Все, граница. Я обернулся, но кругом была тишина, никто не следил за мной, не подкарауливал. «Пока, Украина! — подумал я. — Тобто, до побачення!» Вспомнились слова Ведыцкого про пересечение вождем революции границы по льду Финского залива: шуточка-то оказалась вещей! Я усмехнулся, хлопнул ладонью по округлости столба, подкинул на плече сумку, и зашагал прямо вперед, в темноту.

Путь мой шел по полям, в это предосеннее время уже сжатым. Под ногами то трещала сухая стерня, то мягко пылил поднятый под зиму чернозем. Время от времени я поглядывал на навигатор, но он знай показывал себе «прямо», и только редко-редко уменьшалось на одну-две минуты оставшееся до точки назначения время. С какой-же скоростью нужно было нестись, чтобы уложиться в отведенные навигатором «час тридцать семь»? Ну, да, это же, надо полагать, по асфальту, по пахоте скорость не в пример ниже! Я шлепал уже сорок пять минут, а навигатор обещал еще час двадцать. М-да, ходок из меня, как из сумотори фигуристка... Да еще сумка, зараза! С непривычки начало ломить переднюю поверхность голени, пришлось еще сбавить ход. Нужно было перестать ужасаться тому, как далеко еще идти, отвлечься от болезненных ощущений, настроить ровный шаг. Самый лучший фон для этого — о чем-нибудь думать.

О чем? О том, что мама умерла, так и не увидев на прощание сына? О том, что дома с большой степенью вероятности ждет тюрьма? О том, что один сын вырос алкоголиком, а второй — просто черт знает чем, а на сдачу еще и наркоманом? Что, в свою очередь, не у всякого, даже очень непутевого сына получится не удостоить престарелую мать перед смертью не только лицезрением, но даже и разговором? О том, что все, происходящее со мной, не результат ли это какой-то жизненной ошибки, которую можно охарактеризовать модным и емким термином «системная», то есть неисправимой, фатальной? Правда, под аккомпанемент таких мыслей не «весело шагать по просторам» — вешаться хорошо. Ладно, оставим мрачные мысли хотя бы до завтрашнего дня.

Так о чем? О любви-с? Разве что... Хотя, любовь — тоже тема грустная. Когда она взаимна — это постоянно благоухающий букет прекрасных цветов, когда же нет... Вон, Соро..., то есть, Алла, Аллочка. Получается, любила тебя, болвана, всю жизнь, сына от тебя родила. Да, ты об этом не знал (правду сказать, и знать не хотел), но ей-то от этого не легче было, а наоборот, еще более беспросветно, безнадежно... И погибла-то она так глупо, никчемно не оттого ли, что не видела света в конце тоннеля, и неосознанно, исподволь шла к тому, чтобы побыстрее точку поставить? Вот и исполнилось... Интересно, а как сложилось у той чернокожей девочки, Джой? В Москве ли она до сих пор или уехала домой, в Соуэто? Боже, ведь у нас с ней был незащищенный секс и, прощаясь, она говорила: «Если мне повезет, и я забеременею от тебя»... Господи, может, у меня где-то растет еще один сын, голубоглазый и очень, очень смуглый? Если Джой назвала его по имени, которым я тогда представился, тогда он — Ноууан Арсеньевич? Блин, бред какой-то! Хотя, почему бред?.. Бред то, что женщины тебя любят, рожают от тебя детей, но это проходит как-то мимо тебя, стороной, как будто ты не имеешь к этому никакого отношения. Ловко устроился, нечего сказать!

Интересно, а сам-то ты кого любил в этой жизни? Сильно, по-настоящему, наотмашь, безоглядно, навсегда? Может, эту постоянно щурящуюся Леночку Воротникову, которой ты признался в любви в шестом классе? Но потом ты понял, что ее казавшееся тебе таким милым постоянное близорукое прищуривание — это ужасно, и перестал смотреть в ее сторону ровно тогда, когда она начала поглядывать в твою. А ведь это была твоя первая

любовь, как никак... Или Ирку Чуприну, которая занимала все твои мысли в старших классах? Это было уже взрослое, осознанное чувство, ты стремился к ней, не как к бесплотному идеалу, а как к существу противоположного пола. Но она была старше и глядела на тебя, как на недоросля, ничего, более, чем дружеского, между вами не допуская. Правда, она стала-таки стала твоей первой женщиной. Вы встретились случайно в жаркий августовский день послешкольного лета, не видевшись до этого с выпускного. Ты только что сдал последний экзамен в свой институт, она — в свой. Вы оба стали студентами и были счастливы, ведь впереди была новая, огромная, бескрайняя жизнь. Решили отметить. Было сладкое вино «Тамянка» в каких-то диких количествах, а потом она поцеловала тебя. Потом случилось то, о чем ты даже мечтать не мог, а утром ты проснулся со страшной головной болью, но совершенно счастливый. Ирку родители на следующий день услали в деревню к бабке, первого сентября вместе со всем курсом уехал на месяц на картошку ты, так что увидел ты ее только в середине октября. И она сказала тебе, что выходит замуж за серьезного и взрослого человека (кстати — милиционера), и попросила то, что было между вами, побыстрее и понадежнее забыть. Не знаю, может быть, у тебя это и произошло бы в настоящее и большое чувство, но — не случилось.

Зато уж, наверное, ты любил свою жену Марину? Нет, ну, конечно, любил. Нельзя прожить с человеком почти четверть века, не любя его. Правда, ваша стремительная, меньше, чем через три недели после знакомства, помолвка была вызвана — по крайней мере, у тебя — не искрометностью внезапного чувства, а более прозаическими причинами. Целый год, предшествующий встрече с Мариной, у тебя был роман с Наташей — женщиной, почти на десять лет старше тебя, матери двоих детей. Это были странные отношения, но когда ты был с ней, ты был счастлив. Потом ты уехал на две недели в отпуск в Крым, а когда вернулся, Наташу словно подменили. Оказалось, что за это время кто-то умудрился перезавоевать — если не сердце ее, то как минимум тело. Ты хотел забыть ее, но не получалось, в тебе бушевала ревность. А, может, досада, что бросил не ты, а — тебя? Как бы то ни было, ты кипел, страдал и добивался. Ты встречал ее с работы и дарил букеты, стоившие гораздо больше ее месячной зарплаты. Но все было бесполезно, и не потому, что Наташа любила другого. Нет, просто, случайно с кем-то переспав, она восприняла это, как знак к необходимости порвать неестественную и совершенно бесперспективную связь с тобой. Но ты этого понять не мог и не хотел, и чтобы вернуть себе эту женщину, ты предложил ей... руку и сердце. Наташа долго смотрела тебе в глаза, ничего не ответила, но эту ночь она снова повела в твоей постели. Утром ты снова был счастлив, но потом пришли мысли о том, что ты будешь всю жизнь делать с женщиной настолько старше себя и двумя ее детьми? Неизвестно, как бы ты поступил, если бы Наташа предложила «ответить за базар», но она этого не сделала. Отношения начали стремительно умирать, а через две недели ты встретил Марину, и понял, что от добра добра не ищут.

Так любил ли ты ее? Так, как других до (и после) нее, с фонтанами, фейерверками, полыхающим костром чувств и эмоций — точно нет. Это вышел несильно, но долго горящий огонь, подпитываемый постоянно подбрасываемыми в него поленьями совместно нажитых детей и имущества, сучьями решаемых жизненных проблем, ветками прожитых вместе лет. Как человека, мать, хозяйку дома, верную, заботливую, тактичную — конечно, да. Вот если бы еще Кирилл не уродился таким... Но история не дружна ни с какими «если». Кирилл вырос тем, кем он есть, и я чувствовал, что не головой и не сердцем, но каким-то третьим органом чувств возлагал ответственность за это на Марину: увствовал, знал, что это

неправильно, но ничего не мог с этим поделать. А теперь в этом странном, неестественном, но тем не менее случившемся соревновании, выборе «за кого ты, с кем ты?» Марина выбрала Кирилла. Наверное, она и вовсе не видела в этом самого выбора, но для меня он был. Безусловно, Кирилл был главным «поленом», горящим в нашем с ней костре, и вот теперь это полено с треском догорало. Еще бы, ведь половину срока вашего супружества ты любил другую женщину! Да, если кого-то ты и любил по-настоящему в этой жизни, то это была Ива. Вот только странно, как ты смог так быстро и бесповоротно разлюбить ее, как бритвой отрезало? Разве так бывает с большой, настоящей любовью? Может быть, все-таки не любовь была это, а банальная месть ее мужу, твоему врагу? И как только объект приложения мести исчез, исчезла и жажда мести, ошибочно принимаемая за любовь? Так любил ли ты кого-нибудь по-настоящему в своей жизни? Способен ли ты вообще на такое великое, вселенское, шекспирианское чувство? А как же быть с Дарьей? Ведь очень похоже на то, что она любит тебя, любит, как любила Сорока, как любила тебя в тот вечер Джой. Ответа не было.

Не знаю, до чего бы я додумался еще это звездной ночью, шагая по бескрайним полям белгородчины, если бы слИваот меня не блеснула гладь воды. Ага, это было то самое маленькое озерцо, которое лежало на моем пути, и значит, цель была уже рядом! Я прибавил шагу, и через четверть часа был в Устьянке. Ура, первый этап пройден! Правда, до трассы было еще полтора таких конца с гаком, но лиха беда начало! Я не-ле-галь-но и при этом успешно пересек государственную границу, это вам не хрен собачий! А дома и стены помогают. Ноги гудели, но я решил не останавливаться. Из Устьянки начиналась асфальтированная дорога, и шагать по твердому было не в пример сподручнее. Я принялся петь разные песни, сначала про себя, потом тихонько вслух, вполголоса, потом чуть не во всю глотку, как дома в душе. Не удивительно, что тарахтенье мотоциклетного мотора за спиной я услышал только тогда, когда старый «Урал» с коляской уже чуть не поравнялся со мной. За рулем сидел нахохлившийся дед в танковом шлеме.

— Подвезти? — буркнул он.

— Ага, — ответил я. — Чего без света-то едем?

— Кумулятор дохлый, — объяснил дед. — Светат уже, чего свечку зря палить? Садись, давай.

Я забрался в коляску, укрылся холодным пологом.

— Вы до трассы? — спросил я.

— Дальше мне, — ответил дед. На ту сторону, в Октябрьский. Тебе до трассы? Ну покимарь, аппарат старенький, полчаса трусить, не меньше.

Я воспользовался советом и сразу отрубился. Когда на перекрестке с трассой М2 старый байкер растолкал меня, была ровно половина четвертого. Сначала я питал надежду, что сразу поймаю попутку аж до самой Москвы, но быстро понял нереальность этой затеи. Только через час на мою поднятую руку остановился «жигуль» с украинскими номерами, согласившийся подбросить меня до Белгорода. Водила объяснил, что местные чужаков не любят, а раз ты голосуешь на трассе — значит, чужой. Что остановится какой-нибудь дальнбойщик, еще менее вероятно, жизнь — не кино «Брат-2», и Россия — не Америка. Выходило, что ехать надо на автобусе, и на автовокзале в Белгороде я вышел. Было 6 утра, автобус отправлялся в 12–40, и все это время я промучался, пытаюсь полноценно поспать, в жестком и неудобном вокзальном кресле. Зато в комфортабельном автобусе я оторвался. Правда, в каком-то неспящем уголке мозга всю дорогу ворочалась та самая неясная мысль, к

концу маршрута оформившаяся во вполне законченный вывод: обыска ни дома, ни в офисе не было не случайно. Все, что нужно, ищущие нашли на даче и прекрасно знали, что больше нигде ничего интересного нет. Правда, что все это — тщательно спанированная заказуха, было ясно и так, и никакого нового конкретного знания по поводу того, кто он, дергающий за ниточки заказчик, это новое знание не добавляло.

Я прибыл на Курский вокзал в два ночи. Метро уже не ходило, и я взял такси. В Строгино я был в три, потратив на дорогу от Змиёва до Москвы на эдаких весьма своеобразных «перекладных» больше полутора суток. Дарьин телефон все это время был недоступен.

Я отпирал дверь родительской квартиры со странным чувством. Явственно представлялось, что на звук ключа сейчас поспешит в прихожую мама, увидит меня, улыбнется, скажет: «Ну, привет, привет, пропащий!», обернется, через плечо крикнет: «Андрюша, иди, нас сын пожаловал визитом!» Отец с неизменной газетой в руках (раньше «Правда», в последние годы — «Аргументы и Факты») появится в проеме двери, глядя на меня своими добрыми старыми глазами поверх очков, скажет: «Привет, Арсений, сынок! Что ж так долго к нам не заглядывал? Мы с матерью совсем тебя заждались». Но открывшаяся дверь встретила темной пустотой, и видение исчезло. Я разделся, включил свет. Все как всегда, только зеркала занавешены. Я прошел в спальню. Две сдвинутых рядом кровати аккуратно прибраны, застелены покрывалами. На левой спал отец, а на этой, правой, мама. Все так же на прикроватной тумбочке портреты — отца и мой — в старомодных рамках из плексигласа, все так же змеится, перевиваясь и спутываясь, телефонный провод к красному аппарат тут же, рядом с портретами. Я представил, как мама глядела на телефон и ждала звонка. А, может, и не ждала, ведь, похоже, смерть пришла к ней внезапно, во сне... Да неважно, ждала или нет, все равно я должен был звонить маме, когда ей было плохо, или могло быть плохо, а лучше — быть рядом. Но меня не было. Я присел в изножье кровати и заплакал. После слез полегчало, но колющий комок в груди — то ли чувство вины, то ли стенокардия, — не проходил. На всякий случай я хватанул внеочередную порцию Валиного таблеточного коктейля, и от него ли, под действием ли самовнушения, помогающего даже пустышке-плацебо излечивать наши хвори, боль отступила.

Мои детские воспоминания о маме напоминают старое черно-белое кино, которое любитель-оператор, не вынимая пленки из камеры, снимал на протяжении многих-многих лет: они так же дискретны и в то же время самодостаточны, как каждая отдельная сцена на такой пленке. Впервые я вижу себя с мамой, наверное, года в четыре или чуть больше. Я лежу на кровати днем, и знаю, что мама хочет, чтобы я уснул, — наверное, после обеда. Я спать не хочу, но мама сидит в ногах и не уходит. Я пытаюсь убедить ее, что сплю, закрываю глаза, притворяюсь спящим. Жду — долго, минут пять. Прислушиваюсь — тихо, должно быть, мама ушла. Я приоткрываю глаз, и мама со смехом треплет меня по голове. «Как ты узнала, что я не сплю?» — изумляюсь я. «Взрослые знают, как выглядит тот, кто спит, а как тот, кто притворяется, — смеется мама. — Если ты сейчас заснешь, то когда ты проснешься, я расскажу тебе, в чем разница». Заинтригованный, я засыпаю, но рассказала ли мне мама обещанный секрет, уже не помню.

Вот сценка из детского сада — значит, мне лет шесть или около того, потому что что в сад меня отдали за год до первого класса, чтобы привить толику столь необходимой в школе социализированности. Зимой во время прогулок я наладился есть снег и, видимо, указания

воспитателей не делать этого не возымели на меня должного воздействия, потому что я хорошо помню, что с этим вопросом со мной разбиралась мама. «Ты зачем ешь снег?» — спросила она. Что я ответил, я не помню, может, и ничего, а просто набычился по детскому обыкновению. «Раз тебе так нравится снег, то когда мы придем домой, я сделаю тебе бутерброд со снегом», — сказала мама. И вот тут — это я почему-то помню очень хорошо! — я засмеялся и сказал, что делать бутерброд со снегом — это страшно глупо. На что мама возразила, что, по ее мнению, это не глупее, чем есть снег просто так, без хлеба. Не помню, чтобы я еще ел снег.

Следующая сцена: я уже постарше, лет шести-семи. Под самый новый год я умудрился здорово простудиться — может, лопал-таки втихаря снег? Температура была такая, что я бредил, и в горячке мне привиделось, что кто-то украл нашу елку. Елка стояла в большой комнате (мы называли его залом), и кроме игрушек и огоньков на ней в ожидании нового года висели конфеты и завернутые в блестящую фольгу мандарины. Я дожидаться не мог новогоднего утра, потому что все эти лакомства предназначались, разумеется, мне. Неудивительно, что бред у меня сублимировался в историю с похищением елки вместе со всеми вкусностями. Мама была рядом, утирала мне горячий пот со лба и за руку вела меня в зал, чтобы я убедился, что елка на месте.

Странно, но после этого на пленке большой-большой перерыв. То есть я прекрасно помню всю последовательность событий моей жизни и, разумеется, могу воссоздать в памяти маму ровно в той степени, в какой она при всех этих событиях присутствовала. Но вот такие ярких сцен-вспышек, намертво врезавшихся в память, с моим взрослением становится катастрофически меньше. На все школьное десятилетие — всего две. У мамы страшно болит спина, она лежит пластом и просит меня погладить ей поясницу... горячим утюгом. Я глажу, понимая, что через толстый халат и повязанный поверх него шерстяной платок маме не должно быть больно, но все равно страшно нервничаю, чтобы не обжечь ее. Потом — это уже класс седьмой или восьмой — я чем-то сильно проштрафился в школе. Помню, мама была страшно, фантастически расстроена, — думаю, дело не обошлось без школьной исторички, старой злобной стервы и бывшей судебной заседательницы, любившей «выносить мозги» матерям неугодных ей учеников. Если мама тогда попала под каток историчкиных вещаний на тему моего неясного будущего, то это вполне объясняет ее состояние. Рядовая домашняя проработка уже, вроде бы, закончилась, я перевел дух, и вдруг мама, уже принявшаяся было за субботний ритуал мытья полов, присела на корточки, одной рукой ухватившись за ручку швабры, другой с зажатой в пальцах тряпкой опершись на мокрый пол, и зарыдала. Она плакала так, как плачут по невозполнимой утрате; никогда до того я не видел, чтобы мама так плакала. Ясно было, что это — из-за меня, хотя я совершенно не понимал драмы: ведь я абсолютно точно знал, что историчка на мой счет сильно заблуждается, и огорчался, что мама этого не понимает. Я хотел подойти и утешить ее, но не решался, боясь сделать хуже. Так эта картинка и замерзла в моей памяти: плачущая в коленопреклоненной позе мама, посиневшими от усилия пальцами сжимающая ручку швабры, и я, в растерянности смотрящий на нее, и жалость, недоумение и отчаяние в моем сердце. И потом сразу: ее полное горя лицо, когда я в ответ на непрерывный звонок я распахиваю дверь, и мама на пороге сначала объясняет, что она столь срочно приехала из Строгина на Абельмановскую, потому что не могла до меня дозвониться, а звонила она потому, что умер папа. И — все, пленка кончилась. Нет больше вспышек, нет картинок, хотя с этой последней я видел маму еще огромное число раз. Почему так? Почему мама как будто

бы ушла куда-то за кадр кинокартины моей жизни, стала, как музыка, звучащая, как сейчас говорят, в фоновом режиме? Наверное, потому, что с определенного этапа в моей киноленте несметно добавилось событий и действующих лиц, многие из которых тоже стали главными: жена, ребенок, еще огромное количество людей. Диалектика, мать ее, проза жизни, «да отлепится сын от матери своей...» Да, после папиной смерти я недодавал маме полной чашей. Нет, не материального — хоть в этом я не грешен, но того, что мог дать ей только я. Не давал общения с собой, с внуком, которого мама одновременно и любила, и критиковала в глаза и за глаза, гораздо раньше меня разобравшись в нем, как в человеке. Всегда не хватало времени, и вот теперь не хватило окончательно, навсегда. Эх, мама, мама, как же я теперь без тебя?!

Взгляд мой упал на вынутую из шкафа, вероятно, Мариной, стопку семейных фотоальбомов. За всю мою жизнь каждый из них был мною просмотрен не по одному десятку раз, но сейчас я ощутил просто обязанность пересмотреть их. Я раскрыл первый, розового цвета. Этот альбом был посвящен мне. Полувековой давности снимки цветущих родителей, отец осторожно держит на руках маленький сверток — мама вернулась домой из роддома. Вот уже я собственной персоной на кривых ножках в решетчатом загончике моей кровати. Дальше — мы на природе на Пироговском водохранилище, я плачем — видно, что громким — сопротивляюсь маме, вытаскивающей меня из воды. Детский садик, первый класс. Вот уже выпускной, потом несколько институтских фотографий. Армия, я в сапогах и пилотке. Пошли восьмидесятые годы, я на своей первой «шахе» — «Жигулях» шестой модели. Потом много уже современных фоток, в основном «полароидных». А вот свадьба, потом Марина с годовалым Кириллом на руках и последняя фотография — я рядом с девятилетним сыном. Мы одеты в свитера одинакового красного цвета, оба одинаково улыбаемся и вообще очень похожи друг на друга. Да, как это было давно! Я вздохнул и закрыл альбом. Следующий — побольше, синего цвета, был посвящен истории мамы и папы. Очень старые, коричневые, на картоне фотоснимки моих предков — дедов и бабок моих родителей. Мой дед Илья Петрович Рогожский в военной форме с тремя «шпалами» в петлицах. На снимке дата — 15 января 1937 года, — видимо, незадолго до ареста. Фото бабушки Марии, а малюсенькая девочка, сидящая у нее на коленях — моя мама. Март того же 1937-го, потом, после ареста деда, фотографироваться ни куражу, ни возможности, думаю, уже не было. То самое знаменитое фото бригады имени Кагановича, мой дед Павел и бабка Анна по отцовской линии. Школьных фотографий отца практически нет, а вот маминих много: мама с двумя огромным бантами, 4-й класс, 1946 год. Мама на соревнованиях БГТО первая срывает ленточку в забеге. Мама — высокая, стройная — на занятиях в балетном классе у станка. Я задержал взгляд на сто раз видено й фотографии, что-то неуловимо знакомое показалось мне в повороте головы молодой семнадцатилетней девочки. А вот уже институтские фотографии, мама с папой вдвоем и в шумной толпе однокурсников у главного входа МГУ. Улыбающийся отец в широких коротковатых брюках и шляпе, мама в платье в горошек, на узкой-узкой талии перехваченном широким черным поясом — красивая до невозможности и снова очень, очень на кого-то похожая. Несколько не очень удачных снимков с их скромной студенческой свадьбы. А вот любимая мамина фотография, сделанная на вручении дипломов в июне 58-го. Мама в том же гороховом платье, но с совершенно другой прической, повзрослевшая, похорошевшая, уже не девчонка, а восхитительная молодая женщина. Глаза подведены, брови накрашены. В ушах блестящие черные сережки, на шее — узенькая бархотка. Голова повернута вполборота с

ослепительной белозубой улыбкой женщина лукаво смотрит на фотографа. Карточка задрожала в моих руках — на этом снимке, в этом ракурсе мама была фантастически, неправдоподобна похожа на... Иву Эскерову. Я взял ту фотку, где молодая мама занималась в балетном классе. Ну, да, на ней тоже что-то есть от Ивы в повороте маминой головы, в форме скул и оса, но на снимке 58-го года это все оказалось подчеркнуто и заострено. К тому же фотограф, видимо, слегка подретушировал снимок в соответствии с собственными представлениями о красоте, в результате мама на нем стала чуть меньше походить на себя саму и больше — на Иву. Почему же я не замечал этого раньше? Да вряд ли, собственно говоря, я так внимательно рассматривал семейные альбомы последние 12 лет, — скорее, я их вообще не открывал. Эту фотографию я, безусловно, помнил, но нужно было увидеть ее воочию, чтобы стало понятно это нечаянное и удивительное сходство.

Так что же это получается? Моя любовь, вернее, страсть, необъяснимая тяга к Иве — результат банального Эдипова комплекса, совсем недавно высмеянного мною в Дарьином изложении? То, что мальчики в детстве скрыто, неосознанно вожделеют своих матерей, описано еще Фрейдом. Но я всегда относился к этой теории скептически, считая, что если старик Зигмунд и прав, то это — удел той части недоделанных (и обязательно прыщавых!) подростков, чья неразделенная ранняя сексуальность наносит им какие-то особо глубокие моральные ранения. Лично я никогда, никогда не относился к матери, как к женщине; с точки зрения сексуального интереса представителей одного гендера к другому мама для меня была как бы совершенно бесполой. Так было и в детско-юношеском возрасте, когда начали возникать неизбежные вопросы, связанные с проявлениями собственной сексуальности, и после, когда все ответы на все вопросы были уже давно получены. Но неужели все-таки это было, и я не воспринимал мать существом женского пола не потому, что она была... the one и outstanding, что ли, а потому, что я, неосознанно стесняясь даже самой возможности таких мыслей, поставил себе в мозгу блок? Но этот блок, похоже, был для сознательного, а бессознательное, подсознательное обтекало его, не встречая сопротивления, как ручей обтекает камень на дороге. Господи, да может ли такая девиация совершенно латентно угнездиться в детском сознании, да так прочно, чтобы, пролежав в тайниках подсознания полжизни, проявить себя в острой форме в сорок лет? Наверное, может, и вот оно, тому подтверждение, перед моими глазами. Я любил Иву не за то, что она — такая, и стремился, занимаясь с ней сексом, не мстить ее мужу, ибо неосознанно вожделел я вовсе не ее. О, Боже, какой кошмар!

Я захлопнул альбом, заходил по комнате. Возможно ли такое? Когда даже пытаюсь найти ответ на вопрос, почему это с тобой происходит, почему, например, тебе нравится тот или иной человек, ты не находишь ответов даже с помощью всего инструментария, доступного привыкшего находиться в состоянии постоянного самоанализа мозгу? И ответ приходит совершенно исподволь, случайно, и вероятнее всего был бы исход, что ты никогда бы ответов на эти вопросы не получил бы вовсе? Или же это вообще всего лишь случайность, совпадение? То есть ты, очень прагматичный и реальный человек, мужчина, в чьей жизни были сотни разных женщин, долгие годы испытывал неудержимую, непреодолимую страсть к женщине с весьма сомнительными человеческими качествами не потому, что она, как оказалось, странным образом напоминала тебе твою собственную мать, не ввиду правоты старого извращенца Фрейда, а по какой-то иной причине? А как же быть с тем, что совершенно разумная, вызванная конкретными действиями и бездействиями этого человека, антипатия в конечном итоге пересилила всю эту заколдованную тягу к нему? Причем быстро

и бесповоротно, как будто повернули выключатель. Еще неделю назад я обожал и вожделем эту женщину, ревновал ее к собственному мужу, и вот уже все это, казалось, намертво впечатавшееся, ввевшееся в поры души после какого-то неловкого движения, десятка необдуманных ее слов словно стирает ластиком, как будто и не было ничего! Разве может исчезнуть так просто и непрощающе то, что я полагал имеющим двенадцатилетние основания считать чуть и самой настоящей, самой большой любовью моей жизни?

Вопрос без ответа, как, собственно, почти всегда и бывает в жизни. Сотворенная высшим, недоступным для понимания нашими муравьиными мозгами разумом, она редко и неохотно дает ответы на свои вопросы только ты уверовал в то, что ты что-то понял, постиг, как сразу, совершив головокружительный кульбит через твою же макушку, жизнь доподлинно дает тебе понять, что ты в очередной раз ошибался. Я зашел на кухню, заглянул в холодильник. На нижней полке стояла початая бутылка водки, похоже, та самая, которую мы с Мариной приносили с собой на последний мамин день рождения. Я открыл ее и выпил всю из горлышка. Постоял с закрытыми глазами, но так и не дождался начала действия напитка. Пошел в спальню, прилег на отцову кровать, закрыл глаза. Водка ударила в голову коварно и внезапно, как фашисты 22-го июня сорок первого, и на несколько предстоящих часов меня не стало.

Я с трудом продрал глаза по сигналу будильника, поставленного на восемь, и долго не мог понять, зачем я решил вставать в такую рань. Похороны в 11, а до Митинского из Строгина в самом хилом случае полчаса. Ах, да, я же без машины! С вечера, когда я ставил будильник, была трезвая мысль доехать до офиса и взять для передвижения служебную «Волгу». Но сейчас жуткая похмельная разбитость нашептывала: для того, чтобы оказаться «на колесах», совершенно необязательно тащиться в офис, это можно сделать и после кладбища. А лучше всего позвонить водителю Диме Крайнову и сказать, что встречаемся на Митинском. А, вообще, какого черта? Дима вполне успеет приехать сюда и отвезти меня на кладбище! Я так и сделал, позвонил Крайнову, а сам еще на час упал в постель. Это сослужило мне добрую службу, и без двадцати пяти одиннадцать, когда мы приехали на Митинское кладбище, я уже не находил в себе слишком уж явных признаков ночных излишеств, водителя отпустил и сел за руль сам.

Не зная, насколько широко простер надо мной темные крылья ЭмВэДэ в лице старшего лейтенанта С.С.Лазарева, я даже здесь не хотел раскрывать свое инкогнито, чему очень помогали затемненные стекла Крайновской машины. Не рискуя быть узванными, я сделал круг по прикладбищенской площади, от цветочных рядов до крематория, в кубическом здании которого располагался и зал для отпевания. Я сразу заметил Маринин Кашкай, за рулем которого отсвечивала Кириллова физиономия, а невдалеке увидел и саму Марину вместе с тремя старинными маминими подругами-сослуживицами, которых та всегда ласково называла «мои девчонки». Старые женщины были все в черном, в их глазах застыли растерянность и непонимание. Долгие годы мать была душой этой маленькой компании, несколько раз в год собирала их в строгинской квартире, обязательно приготавливая по такому случаю какой-нибудь кулинарный хит: торт «Наполеон», или знаменитые свои беляши, или пирог с яблоками, или пельмени. К таким посиделкам по маминой просьбе я обязательно завозил ей пару бутылок хорошего вина, что превращало гастрономический праздник и вовсе в Лукуллов пир: гости искренне и бурно восхищались, мама светилась от счастья. Не будучи самой возрастной из них, она несомненно была их старшиной, главой,

дуайеном и, оставшись одни, они явно ощущали себя вырванными из привычного им контекста, как отряд, внезапно оставшийся без командира. Мне вдруг стало страшно жалко и этих симпатичных старушек, и маму, и себя, подкатили слезы и, не имея больше сил сносить это горестное зрелище, я поспешил отъехать подальше и припарковался в укромном закутке между крематорием и кладбищенской оградой. Конечно, на таком небольшом расстоянии, попадись я на глаза Марине или Кириллу, шансов остаться неузнанным у меня не было, но тут из дверей как раз потекли люди с предшествующей церемонии отпевания, и под их прикрытием я проскользнул в здание.

В небольшом серо-мраморном зальце, где только что отпели очередного упокоившегося, пахло елеем, сухая мирянка со сжатыми в полоску губами, в черном платке по брови сосредоточенно подметала с пола нападавшую еловую хвою и гвоздичные головки.

— Простите, а где следующий, кого должны отпевать? — осторожно спросил я. — Я тороплюсь, а нужно попроситься, хотелось бы пораньше, не со всеми.

Мирянка из-под платка сердито посмотрела на меня, кивнула в сторону двустворчатой двери в торце зальца. «Торопятся они! — проворчала она, когда я между нею и стеной протискивался в указанном мне направлении. — Чё торопиться-то? Все равно все успеем, все там будем!» Я толкнул дверь, и оказался в маленькой тускло освещенной комнатке, в которой с трудом умещалась металлическая каталка, на которой стоял открытый гроб. В гробу лежала мама.

Она словно просто спала, только, пожалуй, лицо ее было немного бледнее обычного, да некая умиротворенность не опускала больше вниз уголки ее рта. «Привет, мам, — сказал про себя я. — Извини, что опоздал». Мне явственно показалось, что в ответ мама разняла сложенные крестом на груди руки, протянула ко мне, ласково погладила по щеке: «Ничего страшного. Я знаю, ты был занят. Ничего страшного». Я заплакал. «Не плачь, — сказала мама. — Там, куда я попаду, мне будет хорошо». Скрипнула дверь, в щель просунулась голова в платке.

— Вы один хочили, — прошептала мирянка. — Давайте скорее, батюшка звать всех велели.

Дверь закрылась. Я еще несколько секунд смотрел на маму, потом нагнулся, поцеловал ее ледяную скулу, подумал: «Пока, мам. Покойся с миром». «Пока, Арсюшенька, сынок, — ответила мама. — Береги себя». Я вышел, мирянка чуть не вытолкала меня из зальца.

— Твои идут уже, — зашипела она мне в спину. — Ты вона в нужнике укройся, как все войдут, я дверью стукну, ты выйдешь».

Я прошмыгнул в дверь туалета, краем глаза успев заметить уже входящую в здание Марину. Я запер за собой дверь, прислушиваясь к гулким голосам за нею: видимо, все столпились в коридоре, ожидая приглашения. «Где же все-таки Арсений? — тревожно проблеяла одна из «девчонок». — С ним ничего не случилось?» «Да нет, нет», — пробасил в ответ Кирилл. «Я же говорила — он в командировке за границей, — раздался Маринин голос. — Мы послали телеграмму, но у него не получилось обменять билет». «Что же — он не прощается с мамой? — подключилась вторая «девчонка». — Он ведь так любил ее». «Господи, неужели это было так заметно?» — подумал я, вспоминая свои ночные бдения над семейным фотоальбомом. «Да, они оба так любили друг друга! — эхом отозвалась третья. — Это всегда так бросалось в глаза!» Ожидание затягивалось, я напрягся, ожидая, что кому-нибудь приспичит посетить «нужник» до начала отпевания. Но пронесло, голоса смолкли, стукнула закрывшаяся дверь зальца. Я выскользнул из туалета и поспешил к

выходу.

Окончания отпевание я ждал в машине, надежно укрывшись за темными стеклами. Но вот на крыльцо выкатили прикрытый крышкой гроб, погрузили его в поданный задом микроавтобус. Марина и «девчонки» тоже сели в него, Кирилл — за руль «Кашкая», и кавалькада тронулась. Прекрасно зная, как срезать дорогу к нашему участку, я не стал следовать за автобусом, а обогнал его по боковым аллеям, и занял удобное для наблюдения место: у меня место захоронения с рыжим глиняным холмом свежесделанной могилы было как на ладони, меня же из-за деревьев и надгробий не было видно никому. Из своего укрытия я наблюдал, как подъехал автобус, как четверо дюжих кладбищенских рабочих, балансируя с гробом на плечах, пронесли его по узким тропинкам между захоронений и поставили его на край могилы. Прощающиеся маленькой группкой встали в ногах могилы, я видел, как содрогаются плечи «девчонок», и тоже плакал. Маринины глаза были сухи, ее взгляд был устремлен куда-то вдаль поверх соседних могил. «Ну, что, опускаем?» — спросил бригадир, и Марина, очнувшись, кивнула. Застучал молоток, потом работяги взяли широкие лямки, подведенные под гроб, и ловко, заученно опустили его в могилу. Марина первая кинула на крышку гроба горсть земли, то же сделали и все остальные. Замелькали лопаты, и через пару минут на месте могилы был уже высокий глиняный холм. В изножье установили табличку и мамину фотографию, сверху положили цветы. «Ну, что, все?» — спросил Кирилл. «Да, все, — ответила Марина. — Вы идите все, садитесь, я через минуту» Кирилл, по очереди поддерживая каждую, повел старушек к машине, Марина осталась одна. Минуту она смотрела на свежую могилу, потом поправила цветы, дотронулась пальцами до фотографии. Вздохнула, перекрестилась и, тоже собираясь уходить, подняла глаза. В этот момент наши взгляды встретились. Странно, но в Марининых глазах мелькнуло не удивление, и не радость, и не облегчение от того, что вот он, муж, живой и невредимый, а какой-то другой, непонятный мне набор чувств. Я приложил палец к губам, давая понять, что мое инкогнито раскрывать не нужно. Марина поняла, кивнула, еще пару секунд смотрела на меня — так же непонятно, хмуро, исподлобья, потом опустила глаза, повернулась и пошла.

Я дождался, пока отъехала машина, и подошел к могиле. Молодая мама на фотографии, глядя на меня улыбалась, словно говоря: «У меня все хорошо, сынок!» Рядом на черном гранитном памятнике улыбался папа, но, скосив глаза, глядел он не на меня, а на маму. Я положил сверху вороха гвоздик свои, постоял, не зная, сколько времени уместно побыть здесь, чтобы лежащие в земле не обиделись. Плакать больше не было никаких сил, но слезы текли сами, не спрашивая. Я последний раз кивнул им обоим, подумал: «Пока, мои дорогие! Если все устроено, как обещают, еще свидимся!», и ушел.

Ни о чем и ни о ком, кроме мамы, думать не хотелось. То есть, не хотелось, чтобы думалось о ком-то, кроме нее, о чем-то, кроме того, что ее больше нет. Но мысли поневоле вырывались из-за флажков и уносили от светлой печали к делам менее уместным, но куда более насущным. Я стыдился этого, но они все равно уносили. И в первую очередь к тому, что до крайности озадачила Маринина реакция на мое появление. В машине я набрал ей эсэмэску: «Привет! Извини, что не предупредил о появлении, шифруюсь. Ты показалась мне какой-то не такой. Что-то еще случилось?» Через минуту пришло обратное сообщение: «Да нет, устала просто». Ответ мне сильно не понравился — ни ответа на приветствие, ни вполне уместного: «Как ты?» или хотя бы «Как дела?» Я послал еще одно эсэмэс: «Спасибо, что все организовала! Где поминки, у нас или в Строгино?» Ответ снова был

предельно лаконичным: «В кафе в Митино». Я нахмурился: можно было совершенно точно сказать, что Марина, прекрасно разбирающаяся в нюансах как вербальных, так и эпистолярных интонаций, никогда ранее не допускала в общении со мной такой строгой сухости. Определенно что-то случилось, и ее расплывчатое «Да нет» вместо конкретного «Нет» только подтверждало это. Выспрашивать сейчас было неуместно, и я закончил нашу переписку сообщением: «Хорошо, буду ждать тебя дома». Пару минут ждал ответа типа «ОК» или хотя бы смайлика, как непременно было бы раньше, уже понимая, что его не будет. Чертыхнувшись, я завел мотор и выехал с кладбища. Спешить было некуда, после поминок Марина могла быть дома самое раннее в пять-половине шестого, и по дороге я остановился перекусить в «Тарасе Бульбе». Жутко хотелось поправить здоровье кружкой пива, но я не стал рисковать, ограничившись ядреным квасом. После плотного обеда начало неудержимо клонить ко сну. Я не стал сопротивляться и, разложив сиденье, вырубился почти на два часа, так что, когда после меня приехала с поминок домой Марина, я еще даже не успел раздеться.

[i] Джеймс Форрестол — министр обороны США, покончил с жизнью 22 мая 1949 года, выбросившись из окна с криком: «Русскте идут!»

[ii] Справ (укр.) — дел.

[iii] Может, ты, милый человек, с ума сошел? (укр.)

Глава 14. Зер Калалуш

Она вошла, скользнула по мне тем же, что на кладбище, странным, сухим взглядом и прошла мимо, в спальню. Я перестал расстегивать рубашку и с твердым намерением все выяснить последовал за женой. За те несколько секунд, на которые Марина опередила меня в спальне, она успела вытащить из стенного шкафа чемодан, разложить его на кровати, и теперь она с остервенением набивала его своим тряпьем.

— В чем дело? — угрюмо спросил я мечущуюся между шкафом и чемоданом жену. — Что за сборы? Что случилось?

— Что случилось? — переспросила Марина, не прекращая своих лихорадочных движений. — Ничего особенного. Я уйду от тебя.

— Куда? — совершенно автоматически задал наиболее соответствующий информации вопрос я, и сразу поправился: — Собственно, как уходишь? Почему?

— Долго пришлось бы рассказывать, — ответила, не сбавляя скорости, Марина. — Не меньше двенадцати лет.

В груди екнуло. Двенадцать лет — это Ива, это связано с ней. Но ведь она умерла?! Внезапно сменив направление в сторону выхода из спальни, Марина обдала меня настолько мощным порывом воздуха, что я невольно последовал за ней, как опавший лист, влекомый осенним ветром.

— Читай, — сказала Марина, подлетая к столу и распахивая крышку ноутбука. — Читай сам, у меня нет сил это пересказывать.

Столь же стремительно она отошла от стола, но ее порыв неожиданно иссяк. Марина упала в кресло, закрыла лицо руками и заплакала. Я кинулся было к ней, но что-то подсказало мне, что это бесполезно и не нужно, и я повернулся к компьютеру. На экране была открыта Маринина почта, а в ней — письмо. Нетрудно было понять, что это письмо от Ивы.

«Здравствуй, Марина! — писала она. — Зачем я пишу тебе это письмо, ты поймешь, только если дочитаешь до конца. Но суть его — в самом начале. То, что когда-то давно, двенадцать лет назад, мы с Арсением были любовниками, тебе и так известно. Но ты уверена, что это давно в прошлом. Так вот: мы оставались любовниками все это время, с небольшим перерывом, который совершенно не меняет сути дела. Тогда мы просто разыграли разрыв, чтобы успокоить тебя, и это сработало. Не веришь?»

Следующие месячные у тебя должны прийти через три дня, верно? Откуда я знаю? Да у меня график такой же, как у тебя! Никогда не слышала о том, что у женщин, живущих с одним мужчиной, регулы синхронизируются? Но ладно, это так, экзотика. Я могу рассказать тебе, куда и когда вы с мужем ездили отдыхать за эти годы, и куда ты ездила без него. Я знаю, где и кем ты работаешь, и какие проблемы вам подкидывает ваш сын Кирилл. Это ведь из-за него вы вдвоем мотались на днях в Мариуполь? Кстати, девушку его зовут Лиза, верно? Я знаю, с какой стороны вашей супружеской кровати ты спишь — ведь именно это определяет то, что твой муж так любит трахаться именно на левом боку. Стены в вашей спальне — голубые, в гостиной — зеленые, а плитка в ванной — бежевая. Я была в вашей квартире и совокуплялась с твоим мужем в вашей кровати. А десять дней назад твой муж ездил на выходные ко мне в Турцию. Потребуй у него выписку с его банковской карты за последний месяц, он ею оплачивал эту мою поездку. Обойдусь без подробностей, что мы

там вытворяли, цели причинить тебе боль у меня нет.

Какова же моя цель? Чтобы ты знала, с каким козлом и подлецом ты живешь. То есть, все мужики — козлы и подлецы, но по отношению к своим мы — дуры, как правило, питаем какие-то иллюзии.

Зачем я это делаю, зачем сдаю курицу, которая несла золотые яйца, — ведь последние лет шесть, как окончательно задурил мой Аббас, твой Арсений практически нас с дочерью содержал? Не просто потому, что твой муж меня бросил, я бы не стала опускаться до банальной бабской мести.

Да, у нас с ним все кончено, он меня бросил. И сошелся... Нет, не сошелся, это неправильное слово. Как старый кобель снюхивается с молоденькой сучкой, он снюхался с совсем еще девчонкой. Молодой, неопытной, глупой. С моей дочерью Дарьей.

Я пишу это, и плачу. Марина, Мариночка, мы же когда-то были подругами, помнишь? Да, я сука и сволочь, я легла под твоего мужа, но ты не представляешь, как мне было х...ево! Я пыталась тебя это объяснить, но ты не захотела понимать тогда, вряд ли захочешь и сейчас. Но мне и не нужно. Ты просто должна отдать мне должное — да, я трахалась с твоим Арсением, но я никогда не пыталась его у тебя увести. Скорее, наоборот, и кровожадные пацаны из Шатуры, поверь, здесь ни при чем. Если бы он не сделал стойку на Дашку, возможно, ты так никогда и не узнала бы о наших шашнях.

Но она влюблена в него, как кошка, и сдается мне, что твой снова, как когда-то в отношении меня, внушил себе, что любит девчонку. Или хуже, втрескался на самом деле. И тут уже твои интересы могут конкретно пострадать, подруга. Я повлиять, сделать тут ничего не могу, дочь полностью вышла из-под моего влияния. Не в меня она уродилась, в отца, царствие ему небесное, непослушная, упрямая, своевольная. Кстати, сейчас, когда я пишу это письмо, они оба на Украине, вдвоем в одной квартире. Причем это именно она эту квартиру для твоего организовала, это хата одного ее хахалы, с которым она познакомилась в Турции. Верись, что молоденькая сучка оказывает там твоему супругнику исключительно моральную поддержку? Я — нет, он у тебя еще тот кобель, мимо запаха не пробежит.

Так что, если твой мужик тебе еще нужен — бей в колокола, труби тревогу, свистай всех наверх! Если нет — тогда извини, что пришлось вот так, по живому, открывать тебе на все глаза. Но ведь что для нас на самом деле хорошо, а что плохо, ведает Господь один, нет?

Будь здорова, подруга, прости за все, не поминай лихом. Ива Эскерова, в девичестве Вебер». И — дата, так врезавшаяся мне в память, дата Ивиной смерти.

Я захлопнул крышку ноутбука. Марина вздрогнула, подняла из ладоней лицо, — ее глаза покраснели, но слез в них не было. Скорее, ее вид выражал сейчас огромную, тяжкую усталость.

— Это правда? — спросила она.

— Да, — коротко ответил я.

— Все правда? — подумав, уточнила Марина.

— Да, — снова сказал я и добавил: — Вечером того дня, когда написано это письмо, Ива умерла.

Марина дернулась, в ее взгляде сверкнула какая-то странная надежда. Сверкнула и погасла.

— Это ничего не меняет, — вздохнула она. — Правда ведь?

— Правда, — ответил я. — Это ничего не меняет.

Марина встала, сделала несколько шагов в направлении спальни. Остановилась,

взявшись рукою за дверной косяк, повернула ко мне голову.

— Ты на самом деле любишь ее, эту девочку, ее дочь? — спросила она.

— Наверное, да, — неопределенно пожал плечами я. — Скорее да, чем нет. Это очень сложно.

Марина состроила ироничную гримасу, должную означать: «Да, уж, понимаю всю сложность процесса кобеляжа!»

— Она похожа на нее? — спросила она вслух. — Она похожа на мать?

— Совсем не похожа, — покачал головой я. — Если только глазами.

Маринины губы задржали, ироничная мина рсыпалась.

— Но ведь ты говорил, что любишь меня! — сдавленно прошептала она. — Совсем недавно!

Я поднял на Марину глаза и сразу же отвел взгляд — смотреть на нее было больно.

— Недавно — это очень давно, — глухо ответил я. — В совсем другой жизни.

Марина скрылась в спальне, и через пять минут показалась оттуда, с грохотом волоча за собой свой ярко-желтый отпускной чемодан на колесиках. Снова нырнула в спальню, и вывезла второй, огромный, голубой — мой.

— Твой чемодан мне нужен для переезда, — сказала она, набирая чей-то номер на мобильном. — Потом верну. Поднимайся!

Последнее слово адресовалось кому-то, кто ответил на ее звонок. Через минуту дверь открылась, и в прихожую вошел Кирилл.

— Привет, отец, — хмуро поприветствовал он меня.

Я молча кивнул, отметив про себя, что отцом он назвал меня первый раз в жизни.

— Кирилл, бери чемоданы, вытаскивай, грузи в машину, — скомандовала Марина. — На ключи.

Тот вывез чемоданы на лестницу, закрыл за собой дверь. Мы с Мариной остались одни.

— Ну, все, — вздохнув, сказала она. — Пока поживу с Кириллом и Лизой, там посмотрим.

— Угу, — кивнул я. — Там посмотрим — это Кирилл Аркадьевич?

Марина остановилась, словно на что-то налетев, ее щеки вспыхнули.

— Лучшая оборона — это нападение? — усмехнулась она. — Не надо путать причину со следствием, Костренёв. После того раза я каждую секунду ждала, что это произойдет снова. Нет, я была тебе верна, просто стен между интересующимися мной мужчинами и собой, как раньше, не строила. Хотя, собственно, тебя это уже не касается. Счастья тебе с твоей молодой возлюбленной!

— Слушай, давай не будем превращать сцену прощания в балаган! — поморщился я. — Или я тоже должен пожелать тебе счастья с твоим немолодым воздыхателем?

— Не думала я, что у нас с тобой будет вот так, Арсений! — всхлипнула она. — Прощай!

— Прощай, — ответил я, глядя на носки ее медицински-чистых туфель.

Она вышла, тихо притворила за собой дверь, ее каблуки застучали вниз по лестнице, удаляясь — один пролет, второй — все, смолкли. Внезапно меня охватило ощущение, словно у меня отобрали что-то такое, что издавна, так долго, что казалось, что это было всегда, было со мной, и вдруг — р-раз! — не стало. «Как же я буду дальше без... этого?» — беспомощно подумал я, зачем-то оглядываясь по сторонам, словно ища, на что опереться. Полез в карман за телефоном, в бесчисленный раз за последние сутки набрал Дарьин номер.

«Номер абонента сейчас недоступен, — затянул свою волюнку ненавистно-сочувственный голос. — Попробуйте позвонить позднее». Все, опоры не было, не было ничего.

— Зря ты так, — внезапно раздался в ушах голос Кирилла.

Сын стоял в проеме арки и смотрел на меня с нескрываемым осуждением.

— Как — так? — переспросил я. — Что ты имеешь в виду?

— Ну, матери изменял всю дорогу, — презрительно опустив уголки губ, пояснил отпрыск. — А теперь еще и с малолеткой какой-то связался.

Я смотрел на сына, и чувствовал, как неконтролируемая ярость сжимает меня за горло, не дает дышать, красной пеленой кислородного голодания застилает взгляд. Этот вполне уже сформировавшийся засранец, за свои неполные 23 года успевший причинить матери, мне столько родительских страданий, человек, чью задницу мы с Мариной только что едва-едва смогли отскрести от тюремной скамьи в сопредельном государстве — этот говнюк, по какой-то сатанинской иронии судьбы являющийся моим сыном, он мне выговаривает?! Он меня осуждает!!

— Чесслово, бать, я был о тебе лучшего мнения! — подвел итог своей сыновней критике Кирилл.

Меня накрыло.

— Па-а-шо-о-ол во-о-он!!! — заорал я так, что засадило в горле.

Кирилла сдуло, как от посвиста Соловья-разбойника, поэтому попавшийся под руку бирюзовый хрустальный земной шар, привезенный мною в кризисном 1998-м из Праги, лишь с гулом рассек воздух в том месте, где только что была его ухмыляющаяся физиономия. Массивный шар смачно врезался в стену коридора и, невредимый, отскочил от нее в зеркало, висящее напротив. Дзынг разбившегося стекла слился с грохотом захлопнувшейся двери, и все стихло. Я в каком-то изнеможении опустил в кресло, откинулся на спинку и закрыл глаза. Момента перехода между бодрствованием и сном я, как водится, даже не заметил.

Мне снился странный сон. Он был бесконечно-тягуч, как остатки шампуня из флакона и непонятен, как записанная наоборот речь. В нем не было ничего, кроме одного — ощущения пустоты. Оно все возрастало, сжимало, душило, метастазами забиралось через горло в легкие, заполняя меня изнутри, и я тоже становился таким же безжизненным, как серая пустота вокруг меня. Не стало и меня, я тоже стал частью этой бесконечной, монотонной, пустой вечности. Одиночества.

Очнулся я оттого, что услышал — нет, скорее, почувствовал, что открылась входная дверь, просто легкому сквознячку, внезапно еле слышно прощуршавшему хрусткими листьями завядшего розового букета в вазе на столе, больше неоткуда было взяться. «Марина вернулась, что-то забыла, — автоматически пробежало в голове. — Хотя, скорее, это Кирилл. Наверное, она послала сына, сама не стала бы так тихушничать, в нее глобусом не запускали». Но секунда, вторая, логического подтверждения чьего-то присутствия нет, и я напрягся. Надо бы встать, посмотреть, что там за чертовщина, но не хочется совершенно, сил нет, да и почудился сквознячок скорее всего. Но внезапный хруст раздавленного стекла под чьей-то подошвой мне точно не почудился. Сердце екнуло, мышцы сами подбросили из кресла, и появление в проеме арки темной невысокой человеческой фигуры я встретил уже на ногах. Человек осторожно переставлял ноги, явно стараясь снова не наступить на осколки. Не успел я собраться для какой-нибудь сакраментальной фразы в стиле: «Какого рожна вам здесь нужно?», как гость, пройдя оскольчатое минное поле и не имея больше надобности смотреть под ноги, поднял голову. Полоса света от торшера упала на его лицо, и

я невольно вздрогнул от неожиданности. Это был Аббас Эскеров.

Последний раз я видел Аббаса три года назад, и это время оставило на его внешности отпечаток больший, чем можно было бы предположить. Он не то чтобы поправился, а как-то обрюзг, оплыл, став своей и без того приземистой фигурой напоминать эдакий гриб-боровик с маленькой шляпкой и массивной, укрепистой ножкой. Сходства добавляло теплое не по погоде пальто с большими оттопыренными карманами. Лицо Аббаса постарело, еще больше округлилось, проявились подрезанные глубокими косыми морщинами щеки, под глазами набрякли мешки, — очевидно, что все эти последние годы обладатель этого лица крепко водился с алкоголем. Над левой бровью его багровела заживающая, но еще хорошо заметная ссадина, вокруг глаза разливались желто-синие остатки синяка недельной давности. Но самое удручающее впечатление на этом лице производили не морщины и не следы побоев. Раньше Аббас всегда брился начисто, теперь же пространство между его носом и верхней губой занимали пышные полуседые усы, а гораздо более светлый, чем все лицо, кожа подбородка говорила о том, что бороду с него сбрили совсем недавно. Эта двухцветность лица и усы старили Аббаса еще больше, — не знай я точной даты его рождения, ему можно было бы дать сейчас и пятьдесят пять, и больше. А еще усы делали их хозяина удивительно похожим на добродушного повара Джулиуса с упаковок чипсов Принглс, вот только добродушия в насмешливом взгляде Аббаса, нацеленном на меня, не было ни на йоту.

— Ай, как неосмотрительно появляться дома человеку, находящемуся в розыске! — произнес он, и я отметил, что и голос его под стать внешности стал глуше, тусклее, старше. — Обязательно найдется кто-то, кто за вполне умеренную плату сообщит такую новость заинтересованным инстанциям. Да еще и дверь держать незапертой! Верх беззаботности, я бы сказал. Ну, здравствуй, Арсений Андреевич! Вот и свиделись!

Сердце мое немилосердно частило, на вдохе стоял ком, — все-таки не каждый день приходится вот так, лицом к лицу, встретить покойника.

— Здравствуй, здравствуй, Зер Калалуш! — собирая себя в руки, насмешливо ответил я. — С воскресеньем, так сказать! Хотя почему-то я не удивлен видеть тебя живым и невредимым. Вот только — кого ж ты вместо себя превратил в шесть кило шашлыку-то, а?

— Не понимаю, о чем это вы, — вмиг посерьезнел Аббас, почему-то оглядываясь через правое плечо куда-то вглубь прихожей, и вдруг закричал: — Давайте, заходите быстрее!

Поняв в мгновение, что Аббас явился сюда отнюдь не для словесной дуэли, я дернулся было к нему, выщеливая на его круглой физиономии поудобнее местечко для удара, но было поздно. На лестнице за дверью послышалось тяжелое топание, и через секунду, хрустко попирая осколки на полу прихожей, в квартиру ввалилась куча народу в бронежилетах поверх мышинной камуфляжной формы, с затянутыми черными балаклавами лицами под штурмовыми касками. В руках у них были короткоствольные «Вихри», девятимиллиметровыми зрчками своими в гипнотически немигающем взгляде дружно уставившимися на меня. Ощущая, как тошнотворный холод затекает под ложечку и вибрируют колени, я инстинктивно сделал «руки в гору», и воцарилась немая сцена. Затем за спинами автоматизированных снова раздался хруст, расстрельная шеренга разомкнулась, и на авансцену вышел еще один в камуфляже, но без балаклавы и автомата. Роста он был не самого высоченного, но ширину в плечах имел невероятную, и все это вместе создавало впечатление какой-то огромности. Вместо каски на его голове, без каких-либо признаков шеи переходящей в плечи, под невыслышимым углом к горизонту сидел черный берет. Его точки-глаза, посверкивающие из-под тяжелых, как наплывы танковой брони, надбровных

дуг, мало чем отличались от смотревших на меня дульных срезов «Вихрей». На его плечах из-под воротника куртки гранеными золотыми лучиками выглядывало капитанское созвездие.

— Гражданин Костренев, Арсений Андреевич? — как и положено старшему спецназа, голосом, напоминающим рык смываемого унитаза, произнес он.

— Костренёв, — привычно поправил я его. — Звук «ё» как в слове «катринденёв».

Капитан внимательно посмотрел на меня и, обращаясь к оттесненному в самый угол прихожей Аббасу, пробасил:

— Правильно вы говорили, походу, того он.

И он очень образно покрутил растопыренной пятерней с короткими мощными пальцами около броневых листов у себя на голове, словно нащупывал резьбовые витки упрямо нежелающей закрываться крышки на банке с огурцами.

— Да, капитан, ты же слышал, как он ко мне обращался, — радостно подхватив, откликнулся Аббас, тщетно пытаясь протереться на авансцену между глыбами двух автоматчиков. — Зер Калалушем каким-то называл, про царство мертвых упоминал. Говорил, что я кого-то в шесть кило шашлыку превратил. Совсем катушки слетели.

«Гы-ы!» — раздалось из недр спецназовских грудей, и люстра на потолке задрожала, жалобно позвякивая. Капитан сердито зыркнул на подчиненных, и гыганье затихло.

— Думаю, вольта разыгрывает, — прокомментировал он вполголоса реплику Аббаса. — Там разберутся.

При упоминании о таком неконкретном, и в то же время таком понятном адресе, который капитан обозначил, как «там», температура у меня под ложечкой опустилась еще на десяток градусов.

— Гражданин Костренёв, — снова перешел в официальную тональность он, и я испытал неожиданное глубокое удовлетворение от того, что с глупо-упрямым своим педалированием звука «ё» в моей фамилии я-таки добился результата. — Вы задержаны по подозрению в совершении преступления по статье 105, пункт 2 уголовного кодекса ЭрЭф — убийство при отягчающих обстоятельствах.

И он поднес к моим глазам сине-фиолетовую от подписей и печатей бумагу, крупно озаглавленную «Постановление». Внезапно мне стало все равно, перестали противно дрожать колени, потеплело под ложечкой. Наконец-то не только знал, что творится вокруг меня, но и понял, кто и зачем все это организовал. Нужно было начинать бороться.

— Разрешите опустить руки? — спросил я и, получив в ответ молчаливый кивок, спросил: — А можно поинтересоваться — кого я, собственно говоря, убил, да еще и с этими самыми отягчающими обстоятельствами?

Майор снова внимательно посмотрел на меня, потом — на Аббаса, потом в бумагу в своих руках, и ответил:

— Гражданина Эскерова Аббаса Мерашевича, 1966 года рождения.

Глаза Аббаса смотрели на меня с совершенной, абсолютной, ледяной насмешкой. С неожиданным для себя самого озорством глядя в эти глаза, я расхохотался.

— А это тогда кто, по-вашему? — спросил я капитана, указывая на Аббаса.

На лице командира спецназа промелькнуло смятение — было видно, что сопровождающего отряд гражданского он не знает. Он повернулся к Аббасу и тревожно-вопросительно уставился на него.

— Я предупреждал, что он дурку включит, — спокойно пожал плечами Аббас, доставая

из внутреннего кармана паспорт и протягивая его капитану. — Если этого недостаточно, позвони следователю. Уже готов анализ ДНК убитого, это точно Аббас Эскеров, тебе твой коллега подтвердит.

Командир взял бордовую книжицу, развернул, полистал, несколько раз покачав вверх-вниз пристально прищуренными стволиками глаз, сверил фото с оригиналом. Потом, кивнув головой столь решительно, что не будь его берет чем-то прикреплен к голове, он точно слетел бы, капитан закрыл паспорт и вернул его Аббасу.

— Этот гражданин — точно не тот, кого ты ухлопал, без ДНК ясно, — не глядя на меня, презрительно процедил сквозь зубы капитан. — Пакуем его, ребята.

Дружно брякнув чем-то железным, словно кирасиры из Рембрандтовского «Ночного дозора», многоголовая глыба спецназа, двинулась на меня. «Пипец», — обреченно подумал я, закрывая глаза. Налетели, с огромной, непреодолимой силой закрутили назад руки, согнули чуть не до пола. Быстрые пальцы выдернули из карманов документы, кошелек, телефон, ключи. Сейчас протрещат, затягиваясь на запястьях, наручники, и...

— Стой, стой, капитан! — раздался голос Аббаса, и я открыл глаза.

Аббас стоял между облепившими меня кирасирами и капитаном, и широко разведенными руками словно защищал меня. Учитывая разницу в габаритах противостоящих сторон выглядело это несколько комично, напоминая мультяшную сценку «Майти-Маус и локомотив», но сработало — дозор остановился. Правда, остановил его не Майти-Маус, а резко поднятая вверх рука капитана со сжатым кулаком, с раздражением и непониманием смотрящего на Аббаса.

— Ты погоди его паковать, — в ответ на молчаливый вопрос капитана миролюбиво произнес Аббас. — Нам с задержанным потолковать тут немного надо, ладно?

Капитан задумался, было видно, что задержка ему не по душе.

— У меня приказ, — прогудел он, — взять и привезти. Задержки в плане не предусмотрены.

— Это недолго, капитан, — как заправский гипнотизер, склоняя голову к плечу и поднимая ладони вверх, несмотря на категоричный с виду отказ, продолжил Аббас. — Очень нужно. И потом — тебе разве не сообщили о моих полномочиях?

Во взгляде капитана мелькнула нерешительность. Судя по всему, о каких-то особых полномочиях гражданского он слышал в первый раз.

— Мне просто не хотелось бы светить здесь свое служебное удостоверение, — понизив голос, продолжил Аббас, снова запуская руку вовнутрь пальто. — Ну, ты же понимаешь, капитан?

На слове «капитан» Аббас сделал такой сильный акцент, что обладатель звания заколебался. Моментально все мысли его, ясные, как на экране телевизора, пронеслись у него в глазах. «Кто такой, черт его знает! — думал капитан. — Судя по наглости, может быть шишкой. Ну, дам я им перетереть, ни от кого не убудет. От греха, а то еще наклеузничает, что не уважил полномочия!» Да уж, по части убеждать Аббас был, несомненно, непревзойденным специалистом! Похоже, капитану давно уже пора было становиться майором.

— Все на лестницу! — скомандовал он и, отряд, совершенно нереальным образом ужавшись до ширины дверного проема, послушно ретировался.

Капитан еще раз с сомнением смерил меня глазами, потом посмотрел на Аббаса, явно сравнивая наши габариты.

— Это может быть опасно, — сказал он. — Может, стреножить его лучше?

— Нет, нет, не надо! — заулыбался Аббас. — Арсений Андреевич обещает быть благоразумным. Правда ведь, Арсений Андреевич? Обещаете?

Мера циничной издевки, выплеснувшаяся с этими словами из глаз Аббаса, была настолько огромной, что мои руки, все еще заведенные за спину, невольно сжались в кулаки. Ох, с каким же наслаждением я бы сейчас врезал бы по этой наглой физиономии! Но делать этого сейчас точно не следовало, и я, как смиренная лошадь, кивнул головой:

— Обещаю.

Аббас повернулся к капитану, двумя руками указывая на меня, словно предъявляя свой полный контроль над ситуацией.

— Ну, видишь? Гражданин Костренёв обещает, — совершенно издевательским тоном произнес он. — А он — человек слова, уж я-то знаю. Так что опасаться нечего.

Капитан еще секунду для виду посомневался, потом развернулся, направился к выходу, и уже от двери раздался его гулкий, усиленный резонатором пустого коридора, голос:

— Вы все-таки поосторожнее с ним, а то тут зеркало разбито, плохая примета, к покойнику. Мы тут, рядом.

И бухнул за собой дверь. В коленях моих оставалось сил ровно настолько, чтобы сделать два шага до кресла. Я с невыразимым облегчением опустился в его мягкие объятия, чувствуя, как вибрирует от напряжения каждая клеточка моего тела. Аббас, не снимая пальто, присел на подлокотник дивана напротив меня.

— Ну, что, ше-еф? — произнес с усмешкой он. — Как настроение?

Я вспомнил, при каких обстоятельствах много лет назад Аббас, точно так же в издевке ломая губы, коверкал обращение «шеф», и понял, что сейчас он напоминает мне этот разговор.

— Как оно там, внизу? — доставая из кармана сигареты, продолжил он. — Кто из нас теперь огрызок, ничтожество? И кому ладошки надо помыть липкие — не от страха ли? И, кстати, — ничего, если я не спрошу у тебя разрешения закурить в твоём доме?

Он снова полез в карман, достал спички, смачно чиркнул, наполнив воздух острой серной вонью, разжег сигарету и демонстративно бросил огарок на пол. Я смотрел на него и молчал. Постепенно выравнивалось дыхание, переставало леденеть ужасом безысходности тело, выстраивались в ровную линию пляшущие мысли. Хотя ситуация и казалась безвыходной, нужно было что-то делать. И хотя ничего путного в голову пока не приходило, было ясно — надо тянуть время и не обращать внимания на наглые выходки.

— Кстати, а откуда ты знаешь о Зер Калалуше? — спросил, щурясь от дыма, Аббас. — Дурочка Ива о наших семейных штучках растрещала?

Спросил он это, вроде, как-бы между прочим, но мне отчего-то показалось, что почему-то тема эта его не на шутку интересует.

— Эх ты о ней, — с усмешкой покачал головой я. — Вроде бы: о покойнике или хорошо, или ничего, нет? Тем более о жене. Кстати, приношу тебе соболезнования по поводу ее кончины.

— А, ерунда! — махнул рукой Аббас, и пепел с его сигареты осыпался на диван. — Соболезнования нужны тем, кто скорбит. Мне — нет. Тебе может показаться странным, но Ива не была хорошей женой. В начале, когда ей ничего, кроме двух палок каждый вечер, не было нужно, все было нормально, — по молодости мы глупы, и потому достаточно позитивны. А потом она как-то очень быстро выросла над собой, остервилась, и с ней стало

тяжело. Пока деньги были, я просто давал ей без счета, но когда начались проблемы, она стала совершенно невозможной. Ей было скучно вести хозяйство, растить дочь, создавать тыл — что называется, тянуть лямку. В общем, в моей Спарте кастинг на роль жены царя Леонида покойница точно не прошла бы. Так что траура по ней я не ношу.

Аббас двумя быстрыми затяжками докупил сигарету почти до фильтра, встал, подошел к столу и опустил окурок в вазу с засохшими розами, где на доньшке еще оставалась грязноватая вода. Потом вернулся к креслу и встал сзади, облокотившись на спинку.

— Я так понимаю, в отличие от тебя, шеф, — беспардонно зашептал он мне прямо в ухо, обдав меня зловонием табачного свежака. — Оказывается, вы с покойной супружницей моей много лет не без успеха сооружали у меня на голове чудное ветвистое украшение, в просторечии именуемое рогами, верно?

Он обогнул кресло и снова уселся напротив меня.

— Для меня, конечно, не было секретом, что вы... как это сказать... дружили. Ты помогал ей, когда я сидел, и тогда, пожалуй, это даже было вполне бескорыстно. И после она не скрывала, что вы перезваниваетесь, даже встречаетесь иногда. Я не был против — дела шли хреново, и я считал эти встречи ее жилеткой, отдушиной. Мы и вдвоем часто говорили о тебе, она всегда с воодушевлением подхватывала твою тему. Арсений Андреевич то, Арсений Андреевич се, Арсений Андреевич считает. Короче — Арсений Андреевич всем никчемным мужьям — пример. Иногда она так часто упоминала о тебе, что мне казалось, что мы живем втроем.

Аббас наклонился ко мне, сверля мне глаза нехорошим прищуром. Его лицо оказалось настолько близко к моей удобно согнутой на подлокотнике кресла правой руке, что я подумал, что мне бы сейчас ничего не стоило одним стремительным броском кулака в челюсть отправить его в глубокий нокдаун, как когда-то Леху Чебана. Но что потом? На лестнице — «ночной дозор», под окном — четыре этажа, шансов нет.

— Но я и подумать не мог, насколько эта метафора может быть близка к истине, — растянул губы в улыбке он. — Причем на ее счет я особых иллюзий не питал, потому что моя благоверная всегда была неустойчива на «передок», еще со времен Эдуарда — помнишь такого? Но от тебя, Арсений Андреевич, дорогой мой шеф, я этого точно не ожидал! Положим, основания зуб на меня держать у тебя были, но что ты будешь мстить мне таким мерзким, вонючим, таким влагалищно-спирохетным методом!.. Как ты мог, Арсений Андреевич?! Как ты мог, шеф?!!

Аббас кричал, брызги его слюны долетали до моего лица. Его ненавидящий взгляд жег мне зрачки, и мне стоило большого труда не отвести глаза. Хорошо, что теперь я точно знал, что двенадцать лет с Ивой не были банальной мстостью, но это знание не давало ясности в вопросе, что отвечать. Вроде бы, какой смысл отпираться, все ясно, тем более, что «иных уж нет», ничья честь не пострадает. Бросить презрительно: «Да пошел ты, я любил ее, а ты можешь извращать это, как хочешь!» — словно, уходя, громко хлопнуть за собой дверью, и дальше — будь что будет? Или, как в преферансе, не торопиться бросать карты — даже если проигрыш очевиден, противник ведь может и ошибиться?

— Я не понимаю тебя, Аббас, — ответил я. — Напрасно ты пытаешься испепелить меня взглядом. Да, твоя жена всегда мне нравилась, с той самой минуты, когда ты у меня в офисе показал мне вашу свадебную фотографию. Но у нас с ней никогда ничего не было.

Лицо Аббаса дернулось, и он отвел взгляд. Снова вынул сигареты, закурил, бросил спичку на пол, даже не удосужившись затушить. Спичка догорела, оставив на лаке черное

пятно.

— Ну, что ж, шеф, уважаю, — усмехнулся он. — Золотое правило: «Много скажешь — много дадут, мало скажешь — мало дадут». А ничего не скажешь — ничего не дадут, так? Только у меня, как у того прокурора, доказательство есть неопровержимое, оно твою несознанку бьет, как туз шестерку.

Аббас вынул из кармана телефон, поводит пальцем по экрану и повернул аппарат дисплеем ко мне. На переднем плане довольно смазанной и к тому же повернутой почти по диагонали дисплея фотографии тем не менее была вполне ясно различима Ива с выражением крайнего изумления на лице, широко расставленными руками и коленями попирающая белые простыни некоей кровати. Весь низ фотки занимала свисающая вниз голая Ивина грудь, нерезкий задний же план был посвящен обнаженному мужскому торсу, обрезанному ровно по кадык. Отдельным ярким пятном выделялась попавшая под свет из-за рамки левая рука мужчины, крепко, по-хозяйски облапившая изящную выпуклость Ивиного зада. Не нужно было быть звездой интеллектуальных викторин, чтобы понять, чем занимаются запечатленные на фото персонажи. Однако в отличие от женщины, чью личность можно было считать достоверно установленной, мужчина на фото сохранял инкогнито. Правда, комплекцией мужчина удивительно походил на меня, но мало ли на свете мужчин с неидеальной фигурой? И если бы не одна деталь, точно можно было бы констатировать только, что некий Мистер Икс шпарит Иву в позе, Кама-Сутрой определяемой, как «по-собачьи», в русском же языке получившей меткое определение «раком». И лишь эта самая деталь в виде часов Omega Seamaster с синим циферблатом на запястье мужчины, точно таких же, как в эту минуту поблескивали у меня на руке, делала инкогнито Мистера Икс не столь убедительным. Ну, а я — я точно знал, где, когда и при каких обстоятельствах было сделано это фото: десять дней назад, в Турции, в Ивином номере, Дарьей на ее мобильный телефон, причем, очевидно, случайно, в результате нечаянного нажатия на значок камеры на экране. Я посмотрел на Аббаса — он с усмешкой смотрел на ту самую деталь у меня на запястье.

— Не факт, — скорее из принципиального нежелания признавать поражение, чем из готовности и дальше отстаивать свою правоту, помотал головой я. — Иву Эскерову на фото вижу, себя — нет. Котлы похожи, и не более того.

— Ай, молодец! — со смехом шлепнул себя по коленке Аббас. — Уважаю! Несознанка — по всем понятиям фасон правильный. Только мне твоя чистуха без надобности, мне и так все доподлинно известно. Покойная перед смертью сама обо всем просыпалась, с подробностями, с датами. Каялась, прощения просила.

Аббас снова встал, прогулялся к столу — в вазе зашипела вторая сигарета — и обратно. — И — знаешь что? — спросил он с задумчивым выражением лица. — Я ее не простил. Я с удивлением поднял глаза на Аббаса — на его лице застыло странное, отсутствующее выражение.

— Так это ты ее? — внутренне содрогнувшись от внезапной догадки, спросил я.

Аббас перевел взгляд на меня, прищурился. Потом протянул руку, взял из кучки вещей из моих карманов, лежащих на диване, мой айфон, разблокировал засветившийся голубым светом экран, потом надавил на кнопку включения — экран погас, телефон выключился.

— А то запишешь еще меня, — осклабился он, — или сфотографируешь. Все злодеи в американских киношках в конце сыплются на чем-нибудь в этом роде. Обвиняемый в убийстве предъявил суду фото живехонькой жертвы! Вот был бы номер, хе-хе!

И он с презрением бросил айфон обратно в кучку моего карманного скарба. Аппаратик звякнул о связку ключей и обиженно забился под черный лопатник с документами. Я посмотрел на его торчащий из-под лопатника треугольный краешек, и мое сердце зачастило от неожиданно пришедшей в голову идеи. А Аббас, поудобнее утверждаясь на заскрипевшем под ним подлокотнике, широко расставил ноги и крепко уперся руками в колени.

— Нет, я ее не убивал, — со снисходительной улыбкой сказал он. — Убийство в исламе — тягчайшее преступление. Небо моей души чисто и безоблачно, и я не хотел бы начинать новую жизнь со смертного греха. Она сама. Она пила коньяк, который привезла тебе, плакала, жаловалась на одиночество. Все бросили ее, даже родная дочь уехала к какому-то Володе. Она умоляла простить, принять ее обратно, соглашалась на все. Но я объяснил, что два раза в одну воду войти невозможно. Я просто рассказал ей, что тебя посадят за мое убийство, а на нее неизбежно падет подозрение в сговоре с тобой. Вы амурничаете много лет, даже фотофиксация имеется. Вот вы и решили избавиться от мужа — мотив стопудово убедительный. Она сказала, что всем поведает, что я жив, на что я ответил, что для нее это, учитывая ее наследственность, прямой путь в Кащенко, потому что я умер, что документально подтверждено генетической экспертизой. Она сама поняла, что у нее нет другого выхода, я просто помог ей принять правильное решение.

— И ты смотрел, как она перелезает через парапет балкона, как соскальзывает ее нога, как она в последней попытке удержаться, ломая ногти, цепляется за перила? — тихо спросил я. — Видел последний, смертный ужас в ее глазах? Видел и не помог?

— Эх ты все красочно описал, шеф! — весело рассмеялся Аббас. — Будто в первом ряду сидел. Нет, всего этого не видел, когда я уходил, она была жива-здоровая, только пьяна очень. Но все равно я очень удивился, узнав, что она прыгнула. Нормальный человек на такое не способен, но она и не была нормальной. Собственно, я всегда знал, что она е...анутая, еще с той истории с цыганкой, помнишь? А после того, как ее мамаша отравилась газом, и подавно. Так что все очень удачно — и руки мои чисты, и справедливость восторжествовала.

— Справедливость? — воскликнул я. — Ты называешь смерть жены справедливостью?

— Перед богом она мне давно не жена, — спокойно возразил Аббас. — С тех пор, как изменила с этим Эдуардом. Надо было тогда бросать ее к чертовой матери, жаль, не решился из-за Дашки. А насчет справедливости... Господь распорядился о смерти ее, не я, и значит, это справедливо. Вот насчет тебя, например, он по-другому определил. Честно говоря, я сначала замочить тебя хотел, шеф, как и обещал в одном памятном нашем с тобой разговоре. Потом решил — разорю и посажу. С помощью дурочки Лидии Терентьевны долго сплетал для тебя на Министерстве сеть, но ты выскользнул из нее, деньги почему-то повез этот еврей Питкес. Но ничего, то, что ему досталось, тоже справедливо: отлилось, что он пасть свою на меня раскрывал, козел старый. И в результате Аллах решил, что правильно будет, если остаток жизни ты проведешь в тюрьме за мое убийство, и помог мне осуществить этот в высшей степени непростой запасной сценарий. А ведь ввиду его сложности я сначала на него даже не рассчитывал! Можно ли после всего сомневаться в том, что все, происходящее с нами, справедливо?

Родившаяся в моей голове идея уже успела обрести очертания плана, и первым его пунктом значилось, чтобы Аббас снова, как десять минут назад, вышел из себя, потерял самообладание.

— Ну, а тебе-то Господь какое, по-воему, будущее уготовил? — презрительно усмехнувшись, спросил я. — Продолжать прозябать тебе где-нибудь под чужой фамилией,

как раньше прозябал под своей? На содержании у какой-нибудь немьгой Зубейды, как ты был на содержании у Ивы при жизни?

Стрела попала в цель — на лбу Аббаса вздулись жилы, на скулах заходили желваки.

— Ай-яй, обо всем просыпалась, сука! — сокрушенно замотал головой он. — Ну, ладно, ей уже поделом досталось, и тебе скоро небушко с овчинку покажется. А насчет меня, чтоб ты знал, шье-еф, у всевышнего такие планы. Вот закончу я сейчас с тобой, и останется еще с одним вражиной моим разобраться, с Остачним. Ему я тоже интере-е-есную шутку приготовил, и может быть, в этот момент эта шутка уже шутится. Ну, а потом ждет меня дорожка дальняя, в края дивные. И чтобы не было у меня в тех краях ни в чем ни нужды, ни заботы, открыл мне господь кладовые тайные, запасники волшебные. Так что теперь я богаче многих богатых, богаче вас с Сашей Качугиным со всеми вашими стройками и магазинами. Не веришь, шеф? На, смотри!

И Аббас, опустив руки в карманы пальто, быстро вытащил их наружу, причем в каждой руке у него было зажато по несколько пачек сиреневых ассигнаций, в которых без труда угадывались купюры в пятьсот евро.

— Считать умеешь, шеф? — озорно воскликнул он. — В каждой пачке по пятьдесят тысяч евро. Сколько их тут у меня? Так, в правой руке — три, а в левой? В левой аж четыре! Итого — семь. Семь на пятьдесят будет, если не ошибаюсь — триста пятьдесят! Триста пятьдесят тысяч евро в кармане у того, кому ты только что предсказал будущее бомжа-альфонса. И они у меня в карманах потому, что это — так, карманные расходы. Я могу их выбросить сейчас из окна или подарить первой попавшейся шлюхе, если мне понравится, как она сосет. Помнишь, как в сказках Тысячи и одной ночи: «Берите, у меня много», ха-ха! Откуда? Ты спрашиваешь, откуда? Представляю, как тебе хочется знать, откуда у того, которого вы с этой сукой Ивой низвели в своих представлениях до никчемного, конченного человечешки, ничтожества, писали со счетов, вычеркнули из списков, такие деньжищи? Не узнаешь, не догадаешься, не тужься!

Он бросил деньги на диван, возбужденно подскочил ко мне, уперся руками в подлокотники кресла, его лицо оказалось в сантиметрах от моего.

— Ненавижу тебя, ненавижу! — до неузнаваемости изогнув черты лица в подобие какой-то злой маски, зашипел мне в лицо Аббас. — Только сейчас понимаю, что я всегда тебя ненавидел. Мать говорила — внук человека, из-за которого сгинул твой дед — это твой враг, а я не понимал, почему. Мать умная, смеялась — это на генетическом ровне, это как вендетта, Монтекки и Капулетти, он твой кровник, ты обязан ненавидеть этого человека. Раз уж судьба свела вас, отомстить ему — твой долг. Я не верил, думал, что мне просто хочется доказать тебе, что я лучше, что ты недооценил меня, и поэтому я сделал так, что твой компаньон Саша Качугин тебя подставил и кинул. Мне даже было немного не по себе, я каялся, какая же я, в сущности, сволочь, вот ты — благородный, хоть и дурак. Но ты не стал злоупотреблять благородством, ты уел меня оттуда, откуда я не ожидал. Мать говорила — они, Костренёвы, такие, его дед у твоего деда бабу забрал, и этот твою сучку-жену заберет. Я не верил, а ты трахал ее, и получал от этой мести ни с чем не сравнимое наслаждение. Получал ведь? Получал, я уверен, я знаю!

В прихожей лязгнул замок, гулкий раздался недовольный голос капитана:

— Долго еще? У меня график!

— Пять минут! — через плечо раздраженно закричал Аббас. — Пять минут, капитан, закрой дверь, не мешай!

сильно оттолкнулся руками, выпрямился. Достал сигарету, закурил, нервно зашагал по комнате. Проходя мимо дивана, сбросил на спинку с плеч пальто и молча встал, глядя куда-то в угол. Я смотрел на него, а перед моими глазами стояла та фотография из старого семейного альбома, где молодая мама была так похожа на Иву, какой она была десять-двенадцать лет назад.

— Это не была месть, — хмуро ответил я. — Я любил ее. Честно.

Аббас резко повернулся ко мне, прищурился.

— Ты знаешь, а я тебе верю! — воскликнул он. — Она была самая красивая женщина, которую я встречал в своей жизни, в нее невозможно было не влюбиться! Потом — ну, я сделал тебе козу, ты сделал мне, — своеобразно, правда, но — у каждого свой метод. А насчет вендетты... Ну, подумай, восемьдесят лет назад один молодой метростроевец решил отбить у другого бабу, и с этой целью подставил того под 57-ую статью, сбегнул соперника в лагерь, где тот оттарабанил десятку от звонка до звонка. Кстати — вышел, провел на воле три дня и снова загребел в лагерь, представляешь?! Какое счастье, что за эти три дня он успел заделать моей бабке мою мать, а то и меня бы не было, а? Хотя — обычные для того жуткого времечка дела, чего нам-то теперь из-за этого жилы друг ругу мотать, вено? Можно было бы считать, что мы квиты, нет?

У меня екнуло сердце — неужели среды черноты безысходности забрезжила полоска света?

— Квиты? — с издевкой в голосе переспросил я. — Это потому, что мы квиты, ты под видом себя кого-то спалил в машине, и подставляешь под это дело меня? Разливаешь про какую-то вендетту, а на самом деле говняешь просто так, из любви к искусству? Или чтобы доказать, что ты умнее?

Аббас, как ужаленный, снова подскочил к креслу, снова склонился надо мной.

— А ведь знаешь, Арсений Андреевич, я мог бы прямо сейчас исправить эту ситуацию! Вот деньги — триста пятьдесят тысяч евро. Я даю по пятьдесят тысяч каждой из горилл, что ждут за дверью, их там как раз, по-моему, семеро. А, нет, шестеро — ну, ничего, капитану достанется сотка. Как ты думаешь, за сколько лет безупречной ментовской службы он заработает сто тысяч евро? Лет за десять? И прошу их тебя отпустить, а? Как думаешь, согласятся? Согласятся, думаю, согласятся! Еще и за выпивкой с хавчиком метнутся! Что будем пить, шеф? Как когда-то — Хеннеси? А закусим? Черной икоркой? А на службе скажут, что не нашли тебя, не застали дома. Или, если уже доложились, скажут — утёк, выпрыгнул с четвертого этажа и утёк. Нет, не утёк, улетел! Как Бэтмэн, ха-ха! Чё хошь скажут за такие бабки, думаю! Ты недельку где-нибудь покантуешься в бегах, а я, когда буду достаточно далеко, пришлю тебе убедительные доказательства того, я что я жив, и ты восстанавливаешь назад свое доброе имя. Получаешь, так сказать, назад свою жизнь. Что скажешь, шеф? Ты не против такого плана?

Я замер — неужели все это искренне?

— Не против, — сглотнул слюну я.

Аббас растянул губы в широкой, но какой-то непонятной, деланной улыбке.

— А вот я — против, — тихо и внятно сказал он. — Потому что ты не только до жены моей добрался, чтоб ей на том свете покоя не было, суке похотливой. Ты до дочери моей добрался, до Дарьи моей, до морюшка моего. Она — это тоже не месть? Ее ты тоже любишь?

Я взглянул в его горящие глаза и понял: что-то объяснять, доказывать — бесполезно.

— Откуда ты знаешь? — хмуро спросил я.

— Она сама сказала, — ответил Аббас. — Я убеждал ее ехать со мной, говорил, что будем жить безбедно в одной цивилизованной стране. А она ответила, что я — злой Зер Калалуш, а она любит тебя. И ушла. Ты забрал у меня единственное, что оставалось мне дорого в той, прежней моей жизни. В этот момент я понял, что ненавижу тебя всеми фибрами, всем генотипом, всем генеалогическим древом. Поэтому я выполню свой долг. Ты пойдешь на нары, а я уж постараюсь сделать твоё пребывание там максимально неприятным. И дни твои будут длинными, а ночи — страшными. И никто тебе не поможет, уж я — точно не помогу. Хрен вот тебе, товарищ Костренёв Арсений Андреевич, дорогой шье-е-е-ф!!

И Аббас смачно упер мне прямо в нос фигуру из трех пожелтевших, прокуренных пальцев. Я поморщился и отвернул голову, в то же время замечая, что из-за того, что, будучи левшой, кукиш он изображал левой рукой, которую для этого он отнял от подлокотника, ничего не стоит больше между моей правой рукой и его челюстью. Расстояние было небольшое, но достаточное, чтобы кисть, собранная в кулак, набрала скорость, кинетическую энергию, и вся эта энергия пришлась точнехонько в подбородок. Апперкот получился коротким, но неотразимым: Аббас лязгнул зубами, дернулся вверх, как кукла-марионетка, всеми шарнирами выражающая крайнюю степень удивления, и грузно осел у меня в ногах. Я успел вскочить из кресла и поймать ладонью его затылок, чтобы падающий в бессознании не размозжил его о паркет.

Усилие, с которым я вслушивался в наступившую тишину, гигантским комариным роем зазвенело в ушах. Я на цыпочках подошел к двери, прислушался. Вроде, тихо, кирасиры ничего не слышали. Медленно, осторожно, чтобы не дай бог не звякнул металл, я закрыл дверную задвижку. Так, сколько у меня времени? Капитан заглянул минут через двадцать после начала разговора, Аббас обещал ему закончить через пять, которые уже прошли. Ну, понятно, «пять минут» — это общепринятая метафора, никто не воспринимает ее буквально, но, пожалуй, максимум, на что я могу рассчитывать — минут десять. Задвижка простоит еще минут пять — надо торопиться. Я схватил айфон, нажал на кнопку включения и, пока девайс загружался, лихорадочно соображал, кому первому позвонить. Мне срочно нужен был грамотный компьютерный спец, по сути, хакер — не по роду деятельности, а по уровню квалификации. Наш Блэк Уиндоус не годился, его уровень ограничивался переустановкой операционки на фирменном сервере, а других я не знал. Кроме одного, пожалуй. Я начал лихорадочно листать контакты телефона, и через минуту нашел нужную запись. Мысленно перекрестившись, я нажал клавишу вызова. На экране высветилось имя вызываемого: «Копирайт».

— Алло! — через несколько гудков раздался в трубке задорный пацанский дискант.

— Привет, Попирайко! — сказал я. — Это Арсений, друг Ивы Эскеровой. Ле двенадцать назад мы пересекались по поводу одного... инцидента. Помнишь?

В трубке повисла испуганная тишина.

— Да, я помню вас, — ответил, наконец, айтишник. — Хотя мы, по-моему, так и не встречались? Здорово вы тогда мою систему хакнули! Как поживает Ива... э-э... Генриховна?

При упоминании своей хакнутой тогда в отместку системы в его словах просквозило нескрываемое уважение. Ага, он считает, что это я сам тогда отомстил ему его же компьютерными методами! Что ж, не будем его разубеждать. И, чувствовалось, его детско-

юношеский менталитет за эти годы не сильно изменился. Что ж, предложим ему экшн в стиле компьютерного квеста.

— Она умерла, — сказал я. — Ее убили, выбросили с балкона. Я ищу убийцу, мне срочно нужна твоя помощь, коллега.

— Боже, какая жесть! — зашелся голос в трубке, но тут же выровнялся: — Что нужно делать?

Так, теперь бы не напортачить, не уронить в его глазах свое реноме знатного хакера!

— Я сейчас веду наблюдение за убийцей, не могу отвлекаться ни на секунду, — начал я. — Можешь удаленно организовать видеотрансляцию в сеть с моего айфона?

— Конечно! — с энтузиазмом воскликнул Копирайт. — Куда гнать поток? В Фейсбук, в Твиттер?

— Нет, нет, — замялся я, лихорадочно соображая. — В социальные сети не надо. Мне нужно, чтобы любой чел, даже полный чайник, мог максимально быстро и просто увидеть трансляцию.

— Понял! — радостно воскликнул Копирайт. — Тогда юзаем Юстрим! Поток пойдет прямо на Ю-Эр-Эл Юстрим-Дот-ТиВи, надо только создать на сайте аккаунт бродкастера.

— Ага, гуд, — одобрил я. — Слу, у меня тут движуха началась, забациаешь все сам, окей? Я имею в виду, создашь этот... аккаунт бродкастера?

— Далегко! — отозвался тот. — Давайте свой Эпл-Ай-Ди.

Я облегченно вздохнул: что такое Apple ID, я представлял плохо, но, по счастью, еще со времен непростого медового месяца со своим первым айфоном знал, где этот АйДи у меня записан. Я быстро нашел нужную запись и продиктовал ее Копирайту.

— Ага, — сказал тот, — есть. Ну, все, сделаю, сразу свяжусь. Надеюсь, вы не делали джейлбрейк? И посмотрите, в настройках автоматическая загрузка программ включена?

— Обижает! — пристыдил хакера я, инстинктивно понимая, что ни «да», ни «нет» я ответить на эти вопросы во избежание неминуемого разоблачения не могу.

— Сорри, — сконфуженно пробормотал он. — Забыл, с кем говорю.

Я отключился и, уповая, что у меня не сделан этот самый джейлбрейк и включена гребаная автозагрузка, набрал следующий номер, числящийся у меня в контактах как «Мент Ещук майор ЛеонИг».

— Да-а, Арсений Андреевич! — радостно пропел в трубку голос Ещука. — Рад вас слышать! Чем обязан на сей раз? Приняли, наконец, решение? То самое, единственно верное?

— Нахожусь непосредственно в стадии его принятия, — ответил я. — Вот только появилось тут, майор, одно препятствие.

— Подполковник, — аккуратно поправил мен Ещук. — Получил очередное, так сказать, воинское звание. Чё за препятствие?

— Поздравляю, — буркнул я. — Препятствие в виде группы захвата из какого-то вашего подразделения, которые стоят у меня за дверью, хотят засадить меня на цугундер за убийство, которое я не совершал. Причем человек, которого я якобы убил, лежит здесь у меня дома...

— Мертвый? — перебил меня Ещук.

— Да нет, живой, — нетерпеливо оборвал его я. — В отключке. Это он меня подставил, а у самого у него в кармане документы на другое имя. Все очень грамотно обтяпано, думаю, не без участия следака, который ведет это дело, и если ты мне не поможешь прямо сейчас,

отмываться я буду очень долго. А если я загремлю сейчас на нары, мне будет не до обдумывания твоего любезного предложения, майор. То есть, подполковник.

Я замолчал, не зная, что еще сказать.

— От меня-то ты сейчас что хочешь? — помолчав, спросил Ещук.

— Я хочу, чтобы ты прямо сейчас позвонил следаку, и сказал бы ему, что человек, которого я якобы убил, жив и здоров, и он через пять минут может увидеть его в интернете в прямом эфире. Я хочу, чтобы ты приказал ему сделать это, потому что сам он этого не сделает, а даст команду спецназу ворваться в квартиру и запаковать меня в наручники. Я хочу, чтобы ты тоже увидел это все в интернете в режиме реального времени, и дал команду следаку, чтобы он отозвал громил. А завтра я явлюсь к тебе и подпишу все бумаги. Я никого не убивал, этот человек жив, но мне сейчас нужна твоя помощь, понимаешь?!

— Понимаю, — снова помолчав, ответил Ещук. — Вот только не понимаю, зачем мне это надо?

— В смысле? — опешил я. — Ты не понимаешь, хочешь ли ты мне помочь? Или — хочешь ли ты, чтобы я подписал бумаги по твоему «любезному» предложению? Или — надо ли тебе спасти невинного человека и покарать убийцу?

— Я думаю сейчас над всем комплексом этих вопросов, Арсений Андреевич, — вкрадчивым голосом ответил Ещук. Видишь ли...

— Что? — в отчаянии повысил голос чуть не до крика я. — Что я должен видеть?

— Видишь ли, я в курсе, что тебя обвиняют в убийстве, — спокойно пояснил Ещук. — Я по долгу службы должен быть в курсе всех твоих дел. И с точки зрения небезызвестной тебе задачи, которая передо мной поставлена, твое нынешнее состояние меня вполне устраивает. Будешь ты сидеть под замком, а не шляться где-то на территории сопредельного государства, где тебя контролировать весьма затруднительно. А что до твоего намека, что, дескать, попав в тюрьму, ты бумаги не подпишешь, то это пустое. После максимум пары дней в камере ты подпишешь все, что угодно, будь уверен. Так что не вижу повода менять ситуацию. Не ощущаю стимула, так сказать.

— Ну, ты с-сука, подполковник, — зашелся в бессильной ярости я. — Гнида, падаль и мразь!

— Вот и поговорили, — крикнул в трубку Ещук и отключился.

Я бессильно опустил в кресло. План не сработал. Сейчас очнется Аббас, или начнут ломиться в дверь кирасиры и — все. Хотя, конечно, Копирайту может записать трансляцию и выложить ее на Youtube, но это — путь неблизкий, прямо сейчас мне это не поможет. Навернулись слезы — слезы отчаяния. В этот момент два раза прожужжал айфон, сигнализируя, что пришло сообщение. «Установил на вашем айфоне Ustream, зарегистрировал вас на их сайте. Ник и пасс — Stimul123. URL страницы с вашей трансляцией <http://ustream.tv/broadcaster/stimul123>. Еще что-то нужно?» «Нет, спасибо, — плохо попадая пальцем по виртуальным клавишам, отбил я, подумал и дописал: — А почему Stimul?» «Так кота моего зовут», — ответил Копирайт, послав мне в конце строчки смайл. «Хм, кот Стимул, — невесело улыбнулся я смайлу. — Бред какой-то!» Аббас дернулся, еще не открывая глаз, завозил ногами. «Стимул, стимул, — вертелось у меня в голове. — Что там Ещук говорил про стимул?» И снова набрал его номер.

— Слушай, подполковник, — начал я, не дожидаясь ответа. — Если я правильно понял тему про стимул, то сто тысяч долларов, которые мне причитаются после добровольного отказа от фирмы, твои. Завтра буду у тебя, и все оформим. Не обману, матерью-покойницей

клянусь.

В трубке была тишина, я даже не знал точно, произошло ли соединение. Секунда, вторая, третья. Аббас дернул головой и открыл ничего непонимающие глаза. Я свои закрыл.

— Ну, это меняет дело, — расцвел в трубке Ещук. — Диктуй, где в интернете идет твоя трансляция.

«Йес-с-с-с-с!» — мысленно вскричал я, диктуя Ещuku нужный URL.

— И телефон следака запиши! — закричал в трубку я, чувствуя, что Ещук вот-вот отключится.

— Старший лейтенант Лазарев? — усмехнулся в трубке тот. — У меня есть его телефон.

Аббас оторвал от пола голову, плечи, сел, потянулся руками к воображаемому карману пальто за сигаретой, но, не обнаружив пальто на плечах, закрутил головой в поисках. В его голове явно еще не все встало на места.

Я нажал на иконку программы Ustream, появившейся на экране айфона, ввел в появившейся форме логин и пароль. Экран ожил, превратившись в подобие видеискателя видеокамеры. Я увидел на экране себя, комнату, сидящего на полу Аббаса. Так, а видят ли это другие? Я включил ноутбук, набрал в адресной строке браузера присланный Копирайтом URL, и все, что я видел в видеискателе айфона, отобразилось на экране компьютера. Класс! Я выключил звук и закрыл крышку ноута, потом поставил айфон на ребро на стол, сориентировав так, чтобы Аббас был в фокусе, погасил его экранчик и, как не бывало, снова сел в кресло.

— Зря ты это, шеф, — натужно произнес Аббас, ощупывая подбородок. — И чего ты добился кроме того, что выбил из меня последние остатки сочувствия к тебе? И с какой, собственно, целью? В окошко хотел прыгать, да не решился? Надо было прыгать... Или убить меня? Так убивал бы — я хоть не увидел, что будет дальше. А так сейчас вернутся ребята, и придется мне им на тебя пожаловаться. Думаю, вряд ли они помнят из школьного курса анатомии, сколько у человека ребер, вот они свои знания и обновят. На тебе обновят.

Опираясь руками на пол, он тяжело поднялся, достал-таки из пальто сигареты, закурил, первый раз не бросив спичку на пол, а спрятав ее с нижней стороны коробка. Затянулся и, покачиваясь, повернулся, явно имея желание направиться в коридор.

— Кто же все-таки сгорел в машине, Абик? — окликнул я его. — Поведай приговоренному, утоли последнее желание!

Аббас снова повернулся ко мне, мутным взглядом посмотрел мне в глаза.

— Да, пожалуй — последнее желание нельзя не утолить, — ответил он. — В машине сгорел Азан, не знаю, растрещали тебе мои бабы про такого человека, или нет.

— Растрещали, — кивнул головой я. — Твой дядя из Эльбургана.

— Мой родной брат-близнец из Эльбургана, — с мрачной улыбкой поправил меня Аббас. — У мамы Софы нас было двое. Но брат родился с травмой, перевозить его было невыносимо, все считали, что долго он не протянет. Договорились с Амзой, что она присмотрит за ребенком, и скажет, что это ее сын, чтобы Эскеровым не было позора. Вот присмотр этот и растянулся почти на полвека. А когда в прошлом году Амза умерла, я перевез Азана в Москву, положил в частную клинику. Но он умер накануне того дня, в машине сгорело уже его мертвое тело. Так что Эскеров Аббас Мерашевич умер, да здравствует Киблахов Азан Сабазович, прошу любить и жаловать! День и год рождения те же, так что день, к которому мне открытки «Happy Birthday!» слать, еще помнишь, думаю, а адресок я тебе на зону малявой вышлю. Ну, утолено твое последнее желание, шеф?

— Утолено, утолено! — рассмеялся я, беря со стола айфон и вызывая Ещука.

Аббас внимательно посмотрел на меня, видимо, не понимая причин моей веселости. Но в этот момент дверная ручка повернулась раз, другой, потом забила в пароксизме, резко остановилась, и в дверь раздались мощные гулкие удары. Казалось, заходил ходуном весь старый дом.

— Алло, да! — прокричал в трубку Ещук. — Что, у тебя там уже дверь ломают? Все в порядке, все всё видели. Я команду Лазареву дал, только что положил трубку, он сейчас должен им звонить. Держись!

Я бросился мимо остолбеневшего Аббаса к двери и повернул защелку. Но дверь открывалась наружу, и кирасиры, не зная, что дверь больше не заперта, продолжали долбить в нее с усердием Боба Дилана, колотящего в Небесные врата. Я прижал руки рупором к вибрирующей обшивке и завопил, что есть мочи: «Открыто, мать вашу!!!» Удары стихли, дверь распахнулась, бряцающая железом громада снова ввалилась в квартиру. Последним бочком протиснулся в дверной проем капитан, держащий у уха трубку мобильного.

— Стойте, стойте! — вскричал я, выставленными перед собой руками пытаюсь остановить катящуюся на меня бронированную лавину. — Дайте вашему командиру по телефону поговорить!

Спецназовцы закрутили касками, глядя на капитана, тот моргнул им: «Обождите». С минуту еще слушал, кивая головой и дублируя эти движения осмысленными звуками: «Угу», потом протянул недовольно: «Е-е-есть». Отнял телефон от уха, прогудел:

Отбой, бойцы. Уходим.

Кирасиры опустили стволы, развернулись и, жутко похожие на цепочку огромных норвежских троллей, двинулись к выходу.

— Как уходим? — закричал Аббас. — Почему уходим?!

— Приказ отменен, — бросил через плечо капитан. — Без объяснения причин.

— Вы не можете! — еще громче завопил Аббас. — Вы должны! Арестуйте его!

Капитан остановился, развернулся вокруг оси. На его лице было выражение крайней усталости.

— Хотите, чтобы я запросил инструкции относительно вас? — спросил он Аббаса.

— Нет, — быстро ответил Аббас, отступая от капитана. — Не хочу, спасибо.

Капитан перевел взгляд на меня, на его бугристом лице мелькнуло нечто, напоминающее сожаление.

— Извините, — пробасил он извиняющимся тоном. — Ошибочка вышла.

И вышел сам. Я какое-то время стоял, глядя в его широкую, как русские просторы, спину, хотя физически капитана давно уже не было в квартире. Потом подошел к двери и аккуратно запер ее на все замки. Повернулся к Аббасу.

Он стоял и молча разминал в руках сигарету. Его неподвижный взгляд был устремлен в пол, нижняя губа по-муссолиниевски оттопыривалась. Но курить он не стал, а сунул сигарету обратно в пачку. Потом огляделся, присел на корточки, аккуратно собрал с пола обуглившиеся спички и окурок, поплевал на пальцы, попробовал оттереть с паркета копоть, но только размазал черную грязь.

— Извини за быдлячество, — сказал он. — Не удержался, прорвалось наружу.

Он подошел к дивану, вынул из пальто пачку евро, бросил на стол.

— За паркет и моральный ущерб. Хватит, или накинуть?

Я засмеялся, покачал головой — нет, такого говнюка обыскаться — не сыскать! А еще

за быдлчество извинялся!

— Слушай, как тебя там — Азам? Аббас? Авас? Об вас? — прищурился на него я чувствуя, как чешутся в месте приложения к его небритому подбородку костяшки на правой руке. — Если не хочешь снова схлопотать по е...алу, убрал свои сраные деньги по-быстрому!

Аббас с неожиданным интересом быстро вскинул на меня глаза, потом пожал плечами и спрятал пачку в карман. Как-то растерянно улыбнулся:

— Шеф, а как ты это сделал?

Я подошел к столу, открыл крышку ноутбука. Картинки не было, но я вынул айфон из кармана, навел камеру на Аббаса, и на экране появилась его удивленная физиономия на фоне интерьера моей гостиной. Аббас минуту смотрел на себя, потом сокрушенно усмехнулся:

— Вот бл...дь! Получается, это я сам тебе планчик, как себя обставить, состряпал? Ну, что ж, поделом мне. Одного фраера жадность губит, другого — понты, гордыня. Ну на х...я, спрашивается, мне нужно было этот спектакль разыгрывать?! Сейчас тряся бы ты в бобике на заднем боковом сиденье на пути на нары, а я бы в «мерине» S-класса в Шереметьево! Нет, надо было это представление устроить, бисер перед свиньями пометать! Это называется: отобрать мяч, пройти все поле и забить в свои ворота! Идиот! Кретин! Дебил!

И Аббас со всей силы вмазал себе открытой ладонью по лбу, но сразу, застонав, снова схватился за подбородок.

— Очень самокритично! — усмехнулся я. — И, главное, достоверно. У вас, батенька, талант! Bravo, цветы! На бис слабо?

Аббас нехорошо прищурился на меня.

— Зря ты так, Арсений Андрейч, — укоризненно покачал головой он. — Тебе бы сейчас на коленях стоять, поклоны в пол бить, бога да заступников своих благодарить, а не ерничать в мой адрес. Мой план был безупречен, отшлифован до сияния, отточен до кварка. Тебя чудо спасло, случайность, мое желание напоследок воочию насладиться своим триумфом. Ты бы никогда в жизни не смог бы понять, что откуда взялось, откуда плюха прилетела. Я всегда был умнее тебя, шеф, и остаюсь умнее сейчас, лучше и умнее. Тебе просто повезло.

Я уже открыл было рот для отповеди, но задребезжал мой айфон. Это был Ещук.

— Ничего не говори, просто слушай, — заговорил он тревожным голосом. — Если этот фрукт еще там у тебя, скажи: «Плохо слышно».

— Плохо слышно, — повторил я.

— Понятно. Слушай внимательно. Сорок минут назад стреляли в некоего Николая Остачного, родственника одного очень важного человека. Он остался жив, но в реанимации, выберется или нет, неизвестно. Стрелка взяли — некий Олег Лазарев. При задержании его ранили, припугнули, что в больничку не будут торопиться отправлять, он зассал и слил, что заказчик — наш фрукт, и под контролем послал тому эсэмэску, что все прошло гладко. К тому же он оказался родным братом старшего лейтенанта Лазарева, твоего следака. Без его участия мнимое убийство так быстро и так плотно на тебя не удалось бы повесить. За ним уже поехали, но главарь шайки сейчас у тебя в квартире. Группу захвата сразу развернули, но они умудрились попасть в стоячую пробку из-за аварии где-то на Рязанке. Другой группе до тебя минут двадцать пять. Твоя задача — держи его, не дай уйти. Сам ни в коем случае не лезь, он опасен и начеку, второй раз не проканаает. Если понял и согласен, скажи: «Да, хорошо, Марина».

— Да, хорошо, Марина, — максимально равнодушно сказал я в трубку и дал отбой.

Краем глаза я заметил, что Аббас, все время разговора внимательно вслушивавшийся в разговор, явно потерял к нему интерес. Я спрятал айфон в карман, а Аббас взял свое даже по виду очень тяжелое пальто в руки и, почему-то отвернувшись, надел его. Постоял, о чем-то думая, пожевал губами.

— Ты извини, шеф, но просить прощения у тебя я не буду, — наконец, сформулировал мысль он. — А на прощанье скажу тебе вот что. Ничья у нас с тобой, вроде как, получилась. С учетом того, что через Дашку мы с тобой теперь чуть не родственники, действия против тебя я прекращаю, но зуб на тебя я не стер, предупреждаю. Так что на узкой дорожке ты мне, Арсений Андреич, лучше не попадайся. Хотя, учитывая отдаленность мест, куда я направляюсь, это в высшей степени маловероятно. Дашку найди, она после смерти матери в шоке, у нас ней разговор тоже тяжелый получился, ее телефон сутки уже не отвечает, мне некогда уже. Не кидай ее, не будь гадом, она в тебя, старого козла, по уши. Это она внешне и мозгами в меня, психика у нее материнская, неустойчивая, глупостей наделать может. Все, пока, пора мне. Здоровья не желаю, и ты мне доброго пути не желай.

И он двинулся к выходу.

— Что ж, Аббас Мерашевич, так и уйдешь, не рассказав мне ничего? — окликнул я его, сжимая в кармане ключи от запертой мною десять минут назад двери.

— Про что, например? — остановил шаг Аббас.

— Ну, про разное, про многое, — пожал плечами я. — Например, как на пистолете, который ты — я даже знаю, когда, — мне подбросил, отпечатки мои появились? Или как тебе удалось обмануть тест ДНК? Ведь судя по всему, вы с Азамом близнецы разнояйцевые, и перепутать вас даже наши российские умельцы-криминалисты не могли. И как тебе удалось миллионщиком таким за столь короткий срок стать, дома без дела сидючи?

В ответ Аббас весело рассмеялся:

— Ха-ха, и зачем же это я буду тебе все свои секреты рассказывать? Чтобы ты снова меня потом этим и уел, с телефонной трансляцией этой? Да не пошел бы ты, Арсений Андреевич, лесом! Хитрости твои у тебя на лбу написаны красной Ивиной помадой. Сам посиди, подумай, подгадывайся, если извилин хватит. А потом пришлешь мне ответы, а я уж, так и быть, скажу чистосердечно, верные они, или нет.

Я украдкой бросил взгляд на часы — из обозначенных Ещукон двадцати пяти минут прошла только половина, нужно было еще тянуть время. Или просто сказать: мол, ключики вот, не выпущу, пока обо всем не расколешься? Грубо, ничего рассказывать не будет, только напряжется, поймет, что я умышленно затягиваю. Тогда — драка в открытую? Но то, что мне во второй раз удастся сразу его нокаутировать — «сильно не факт». Тогда он ничего не подозревал, и среагировать шансов у него не было. Но вообще-то Аббас — парень резкий, даром, что ниже меня ростом и весом легче, зато верткий и моложе. Чего-то мне в честный бой на кулачках с ним вступать не хочется. Да и с какой стати? За ментов впрягаться? Я свой вопрос сам решил, причем весьма небесплатно, они пусть свой решают сами, не за счет сохранности моей парсуны. Но вот еще попудрить мозги самовлюбленному наглецу — это можно.

— А если я прямо сейчас угадаю, расскажешь? — хитро прищурился я на Аббаса.

Ветер противоречивых эмоций пронесся по бровям Аббаса, взволновав его лоб глубокими складками. На его лице все читалось, как в открытой книге — он не доверял мне, но в то же время ему было страшно любопытно. И — главное — он хотел оставить последнее

слово за собой, он хотел выиграть.

— Делайте ставки, господа! — стараясь не выдать внутреннего напряжения, весело подмигнул я ему. — Только смелым сопутствует удача!

Еще секунду Аббас пристально смотрел в мои смеющиеся глаза, потом лоб его разгладился.

— Хм, валяй! — ответил он и, доставая сигареты, виновато улыбнулся: — Разреши, закурю, шеф?

— И мне дай, — великодушно разрешил я. — Вообще я дома не курю, но за компанию, говорят, и крещеный обрезался.

— А, да, крещеный обрезался — это смешно! — оценил Аббас, протягивая мне сигарету. — Ну, давай, шеф, излагай свои версии.

— А как я узнаю, что моя версия правильная, если ты решишь нечестно играть? — спросил я, с наслаждением затягиваясь дымом. — Скажешь — нет, ответ неверный, и — все.

— Клянусь всем святым, что у меня есть, жизнью матери, здоровьем дочери, что буду играть честно! — с пафосом воскликнул Аббас, прижимая руку к сердцу. — Ну, падла буду!

— Ладно, слушай, — начал я, все еще посмеиваясь над шуткой из незабвенного «Мимино». — Отпечатки мои ты перенес на пистолет с помощью фотопринтера и фотополимера, мне попадалась в сети статья, как это делается. Угадал?

— Угадал, — кивнул Аббас. — Мне в тюряге один умелец дал наколку, как это делается. Один-ноль.

— Сложнее понять, где ты взял мои четкие отпечатки, — задумчиво продолжил я. — Здесь точно не угадаешь, но, думаю, наиболее вероятный источник — уборщица в офисе и кружка, из которой я постоянно пью чай. С месяц назад мне стали наливать чай в новую, я сразу заметил, спросил у секретарши, она ответила, что старую уборщица грохнула. Скажешь, нет?

— Потрясающе! — воскликнул Аббас. — Молдованка — уборщица и кружка из офиса! Обошлась мне в двести долларов, между прочим. Два-ноль! Дальше! Про ДНК.

— Про анализ ДНК могу предположить, что если бы сверили твою ДНК и ДНК трупа: подмена, разумеется, сразу же раскрылась бы. Но поскольку никто, кроме тебя и Софы не знал, что у тебя есть брат-близнец, то и необходимость такого анализа никому не пришла в голову. Сверили ДНК трупа и Софы и, понятно, результат показал, что в машине сгорел ее сын. Quod erat demonstrandum, что и требовалось доказать. Думаю — три-ноль?

— Супер! — зашелся веселым смехом Аббас. — И, наконец: какова природа моих, как ты сказал, миллионов? Где он, мой остров Монте-Кристо?

«Ха, да ты же снова мне подсказываешь! — смекнул я. — Похоже, богатства твои, как и у героя Дюма, не заработаны тобой, а что называется, достались!»

— Думаю, что-о-о..., - изображая тяжелейший мыслительный процесс, начал я. — Что поскольку заработать деньги ты точно не мог, потому что не работал, остается два варианта. Первый — выиграл, второй — что-то типа наследства. Да, я помню, ты любил играть, но, точно знаю, что выигрывал не так много, как рассказывал об этом. Во-вторых, сейчас казино закрыты, играть негде. Штуки типа Форекса или бинарных опционов в расчет тоже не беру, поскольку как ты был в компьютерном смысле неотесан, так, судя по всему, и остался. Остается наследство. Учитывая, что твой интерес к Эльбургану некоторое время назад случился с виду совершенно спонтанно, думаю, что истоки — там. А исходя из примерно в то же время возникшего у тебя, прагматика-материалиста, интереса к исламу, думаю, что это

также имеет отношение к наследству. Откуда в нищем кавказском ауле давно, при советах могли взяться сколько бы то ни было значимые деньги — непонятно, но думаю, что это как-то может быть связано с эмиграцией твоих предков из Ирана в 1946-м. Все, больше никаких версий нет. Далеко от истины?

Аббас стоял, сдвинув брови, и нервно пожевывал кончик уса.

— Ты еще не спросил, как я узнал, что ты вернулся в Москву и живешь на даче, — задумчиво произнес он. — Хотя — ты прав — чего тут неясного? Я просто установил слежку за всеми местами твоего возможного пребывания, и все. Две штуки баксов затрат. Но со всем остальным... Создается впечатление, что ты просто все знал. А абсолютная уверенность в том, что знать ты этого не можешь, внушает мне глубочайшее уважение к твоим аналитическим способностям. Я, наверное, просто забыл, какой ты умный, шеф. Хотя пообщаешься столько времени с идиотами, забудешь, что на свете есть другие умные люди. Зря я, наверное, эту войнушку против тебя задумал, хорошо бы самому ноги унести. Говорила мама, не считай себя самым-самым, обжигаться больно будет.

— Может, перейдем к делу? — мягко намекнул я Аббасу на его обещания, и снова скосил взгляд на часы.

Оставалось пять минут.

И Аббас рассказал. Что с 41-го по 46-й год сунниты, сотрудничавшие с советскими войсками, при их поддержке были в оккупированных регионах Северного Ирана практически полновластными хозяевами. В числе прочего, в старой заброшенной шахте они в большой тайне добывали изумруды. Руководил добычей прадед Аббаса Джавид Аскер. Половину добытых камней уходило в Советский Союз, но и та половина, что оставалась — это было огромное богатство. Вот закончится война, и род Джавида Аскера будет богат, очень богат! Но воспользоваться своим богатством на родине рудокопам было не суждено. Одновременно с тем, что русские уходят, стало очевидно, что житья суннитам в Иране не будет. Начались обвинения в коллаборационизме, к ним присовокупилась вечная вражда с превосходящим шиитским окружением. Стало очевидно, что придется уходить вместе с русскими. Накануне ухода осенью 46-го камни тщательно взвесили — оказалось больше двухсот килограммов, миллион каратов! Конечно, это были неграненые камни, в серьги, кулоны и кольца из этого количества могло бы пойти вряд ли больше пяти процентов, но Джавид Аскер прекрасно понимал, что все равно это — огромное богатство. С пропускными документами от советского командования эмигранты свободно пересекли границу СССР, да и не было никому особого дела до грязно-зеленых бульжников в арбах, где ехали старики, женщины и дети, и в переметных сумах лошадей всадников. В двух переходах от Черкесска Джавид Аскер нашел место, которое ему понравилось. Вместе со своими людьми он отделился от основной колонны и возле абазинского села Эльбурган основал хутор, который местные стали называть Кешвар, что на фарси означает «страна». Изумруды спрятали до лучших времен в тайник в горах, место которого знали только Джавид и еще трое его самых близких родственников из рода Аскеров, которые по советским правилам стал писаться Эскеровыми. После смерти тех, кто делал тайник, хранителями тайны клада становились прямые потомки Джавида: сначала его сын Фируз, потом внук Мераш. Но Мераш не захотел оставаться в Эльбургане и уехал в Москву. Поэтому где находится клад, его отец Фируз так ему и не открыл, а временными хранителями были назначены его двоюродные братья Шахрат и Парвиз. Но о кладе Мераш знал, и незадолго перед смертью рассказал о нем Аббасу.

— Отец сказал, что я имею прямые права на то, чтобы стать хранителем, и что хранитель может распоряжаться кладом единолично при условии, что это пойдет на благо рода. Просто для того, чтобы вступить в права наследования, нужно быть верующим, читать Коран, жить в Эльбургане или в Кешваре, и так далее. Пока дела шли нормально, я считал это скорее сказкой, чем реальностью, но когда все посыпалось, тем более, когда я по дуруости загремел на нары, я изменил свое мнение. Ты прав, мой внезапный интерес к исламу — из-за этого. Потом я первый раз съездил в Эльбурган, познакомился с Шахратом и Парвизом, уже стариками, смог им понравиться. Когда после смерти Амзы я был там второй раз, я убедил стариков, чтобы они показали мне тайник сейчас, а не потом, потому что они в любой момент могли сыграть в ящик. Они настаивали, чтобы я остался в Эльбургане, но я прикрылся тем, что надо везти в Москву Азана, они и купились. Полгода назад они оба умерли, один за одним — от старости, я тут ни при чем. Никто в селе больше не знал о кладе, это давно считалось эпосом, легендой. Разумеется, я сразу вывез камни. Они очень высокого качества, темно-зеленые, очень прозрачные, сейчас таких не добывают нигде в мире. По нынешним ценам это несколько десятков миллионов долларов, и у меня есть покупатель из Швейцарии на все оптом. Вот он, мой остров Монте-Кристо!

И Аббас вынул из внутреннего кармана пальто полиэтиленовый пакетик, внутри которого цветом еловой хвои зеленел, тускло посверкивая, овальный камень размером с перепелиное яйцо. Аббас осторожно вынул его, взял в пальцы, поднял на свет. Камень вспыхнул фантастическим, ни с чем не сравнимым зеленым огнем.

— В нем почти 50 каратов, и стоит он триста тысяч долларов, — мечтательно произнес Аббас, заморожено глядя на камень. — Из моего клада можно сделать сотни таких камней. Но покупатель говорит, что не будет делать этого сразу, а то можно обрушить рынок. Представляешь, шеф — обрушить мировой рынок! На, посмотри, какое оно — мое счастье, мое будущее, моя свобода!

И Аббас протянул камень мне. Я уже почти дотронулся до него пальцами, но в последний момент отдернул руку. Я подумал, что, коснувшись этого камня, я тоже стану причастен к этому беспардонному ограблению целого маленького народа, о котором только что без зазрения совести рассказал этот монстр, этот Лепреккон, этот Зер Калалуш. А час назад по его злой воле я должен был оказаться в тюрьме, а десятью минутами позже только чудом не отправился на тот свет человек по фамилии Остачний. А три дня назад он хладнокровно перекинул через перила балкона свою жену Иву, я теперь был уверен в этом. А неделей раньше он спалил в машине тело своего единоутробного брата, и совершенно не факт, что уже неживого. И внезапно я четко решил, что, пожалуй, я этого человека из квартиры не выпущу, хоть спецназ и опаздывает.

— Знаешь что, Абик, я тебе скажу? — сказал я голосом, который сам не узнал. — Пошел-ка ты со своими изумрудами на х...й!

Аббас вскинул на меня изумленные глаза, молча пожил камень в пакетик, убрал в карман. Сказал: «Ну, я пошел», и направился к двери. Я услышал, как он открывает задвижку, поворачивает барашек нижнего замка. Нажимает на ручку, раз, два, еще — дверь не открывается. Через секунду его хмурая черная фигура снова появилась в проеме арки.

— Дай ключи, шеф, — тихо произнес он, не глядя на меня. — Не шути, открой дверь, мы же обо всем договорились.

— Не дам, — твердо ответил я. — Покушение на Остачнего не удалось, он жив. Олега-прораба взяли, он тебя сдал, его сообщение, что все окей — ментовская наживка. Спецназ

будет здесь через пять минут.

Аббас вскинул на меня глаза. Боже, что было в этих глазах! Непонимание, ненависть, страх, боль, отчаяние, безысходность — такого сочетания чувств я не видел в человеческих глазах никогда.

— Я не пойду в тюрьму, — сказал он, снимая пальто. — Последний раз прошу, шеф, отдай ключи!

Я покачал головой:

— Нет.

Аббас взял снятое пальто за воротник, внезапно махнул им в мою сторону, как тореро мулетой. Не долетев до меня полметра, пальто тяжело упало на пол. А в руке Аббаса откуда ни возьмись, как лебедь из рукава Василисы Премудрой, появился длинный и острый кинжал, тот самый, который я видел в квартире Эскеровых в Митино.

— Судя по тому, сколько времени прошло после твоего разговора с понтом Мариной, спецназ должен был быть уже давно. Но его нет, и неизвестно, когда он будет. Ты же знаешь, у нас все еще совок, срочные службы умудряются приезжать, когда или все сгорело, или все остыли. Потом, дверь заперта, и даже начни они ломиться прямо сейчас, минут на десять она их задержит. Это кинжал моего прадеда Джавида, единственное, что я должен забрать отсюда. Это дамасская сталь, он очень, очень острый, предупреждаю. Думаю, пока в этой комнате окажется спецназ, я успею убить тебя несколько раз. Последний раз прошу — отдай ключи.

Он произнес это таким тоном, что стало предельно ясно — он не шутит. Холодок пополз у меня между лопатками, и я с трудом заставил себя вдругорядь ответить: «Нет». Эхо этого слова еще висело в комнате, а Аббас уже кинулся на меня.

От того, чтобы уже после первого же выпада Аббаса не быть нанизанным на кинжал, как бабочка на иголку энтомолога, или как кусок сочного шашлыка на шампур, меня спасло то, что в свое время при выборе, полированную или матовую плитку класть на пол в прихожей, я предпочел первую. Подошва Аббасова ботинка на толчковой ноге проскользнула, и его бросок не получился таким стремительным, как мог бы. Я успел отскочить, но Аббас махнул кинжалом в мою сторону и все равно достал мое правое предплечье. Рубашка и кожа лопнули одновременно, как под бритвой. Заалела кровь, но было ясно, что разрез неглубокий. Аббас развернулся в мою сторону и снова бросился вперед.

Я забежал за кресло и толкнул его навстречу нападавшему, — тот споткнулся об него, с грохотом перевернул и полетел кувырком. Наверное, в этот момент надо было нападать, прыгать, обрушиваться на противника все массой тела, но в хаотичном падении было непонятно, где оружие, и рисковать получить удар с неотразимой дистанции я не стал. И правильно, потому что Аббас контролировал ситуацию. В тот момент, когда я, обегая его по дуге, на секунду повернулся к нему боком, Аббас, еще стоя после падения на четвереньках, внезапно вытянулся в струнку и самым острием достал мою левую ногу чуть выше коленного сгиба. В прямом смысле как ужаленный, я огромным скачком переместился на безопасное расстояние и осмотрел рану — укол получился, вроде бы, неглубокий, но на штанине сразу начало расплываться бурое пятно. Аббас выбрался из-под кресла и встал напротив меня с кинжалом наперевес. Его перекошенное лицо удивительно напоминало сейчас маску Зер Калалуша из трипа — налитые глаза, раздутые ноздри, хищно-алые губы — а нацеленный на меня кинжал размером был немногим меньше катаны. Я осмотрел себя — прошло не больше

минуты боя, а я был уже дважды ранен. Похоже, шансов у меня было немного. С громким криком «А-а-а-а!!!» Аббас кинулся на меня.

Дальше все было, как в замедленном кино, или как во сне. Мне даже увернуться было некуда, слева стоял стол, справа — перевернутое кресло. Аббас с кинжалом наперевес несся на меня, как бык на тореадора. В последнюю секунду перед тем, как быть насаженным на его кинжал, я сунул руку в карман и кистевым броском швырнул ключи ему в лицо. Увернуться он не успел, и связка попала ему в переносицу. Голова Аббаса дернулась, ключи, звеня, подпрыгнули вверх. Его рука с кинжалом, нацеленным мне в грудь, продолжала стремительно двигаться вперед, но глазами нападающий следил уже не за моими передвижениями, а за парящей в воздухе связкой ключей. Я увернулся от смертоносного острия и двумя руками схватил запястье Аббаса в ту же секунду, когда другой рукой он поймал ключи. Дальше все было просто до инстинктивности: я разворачиваюсь вокруг своей оси на сто восемьдесят градусов, закручивая кисть Аббаса с зажатым в ней кинжалом за собой. Аббас, уже понимая, что сейчас произойдет, бьет меня правой рукой по затылку. Удар колоколом ухает в моей голове, но сознания я не теряю. Поворот еще на девяносто градусов — Аббас бьет мне кулаком в левый висок — в кулаке зажаты ключи, и попади он по тонкой височной кости, думаю, была бы амба. Но он промахивается, и кольцом от ключей только рассаживает мне бровь. Я заканчиваю движение, доворачивая левую кисть Аббаса, и кинжал, по касательной разрезав мне рубашку, вонзается Аббасу точно под нижнее ребро. Но Аббас сопротивляется, и острие входит неглубоко, на сантиметр или два. Это не смертельно, но тут, не устояв против центровращательной силы, мы падаем на пол. Я падаю сверху, всей массой своего тела наваливаясь на рукоятку кинжала. Лезвие с отвратительным скрипом входит в тело Аббаса, пронзает насквозь и, выйдя у него из спины, глухо втыкается в паркет в то мгновение, когда наши с ним тела тоже достигают пола. Я успеваю подумать, что по правилам дзю-до за такой бросок точно дали бы «вазари» — полпобеды, а с учетом того, что соперник намертво пригвозжен к паркету пятьюдесятью сантиметрами дамасской стали, это — «иппон», чистая победа. Не снимая усилия с рукояти кинжала, я посмотрел Аббасу в глаза. Они смеялись.

— Думаю, ты мог бы слезть с меня, шеф, — сказал Аббас, как ни в чем не бывало, растягивая губы в улыбке. — Сдается мне, я уже никуда не денусь.

Я испытал чувство нереального, фантазмагорического страха — пронзенный насквозь человек смеялся, разговаривал — хоть бы что! Да человек ли это? Может, в испепеляющем напалмовом огне сгорел все-таки не холодный труп несчастного Азана, а сам Аббас? И, сгорев, воскрес из пепла, как мифическая Саламандра, переродился, и теперь это — Он, Сам, воплощение вселенского зла, исчадие ада, властелин тьмы и князь всех пороков, великий и ужасный — Зер Ка-ла-лу-у-ш?! Но в опровержение моих мрачных домыслов на обтягивающей торс Аббаса темной ткани, через которую в его плоть вошел кинжал, расплылось, заливая весь его правый бок, сочное чернильное пятно. «Это кровь, — облегченно подумал я. — У князя тьмы крови нету». И тут же кровь тонким лезвием блеснула между его улыбающихся губ, на его горле заходил кадык, налились глаза, и вместе с хриплым, лающим кашлем темная густая жижа хлынула из его рта, обожгла мне руки, ужасными ошметками шлепнулась мне на рубашку. Я отпрянул, вскочил, инстинктивно отряхиваясь.

— Что, попало на тебя, шеф? — издевательски скривил окровавленные губы Аббас. — Ну, извини, сам виноват. Человеков убивать — от крови их отмываться.

— Я, я виноват? — воскликнул я, содрогаясь от истерических привизгов в собственном голосе. — Это ты, ты сам!

— Не-ет, не сам, — тяжело поднимая руку из натекшей лужи крови, покачал перед собой пальцем Аббас. — Это ты меня убил, шеф. Да, я хотел тебя грохнуть, но вышло-то все наоборот. Ты моей рукой управлял. Так бы мне дорога в ад, но теперь я — жертва, а ты — палач, и гореть в адском пламене тебе, а не мне, кха-кха!

Волна колючего холода потекла у меня по спине, ощущение нереальности происходящего замутило голову. Желудок подскочил к нижней челюсти, меня согнуло пополам и вырвало прямо на пол. Брызги розовой блевотины, перемешавшись с чернокрасными кровяными метастазами, образовали на паркете жуткую, отвратительную в своем сюрреализме картину. Наверное, меня вырвало бы снова, но спасительным криком петуха зазвонил мой айфон. Я был уверен, что это Ещук, но на экране высветилось «Дарья». Я лихорадочно сдвинул зеленую полоску вызова, прижал аппарат к уху.

— Даша, Даша, где ты? — закричал я в микрофон. — Что случилось, почему ты так долго не отвечала?

Но в динамике была только тишина.

— Алло, Даша, где ты? — снова закричал я, чуть не лязгая зубами об алюминиевую окантовку аппарата. — Где ты, куда мне ехать?

Но в трубке было все так же тихо. Я лихорадочно перезвонил — гудки долгими каплями падали в тишину, пока система не дала отбой. Еще раз — то же; снова — то же самое. Но, по крайней мере, ее телефон больше не был вне зоны доступа и, значит, была надежда, что в конце концов Дарья ответит — проявилась же она сейчас?

— Она позволяет называть себя Дашей? — хрипло засмеялся Аббас. — Это любовь, это точно любовь!

«Да, пожалуй,» — подумал я, ощущая, как бешено в тревоге за человека на том конце провода колотится мое сердце, и перевел взгляд на Аббаса. За ту минуту, что я не смотрел на него, его лицо стало серо-белым, кровь на губах и подбородке запеклась, а поблескивающая отражением лампочек в прихожей черная лужа на полу стала гораздо, гораздо больше.

— Я вызову скорую, — хмуро сказал я.

— Не надо! — дернул головой Аббас. — Нет смысла. Пробита печень, поэтому так много крови. Я жив только потому, что кинжал все еще в ране. Но из меня вытекло уже литра два, скоро конец, помощь не успеет.

Но я уже набрал «ноль три».

— Колото-резаная рана, большая потеря крови, — коротко сказал я ответившей дежурной. — Абельмановская улица, десять дробь два, корпус три, квартира восемь, первый подъезд, четвертый этаж. Приезжайте быстрее, он долго не протянет.

— Спасибо, но — бесполезно, — попытался улыбнуться Аббас. — Мои часики уже дотикивают. Ставлю сотку евро против этого засохшего букета в вазе, что мне осталось не больше пяти минут. Черт, зря я затеял все это, зря! Говорила мама, что ты тоже кармическая личность, как и я, вот твоя карма мою и перекар...

— Где Дарья? — угрюмо перебил его я. — Где она может быть?

— Я не знаю, — слабо пожал плечами Аббас. — Мы очень плохо поговорили. Когда она уходила, в ее голове все было... кувырком. Она вообще была... какая-то странная. Словно пьяная, но не пьяная...

— Что это значит? — нервно переспросил я.

— Не знаю, — ответил Аббас слабеющим голосом. — Я спросил ее, почему она такая, она ответила, что когда умирает мать, а отец воскресает из мертвых, человек не может не казаться странным. Умненькая девочка, правда?

— Да, — кивнул я. — Вся в тебя. А больше она ничего не говорила?

— Нет, — помотал головой Аббас. — Разве — что-то про бабочек...

— Про бабочек? — воскликнул я. — Что она говорила про бабочек?

— А, какую-то ерунду, — дернул щекой Аббас. — Что над моей головой нет бабочек, и это значит, это я убил ее мать.

Аббас хотел засмеяться, но снова захрипел, из уголка его рта вытекла ярко-красная струйка.

— Она была под кайфом, — понял я. — Она видит бабочек, когда в ней наркота.

Казалось, застывшее предсмертной маской лицо Аббаса уже не могло ничего выражать, но при этих моих словах оно разочарованно вытянулось.

— Дашка? — шепотом переспросил он. — Не может быть! Вот сука!

И он обессиленно закрыл глаза.

— Зачем ты так? — нахмурился я. — Просто несчастный, глупый ребенок.

— Не она, — с трудом открывая глаза, пояснил Аббас. — Танька — сука, Ивина подружка и любовница. Она наркоманка, если кто посадил Дашку, то она.

И он снова закрыл глаза. Человек умирал, и ничто в этом мире не могло его спасти. Из отведенных им самим себе пяти минут оставалась максимум одна.

— Подойди поближе, — внезапно еле слышно позвал Аббас. — Уважь умирающего.

Сделать это, не вступив ногой в лужу Аббасовой крови, было невозможно, и я с содроганием поставил ногу на эту начавшую загустевать зеркальную поверхность и, умудрившись найти кусочек сухого паркета, опустился над умирающим на колени.

— Они могут быть в Танькином гараже в Останкино, — зашептал Аббас. — Если все так, как ты говоришь, они могут быть там, у нее там блат-хата, притон.

— Адрес, какой адрес? — чуть не выкрикнул я.

— Не знаю, — простонал Аббас. — Был один раз пьяный, помню только, что где-то прямо под телебашней.

Я хрустнул коленом, поднимаясь.

— Стой, не уходи, — умоляюще посмотрел на меня Аббас. — Страшно умирать. Возьми меня за руку.

Я взял в руку совершенно ледяные Аббасовы пальцы, крепко сжал.

— Спаси ее, — еле слышно произнес Аббас. — Она сказала, что беременна. Я так понимаю, что ты имеешь к этому вполне определенное отношение, нет?

У меня заныло сердце. «Я рожу тебе дочку, — зашелестел в ушах Дарьин голос. — Маленькую, красивую, и она будет тебя очень любить».

— У нас это было всего несколько дней назад, — почему-то краснея, пробормотал я. — Разве можно так рано определить?

— Когда она сказала, что любит тебя больше жизни, я ответил, что она дура, не разбирающаяся ни в любви, ни в жизни, — криво усмехаясь, прошептал Аббас. — А она показала мне фак и какую-то штуку типа электронного термометра. Сказала, что это ультрасовременный тест на беременность, и он показывает, что во всем этом она уже разбирается. Так что, шеф... то есть, зятек, иди спасай мою дочку и внука.

— Внучку, — поправил я, но Аббас уже меня не слышал.

Его глаза так и остались открытыми, и в них застыло странное умиротворенное выражение, какого при жизни я никогда в них не видел. Я протянул руку закрыть ему веки, но в последний момент передумал.

Все, мой когда-то друг, потом враг, потом муж моей любовницы, потом отец моей любовницы... нет, возлюбленной Аббас Эскеров умер. У нас с ним были долгие, непростые отношения, но, оказывается, одной ниточкой нас связали еще наши деды без малого сто лет назад. Странно, но я не испытывал ничего напоминающего триумф Монтеки над телом поверженного кровника Капулетти. Может быть, потому, что о существовании этой старой вражды я до последнего момента просто не знал?

Но, как бы то ни было, жизнь продолжалась, и первое, что нужно было сделать — привести себя в порядок. Я был свес в крови, своей и чужой, и если бы нас сейчас положили с покойником рядом, думаю, трудно было бы определить, кто из нас мертвее. Я встал, перекрестился над телом и сделал шаг по направлению ванной. Левая нога с отвратительным чавканьем отлепилась от приобретшей консистенцию сиропа лужи Аббасовой крови. Меня снова замутило, повело в сторону и, не устояв на правой ноге, я снова наступил левой на пол, оставив на паркете жуткий кровавый отпечаток. И еще в левом мокасине смачно захлюпало. «Халтура китайская! — зло подумал я, ковыляя к двери ванной. — Протекло, как в майский ливень!»

Я взглянул на себя в зеркало — ничего, я думал, будет хуже. На неестественно бледном лице ссадина и всего несколько капель крови. Правда, ниже — хуже. От пореза на предплечье рубашка в крови до запястья, на груди полузасохшие ошметки, как будто туда пришелся выстрел из дробовика. Так, рубашку на выброс. Дальше джинсы. Я расстегнул ремень, скovyрнул с пяток мокасины. Левый упал со стопы вверх подошвой, и их него с явным плеском на мохнатый цвета кофе с молоком коврик вылилось не меньше полстакана крови. Но из лужи столько в мокасин протечь не могло! Я стянул с бедер джинсы, заметив, как тяжела и неподатлива левая штанина. Неудивительно: вся она пропиталась кровью, в самом низу, на подшивке загустевала большая темная капля. Я бросил джинсы в ванную, вывернулся, чтобы осмотреть рану, которую нанес мне Аббас в своем втором акробатическом прыжке. Разрез был небольшой, сантиметра два с половиной-три, но из него тонкой струйкой, пульсируя, лилась ярко-красная кровь. Черт, полстакана в ботинке, сколько-то натекло из первого разреза (больше он, к счастью, не кровоточит), а сколько нужно было, чтобы вот так пропитать штанину, даже подумать страшно. Ну, ничего, сейчас приедет скорая, и окажет мне помощь.

«Спаси, спаси меня!» — вдруг оформилась в Дарьин голос тишина, которую я слышал в трубке во время последнего ее звонка. Какая, на хрен, скорая?! Когда ее черт принесет? Вон, славный спецназ, в рот ему ноги, уже минут сорок едет. Я снял трусы, носки (левый в крови — хоть выжимай), залез в ванную, под струей из душа быстр смыл с себя кровь. Посмотрел — из раны на ноге продолжает течь и, что еще хуже, снова засочился порез на предплечье. Зараза, что ж она так течет-то?! Я быстро вытерся — белое махровое полотенце сразу же расцветкой стало напоминать польский флаг. Подумал, что дома есть для того, чтобы закрыть раны? Бинт — нету. Марля — нету. Бактерицидные полосочки Band-Aid — слишком малы. Еще есть просто пластырь в рулоне, но не будешь же мотать им так, по голой коже? Я покрутил головой в поисках чего-нибудь подходящего — взгляд упал на Маринины гигиенические прокладки — то, что надо! Спасибо, дорогая, ты всегда умела быть рядом

вовремя! Я выхватил из пачки одну, приложил к руке — прокладка по контуру приклеилась к коже, словно там и была! Вторая — на ногу, но сначала промокнуть полотенцем неутихающую кровь. Так, одну мало, надо две или три и — срочно замотать. Так, где пластырь? Должен быть здесь, в шкафчике у зеркала. Года два назад я точно встречал его тут, и если только никакая «б» (вернее, «ж») не переместила его куда-нибудь, то... Да, вот он! Никогда еще находка вещи на своем месте не приносила мне большей радости! Я обложил рану прокладками и крепко замотал бедро пластырем, потом примерно то же самое, но в меньших объемах, проделал с рукой. Посмотрел на себя — вроде, не течет, правда, лицо стало еще бледнее. «Надо съесть что-нибудь сладкое, — подумал я. — В холодильнике есть батончик «Баунти».

Поглощая кокосово-шоколадную глюкозу, быстро оделся в чистое и вернулся в гостиную. Набрал Дарью — все то же, гудки шли, но ответа не было. Хотел набрать Ещугу — где там вашего спецназа? — но подумал, что в имеющейся ситуации его опоздание — благо. Осторожно, пытаясь не вляпаться в кровь, подошел к телу, носовым платком вытер отполированное до блеска шарообразное навершие рукояти, где кинжала могли коснуться мои пальцы. Подумал, вытащил из мокнущего в луже крови пальто одну пачку евро (за паркет и моральный ущерб), засунул в задний карман джинсов. Не удержался, заглянул покойнику в глаза. Аббас все так же безмятежно смотрел в пространство, только радужка уже начинала мутнеть. Подумалось, что покойный хотел бы мне сказать, если бы был жив? Прямо сейчас, в эту секунду? «А помнишь Катю, шеф?» — совершенно явственно прозвучал в ушах голос Аббаса, и показалось даже, что окровавленные губы его дернулись в иронической усмешке. Скидывая наваждение, я помотал головой и вышел из комнаты. Перетянутая левая нога при ходьбе подбрасывала, как подпружиненная, захрустели осколки зеркала в коридоре. «Вот уж воистину: зеркало бьется — к покойнику», — вспомнил я пророчество спецназовца, и вышел вон. Со скорой я разминулся в воротах, когда выезжал из нашего двора. Похвалил себя, что кодовую дверь в подъезд оставил открытой, подложив под створку камень, и — вздохнул: Аббасу это уже не могло помочь. Ладно, газ в пол, и — «крепче за баранку держись, баран!»

Глава 15. Дотянуться до моря

Я ехал в Останкино. Дарья, как найти Дарью по одному имеющемуся более-менее внятному указанию «прямо под башней»? Дословно понимать это все равно никак нельзя, прямо под телебашней находится здание телецентра, никаких гаражей там нет. А в более широкий круг мест, к которым такое определение может относиться, входит такое количество прилегающих улиц, что поиски иголки в стоге сена по сравнению с этой задачей становятся не таким уж безнадежным занятием. Это и Новомосковская, и Аргуновская, и собственно Новоостанкинская, и Дубовая Роща, и улицы на той стороне Академика Королева — длиннущая 1-я Останкинская, Хованская и другие. В короткий промежуток времени детально обследовать всю эту территорию — задача немыслимая и, значит, нужно сужать район поисков. Но как?

Единственная зацепка — Дарьин телефон. Я читал, что операторы сотовых сетей имеют возможность отследить положение любой своей сим-карты в пространстве методом элементарной триангуляции по своим базовым станциям. Но как выйти на оператора? Снова есть повод проверить, так ли всемогущ подполковник Ещук. И заодно — хоть это уже и неактуально — и насчет спецназа уточним.

Обычно Ещук отвечал сразу, а тут я уже чуть было не дал отбой, когда в динамике раздался его голос.

— А-а, Арсений Андреич! — приветствовал он меня радостно, словно для полного счастья в жизни ему не доставало исключительно случая пообщаться со мной. — Как ты там? Чего не звонишь?

Эта неадекватная радость вкупе с развязностью интонация неопровержимо свидетельствовала о том, что подполковник Ещук находился в состоянии сильно неумеренного алкогольного опьянения, проще говоря, пьян в ж...пу. «Вот бл...дь!» — ругнулся я, одновременно испытывая облегчение от того, что в итоге ментяра, мое мнение о котором после помощи с видеотрансляцией сильно качнулось в сторону улучшения, все-таки оказался в итоге таким, каким он должен быть, и каким я его себе представлял.

— Я не звоню? — подхватился я. — Я думал, ты позвонишь, проконтролируешь прибытие своего спецназа.

— Это не мой спецназ, это кого надо спецназ, голосом Ефремова из «Берегись автомобиля» перебил меня Ещук. — А что, не приехали, что ли?

— Когда я уезжал, не было, — раздраженно ответил я.

— М-да, странно, — протянул Ещук, я прямо увидел, как у него оттопыривается пьяненько нижняя губа. — Ну, наверное, задержались где-нибудь, это бывает. А как же ты уехал? Ты что, этого... как его?... ну, оборотня, который сначала сгорел, а потом тебя засадить хотел... Ты что, отпустил его, что ли?

— Он умер, — коротко ответил я. — Я уехал.

— А-а, ну, да, — согласился Ещук. — Если умер, чего там сидеть? Во! А приезжай тогда к нам, а? Мы тут звездочки мои с пацанами обмываем. Слышишь, как звенят?

В трубке на самом деле раздалось какое-то металло-стеклянное дребезжание. Я поморщился.

— Нет, спасибо, подполковник, — ответил я. — В другой раз. У меня тут дело срочное, человека я одного ищу, боюсь, в беде он. Мобила звонит, а никто не подходит. Вот, еду

выручать. Можешь помочь, с оператором связаться, чтобы дали триангуляцию на симку?

— Триангуляцию, говоришь? — переспросил Ещук сквозь явственное бульканье наливаемого стакана. — На симку? А какой оператор?

— Билайн, — ответил я.

— А, мимо кассы, — с сожалением цыкнул зубом тот. — В Мегафоне у меня контактик есть, в ЭмТэЭсе можно было бы поискать. А в Вымпелкоме нету. Завтра, на работе, официально — эт пожалуйста, эт нет проблем. А сейчас, без бумаг, по-быстрому — не, не выйдет, извини. Найдешь своего человечка, переводи его в Мегафон, сейчас с тем же номером можно, знаешь?

— Знаю, — отмахнулся я, стремясь побыстрее закончить не интересующий уже меня разговор.

— Ладно, если больше вопросов нет — давай, будь здоров, — начал, к счастью, закругляться Ещук. — Уговор помнишь? Завтра у меня чтоб как штык! Будешь?

— Буду, — буркнул я, по случаю вопроса проверяя ладонью левую штанину с обратной стороны колена.

Сердце екнуло — пальцы были в крови. «Если жив буду», — закончил невеселой мыслью я разговор с Ещуком и посмотрел в зеркало. «Баунти» не помог, — лицо стало совсем белым, к тому же начало неприятно покалывать кончики пальцев ног. И пересохло во рту. «Не дури! — сказал себе самому в зеркале я. — Не куражься, это не шутки! Сколько уже из тебя вытекло? Минимум литр! Сколько крови в человеке? Вспоминай — 50 миллилитров на кило живого веса. Сколько в тебе, 80? Ладно, пусть разожрался — 90. Значит, кровушки в тебе циркулирует максимум четыре с половиной литра, и литр от четырех с половиной — двадцать два процента и две десятых в периоде, между прочим! Ты че, рехнулся, старый! В тебе нехватка почти четверти крови! И возможно, что в обморок ты до сих пор не грохнулся только потому, что наадреналинен по маковку.

А что же за фигня с кровью-то, давно должна была бы остановиться. Может, дело в тех препаратах, которые посоветовала наша медицинская подружка Валя? Да, уж, есть повод спросить.

— Да, алло, — ответила Валя заспанным голосом. — Кто это?

— Это Арсений, Маринин муж, — представился я. — Здравствуйте, Валя! Я часом не разбудил вас?

— Да, отсышаюсь после суток, — буркнула Валя. — Что-то случилось?

Невзирая на явное нерасположенность недоспавшего человека к разговорам в ее голосе слышалась обеспокоенность.

— Да, ерунда, — поспешил успокоить ее я. — Я тут, как маленький, нос расковырял, кровь пошла, так уже десять минут остановить не получается. Я хотел спросить, это не может быть из-за препаратов, которые вы посоветовали?

— Кровь? — переспросила Валя, явно усиленно просыпаясь. — Так, а что ты принимаешь?

— Ну, вы тогда посоветовали этот, как его — варфарин, — ответил я, радуясь, что вечно ускользающее название вовремя пришло на язык. — С аспирином. Ну, чтобы кровь разжижить.

— Да помню я! — рыкнула медичка. — У тебя приступ был, мы с Мариной по телефону общались. А когда у нас это было?

— В прошлую среду, — прикинул я. — Десять дней назад.

— Так, и чего? — зазвенел вдруг в трубке Валин голос. — Я правильно понимаю, что ты уже десять дней бесконтрольно херачишь варфарин, да еще и с аспирином?

— Ну, собственно говоря, да, — съежился я, уже прекрасно понимая причину своего непрекращающегося кровотечения.

— Арсений, ты идиот?! — заревела Валя. — Ну, да, я посоветовала, но вы ж должны были на следующий день в Бакулевский ложиться! А вы пропали, и ты все это время бесконтрольно принимал варфарин? В какой дозе?

— Ну, Марина тогда сказала, что по инструкции надо пить по три таблетки, — ответил я. — Вот я по три и пил. Правда, когда забывал, то на следующий день пил по шесть.

— Бо-оже! — простонала в трубку Валя. — Марина сказала! Где эта овца? Дай мне ее немедленно!

— Она в ванной, — нашелся я. — Не может подойти.

— В ванной?! — загремела Валя. — У нее муж кровью исходит, а она в ванной?

— Да уже все, кровь остановилась, — поспешил успокоить разбушевавшуюся Валю я. — Не надо Марину, она и так вся на взводе.

— Точно остановилась? — переспросила Валя. — Ну, хорошо. Ты понимаешь, что неизвестно, какой у тебя сейчас МНО?

— Вас ист дас МНО? — попытался разрядить обстановку я.

— Скорость образования сгустка ист, — раздраженно объяснила Валя. — Показатель свертываемости крови. В норме МНО должен быть от одной до полутора единиц, при аритмии его рекомендуется повысить до трех. А при таких дозах, как влупил в себя ты, может быть и семь, и восемь, и больше. Алкоголь употреблял?

— Употреблял, — сознался я, вспомнив наши с Чебаном бдения. — И немало, если честно.

— Ваще пипец! — прокомментировала Валя. — Этанол усиливает действие варфарина. Ты понимаешь, что при МНО девять кровь практически вообще не свертывается? Можнс истечь от пустякового пореза!

— Да, понял, — ответил я. — Но, вроде, все тьфу-тьфу. А если вдруг снова пойдет, что что делать?

— Скорую вызывать! — рявкнула Валя. — Скажешь, что передозировка варфарина, они знают, что вколоть. И от меня попросишь, чтобы вам обоим, дуракам, по башке настучали в целях излечения от хронического кретинизма.

— Обязательно! — слабо рассмеялся я. — Спасибо, Валя, извините, что побеспокоил.

— Когда в Бакулевский? — услышал я, выключая телефон, но перезванивать с целью обсудить эту тему не стал.

Улыбка сползла с моего лица. Да, дело, швах. Стоп, стоп, на хрен! Остановливайся, звони в скорую!

Я включил поворотник в право, и остановился у обочины. Да, надо звонить в скорую, пусть они окажут мне помощь. Сколько нужно времени, чтобы они приехали — минут пятнадцать? Это в лучшем случае. А сколько времени они будут оказывать мне помощь? Стоп, а какую помощь? Крови для переливания у них все равно с собою нет, это к бабке не ходи! То есть, в лучшем случае меня отвезут в какую-нибудь больницу. И все это время Дарья, возможно, будет умирать. Единственный оставшийся у меня в этой жизни близкий, родной человек — Дарья, беременная моим ребенком, будет умирать. Я резко взял от бортика влево, чуть не протаранив завизжавший тормозами джип.

Так, где я? Садовое, проезжаю Орликов переулок. Скоро Проспект Мира, скоро направо. Кружится голова, но не сильно, вот так, потрясем ею, и она перестанет. А вот где искать Дарью? А почему, собственно, снова не позвонить Копирайту?

— Да, да, слушаю! — закричал в трубку Попирайко, как будто ждал моего звонка. — Я видел трансляцию, все видел! Ну, круто вы его! Только я не понял, Иву Генриховну — тоже он?

— Он, он, — не стал вдаваться в подробности я. — Слушай, еще дело есть. Надо человека по сим-карте в его телефоне отыскать, срочно. Можешь?

— Не, по сим-карте не смогу, — после долгого раздумья отозвался Попирайко.

«Фак!» — заорал про себя я и не удержался, чтобы не поддеть знатного айтишника:

— А чего так педалируешь-то? Типа, по сим-карте не могу! А по чему-нибудь другому, что, можешь?

В трубке снова надолго замолчали.

— Простите, вы, конечно, хакер не чета мне, — раздался, наконец, на том конце провода осторожный голос Копирайта, — но не соблаговолите ли уточнить задачу? Я правильно понимаю, что нужно найти человека, который предположительно находится сейчас в том же месте, где и его мобильный?

— Икзэкти! — почему-то по-английски ответил я.

— Тогда зачем нам сим-карта? — задрожал голосом Попирайко.

Вопрос был явно риторическим.

— Ладно, давай без сим-карты, — милостиво разрешил я. — Тебе что нужно, номер?

— Да нет, зачем н-номер? — от страха даже начав заикаться, спросил айтишник. — У человека какой аппарат? Тоже айфон?

— Нет, Самсунг, — ответил я. — Смартфон.

— То есть, Андроид, — резюмировал Копирайт. — А его джимэйовский аккаунт известен?

— Почта шголь? — переспросил я.

— Ну, да, — обрадованно отозвался собеседник. — И пароль, желательно.

Черт, откуда взять Дарьюну почту? А, мне же Ива как-то раз что-то с нее пересылала, какую-то шутку, дурацкий смысл которой в том, чтобы каждый получивший в свою очередь разослал ее по следующим пяти адресам. Так, срочно заходим в почту, благо, что переписка с Ивой у нас небогатая. Черт, где же де это? Вот, точно — после «собаки» стоит gmail.com — даже таким чайникам, как я, известно, что это почтовый сервис корпорации Google, которая разработала операционную систему Android. Йес, адрес почты есть! А пароль? Пароля нет.

— Пароля нет, — сердито сказал я Копирайту. — Без пароля сможешь?

— С паролем и чайник справится! — захихикал тот, но явно подумав, что слишком уж раздухарился в общении со столь уважаемым представителем сословия хакеров, как я, замолк. — Владелец аккаунта серьезный человек?

— Девушка девятнадцати лет, — не мог не раскрыть Дарьино инкогнито я.

— О-о, вряд ли там может быть что-то серьезное! — радостно воскликнул Копирайт. — Давайте имя, фамилию, дату рождения, имя матери, девичью фамилию матери и клички домашних животных, если есть.

Я слил Попирайке все, что знал, похвалив себя за то, что запомнил, что их старую домашнюю кошку зовут Берта, хотя Ива, насколько я помню, обмолвилась об этом всего один раз.

— Долго будешь возиться? — с пренебрежением старого мастера таксопарка, впервые доверившего ученику прочистить карбюратор, спросил я.

— Ну, джимэйл, как известно, не хотмэйл вам какойнить! — снова захихикал Копирайт. — Тут брутфорсом не обойдешься. Тут придется или рыбку половить (я сообразил, что речь идет о так называемом фишинге — что это такое, я не знал, но слово слышал), или скрипт напоминания пароля запускать. И дальше все будет зависеть от активности самого юзера...

— Сколько, сколько времени это займет? — нетерпеливо перебил я увлекшегося умничанием хакера, поворачивая с Садового на проспект Мира. — Минут за десять управишься?

В трубке снова наступила гробовая тишина, как будто на ежегодном собрании любителей американской литературы докладчик с трибуны обронил, что «Гроздья гнева» написал не Стейнбек, а к примеру, Фолкнер.

— При всем уважении к вам, — раздался через минуту дрожащий голос Копирайта. — Но за десять минут джимэйловскую почту не взломает даже Сергей Брин.

В целях сохранения хотя бы остатка своего айтишного лица я не стал спрашивать Копирайта, кто такой Сергей Брин, а только смачно выругался про себя.

— Ну, а зачем ты спрашивал про девичью фамилию матери и имя кошки тогда? — раздраженно спросил я.

— Ну, при определенных обстоятельствах это могло бы помочь, — напустил туману хакер. — Но только при наличии времени.

От злости я на секунду закрыл глаза, и сразу же почувствовал, что меня куда-то потащило. Машина вильнула по дороге, но за пределы полосы не вышла. Без подсказки ехать искать Дарью было делом совершенно бесполезным, а чутье, или то подобие телепатической связи, установившееся между нами после трипа, подсказывало мне, что ей сейчас плохо, очень плохо, гораздо хуже, чем мне.

— А попробовать подобрать? — не унялся я.

— Ну, брутфорс, вы имеете в виду? — радостно подхватил Копирайт. — Так я ж говорю — в джимэйле встроена защита от многократных попыток введения неверного пасса, взломщика сразу же банят по ай-пи. Ну, конечно, можно подставить десяток или сотню разных ай-пи, но система может на время вообще закрыть доступ к ящику. Поэтому ломать гугловскую почту нужно аккуратно и не торопясь. Или подобрать пароль максимум с третьего раза.

С третьего раза, с третьего раза, с третьего раза, — как на волнах, закачало меня на этих словах, и я снова вильнул по полосе. Волны, море... Море? Море!

— Используй слово «thalatta», — сказал я хакеру. — Ти-эйч-эй-эл-эй-даблти-эй. Может быть, в сочетании с какой-то другой информацией, которую я тебе дал.

Копирайт угукнул, и отключился. «Должно сработать, должно сработать!» — как мантру, твердил про себя я, мотая головой чтобы разогнать в глазах сливающуюся в марево ауру освещавших дорогу фонарей. Потому что, если не работает, тогда все. Попирайко позвонил ровно через пять минут.

— Thalatta1994! — радостно завопил он. — Как вы догадались? Вот что значит настоящий хакер!

— Ладно, ладно, — самодовольно хмыкнул я. — Проведу как-нибудь мастер-класс. Давай, что дальше.

— А дальше — все, — недоуменно пробормотал Копирайт. — Заходите в «гуглплэй», дальше — управление устройством. Собственно, я уже зашел, вы же за рулем, я слышу, вам неудобно. Устройство с точностью 54 метра находится в районе строения по адресу: Прудовой проезд, дом 13, строение 29. Это в районе Останкинского кладбища. На карте строение имеет какую-то странную форму, вроде параллельных узких бараков каких-то, закольцованных общей линией.

— Гаражи, — сказал я. — Гаражный кооператив. Спасибо, Попирайко, я твой должник, в натуре!

Я принял к обочине, — даже в добром здравии загрузить адрес в навигатор на ходу — задача не из легких, а сейчас я не мог себе позволить ни на секунду оторвать глаз от дороги. Начал набивать буквы и увидел, как дрожат — нет, даже трясутся пальцы. Клавиатура на дисплее айфона плыла, символы сливались друг с другом. Я энергично встряхнул головой, и почувствовал, как застучало в висках. Но зато зрение сразу сфокусировалось, и я закончил ввод адреса в поисковую строку Яндекс-навигатора. Пока программа думала, я снова сунул руку под колено — крови было больше, но ненамного, я ожидал худшего. Тут пикнул айфон — программа определила длину маршрута в четыре километра и отвела на преодоление этого расстояния одиннадцать минут. Одиннадцать минут — это хорошо, столько времени управлять машиной я еще точно смогу. А дальше все просто: нахожу Дарью и сразу звоню в скорую. А, может быть, позвонить сейчас и сказать, что я по адресу этих гаражей, и в идеальном случае карета приедет ровно в тот момент, когда я нахожу Дарью. Да нет, время позднее, дороги почти пустые, ехать осталось десять минут, десять минут я продержусь, что я, слабосильный, что ли? План такой: сначала Дарья, потом скорая, значит, действуем по плану.

Ровно через девять минут я свернул с Новомосковской на Прудовой, и еще метров через триста чуть не проскочил еле приметную стрелку на покосившемся столбике с полустертой надписью: «ГСК «КСГ». Усмехнулся мысли, что нужно было бы переименовать гаражно-строительный кооператив в «Палиндром», и свернул по стрелке. Открывшаяся узкая однополосная аллея была неосвещена, и обступившая машину уже через пятьдесят метров крошечная темень моментально отозвалась в сознании нереальным ощущением, что я где-то в дремучем лесу в сотнях верст от Москвы, а не в двух шагах от Останкинской телевышки. Дорога была в жутких колдобинах, после недавнего дождя заполненных водой, и раскачавшись на рессорах, «Волга» начала долбиться днищем о драконий хребет колеи. Я резко замедлил скорость подумав, что, должно быть, в означенном ГСК паркуются исключительно серьезные внедорожники, потому что любым другим типам машин сюда дорога заказана.

Через полкилометра, которые машина преодолевала, буквально ползя на брюхе, луч фар уперся в наглухо запертые ворота, на которых вкривь-вкось, но очень жирно белой краской было начертано: «д.13 стр.29 здесь». Причем мягкий знак в конце слова у не рассчитавшего расстояние написанта на створке не поместился, и словно вися в воздухе, одиноко красовался на мощной круглой стойке ворот. Большую часть другой створки занимала не очень реалистично, но вполне узнаваемо нарисованная оскаленная морда овчарки, с драконьего размера клыков которой капала то ли слюна, то ли кровь. От этих граффити складывалось двоякое впечатление: надпись, вроде бы, гостеприимно предназначалась визитеру, дабы не сомневался в том, что попал по адресу, а рисунок жуткой баскервилины заставлял задуматься, насколько сопоставим запланированный визит с представлениями о

бренности земного существования. Как если бы на воротах, охраняемых святым Петром, висела табличка: «Ну, да, рай, но отчего ты так уверен, что тебе сюда?» Я был уверен, но сигналить, как собирался сначала, не стал.

Вылезая из машины, я ощутил, что мне тяжело перекинуть ногу через порог. Глотнул прохладного, по-осеннему пахнущего прелой листвой воздуха, и меня ощутило мотнуло, я даже схватился рукой за лопух бокового зеркала. Да, симптомы потери крови налицо — головокружение, учащенный пульс. Но это — ничего, сейчас главное — найти Дарью. Нетвердо хромая по осклизлой глинистой почве, я подошел к воротам. Никакого подобия звонка не было, и я заколотил кулаком прямо по оскаленной собачьей пасти. Настолько явственно вдруг показалось, что страшные челюсти сейчас сомкнутся на моем запястье и оттяпают кисть к хренам, что спина заходила ходуном. Но главное, что мой стук не произвел никакого эффекта. Окружающая темная, вязкая, какая-то жуткая тишина осталась полной и абсолютной, словно не было целого мира вокруг. Я прижался щекой к холодному воротному железу, уже начавшему покрываться паутинкой ночной сырости, закрыл глаза, и вдруг явно услышал хриплое ворчание, — за воротами кто-то был! Я снова что есть мочи заколотил по расхлябленной пасти.

— Эй, эй, хорош ломиться, ну! — раздался из-за ворот старческий голос. — Я слышу, иду, щас отворю.

И точно — через пару секунд в воротине прямо посреди собачьей пасти вдруг образовалось квадратное отверстие наподобие «кормушки» в двери тюремной камеры, случайно или намеренно так искусно обрисованное красочными линиями, что прежде было совершенно незаметным.

— Чего надо? — громче, но так же хрипло раздалось из кормушки. — Ты кто? Ежели так шляисси, я собак спущу.

И только сейчас, словно понимая, о чем идет речь, откуда-то сбоку раздалось очень впечатляющее низкое рычание.

— Мне к Татьяне, — неожиданно для себя самого сообразил с ответом я. — Мне адресок шепнули, сказали, спросить Татьяну. По делу я.

— Ишь, по делу! — заворчал обитатель заворотья. — Оно понятно, что по делу, без дела тут не ходят. Только вот кто тебе адресок шепнул, хотел бы я знать? Что-то меня никто про тебя не упреждал.

Я задумался. Очень похоже было, что дряхлый, судя по голосу, дед был далеко не просто «отвори-запри», а истым стражем ворот, мимо воли которого шансов проникнуть через них не было. И что отвечать на этот второй его вопрос, я не знал, а угадать не представлялось возможным. Оставалось продолжать говорить правду.

— Аббас, — сказал я, нагибаясь к кормушке. — Аббас дал мне адрес. Татьяна знает его. Я заглянул в кормушку, но в проеме окошка ничего, кроме еще более густой, чем окружала меня, темноты, видно не было.

— Она, может, и знает, да я что-то такого не помню, — прямо из темноты напротив моих глаз раздался хриплый смешок. — Много тут зряшнего народу шатается, а у меня указание: без надежной рекомендации не пущать.

Внезапно закружилась голова, подломились колени. Чтобы не упасть, я обеими руками вцепился в острый край кормушки. Черт, старик, похоже, кремень. Денег ему посулить? Да нет, может оказаться только хуже, больно уж страж ворот принципиален. Ментов вызвать? Тоже нет, хватит мне на сегодня всех этих СОБРов-ОМОНов, да и Ещук, думаю

дообмывался уже до чертиков.

— Эк тебя корежит, милоч! — сочувственно прохрипела пустота. — Что ж ты себя до предела довел-то? Вижу я, что к Таньке тебе надо, да только не могу пустить, инструкция у меня.

Слово «инструкция» перетряхнуло меня, как электрический разряд.

— Он давно тут был, один раз, — сказал я. — Может вы, дедушка, его забыли просто?

— Ишь, дедушка! — снова хмыкнула кормушка. — Кому дедушка, а кому дядька злой. На память-то я не жалуясь. Какой он из себя, Аббас этот твой?

— Какой, какой? — переспросил, пытаюсь собрать в кучку мысли в пульсирующей голове. — Маленький такой, на Чебурашку похож.

— Маленький? — переспросила кормушка. — Чебурашка? А как ты, говоришь, кличут его?

— Абик, — внезапно осенило меня. — Абиком его кличут. Зовут Аббасом, а кличут Абиком.

— Фу-ты, на те, наши в хате! — содержательно воскликнула кормушка. — Абика знаю, помню, ты бы сразу сказал. Не знал, что его по-чудно́му так зовут, Аббасом. Татарин, што ли? А с виду не похож. Только что ж он мне не звякнул-то насчет тебя?

Повисла пауза. Дрожали колени, я не чувствовал словно приклеившихся к железу кормушки пальцев. «Да черт бы тебя побрал!» — ругнулся я про себя, но это было последнее препятствие, и я не мог его не взять.

— Телефон он ваш потерял, дедушка, — широко улыбнулся кормушке я. — То есть, отработали у него педаль (мобильный телефон) на шопнике (задний карман), многие номера так и ушли. А за то, что не смог в ручник вам покашлять (позвонить по мобильному), велел он вам, дедушка, уважение проявить.

И я протянул в черный зев кормушки сложенную пополам по длине купюру в пятьсот евро.

Какое-то время купюра дрожала в моих пальцах перед пустотой кормушки, как перед порталом в другое измерение, словно управляющий порталом проверял, примеривался к предлагаемому дару. И только секунд через десять (за это время спринтер пробегает стометровку!) то ли под воздействием магической силы импортного дензнака, а может быть, от того, что последние слова я наитию проговорил на невесть откуда всплывшей в моей памяти вполне себе кучерявой фене, я почувствовал тянущее усилие и разжал пальцы. Купюра медленно исчезла в кормушке, словно ее поглотила, растворила в себе иная материя. И почти сразу откуда-то сверху и слева раздался какой-то механический и явно не дедов голос: «Входите!»! Бесшумно отворилась вовнутрь калитка, точно так же, как и кормушка, совершенно незаметная на фоне рассобаченной створки ворот. Я еле смог поднять ногу, чтобы перешагнуть через высокий порог. За воротами оказалась небольшая площадка, за которой громоздились квадратно-кубические глыбы гаражей. Стояла такая же темень, как снаружи, только на гравелистой дорожке, ведущей вглубь застройки, клубились серебристые, словно подсвечиваемые изнутри, ключья тумана. Я оглянулся, желая поблагодарить привратника, но никого не увидел сзади — должно быть, дед, не желая быть увиденным, спрятался за створку калитки. И не успел я сообразить, что для этого габаритами ему надо было бы быть не толще щетки для подметания пола, как снова раздался тот же механический голос: «Прямо до конца и направо. Третий гараж слева, номер семьдесят два». Голос смолк, ивоцарилась такая тишина, что, казалось, было слышно, как ползет туман по

тропинке. Я шагнул на гравий, и его скрип под подошвой грянул пистолетным выстрелом. Если бы сердце и так не колотилось, как сумасшедшее, оно сейчас сорвалось бы в финишный спурт. Подволакивая плохо сгибающуюся ногу, я медленно двинулся по дорожке, по щиколотку утопая в тумане, отчего самому себе казался оторванным от земли, плывущим над нею. Метров через семьдесят, показавшимися мне километром, дорожка уперлась в распустье, и следуя указанию, я повернул направо. На наглухо закрытых воротах в боксы-гаражи белой краской были намалеваны номера. Шестьдесят девять, семьдесят, семьдесят один. Ага, вот и номер семьдесят второй. И кроме нужной мне комбинации цифр еще одним этот гараж радикально отличался от всех остальных — калитка в гаражной створке, такая же, как та, через которую пять минут назад вошел я, была приоткрыта. Дорожка лежала как бы в низине, к гаражным воротам шел небольшой подъем, поэтому у порога ворот туман истончался, становясь почти прозрачным, и только поэтому в полуметре от стены гаража на фоне серого гравия я смог рассмотреть светлое пятно. Еще пару шагов, и стало ясно, что это мобильный телефон; еще шаг и, с трудом наклонившись, я взял влажный от тумана гаджет в руки. Я сразу узнал белый Самсунг с затейливым узором на задней крышке — это был телефон Дарьи. Я облегченно и очень, очень удовлетворенно выдохнул — я нашел ее, я решил эту практически нерешаемую задачу, за сегодняшний день — не первую. Я толкнул, открывая пошире, тяжелую дверь и вошел в гараж.

Если снаружи глаз еще хоть что-то различал, здесь тьма была такая, что смело можно было, как в поговорке, выколоть его к чертовой матери, все равно пользы от него не было никакой. Я достал айфон, вывел его из режима «стэндбай», и даже прищурился, таким ярким показался свет, испускаемый экраном мобильного. А потом от увиденного отпрянул назад, к двери, и инстинктивно выставил вперед свой импровизированный фонарик. Прямо передо мной, на расстоянии вытянутой руки, на маленьком диванчике-канопе с тремя гнутыми ножками, невесть откуда взявшимся в заштатном останкинском гараже, лежала Дарья. Ее голова покоилась на отлогом подлокотнике. На бледном даже в белом свете мобильного лице двумя выпуклыми синяками выступали опущенные верхние веки, очерченные сверху полукружьями густых бровей, снизу подчеркнутые черной бахромой ресниц. Ее правая рука покоилась поперек груди, левая, с закатанным выше локтя рукавом рубашки, свободно лежала вдоль туловища. Поперек светлой ткани рубашки свившейся в кольцо змеей руку дважды перетягивала тонкая трубка жгута, на локтевом сгибе были отчетливо видна точка от укуса-укола. У средней ножки канопе, воткнувшись в дощатый пол, как диковинная ракета, устремленная к центру земли, торчал шприц с вдвинутым до упора поршнем. Ничего не выдавало в этом тонком теле признаков жизни — не трепетали веки, не вздымалась грудь в расстегнутом вороте рубашки. «Опоздал, — очень устало подумал я, и сам себя одернул: — А вдруг нет?» Я оттолкнулся мышцами спины от врезавшегося мне между лопатками металла и сделал шаг к телу. Дверь за моей спиной, видимо, соскочив с какого-то упора, с грохотом захлопнулась, но я не обратил на это внимания. Я подошел к дивану и, ощущая полное отсутствие сил, опустился на колени. Потрогал Дарьин лоб — она была холодна, как лед. Нужно было проверить пульс, но искать его на запястье я не умел даже у себя. Я протянул руку к Дарьиной шее, приложил палец к межключичной впадине, но ничего не почувствовал. Зато мне показалось, что... Я провел языком себе по тыльной стороне ладони и поднес влажное место к Дарьиным ноздрям. Через секунду влажная кожа на запястье похолодела — Дарья дышала, редко, слабо, но дышала. Словно огромная ноша упала с моих плеч, но, как ни странно, стало не легче, а тяжелее, даже на коленях стоять не было сил. Я

опустился на центр тяжести, устроился на этой пятой точке поудобнее, ощущая затылком Дарьину руку, и ткнул на экране айфона зеленую телефонную трубку. 911 — с энтузиазмом провибрировали нажатые клавиши, но экран разочаровал: «Нет сети». Я матюкнулся — можно было догадаться, что внутри железного гаража нет связи, не зря же Дарья сообразила выбросить мобильник на улицу! С огромным трудом я встал, подошел к двери, толкнул. Дверь не открылась, и я толкнул сильнее, но с тем же результатом. Тогда я навалился на дверь всем телом, ожидая, что сейчас вывалюсь наружу, не смогу устоять на ногах и покачусь кубарем. Но с таким же успехом я мог толкать колонну Большого театра — дверь не открывалась. Я запаниковал. Потом велел себе успокоиться и включил на айфоне фонарик. Свет стал не в пример ярче, чем от экрана, и я принялся изучать ворота изнутри, заподозрив наличие какой-нибудь скрытой кнопки или рычага. Но пять минут тщательного осмотра металла наружной стены гаража не дали ничего — как открыть дверь, я не знал. Посмотрел на индикатор сети — ее не было. Принялся было колотить в дверь, надеясь, что грохот услышит дед на въезде, но на третьем ударе снова бессильно сполз на пол, точно зная, что первые два дед не услышал. Да и был ли он, этот дед, не померещился ли он мне? Понимая, что нахожусь на пороге состояния измененного сознания от потери крови, я уже не был уверен, что весь мой разговор с невидимым дедом был наяву. Да черт с ним, с дедом, надо было что-то делать. Может быть, выход есть из внутреннего помещения гаража, куда слева от канапе вел черный проход? Но сначала нужно попробовать остановить кровь. Жгута нет, но есть брючный ремень, долой его! Так, теперь накинуть петлю на ногу, выше раны, так, теперь затянуть, и все будет окей. Затянуть! Затянуть... Сил затянуть ремень не было. От усилия перед глазами все закрутилось, поплыло. Стоп, сейчас я потеряю сознание, и тогда все! Ладно, черт с ним, с жгутом. Я попытался встать на ноги, но безуспешно. Слава Богу, на четвереньках я передвигаться все еще мог.

Путь в несколько шагов занял у меня, наверное, минуты три. Проход, узкий настолько, что я цеплялся плечами, привел меня в гораздо большее, чем первое, помещение. В дальнем углу горел тусклый ночник, и это позволило мне осмотреться. Комната была обставлена разномастной, но очень приличной мебелью, на полу лежал толстый дорогой ковер. На стене висел большой плоский телевизор, в углу тихо урчал холодильник. У противоположной от входа стены стояла большая тахта, на которой угадывалась фигура лежащей на ней женщины. Я подполз поближе, получая странное наслаждение от ощущений мягкости ковра под ладонями. Женщина лежала в такой же позе, что и Дарья, только обе ее руки были скрещены на груди, а голова отвернута к стене. На треугольном стеклянном столике рядом с тахтой был разложен целый наркоманский набор — шприцы, жгуты, металлическая плошка, погасшая спиртовка, зажигалка. Венчала весь этот арсенал большая, по виду серебряная и дорогая шкатулка с откинутой остроугольной крышкой, полной белого порошка. Я протянул руку, и дотронулся до шеи женщины. Ничего не произошло, и я повернул ее голову к себе. Безвольно мотнувшись, голова упала на плечо. Я поневоле отпрянул от увиденного — страшные белки закатившихся под надбровные дуги глаз, вывалившийся из черных губ огромный язык с засохшей на нем пеной. Это, безусловно, была Ивина подруга Татьяна, но, не зная я, что нахожусь в ее логове, мне было бы тяжело поверить в это. Неудивительно — смерть не красит, потому, что женщина была мертва и, значит, помочь найти выход из ловушки не могла. Я усмехнулся про себя и начал путь назад, стараясь не ступать руками на собственный кровавый след на светлом ковре. В предбаннике я снова с трудом сел, привалившись спиной к канапе, на котором лежала Дарья. Достал

айфон — сети не было, и фонарик светил гораздо тусклее — садилась батарея. Я подумал, что надо бы снова поискать секретный замок на двери в гараж, но понял, что вряд ли смогу снова встать даже на четвереньки. Странно — я понимал, что умираю, но почему-то не испытывал по этому поводу никакого беспокойства. Сознание было ясное, только какое-то густое, плавное, неторопливое. В нем размеренными взмахами крыльев летящих на юг журавлей плескалась мысль: «Ну, что же, так, значит, так. Все-таки я победил своих врагов и ухожу достойно, с гордо поднятой головой. На этой земле я оставляю после себя двоих потомков и, значит, жизнь прожита нельзя. Хотя, почему двоих? А Дарья? Она ведь беременна, беременна моим ребенком, третьим, сыном или дочерью — неважно! Да, но ведь Дарья здесь, у меня за спиной, и если я умру, она тоже умрет, и с ней умрет мой неродившийся ребенок! Нет, этого нельзя допустить, ведь я здесь для того, чтобы спасти ее. Но как я спасу ее, если я сам умираю? Господи, да ведь это элементарно — я умираю от потери крови, и меня спасти может только скорая помощь, до которой я по ряду обстоятельств не могу дозвониться, но с Дарьей ведь дело иное! Она умирает от того, что приняла наркотик, вероятно, героин, но ведь у меня в кармане есть средство от этого! Та колючая марка, которую она отдала мне на вокзале в Запорожье, марка с «горячим снегом»! Ты помнишь, ведь это не просто смесь кокаина и LSD, она обладает способностью вытаскивать после передоза героин. Так чего ж ты, блин, медлишь?! Невероятно длинным, каким-то жирафьим движением я вытянул из кармана лопатник, расстегнул, достал из потайного карманка пакетик с маркой. Кошелек упал на пол, но я не обратил на это никакого внимания, весь сосредоточенный на том, чтобы в тусклом свете айфона расстегнуть zip-лок и достать марку. Но вот, наконец, она в моих дрожащих пальцах, осталось вложить ее Дарье в рот. Я уже начал с огромным усилием поворачиваться, как вдруг неожиданная мысль заставила меня изменить план. Не без труда я разорвал марку пополам, положил одну половинку себе под язык, и только потом, умудрившись-таки развернуться, открыл Дарье рот и вложил в него другую половинку. Снова сел, как сидел, не имея сил даже утереть катящийся градом со лба холодный пот. Скоро под языком ожидаемо защипало, занемела челюсть, шея, плечи, весь торс до пояса. Мне казалось, что я превращаюсь в каменную статую, что меня, как генерала Карбышева, поливают на морозе водой, и я становлюсь ледяной глыбой. Мои веки сковала трескучая корка льда, под его неумолимой тяжестью мои глаза закрылись, и я погрузился в огромный, неподъемный антарктический сон.

Я сидел, бессильно привалившись к мраморному столу в родовом склепе Капулетти, на котором покоилась Джульетта. Я — Ромео Монтеки, и я тоже умираю, раненный в поединке ее отцом, старым графом Капулетти. Нет, почему графом? Ведь я дрался с Тибальдом! Но почему же тогда я точно знаю, что отец Джульетты мертв, и что убил его я? Боже, что сказала бы она, если бы знала, что ее возлюбленный стал убийцей ее отца?! Да, мы любим друг друга, но как смогли бы мы быть счастливы, ведь это всегда было бы между нами? Наверное, хорошо, что я умираю, и ей не придется, разделяя со мною постель, сносить эту невыносимую боль. А каково ей было бы объяснять нашему ребенку, что по законам кровной мести он должен был бы отомстить за смерть своего деда, убив... собственного отца! А, впрочем, какое это имеет значение, ведь мы умрем оба...

— Как ты нашел меня? — раздался надо мной Дарьин голос. — Это потому, что я выбросила телефон наружу?

— Да, ты умница, — через силу ответил я. — Если бы не это, я не смог бы тебя найти.

Как ты догадалась?

— Ну, если честно, не такая уж и умница, — скромно потупила взгляд Дарья. — Если б умница была, сама бы вышла. А мобильник я со злости приложила об стену, он попал на кнопку выхода, дверь и приоткрылась. Только я двигаться уже не могла, но хвостик сети сюда заполз, и я тебе набрала наудачу и выкинула его. Случайность.

— Да, — подтвердил я, — потрясающая, великая случайность. А где же здесь кнопка выхода? Я искал ее, искал, но так и не смог найти.

— О, это знает только тетя Таня! — глубокомысленно подняла палец вверх Дарья. — Я тоже пыталась найти, но бесполезно. Тыкаю в то же место, куда только что прикладывала палец она — бесполезно! Она снова тыкает туда же — дверь открывается. Она говорит, что чужой может открыть только случайно.

— Как такое может быть? — удивился я. — Это за пределами рациональной логики.

— Рациональная логика здесь не действует, — наставительным тоном сказала Дарья. — Вот ты думаешь, мы где? В гараже, в гаражном кооперативе? Не-ет! Здесь что-то вроде черной дыры, другое измерение. Вот ты когда в ворота входил, ничего странного не заметил?

— Заметил, — подтвердил я. — Там дедок такой на воротах удивительный, голос его слышен, а его самого я так и не увидел. Бесплотный какой-то. Потом туман был, как живой. Но я думал, что это у меня от потери крови.

— Да нет, кровь здесь ни при чем, — фыркнула Дарья. — Здесь реально другой мир, нечистая сила, инопланетяне и прочее. Вот этот дедок — он с Фомальгаута, а тетя Таня — местная, ведьма.

— Я догадывался, — протянул я. — А разве ведьмы могут двинуть коньки от передоза?

— В каком смысле? — наморщила лоб Дарья. — А-а, это ты про то, что там, в комнате увидел?

— Ну, да, — простодушно ответил я. — А что, на самом деле все не так? Мне это что, померещилось?

— Да нет! — помотала головой Дарья. — Нет тут такого — померещилось, показалось. Просто ты видел картинку из того, нашего, привычного измерения. В том измерении после похорон мамы тетя Таня забрала меня сюда, и как начала с горя ширяться, так и не слезла уже с иголки, заколола себя до смерти.

— Что, такое горе? — засомневался я. — Чтобы прямо до смерти?

— Она маму любила, — объяснила Дарья. — Не в смысле вообще, а как женщина женщину. Она лесбиянка была, ну, и маму на это подсадила, еще давно. Но маме это было так, за компанию. Или, например, никогда не ешь чего-то — острого там, например, или кислого, и вдруг — фигак-с! — и хочется. А тетя Таня ее всерьез любила, до истерик. Мужиков маминых ненавидела — Эдуарда, тебя. Даже отца. Над мамиными рассказами об ее хахелях ржала, а потом рыдала в уголке. Два раза вены вскрывала. Как-то мне сказала, пьяная: «Если мамы твоей не будет, мне жить незачем».

«Обманула-таки!» — подумал я, вспомнив наши давние «фанты честности» и вопрос, на который Ива ответила отрицательно.

— У-у, — протянул я вслух, — вона как! Тогда понятно. Любовь — это такая штука!.. А ты-то что все это время тут делала? Почему не ушла?

— Ну, я тоже после похорон такая вполне себе серо-черная была, — нахмурилась Дарья. — Жить конкретно не хотелось. Нет, я, конечно, «расписываться в получении» не

собиралась, у меня же ты остался, дочка наша. Ты же в курсе, тебе отец рассказал?

— Да, да, конечно! — улыбнулся я. — Я так рад. Только вот отец твой... умер он.

— Я знаю, — кивнула она.

— Нет, он второй раз умер, — думая, что Дарья не понимает, уточнил я. — По-настоящему.

— Да, да, я знаю, конечно, — подтвердила Дарья. — Здесь все всё знают, система такая. Потом, я его в душе похоронила уже, второй раз легче.

— Это я его убил, — признался я. — Прости.

— Нет, не ты, — помотала головой Дарья. — Он сам себя убил. Давно, когда задумал все. Кстати, я смотрела мнемозапись: у тебя ни на миг в голове не было желания его убивать, и ты ни на микрон не коснулся кинжала. Ни один настоящий суд не признает тебя виновным. А ему... Ему так и надо, он получил по заслугам.

— Как ты так можешь, он отец тебе! — скорее, по привычке, чем от души, менторски выговорил я ей.

— Он маму убил, — глухо ответила Дарья.

— Он все-таки?! — вскричал я. — А мне клялся, что она сама, сама.

— Ну, в спину он ее не толкал, — согласилась Дарья. — Она пьяная была, а он явился, как с того света. У нее крышу снесло от ужаса, а он ее словами гнал на балкон, к парапету. Шипел, как змея, в ухо: «Ты никчемная, ты ничтожество, ты хуже даже своей матери!» Она плакала, но не могла сопротивляться, как кролик удаву. Он заставил ее, смотрел, как она перекидывает ногу через ограждение, смотрел и смеялся. А потом по одному разжимал ей взглядом пальцы. Он страшный, он не отсюда. Зер Калалуш, одно слово. Хорошо, что он умер.

— Так, ну, и дальше? — видя, что Дарья загрустила, поспешил сменить тему я. — Что было дальше?

— Ну, дальше..., - смутилась она. — Я не хотела, но подумала, что была бы плохой дочерью, если бы блюла себя в день маминой смерти. Искала повод, чтобы... чтобы самой тоже было плохо, понимаешь?

— Понимаю, — кивнул я. — Заплатить.

— Да, да! — подхватила радостно Дарья. — Заплатить, как тогда!

— Ага, а то, что беременна — пофигу? — нахмурился я. — Ты понимаешь, что не только себя могла угробить, плательщица ты фигова?!

— Я точно не знала тогда, — осела Дарья. — Это отец тебе сказал? Я его на понт взяла, чтобы он мне моралей не читал. Но я чувствовала, правда! Все как-то по-другому, не как обычно. Не знаю, что делала бы, если б точно знала,

— погоди, погоди, — осадил ее я. — Ты хочешь сказать, что с беременностью ты — это, придумала, что ли?

Я вдруг четко понял, что несся сюда, как одержимый, теряя по капле собственную кровь, не только и не столько спасать Дарью, а — спасать Дарью, беременную моим ребенком, моей дочерью!

— Почему придумала? — обиженно пожала плечами Дарья. — Я же говорю: просто точно не знала.

— Что значит: точно не знала? — начал заводиться я. — Я так понял, что тест, которым ты отцу хвалилась, на самом деле не показал ничего?

— Много вы, мужики, понимаете, что там этот тест показывает! — фыркнула Дарья. —

Мне показалось, что он чуть-чуть цвет изменил. А, может, просто в туалете одна лампочка не горит, не видно ни фиги! Я его трясла-трясла... Но я же говорю — я чувствовала! В организме, внутри все изменилось! Блин, тебе не понять. Да и какая разница, если теперь я точно знаю?!

— Как ты можешь «теперь точно знать»? — опешил я. — Вчера тест ничего не показывал, а сегодня все показывает, что ли? И где, позволь спросить, ты этим тестом пользовалась? В крапиве за гаражом?

— Там лебеда, — прыснула Дарья. — Глупый, ты до сих пор не понял: здесь другое измерение, здесь все ясно безо всякого теста.

Все еще настроенный на разнос безответственной девчонки, я осекся.

— То есть, ты все-таки беременна?

— Exactly, sir! — по-английски ответила Дарья, вытягиваясь в струнку и по-военному козыряя двумя пальцами. — With no any doubts!

Без никаких ваще сомнений!», — голосом небезызвестного Гоблина перевел последнюю фразу невесть откуда взявшийся толмач где-то внутри моей черепной коробки.

— Так какого ж фиги ты отраву эту всякую глотала?! — попытался сердито и назидательно продолжить я, но получилось, наоборот, слабо и беспомощно.

— Так я ж говорю — не знала, — прильнув к моему плечу и хитро заглядывая мне в глаза, ответила Дарья.

Тьфу, блин: «У попа была собака...» Я смотрел на ее подрагивающие от сдерживаемого смеха губы и не знал: продолжать назидать или спустить пар. Хотя первое, пожалуй, у меня не получилось бы уже сейчас — подтверждение того, что Дарья все-таки беременна, разлилось у меня внутри волной мягко-пушистого, совершенно обезоруживающего тепла.

— И что — девочка? — недоверчиво спросил я.

— Девочка, — закивала Дарья, расплываясь в улыбке. — Дочка.

Слезы вскипели в моих глазах, я задрал голову к низкому темному потолку, чтобы Дарья не заметила. Она заметила, протянула руку — утереть. Я перехватил ее за запястье, поцеловал холодную ладонь, буркнул примирительно:

— Ладно, что дальше-то было?

— Ну, тетя Таня не хотела давать, но я ее уломала, ты же меня знаешь. Я и уплыла. А когда вернулась, уже отчалила тетя Таня, а без нее не выйти. Я колотилась, колотилась, такая тоска взяла, хоть вой. Снега не нашла, зато россыпи «Гертруды» прямо на столе, хошь — щепотью закидывайся, хошь — жменью. Хотела так, познакомиться, но переборщила. Сначала ничего не было, только злость одна, ну, я мобильник об стену и приложила. А дверь возьми, и откройся! Мне бы сразу бежать, но тут как раз пришло. Коленки подогнулись, я только тебя успела набрать, и телефон на улицу выкинуть, меня накрыло и — все.

— Да, теперь понятно, теперь склалось, — задумчиво кивнул я. — А то я голову сломал — дверь была открыта, телефон выкинула, почему сама не вышла? Слушай, так а с тетей Таней-то что? Ну, здесь, в этом измерении? Если она не умерла, то где она?

— А, здесь где-то, — пожала плечами Дарья. — Она здесь старшая, у нее клиенты со всей галактики, дел по ноздри, хоть на цыпочки вставай! Тебе с ней что, пообщаться хочется?

— Да нет, нет! — замахал руками я. — Я так просто, понять, если она в том, нашем измерении за стенкой вся черная лежит, а в этом клиентуре с Арктура да Фомальгаута здорвехонькая стаф толкает, то чего мы в этом сарае железном сидим?

— Да нет, пошли! — подхватила Дарья. — Чего мы, правда! К тому же сейчас же конкурс начнется! Я участвую! Давай, опоздаем!

— Конкурс? — не понял я, но Дарья уже схватила меня за руку и мощно, как стартующий ракетноситель, взмыла к потолку, увлекая меня за собой.

Я зажмурился, ожидая неизбежного столкновения с железобетонной крышей, но мы прошли ее, как раскаленная игла легкий газовый платок, как нейтрино пронзает толщу свинца, собственно говоря, прошли сквозь нее. Я посмотрел вниз, и увидел стремительно удаляющийся ГСК, башню, все Останкино, Москву, Европу. Через пару мгновений бело-голубой шарик планеты Земля превратился в точку, песчинку, справа пыхнуло весенним теплом все в желто-рыжих завитушках Солнце. Как проносящиеся мимо скоростного поезда столбы, проухали мимо Марс, Сатурн, прочие планеты нашей системы и в том числе невесть как затесавшийся между ними карминный куб Самарского драматического театра вместе с ощетинившимся винтовками и копытами памятником Чапаеву. Сосредоточенная Дарья с вытянутой вверх, как у Супермена, рукой, сжатой в кулак, неслась вперед, весь низ ее туловища от пояса, как и положено ракете, представлял собой сплошной столб анамезонного огня.

— Далеко нам? — обеспокоенно спросил я Дарью, немного убирая голову от факела, слегка подпаливающего мне волосы на макушке.

— Нет, тут рядом, — отозвалась она, не сбавляя хода. — Двадцать семь парсеков, нет смысла на струну заморачиваться. Если по-нашему, влом выгонять машину из гаража, чтобы метнуться за хлебом в булочную за углом.

«Резонно», — подумал я, пытаюсь получше разглядеть проносящуюся мимо звезду размером раз в десять превышающую Солнце. Звезда перехватила мой любопытный взгляд и, видимо, не будучи избалованная мужским вниманием, покраснела от удовольствия и принялась прихорашиваться, взбивая в ослепительные вихри платиново-белые волосы в своей короне.

— Ты че творишь, коза?! — закричала ей Дарья. — Ты сейчас своими волосищами-протуберанцами планеты свои спалишь! А там, между прочим, жизнь зарождается! Не время тебе еще красным гигантом становиться! Унялась сейчас же, а то сотру с карты звездного неба ко всем чертям!

Звезда от страха снова побелела и принялась прихлопывать, приглаживать назад разбушевавшуюся прическу.

— От, бабы! — фыркнула Дарья. — Видит, что мужчина занят, а ведь нет, туда же! Фефёла белоспектральная! Ненавижу блондинок!

Я внимательно посмотрел на нее снизу вверх, но по выражению ее подбородка и мочки правого уха понять, входит ли в прилагаемый список ненавидимых блондинок ее мать, было невозможно.

— Дарья, скажи, а как у твоего отца оказался наш с твоей матерью турецкий снимок с твоего телефона? — вместо этого задал я ей давно мучивший меня вопрос. — Занимательный такой снимок.

— А, этот, что ли? — переспросила она, и абсолютно на всю бескрайнюю звездную сферу вокруг нас спроецировался тот самый скабресный кадр.

Хотя — нет, это был тот снимок, да не тот. На том, который показывал мне Аббас, голова мужчины была обрезана, а на этом присутствовала. Как ни странно, голова это была моя, и я с потрясающе сосредоточенным видом взирал на Ивин копчик, как будто на нем

были вытатуированы скрижальные откровения.

— Хм, — сказал я и, не получив ответа, переспросил: — Хм?

— Ну, да, прежде, чем посылать снимок папеньке, я обрезала твою личность фотошопом, вот только про часы не додумала, — откликнулась Дарья. — Я же не тебя, я мамашу хотела подставить, царствие ей небесное!

— А чего ты так на нее взъелась-то? — поинтересовался я. — Что она телефон твой разбила?

— Ага, телефон разбила, по морде съездила, — кивнула Дарья. — А ты что, видел?

— Видел, — сознался я. — Я в машине сидел, и из-за кактусов подсматривал. Что ты ей наговорила, что она так взбеленилась?

— Да ничего такого, — пожала плечами Дарья. — Просто думала попроситься, чтоб по-человечески. Смотрю, тебя нет, хотела позвонить. А она: «Откуда у тебя его номер?» Ну, я ей честно говорю — мол, у тебя в телефоне взяла. Она: «Ах, так? И давно ты ему названиваешь? Что, мол, подросла, сучка, на чужих кобелей начала засматриваться? Жалеешь, что ночью не обломилось?» Ну, я и сказала ей, что она дура. Ха, она мне так влепила, что я минуты три салютами в небе любовалась! А она еще возьми и телефон подбери, а там эта фотка. Ну, она его и растерла, думала — все, уничтожила палево. А тут уже меня переклинило — чтобы вот так по морде, я стерпеть не могла. Ну, и кинула со злости фотку отцу на телефон, карта памяти-то невредимая осталась.

— Да, уж, — согласился я, — кабы знать. А на следующее утро это ты мне звонила? С нового аппарата?

— Ага, — кивнула Дарья. — Мать с утра решила мириться, притащила мобилу новую взамен разбитой, а сама пошла в душ. Ну, я и звякнула тебе — хотела извиниться за ночное выступление, но ты не ответил.

— Да, точно, — вспомнил я. — Но я перезвонил!

— Ага, когда мамаша вернулась. Я купаться ушла, а телефон в номере остался, потому что мать мне его еще типа не вручила. Я свой исходящий звонок, ясно, затерла, а тут ты. Она, конечно же, врубилась, как ты можешь на только что купленную местную турецкую симку звонить. Спалил меня, короче, конкретно. Если бы не Софин звонок, что отец разбился, не миновать бы мне с мамашей новых разборок, потому что с этого моего звонка у нее в голове четко прозвенело, что я к тебе дышу неровно.

— А когда ты в Мариуполь рванула, с понтом к Володе, у вас как прошло? — осторожно спросил я. — Потому что после твоего отъезда она жене моей телегу накатала, слила ей про нас с тобой и что было, и чего на тот момент еще не было — все, в общем.

— Следовало ожидать, — скривила губы Дарья. — Я когда уезжала, мать только спросила: «Куда?» Я сказала, что в Харьков к Володе, и все. А она уже в дорогу мне эсэмэску прислала — мол, знаю, ты не к нему едешь. Я не ответила, что мне ей было сказать? Тогда она прислала еще одну — мерзкую, ужасную.

— Какую? — спросил я, уже догадываясь о содержимом.

— Мол, прежде чем с кем-то трахаться, пораскинь мозгами, кто мог убить твоего отца, — жестко ответила Дарья.

Я подумал, что за все время нашего общения вопрос о том, как погиб Аббас, Дарья ни разу не затронула.

— И что же ты? — нахмурился я, — Пораскинула?

— Пораскинула, — усмехнулась Дарья. — Ну, во-первых, исходя из того, что я знаю о

тебе, уверена, ты не стал бы мстить врагу через столько лет после того, как между вами все отгремело. Отец — злопамятный, он мог бы. Ты — нет. Во-вторых, получается, что мать, предупреждая меня, сама продолжала якшаться с убийцей отца, лила слезы, что ее бросили? Нет, я по поводу ее «облико морале» особых иллюзий никогда не испытывала, ты знаешь, но такой беспринципной сукой мамаша, царствие ей небесное, точно не была! И, значит, мне она врала, от тебя пыталась отвадить.

Я вспомнил Иву, траурно раздевающуюся передо мной в их с Аббасом супружеской спальне. Вспомнил ее совершенно пьяные глаза и совершенно трезвые слова тогда в кафе. Вспомнил, как Ива по телефону клялась, что, конечно же, не считает, что Аббаса мог убить я, но тут же, оказывается, пишет дочери прямо противоположное. Интересно, насколько критическим могло бы быть отношение Дарьи к матери, если бы дочь знала о ней решительно все?! Я попытался заглянуть Дарье в глаза, но мешал столб огня.

— Есть еще «в-третьих», — вслух подумал я.

— Что ты не такая сволочь, чтобы соблазнять дочь убитого тобой бывшего друга? — засмеялась Дарья. — Сам себя не похвалишь, да?

— Ну, вроде того, — стеснительно улыбнулся я, в который раз подивившись Дарьиной остроте. — Долго нам еще?

Мой вопрос повис в неожиданной тишине, потому что Дарья как раз выключила мотор.

Мы стояли на куполообразном возвышении посреди бескрайней равнины. Прямо над нашими головами высоко-высоко в розово-сиреновом небе пылали две звезды — желтая и голубая. Края горизонта удивительным образом задирались вверх, и я сообразил, что мы на дне какого-то гигантского кратера. Присмотревшись, я разглядел, что стенки кратера рукотворные, вырубленные в породе в виде ступеней. «Так это же трибуны! — понял я. — Это театр, что-то вроде Колизея!»

— Здесь уместится больше Колизеев, чем ангелов на кончике пера! — пояснила Дарья. — Это МПКССЖ — межгалактический перформансный кратер имени Солипсического Смысла Жизни. Под это дело размерами не подходила ни одна планета, специально охладили и выдолбили красный гигант, который с орбиту нашего драмтеатра размером. МПКССЖ вмещает сто четырнадцать тысяч на десять в степени бесконечность зрителей, и то некоторые перформансы приходится в две смены запускать, как солдат в баню.

— А сегодня что за перформанс? — спросил я. — Ты ведь говорила, что участвуешь?

— Да, уж, — жеманно присела на книксен Дарья. — Как же-с без меня-с? Перформанс в честь такой персоны без меня никак не может пройти! Ладно, я побежала готовиться!

— Что еще за персона? — ревниво крикнул я ей вслед, но Дарьи уже и след простыл.

Зато во весь совершенно бескрайний небосвод мириадами мерцающих бенгальских огней (каждый размером, думаю, чуть больше Китая) зажглась моя последняя фраза: «Что еще за персона?» Где-то в зените, аккуратно между светилами, раздался смешок, потом еще один, потом засмеялись несколько голосов сразу. Смеющихся становилось все больше, их смех — все громче. Через минуту от хохота несчетного количества глоток кратер начал сотрясаться, как при сходе снежной лавины. Это было так заразительно, что засмеялся и я тоже, и в это мгновение надпись на небе опала длинными струями огненного дождя, и вместо нее тут же вспыхнула новая: «Ну, конечно, это ТЫ!!!» «Я?» — удивился я, сгибаясь в полунаклоне и пальцами обеих рук, собранными в щепоть, тыча себе в грудь. «Да!» — грянули все смеявшиеся голоса разом. Надпись снова опала и тут же загорелась новая, по

сравнению с которыми размерами и красочностью предыдущие были, как надпись из трех букв фломастером на косяке двери в сравнении с «Герникой» Пикассо. «Церемония вручения ежевременной вселенской премии имени Смысла Жизни объявляется начатой!» Наступила мгновенная изумленная тишина, и вслед за этим на ближней ко мне трибуне раздался взрыв. Когда осела порода, я увидел, что на месте взрыва сидит странное существо, очень похожее на усеченный конус из брусничного желе, которое я так любил в детском саду. Желе приветливо моргало мне всеми своими глазами (невнятные вибрации его студенистого тела я четко воспринимал, как моргание глазами), а в его руках (трудно описать словами, как могут быть руки у куска студня, но они у него точно были) был плакат с залихватской надписью на совершенно неизвестном мне языке: «Первыйнат!» Раздался второй взрыв, и рядом с желе появился какой-то немислимый гриб с ножкой, растущей вверх. Гриб презрительно посмотрел на желе, пробормотал что-то вроде: «Второйнат!», и послал мне воздушный поцелуй. Вслед за этим взрывы посыпались, как конфетти из новогодней хлопушки. Я уже понял, что взрывы эти — последняя фаза межгалактических перелетов, которые совершали приглашенные, стадия схлопывания струны. Большинство взрывов были обыкновенными, техническими, но некоторые появлялись из термоядерных грибов, аннигиляционных реакций и даже из вспышек сверхновых. При этом все, кто появился из простых взрывов, смотрели на термоядерщиков и аннигиляционщиков так, как смотрели бы работяги на металлургическом заводе на сотоварища, вышедшего на смену во фраке и цилиндре — со смесью удивления и жалости. Те же отплачивали серой массе ярко выраженным презрением, а один особо отличившийся, прибывший из взрыва совершенно непонятного мне генезиса (что-то вроде чудовищного, на полвселенной, хлопка пробки от шампанского), откровенно показал всем пялящимся «фак». Но все, все они, даже этот маргинал с «факом», посылали мне знаки неприкрытого и искреннего приветствия и восхищения. «Ёлы-палы, чем же это я так прознаментился?» — подумал я, разглядывая гостей. Прибывшие первыми Желе и Гриб оказались далеко не самыми экзотическими из них. Тут были и глыбы каких-то металлов, и камни, и что-то облачное и струящееся. Сгустки шаровых молний соседствовали с нефтеподобными аморфными каплями цвета побегов липы; энергетические завихрения перемежались с драконоподобными существами с добрейшими глазами, сидящими на хвосте. Из большого количества взрывов не появлялся, на первый взгляд, никто, и только включив внутреннее зрение, можно было понять, что гость — просто сгусток пространства или времени, в обыкновенном свете, естественно, невидимый. Встречались и гуманоиды, правда, их было немного, хотя, конечно, рассмотреть всех зрителей не было никакой возможности. За время, за которое я успел дважды почесать свербящий от поднятой взрывами пыли нос, все трибуны были забиты до отказа. Все это совершенно бескрайнее море с виду живых и не очень существ волновалось и шумело, точно воспетый Пушкиным театр в ожидании выхода божественной Истоминой. Но вот прозвенел звонок... или нет, ударил гонг... собственно говоря, никаких звонков и гонгов не было, но я точно знал, что они прозвучали, точно так же, как узнали и все, и тотчас все стихло. «Церемония объявляется открытой!» — провозвестила новая надпись на небесах, и кратер взорвался вышибающими мозг аплодисментами. «Потише, потише, товарищи! — сказал вдруг кто-то рядом со мной удивительно знакомым голосом. — У обитателей планеты «икс ка зет один три шесть восемь девять ноль три четыре ку пополам», которую они называют Земля, откуда наш сегодняшний лауреат, нет встроенной системы регулировки громкости, поэтому всем перейти на подпространственную манеру выражения эмоций». Грохот сразу

стих, но вместо этого на небе отразилась огромная шкала со стрелкой, как у потенциометра. «Эмоциометр», — смекнул я, я удовлетворением отметив, что стрелка прибора дрожит возле красной зоны. «Товаищи! — почему-то по-ленински картавя, начал голос. — В этом отъезде ежевременно вселенская пьемия имени Смысла Жизни вьучается Арсению Ко'стьеневу!» «Костъенёву, — вежливо поправил оратора я. — Звук Ё, как в слове Катъин Денёв». Стрелка эмоциометра легла почти горизонтально в плюсовую зону — зал шутку оценил. «Хе-хе-хе! — посмеялся вместе со всеми и оратор, переставая, однако, картавить. — Наш лауреат, несомненно, чувством юмора не обделен. Скажите, не это ли помогло вам спасти кошку?» «Кошку? — не понял я. — Какую кошку?» Стрелка встала на ноль, зал замер. «Вот так так! — возвестил ведущий. — Наш лауреат даже не помнит, когда и при каких обстоятельствах он совершил свой вселенский подвиг! Скромность, как говорится, не порок! Давайте же освежим его память!» Зал отмер, стрелка встала вертикально.

На небосводе в сопровождении песни «Мгновения» из сериала про Штирлица пошли черно-белые кадры хроники. Не сразу, но я узнал видеоряд. Это было в середине девяностых, Марина с Кириллом отдыхали в пансионате в подмосковной Дубне. В пятницу мы с товарищами по борьбе нарезались в офисе до состояния измененного сознания, и засобирались к проституткам. У меня же возникло достаточно нетипичное на тот период жизни отворачивание к данному мероприятию и, напротив, ярким пламенем в душе вспыхнула любовь к семье. Что выразилось в том, что, слиняв втихаря от стремящихся к непроприетарной любви собутыльников, я сел в машину и, пьяный до невменяемости, рванул в Дубну. Время года была зима, скользко, но пьяных Господь бережет. Берег он меня до поры до времени и в тот раз, но на посту ГАИ в Ермолино меня все-таки остановили. Гаишник даже товарищей позвал, чтоб подивились, в каком состоянии человек из Москвы так далеко доехал. Мой вояж мог прерваться на полдороге, но я сообразил сочинить, что еду не просто к жене, а по случаю рождения ребенка. «Ну, это же другое дело!» — порешила ГАИшная братва, и меня отпустили, пообещав предать по трассе, чтобы меня и дальше не трогали. Радостный и немного протрезвившийся, я поехал дальше. Но в местечке со страшным названием Деденёво скользкая дорога и нешипованная резина все-таки меня подвели. Хотя, если бы не кошка... Кошка возникла на моем пути неожиданно, и когда я увидел точки ее горящих в свете фар глаз, было уже поздно. Если бы я держал руль прямо, ничего не случилось бы, но, разумеется, смириться с гибелью кошки под моими колесами я не мог. Я начал объезжать, меня занесло, крутануло раз, два, и задницей бросило в крутой кювет аккурат между двумя толстенными липами, которыми была усажена обочина дороги. Машина стояла почти вертикально, но, к вящему удивлению сбежавшихся местных ротозеев, ничего не разбилось и даже не помялось, — спас глубокий снег в кювете. Полночи со страшной радостью и распитием водки из ближайшего круглосуточного ларька целая ватага местных «пацанов» с помощью сначала трактора «Беларусь», а потом КамАЗа вытаскивала меня из кювета, и к утру, уже совсем трезвый, я добрался-таки до Дубны. Весь остаток дороги я ежился, нервически посмеиваясь над приключением, которое могло закончиться гораздо хуже. «Да уж, свезло, так свезло», — думал я, особенно удивляясь категорическому заявлению двух «пацанов», которые видели момент аварии: «Да не было на дороге никакой кошки!»

«Была, была кошечка!» — вспыхнули небеса, и зал снова сорвался в аплодисменты.

— Так что, мне за ту кошку премия положена? За простую кошку? За ерунду такую? — удивился я.

— Точно так, — ответил ведущий. — За ту самую. Только и кошка была не простая, и поведение водителя — не ерунда.

— Да ладно, экий, право, подвиг! — воскликнул я. — Никто не стал бы животину давить.

— Это как сказать, — ответил ведущий. — Система выбора лауреатов не ошибается. Анализ действий водителя показал, что в девяносто девяти и девяти в периоде процентов вероятности он не должен был, будучи в таком состоянии, пытаться объехать кошку. Точно такой же процент показал анализ возможных действий всех прочих существ во Вселенной в аналогичной ситуации. Вот, премия просто так, за фу-фу не присуждается.

— Угу, ясно, — ответил я, проникаясь к самому себе глубоким уважением и почтением. — Так а что за кошка-то была это такая непростая?

— За простую кошку то же самое полагалось бы, — не ответив на мой вопрос, сухо произнес ведущий.

«Да ты чё, это ж мама его была!» — ментально толкнул меня в бок Желе с первого ряда. — Она у него такая, по ночам шныряет по Вселенной, смотрит, где как его творения живут. Как Гарун-аль-Рашид по Багдаду!» «Чья мама?» — не понял я. «Ну, его! — пояснил Гриб. Я закрутил головой, и увидел... Нет, не увидел, а — понял, что ведущий — это мой старый знакомец Креатюрье.

— Это вы! — воскликнул я. — Ну, вы, это, блин, даете! Я вас и не узнал! Картавить начали.

— А это и не я вовсе, — ответил ведущий. — Ты вот с кем тот раз разговаривал? С Креатюрье? А я же, напротив совсем, Солипсический Смысл Присносущего, сокращенн СэСэЖэ.

«Странно, — подумал я, — по буквам не сходится».

— А по буквам и не должно, — прозвучал где-то в толще моей черепной коробки ответ. — Главное, чтобы по смыслу сходилось. Присносущее — сиречь, жизнь. Отсюда СэСэЖэ.

Жизнь присносуца? Да как же это? Развее жизнь была всегда? Ведь, собственно, Он её и создал, причем не так давно: несколько тысяч лет назад по Библейским канонам или пару миллиардов — для современных космогонических представлениях о Вселенной это все — «недавно», а в сравнении с вечностью — и подавно.

— А сам-то я что, неживой, по-твоему, что ли? — хмыкнул у меня в ухе голос Кре... то есть, СэСэЖэ.

Меня совсем переключило. Я осторожно поднял глаза в то место в вышине, где по ощущениям должна была находиться голова моего собеседника, но за вспышками перманентных салютов ничего не увидел. «Собственно говоря, не имею четкого мнения по этому поводу», — допустил в голову политкорректно сформулированный ответ я.

Да лан, не парься! — хохотнул в залблачной выси ССЖ, и я совершенно отчетливо ощутил, как меня похлопывают по плечу. — Шутю я! Просто аббревиатура ССП была уже занята.

«Союз советских писателей?» — не удержалась от ерничания моя сущность. «Совет Сионских праведников!» — не дал себя срезать ССЖ, подмигивая очередным салютом.

— Но я так понимаю, что любое из них не более, чем просто другое из ваших имен, коим несть числа? — перевел разговор на более понятные материи я.

— Ну, и так можно сказать, — довольно хмыкнул ССЖ. — Но это больше всего

подходит для сегодняшней церемонии.

— Потому что Солипсический? — догадался я.

— Ага, — кивнул ССЖ. — А ты что, шарить в солипсизме?

— Так, немного, — уклончиво ответил я, смутно вспоминая, что солипсисты считают, что нет никакой реальности кроме той, что транслирует наш собственный мозг. — Но почему, по-вашему, для сегодняшнего события так подходит именно солипсизм?

— Потому, что расходы на подобную церемонию при солипсическом подходе не в пример меньше, чем при других. Представляешь, сколько потребовалось бы всего диалектикам-матерьялистам, чтобы организовать сегодняшнюю эскападу представителей большей части Вселенной в этот весьма отдаленный район? Одни расходы на рассылку приглашений и печатание программки истощили бы бюджет! Ведь они предлагали делать это все на самом деле! И звезду охлаждать и выдалбливать — тоже! Смета была на сумму, которую у вас назвали бы астрономической, и с которой они, разумеется, были посланы... Э-э, в смысле, я им дал другое задание, попроще. Другие, начитавшись Канта, заявили, что выполнить задачу вообще невозможно, так как ее условия выходят за всякие границы их опыта. Ну, я и их послал... в смысле, опыта набираться. И только смета солипсистов меня устроила, и я ее утвердил.

— Да, подход — не поспоришь, — согласился я. — Курочка по зернышку клюет, копеечка рупь бережет, и все такое. Даже экономика неограниченных возможностей должна быть экономной.

— Верно смекаешь, товарищ! — похвалил меня ССЖ. — Потому что когда у такой малости, как бесконечность, еще и убавить, то остается вообще пшик. От такого лично я всегда нервничаю.

— Оно и понятно, — кивнул я. — Какова же в итоге оказалась смета? Ну, если в каких-то доступных мне единицах измерения материальных субстанций?

— Как сколько? — удивленно вскинул брови ССЖ. — Нисколько, конечно! Ноль! Больше бы я ну ни в жисть не утвердил!

Я замолчал, несколько растерявшись. Если до этого момента я как-то удерживал за самый кончик нить разговора, то теперь она явно выскользнула из моих пальцев. Почему нисколько-то? Хотя, ну, да — ведь у солипсистов все, абсолютно все происходит только в сознании? Ну, да, сходится! СэССЖ нужно было всего лишь поместить сценарий в мок голову, а он, с его-то возможностями, точно на это сильно не потратился. То есть, проще говоря, ни копейки на заплатил. Хотя, если подразобраться, кое-что здесь все-таки не сходится.

— А вот в моем сознании это все каким образом взялось? — с выражением лица деревенского простачка спросил я. — Ведь под действием «горячего снега», надо понимать, верно? Но ведь «горячий снег» — штука материальная, она, так сказать, денег стоит. Эти-то расходы, похоже, в смете учтены не были?

ССЖэ посмотрел на меня с несколько деланным восхищением.

— Молодец, пять! — с интонациями Жоры-Скальпа воскликнул он. — Звезду героя солипсического труда тебе на грудь. Быть тебе моим замом по экономике, вот только штатной единицы нету! Думаешь, поддел? Уел, так сказать? Ан нет, торпеда мимо прошла. Ты-то «снежинку» на халяву получил, верно? Вот и зачем бы я, скажи на милость, тратился? И вообще, хватит, давай продолжать, времени мало.

«Интересно, как может быть мало времени у че... то есть, у Креатюрье, или ССЖ, и

общем, у того, кто все создал? — мелькнула у меня в голове критико-диалектическая мысль. — Он же и время создал, у него его — бесконечность?» Я осторожно взглянул... то есть, не взглянул, а обратился органами чувств к ССЖ — не ощутил ли он мою крамолу? Конечно, он ощутил.

— Видишь ли, Ар, — обратился он ко мне почему-то по тому, прежнему имени (а, может, просто сократил от Арсений?) — Я ж говорю — бесконечность на поверку — это очень, очень мало. Просто это самое большее, что я пока смог придумать. Ну, а при условии, что у большинства в этом зале нет в распоряжении даже этого, предлагаю тебе не пудрить мне моз... ну, мою мыслительно-креативную безграничность и продолжить, окей?

— Йес, сё! — окончательно сраженный высшей логикой, встал навтыяжку я. — Уат маст ай ду?

— Сиди и не пукай, — улыбнулся ССЖ. — Подывыся кращэ, що зараз будэ!

«В честь лауреата объявляется Конкурс Любви!» — расцветились небеса, и зал снова заревел, бросив стрелку в красную зону. «Это как?» — моргнул я своим новым друзьям Желе и Грибу. «Почэкай, побачышь!» — почему-то тоже по-украински ответили мне они, энергично подмигивая. В зале началось шевеление. Многие зрители повскакивали со своих мест, и потянулись туда, где стоял я. Быстро выстроилась целая очередь. Несмотря на то, что большинство в этой очереди представляли собой глыбы, слитки, вспышки, сгустки, а то и вовсе пустые места, я хорошо понимал, что все эти создания — женского пола. Странно, но вдруг в этой очереди мелькнуло лицо — именно лицо — и причем знакомое. Это была... Боже, это была Алка Сорока! «Алла, Алла!» — радостно замахал ей рукой я, но тут же осекся, потому что через два или три создания за Сорокой из очереди на меня смотрели строгие глаза Марины. «Марин, а ты-то что тут делаешь? — спросил я. — Ты же ушла к Константин Аркадичу?» «Ха, ушла! — спроецировался мне в мозг металлический ответ Марины. — Каб я знала, что ты ежевременную премию подучишь! Что я, дура от второго после СэСэЖ создания во Вселенной уходить! Ну, а уж конкурс-то я точно выиграю! Столько лет тебя... г-м... любила!»

— Елы-палы, так в чем хоть смысл конкурса?! — возопил я.

— Смысл Конкурса Любви в том, чтобы определить создание, которое сильнее всего любит лауреата, — откуда-то сверху и справа пояснил ССЖ. — Допускаются все, включая тех, кто считает, что проникся к нему любовью прямо сейчас, на церемонии — поэтому такая очередь и длинная. Но не все пройдут отбор, — тех, у кого в душе нет ни кварка настоящей любви к тебе, Стена Любви не пропустит.

И точно: стоящая первой в очереди дама в виде обаятельнейшей ящерицы с бронированной грудью пятый номер подошла к мерцающей между возвышением (про себя я назвал его сценой) и трибунами преграде, напоминавшей легкую тюлевую занавеску на окне. Но контакт любвеобильной ящерицы с занавеской оказался совсем не безобидным — послышался гулкой удар, по занавеске пошли мерцающие круги, и ящерица, отскочив на полметра, села на пятую точку, передней лапой потирая шишку на лбу. Зажглась надпись: «В претендентке любви к лауреату не обнаружено!» «Мазафака!» — четко услышал я ментальный посыл неудачницы. В моем взгляде, обращенном на нежное пресмыкающееся, было столько удивления, что дама подхватила и, щебеча: «Ой, это я не вам, не вам!», ретировалась, посылая мне губами мармеладные сердечки. Вторую претендентку — каплю расплавленного металла — постигла та же участь, десяток следующих — тоже. Когда к Стене подошла Сорока, она предусмотрительно прикрыла лоб ладошкой и зажмурилась, но

мерцающая ткань с тонким звоном расступилась, пропуская ее. «В претендентке обнаружена любовь к лауреату!» — зажглись небеса, и трибуны отреагировали ревом на 72 процента возможностей энциклометра. «Привет, Арсений! — чмокнула меня в щеку Сорока. — Я всегда знала, что ты самый необыкновенный парень на свете!» Я улыбнулся, хотел вернуть ей поцелуй, но ССЖ дернул меня за рукав: «Не проявляй ни к кому своего особого расположения, — краешком рта прошептал он. — Это будет несправедливо по отношению к будущей победительнице! Книжку не читал?» Я не понял, какая книжка имеется в виду, но совету внял и целовать Сороку не стал, но она и без того всем видом своим давала понять, что совершенно счастлива. Вслед за ней снова было несколько неудачных попыток, пока очередь не дошла до Марины, без проблем преодолевшей преграду. Марина вышла сцену, гордо подняв подбородок, и встала рядом, бесцеремонно оттеснив Сороку. Дальше шли десятки и сотни неудачных попыток, пока в очереди не показалась Ива. «Стой, не пройдешь, расшибешься!» — подумал я ей. «Почему это? — мысленно фыркнула она в ответ. «Но ведь ты даже просто сказать, что любишь меня, ни разу не захотела, просто, чтобы мне потрафить, просто потому, что я этого так ждал!» — ответил я. «Дурачок! — изогнула губы в презрительной усмешке Ива. — Ты всегда был дурачком, Арсений! Разве слова имеют хоть какое-то отношение к любви?» Она прошла сквозь Стену, будто ее вовсе не было, сухо кивнула мне, наградила ненавидящим взглядом Марину, присела перед ССЖ, и попыталась влезть между ним и мной. «Дамочка, не козлите, встаньте в очередь!» — отшил ее ССЖ. Ива опять фыркнула, и с выражением крайнего неудовольствия пристроилась вслед за Сорокой, нагладив ее взглядом, в котором читалось: «А ты-то еще кто такая?» В зале послышались свистки, вывесились баннеры: «С пляжа нахалюгу!», и Ива притихла. Потом с разными промежутками прошли сквозь Стену черненькая Джой (сказавшая мне: «Хай, диэр! Ремембэ ми?[i]»), казачка Тамара (Ой, Арсений Андреич, я так по вас скучала! То есть, по вам! Или по вас?..), полька Беата (Я знала, что мы еще встретимся!) и брюнеточка Полина из Владимира. Не пропустил барьер рыжую Люду из сметного (А я-то всю жизнь думала, что вас люблю! Вот дура-то!), Ирку Чуприну (Не очень-то и хотелось!) и жену прапорщика Любу (Дурацкая занавеска! Не в том месте любовь ищет!). Необычно повела себя Стена с двумя претендентками — Леночкой Воротниковой из 6-го «А» и матерью двоих детей Наташей. Она не отразила их стеклянным ударом в лоб, а мягко и тягуче не пропустила через себя, и претендентки были вынуждены сами оставить попытки прорваться. «Стена определила, что когда-то в этих женщинах на самом была любовь к тебе, — пояснил ССЖ, — но к настоящему моменту она полностью выветрилась». Очередь уже начинала редеть, когда барьер стремительно преодолела Дарья. «Фу, думала, не успею, в парикмахерской была, мысли в порядок приводила!» — воскликнула она, поправляя прическу, и скромно встала в конце шеренги, демонстративно не глядя на испепеляющую ее взглядом Иву. Наконец, очередь иссякла. «Переходим ко второму этапу!» — возвестила надпись на небе. «Подождите! — поднял руку ССЖ. — Безусловно, забыта одна из главных претенденток! Пригласите!» Все заволновались, закрутили головами, и тогда с самой дальней трибуны поднялась маленькая фигура. Огромное расстояние, отделявшее ее от сцены, она шла бесконечно долго, и я не сразу узнал ее. И только когда подошла достаточно близко, я увидел, что это была мама. «Мама лауреата!» — вспыхнула надпись, и все трибуны встали. Мерцающий барьер даже не пропустил, а расступился перед мамой. Тяжело преодолевая ступеньки, она поднялась на сцену, подошла, взяла меня за руку. «Я так рада тебя видеть! — сказала она. — Думала, уж не придется». «Сюда, — сказал, подвигаясь, ССЖ, и поставил

маму на место, куда так рвалась Ива. — Приступайте ко второму этапу!»

«Начинаем анализ степени любви претенденток к лауреату! — прочитал я. — Главный анализатор — Вселенское Сердце!» От дальнего, темного до сей поры угла сцены отъехал занавес и там, подсвеченное тысячами прожекторов, загорелось ярко-красным невероятных размеров, до неба, сердце, каким его изображают на плакатах в кардиологических кабинетах. «Вселенское сердце — сосуд Божественной Любви!» — пояснила надпись, но, похоже, всем, кроме меня, это и так было известно. Весь зал, который после появления мамы так и не сядил, склонился перед Сердцем в разнообразных формах земного полклона. «Интересно, откуда такой пиетет?» — подумал я.

— Обыкновенное дело, когда речи идет о непосредственно моих произведениях, — ответил ССЖ. — Когда давно я решил что-нибудь посоздать, то сперва замутил Пространство и Время, думая, что остальное моя команда — архангелы и прочие Серафимы Аркадьевны — досоздадут без меня. Но у них из-под штихеля начала выходить по большей части такая мерзость, что я только диву давался. Это они соорудили ад, который упростили меня не трогать, чтобы после них осталось хоть что-то, потому что все остальное было еще хуже. Я долго думал, и создал Любовь. Она служит своеобразной склейкой для Времени и Пространства, как Володин фермент для кокаина и LSD, и с ее помощью у них начало получаться что-то более-менее приличное. Так что Любви не грех и поклониться, все-таки это мое детище!

Мы все, стоящие на сцене, как по команде, повернулись к Сердцу, и тоже отвесили ему низкий поклон. Сердце ответило нам серией бурных радостных сокращений, и из трех черных обрезов сосудов аорты и легочной артерии, как из труб Титаника, пыхнули облачка розоватого пара. «Анализировать будем в порядке появления на сцене», — сказал ССЖ Сердцу, и то согласно ухнуло.

Первой к Сердцу, явно очень робея, подошла Сорока. Сердце словно вздохнуло, надулось, загудело, от него к девушке, как щупальца, протянулись еле видимые красные нити. Сорока, как от удара током, выгнулась, повисла на красных нитях, ее глаза закатились так, что остались одни белки.

— Анализ на любовь — очень энергозатратная процедура, — прошептал мне ССЖ. — Чтобы узнать истинный размер любви, нужно проникнуть в подсознание индивида минимум на три с половиной диаметра Вселенной. Некоторые сознание теряют.

Сорока сознание не потеряла, но когда Сердце перестало гудеть, упала на сцену совсем без сил. «Уровень любви установлен!» — зажглась надпись. Сорока встала, и на дрожащих ногах направилась в шеренгу, с двух сторон ее поддерживали завитки силового поля в виде средневековых рынд. Ее место заняла Марина. С ней сердце гудело меньше, тряски и конвульсий почти не было, поддержка после процедуры ей не понадобилась. Иву трясло еще меньше, она даже уточнила: «Что, уже все?» Зато Джой досталось. Силовые нити мяли ее, как комок теста, то подбрасывая вверх, то чуть не роняя на землю. После окончания анализа она осталась на сцене бездыханная, и целых четыре силовых рынды подняли ее и плавно оттранспортировали на место. Тамара отделалась малой кровью, а вот Беату и Полину потрепало изрядно. Дарью красные нити опутали всю, так, что она стала напоминать кокон, подняли в воздух, несколько минут держали неподвижно, а потом, осторожно опустив на землю, освободили.

— Она там у тебя не беременная часом? — скопил на меня глаза ССЖ. — Сердце редко с кем так деликатничает.

Последняя к Сердцу подошла мама. Сердце, по обыкновению, вздохнуло, и тут же выдало сигнал о том, что анализ закончен. Мама повернулась ко мне, как-то жалобно улыbnулась и отошла в самый конец шеренги. «Ну-с, дамы! — обратился к ним ССЖ. — Теперь вы знаете абсолютно все о своей любви к лауреату, Сердце дало вам развернутый анализ. В третьем туре каждая из вас выйдет и честно, ничего не утаивая, расскажет, так ли велика ее любовь, как ей казалось раньше. «Третий этап! — запылала надпись на небесах. — Определение победительницы!»

Первой, как повелось, вышла Сорока. Она страшно волновалась, и минуту вообще не могла начать.

— Я всю жизнь любила его, — наконец, произнесла она. — До самой смерти. То есть, я думала, что люблю. То есть, я и любила, но не его, а свои воспоминания о нем, о тех сутках, которые мы провели вместе. Странная вещь любовь, оказывается, иногда не поймешь, кого или что ты любишь. Но Сердце мне все четко растабличило, я со всем согласна.

— Как вы думаете, вы победили в конкурсе? — спросил ССЖ.

— Думаю, нет, — покачала головой Сорока, и в ее глазах блеснули слезы.

«У-у-у!» — протяжно и разочарованно загудел зал, — видимо, Сорока всем пришлось по душе. Марина вышла вся какая-то потерянная.

— Я до последней минуты думала, что люблю его, — тихим голосом, глядя куда-то поверх самых верхних трибун, начала она. — Но оказалось, что последние лет двадцать я люблю не его, а нашу семью, сына, дом, уют в доме, наши совместные планы на старость. Я думала, что это — одно и то же, но Сердце считает по-другому. Я была уверена, что у меня нет соперниц, и сейчас мне очень больно, потому, что, видимо, не я буду победительницей.

В зале раздалось еще более протяжное и сочувственное «У-у-у-у!» Марина вернулась на место. Губы ее дрожали, глаза были на мокром месте. Внезапно она упала в объятия Сороки, и обе женщины зарыдали. Вслед за ними зарыдал весь кратер, стрелка эмоциометра ушла далеко влево, в отрицательную, синюю зону. Ива свысока посмотрела на рыдающих женщин и, переступая, как породистая лошадь, своими длинными ногами, вышла к краю сцены.

— Ну, что ж, — усмехнулась она, презрительно поджав губы. — Собственно говоря, я всегда знала, что моя любовь к лауреату — не самое сильное мое чувство. Я вообще думала, что эта дурацкая занавеска меня не пропустит, но, к моему удивлению, что-то все-таки я к нему питаю. Но, думаю, что для победы над этими курицами, квохчущими над своими чувствами к лауреату, этого будет недостаточно. Черт бы побрал это ваше Сердце!

Зал разразился свистом, улюлюканием, возгласами: «Хабалка!», «Растопырка!» и «С пляжа ее!!!», а наиболее радикально настроенные и вовсе требовали оскандалившуюся соискательницу распылить и заформалинить.

— Вообще-то в моем присутствии руководителя конкурирующей организации поминать не принято, — вполголоса произнес ССЖ. — За такое можно было бы и заформалинить, банка с ней украсила бы паноптикум. Но не будем, у нее это от ревности, ревность же суть есть производная от Любви. Правда, размеры ревности и любви в этом создании фантастически диспропорциональны!

— А к кому она ревнует? — поинтересовался я.

— Ты еще спроси, кого! — фыркнул ССЖ. — Понятно, к кому — вон, предпоследней в шеренге топчется.

Я наклонил голову, и посмотрел на Дарью. Та, закрыв глаза, под неслышную мне музыку, видимо, всю шарашащую у нее в голове, отплясывала нечто среднее между

менуэтом и рэпом; стоящая рядом Полина с недоуменным видом прислушивалась к звукам, видимо, пробивавшимся из Дарьи наружу.

— У этой длиннолядой вообще сейчас трудный период, — задумчиво продолжил ССЖ. — Она практически на грани когнитивного диссонанса, разрывается между любовью и ненавистью к одному и тому же человеку.

— Ко мне, штоль? — ухмыльнулся я.

ССЖ посмотрел на меня с сожалением.

— При чем здесь ты? — спросил он. — Ты чего, телевизор только сейчас включил? У нее от ста процентов любви в организме та часть, которая к тебе — ноль целых с закорючкой, Стена Любви прежней версии вообще ее не пропустила бы, не почувствовала бы ничего. Ладно, харэ бубнить, вишь, народ уже извелся, шоумастгоуона хочет!

«Show must go on!» — грянул с небес дуэт Фредди Меркури и Клавдии Шульженко, и кратер взорвался аплодисментами. На центр сцены вышла Джой. «Не жарко?» — крикнул ей Желе, и только сейчас я заметил, что в отличие от остальных претенденток Джой была совершенно голой.

— Ноу, сэнкс! — махнула рукой Джой. — Я привыкать! У меня плотный график, тратиться время на одевание и раздевание... как это?.. нерентабельно, вот! А по поводу любви... Сердце сказала, что при моем образе занятий сохранить в душе столько любви к лауреату после одной встречи несколько лет назад — это совершенно импоссибл. Поэтому оно меня и крутило-винтило столько, проверяло и перепроверяло. Оно говорит, что если бы я была ему... ну, рядом с ним, гёлфренд или вроде этого, то никто не смог бы со мной соревноваться в любви к нему. Но сейчас — нет. Сердце говорит, что... как это по-русски?.. если долго елозить, невозможно не стереть, вот! (зал захохотал). Наверное, я слишком много елозить, и стерлось! (зал забился в истерике). Не повезло, shit! То есть, черт!

Зал лег на лавки, а Джой, махнув рукой, отправилась на место, восхитительно крутя круглыми, как земные полушария на школьной карте, ягодицами, — даже ССЖ не только не обратил внимания на упоминание конкурента, а не удержался и скосил глаза. Шедшие следующими Тамара и Беата отстрелялись быстро и без изысков, честно признавшись, что во времена оные они ко мне разного цвета пламенем горели, но теперь давно остались угольки, радиацию от которых барьер и распознал. Полине Сердце растолковало, что она принимала за любовь свое преклонение провинциалки перед обаятельным москвичом, а только зарождавшейся в ней любви помешало развиваться то, что я прервал с ней отношения после возобновления последних с Ивой. Следующей и предпоследней шла Дарья.

Она перестала пританцовывать и встала, скромно сложив ладошки крестиком на причинном месте.

— Сердце сказала мне, что в настоящий момент я люблю лауреата всей душой своей, всем сознанием и молекулярно-физической структурой, — громко и внятно, как на утреннике, заговорила она. — Оно сказала, что если моей любви дать физическую волю, то здесь сейчас образовалась бы черная дыра размером с полгалактики! (зал завибрировал; «О, дас ист колоссаль! — с немецким прононсом сказал Гриб Желе. — Ихь никто никогда так не любит, натюрлихь!») Конечно, оно допустило, что со временем эта сила может уменьшиться, потому что скоро появится некто, на кого неизбежно перейдет часть любви (она потупила глаза), но все равно это была бы минимум четверть галактики. Я очень надеюсь победить, но есть еще последний претендент.

Дарья скромно отошла в сторону, освобождая место маме. Мама вышла, и долго

молчала. Потом, встав вполоборота ко мне и к залу, она сказала:

— Сердце не стало мне ничего растолковывать, потому что я сама все прекрасно знаю, и единственное, что мне нужно, это быть честной с самой собой. Я всегда любила лаур... моего мальчика, но когда изредка приходило время анализировать свой внутренний мир, я всегда давала себе отчет, что первым в моей душе всегда был его отец, мой любимый муж, наш папочка, а потом уже он, наш ребенок. Мне нечего стыдиться, но, получается, что с точки зрения любви к моему сыну той девочке, которая выступала передо мной, я не конкурент.

Мама склонила голову и, ни на кого не глядя, ушла.

— Держись, — сочувственно шепнул мне ССЖ. — Не хотел бы я узнать, что моя мама любит кого-то больше меня, даже если этот кто-то — я сам!

Я непонимающе посмотрел на ССЖ, но в этот момент на все небо вспыхнула надпись «ДАРЬЯ!», и мой собеседник уже вовсю размахивал руками, вместе со всеми приветствуя победительницу.

Зал неистовствовал, стрелка билась в конвульсиях, лежа на упоре. Дарья вышла на авансцену, мириады прожекторов высветили ее крохотную фигуру и ее огромную, в несколько тысяч километров проекцию на небесном своде. То и дело прижимая ладони к покрасневшимся щекам, она кланялась, приветственно махала рукой посылая залу воздушные поцелуи. Откуда ни возьмись на ее голове появилась корона из огромного красного рубина, искусно выточенного в виде сердца, в обрамлении золотых солнечных лучей и бриллиантов размером со спичечный коробок. Невидимый оркестр грянул «All You Need Is Love», вспыхнула надпись: «Вселенная приветствует победительницу Конкурса Любви!» Зал встал, закланялся в пояс и земно, отчего по трибунам побежали гигантские волны.

— А победительница получает какой-то приз? — поинтересовался я.

— Здорово живешь, конечно! — ответил ССЖ. — Какой же конкурс без приза! Сейчас сам все увидишь.

И точно, на сцене появилось уже поднос, перекинутый украинским шитым рушником, над которым, паря в пространстве, сияла маленькая, но ослепительно яркая звезда.

— Что это? — воскликнул я, закрываясь от невыносимого света.

— Как что? Главный приз, — улыбнулся ССЖ, — корпускула истинной любви, микрочастица той, изначальной, реликтовой, абсолютно чистой любви, созданной мной. Раритетная вещь, ей минимум двадцать миллиардов лет.

— И что она делает, что дает? — спросил я.

— Что делает? — переспросил ССЖ. — Ничего не делает, вечно горит себе в груди того, кому она вложена. А что дает? Дает истинную, непреходящую, неугасимую и неодолимую любовь к своему предмету. Навеки, навсегда, несмотря ни на что. Предмет может состариться, обрюзгнуть или вовсе стать козлом, алкоголиком и перетрахать всех соседок по лестничной площадке. Но тому, у кого в груди звезда истиной любви, это будет конкретно до лампочки, он все равно будет любить свой предмет, как Ромео Джульетту. Ну, или наоборот, как она его. Короче, до смерти. Такая вот штука, ага.

Тем временем поднос с корпускулой подплыл к удивленно шурящейся на него Дарье. Внезапно звезда вспыхнула еще ярче, Дарья охнула, прикрыла глаза рукой, отвернула голову, и в этот момент звезда, словно пуля, ударила ее в грудь. Дарья задрожала, засветилась вся изнутри, раскинула в стороны руки, ее ноги отделились от земли, и она повисла в метре над

сценой, поддерживаемая невидимым полем. Зал безумствовал, на ускоренный мотивчик Энигмовской «Gravity Of Love»[ii] исполняя нечто вроде коллективного кан-кана.

— Ничего себе эффект! — восхитился я.

— То ли еще будет! — подмигнул мне ССЖ. — Так, а ты-то что хочешь в виде премии своей?

— Я? — растерялся я. — Что хочу? А что можно хотеть-то?

— Да что угодно! — хохотнул ССЖ. — От пожизненного запаса Луи Рёдерер Кристалл Брют и выше.

— А... вечную жизнь можно? — прищурился я, лихорадочно перебирая варианты. — Ну, бессмертие, то есть.

— Некорректный запрос, — поморщился ССЖ. — В этом измерении все равно все бессмертны, а награждать лауреата тем, что у его и так есть, уж больно разводкой пахнет — нехорошо, не по-пацански. Давай что-нибудь другое.

— Да не знаю я, чего пожелать, — растерялся я. — Чего будет, то и будет.

— О, вот и ладушки! — обрадовался ССЖ. — А то иногда такое пожелают, что просто руками хочется развести. Значицца, так. Предлагаю тебе весь следующий период бесконечности быть навроде моего полномочного представителя на вашей планете и во всей вашей звездной системе. Все, что положено по должности — всезнание там, всесилие, разумеется, умение пальцами щелкать, прилагается. Связь со мной в любое время, даже когда я в планово-предупредительном отпуске. Как тебе идея?

— Да ничего себе идея! — восхитился я. — Я уж постараюсь оправдать доверие!

Я аж глаза закрыл от открывающихся перспектив. Сколько пользы я принесу на таком посту и с такими возможностями! Остановлю военные конфликты, накормлю голодных, поборю СПИД и Эболу, всем мужикам выправлю потенцию, — короче, всех сделаю добрыми и счастливыми!

— Ну, ты остынь! — прочитал мои мысли ССЖ. — Разбежался! Ты думаешь, что если бы я мог, я сам бы давно всего этого не сделал бы? Все проблемы, о которых ты подумал, органически присущи людям, вообще всему физическому миру, каким его эти дурачки создали. Хорошо еще, что хоть Любовь им помогла, самые большие косяки подрихтовала! Не могу же я взять, и перечеркнуть все, что сделали мои же собственные творения, сиречь, я сам? Закон, как говорится, обратной силы не имеет. Так что ты это брось — одним рукавом махнул, оттуда счастье с радостью, другим махнул — оттуда справедливость с потенцией. Смотри на вещи прагматично.

— Это что ж за всесилие такое? — надул губы я. — Получается, ничего я и не смогу?

— Сможешь, сможешь! — засмеялся, похлопывая меня по плечу, ССЖ. — Уж возможностей у тебя будет побольше, чем у Доктора Манхэттена, Хэнкока и Супермена вместе взятых! Раз, эдак, в сто-пятьсот, ха-ха! И это не здесь, где такими кунштюками никого не удивишь, это в вашем, реальном, так сказать, мире, где толщу вод морских раздвинуть или солнце на небосводе остановить — упаришься!

— А, ну, ладно! — успокоился я. — А то я уж было подумал, что все несерьезно, понарошку.

— Серьезно, еще как серьезно! — подтвердил ССЖ. — Континентами сможешь и Тетрис играть, сатурнианские кольца на ось бытия закидывать! Главное, о последствиях не забывать. Готов?

— Готов! — вытянулся во фронт я.

— А-атлично! — рявкнул ССЖ. — Вот только что с победительницей делать прикажешь?

— А что? — не понял я. — Что с ней нужно делать? Почему с ней что-то нужно делать? Она со мной будет.

— Э, нет, милоч! — замотал перед моим носом пальцем ССЖ. — Теперь вместе вам быть не выйдет. У нее теперь Вечная Любовь в груди, ей такой же в пару нужен, чтоб тоже светился, чтобы вечно друг дружку, так сказать, кохаты.

— Так а мне, что, тоже нельзя звезду в грудь? — осторожно поинтересовался я.

— Нет, нельзя, — цыкнул зубом ССЖ. — Или туда, или сюда. Или мой полпред, или звезда в грудь, выбирай.

— А в качестве осуществления первого желания в качестве полпреда нельзя? — попытался выкружить я.

— Не к лицу хитрить лауреату, — поморщился ССЖ. — Давай, определяйся уже, гости фуршета ждут.

Я посмотрел на зал — все молчали, всем тем, что заменяло этим таким разным существам глаза, глядя на меня. Стрелка эмоциометра стояла вертикально, готовая к движению в любую сторону в зависимости от моего решения. Я посмотрел на Дарью — она, светясь, все так же парила над сценой. Да, как же это прекрасно — всю жизнь любить друг друга, несмотря ни на что, ни на какие жизненные перипетии, наслаждаясь каждой секундой, проведенной вместе, ничего, кроме как быть рядом, от жизни не желая. Это — сказка, извечная мечта человека о счастье! И простив этого — всесилие, могущество, возможность многое в жизни всего человечества сделать лучше, чем теперь. Собственно говоря, думать тут не о чем, выбор очевиден.

— Я выбираю любовь, — ответил я.

Я сказал это отчего-то хрипло и несильно, но зал услышал, и триллионы децибелл взорвали тишину; стрелка эмоциометра упала в красную зону и сломалась.

— Молодец, — сказал ССЖ, и я четко ощутил слезы в его глазах. — Верно выбрал! Никакая власть, никакая сила, даже самая добрая и правильная, не заменит настоящей, истинной любви!

В его руке появилась такая же звезда, и он, словно шар по дорожке, пустил ее в мою сторону. Звезда проникла в мою грудь, все тело мое словно пронзил ток. Сжавшиеся, как пружины, мышцы подкинули меня вверх, и я с удивлением обнаружил, что не опускаюсь на сцену. И еще я весь светился.

— Ну, давайте же, идите! — воскликнул ССЖ, и мы с Дарьей, как космонавты в невесомости, поплыли друг к другу.

Над серединой сцены мы встретились, я протянул к ней руки, и она вплыла в мои объятия.

«Горь-ко, горь-ко!» — заскандировали трибуны. Она потянулась ко мне губами, и я ответил на поцелуй. Это был самый восхитительный поцелую в моей жизни, ее губы плавилась в моем рту, истекая хмельным медом, я пил его, теряя рассудок. Все мысли, проблемы, вопросы уплывали из моей головы легким кальянным дымком. Я почувствовал, что куда-то лечу, ее веки распахнулись и, как в евпаторийском детстве, я нырнул в ее цвета моря бездонные глаза.

Вода окружала нас, она была повсюду. Сначала я испугался, инстинктивно задержал дыхание, но Дарья взяла меня за запястье, улыбнулась, показывая мне, как заправский

ныряльщик, два пальца, соединенные кольцом — знак «окей», «все в порядке». Ее рот был открыт, грудь вздымалась и опускалась, — она дышала, дышала водой! «Вдохни, не бойся! — услышал я ее голос у себя в голове. — Делай, как я!» Переступить через страх, запрет, табу, впустить в легкие смертельно опасную воду казалось невозможно, но Дарьины глаза излучали уверенность, они не могли лгать или ошибаться. К тому же невыносимо хотелось дышать, и я вдохнул. Вода вошла в меня, заполнила рот, защекотала нёбо, легкие наполнились ею, и я вдохнул, вдохнул полной грудью. Дарья с каким-то дельфиньим присвистом описала вокруг меня восьмерку, и я увидел, что вместо ступней у нее ласты. То есть, ласты не были надеты на нее, они были ее плотью, органическим продолжением мышц, связок, костей, кожи. Я опустил взгляд и увидел у себя такие же. Пошевелил ими, и непривычная сила сразу бросила меня вперед на несколько десятков метров. Дарья с гиканьем и смехом догнала меня.

— Ну вот, ты и освоился! — радостно воскликнула она. — Правда, здесь здорово?

— Правда, — ответил я, испытывая непередаваемый восторг от того, что дышу водой. — А почему мы здесь? Как мы здесь оказались?

— Ну, ты же сам захотел, разве ты не помнишь? — округлила на меня глаза Дарья. — Нас спросили, что на Земле ты любишь больше всего, и ты ответил: «Море». Все еще рассмеялись, потому что ни имели в виду место, где жить, и подумали, что ты не понял и ответил, что любишь меня.

— И мы будем жить здесь всегда? — спросил я, ощутив неожиданный прилив тоски по суше, зелени, деревьям, скалам и снегам.

— Да как угодно! — закрутилась пируэтом Дарья. — Захотим, останемся здесь, захотим, выйдем на сушу или полетим на Юпитер. Я хотела бы родить здесь, знаешь, это здорово, когда дети рождаются в морской воде, эта среда после девяти месяцев в утробе матери им гораздо более привычна, чем воздух.

— Как скажешь, — улыбнулся я, испытывая тонкую и очень волнующую радость от того, что согласен с нею.

— Ура! — закричала Дарья, закружилась юлой, взбив вокруг себя, как в бокале шампанского, сверкающую пенную мантию. — Давай наперегонки!

Она кинулась бежать, то есть, плыть, лететь в толще воды со все увеличивающейся скоростью, но скоро я догнал ее, схватил, сжал в объятиях, и мы полетели дальше, как одно большое целое. К нам присоединились радостно щелкающие дельфины, мы щекотали их гладкие серые бока, дельфины переворачивались на спину, складывали ласты и улыбались в точности, как смешные пушистые котята. Потом мы устали и отдыхали на спине огромного синего кита, которого звали Петрович. Познакомиться с нами приплыла большая тигровая акула, страшная модница, и в знак дружбы мы вплели в ее плавники красивые красные банты и подарили совершенно замечательную несмываемую помаду. Проплывая над Марианской впадиной, мы отважились на рекордное погружение, но почти сразу же вернулись из-за жуткого холода и совершенно беспросветной темноты, решив, что повторим эскападу позже, тщательно утеплившись и взяв с собой светящихся рыб-фонариков. Потом мы занимались любовью, а вслед за этим пришел голод. Мы ели какие-то невероятные, сочные водоросли, нам предлагали себя в жертву омары и устрицы, но мы сочли совершенно невозможным лишать их своей по-своему неповторимой членистоногой жизни. Потом мы просто лежали рядом, я прижимался ухом к Дарьиному животу и пытался расслышать шевеления нашей дочки, но, конечно, было еще слишком рано.

— Я буду очень любить ее, — говорил я, думая о том, сколько любви я не додал первым своим детям.

— Больше, чем меня?! — с деланным возмущением восклицала Дарья.

— Одинаково, — успокаивал я ее. — Я буду любить вас одинаково. Ведь она — честь тебя, а значит, часть моей вечной любви. Вы обе и есть моя любовь, я не смогу разделять вас. Дарья смеялась и целовала меня в нос и в губы.

— А как мы назовем ее? — спрашивал я. — Может быть, Дарья-2?

— Нет, мы назовем ее в честь твоей мамы, — серьезно отвечала Дарья. — Она будет Наталия, Наталия Арсеньевна.

Потом мы уснули на теплой упругой подушке из горячих струй, бивших из жерла подводного вулкана, а вокруг нас поднимались, смешно покалывая наши тела, мириады газовых пузырьков. И засыпая, я испытывал это ни с чем не сравнимое, самое волшебное, неповторимое, невоспроизводимое, огромное и всезатмевающее чувство — любовь к существу рядом со мной, и ничего кроме него, ничего больше него я не желал, и не понимал, как что-то еще можно желать.

Я проснулся с ощущением, что что-то не так. Дарья спала рядом, подложив под голову большую мягкую губку. Я не мог понять, что разбудило меня, что беспокоит, только точно совершенно знал, что нужно уходить. Разбудить ее, предупредить? Нет, в этом не было необходимости, ведь, должно быть, я не надолго. Как можно надолго оторваться от этих губ, глаз, груди, бедер, лона, от этого восхитительного желания всегда, постоянно, каждое мгновение быть рядом с нею? Я соскользнул с поддерживающей нас бьющей вертикально вверх струи и взмахнул ластами. Странно, но ничего не произошло, я не сдвинулся с места ни на миллиметр. Я замолотил ногами, зная, что при столь интенсивных движениях мы развивали такую скорость, что за нами не могли угнаться не только дельфины, но даже стремительные парусники и синие марлины. Никакого эффекта, с таким же результатом я мог махать руками на воздухе, рассчитывая взлететь. Более того, я начал медленно погружаться. Я ухватился за коралловый куст, росший на склоне вулкана, но меня тянуло вниз с такой силой, что я вырвал несчастное растение с корнем. Вулкан стоял на самом краю Марианского разлома, прямо над Бездной Челленжера, и я погружался в ее оглушительную глубину со все возрастающей скоростью.

— Дарья! — позвал я. — Даша!

Дарья подскочила, словно ее стегнули плетью.

— Ты где? — вскрикнула она, крутя головой. — Арсений, любимый, где ты?!

Дарья опустила глаза и увидела меня. Она прыгнула в воду, как пловец с тумбочки в бассейне, как будто это все и так не происходило на глубине стольких метров под уровнем моря. Она мощно заработала руками, движения ее ласт слились в один вихрь. Я протянул руку ей навстречу, сейчас наши пальцы коснутся друг друга, сольются в монолитный замок, и я начну подъем с глубины. Но удивительно: Дарья тоже стояла на месте, не приближаясь ко мне ни на сантиметр. Хотя, нет, она не стояла на месте, она... поднималась!

— Нет! — закричала она, что есть силы тяня ко мне руку. — Арсений, нет!

Я слышал хруст ее сухожилий, видел отчаяние и слезы в ее глазах, но ничего не мог поделать, и с каждой секундой расстояние между нами становилось все больше. В огромном облаке пузырьков, пронзенных ослепительным лучом солнечного света, Дарья поднималась, удаляясь от меня, и я понимал, что навсегда. У нее уже не было ласт, и последнее, что я видел, были ее круглые пятки, бьющие по воде в бесплодной попытке что-то сделать, что-то

поменять, повернуть. Но вот не стало видно и их, остался только кокон из пузырьков, стремительно уменьшавшийся в беспредельной толще воды у меня над головой. Я прищурился, и вдруг понял, что это не пузырьки, а бабочки.

— Прощай! — из всех легких крикнул я. — Я люблю тебя!

— ... люблю тебя! — донесла морская вода, но был ли это ответ, или просто эхо, понять было невозможно.

Я погружался все глубже. Становилось холодно и темно, словно все вокруг накрывал стремительный экваториальный закат. У меня над головой проплыла циклопических размеров тень, я узнал Петровича. Кит что-то сочувственно крикнул, но я промолчал, зная, что и он не в силах мне помочь — я был намного ниже его предельной глубины. Вскоре свет прекратил проникать сквозь толщу воды, значит, я был на глубине больше километра. Но абсолютной темноты не было и здесь — ко мне подплывали светящиеся рыбы, недоверчиво смотрели на меня и уплывали, унося с собой свой свет. Три, четыре, пять — отщелкивал километры невидимый счетчик. Страшно не было, наоборот, как тогда, в детстве, я чувствовал какое-то умиротворение, как будто после огромной, бесконечно-тяжелой дороги возвращаюсь домой. Вот только становилось все холоднее, я уже не мог пошевелить даже пальцем на руке. Вода вокруг стала тягучей, как кисель, чудовищное давление делало ее все более непригодной для дыхания. Я подолгу втягивал ее в себя, едва успевая закончить вдох к тому моменту, когда тело уже требовало новой порции. Семь, восемь, девять километров. В абсолютной, непроницаемой темноте я чувствовал приближение дна. Вот ноги мои коснулись мягкого песка, я достиг предела. Неудержимо хотелось уснуть, и я лег на спину. Холод и давление сковали меня, придавили неподъемной каменной плитой.

Прямо надо мной я увидел маленькую светлую точку, — хотя, может быть, это мозг создавал галлюцинации. Но точка увеличивалась, приближалась, и на поверку оказалась падающей вслед за мной монеткой. Монетка падала ребром и, слегка колеблясь, посверкивала каким-то собственным, внутренним светом. Вот она достигла дна и медленно улеглась в песок рядом с моей головой. Я скосил глаза — это был советский гривенник 1967 года выпуска. Господи, откуда он здесь? Неужели?.. Ну да, точно: я помню, как в тот незабываемый день перед отъездом из Евпатории, когда я пошел прощаться с Морем, я не опустил последний сэкономленный на чем-то гривенник в служившую мне копилкой литровую банку, а взял с собой на пляж. Это точно был именно он, потому что я брезговал обычными монетами, с номиналом и годом выпуска на аверсе, а собирал только юбилейные, с памятником покорителям космоса на фоне восходящего солнца. Я собирался кинуть ее в воду, чтобы обязательно вернуться, но потом случилась вся эта катавасия с моим спасением, и гривенник так и остался лежать в застегнутом на пуговицу заднем кармане шорт на прибрежном песке. Правда, когда уже в Москве я разбираю вещи, монетки там почему-то не оказалось. Это удивило, но быстро забылось. Или я все-таки кинул монетку в Море перед заплывом? Как бы то ни было, я вернулся.

От надоедливого посверкивания монетки я закрыл глаза и начал считать удары сердца. Раз, два, три... че-тыре... пя-а-а-а... Ха, смешно: «Кукушка, кукушка, сколько мне осталось?» Сердце остановилось. Странно, я всегда так боялся этого момента, но сейчас мне так легко, так хорошо... Я дома, рядом мама, папа, Сорока, Ива — все очень по-разному, но такие близкие мне люди! Вот только Дарьи нет рядом... То есть, хорошо, что она не здесь, где нет и не может быть ничего живого! Просто как бы мне хотелось последний раз взглянуть в ее глаза... Но вокруг только черная, непроницаемая огромность воды, моря. Да,

вокруг лишь море, море, море... Жаль, что у моря нет имени, по имени проще было бы попрощаться с ним. Хотя, нет, почему? Море совсем не безлико, у него есть имя! Море зовут... Море зовут Талата, море зовут — Дарья! Так это тебя я любил всегда, всю жизнь, с той самой минуты в детстве, в Евпатории, когда лишь случайность помешала нам слиться, стать единым целым. Ведь это ты сейчас вокруг меня, повсюду, снаружи и во мне. Это ты, твоя вода, твои руки, губы, волосы. Это в твоих глазах я тону и умираю, это до них в этот последний миг я могу дотянуться, дотронуться взглядом, мыслью, всем своим существом. Этот взгляд твоих глаз — последнее и единственное, что я унесу с собой туда, где мы с тобой останемся, наконец-то, вместе, навсегда.

[i] Привет, милый! Помнишь меня? (англ.)

[ii] «Притяжение любви» (англ).

Из полицейского рапорта

«Сегодня, 30 августа 2013 года, в 23–05 на номер телефона Дежурной части ГУВД г. Москвы был получен звонок от гражданина Н.В.Попирайко, 1975 года рождения. Он заявил, что в течение нескольких последних часов был вовлечен в операцию по изобличению некоего Эскерова А.М., 1965 г.р., подозреваемого в убийстве своей жены, Эскеровой И.Г., 1966 г.р. и еще одного лица, по фамилии Киблахов. Причем якобы Эскеров А.М. инсценировал собственное убийство, в котором, в свою очередь, ему удалось обвинить гражданина Костренёва А.А., 1962 г.р. Попирайко заявил, что в его распоряжении находится видеозапись с признанием Эскерова А.М. в убийстве Киблахова, из которой ясно, что Эскеров присвоил документы убитого и сам назвал его именем. Также Попирайко заявил, что в настоящий момент изобличивший Эскерова Костренёв занят поиском неустановленного лица, также причастного к упомянутым убийствам. По сведениям Попирайко, телефон указанного неустановленного лица несколько часов назад находился по адресу: Прудовой проезд, дом 13, строение 29, гаражный кооператив (ГСК). При этом телефон Костренёва А.А. уже час как недоступен, в то время, как упомянутый номер продолжает прозваниваться. Попирайко высказал предположение, что целесообразно выслать наряд в указанный ГСК, так как он считает, что жизнь Костренёва может подвергаться опасности.

Информация была зарегистрирована и передана дежурному по УВД СВАО г. Москвы. Проведенная оперативная проверка показала, что человек с паспортом на имя Киблахова А.С., 1966 г.р., сегодня в 21–37 сотрудниками скорой помощи был найден мертвым с признаками насильственной смерти в квартире по адресу: ул. Абельмановская, 10/2, корп.3, кв.8, принадлежащей Костренёву А.А. По факту возникшего подозрения Костренёва А.А. в убийстве Киблахова А.С. по адресу ГСК, указанного Попирайко, был направлен наряд полиции, прибывший на место в 00–40 30 августа. По адресу прибытия на заброшенном не эксплуатирующемся ГСК у бокса номер 72 был обнаружен включенный мобильный телефон, на стук в ворота бокса 72 никто не ответил. Было принято решение ломать ворота. Внутри бокса было обнаружено тело Костренёва А.А. с признаками смерти от кровопотери, а также тела Эскеровой Д.А. 1994 г.р., и Лещёвой Т.Ф., 1965 г.р. с признаками смерти от передозировки наркотиков. Однако прибывшие работники скорой помощи факта смерти Эскеровой Д.А. не подтвердили, и проведенными мероприятиями она была реанимирована. В настоящий момент Эскерова Д.А. находится в Городской клинической больнице № 40 в палате интенсивной терапии. Когда позволит состояние ее здоровья, с Эскеровой будут проведены следственные действия. Старший оперуполномоченный старший лейтенант полиции Диденко В.Г.»

Из истории болезни

«30.08.13 г. Пациентка Эскерова Дарья Аббасовна, 19 лет, была обнаружена экипажем скорой помощи, выехавшем по вызову сотрудников полиции примерно в 01–15 без признаков жизни с внешними симптомами наркотической интоксикации

(предположительно героином). Пульс не определялся, температура тела 30,2С, кожные покровы синюшные. Установлено слабое дыхание, измерено давление 60/35, начаты мероприятия по сердечно-легочной реанимации (СЛР). Проведены интубация трахеи, интенсивная вентиляция легких О 100 %. Введен норадреналин 4 мг на 250 мл 5 % раствора глюкозы внутривенно, атропина сульфат 1 мг внутривенно с контролем ЭКГ. Отмечена желудочковая тахикардия (ЖТ), введен лидокаин 50 мг внутривенно. На фоне отсутствия каких-либо специфических изменений сердечного ритма произошла внезапная остановка сердца. Введен адреналин 1 мг внутривенно, принято решение о проведении дефибрилляции. После первого разряда 200Дж сердечный ритм не восстановился. Введен адреналин 1 мг внутривенно, осуществлен второй разряд 200Дж, сердечный ритм не восстановился. Введен адреналин 1 мг внутривенно, осуществлен третий разряд 360Дж, появился пульс, сердечный ритм восстановился. В качестве специфического антидота введен Налоксон 0,8 мг. Состояние пациента выровнялось, пульс 85/40, температура 31,5С, кардиограмма нормальная. Больная доставлена в Отделение интенсивной терапии ГКБ № 40».

«31.08.13 г. Осмотр пациентки Эскеровой Д.А., 1994 г.р. Диагноз — наркотическая интоксикация. Состояние — стабильное, давление 100/60, температура 34,7С, пульс 55. В результате химико-токсикологического исследования крови пациентки обнаружены следы опиатов и кокаина. Также тест показал предположительно наличие в крови пациентки диэтиламид d-лизергиновой кислоты (ЛСД), вероятно, в сочетании с неустановленным химическим соединением. По концентрации следов опиатов можно сделать вывод, что пациентка приняла дозу наркотика (героин), которую можно охарактеризовать как «очень высокую», или «смертельную», предположительно 1,0 г или больше. С учетом этого факт успешной реанимации пациентки после предполагаемого приема большой дозы наркотиков, и практически нормализация ее состояния менее чем через сутки можно охарактеризовать как чрезвычайно маловероятные события. Это, а также полное отсутствие у пациентки каких-либо объективных или субъективных признаков абстиненции быть объяснены индивидуальной резистентностью к наркотическим веществам, а также, возможно, результатом действия неустановленного химического вещества, следы которого были обнаружены в крови пациентки в результате тест-исследования на ЛСД. Пациентка переведена в общую палату.

Р.С. По заявлению пациентки, она беременна».

«02.09.13 г. Пациентке Эскеровой Д.А. проведен тест на содержание в крови хорионического гонадотропина. ХГЧ обнаружен, содержание 300 мЕд/мл, что соответствует 1–1,5 неделям беременности».

«03.09.13 г. Проведено УЗИ матки, предположительно установлена беременность 1,5 — 2 недели. Проведено гинекологическое обследование пациентки. Шейка матки размягчена, предположительно подтверждена беременность 1,5–2 недели».

«09.09.13 г. Пациентка Эскерова Д.А., 1994 г.р. выписана из стационара. Общее состояние удовлетворительное, жалоб нет. Психофизическое состояние несколько угнетенное (по ее словам, из-за недавней смерти близких людей и утомительных визитов сотрудников полиции). С пациенткой проведена разъяснительная беседа об опасности и вреда от приема наркотических средств. Реакция на разъяснение внятная, положительная. Содержание ХГЧ в крови 4500 мЕд/мл, что соответствует 2–3 неделям беременности. Отношение к беременности позитивное, пациентка твердо настроена рожать.

Рекомендовано амбулаторное наблюдение у акушера-гинеколога по месту жительства».

Конец

Больше книг на сайте - Knigoed.net